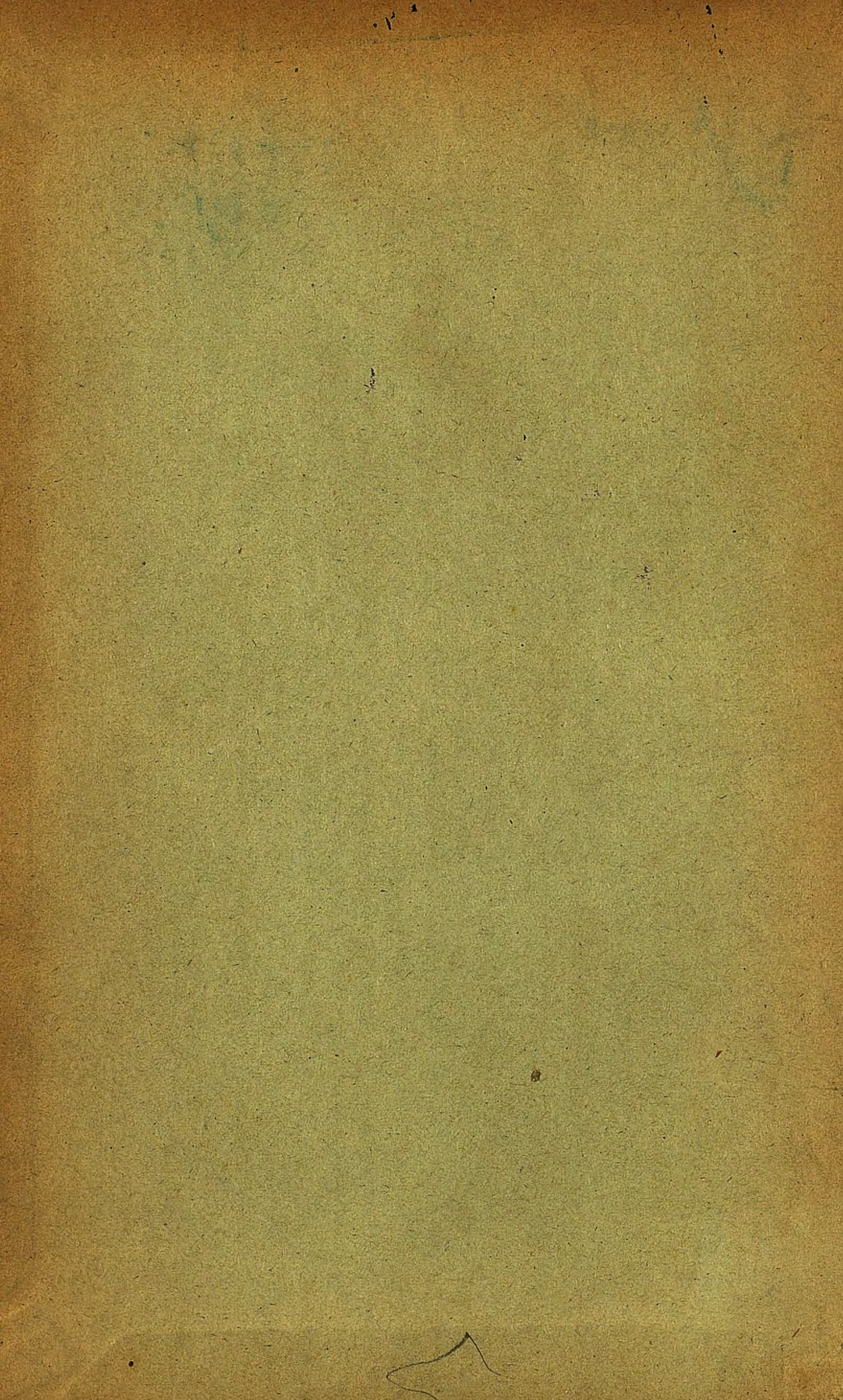
A14 3/42



ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ

И

ИНОСТРАННЫЕ ДВОРЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

С. С. ТАТИЩЕВА.

Предисловіе.—Поѣздка Императора Николая въ Англію.—Императоръ Николай и Австрійскій дворъ.—Императоръ Николай и Іюльская монархія во Франціи. — Императоръ Николай и Прусскій дворъ.—Императоръ Николай и Прусская армія.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Императоръ Вильгельмъ I о Россіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова, (Надеждинская, д. 39).
1889.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ

И

ИНОСТРАННЫЕ ДВОРЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

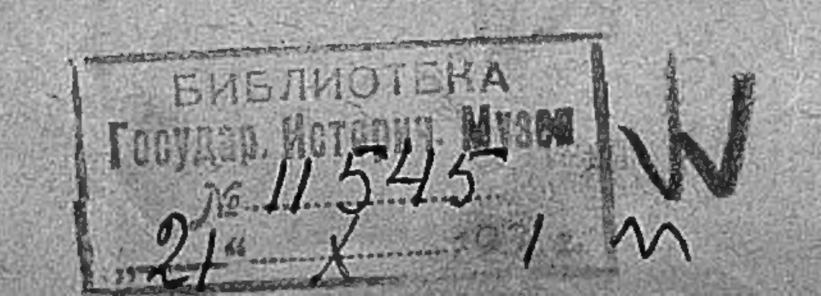
С. С. ТАТИЩЕВА.

Предисловіе.—Поѣздка Императора Николая въ Англію.—Императоръ Николай и Австрійскій дворъ.—Императоръ Николай и Іюльская монархія во Франціи. — Императоръ Николай и Прусскій дворъ.—Императоръ Николай и Прусская армія.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Императоръ Вильгельмъ I о Россіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова, (Надеждинская, д. 39).
1889.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

*

Стр.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Императоръ Вильгельмъ I о Россіи.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ вторую книгу свою объ императорѣ Николаѣ, я умѣстнымъ считаю возразить на главное изъ замѣчаній сдѣланныхъ мнѣ критикою по поводу перваго моего изслѣдованія, посвященнаго внѣшней политикѣ этого государя [1].

Меня обвиняютъ въ томъ, что, подводя итоги ошибкамъ, совершеннымъ нашею дипломатіею въ тридцатилѣтнее николаевское царствованіе, я вину за нихъ возлагаю на одно дипломатическое вѣдомство, выгораживая самого монарха отъ всякой отвѣтственности. Упрекъ этотъ донесся до меня даже изъ охранительнаго лагеря, не говоря уже о либеральномъ, публицисты котораго заподозрили самую искренность моего труда. «По изложенію г. Татищева,»—увѣряетъ г. Слонимскій въ «Вѣстникѣ Европы»,—«выходитъ, что наши дипломаты при императорѣ Николаѣ I не только не выражали истинныхъ намѣреній и цѣлей русскаго правительства, но даже противодѣйствовали имъ въ угоду Австріи или Англіи, какъ будто графъ Нессельроде самъ назначилъ себя министромъ иностранныхъ дѣлъ и не имѣлъ надъ собою никакой власти, а баронъ Брунновъ насильно присвоилъ себѣ званіе русскаго представителя въ Лондонѣ». Тоже въ сущности говоритъ и г. Мартенсъ въ предисловіи своемъ къ VIII тому издаваемаго имъ «Собранія трактатовъ и конвенцій» (почему не просто «договоровъ»?), утверждая, «что императоръ Николай I былъ единственнымъ руководителемъ

---

[1]) *Внѣшняя политика императора Николая I.* Введеніе въ исторію внѣшнихъ сношеній Россіи въ эпоху Севастопольской войны. Спб. 1887.

русской политики, неподдававшимся никакимъ постороннимъ вліяніямъ».

Выводить изъ моей книги заключеніе, будто я изобразилъ въ ней Незабвеннаго чѣмъ-то въ родѣ Лудовика XIII, безпрекословно подчиняющагося внушеніямъ кардинала Ришельё, въ образѣ графа Нессельроде, — явная натяжка, на которой не стоитъ и останавливаться. Всякій, знакомый съ моимъ первымъ изслѣдованіемъ, признаетъ, что въ немъ нѣтъ и тѣни чего-либо подобнаго, ничего, что намекало бы на насилованіе желѣзной воли государя робкими и тщедушными дипломатами, трепетавшими при одной мысли навлечь на себя его гнѣвъ или неудовольствіе. Самъ императоръ Николай былъ, конечно, также убѣжденъ, что имѣетъ въ нихъ, какъ и во всѣхъ прочихъ своихъ слугахъ, лишь покорныхъ и преданныхъ исполнителей высочайшихъ предначертаній, что ясно выражено имъ самимъ въ слѣдующей резолюціи, начертанной на одномъ докладѣ, съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ по восшествіи на престолъ: «Не наводите на мысль, *что нѣтъ у меня строго опредѣленной воли* относительно всего, что касается до дѣлъ имперіи, Провидѣніемъ мнѣ ввѣренной, ибо я сомнѣваюсь, чтобы кто-либо изъ моихъ подданныхъ осмѣлился не дѣйствовать въ моемъ смыслѣ тотчасъ по объявленіи ему моей *точной* воли» [1]).

Но вѣдь это только одна сторона вопроса, а для правильнаго его разрѣшенія необходимо разсмотрѣть его и анализировать и съ прочихъ сторонъ. При ближайшемъ, основанномъ на изученіи подлинныхъ документовъ, ознакомленіи не съ одними политическими воззрѣніями, но и со всѣмъ умственнымъ складомъ и нравами дипломатовъ Нессельродовской школы, нельзя не прійти къ сознанію, что они не только не придерживались одинаковаго съ государемъ образа мыслей и чувствъ, но исповѣдовали взгляды прямо ему противоположные.

Такъ, ни для кого теперь не тайна, что императоръ Николай былъ русскимъ человѣкомъ въ полномъ и лучшемъ

[1]) Приводимъ во французскомъ подлинникѣ эту характерную резолюцію императора Николая на запискѣ отъ 28 января (7 февраля) 1826 года генералъ-адьютанта князя Меншикова о возложенномъ на него порученіи отправиться въ Тифлисъ для объясненія съ Ермоловымъ: «Sans donner à croire à ce général *que je n'ai pas ma volonté trés précise* sur tout ce qui regarde les affaires de l'Empire que la Providence m'a confié, vu que je doute que qui que ce fût de mes sujets ose ne pas marcher dans mon sens sitôt que ma volonté *précise* lui est intimée».

смыслѣ этого слова, самымъ «національнымъ» изъ всѣхъ монарховъ, занимавшихъ до него престолъ Петра Великаго. Онъ любилъ Россію горячо и страстно, «служилъ» ей съ беззавѣтными ревностью и самоотверженіемъ. Все русское, во всѣхъ проявленіяхъ государственной и общественной жизни было мило и дорого его отеческому сердцу, вызывало его заботливость и попеченіе. Онъ вѣрно постигъ и точно опредѣлилъ тріединое начало нашего историческаго бытія: *православіе, самодержавіе, народность*,—строго и послѣдовательно проводилъ его въ личной своей политикѣ, не только внутренней, но и внѣшней. Онъ вѣрилъ въ Святую Русь, въ ея міровое призваніе, трудился ей на пользу и неустанно стоялъ на стражѣ ея чести и достоинства.

Не таковы были его дипломатическіе совѣтники и представители. Всѣ они, почти безъ исключенія, были инородцы по происхожденію, иновѣрцы по религіи, чуждые Россіи по воспитанію своему, по родственнымъ связямъ, по образу жизни, по усвоеннымъ привычкамъ и пріемамъ. Незнакомые ни съ языкомъ, ни съ исторіею русскаго народа, они являлись убѣжденными сторонниками того довольно распространеннаго въ Западной Европѣ ученія, которое на Россію взирало какъ на грубую матеріальную силу, на безсознательное орудіе въ рукахъ просвѣщенныхъ дипломатовъ, направляемое ими въ смыслѣ огражденія и отстаиванія такъ называемыхъ началъ «высшаго порядка», служенія интересамъ совокупной Европы и ея цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи всѣ отличительныя и характерныя особенности русскаго народнаго духа служили лишь помѣхою нашей «внѣземельной» дипломатіи. Окружая господствующую православную церковь наружнымъ почтеніемъ, она втихомолку пѣняла на нее и даже глумилась надъ нею. Русское самодержавіе приравняла къ идеалу полицейскаго государства, выработанному на Западѣ Меттернихомъ и его послѣдователями. О русской же народности вовсе не было помина, тяготѣніе къ ней единокровныхъ и единовѣрныхъ племенъ выдавалось за тяжкое преступленіе, за посягательство на державныя права иностранныхъ государей. Словомъ, на Россію съ одной стороны, на Европу съ другой, русскіе дипломаты того времени смотрѣли лишь чрезъ европейскіе очки, жили умомъ Запада, руководились его волею.

Трудно себѣ представить болѣе разительный контрастъ

между царемъ и его слугами, и мыслимо ли, чтобы подобное противорѣчіе не отразилось на ходѣ и исходѣ политики русскаго двора? Такъ и было въ дѣйствительности, и катастрофою, завершившею царствованіе императора Николая, Россія главнымъ образомъ обязана коренному недоразумѣнію между волею рѣшающею и тѣми руками, коимъ ввѣрялось приведеніе въ исполненіе ея рѣшеній.

Попытаемся выяснить это столь роковое для Россіи недоразумѣніе.

Доселѣ, по нашему мнѣнію, мало обращено было вниманія на тотъ несомнѣнный историческій фактъ, что при воцареніи своемъ императоръ Николай нашелъ между занимающими важныя государственныя должности немалое число лицъ, непринадлежащихъ ни къ господствующей церкви, ни къ русской народности, и хотя удержалъ бо́льшую ихъ часть, но естественную ихъ убыль пополнялъ впослѣдствіи лицами православными по вѣрѣ и русскими по имени. Таковыми были всѣ назначенные имъ министры, генералъ-губернаторы, высшіе придворные чины. Инородцамъ, большинство которыхъ въ нашей службѣ составляли нѣмцы, пришлось довольствоваться при немъ второстепенными должностями, какъ въ войскѣ, такъ и въ гражданскомъ управленіи. Въ доказательство этого положенія приведемъ нѣсколько именъ. Предсѣдатели государственнаго совѣта — князь Лопухинъ, князь Кочубей, графъ Новосильцовъ, князь Чернышевъ; министры: военные—Татищевъ, графъ Чернышевъ, князь Долгоруковъ; морской—князь Меншиковъ; внутреннихъ дѣлъ—графъ Кочубей, Закревскій, Блудовъ, графъ Перовскій, графъ Строгоновъ, Бибиковъ; финансовъ—Вронченко, Брокъ; юстиціи—Дашковъ, графъ Панинъ; народнаго просвѣщенія—графъ Уваровъ, князь Ширинскій - Шихматовъ, Норовъ; государственныхъ имуществъ—графъ Киселевъ. Намѣстниками императора были: въ Царствѣ Польскомъ—князь Паскевичъ, на Кавказѣ—графъ Воронцовъ; первымъ министромъ двора—князь Волконскій; оберъ-гофмаршаломъ—графъ Шуваловъ. Генералъ-губернаторскія должности занимали—Голенищевъ-Кутузовъ, Шульгинъ, Закревскій, Бибиковъ, князь Долгоруковъ, графъ Воронцовъ, князь Суворовъ и многіе другіе родовитые представители русскихъ дворянскихъ домовъ. Last not least упомянемъ о личномъ другѣ и довѣреннѣйшемъ совѣтникѣ государя графѣ Орловѣ.

Такого рода подборъ не можетъ быть объясненъ простою

случайностью. Онъ былъ несомнѣнно результатомъ опредѣленной системы, которая хотя и не исключала инородцевъ и иновѣрцевъ изъ государственной службы, но не допускала ихъ въ составъ высшаго правительства, и кругъ ближайшихъ сподвижниковъ и сотрудниковъ государя ограничивала природными русскими [1]). Система эта одинаково примѣнялась ко всѣмъ вѣтвямъ и отраслямъ управленія имперіею, за исключеніемъ одного министерства иностранныхъ дѣлъ.

Отчужденіе русской дипломатіи въ руки инородцевъ состоялось задолго до вступленія императора Николая на престолъ. Въ другомъ мѣстѣ я подробно изслѣдовалъ этотъ важный историческій вопросъ, въ связи съ уклоненіемъ политики русскаго двора въ XIX столѣтіи отъ преданій трехъ предшествовавшихъ вѣковъ [2]). Здѣсь достаточно будетъ припомнить, что наплывъ чужеземцевъ въ наше дипломатическое вѣдомство хотя и начался при Петрѣ Великомъ, но до воцаренія Александра I они бо̀льшею частью занимали второстепенныя должности въ канцеляріяхъ какъ центральной коллегіи, такъ и заграничныхъ посольствъ. Тѣмъ не менѣе чрезмѣрное размноженіе ихъ въ этихъ должностяхъ уже давно возбуждало опасеніе въ русскихъ дипломатахъ-патріотахъ, одинъ изъ которыхъ, графъ С. Р. Воронцовъ, тотчасъ по назначеніи, въ 1802 году, брата своего графа Александра Романовича государственнымъ канцлеромъ, сталъ настаивать на необходимости положить конецъ этому ненормальному порядку, несогласному съ пользами и посягающему на самую безопасность государства.

Въ запискѣ, представленной брату, графъ Семенъ приписывалъ наводненіе дипломатическаго вѣдомства инородцами тому обстоятельству, что въ началѣ Екатерининскаго царствованія тогдашній первоприсутствующій въ коллегіи графъ Н. И. Панинъ ввѣрилъ управленіе своей канцеляріи финляндцу Алопеусу, который и сталъ покровительствовать своимъ единовѣрцамъ, какъ пришлымъ изъ Германіи, такъ и уроженцамъ прибалтійскаго края. По свидѣтельству Воронцова, въ первый

---

[1]) Исключеніе изъ подтвержденнаго столькими примѣрами общаго правила составляетъ лишь графъ Бенкендорфъ, первый главный начальникъ III отдѣленія и шефъ жандармовъ. Что же касается до графовъ Адлерберга и Клейнмихеля, то они хотя и носили иностранныя имена, но были вполнѣ русскими по воспитанію и православными по исповѣданію.

[2]) См. мое изслѣдованіе: *Русская дипломатія старая и новая*, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за январь 1887 года.

годъ царствованія Благословеннаго число чиновниковъ въ иностранной коллегіи и подвѣдомственныхъ ей учрежденіяхъ возрасло до 300, изъ коихъ 160, т. е. болѣе половины, не были русскіе и не принадлежали къ господствующей церкви. Графа возмущало, что нѣтъ націи или религіи въ Европѣ, которыя не насчитывали бы нѣсколькихъ представителей въ этомъ вѣдомствѣ. «Изъ него,» читаемъ въ запискѣ, «не исключено никакое званіе или происхожденіе. Есть тамъ сыновья пасторовъ, есть сыновья курьеровъ, портныхъ, лавочниковъ, фельдшеровъ, лакеевъ и что всего прискорбнѣе,—такъ это то, что многіе изъ этихъ господъ, успѣвъ лѣтъ тридцать назадъ овладѣть управленіемъ канцелярій, постоянно старались устранять русскихъ и вводить лицъ одного съ собою сорта. Только такимъ и даютъ занятія, чѣмъ увѣковѣчивается необходимость держать ихъ на службѣ, такъ какъ истинные подданные государства, на которыхъ можно положиться, оставаясь безъ работы, не имѣя познаній, почерпаемыхъ въ одной практикѣ, становятся дѣйствительно неспособными на всю жизнь служить государству, а между тѣмъ справедливость и здравая политика требуютъ, чтобы ихъ однихъ и употребляли въ дѣло». Признавая такой порядокъ въ высшей степени вреднымъ для интересовъ имперіи, графъ предлагалъ учредить особое дипломатическое училище, въ которое принимались бы одни только русскіе дворяне православнаго исповѣданія, съ тѣмъ, чтобы ими замѣщать впредь всѣ должности въ иностранной коллегіи и въ канцеляріяхъ посольствъ [1]).

Состоявшееся годъ спустя удаленіе отъ дѣлъ государственнаго канцлера графа А. Р. Воронцова и замѣна его во главѣ дипломатическаго вѣдомоства княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ не только не благопріятствовали осуществленію предположеній графа Семена Романовича, но имѣли ближайшимъ послѣдствіемъ именно то, что онъ стремился предовратить: полный переходъ завѣдыванія нашими внѣшними дѣлами въ руки лицъ иностраннаго происхожденія. Тогда-то, за исключеніемъ небольшаго промежутка отъ Тильзитскаго мира до начала Отечественной войны, широко распахнулись двери нашего Посольскаго Приказа для инородцевъ самыхъ разнообразныхъ національностей. Въ русскую службу вступали, не имѣя ни малѣйшаго понятія о Россіи и, разумѣется, не давая себѣ труда хотя бы поверх-

[1]) Записка графа С. Р. Воронцова, отъ 30 октября (11 ноября) 1802 года.

ностно ознакомиться съ русскимъ языкомъ, эмигранты всякаго рода: французы и итальянцы, поляки и греки, толпа нѣмцевъ всевозможныхъ оттѣнковъ. Самъ Александръ «чувствовалъ зло», какъ признавался въ одномъ изъ писемъ къ адмиралу Чичагову, но не въ силахъ былъ ему противиться [1]).

Во главѣ этой разномастной дипломатіи, являвшей по смѣшенію языковъ совершенное подобіе вавилонскаго столпотворенія, съ 1814 года поставленъ былъ человѣкъ, въ лицѣ своемъ совмѣщавшій разнообразнѣйшіе инородческіе элементы, всѣ одинаково чуждые Россіи. То былъ графъ К. В. Нессельроде, сынъ нѣмца-католика, уроженца изъ Вестфаліи, который прежде чѣмъ вступить въ русскую службу, служилъ послѣдовательно Австріи, курфирсту-Палатину, голландской республикѣ, королямъ французскому и прусскому. Это, на языкѣ авантюристовъ XVIII вѣка, называлось «искать приключеній и счастья». Мать молодаго Нессельроде была обращенная въ протестантизмъ дочь банкира-еврея изъ Франкфурта-на-Майнѣ. Самъ онъ родился посреди лиссабонскаго рейда, на палубѣ англійскаго фрегата, окрещенъ по англиканскому обряду, а воспитаніе получилъ въ одной изъ берлинскихъ гимназій. Разумѣется онъ не умѣлъ ни говорить, ни писать по-русски. По общему свидѣтельству современниковъ, онъ былъ воплощенною бездарностью и,—какъ мѣтко выразилась остроумная наблюдательница, графиня Эделингъ, въ своихъ Запискахъ,—«представлялъ изъ себя разительный примѣръ притягательной силы, существующей между ничтожествомъ и фортуною».

Какъ судили русскіе люди о нашей дипломатіи въ эпоху вѣнскаго конгресса, можно видѣть изъ слѣдующаго отзыва одного изъ самыхъ умныхъ и образованныхъ молодыхъ офицеровъ, сопровождавшихъ императора Александра на конгрессъ, будущаго военнаго историка, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, такъ начинавшаго свой дневникъ за вторую половину 1815 года: «Россія являетъ единственный примѣръ въ мірѣ, что дипломатическій корпусъ ея состоитъ бо̀льшею частью изъ иностранцевъ. Не всѣмъ имъ извѣстенъ нашъ языкъ и немногіе изъ нихъ бывали въ Россіи далѣе Петербурга. Сосчитавъ по адресъ-календарю нынѣшняго года всѣхъ чиновниковъ, употребленныхъ Россіею въ извѣстныхъ посольствахъ, я на-

---

[1]) Императоръ Александръ I адмиралу Чичагову, 9 (21) марта 1806.

шелъ, что ихъ семьдесятъ три человѣка, между которыми только пятнадцать русскихъ именъ. Фуль, Поццо, Капо, Тейль—вотъ странный подборъ именъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ посланниковъ: Фуль въ Голландіи, Поццо-ди-Борго въ Парижѣ, Каподистрія въ Швейцаріи, а Тейль фонъ-Сераскеркенъ въ Неаполѣ.... Даже нѣтъ надежды, чтобы въ нашъ вѣкъ мѣста русскихъ министровъ при чужестранныхъ дворахъ были заняты настоящими русскими, по той причинѣ, что молодые люди, служащіе при различныхъ посольствахъ и слѣдственно готовящіеся со временемъ заступить высшія дипломатическія степени, происходятъ изъ фамилій иностранныхъ, частью изъ Остзейскихъ губерній, частью изъ поселившихся въ Петербургѣ въ теченіе XVIII столѣтія. Этотъ классъ людей получаетъ обыкновенно хорошее воспитаніе, но основанное на космополитическихъ правилахъ. Они много знаютъ, но ничего не чувствуютъ къ Россіи. Умъ ихъ и память обогащены познаніями, но душа ихъ и сердце не напитаны истинною любовью къ отечеству, привязанностью къ престолу и уваженіемъ къ русскимъ нравамъ и обычаямъ [1])».

Пока еще Каподистрія дѣлилъ съ Нессельроде завѣдываніе внѣшними сношеніями Россіи, дипломаты съ русскими именами продолжали являться дѣятелями по крайней мѣрѣ въ восточной политикѣ, занимая такіе важные посты какъ Вѣна и Царьградъ. Но когда интригѣ Меттерниха удалось низвергнуть «апокалипсическаго Іоанна», какъ называлъ онъ ненавистнаго ему хотя и не русскаго, но все же православнаго министра, то вслѣдъ за Каподистріей не замедлили удалиться и дипломаты-патріоты бывшіе усердными его помощниками, графы Строгановъ и Головкинъ, князь Козловскій. Преемниками ихъ явились инородцы и иновѣрцы, бо̀льшею частью изъ выслужившихся разночинцевъ, происхожденіе которыхъ указано въ приведенной выше запискѣ графа С. Р. Воронцова.

Изъ нихъ главнымъ образомъ и состояла русская дипломатія при воцареніи императора Николая, какъ доказываетъ обнародованный въ адресъ-календарѣ за 1826 годъ списокъ, въ коемъ «состояніе чиновъ» показано по 13 Декабря 1825 года, т. е. по самый день восшествія молодаго государя на престолъ.

Изъ этого поучительнаго документа мы узнаёмъ, что общее

---

[1]) Изъ неизданнаго дневника генерала Михайловскаго-Данилевскаго за 1815 годъ.

число чиновниковъ иностранной коллегіи составляло 408 человѣкъ, изъ нихъ 173 или 42% съ русскими именами, а 235 или 58% съ иностранными. Но отношеніе это измѣнится въ пользу иностранцевъ, если не принимать въ соображеніе чиновъ центральной коллегіи и подвѣдомственныхъ ей учрежденій внутри имперіи, гдѣ изъ общаго числа 214 приходилось 110 русскихъ на 104 иностранца, другими словами 51% первыхъ противъ 49% вторыхъ. Собственно же на дипломатическихъ должностяхъ за границею числилось 194 лица, изъ нихъ только 63 русскихъ (32%), а 131 иностранецъ (68%). Итакъ отношеніе между русскими и чужеземцами въ 1826 году опредѣляется въ слѣдующихъ числахъ: по внутреннему управленію коллегіи — почти на половину; по заграничнымъ должностямъ—одна треть противъ двухъ; въ общей сложности — около двухъ пятыхъ противъ трехъ.

Но цыфры эти выражаютъ только количественное отношеніе. Отношеніе качественное оказывается еще болѣе выгоднымъ для иностранцевъ. Они преобладаютъ въ канцеляріи коллегіи, въ состоящихъ при ней секретныхъ экспедиціяхъ, русскіе же являются въ большинствѣ лишь въ такъ называемой Публичной Экспедиціи, соотвѣтствующей нынѣшнимъ Департаментамъ Внутреннихъ Сношеній и Личнаго Состава, да въ Московскомъ Архивѣ.

А вотъ нѣсколько примѣровъ распредѣленія по національностямъ должностей въ чужихъ краяхъ. Два посла въ Парижѣ и Лондонѣ — оба иностранцы. Изъ 21 посланника, считая въ ихъ числѣ и прочихъ начальниковъ миссій, 6 русскихъ и 15 иностранцевъ, но тогда какъ первые занимаютъ мѣста посланниковъ въ Вѣнѣ, въ Дрезденѣ, въ Мюнхенѣ, въ Римѣ и простыхъ повѣренныхъ въ дѣлахъ въ Гагѣ и во Флоренціи, послѣдніе представляютъ Россію въ Берлинѣ, въ Копенгагенѣ, въ Мадритѣ, въ Неаполѣ, въ Стокгольмѣ, въ Карлсруэ, въ Туринѣ, въ Филадельфіи, во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ Константинополѣ, въ Гамбургѣ, въ Краковѣ, въ Лиссабонѣ, въ Бернѣ и въ Тегеранѣ. Среди чиновниковъ канцелярій посольствъ и дипломатическихъ миссій хотя и приходится 32 русскихъ на 58 иностранцевъ, но отношеніе это призрачное, такъ какъ совѣтники и секретари—почти сплошь иностранцы, русскіе же либо состоятъ сверхъ штата, либо довольствуются скромною ролью канцелярскихъ служителей. Изъ 20 генеральныхъ консуловъ, русскихъ 3;

изъ 20 консуловъ — одинъ; изъ 18 вице-консуловъ и консульскихъ агентовъ—ни одного [1]).

Дѣйствительно за тридцать лѣтъ николаевскаго правленія это и безъ того ненормальное племенное отношеніе въ нашей дипломатической службѣ измѣнилось въ еще бóльшій ущербъ русской народности. Съ приведенными выше цыфрами возьмемъ для сравненія числа, почерпнутыя изъ адресъ-календаря за послѣдній годъ царствованія—1854-й.

По внутреннимъ должностямъ . .	135	русскихъ	122	иностранца;	итого	257.
По должностямъ за границею . .	38	»	163	»	»	201.
Въ общей сложности	173	»	285	»	»	458.

Сравнивая ихъ съ данными 1826 года, увидимъ, что по внутреннимъ должностямъ отношеніе почти не измѣнилось, такъ какъ на 52% русскихъ, иностранцевъ приходится 48%. За то по должностямъ заграничнымъ, вмѣсто прежняго отношенія 32% къ 68% получимъ 19% къ 81%, другими словами, вмѣсто отношенія одной къ двумъ третямъ,—одной къ четыремъ пятымъ. Соотвѣтственно сему и въ общей сложности, вмѣсто двухъ пятыхъ противъ трехъ, получаемъ одну треть русскихъ на двѣ трети иностранцевъ.

Разумѣется, нимало не улучшилось и качественное отношеніе. Всѣ вліятельнѣйшія мѣста какъ внутри, такъ и внѣ, были отданы чужеземцамъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что мало-по-малу изъ дипломатическаго состава исчезли экзотическіе элементы французскихъ эмигрантовъ и выходцевъ изъ прочихъ странъ Западной Европы и были замѣнены почти сплошь на Западѣ — нѣмцами, а греками и левантинцами—на Востокѣ [2]).

Предоставляю читателямъ судить, насколько дипломаты подобнаго рода могли служить пригодными исполнителями несомнѣнно благихъ предначертаній императора Николая на пользу и славу Россіи? Если даже допустить, что всѣ они честно и добросовѣстно относились къ своимъ обязанностямъ, то можно ли было ожидать отъ наемниковъ, чтобы они вносили въ свою дѣятельность ту пламенную и страстную любовь, то беззавѣтное самоотверженіе, съ коими относятся къ служе-

---

[1]) Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ или общій штатъ Россійской имперіи въ лѣто отъ Р. Х. 1826-е. Часть 1-я, стр. 304—326.

[2]) Адресъ-Календарь. Общая Роспись всѣхъ чиновныхъ особъ въ государствѣ. 1854. Часть 1-я, стр. 135—140.

нію родной землѣ прирожденные сыны ея? Но на дѣлѣ было не такъ, и за весьма немногими исключеніями дипломаты Нессельродовской школы и не думали отрѣшиться отъ своихъ предубѣжденій противъ священныхъ завѣтовъ, думъ и вѣрованій русскаго народа.

Я уже упомянулъ о возраженіи: «не самъ же графъ Нессельроде назначилъ себя министромъ иностранныхъ дѣлъ»? Конечно, не самъ, но и не императоръ Николай, который не назначалъ его, а унаслѣдовалъ отъ высокочтимаго брата и предшественника. Вспомнимъ, съ какимъ благоговѣніемъ относился Николай Павловичъ къ памяти Благословеннаго и мы поймемъ, почему онъ, за исключеніемъ Аракчеева, не удалилъ ни одного изъ министровъ, которыхъ засталъ при вступленіи на престолъ.

Но, оставляя на своихъ мѣстахъ и Нессельроде, и всѣхъ его сотрудниковъ, молодой императоръ сразу съумѣлъ наложить на внѣшнюю политику свой личный отпечатокъ, придать ей направленіе своеобразное, національное, при которомъ не было и рѣчи о подчиненіи пользъ и нуждъ Россіи такъ называемымъ общимъ интересамъ совокупной Европы. Плодами такой политики явились: на Востокѣ—славныя войны Персидская и Турецкая, запечатлѣнное Адріанопольскимъ миромъ возрожденіе Эллады, обезпеченное Ункіаръ-Искелесскимъ договоромъ преобладаніе Россіи на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова.

Всѣ эти успѣхи были не по сердцу русскимъ дипломатамъ, признавались ими «неудобными», тѣмъ болѣе, что ближайшими сподвижниками императора являлись въ нихъ лица, не принадлежавшія къ дипломатическому сословію и къ тому же природные русскіе: генералъ-адъютанты его величества Орловъ, Киселевъ, Муравьевъ. Ревностью своею и энергіею они, въ возлагаемыхъ на нихъ чрезвычайныхъ порученіяхъ, съ избыткомъ возмѣщали недостатокъ усердія и доброй воли, проявляемый записными дипломатами. Если-бы послѣдніе осмѣлились выказать свое нерасположеніе къ личной политикѣ государя открытымъ противодѣйствіемъ или хотя-бы противорѣчіемъ, то ясно, что они были бы всѣ мгновенно снесены однимъ дуновеніемъ высочайшихъ устъ. Но дорожа прежде всего своими мѣстами, они предпочли робко притаить дыханіе и подъ личиною наружной покорности терпѣливо ожидать наступленія событій, которыя позволили бы имъ безъ всякой опасности для себя снова напра-

вить русскую политику въ излюбленное русло западно-европейскихъ теченій.

Такимъ именно событіемъ и была французская революція 1830 года. Она и сопровождавшія ее возстанія въ Бельгіи, въ Германіи и въ Италіи, а главное въ Царствѣ Польскомъ, вызвали коренной переломъ въ воззрѣніяхъ императора Николая на внѣшнюю политику. Государю показалось, что всѣ эти волненія грозятъ опасностью самой Россіи и что интересъ ея требуетъ оказать монархіямъ Запада дѣятельную поддержку въ борьбѣ ихъ съ революціоннымъ движеніемъ. Разумѣется, русская дипломатія, какъ одинъ человѣкъ, старалась поддержать въ немъ это заблужденіе. Дѣятельнымъ подстрекателемъ ея, какъ и за десятилѣтіе предъ тѣмъ, явился Меттернихъ. Памятуя успѣхъ своихъ внушеній Александру I во время Тропаускаго конгресса, онъ настоялъ на личномъ свиданіи между императорами русскимъ и австрійскимъ, отъ котораго Николай Павловичъ уклонялся съ самаго своего вступленія на престолъ. Свиданіе состоялось въ Мюнхенгрецѣ осенью 1833 года и открыло собою новую эру въ направленіи николаевской политики.

Состоялся обширный заговоръ съ цѣлью опутать сѣтями и совлечь съ національнаго пути русскаго государя, и въ заговорѣ томъ, руководимомъ и направляемомъ австрійскимъ канцлеромъ, соучастницею иностранцевъ явилась русская дипломатія. Все, что могло возбудить гнѣвъ или неудовольствіе императора Николая противъ дворовъ вѣнскаго или берлинскаго, тщательно утаивалось ею, и, напротивъ, ярко выставлялись на показъ обстоятельства, свидѣтельствовавшія яко-бы о преданности и признательности этихъ дворовъ могучему защитнику монархическаго начала и законности въ Европѣ.

Винить ли государя за то, что онъ не разгадалъ этой коварной игры и такъ легко вдался въ обманъ? Но вѣдь всѣ свои впечатлѣнія императоръ Николай воспринималъ отъ двухъ категорій лицъ, съ которыми исключительно обсуждалъ дипломатическіе вопросы: отъ иностранныхъ государей и членовъ ихъ домовъ и отъ дипломатовъ, своихъ и чужихъ. Всѣ они повторяли ему въ одинъ ладъ одни и тѣ же напѣвы. Возвышенная душа его была чужда всякой подозрительности, а предостеречь его было некому: русская общественная мысль дремала въ безмолвіи, на которое была обречена во внѣшней по-

литикѣ едва ли не болѣе, чѣмъ во внутренней. Къ тому же заговорщики хорошо изучили характеръ государя и дѣйствовали на слабую струну его, безпредѣльное великодушіе, коимъ онъ гордился не только за себя, но и за Россію. Взывая къ его безкорыстію имъ удалось достигнуть такихъ уступокъ, которыхъ не могла бы исторгнуть у него самая бѣдственная война. Семь лѣтъ послѣ Мюнхенгрецскаго свиданія императоръ Николай добровольно поступился въ пользу «европейскаго концерта» правомъ своимъ на преобладаніе въ Турціи, утвержденнымъ за нимъ Ункіаръ-Искелесскимъ договоромъ.

Впрочемъ плоды отъ такого самоотреченія оказались до того горькими и выразились въ столь полномъ упадкѣ нашего значенія на Востокѣ, что императоръ Николай не разъ имѣлъ поводъ усомниться въ достоинствахъ навязанной ему политики и уже помышлялъ о возвращеніи къ направленію первыхъ лѣтъ своего царствованія, когда революціонная буря 1848 года снова отвлекла его вниманіе отъ Востока на Западъ. Не въ расчетѣ на благодарность государей и народовъ—онъ давно уже извѣрился въ ней—а во исполненіе того, что считалъ своимъ высшимъ царственнымъ долгомъ, онъ великодушно протянулъ руку помощи своимъ погибавшимъ союзникамъ и спасъ австрійскаго императора отъ торжествующаго мятежа мадьяръ, а короля прусскаго—отъ мести австрійцевъ за попытку извергнуть ихъ изъ Германіи.

И вотъ, императоръ Николай, подобно Александру Благословенному, провозглашается спасителемъ Европы. Это-ли не торжество дипломатической доктрины, о которой я упоминалъ выше? А Россія? Неужели и ей угрожала всемірная революція? Всеконечно, отвѣчаютъ дипломаты, неимѣющіе ни малѣйшаго понятія о русскомъ народѣ, съ его государственными и общественными идеалами. Отнынѣ непоколебимъ и неразрывенъ возрожденный къ новой жизни Священный союзъ, твердый устой, о который разобьются революціонныя волны.

Надежда эта могла бы оправдаться лишь въ томъ случаѣ, если бы дѣйствительно Австрія и Пруссія, подобно Россіи, цѣлью своей политики ставили поддержаніе въ Европѣ status quo въ томъ видѣ, въ какомъ оно было установлено международными договорами. Но въ томъ-то и дѣло, что честолюбію обѣихъ германскихъ державъ не удовлетворялъ существующій порядокъ; что и Австрія и Пруссія ничего столь страстно не желали

какъ его насильственнаго ниспроверженія: Австрія—потому что она не могла помириться съ предоставленнымъ Россіи трактатами правомъ покровительства православному населенію Востока; Пруссія—потому что въ той же Россіи она видѣла главное препятствіе къ осуществленію своихъ замысловъ, направленныхъ къ объединенію Германіи подъ главенствомъ дома Гогенцоллерновъ. Ни та, ни другая не были искренни въ своихъ отношеніяхъ съ нами и вполнѣ сходились съ Англіею и Франціею въ признаніи необходимости при первомъ удобномъ случаѣ общими силами разгромить Россію, задержать ея государственный ростъ, ослабить могущество.

Не было недостатка въ указаніяхъ на такое единомысліе между нашими союзниками и противниками. Заигрыванье Вѣны съ Парижемъ, Берлина съ Лондономъ, началось задолго до возникновенія спора о Святыхъ мѣстахъ, но его не замѣчала или, вѣрнѣе, не хотѣла замѣчать русская дипломатія. Допустить, что вся Западная Европа общимъ врагомъ своимъ считаетъ вовсе не революцію, а Россію значило бы сознаться въ непрерывномъ рядѣ вольныхъ и невольныхъ заблужденій за цѣлое полустолѣтіе. Источникъ самоотверженія—патріотизмъ, а его-то и не хватало у русскихъ дипломатовъ. Имѣвшіе очи, чтобы видѣть—не видѣли и уши, чтобы слышать—не слышали, до тѣхъ поръ, пока надъ Русскою землею не разразилась гроза общеевропейской коалиціи.

Потекла русская кровь, русскіе предѣлы на Сѣверѣ и на Югѣ подверглись иноземному вторженію. Графъ Нессельроде вынужденъ былъ признать, что вслѣдствіе ожесточенія враговъ и измѣны друзей имперія очутилась на краю бездны. Но какъ онъ, такъ и его сподвижники не думали покаяться въ грѣхахъ своихъ. Они предпочли подражать примѣру своихъ предшественниковъ, тѣхъ русскихъ дипломатовъ, которыхъ наканунѣ двѣнадцатаго года Карамзинъ достойно заклеймилъ слѣдующими вызывающими на глубокое размышленіе словами: «Сіи несчастные, видя бѣду думали о пользѣ своего личнаго самолюбія; всякій изъ нихъ оправдывался, чтобы винить монарха!»

Исторія не подтвердитъ этихъ нареканій слугъ нерадивыхъ и недостойныхъ на государя ихъ и благодѣтеля. Она засвидѣтельствуетъ, что императоръ Николай не былъ сообщникомъ свой дипломатіи: онъ самъ былъ обманутъ ею. [1])

---

[1]) Къ сознанію этому пришелъ и императоръ Николай, къ сожалѣнію

Воздать должное памяти Незабвеннаго—таково назначеніе предлагаемой книги. Въ ней я особенное вниманіе обратилъ на личныя отношенія императора Николая къ иностраннымъ дворамъ, разъясняющія и подтверждающія взглядъ, высказанный мною въ предисловіи. Отрывочная форма очерковъ зависитъ отъ имѣвшагося въ моемъ распоряженіи историческаго матеріала. Государственные архивы понынѣ остаются для меня недоступными, и мнѣ приходится довольствоваться документами, случайно попадающими мнѣ въ руки. Тѣмъ не менѣе, всѣ онѣ подвергаются строгой критической провѣркѣ, а многіе обнародываются здѣсь въ первый разъ.

Татищевъ.

Февраль 1889 года.
С.-Петербургъ.

слишкомъ поздно. «Меня всякій можетъ обмануть *разъ*» —писалъ онъ Паскевичу отъ 3 (15) іюля 1854 года,—«но зато послѣ обмана, я уже никогда не возвращаю утраченнаго довѣрія».

ПОѢЗДКА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ВЪ АНГЛІЮ.

ПОѢЗДКА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ВЪ АНГЛІЮ.

Сношенія Россіи съ Англіею въ царствованіе императора Николая подвергались частымъ, можно сказать, даже непрерывнымъ колебаніямъ и перемѣнамъ. То дружественныя и даже союзныя, то натянутыя и холодныя, наконецъ, открыто враждебныя, они зависѣли не столько отъ измѣненія политическихъ условій, въ коихъ стояли одно къ другому оба государства, сколько отъ личныхъ воззрѣній и стремленій министерствъ разныхъ партій, смѣнявшихся у власти въ Лондонѣ.

Императоръ Николай, при вступленіи своемъ на престолъ, былъ лично расположенъ къ Англіи и искренно желалъ приступленія ея къ охранительному союзу великихъ державъ материка. Независимо отъ этого желанія, онъ сознавалъ пользу соглашенія съ сентъ-джемскимъ дворомъ для умиротворенія Греціи, изнемогавшей въ продолжительной неравной борьбѣ со своими мусульманскими притѣснителями. Личному вліянію его на лорда Веллингтона, посланнаго привѣтствовать его съ воцареніемъ отъ имени короля Георга IV, слѣдуетъ приписать заключеніе С.-Петербургскаго протокола 1826 года по греческимъ дѣламъ, положившаго начало вмѣшательству европейскихъ державъ въ пользу возставшихъ грековъ. Послѣдствіями этого акта былъ тройственный союзъ Россіи, Англіи и Франціи, Наваринскій бой, освобожденіе Эллады.

Русско-турецкая война 1828—29 годовъ и блестящій Адріанопольскій миръ нарушили наше доброе согласіе съ Англіею. Уже преемникъ Каннинга, Веллингтонъ, сталъ обнаруживать недовѣріе и подозрительность по отношенію къ Россіи. Въ десятилѣтнее управленіе внѣшними дѣлами Великобританіи лорда Пальмерстона (1830—1840) политика лондонскаго кабинета

приняла рѣшительно враждебный для насъ оборотъ. Начала, ею руководившія, были прямо противоположны тѣмъ, что усвоилъ русскій дворъ со времени вѣнскаго конгресса. Вездѣ и всюду она покровительствовала стремленіямъ народовъ къ представительному образу правленія и изъ-подъ руки ободряла и поддерживала народныя волненія въ Испаніи и Португаліи, въ Италіи и Греціи, въ Бельгіи и Германіи. Вступивъ въ тѣсный союзъ съ Франціею Орлеановъ, Англія являлась, сверхъ того, и непосредственною противницею Россіи въ Польшѣ, на Босфорѣ, за Кавказомъ. Англійское золото щедрою рукою расточалось врагамъ Россіи всякаго рода, польскимъ революціоннымъ выходцамъ и мятежнымъ кавказскимъ горцамъ. Во всѣхъ политическихъ вопросахъ на Востокѣ и на Западѣ Россія всегда встрѣчала злобное и упорное сопротивленіе и противодѣйствіе англичанъ.

Между обѣими державами отношенія обострялись иногда до такой степени, что можно было ожидать немедленнаго возникновенія войны. Такъ было въ 1833 году, когда русскія сухопутныя и морскія силы заняли Босфоръ для огражденія Султана отъ нападенія Египетскаго паши, и три года спустя, вслѣдствіе взятія нами въ призъ англійской шхуны «*Виксенъ*», занимавшейся провозомъ военной контрабанды на восточномъ побережьѣ Чернаго моря.

И не смотря на все это, государь не измѣнилъ своего расположенія къ Англіи. Баронъ Брунновъ свидѣтельствуетъ, что онъ все еще продолжалъ находить, «что взаимные интересы обѣихъ странъ должны побуждать ихъ къ поддержанію другъ съ другомъ отношеній дружбы и добраго согласія». Дѣло въ томъ, что почти до самаго паденія Лудовика-Филиппа императоръ Николай, видѣвшій въ революціонной Франціи единственную угрозу европейскому миру и порядку, мечталъ о возобновленіи противъ нея единодушнаго союза монархическихъ державъ, а союзъ этотъ представлялся недостаточнымъ и неполнымъ, пока къ нему не приступитъ Англія.

Нашлись услужливые дипломаты, которые стали утверждать, что враждебность Англіи къ Россіи не болѣе какъ плодъ недоразумѣнія. Во всемъ-де виноваты «прецеденты политики русскаго двора въ царствованіе императрицы Екатерины», которые, какъ выражался баронъ Брунновъ, «слишкомъ оправдываютъ къ несчастію (sic!), подозрѣніе, что понынѣ ищутъ рас-

пространить на счетъ намѣреній нашего правительства». Надо— убѣждалъ онъ—быть снисходительнымъ къ тѣмъ, кто не понимаетъ нашей политики. «Если бы» — читаемъ въ извѣстной запискѣ барона—«они могли отрѣшиться отъ своихъ прежнихъ предубѣжденій, забыть исторію минувшаго, дабы устремить свои взоры исключительно на современныя событія, то они не колеблясь отреклись бы отъ своихъ несправедливыхъ подозрѣній и единогласно воздали бы хвалу прямодушію и—смѣю сказать,—политической честности нашего августѣйшаго государя.

Задачу возстановить въ Англіи «нравственное довѣріе, коего заслуживаютъ слова государя, и постепенно изгладить предубѣжденія, разъединяющія нынѣ оба кабинета,» взялъ на себя самъ Брунновъ, назначенный въ концѣ 1839 года русскимъ представителемъ при великобританскомъ дворѣ. Для достиженія этой идеальной цѣли онъ не задумался поступиться существенными правами, пріобрѣтенными Россіею въ Турціи въ силу договоровъ съ этою державою, и признать начало совокупнаго вмѣшательства Европы во все, что прямо или косвенно можетъ угрожать цѣлости и независимости Оттоманской имперіи. Чрезвычайно мѣтко опредѣлилъ Гизо, въ письмѣ къ одному изъ нашихъ дипломатовъ смыслъ и значеніе обѣихъ лондонскихъ конвенцій 1840—41 года. «То была»—разсуждаетъ онъ—«ваша капитальная ошибка. Дабы изолировать, дабы ослабить правительство короля Лудовика-Филиппа, вы отложили въ сторону вашу традиціонную политику, заключавшуюся въ томъ, чтобы вести самостоятельно ваши дѣла въ Турціи, безъ посторонняго участія, безъ соглашенія съ кѣмъ бы то ни было. Вы сами перенесли эти дѣла въ Лондонъ и договоромъ 15 іюля 1840 года собственными руками обратили ихъ въ общее дѣло Европы. Вы были вынуждены на слѣдующій годъ сдѣлать еще шагъ по этому пути, и конвенція 13 іюля 1841 года, съ вашего же согласія подтвердила для Турціи вмѣшательство и соглашеніе Европы»[1]).

Дорого заплатила Россія за мимолетное, непродолжавшееся и года, устраненіе Франціи изъ «европейскаго концерта». Вопреки ожиданіямъ нашей дипломатіи, оно не только не порвало

---

[1]) Изъ неизданнаго письма Гизо къ Н. Д. Киселеву отъ 22 октября (3 ноября) 1853 года. О значеніи лондонскихъ конвенцій 1840—41 годовъ, ср. также въ моей книгѣ: *Внѣшняя политика Императора Николая*, стр. 544—552.

союза двухъ морскихъ державъ, но еще болѣе скрѣпила его, въ особенности, когда, по удаленіи виговъ отъ власти, мѣсто лорда Пальмерстона въ Foreign Office занялъ мягкій и добродушный Абердинъ. Правда, при немъ улучшились и наши отношенія къ сентъ-джемскому двору. Торійскій кабинетъ, во главѣ котораго стоялъ сэръ Робертъ Пиль, не проявлялъ въ своей внѣшней политикѣ задора виговъ; онъ видимо желалъ жить съ Россіею въ мирѣ и дружбѣ, но отсюда еще далеко было до тѣснаго соглашенія по всѣмъ вопросамъ настоящаго и будущаго, о которомъ мечтали въ Петербургѣ.

Какъ ни ограниченъ былъ этотъ успѣхъ, Австрія все же съ затаеннымъ неудовольствіемъ взирала на наше примиреніе съ Англіей и, въ свою очередь, не только сама искала завязать дружбу съ Франціей, но побуждала къ тому и молодаго короля прусскаго Фридриха-Вильгельма IV, безпрекословно подчинявшагося политическому авторитету Меттерниха. Сближеніе Вѣны и Берлина съ Парижемъ ставило Россію въ положеніе одиночества на европейскомъ материкѣ, тѣмъ болѣе, что въ концѣ 1841 года между нею и Франціею послѣдовалъ полный разрывъ, выразившійся въ обоюдномъ отозваніи пословъ и въ отправленіи текущихъ дѣлъ второстепенными дипломатическими чиновниками.

При такихъ условіяхъ, вполнѣ понятнымъ становится желаніе императора Николая сойтись съ Англіею поближе, путемъ откровенныхъ объясненій попытаться разсѣять вѣковыя предубѣжденія англійскаго двора, правительства и общества противъ Россіи и приписываемыхъ ей европейскою молвою честолюбивыхъ замысловъ на Востокѣ и, такимъ образомъ, подготовить соглашеніе съ лондонскимъ кабинетомъ на случай распаденія Турціи, случай, казавшійся близкимъ и неминуемымъ. Не смотря на всю свою гибкость, а быть можетъ и по избытку ея, Брунновъ въ цѣлые четыре года не успѣлъ достигнуть этого результата. Государь имѣлъ основаніе надѣяться, что личное его вмѣшательство обезпечитъ дѣлу скорый и прочный успѣхъ. Онъ нерѣдко имѣлъ случай убѣждаться въ силѣ чарующаго впечатлѣнія, которое его царственная личность производила на сосѣдніе дворы австрійскій и прусскій. Именно эту силу своего обаянія онъ и хотѣлъ испытать въ Лондонѣ. Почетный пріемъ, оказанный тамъ въ 1839 году наслѣднику-цесаревичу, а въ 1843 году великому князю Михаилу Павловичу, утвердили его въ намѣреніи, при первомъ удобномъ случаѣ самому предпринять поѣздку въ Англію.

I.

Приготовленія къ путешествію.

Посѣщеніе Англіи великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ въ 1816 г.—Отзывы о немъ Стокмара и лэди Кемпбель.—Спартанскія привычки.—Императоръ Николай заявляетъ о желаніи своемъ предпринять поѣздку въ Англію.—Туже надежду выражаетъ Пиль Бруннову.—Годовой обѣдъ русской торговой компаніи въ Лондонѣ.—Тостъ Пиля за русскаго императора.—Переговоры Абердина съ королевой и съ Брунновымъ.—Устраненіе встрѣчи съ королемъ Лудовикомъ-Филиппомъ. — Радость Бруннова. — Высочайшая благодарность Пилю.—Депеша Нессельроде къ Бруннову о предположенномъ путешествіи государя въ Англію.—Отзывы аккредитованныхъ въ Лондонѣ иностранныхъ дипломатовъ.—Неудовольствіе тюильрійскаго двора.—Инструкція Гизо графу Сентъ-Олеру.—Мѣры предосторожности, предположенныя англійскимъ правительствомъ.—Мнѣніе государя о нихъ.

Великимъ княземъ и двадцатилѣтнимъ юношею императоръ Николай въ первый разъ посѣтилъ Англію въ 1816 году. Онъ навѣстилъ тогда, между прочимъ, въ Клармонтѣ принцессу Шарлотту, дочь принца-регента, впослѣдствіи короля Вильгельма IV, будущую наслѣдницу англійскаго престола, незадолго до того вышедшую за принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго.

Этому обстоятельству мы обязаны портретомъ великаго князя, мастерски начертаннымъ перомъ барона Стокмара, врача и довѣреннаго совѣтника молодой четы. Онъ изображаетъ его необыкновенно красивымъ, обворожительнымъ юношей, высокаго роста, не особенно худымъ, прямымъ какъ сосна, съ необыкновенно правильными чертами лица, открытымъ челомъ, твердо обрисованными бровями, прекраснымъ профилемъ, небольшимъ ртомъ и выточеннымъ подбородкамъ, и подробно описываетъ его нарядъ, состоявшій изъ темнозеленаго мундира съ краснымъ кантомъ, серебрянымъ приборомъ и эполетами, небольшою звѣздою на груди, бѣлымъ поясомъ (шарфомъ) и простою саблею безъ украшеній, на кожаной портупеѣ (вѣроятно, вице-мундиръ кавалергардскаго полка). Его манеру держать себя Стокмаръ называетъ одушевленною, чуждою принужденности и натянутости и все же полною достоинства. «Онъ говоритъ по-французски,»—продолжаетъ внимательный наблюдатель,—«свободно и хорошо, сопро-

вождая слова свои граціозными жестами. Если все сказанное имъ не отличалось изысканностью за то онъ во всякомъ случаѣ былъ чрезвычайно занимателенъ и, повидимому, обладалъ несомнѣннымъ талантомъ ухаживать за женщинами. Въ немъ проглядываетъ большая самонадѣянность, при совершенномъ отсутствіи притязательности».

Еще восторженнѣе отзывы о молодомъ, красивомъ великомъ князѣ англійскихъ придворныхъ дамъ. «Что за милое созданіе!»—восклицаетъ лэди Кемпбель, строгая и чопорная гофмейстерина принцессы Шарлотты; — «онъ дьявольски хорошъ собою! Онъ будетъ красивѣйшимъ мужчиною въ Европѣ!»

Англичанъ видимо поразили спартанскія привычки великаго князя, его умѣренность въ пищѣ, воздержанность въ питьѣ. Дѣйствительно, онъ пилъ только воду, а вечеромъ слуги его внесли въ приготовленную для него въ Клармонтѣ спальню набитый сѣномъ мѣшокъ, замѣнившій ему постель. Англичанамъ показалось это афектаціею, а дамы нашли страннымъ, что великій князь поцѣловалъ руку у графини Ливенъ, жены русскаго посла, хотя, — замѣчаетъ Стокмаръ, — каждая изъ нихъ была бы очень счастлива, если бы это случилось съ нею [1]).

Весьма естественно, что императоръ Николай вынесъ изъ первой поѣздки своей въ Англію весьма пріятныя впечатлѣнія. 11 (23) января 1844 года, на балѣ въ Зимнемъ дворцѣ, выражая великобританскому повѣренному въ дѣлахъ Блумфильду признательность свою за радушный пріемъ, оказанный въ Лондонѣ великому князю Михаилу Павловичу, государь прибавилъ, что и самъ онъ испыталъ бы живѣйшее удовольствіе снова увидать страну, о которой сохранилъ самыя лучшія воспоминанія.

Если вѣрить барону Бруннову, то, по странному совпаденію, въ тотъ же самый день, за обѣдомъ у лорда Абердина, сэръ Робертъ Пиль сказалъ нашему посланнику, что онъ не отчаявается въ надеждѣ видѣть императора Николая вторично въ Англіи. По полученіи въ Лондонѣ донесенія Блумфильда съ сообщеніемъ обращенныхъ къ нему словъ государя, лордъ Абердинъ поспѣшилъ доложить о нихъ королевѣ и представить ей, что присутствіе русскаго императора въ Англіи несомнѣнно

---

[1]) Stockmar's *Denkwürdigkeiten*, стр. 96—99.

произвело бы самое благопріятное впечатлѣніе. По приказанію ея величества, министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ великобританскому представителю въ С.-Петербургѣ, что королева Викторія будетъ очень рада, если государь приведетъ свое намѣреніе въ исполненіе. Въ то же время первый министръ, напомнивъ барону Бруннову о чести, оказанной ему личнымъ посѣщеніемъ великаго князя Михаила Павловича, снова повторилъ, что надѣется когда нибудь привѣтствовать въ Англіи и самого императора Николая. Слова эти нашъ посланникъ считалъ «случайными и преходящими», но, тѣмъ не менѣе, долгомъ счелъ довести ихъ до свѣдѣнія графа Нессельроде [1]).

Не успѣло это донесеніе достигнуть С.-Петербурга [2]), какъ сэръ Робертъ Пиль воспользовался представившимся ему случаемъ всенародно провозгласить одушевлявшія его относительно Россіи чувства и пригласить русскаго императора личнымъ посѣщеніемъ Великобританіи закрѣпить установившееся доброе согласіе между кабинетами петербургскимъ и лондонскимъ.

19 февраля (2 марта) въ London Tavern происходилъ ежегодный торжественный обѣдъ русской торговой компаніи, на которомъ предсѣдательствовалъ главноуправляющій дѣлами компаніи Астель, а въ числѣ гостей присутствовали русскій посланникъ и первый лордъ казначейства. Послѣ обычнаго тоста за королеву и королевскую семью, предсѣдатель провозгласилъ здоровье императора всероссійскаго. Въ рѣчи своей онъ упомянулъ о постоянномъ благоволеніи русскихъ государей къ компаніи, припоминая, что императоръ Николай, въ бытность свою въ Англіи великимъ княземъ, удостоилъ принять данный ему компаніею обѣдъ, коснулся недавняго посѣщенія Лондона наслѣдникомъ цесаревичемъ, а также великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и заключилъ указаніемъ на направленную къ развитію торговыхъ отношеній между Россіею и Великобританіею и укрѣпленію между ними дружескихъ связей дѣятельность компаніи. Астелю отвѣчалъ баронъ Брунновъ, признавшій заслуги компаніи, выразившій отъ имени великаго

---

[1]) Собственноручное частное письмо барона Бруннова графу Нессельроде, отъ 11 (23) февраля 1844.

[2]) Корабль, на которомъ находился курьеръ, везшій экспедицію барона Бруннова отъ 11 (23) февраля, былъ застигнутъ бурею въ виду острова Гельголанда, чѣмъ и замедлилось полученіе въ С.-Петербургѣ депешъ посланника.

князя Михаила Павловича благодарность за оказанный его высочеству сочувственный пріемъ и кончившій провозглашеніемъ здоровья предсѣдателя. Вслѣдъ за тѣмъ, посреди напряженнаго вниманія присутствующихъ, поднялся со своего мѣста сэръ Робертъ Пиль.

«Нельзя,» сказалъ онъ, «обозрѣвая политическія отношенія обѣихъ великихъ имперій не убѣдиться, что почти каждая точка соприкосновенія между ними указываетъ скорѣе на необходимость сердечнаго, дружественнаго и искренняго соглашенія, чѣмъ на какое-либо чувство соперничества или ревниваго противодѣйствія. *(Слушайте!)*. Я пребываю въ твердой надеждѣ, что сознаніе общей пользы и чувство взаимнаго уваженія положили основаніе задушевной и постоянной дружбѣ между Великобританіею и имперіею Россійской. *(Радостныя восклицанія)*».

Упомянувъ о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ въ странѣ посѣщеніемъ великаго князя Михаила Павловича, первый министръ продолжалъ: «Надѣюсь, что отчетъ, данный о насъ его императорскимъ высочествомъ въ Россіи, послѣ двадцати-пяти лѣтъ, истекшихъ со времени перваго его посѣщенія, побудитъ еще болѣе знаменитаго члена императорскаго дома—самого императора всероссійскаго—снова посѣтить эту страну *(громкія восклицанія)* и принять отъ насъ въ этихъ стѣнахъ сердечное выраженіе нашего уваженія къ его величеству, къ его личному характеру и высокому положенію, имъ занимаемому, а также желанія, испытываемаго каждымъ англичаниномъ, скрѣпить съ нимъ чувства взаимнаго добраго согласія *(радостные крики)*». Отдавъ справедливость усердію и искусству, проявляемымъ барономъ Брунновымъ въ заботахъ его объ установленіи и поддержаніи дружескихъ отношеній между обѣими державами, сэръ Робертъ Пиль заключилъ рѣчь свою слѣдующими словами: «Я прошу позволенія предложить вамъ тостъ, который согласуется съ чувствомъ, занесеннымъ въ хартіи этой компаніи, и будетъ,—я увѣренъ въ томъ,—принятъ вами съ выраженіемъ величайшей искренности и воодушевленія: тостъ за вѣчную дружбу между Великобританіею и Россіею» [1]).

Невозможно описать восторга, съ которымъ собраніе привѣтствовало единодушными рукоплесканіями слова перваго ми-

[1]) Рѣчи на обѣдѣ русской компаніи заимствованы изъ отчета газеты «Standart», отъ 20 февраля (2 марта) 1844.

нистра. На слѣдующій же день газеты возвѣстили ихъ Англіи и всему міру. Старые торіи, давніе сторонники тѣснаго единенія съ Россіею, приняли ихъ съ радостью. Еще бо̀льшее впечатлѣніе произвели они на членовъ дипломатическаго корпуса. Австрійскій посланникъ баронъ Нейманъ не замедлилъ выразить барону Бруннову мнѣніе, что, произнося свою рѣчь, Пиль имѣлъ въ виду «возстановить справедливое равновѣсіе между выраженіями дружбы, недавно поднесенными Франціи, и тѣмъ уваженіемъ, которымъ Англія обязана въ отношеніи великихъ державъ, старыхъ и вѣрныхъ ея союзницъ». Прочіе нѣмецкіе министры раздѣляли этотъ взглядъ.

Посланникъ нашъ имѣлъ продолжительную бесѣду о рѣчи перваго министра съ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Лордъ Абердинъ признался, что сэръ Робертъ Пиль произнесъ ее безъ предварительнаго съ нимъ уговора, но что онъ одобряетъ все сказанное Пилемъ и счелъ даже долгомъ поздравить его съ его рѣчью. «Ничто не могло быть лучше словъ Пиля»,—увѣрялъ Абердинъ барона Бруннова;—«я очень радъ, что онъ такъ положительно высказался о нашемъ «*сердечномъ соглашеніи*» съ Россіею».

Лордъ Абердинъ первый обратилъ вниманіе королевы на торжественное заявленіе главы ея кабинета. Узнавъ, что ея величество не читала еще его рѣчи: «Совѣтую вамъ прочесть ее,» сказалъ онъ ей; «ваше величество увидите, что сэръ Робертъ Пиль говоритъ о нашемъ сердечномъ соглашеніи съ Россіею, еще болѣе сердечномъ, чѣмъ съ Франціею. Онъ прекрасно поступилъ, сказавъ это. Наша политика не должна представлять ничего исключительнаго. Мы должны стараться жить въ добрыхъ и дружескихъ отношеніяхъ со всѣми».

Нельзя было сомнѣваться въ искренномъ желаніи англійскаго правительства видѣть осуществленіе намѣренія государя посѣтить Англію. Посланникъ нашъ пожелалъ узнать, въ какое время года было бы всего удобнѣе королевѣ принять своего высокаго гостя. Лордъ Абердинъ отвѣчалъ, что, по словамъ принца Альберта, поѣздку слѣдовало бы предпринять, прежде чѣмъ ея величество, бывшая беременною, будетъ поставлена въ невозможность встрѣтить государя съ подобающею предупредительностью. Осенью королева намѣрена были предпринять морскія прогулки и, быть можетъ, посѣтить Ирландію, а потому наиболѣе удобнымъ временемъ представлялась весна. Ми-

нистръ иностранныхъ дѣлъ высказалъ при этомъ личное мнѣніе свое, что если императоръ дѣйствительно намѣренъ прибыть въ Лондонъ въ продолженіе текущаго года и если дозволятъ это его другія занятія, то чѣмъ скорѣе онъ приведетъ свое намѣреніе въ исполненіе, тѣмъ лучше. Впрочемъ, лордъ Абердинъ признался, что не знаетъ точно, когда именно королева должна разрѣшиться отъ бремени, и прибавилъ, что испроситъ ея приказаній.

На другой день, онъ объявилъ барону Бруннову, что ея величество всего лучше желала бы принять императора Николая, въ концѣ мая или въ началѣ іюля по новому стилю, и что онъ напишетъ объ этомъ Блумфильду. По полученнымъ изъ С.-Петербурга свѣдѣніямъ, государь намѣревался въ будущемъ маѣ побывать на Рейнѣ, и слѣдовательно ему будетъ удобно оттуда переправиться черезъ проливъ. Баронъ Брунновъ полюбопытствовалъ узнать, какъ отнеслась королева къ извѣстію о предстоящемъ посѣщеніи императора. Абердинъ отвѣчалъ, что она встрѣтила его съ радостью и что, много слышавъ о государѣ, она очень желаетъ съ нимъ познакомиться лично. Сначала она была нѣсколько удивлена такою неожиданною вѣстью, но теперь уже съ величайшею заботливостью помышляетъ о пріемѣ, обсуждая малѣйшія его подробности. Такъ, она сказала Абердину, что ей угодно, чтобы императоръ остановился у нея въ Букингамскомъ дворцѣ, не смотря на то, что дворецъ этотъ представляетъ мало удобства и что ей почти совѣстно принимать въ немъ его величество. Министръ отвѣчалъ, что императоръ Николай не любитъ роскошной обстановки и предпочитаетъ ей простой образъ жизни. Онъ придавалъ большое значеніе желанію королевы поселить государя въ Букингамскомъ дворцѣ, почести, оказываемой обыкновенно лишь самымъ близкимъ родственникамъ, и заключилъ, что ея величество готовитъ наилучшій пріемъ своему гостю. Что же касается до принца Альберта, то Абердинъ признавался, что онъ боязливѣе королевы, что его смущаетъ мысль о пріемѣ государя, но что, по убѣжденію министра, смущеніе это пройдетъ скоро и что принцъ также понравится императору, какъ понравился великому князю Михаилу Павловичу [1]).

Такъ говорилъ Абердинъ Бруннову, а послѣдній доносилъ

[1]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, отъ 22—25 февраля (5—8 марта) 1844.

въ С.-Петербургъ вице-канцлеру. Но теперь извѣстно, что сама королева съ неудовольствіемъ отнеслась сначала къ возвѣщенному ей намѣренію императора Николая посѣтить Англію и что, напротивъ, принцъ-супругъ убѣдилъ ее въ благопріятномъ значеніи этой поѣздки [1]).

Еще одно обстоятельство тревожило нашего посланника. Лѣтомъ 1844 года въ Англіи ожидали отвѣтнаго визита короля Лудовика-Филиппа на посѣщеніе его, прошлою осенью, королевою Викторіею и ея супругомъ. Брунновъ опасался, какъ бы пріѣздъ государя не совпалъ съ прибытіемъ короля французовъ. Лордъ Абердинъ успокоилъ его, сказавъ, что ничего еще не рѣшено относительно поѣздки Лудовика-Филиппа, что послѣдній пріѣдетъ, во всякомъ случаѣ, не въ Лондонъ и что, вѣроятно, свиданіе его съ королевскою семьею произойдетъ въ Брайтонѣ.

Донося о всемъ вышеизложенномъ въ собственноручныхъ депешахъ и письмахъ, баронъ Брунновъ писалъ, между прочимъ, графу Нессельроде: «Мнѣ нѣтъ нужды говорить вамъ, какъ счастливъ буду я, принять государя императора въ Англіи. Сердце бьется у меня отъ радости, не отъ страха, потому что я увѣренъ въ снисходительности, съ которою его величество удостоитъ отнестись къ вѣрнымъ моимъ услугамъ. Никто не можетъ содѣйствовать имъ лучше нашего добраго Абердина. Я въ восхищеніи и удивленіи отъ дѣятельности, проявляемой имъ въ настоящемъ случаѣ. Онъ вполнѣ увѣренъ въ благопріятномъ впечатлѣніи, которое произведетъ здѣсь присутствіе государя. Онъ сказалъ мнѣ по этому поводу: «Вы увидите, что одного этого присутствія будетъ достаточно, чтобы провалить всѣ польскія затѣи». Для такого сдержаннаго и иногда боязливаго человѣка, какъ Абердинъ, выказываемое имъ въ этотъ разъ довѣріе въ самомъ дѣлѣ крайне замѣчательно» [2]).

Первая экспедиція барона Бруннова, отъ 11 (23) февраля, въ которой онъ сообщалъ о выраженной ему сэръ Робертомъ Пилемъ надеждѣ, что императоръ Николай удостоитъ вторично посѣтить Англію, была получена въ С.-Петербургѣ лишь въ половинѣ марта стараго стиля. По высочайшему повелѣнію,

---

[1]) Королева Викторія королю Леопольду, отъ 30-го мая (11 іюля) 1844.

[2]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, отъ 11 (23) февраля, 22—25 февраля (5—8 марта) 1844.

вице-канцлеръ отвѣчалъ, что государь крайне тронутъ словами перваго министра; что его величество постоянно съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаетъ о своемъ путешествіи въ Лондонъ, въ годы первой своей юности; что онъ сохранилъ о нихъ воспоминанія, возобновить которыя ему было бы пріятно, независимо отъ живѣйшаго удовольствія, съ коимъ онъ бы лично познакомился съ королевой. «Если когда-нибудь представится случай, благопріятный для осуществленія этого двойнаго желанія»,—заключалъ графъ Нессельроде, — «то англійское правительство не должно сомнѣваться въ усердіи, съ которымъ нашъ августѣйшій государь поспѣшитъ имъ воспользоваться. Благоволите, любезный баронъ, дать въ томъ самое искренное завѣреніе сэръ Роберту Пилю» [1]).

Такія же увѣренія поручено было нашему посланнику передать первому министру, по поводу рѣчи, произнесенной имъ на обѣдѣ русской компаніи, но вице-канцлеръ высказался вполнѣ по вопросу о посѣщеніи Англіи государемъ лишь по полученіи второй экспедиціи барона Бруннова отъ 22—25 февраля (5—8 марта). «Не могу вамъ выразить», — писалъ онъ ему, — «въ какой мѣрѣ его величество былъ тронутъ, узнавъ, что королева присоединилась къ манифестаціи англійскихъ министровъ. Увѣренность въ томъ можетъ лишь удвоить желаніе императора, какъ можно скорѣе отвѣтить на столь задушевное расположеніе, прибывъ лично для принесенія своей молодой союзницѣ выраженія искренней и живой дружбы, которую онъ всегда питалъ къ ней издалека. Ему, къ сожалѣнію, трудно принять нынѣ же точное рѣшеніе по этому предмету. Важныя дѣла требуютъ въ настоящую минуту присутствія его въ Россіи, но онъ не отказываетъ себѣ въ надеждѣ вознаградить себя впослѣдствіи за испытываемое лишеніе, ибо онъ убѣжденъ, что присутствіе его въ Англіи можетъ лишь послужить къ укрѣпленію искренности взаимныхъ политическихъ отношеній, и онъ почитаетъ себя счастливымъ, что убѣжденія его въ этомъ случаѣ тождественны съ воззрѣніями англійскаго правительства. Мысль, которую нашъ августѣйшій государь по собственному почину высказалъ г. Блумфильду, не зная еще о желаніи, выраженномъ этимъ правительствомъ, остается въ полной своей силѣ, и онъ испытаетъ искреннее удовольствіе

[1]) Графъ Нессельроде барону Бруннову, отъ 16 (28) марта 1844.

въ тотъ день, когда ему будетъ возможно осуществить ее. Мнѣ остается лишь просить васъ, г. баронъ, присовокупить увѣреніе въ томъ къ выраженіямъ признательности, которыя вамъ поручено въ моей сегодняшней экспедиціи передать отъ имени императора сэръ Роберту Пилю и лорду Абердину [1]).

Итакъ, государь принималъ приглашеніе англійскаго двора и министерства, но не опредѣлялъ еще времени, когда намѣренъ воспользоваться имъ. Между тѣмъ, вѣсть о предстоящемъ посѣщеніи Англіи русскимъ императоромъ успѣла уже разнестись по Европѣ. Французскій посолъ въ Лондонѣ, графъ Сентъ-Олеръ, сообщилъ ее своему министру иностранныхъ дѣлъ 4 (16) февраля, т. е. тотчасъ по полученіи въ Foreign Office письма Блумфильда о разговорѣ его съ государемъ и за три дня до рѣчи Пиля на банкетѣ русской компаніи. Въ концѣ марта англійскія газеты стали гласно обсуждать крупную политическую новость. Члены дипломатическаго корпуса обратились съ запросами о ней къ лорду Абердину. Тотъ отвѣчалъ имъ, что ничего не знаетъ оффиціально о намѣреніяхъ императора Николая и что поѣздка его въ Англію пока не болѣе, какъ предположеніе или вѣроятность. Впрочемъ, австрійскому посланнику онъ прямо заявилъ, что государю будетъ сдѣланъ «величественный» пріемъ. Передавая о томъ Бруннову, баронъ Нейманъ прибавилъ, «что онъ дорожитъ этимъ происшествіемъ, которое, если состоится, будетъ въ глазахъ его залогомъ постоянства къ общей выгодѣ упроченія узъ, связывающихъ Англію съ монархическою и охранительною системою европейскаго материка» [2]).

Тюильрійскій кабинетъ былъ извѣщенъ скорѣе прочихъ. Свѣдѣнія свои онъ получалъ изъ перваго источника, путемъ родственной переписки, доходившей изъ Лондона въ Парижъ чрезъ Брюссель. Быть можетъ по наущенію Гизо, англійскій посолъ при французскомъ дворѣ, лордъ Коулей, предложилъ своему правительству пригласить одновременно съ русскимъ императоромъ и короля французовъ и устроить между ними свиданіе и примиреніе. Лордъ Абердинъ отвѣчалъ, что «объ этомъ нечего и думать, что это совершенно невозможно». Рѣшено было, что Людовикъ-Филиппъ пріѣдетъ въ Англію лишь осенью, въ

---

[1]) Графъ Нессельроде барону Бруннову, 18 (30) марта 1844.

[2]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, 14 (26) марта 1844.

сентябрѣ [1]). Инструкціи Гизо французскому представителю при сентъ-джемскомъ дворѣ были проникнуты горечью и досадою, худо скрываемыми подъ личиною равнодушія и даже насмѣшки: «Я имѣю причины думать,»—говорилось въ нихъ,—«что около конца мая императоръ Николай внезапно нагрянетъ въ Лондонъ, какъ путешественникъ, безцеремонно и неожиданно. Онъ разсказываетъ и распускаетъ слухъ, что, къ величайшему сожалѣнію, не можетъ прибыть въ этомъ году. Все указываетъ, однако, на то, что поѣздка его состоится. Онъ любитъ сюрпризы и эффекты такого рода». И далѣе: «Будьте сдержанны, съ оттѣнкомъ холодности. Люди недоброжелательные или только злокозненные очень бы хотѣли, чтобы насъ встревожило это путешествіе, или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько разсердило. Этого не будетъ. Мы привыкли видѣть въ обстоятельствахъ лишь то, что они заключаютъ въ дѣйствительности, и недоступны дразненію. Императоръ ѣдетъ въ Лондонъ потому, что королева англійская пріѣзжала въ Э. Мы не находимъ его разборчивымъ въ выборѣ возмездія. Мы увѣрены, что онъ не поведетъ въ Лондонѣ съ англійскимъ кабинетомъ иной политики, чѣмъ та, которую мы хорошо знаемъ. Мы не только далеки отъ сожалѣнія о томъ, что онъ будетъ ухаживать за Англіею, а она получитъ вліяніе на него, но мы даже этому очень рады. Что же касается до внѣшнихъ формъ, вамъ столько же, сколько и мнѣ самому извѣстны требованія нашего положенія: поступайте такъ, какъ они вамъ указываютъ, ни болѣе, ни менѣе. Ожидайте императорскія вѣжливости и принимайте ихъ съ уваженіемъ, подобающимъ ему, но на которое и сами вы имѣете право» [2]).

Въ свою очередь, и англійскій дворъ считалъ дѣломъ рѣшеннымъ посѣщеніе императоромъ Николаемъ Англіи предстоящимъ лѣтомъ. Въ половинѣ апрѣля, министръ внутреннихъ дѣлъ, сэръ Джемсъ Грахамъ, обратилъ вниманіе нашего посланника на то обстоятельство, что въ Лондонѣ въ большомъ числѣ проживаютъ политическіе выходцы всѣхъ странъ, въ особенности много поляковъ, и что поэтому необходимо принять дѣятельныя мѣры къ огражденію государя отъ могущихъ быть предпринятыми покушеній на жизнь его. Баронъ Брунновъ счелъ долгомъ донести о сообщеніи англійскаго министра въ С.-Пе-

[1]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, 28 марта (9 апрѣля) 1844.
[2]) Гизо графу Сентъ-Олеру, 4 (16) апрѣля 1844.

тербургъ [1]) и получилъ въ отвѣтъ депешу графа Нессельроде, заслуживающую быть приведенною дословно, какъ выраженіе личныхъ взглядовъ и убѣжденій императора Николая по возбужденному сэръ Джемсомъ Грахамомъ вопросу.

«Секретная депеша, входившая въ составъ экспедиціи вашей отъ 14 (26) апрѣля, и приложенное къ ней частное письмо», — писалъ вице-канцлеръ, — «должны были оба обратить на себя наше серіознѣйшее вниманіе. Я начну съ выраженія всей признательности, возбужденной въ насъ дружественнымъ сообщеніемъ, сдѣланнымъ вамъ сэръ Джемсомъ Грахамомъ, и полнаго одобренія, коимъ государь императоръ почтилъ вашъ предварительный отвѣтъ. Что касается предмета, къ которому относится это сообщеніе, т. е. путешествія государя въ Англію, то я не могу передать вашему превосходительству ничего окончательнаго, такъ какъ его величество самъ еще не рѣшилъ, до какой степени искреннее желаніе его посѣтить Лондонъ можетъ быть согласовано съ многосложностью его занятій и препятствій, которыя могутъ отъ нихъ произойти. Во всякомъ случаѣ, не замысламъ нѣсколькихъ темныхъ личностей заставить его отказаться отъ осуществленія этого желанія, коль скоро исполненіе его будетъ рѣшено въ его умѣ. Вы знаете, что государь не разъ подвергался подобнымъ злоумышленіямъ и что онъ презиралъ менѣе неопредѣленныя опасности. Вамъ извѣстно, баронъ, мнѣніе императора о случайностяхъ такого рода. Его величество убѣжденъ, что жизнь государей въ рукѣ Божіей и что, если Господу угодно опредѣлить ей предѣлъ по своему усмотрѣнію, то всякія мѣры, всякія человѣческія предосторожности безсильны предъ рѣшеніемъ Божественнаго Промысла. Но, не испытывая боязни за себя, императоръ вполнѣ понимаетъ, что не всѣ могутъ быть безбоязненны въ одинаковой степени. Его величество слишкомъ справедливъ, чтобы не оцѣнить чувства серіозной отвѣтственности, которое при такихъ обстоятельствахъ должно тяготить совѣсть англійскихъ министровъ, и весьма естественнаго опасенія, ощущаемаго ими въ виду хотя бы самаго невѣроятнаго шанса покушенія, которымъ горсть презрѣнныхъ иноземцевъ могла бы поколебать предъ лицомъ всѣхъ народовъ справедливо установившуюся репутацію безопасности,

[1]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, 14 (26) апрѣля 1844.

которою всегда гордилось британское гостепріимство. Изъ этого вы заключите, что императоръ нисколько не намѣренъ противиться мѣрамъ предосторожности, принять которыя сочли бы нужнымъ англійскіе министры. Онѣ были приняты для прусскаго короля, во время недавно совершеннаго имъ путешествія въ Англію; ихъ принимаютъ ежедневно для самой королевы; онѣ не имѣютъ, слѣдовательно, ничего исключительнаго по отношенію къ государю. Впрочемъ, его величество разумѣетъ это такъ, что въ данномъ случаѣ ограничатся лишь самымъ необходимымъ и что мѣры, принятыя англійскими министрами для покрытія ихъ отвѣтственности, не будетъ нисколько бросаться ему въ глаза. Императоръ ничего не хочетъ знать о нихъ, ни видить ихъ. Ему было бы слишкомъ непріятно ходить окруженнымъ безпрерывно предосторожностями, и сэръ Джемсъ Грахамъ также точно, какъ и лордъ Абердинъ, сами поймутъ, что достаточно было бы одного этого сознанія, чтобы лишить его величество всякой свободы дѣйствій и испортить ему, въ его собственныхъ глазахъ, удовольствіе, которое сулитъ ему поѣздка въ Англію, если только ему будетъ возможно нынѣшнею весною предпринять ее.

«Таковъ, г. баронъ, отвѣтъ мой на вопросы, предложенные мнѣ вами по желанію англійскаго правительства. Мнѣ остается поручить вамъ еще разъ поблагодарить лорда Абердина и сэра Джемса Грахама за обязательную заботливость, внушившую имъ эти вопросы, и повторить, что обращенныя къ нимъ по тому предмету рѣчи ваши согласны съ чувствами и намѣреніями государя» [1]).

---

[1]) Графъ Нессельроде барону Бруннову, 1 (13) мая 1844.

II.

Пребываніе въ Англіи.

Отъѣздъ императора Николая изъ Петербурга.—Прибытіе въ Берлинъ.—Размышленія Бунзена. — Обѣдъ у прусскаго короля. — Пріѣздъ въ Лондонъ. — Первое свиданіе съ королевой.—Переселеніе въ Виндзоръ. —Парадъ.—Скачки въ Аскотѣ. — Возвращеніе въ Лондонъ. — Представленіе дипломатическаго корпуса.—Праздникъ въ Чисвикѣ —Вечеръ въ оперѣ.—Прощаніе съ королевой.—Подарки и пожертвованія. — Сужденія королевы объ императорѣ Николаѣ.—Отзывъ Стокмара.—Донесеніе Бруннова.—Свидѣтельство австрійскаго посланника Неймана, княгини Меттернихъ и Гизо.

Въ первые дни мая 1844 года, императоръ Николай выѣхалъ изъ Царскаго Села. Его сопровождала малочисленная свита, во главѣ которой находился генералъ-адъютантъ графъ Орловъ. Вице-канцлеръ графъ Нессельроде, обыкновенно сопутствовавшій его величеству при посѣщеніи имъ дворовъ австрійскаго и прусскаго, на этотъ разъ оставленъ былъ въ Петербургѣ.

Государь прибылъ въ Берлинъ въ Троицынъ день, 14 (26) мая поутру, и остановился въ домѣ русскаго посольства. Въ посольской церкви шла обѣдня и читались молитвы съ колѣнопреклоненіемъ. Императоръ остался у входа и, сдѣлавъ знакъ, чтобъ никто не вставалъ, самъ опустился на колѣни. Разсказъ объ этомъ мы читаемъ въ письмѣ къ женѣ прусскаго посланника при лондонскомъ дворѣ, барона Бунзена, находившагося въ то время въ отпуску въ Берлинѣ и закончившаго письмо слѣдующими размышленіями: «Путешествіе Царя будетъ имѣть громадныя послѣдствія. Все въ рукѣ Божіей. Сегодня Пятидесятница, и мы празднуемъ величайшее изъ чудесъ» [1]).

Къ обѣду въ Шарлотенбургѣ въ честь русскаго императора были приглашены лица его свиты, посланникъ нашъ при берлинскомъ дворѣ, баронъ Мейендорфъ, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, нѣсколько генераловъ и ученыхъ и въ числѣ послѣднихъ Александръ Гумбольдтъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV представилъ государю передъ обѣдомъ и Бунзена не только въ качествѣ министра при королевѣ велико-

---

[1]) Баронъ Бунзенъ женѣ, 14 (26) мая 1844.

британской, но и как своего личнаго друга. «Я надѣялся встрѣтить вас въ Лондонѣ»,—сказалъ ему императоръ. За столомъ разговоръ шелъ между королемъ и учеными его собесѣдниками о произведеніяхъ древней греческой словесности, между прочимъ, объ Евменидахъ Еврипида. Государь не принималъ въ немъ участія и только спросилъ:—«Что такое Евмениды?»—Король отвѣчалъ ему въ шуточномъ тонѣ: «Это превосходительства, получившія чистую отставку и казенную квартиру за городомъ и т. д.». Государь, разсѣянно выслушавъ это объясненіе, продолжалъ свою бесѣду съ присутствовавшими генералами о военныхъ предметахъ. Не смотря на такое равнодушіе его къ классической древности, онъ произвелъ на Бунзена сильное впечатлѣніе. «Въ каждомъ вершкѣ видѣнъ въ немъ императоръ»,—писалъ о немъ прусскій дипломатъ своей женѣ [1]).

Въ Духовъ день государь выѣхалъ изъ Берлина, а въ Англіи еще ничего не знали о скоромъ прибытіи его. Лишь въ четвергъ 18 (30) мая пришло туда извѣстіе, что его величество, посѣтивъ по пути короля нидерландскаго, прибудетъ въ Лондонъ въ субботу 20 мая (1 іюня) вечеромъ. Извѣстіе это застало англійскій дворъ врасплохъ. Для приготовленій къ пріему оставалось не больше сутокъ, и они усложнялись еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ одинъ день съ русскимъ императоромъ ожидали и короля саксонскаго. По приказанію королевы, для высокихъ посѣтителей отведены были покои въ Букингамскомъ дворцѣ.

Высадясь на берегъ въ Вульвичѣ, въ 10 часовъ вечера, государь ровно въ полночь прибылъ въ Лондонъ. Онъ не пожелалъ воспользоваться гостепріимствомъ двора и прямо пріѣхалъ въ Ashburnham House, гдѣ помѣщалось русское посольство. Оттуда онъ написалъ принцу Альберту собственноручное письмо, въ которомъ выражалъ желаніе свое, какъ можно скорѣе имѣть свиданіе съ королевой.

На другой день, въ 10 часовъ утра, принцъ-супругъ явился къ императору и пробылъ у него около часа. Въ половинѣ втораго онъ снова пріѣхалъ въ посольство и сопровождалъ его величество въ Букингамскій дворецъ. Королева Викторія встрѣтила своего державнаго гостя на нижней ступени лѣстницы.

[1]) Баронъ Бунзенъ женѣ, 14 (26), 15 (27), 16 (28) мая 1844.

Онъ завтракалъ съ королевскою семьею, посѣтилъ тетокъ королевы, герцогинь Кембриджскую и Глостерскую, и сдѣлалъ визитъ герцогу Веллингтону. Обѣдъ состоялся во дворцѣ, а ночевать государь возвратился въ домъ своего посольства.

Въ понедѣльникъ, 22 мая (3 іюня), императоръ утро посвятилъ прогулкѣ въ Риджентъ-паркѣ и по главнымъ улицамъ Лондона, а затѣмъ посѣщенію нѣсколькихъ знатныхъ лицъ. Онъ навѣстилъ леди Гейтесбюри, леди Пемброкъ, леди Кланрикардъ, занимавшихъ высшія должности при дворѣ королевы, а также перваго министра сэра Роберта и леди Пиль. Къ завтраку въ посольствѣ приглашенъ былъ герцогъ Девонширскій, бывшій чрезвычайный посолъ при коронаціи 1826 года. Въ 6 часовъ вечера, государь отправился въ Виндзоръ, гдѣ на станціи желѣзной дороги снова встрѣтилъ его принцъ Альбертъ.

Въ Виндзорскомъ замкѣ императоръ Николай провелъ цѣлые четыре дня. Красота и великолѣпіе этого древняго жилища англійскихъ королей произвели на него пріятное впечатлѣніе.—«Оно достойно васъ, государыня»,—любезно замѣтилъ онъ королевѣ. Ея величество была на седьмомъ мѣсяцѣ беременности, и къ тому же англійскій дворъ носилъ трауръ по герцогѣ Саксенъ-Кобургъ-Готскомъ, отцѣ принца-супруга, а потому въ честь русскаго императора и короля саксонскаго нельзя было дать бала. Но въ развлеченіяхъ для высокихъ посѣтителей все же не было недостатка. Поутру происходили смотры, прогулки, охоты. Вечеромъ многочисленное общество собиралось къ обѣду, происходившему въ большой Ватерлооской залѣ замка. На послѣдніе два обѣда гости были приглашены въ мундирахъ, по желанію государя, признавшагося королевѣ, что ему неловко во фракѣ, къ которому онъ не привыкъ. Съ военнымъ же мундиромъ,—прибавилъ онъ,—онъ до того сроднился, что разставаться съ нимъ ему такъ же непріятно, «какъ если-бъ съ него содрали кожу». И въ Виндзорѣ онъ не разставался со своими спартанскими привычками. По свидѣтельству біографа принца Альберта, первымъ дѣломъ его слугъ было по входѣ въ его спальню послать на конюшню за нѣсколькими снопами чистой соломы, чтобы набить его холщевый мѣшокъ, составлявшій матрацъ походной кровати, на которой онъ постоянно почивалъ [1]).

---

[1]) Th. Martin: «*The life of the Prince Consort*», I, стр. 215.

Проводя весь день въ обществѣ королевы, императоръ Николай избѣгалъ, однако, разговоровъ съ нею о политикѣ. За то, онъ не упускалъ ни единаго случая, чтобы заводить подобные разговоры съ принцемъ Альбертомъ и главными министрами: сэръ Робертомъ Пилемъ, лордомъ Абердиномъ, герцогомъ Веллингтономъ, находившимися въ числѣ приглашенныхъ къ королевскому столу. Бесѣды эти бывали очень продолжительны и длились иногда по нѣскольку часовъ. Собесѣдниковъ государя поражала необыкновенная прямота и откровенность его рѣчей. «Я знаю»,—говорилъ онъ имъ,—«что меня принимаютъ за притворщика, но это неправда. Я искрененъ, говорю что думаю и держу данное слово» [1]).

24 мая (5 іюня) въ Виндзорскомъ паркѣ происходилъ большой парадъ. Войска и толпа собравшихся зрителей привѣтствовали русскаго императора восторженными кликами. Его величество оставилъ королеву лишь на нѣсколько минутъ, чтобы проѣхать вдоль фронта, и, возвратясь къ ней, благодарилъ ее за доставленный ему случай снова повидаться «со старыми товарищами». Похваливъ быстроту и точность движеній англійской артиллеріи, государь, обратясь къ королевѣ, сказалъ: «Прошу, ваше величество, разсчитывать и на мои войска, какъ на свои собственныя». Въ заключеніе всѣ бывшія на парадѣ части прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо королевы и императора. Во главѣ войскъ ѣхалъ престарѣлый главнокомандующій, герцогъ Веллингтонъ, а впереди своего полка—принцъ Альбертъ, салютовавшій ихъ величествамъ [2]).

На слѣдующій день были скачки въ Аскотѣ, національный праздникъ для всей Англіи. Пріемъ, сдѣланный императору безчисленными толпами народа, былъ еще шумнѣе и торжественнѣе, чѣмъ наканунѣ. Всеобщее вниманіе было устремлено на него. «Гдѣ онъ ни показывается,»—писала мужу баронесса Бунзенъ,—«всюду встрѣчаютъ его громкими восклицаніями. Статный и красивый мужчина всегда нравится Джону Булю,—такова національная его слабость. Кромѣ того, Джонъ Буль польщенъ столь высокимъ посѣщеніемъ, такимъ знакомъ вниманія, оказаннаго его королевѣ и ему самому. На скачкахъ

---

[1]) Stockmar's *Denkwürdigkeiten*, стр. 400.

[2]) Королева Викторія королю Леопольду, 30 мая (11 іюня) 1844. Ср. Guizot: *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, VI, стр. 209.

императоръ причинилъ большое безпокойство своей свитѣ, отдѣлясь отъ нея и быстрыми шагами направившись одинъ въ самую середину толпы. Графъ Орловъ, баронъ Брунновъ напрасно пытались послѣдовать за нимъ. Хотя онъ и отдѣлялся отъ окружавшаго его народа высокимъ своимъ ростомъ и блестящимъ мундиромъ, но съ трудомъ пролагалъ себѣ путь въ толпѣ. Когда онъ возвратился къ своей свитѣ и замѣтилъ ея смущеніе, то засмѣялся и сказалъ: «Что съ вами? Эти люди не причинятъ мнѣ никакого зла!» Всякій со страхомъ вспомнилъ,»—замѣчаетъ баронесса Бунзенъ, — «о томъ, что могли предпринять поляки [1])».

По мѣрѣ того, какъ императоръ Николай сближался со своими державными хозяевами, онъ все болѣе и болѣе располагалъ ихъ въ свою пользу. Государь былъ въ высшей степени предупредителенъ и любезенъ съ королевою, дружественно ласковъ съ принцемъ Альбертомъ, нѣженъ и привѣтливъ съ королевскими дѣтьми. «Вотъ сладкія минуты нашей жизни»,— говорилъ онъ, указывая на нихъ ея величеству. Онъ бралъ дѣтей на руки, цѣловалъ ихъ, игралъ съ ними. О принцѣ Альбертѣ онъ отзывался съ величайшею похвалою. «Невозможно,»— сказалъ онъ королевѣ,—«представить себѣ бо́льшаго красавца, видъ его такъ благороденъ и добръ». Самому принцу онъ выразилъ надежду, что они когда-нибудь встрѣтятся оба въ однихъ рядахъ на полѣ брани. Наконецъ, лорду Абердину его величество замѣтилъ, что хотѣлъ бы быть отцомъ такого сына, каковъ принцъ Альбертъ, а сэръ Роберту Пилю — что пожелалъ бы всякому германскому государю обладать способностями и умомъ супруга королевы [2]).

Въ пятницу, 26 мая (7 іюня), дворъ возвратился въ Лондонъ. Въ этотъ разъ государь остановился уже въ Букингамскомъ дворцѣ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ женамъ министровъ и другимъ знатнымъ дамамъ, посѣтилъ лэди Лондондерри, лэди Грахамъ и лэди Каннингъ и прогулялся по Гайдъпарку. Обѣдъ происходилъ во дворцѣ, гдѣ вечеромъ былъ блестящій пріемъ, на которомъ собралось 260 приглашенныхъ. Его величество, смѣясь, замѣтилъ королевѣ, что его смущаетъ

---

[1]) Баронесса Бунзенъ мужу, 26 мая (7 іюня) 1844.

[2]) Королева Викторія королю Леопольду, 23 и 30 мая (4 и 11 іюня) 1844. Ср. Th. Martin: «*The life of the Prince Consort*», стр. 218, съ Stockmar's *Denkwürdigkeiten*, стр. 397.

представленіе незнакомыхъ ему лицъ, но представленіе все же состоялось: дамъ своего двора представляла императору сама королева, кавалеровъ—принцъ Альбертъ [1]).

На томъ же вечерѣ представлялся его величеству дипломатическій корпусъ. При этомъ встрѣтилось затрудненіе, какъ поступить относительно представителей государей, либо непризнанныхъ Россіею, либо такихъ, съ которыми были прерваны наши дипломатическія сношенія. Въ подобномъ положеніи находились министры бельгійскій, испанскій и португальскій. Императоръ согласился допустить и ихъ къ пріему и особенно ласково обошелся съ французскимъ посломъ, графомъ Сентъ-Олеромъ. Впрочемъ, милостивыя слова его величества относились лично къ послу и въ разговорѣ съ нимъ онъ даже ни разу не упомянулъ имени короля Лудовика-Филиппа [2]).

Утромъ, 27 мая (8 іюня), государь возобновилъ свои прогулки по Лондону, заѣзжалъ въ военный клубъ (United service Club) и осматривалъ работы воздвигаемаго новаго зданія парламента, а потомъ отправился въ замокъ Чисвикъ, принадлежащій герцогу Девонширскому, давшему въ честь его блестящій праздникъ. Другой знатный членъ англійской аристократіи, также бывшій посолъ въ С.-Петербургѣ, лордъ Кланрикардъ, просилъ его величество удостоить посѣщеніемъ балъ, предположенный на слѣдующій понедѣльникъ, 29 мая (10 іюня), но государь не принялъ приглашенія, такъ какъ отъѣздъ его былъ назначенъ на слѣдующій день, въ воскресенье. Въ Чисвикѣ онъ увидалъ лорда Мельбурна, бывшаго много лѣтъ главою министерства виговъ, столь враждебно относившагося къ Россіи. Въ тотъ же день за обѣдомъ во дворцѣ королева замѣтила, что лично министръ этотъ питаетъ глубокое уваженіе къ императору. «И я тоже очень уважаю лорда Мельбурна»,— отвѣчалъ государь, — «всѣ, кто служитъ вашему величеству, мнѣ дороги». Вообще, онъ былъ очень доволенъ сдѣланнымъ ему въ Чисвикѣ пріемомъ, съ похвалою отзывался о великолѣпіи и роскоши праздника и о большомъ числѣ присутствовавшихъ на немъ красавицъ [3]).

Приближался часъ разлуки. Отводя королеву подъ руку

---

[1]) Королева Викторія королю Леопольду, 30 мая (11) іюня) 1844.

[2]) Ср. Stockmar's *Denkwürdigkeiten*, стр. 396 и Guizot: *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, IV, стр. 210.

[3]) Королева Викторія королю Леопольду, 30 мая (11 іюня) 1844.

изъ-за стола въ гостиную, государь сказалъ: «Сегодня, къ несчастію, послѣдній вечеръ, когда я пользуюсь ласкою вашего величества, но воспоминаніе о ней вѣчно запечатлѣется въ моемъ сердцѣ. Я васъ, вѣроятно, больше не увижу». Королева Викторія возразила, что онъ легко можетъ снова посѣтить Англію. «Вы знаете, какъ трудно намъ предпринимать подобныя путешествія,»—воскликнулъ императоръ. «Но я поручаю вамъ дѣтей моихъ»,—прибавилъ онъ, съ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ [1].

Вечеръ субботы окончился въ оперномъ театрѣ. Хотя тамъ и не ожидали королевы и ея августѣйшихъ гостей, но встрѣтили ихъ громомъ рукоплесканій. Не смотря на настояніе ея величества, государь не хотѣлъ занять мѣсто впереди ея. Тогда королева взяла его за руку и подвинула впередъ, при оглушительныхъ восклицаніяхъ публики [2].

Въ день отъѣзда, приходившійся въ воскресенье, государь отстоялъ обѣдню въ церкви русскаго посольства и сдѣлалъ прощальные визиты первому министру и своему представителю при лондонскомъ дворѣ. За завтракомъ у королевы онъ снова въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ выразилъ ей свою признательность и присовокупилъ: «Я уѣзжаю съ чувствомъ глубочайшей преданности къ вашему величеству и къ тому (взявъ руку принца Альберта), кто сталъ для меня какъ бы братомъ».

Прощаніе императора съ королевскою семьею было задушевно. И гость, и хозяева казались растроганными. Сойдясь ближе, они научились взаимно цѣнить и уважать другъ друга. «Я узнала императора,»—писала королева Викторія дядѣ своему королю Леопольду,—«а онъ узналъ меня». Въ дневникѣ своемъ ея величество такъ описываетъ трогательную картину разставанья:

«Незадолго до пяти часовъ, мы спустились внизъ, чтобы ждать съ дѣтьми въ малой гостиной. Вскорѣ послѣ того вошелъ императоръ и началъ говорить съ нами. Затѣмъ онъ сказалъ со вздохомъ и съ чувствомъ, смягчившимъ всю строгость его осанки: «Я уѣзжаю отсюда, государыня, съ грустью въ сердцѣ, проникнутый вашею ласкою ко мнѣ. Вы можете

---

[1]) Королева Викторія королю Леопольду, 30 мая (11 іюня) 1844.

[2]) То же письмо.

всегда и вполнѣ положиться на меня, какъ на самаго преданнаго вамъ человѣка. Да благословитъ васъ Богъ!» Онъ снова поцѣловалъ и пожалъ мою руку, а я поцѣловала его. Онъ обнялъ дѣтей съ нѣжностью и сказалъ: «Богъ да благословитъ ихъ, вамъ на счастье». Онъ не хотѣлъ, чтобы я провожала его, говоря: «Умоляю васъ! Не идите дальше! Я упаду къ вашимъ ногамъ! Позвольте мнѣ отвести васъ въ ваши покои» [1])! Но, конечно, я не согласилась и подъ руку съ нимъ направилась къ сѣнямъ... На верху немногихъ ступеней, ведущихъ въ нижнія сѣни, онъ снова крайне ласково простился со мною, и голосъ его обличалъ его смущеніе. Онъ поцѣловалъ мою руку, и мы обнялись. Увидавъ, что онъ дошелъ до двери, я спустилась съ лѣстницы, и онъ изъ кареты просилъ меня не оставаться тутъ; но я осталась и видѣла, какъ онъ съ Альбертомъ уѣхалъ въ Вульвичъ» [2]).

Въ Вульвичѣ государь осмотрѣлъ знаменитые доки и строившіяся на нихъ суда, и въ 7 часовъ вечера, простясь съ принцемъ Альбертомъ, отплылъ на англійскомъ кораблѣ «Black Eagle». Баронъ Брунновъ сопровождалъ его величество до Гревесенда, гдѣ государь вручилъ своему министру знаки ордена св. Андрея для принца Валлійскаго. Всѣ состоявшіе при императорѣ чины англійскаго двора были щедро одарены золотыми табакерками и другими богатыми подарками.

Передъ отъѣздомъ государь пожертвовалъ значительныя суммы на различныя патріотическія и благотворительныя цѣли. Независимо отъ приза, основаннаго имъ на англійскихъ скачкахъ, онъ велѣлъ препроводить отъ своего имени по 500 фунтовъ стерлинговъ герцогамъ: Веллингтону — на памятникъ Нельсону, а Рутланду — на памятникъ самому Веллингтону. Такая же сумма была выдана, по его приказанію, для раздачи бѣднымъ англиканскаго прихода св. Георгія, въ чертѣ коего находилось русское посольство; 1,000 фунтовъ стерлинговъ назначено обществу вспомоществованія неимущимъ иностранцамъ, а 100 фунтовъ—на содержаніе учрежденной для иностранцевъ больницы [3]).

---

[1]) Королева была, какъ замѣчено выше, на седьмомъ мѣсяцѣ беременности. 25 іюля (6 августа) 1844 года она разрѣшилась отъ бремени сыномъ, принцемъ Альфредомъ, герцогомъ Эдинбургскимъ.

[2]) Изъ дневника королевы Викторіи, въ «Th. Martin: *The life of the Prince Consort*», I, стр. 221—222.

[3]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, 1 (13) іюня 1844.

На другой день по отъѣздѣ его величества долженъ былъ состояться балъ, ежегодно устраиваемый въ пользу проживающихъ въ Лондонѣ неимущихъ польскихъ выходцевъ. Государь разрѣшилъ барону Бруннову сдѣлать отъ своего имени приношеніе и отправить его къ стоявшей во главѣ предпріятія герцогинѣ Сомерсетской при письмѣ, въ которомъ посланникъ нашъ объявлялъ, что государю угодно видѣть въ покровительствуемомъ ею балѣ лишь дѣло благотворительности, а не политическую демонстрацію [1].

По собственному выраженію королевы Викторіи, посѣщеніе Англіи императоромъ Николаемъ было «великимъ событіемъ и большою вѣжливостью» [2]. Всѣ были крайне польщены имъ, не только дворъ и министерство, но даже и оппозиція. Лордъ Пальмерстонъ писалъ по этому поводу: «Надѣюсь, что русскій императоръ останется доволенъ пріемомъ. Важно, чтобы онъ вынесъ благопріятное впечатлѣніе изъ Англіи. Онъ могущественъ и во многихъ случаяхъ можетъ дѣйствовать или въ нашу пользу, или намъ во вредъ, смотря потому, хорошо или дурно онъ расположенъ къ намъ; и если мы можемъ пріобрѣсти его благоволеніе вѣжливостью, не жертвуя національными интересами, то было бы глупо не поступить такъ. Впрочемъ, я могу сказать, что онъ будетъ принятъ прекрасно, ибо извѣстно, что личность его, обхожденіе и манеры привлекательны» [3].

Простота, непринужденность, ласковость въ обращеніи государя окончательно обворожили и дворъ, и все англійское общество. Каждое появленіе его въ публикѣ вызывало восторженныя восклицанія. Но самую трудную побѣду одержалъ онъ надъ предубѣжденіями королевы Викторіи, до личнаго съ нимъ знакомства имѣвшей о немъ весьма неправильное представленіе, сложившееся подъ вліяніемъ предвзятыхъ и врожденныхъ взглядовъ на Россію и ея государя, бывшихъ въ то время въ ходу въ Западной Европѣ. Въ письмѣ, написанномъ тотчасъ по его пріѣздѣ къ королю бельгійцевъ, ея величество подробно изложила первое впечатлѣніе, произведенное на нее высокимъ гостемъ. Въ отзывѣ ея хотя и слышится коегдѣ, какъ бы отголосокъ прежнихъ предубѣжденій, но выра-

[1]) Та же депеша. Ср. Guizot Mémoires, IV, стр. 209.
[2]) Королева Викторія королю Леопольду, 23 мая (4 іюня) 1844.
[3]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ Вильяму Темплю, 24 мая (5 іюня) 1844.

жается прежде всего глубокое уваженіе къ личнымъ достоинствамъ русскаго императора.

«Видъ его,»—писала королева,—«безъ сомнѣнія, поражаетъ; онъ все еще очень хорошъ собою; профиль его прекрасенъ, а манеры—полны достоинства и граціи. Онъ очень вѣжливъ, его внимательность и любезность даже внушаютъ опасеніе. Но выраженіе очей его строго, и не походитъ ни на что, прежде видѣнное мною. Онъ производитъ на Альберта и на меня впечатлѣніе человѣка несчастливаго, котораго давитъ и мучитъ тяжесть его безмѣрнаго могущества и положенія. Онъ рѣдко улыбается, а когда и улыбнется, то выраженіе его улыбки несчастливое. Онъ очень простъ въ обхожденіи» [1].

Въ другомъ письмѣ къ королю Леопольду королева сообщала: «Онъ (императоръ) былъ очень растроганъ, разставаясь съ нами, и искренно и непритворно тронутъ пріемомъ и пребываніемъ здѣсь, простота и спокойствіе которыхъ указываютъ на привязанность его къ семейной жизни. Привязанность эта дѣйствительпо очень велика». И далѣе: «Теперь, разсказавъ все, что произошло, я передамъ вамъ мои мнѣнія и чувства объ этомъ предметѣ, которыя, смѣю сказать, раздѣляются и Альбертомъ. Я была очень настроена противъ посѣщенія, опасаясь стѣсненія и тягости, и даже вначалѣ оно мнѣ нисколько не улыбалось. Но, проживъ въ одномъ домѣ вмѣстѣ, спокойно и нестѣснительно (въ томъ и состоитъ, какъ весьма справедливо полагаетъ Альбертъ, великое преимущество такихъ посѣщеній, что я не только вижу этихъ высокихъ посѣтителей, но и узнаю ихъ), я узнала императора, а онъ узналъ меня. Въ немъ есть многое, съ чѣмъ я не могу примириться, и я думаю, что надо разсматривать и понимать его характеръ такимъ, каковъ онъ есть. Онъ суровъ и серіозенъ, вѣренъ точнымъ началамъ долга, измѣнить которымъ не заставитъ его ничто на свѣтѣ. Я не считаю его очень умнымъ, умъ его не обработанъ. Его воспитаніе было небрежно. Политика и военное дѣло — единственные предметы, внушающіе ему большой интересъ; онъ не обращаетъ вниманія на искусства и на всѣ болѣе нѣжныя занятія; но онъ искрененъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь, искрененъ даже въ наиболѣе деспотическихъ своихъ поступкахъ, будучи убѣжденъ, что таковъ единственно возможный

[1] Королева Викторія королю Леопольду, 23 мая (4 іюня) 1844.

способъ управлять. Я увѣрена, что онъ не подозрѣваетъ ужасныхъ случаевъ личнаго несчастія, столь часто имъ причиняемыхъ, ибо я усмотрѣла, изъ различныхъ примѣровъ, что его содержатъ въ невѣдѣніи о многихъ дѣлахъ, совершаемыхъ его подданными въ высшей степени продажными путями, тогда какъ онъ считаетъ себя чрезвычайно справедливымъ. Онъ помышляетъ объ общихъ мѣрахъ и не входитъ въ подробности, и я увѣрена, что многое никогда не достигаетъ до его слуха, да и не можетъ достигнуть, если пристально вглядѣться въ дѣло... Я готова сказать даже, что онъ слишкомъ откровененъ, ибо онъ говоритъ открыто передъ всѣми, чего бы не слѣдовало, и съ трудомъ сдерживаетъ себя. Забота его о томъ, чтобы ему вѣрили, очень велика, и я должна признаться, что сама расположена вѣрить его личнымъ обѣщаніямъ. Его чувства очень могучи. Онъ простъ, чувствителенъ и ласковъ, а любовь его къ женѣ и своимъ дѣтямъ, да и ко всѣмъ дѣтямъ вообще— очень велика» [1]).

Королеву поразили мысли, высказанныя императоромъ о воспитаніи дѣтей и объ отношеніяхъ ихъ къ родителямъ. «Имъ слѣдуетъ внушать»,—говорилъ онъ ей,—«чувства возможно большаго почтенія, но въ то же время вселять въ нихъ и довѣріе къ родителямъ, а не страхъ». Про свое воспитаніе онъ замѣтилъ, что оно было очень строго и что онъ выросъ въ постоянной боязни передъ матерью. Не безъ удивленія услыхала ея величество изъ устъ русскаго самодержца выраженіе его глубокаго убѣжденія, «что въ настоящее время члены царственныхъ домовъ должны стремиться стать достойными своего высокаго положенія, чтобы помирить съ нимъ народное чувство» [2]). Взглядъ этотъ нашелъ себѣ задушевный отголосокъ въ сердцѣ принца Альберта,—замѣчаетъ его біографъ.

Въ письмахъ къ королю Леопольду королева неоднократно возвращалась къ описанію наружности русскаго императора. «Онъ несчастливъ, и меланхолія, проглядывающая въ его внѣшности, по временамъ наводила на насъ грусть. Суровость его взгляда исчезаетъ въ значительной степени, по мѣрѣ того, какъ знакомишься съ нимъ, и измѣняется сообразно тому, владѣетъ ли онъ собою, или нѣтъ (его можно привести въ

---

[1]) Королева Викторія королю Леопольду, 30 мая (11 іюня) 1844.

[2]) Изъ дневника королевы Викторіи.

большое смущеніе,—замѣчаетъ въ скобкахъ королева), а также когда онъ разгоряченъ, такъ какъ онъ страдаетъ приливомъ крови къ головѣ. Онъ никогда не пьетъ ни единой капли вина и ѣстъ чрезвычайно мало. Альбертъ полагаетъ, что онъ слишкомъ расположенъ слѣдовать душевному импульсу или чувству, что заставляетъ его часто поступать несправедливо. Его восхищеніе женскою красотою очень велико... Но онъ остается вѣренъ тѣмъ, кѣмъ онъ восхищался двадцать восемь лѣтъ назадъ» [1]).

Эта послѣдняя черта въ характерѣ государя не ускользнула отъ вниманія и барона Стокмара. «Императоръ», — пишетъ онъ въ своихъ «Запискахъ»,—«все еще великій поклонникъ женской красоты. Онъ выказалъ большое вниманіе всѣмъ англичанкамъ, бывшимъ прежде предметами его почитанія. Все это, въ соединеніи съ повелительною его осанкою и предупредительною любезностью въ отношеніи прекраснаго пола, конечно, побѣдило большинство дамъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ. Мужчины хвалили его чувство собственнаго достоинства, тактъ и точность, отличавшіе его въ обществѣ» [2]).

Кратковременное пребываніе императора Николая въ Англіи, несомнѣнно, сдѣлало его крайне популярнымъ во всемъ Соединенномъ королевствѣ. О такомъ результатѣ его поѣздки баронъ Брунновъ писалъ графу Нессельроде въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Посѣщеніе Англіи нашимъ августѣйшимъ государемъ увѣнчало всѣ наши желанія и осуществило всѣ надежды. Невозможно дать вамъ вѣрное понятіе о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ въ этой странѣ присутствіемъ императора. Чувства дружбы, выраженныя ему ея величествомъ королевой, усердная заботливость о немъ принца Альберта, полныя довѣрія бесѣды его съ главными членами великобританскаго кабинета, воодушевленіе, съ коимъ встрѣтили его всѣ сословія англійскаго народа, наконецъ, искреннее удовольствіе, которое онъ испыталъ, увидавъ себя снова въ средѣ большаго числа лицъ, почтенныхъ его милостивымъ вниманіемъ во время перваго посѣщенія имъ Англіи,—всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ

---

[1]) Королева Викторія королю Леопольду, 30 мая (11 іюня) 1844.
[2]) Stockmar's *Denkwürdigkeiten*, стр. 400.

взятыя вполнѣ отвѣчали справедливымъ ожиданіямъ нашего августѣйшаго государя» [1]).

Внѣшній успѣхъ императорской поѣздки былъ единогласно признанъ и при другихъ иностранныхъ дворахъ. Австрійскій посланникъ въ Лондонѣ, баронъ Нейманъ, выразилъ по этому поводу свое удовольствіе барону Бруннову, а княгиня Меттернихъ, жена канцлера, занесла въ свой дневникъ, что, «повидимому, лондонская публика, не смотря на то, что она не была сначала расположена оказать императору Николаю хорошій пріемъ, кончила тѣмъ, что помирилась съ нимъ и даже дошла до энтузіазма» [2]). Наконецъ, такой личный недоброжатель русскаго императора, какимъ былъ Гизо, вынужденъ былъ признать обаяніе «государя-царедворца, прибывшаго съ цѣлью явить свое величіе и любезность, плѣнить королеву Викторію, ея министровъ, дамъ, аристократію, народъ, всѣхъ въ Англіи» [3]).

Но личнымъ успѣхомъ государя не исчерпывалось значеніе предпринятаго имъ путешествія.

III.

Политическіе переговоры.

Догадки Бунзена.—Цѣль императорской поѣздки.—Бесѣды съ королевой.—Разговоръ съ Абердиномъ о Бельгіи, о Франціи и о соглашеніи Россіи съ Англіею.—Объясненія съ Пилемъ и Абердиномъ по дѣламъ Востока.—Предложенный уговоръ на случай распаденія Турціи.—Мюнхенгрецкая конвенція.—Довѣрительный меморандумъ графа Нессельроде.—Разнорѣчіе между государемъ и вице-канцлеромъ.—Частное соглашеніе по средне-азіятскому вопросу.—Главная цѣль поѣздки остается недостигнутою.

Въ Европѣ поѣздкѣ, предпринятой русскимъ императоромъ въ Англію единогласно приписывали большое политическое значеніе. Мы познакомились уже съ предположеніями, высказанными по поводу ея главою французскаго кабинета. Въ Берлинѣ терялись въ догадкахъ, тѣмъ болѣе, что въ проѣздъ свой чрезъ этотъ городъ государь, повидимому, не счелъ нужнымъ открыть свои намѣренія королю Фридриху-Вильгельму. По

[1]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, 30 мая (11 іюня) 1844.

[2]) *Mémoires de Metternich*, VII, стр. 6.

[3]) Guizot, *Mémoires pour servir à l'histoirede mon temps*, VI, стр. 208—209.

крайней мѣрѣ, ближайшій другъ и довѣренный совѣтникъ короля, Бунзенъ, въ письмахъ къ женѣ своей, не высказывая ничего положительнаго, ограничивался соображеніями чисто гадательнаго свойства.

«Чего хочетъ императоръ?»—спрашивалъ онъ самъ себя.— «Во-первыхъ, онъ хочетъ сдѣлать непріятность королю Лудовику-Филиппу; во-вторыхъ, подражать королю Фридриху-Вильгельму IV въ его царственной любезности относительно обладательницы Британскихъ острововъ; въ-третьихъ, расположить въ свою пользу королеву Викторію, Пиля, Веллингтона и отстранить ихъ отъ Франціи. Эта послѣдняя цѣль—единственная разумная: она вдохновляетъ с.-петербургскій кабинетъ и составляетъ основаніе политики Бруннова». По мнѣнію Бунзена, это было нужно для осуществленія плановъ, касающихся близкаго будущаго, причемъ для Россіи важно было, чтобы Англія не дѣйствовала заодно съ Франціею. Въ этихъ видахъ, императоръ Николай, вѣроятно-де, подтвердитъ англійскимъ министрамъ то, въ чемъ они убѣждены и безъ того, а именно что самъ онъ никогда не протянетъ руки Франціи для заключенія съ нею союзнаго договора, какъ того желали бы всѣ прочіе русскіе государственные люди (?), съ тѣмъ, чтобы подѣлить Турцію, не спрашиваясь ни Англіи, ни Германіи. Замѣчательно, что эта боязнь непосредственнаго соглашенія Россіи съ Франціею по восточнымъ дѣламъ одинаково озабочивала англійскихъ и нѣмецкихъ министровъ и дипломатовъ сороковыхъ годовъ и не разъ находила себѣ выраженіе въ ихъ рѣчахъ и письмахъ.

«А потомъ?» — продолжаетъ спрашивать Бунзенъ. — «Потомъ? Ахъ! вотъ гдѣ міръ замкнутъ въ загородкѣ, мѣшающей ему видѣть суть вещей. Англія не даетъ условныхъ обѣщаній, не принимаетъ на себя условныхъ обязательствъ; среди ея нынѣшнихъ государственныхъ людей нѣтъ ни одного, кто былъ бы въ состояніи задумать относительно Турціи предусмотрительную политику и схватить топоръ за рукоятку; но если бы такой и нашелся, то онъ вынужденъ былъ бы отложить свои рѣшенія до наступленія кризиса, и не могъ бы ихъ принять въ виду будущаго. Итакъ, въ концѣ концовъ, капризъ самодержца внушилъ ему мысль этого путешествія, во всякомъ случаѣ смѣлую мысль!» [1]).

---

[1]) Баронъ Бунзенъ женѣ, 15 (27) мая 1844.

Бунзенъ ошибался. Цѣль государя была и проще, и шире. Она состояла въ томъ, чтобы, какъ мы уже сказали, разсѣять укоренившіяся въ Англіи при дворѣ, въ правительствѣ, въ парламентѣ, въ общественномъ мнѣніи предубѣжденія противъ русской политики, внушить довѣріе къ себѣ, къ своему личному характеру и откровеннымъ обмѣномъ мыслей по главнымъ европейскимъ вопросамъ попытаться достигнуть искренняго и прочнаго соглашенія съ великобританскимъ кабинетомъ. Желаніе это раздѣлялось и главою этого кабинета сэръ Робертомъ Пилемъ, и министромъ иностранныхъ дѣлъ лордомъ Абердиномъ, такъ много потрудившимися надъ осуществленіемъ императорской поѣздки, устраненіемъ всѣхъ представлявшихся ей препятствій.

Избѣгая политическихъ разговоровъ съ королевой, императоръ Николай не скрывалъ отъ нея, однако, что прибылъ въ Англію въ надеждѣ улучшить отношенія свои къ ея правительству. «Государямъ», — говорилъ онъ ей, — «не мѣшаетъ время отъ времени взглянуть на положеніе дѣлъ собственными глазами, такъ какъ не всегда можно довѣрять дипломатіи. Личныя свиданія и переговоры возбуждаютъ въ нихъ чувства взаимной дружбы, сознаніе взаимныхъ пользъ; къ тому же въ простой бесѣдѣ каждому несравненно удобнѣе объяснить свои впечатлѣнія, намѣренія и побужденія, чѣмъ въ цѣлой массѣ посланій или писемъ» [1]. Коснувшись общаго состоянія Европы, государь утверждалъ, что главная его забота поддерживать хорошія отношенія съ Англіей, но отнюдь не въ ущербъ прочимъ державамъ, «лишь бы вещи оставались, каковы онѣ теперь». Не вдаваясь въ подробности и не разспрашивая королеву ни о чемъ, онъ упомянулъ только объ опасеніяхъ, внушаемыхъ ему Востокомъ и внутреннимъ положеніемъ Австріи [2].

Гораздо обстоятельнѣе и сообщительнѣе былъ императоръ въ бесѣдахъ своихъ съ принцемъ Альбертомъ и съ членами кабинета. Съ ними онъ подвергалъ полному и всестороннему обсужденію всѣ главные насущные политическіе вопросы, и если не всегда успѣвалъ переубѣдить ихъ, за то не оставлялъ въ нихъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно своего

---

[1]) См. Th. Martin: «*The life of the Prince Consort*», I, стр. 215.

[2]) Изъ письма королевы Викторіи къ королю Леопольду, отъ 30 мая (11 іюня) 1844.

прямодушія, чистоты намѣреній, твердости и непреклонности убѣжденій.

Англійское правительство и въ особенности дворъ были немало озабочены прерваніемъ дипломатическихъ сношеній между Россіею и Бельгіею. Молодое королевство со дня своего основанія пользовалось расположеніемъ сентъ-джемскаго кабинета, считавшаго его какъ бы своимъ созданіемъ. Сверхъ того, узы самой тѣсной дружбы и родства связывали королеву Викторію и ея супруга съ дядей ихъ, королемъ бельгійцевъ. Естественно было воспользоваться пребываніемъ въ Англіи императора Николая, чтобы возбудить съ нимъ вопросъ о возобновленіи прерванныхъ съ Бельгіею сношеній. Мысль эта была внушена лорду Абердину барономъ Стокмаромъ, неусыпнымъ блюстителемъ пользъ и выгодъ Кобургскаго дома. По просьбѣ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графъ Орловъ взялся предупредить о томъ государя.

Его величество имѣлъ съ лордомъ Абердиномъ продолжительную бесѣду 23 мая (4 іюня), на другой день по прибытіи своемъ въ Виндзорскій замокъ. Прежде чѣмъ министръ успѣлъ направить разговоръ на интересовавшій его предметъ, «вы хотите говорить со мною о Бельгіи?»—воскликнулъ съ живостью государь.—«Хорошо. Давайте говорить о ней сейчасъ. Сядемте. Я забуду, что я императоръ; вы забудьте, что вы англійскій министръ. Будемте просто, я—Николай, вы—Абердинъ. Итакъ, вы говорите, что королева желала бы видѣть меня на дружеской ногѣ съ Леопольдомъ. Я самъ искренно желаю того же, я всегда любилъ и уважалъ дядю королевы, и былъ бы отъ души радъ возвратиться къ прежней нашей дружбѣ; но, пока польскіе офицеры останутся на службѣ короля,—это совершенно невозможно. Согласно нашему условію мы обсуждаемъ дѣло не какъ императоръ и министръ, а какъ джентельмены. Поляки были и остаются мятежниками. Позволительно ли джентельмену принимать къ себѣ на службу людей виновныхъ въ мятежѣ противъ его друга? Леопольдъ взялъ мятежниковъ подъ свое покровительство. Что бы сказали вы, если бы я сталъ покровительствовать О'Коннелю, вздумалъ назначить его своимъ министромъ? Что касается Скржинецкаго, это не такъ важно, онъ ранѣе оставилъ нашу службу, но Крушевскій—совсѣмъ другое дѣло, случай непростительный. Онъ былъ адъютантомъ брата моего Константина.

Леопольдъ назначилъ его на довѣренный постъ, произвелъ въ генералы. Можетъ ли джентельменъ поступать такъ относительно другаго джентельмена? Скажите вашей королевѣ, что въ тотъ самый день, когда ея величество дастъ мнѣ знать, что поляки оставили службу короля бельгійцевъ, министръ мой получитъ приказаніе какъ можно скорѣе отправиться въ Брюссель».

«Я не призналъ бельгійской революціи,»—продолжалъ государь, — «и никогда ея не признаю. Впослѣдствіи, однако, я призналъ Бельгійское королевство. Я умѣю держать свое слово, уважаю договоры и свято исполняю ихъ. Я долгомъ считаю отнынѣ охранять существованіе Бельгіи, какъ и всякаго другаго установленнаго государства въ Европѣ. Я желаю преуспѣянія Бельгіи, какъ и всѣхъ прочихъ державъ» [1]).

На этомъ и остановилось дѣло. Въ виду категорическаго заявленія государя, англійскій министръ далѣе не настаивалъ. Лишь гораздо позже, а именно въ 1852 году, когда Бельгійскому королевству угрожали завоевательныя стремленія возстановленной имперіи во Франціи, и ему важно было заручиться поддержкою Россіи, король Леопольдъ рѣшился удалить бывшихъ въ его службѣ польскихъ офицеровъ. Вѣрный слову, данному лорду Абердину за восемь лѣтъ передъ тѣмъ, императоръ Николай тотчасъ возобновилъ дипломатическія сношенія съ брюссельскимъ дворомъ.

Также рѣшительно и откровенно высказалъ государь лорду Абердину взглядъ свой на положеніе дѣлъ во Франціи и на правительство ея, народившееся изъ іюльскихъ баррикадъ. «Лудовикъ-Филиппъ,»—заявилъ онъ,—«оказалъ Европѣ большія услуги, я признаю это. Лично, я никогда не буду его другомъ. Говорятъ, его семья примѣрна и вполнѣ заслуживаетъ похвалы; но самъ онъ, — что онъ сдѣлалъ? Чтобы основать, укрѣпить свое положеніе, онъ искалъ подкопать мое положеніе, подорвать достоинство мое, какъ русскаго императора. Я никогда ему этого не прощу». Впрочемъ, главнымъ препятствіемъ къ сближенію Россіи съ Франціею въ глазахъ государя былъ

---

[1]) Сохраненіемъ этого замѣчательнаго разговора императора Николая съ лордомъ Абердиномъ, а также приводимыхъ ниже разговоровъ его съ тѣмъ же Абердиномъ и сэръ Робертомъ Пилемъ, мы обязаны барону Стокмару записавшему ихъ со словъ англійскихъ министровъ. Своеобразные обороты, свойственные государю, не оставляютъ сомнѣнія въ подлинности означенныхъ рѣчей его. См. *Stockmar's Denkwürdigkeiten*, стр. 394 и слѣд.

самый принципъ іюльскаго правительства, принципъ революціонный, прямо противоположный и чувствамъ его, и политикѣ. Но, признавъ, въ 1830 году, Лудовика-Филиппа, онъ не искалъ вредить ему, не давая врагамъ его ни малѣйшей поддержки. «Я не карлистъ,»—говорилъ онъ лорду Абердину;—«за нѣсколько дней до обнародованія указовъ іюля 1830 года, я предостерегъ Карла X противъ всякой попытки совершить государственный переворотъ, я велѣлъ предсказать ему его послѣдствія; онъ далъ мнѣ честное слово, что и не помышляетъ о такомъ переворотѣ, и тотчасъ же приказалъ обнародовать указы. Я никогда не стану поддерживать Генриха V. Когда меня спросили подъ рукою, можетъ ли онъ посѣтить меня, я велѣлъ отвѣчать, что приму его, но только какъ частное лицо; а что въ виду того, что такой пріемъ могъ бы повредить его дѣлу въ глазахъ Европы, обезнадежить его друзей и сторонниковъ, лучше было бы, по моему мнѣнію, не возбуждать о немъ и рѣчи».

Государь замѣтилъ, что не одобряетъ «комедіи», разыгранной графомъ Шамборомъ въ Англіи; что послѣдній можетъ сохранять убѣжденіе, что онъ законный король Франціи, но что разыгрывать роль претендента—нелѣпо. Перейдя къ оцѣнкѣ современныхъ французскихъ государственныхъ людей, его величество прибавилъ: «Я совсѣмъ не люблю Гизо. Онъ мнѣ нравится еще меньше Тьера. Тьеръ хоть и фанфаронъ, но откровененъ; онъ гораздо менѣе вреденъ и опасенъ, чѣмъ Гизо, который такъ недостойно поступилъ съ Молэ, самымъ честнымъ человѣкомъ во Франціи». О тѣсномъ союзѣ Англіи съ Франціей государь отозвался, что не жалѣетъ о немъ нисколько и желаетъ ему продолжаться какъ можно долѣе, хотя и не вѣритъ въ его долговѣчность. Первая буря въ палатѣ разнесетъ его. Лудовикъ-Филиппъ попытается сопротивляться, но если не почувствуетъ себя достаточно сильнымъ, то самъ станетъ во главѣ движенія, чтобы спасти свою популярность [1]).

Такія откровенныя рѣчи императора о нерасположеніи его къ существующему во Франціи порядку вещей, вызвали горячія возраженія со стороны принца Альберта, а сэръ Робертъ Пиль прямо заявилъ, что политика его направлена къ тому, чтобы по смерти короля Лудовика-Филиппа французскій пре-

---

[1]) См. тамъ же, стр. 395 и 397, и Гизо, *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, VI, стр. 210—211.

столъ перешелъ безъ сотрясеній къ ближайшему законному наслѣднику Орлеанской династіи. «Я не имѣю ничего противъ этого»,—отвѣчалъ государь.—«Я желаю какъ можно больше счастія французамъ, но безъ спокойствія они не достигнутъ счастія. Они не должны производить взрывовъ внѣ своихъ предѣловъ. А потому будьте увѣрены, что я нимало не ревную васъ къ нимъ за ваше доброе согласіе съ Франціей, оно можетъ имѣть лишь благія послѣдствія для меня и для Европы. Вы пріобрѣтаете чрезъ него вліяніе, которое можете употребить съ пользою».

«Впрочемъ»,—добавилъ его величество,—«я пріѣхалъ сюда не съ политическою цѣлью. Я хочу завоевать ваше довѣріе, хочу, чтобы вы научились вѣрить, что я человѣкъ искренній, честный человѣкъ. Вотъ почему я открываю вамъ мои мысли объ этихъ предметахъ. Нельзя депешами достигнуть желаемаго мною результата».

Напомнивъ, что бывшій англійскій посолъ въ Петербургѣ, лордъ Дургамъ, скоро отрѣшился отъ прежнихъ предубѣжденій своихъ противъ него и Россіи, государь выразилъ увѣренность, что успѣетъ въ томъ же и относительно своего собесѣдника и Англіи вообще. «Надѣюсь»,—воскликнулъ онъ съ жаромъ,—«что личныя наши сношенія разрушатъ всѣ предразсудки, ибо я крайне дорожу мнѣніемъ англичанъ; но я не забочусь о томъ, что говорятъ обо мнѣ французы, мнѣ плевать на ихъ слова» [1]).

На что было нужно государю довѣріе англійскаго правительства? Очевидно, не для осуществленія какихъ-либо своекорыстныхъ плановъ на Востокѣ, а для мирнаго разрѣщенія Восточнаго вопроса путемъ обще-европейскаго соглашенія. Начало этому соглашенію уже было положено, въ 1833 году, въ Мюнхенгрецѣ, Россіею и Австріею, условившимися дѣйствовать сообща въ случаѣ распаденія Оттоманской имперіи. Къ этому условію примкнулъ берлинскій кабинетъ. Но успѣхъ его можно было бы считать обезпеченнымъ лишь съ той минуты, когда къ нему присоединилась бы и Англія. Въ такомъ случаѣ Франціи оставалось бы или безпрекословно подчиниться рѣшеніямъ прочихъ четырехъ великихъ державъ, или же дѣйствовать одиноко противъ нихъ, очевидно, безъ малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ.

[1]) См. Stockmar's *Denkwürdigkeiten*, стр. 398.

Ровно за годъ до поѣздки государя въ Лондонъ, графъ Нессельроде жаловался князю Меттерниху на подозрительность сентъ-джемскаго кабинета, основанную на распространенной въ Англіи традиціонной идеѣ, будто Россія силою или хитростью стремится вызвать паденіе Оттоманской имперіи, съ цѣлью найдти въ ея развалинахъ средство къ собственному расширенію [1]). Дабы разсѣять это предубѣжденіе, мы испрашивали согласія вѣнскаго кабинета на сообщеніе великобританскому правительству мюнхенгрецской конвенціи по восточнымъ дѣламъ, но князь Меттернихъ нашелъ это неудобнымъ, ибо Англія могла бы спросить, почему актъ этотъ не былъ сообщенъ ей тотчасъ по вступленіи торіевъ въ министерство, и предложилъ взять на себя объявить лондонскому двору, что въ Мюнхенгрецѣ Россія и Австрія торжественно обязались другъ передъ другомъ поддерживать существующій порядокъ вещей въ Турціи [1]). Предложеніе это не только не отвѣчало намѣреніямъ императора Николая, но прямо противорѣчило имъ, а потому и было отклонено. Государь рѣшился самъ взять на себя трудное дѣло разсѣять предубѣжденія Англіи и побудить ее идти рука объ руку съ нами на Востокѣ. Съ этой минуты поѣздка его въ Лондонъ была рѣшена.

Восточный вопросъ былъ главною темою разговоровъ императора Николая съ министрами королевы. Глубоко убѣжденный въ неминуемости и близости распаденія Оттоманской имперіи, не смотря на искреннія усилія всѣхъ великихъ державъ, и въ числѣ ихъ и Россіи, поддержать ея существованіе, его величество приложилъ все стараніе, чтобы заставить главныхъ членовъ великобританскаго кабинета раздѣлить этотъ взглядъ.

«Турція умираетъ,» — говорилъ онъ лорду Абердину. — «Сколько бы мы ни старались спасти жизнь ея, мы въ этомъ не успѣемъ. Она умретъ, не умереть ей нельзя. Это будетъ критическая минута. Я предвижу, что мнѣ придется двинуть мои арміи. Австрія сдѣлаетъ то же. Въ этомъ кризисѣ я опасаюсь одной Франціи. Чего она захочетъ? Я ожидаю ее на многихъ пунктахъ: въ Африкѣ, въ Средиземномъ морѣ, далѣе, на Востокѣ. Припомните ея экспедицію въ Анкону. Почему же ей не предпринять такой же въ Кандію, въ Смирну? При по-

[1]) Графъ Нессельроде графу Медему, 8 (20) мая 1843.
[2]) Князь Меттернихъ графу Нессельроде, 29 мая (10 іюня) 1843.

добныхъ обстоятельствахъ развѣ Англія не должна будетъ перенести на Востокъ всѣ свои морскія силы? Итакъ, въ этихъ странахъ встрѣтятся: русская армія, австрійская армія, большой англійскій флотъ. Сколько пороховыхъ бочекъ близъ огня! Кто помѣшаетъ искрамъ взорвать ихъ?»

Еще откровеннѣе и гораздо опредѣленнѣе высказался государь въ разговорѣ своемъ съ первымъ лордомъ казначейства.

«Турція разрушается»,—утверждалъ онъ;—«дни ея сочтены. Нессельроде отрицаетъ это, но я въ этомъ убѣжденъ. Султанъ, хотя и не геній, но все же человѣкъ. Допустите, что съ нимъ случится несчастіе, что̀ увидимъ мы послѣ его смерти? Ребенка и регентство! *Я не хочу единаго вершка турецкой земли, но не позволю и другимъ державамъ присвоить себѣ хотя бы одинъ вершокъ*».

Его величество говорилъ съ такимъ одушевленіемъ, такъ громко, стоя у открытаго окна, что сэръ Робертъ Пиль поспѣшилъ закрыть окно изъ опасенія, чтобы слова государя не были услышаны на улицѣ. Онъ отвѣчалъ своему высокому собесѣднику, что Англія находится въ такомъ же точно положеніи относительно Востока. Политика ея нѣсколько измѣнилась лишь въ одномъ пунктѣ: въ Египтѣ. Англія не согласится на установленіе въ этой странѣ слишкомъ сильнаго правительства, которое могло бы отказать въ проходѣ индійской почтѣ.

Императоръ продолжалъ:

«Теперь нельзя условиться о томъ, что̀ дѣлать съ Турціею въ случаѣ ея смерти. Подобный договоръ ускорилъ бы ея паденіе. Я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы сохранить настоящее положеніе. Но слѣдуетъ взглянуть честно, разумно на возможность разрушенія Турціи. Необходимо условиться на справедливыхъ основаніяхъ, установить вполнѣ искренно добросовѣстное соглашеніе, подобное тому, которое уже существуетъ между Россіею и Австріею» [1]).

Государь, очевидно, имѣлъ при этомъ въ виду тайную конвенцію, заключенную съ вѣнскимъ дворомъ въ 1833 году въ Мюнхенгрецѣ. Актомъ этимъ оба императорскіе кабинета обязывались всѣми силами поддерживать существованіе Порты, но въ случаѣ ея распаденія,—ничего не предпринимать безъ

[1]) Stockmar's *Denkwürdigkeiten*, стр. 396—399.

предварительнаго соглашенія другъ съ другомъ [1]). Почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ опредѣлялось взаимное отношеніе Россіи и Англіи къ восточному вопросу въ меморандумѣ, излагавшемъ сущность происходившихъ въ Лондонѣ переговоровъ между императоромъ Николаемъ и великобританскими министрами и переданномъ барономъ Брунновымъ лорду Абердину, вскорѣ по возвращеніи государя въ Петербургъ. Исходя изъ того положенія, что сохраненіе Турціи, ея независимости и цѣлости составляетъ общій интересъ какъ Россіи, такъ и Англіи, русскій дворъ приходилъ къ слѣдующему заключенію:

1) «искать продлить существованіе Оттоманской имперіи въ ея настоящемъ положеніи, доколѣ эта политическая комбинація окажется возможною;»

2) «если мы (т. е. дворы с.-петербургскій и лондонскій) предвидимъ, что она должна разрушиться, то войдти въ предварительное соглашеніе относительно установленія новаго порядка вещей, имѣющаго замѣнить нынѣ существующій, и наблюдать сообща за тѣмъ, чтобы перемѣна, состоявшаяся во внутреннемъ положеніи этой имперіи, не посягала ни на безопасность ихъ собственныхъ владѣній и правъ, обезпеченныхъ каждому изъ нихъ договорами, ни на поддержаніе европейскаго равновѣсія» [1]).

Въ приведенныхъ здѣсь заключительныхъ словахъ русскаго меморандума нельзя не замѣтить старанія согласовать осторожную до боязливости политику графа Нессельроде съ личнымъ взглядомъ государя на неизбѣжность и близость паденія оттоманскаго владычества въ Европѣ. Меморандумъ долженъ былъ неминуемо ослабить впечатлѣніе, произведенное въ Лондонѣ гораздо болѣе категорическимъ утвержденіемъ императора Николая по тому же предмету. Если вѣрить Бунзену, то государь прямо заявилъ англійскимъ министрамъ, что въ Россіи существуютъ два мнѣнія относительно Турціи: одни утверждаютъ, что она при смерти, другіе, что уже умерла. «Перваго взгляда»,—продолжалъ его величество,—«придерживается Нессельроде, самъ я держусь втораго».

Не подлежитъ сомнѣнію, что попытка нашей дипломатіи сгладить опасенія, которыя могли вызвать въ англійскомъ пра-

---

[1]) Тайная мюнхенгрецская конвенція по Восточнымъ дѣламъ напечатана г. Мартенсомъ въ его Собраніи трактатовъ и конвенцій, т. IV, ч. I, стр. 445—449.

[2]) Тайный меморандумъ графа Нессельроде, іюнь 1844 г.

вительствѣ столь опредѣленныя слова государя, не была удачна. Она не только не разсѣяла свойственной англичанамъ подозрительности по отношенію ко всему, что касается дѣйствій Россіи на Востокѣ, но даже дала ей новую пищу, подчеркнувъ противорѣчія между заискивающею дипломатическою фразою меморандума и прямодушною откровенностью рѣчей государя. Она устраняла, такимъ образомъ, всѣ выгодныя послѣдствія этой откровенности и того благопріятнаго впечатлѣнія, которое всегда производитъ правдивое слово, сказанное въ сознаніи права, силы и достоинства. Ничего не можетъ быть вреднѣе въ политикѣ старанія прикрыть коренную противоположность интересовъ двухъ державъ разглагольствованіями о мнимомъ ихъ тождествѣ. Если иногда и удается такимъ путемъ отдалить на нѣкоторое время столкновеніе, то совершенно устранено оно можетъ быть лишь при условіи открытаго признанія вышеупомянутой противоположности. Тогда является возможность, посредствомъ взаимныхъ уступокъ, не согласовать несогласуемое, какъ любятъ выражаться дипломаты, а уравновѣсить взаимныя пользы и выгоды.

Именно эту цѣль и имѣлъ въ виду императоръ Николай, отправляясь въ Лондонъ, и достигнулъ ея лишь отчасти, прійдя къ соглашенію по одному частному средне-азіатскому вопросу [1]). Приписать это слѣдуетъ тому, что робкій и заискивающій тонъ меморандума графа Нессельроде лишилъ его плодовъ его царственной откровенности. А что главная цѣль государя такъ и осталась недостигнутою, безспорно доказывается положеніемъ, занятымъ Англіею десять лѣтъ спустя въ виду несогласій нашихъ съ Портою по дѣлу о Святыхъ Мѣстахъ, и дѣятельнымъ участіемъ ея въ возгорѣвшейся изъ-за того войнѣ.

---

[1]) Сущность этого соглашенія изложена бывшимъ дипломатомъ (барономъ А. Г. Жомини) въ его *Etude diplomatique sur la guerre de Crimée*, I, стр. 15.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ И АВСТРІЙСКІЙ ДВОРЪ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ И АВСТРІЙСКІЙ ДВОРЪ.

Во внѣшней политикѣ императора Николая сношенія съ Австріей занимали едва-ли не первое мѣсто. Въ продолженіе тридцатилѣтняго правленія этого государя они подвергались неоднократнымъ измѣненіямъ. Съ недовѣріемъ относился онъ къ вѣнскому двору въ первыя семь лѣтъ своего царствованія; глубокое разочарованіе испыталъ въ послѣдній годъ жизни. За то цѣлыя двадцать лѣтъ пребывалъ онъ съ Австріею въ совершенномъ единомысліи и тѣсномъ союзѣ, на соглашеніи съ нею основалъ всю свою политическую систему.

Двадцатилѣтній періодъ этотъ начинается со дня перваго свиданія императора Николая съ императоромъ Францомъ, происходившаго въ Мюнхенгрецѣ, въ Чехіи, осенью 1833 года. Заключился онъ посѣщеніемъ государемъ императора Франца-Іосифа въ Ольмюцѣ, осенью же 1853 года. Въ промежутокъ времени между двумя помянутыми съѣздами происходилъ цѣлый рядъ свиданій монарховъ Россіи и Австріи и выдающихся членовъ обоихъ императорскихъ домовъ. Замѣчательно, однако, что ни Францъ I, ни сынъ его Фердинандъ, ни разу не отплатили посѣщеній императору Николаю, и что первымъ австрійскимъ монархомъ, побывавшимъ въ Россіи послѣ Іосифа II, былъ императоръ Францъ-Іосифъ, пріѣзжавшій въ 1850 и 1853 годахъ въ Варшаву и уже въ царствованіе покойнаго государя Александра Николаевича, въ 1874 году,—въ Петербургъ.

При томъ дѣятельномъ участіи, которое императоръ Николай принималъ лично въ направленіи своей внѣшней политики, частыя поѣздки его въ Австрію имѣли большое вліяніе на упроченіе дружественныхъ связей, соединявшихъ нашъ дворъ

съ австрійскимъ. Онѣ служили къ поддержанію преданій достопамятной эпохи войнъ за освобожденіе Европы и къ упроченію началъ, положенныхъ императоромъ Александромъ I въ основаніе Священнаго Союза. Началамъ этимъ императоръ Николай остался неизмѣнно вѣрнымъ, даже болѣе своего предшественника, и только подъ конецъ жизни убѣдился, что они служили вѣнскому двору благовиднымъ предлогомъ для стѣсненія свободы дѣйствій Россіи на Востокѣ и, въ то же время, щитомъ отъ опасностей, угрожавшихъ Австріи со стороны Запада; что, постоянно пользуясь нашими услугами, австрійскіе государственные люди и не помышляли о взаимствѣ, и что подъ выраженіями «общее благо», «общее дѣло» они исключительно разумѣли свои собственныя выгоды.

Не было недостатка въ указаніяхъ на такое своекорыстное направленіе политики вѣнскаго двора и ранѣе, въ самый разгаръ нашей съ нимъ дружбы. Но именно личныя связи, завязанныя императоромъ Николаемъ съ австрійскими государями, при частыхъ свиданіяхъ съ ними, были причиною необыкновенной его снисходительности къ неисправимой подозрительности и зависти, искони питаемымъ вѣнскимъ дворомъ по отношенію къ русской силѣ и могуществу. Не переставая дѣйствовать въ такомъ смыслѣ, князь Меттернихъ и преемники его въ завѣдываніи внѣшними сношеніями Габсбургской монархіи, тщательно старались прикрывать неблаговидность своихъ дѣйствій личиною глубочайшаго уваженія и безпредѣльной преданности къ особѣ императора Николая, указаніемъ на угодную ему охранительную систему, которой они придерживались въ своей внутренней политикѣ, наконецъ, выраженіемъ убѣжденія, до извѣстной степени искренняго, что только тѣсный союзъ трехъ могущественныхъ монарховъ въ состояніи воздвигнуть неодолимую преграду успѣхамъ международной революціи.

Независимо отъ этихъ соображеній, государю приходился по сердцу самый складъ австрійскаго двора, внутренній и внѣшній, преобладаніе въ немъ военно-аристократическаго элемента, традиціонное монархическое величіе въ соединеніи съ большою простотою ежедневнаго обихода и съ патріархальнымъ добродушіемъ въ отношеніяхъ къ подданнымъ монарха и всѣхъ членовъ его дома. При австрійскомъ дворѣ не было примѣси либерально-гражданскихъ элементовъ, которые получили доступъ

ко двору прусскому, въ особенности со времени воцаренія короля Фридриха-Вильгельма IV, бывшаго въ душѣ гораздо болѣе ученымъ и художникомъ, чѣмъ вождемъ воинственнаго государства и народа. Этимъ объясняется, что, не смотря на отсутствіе прямыхъ родственныхъ связей между русскимъ и австрійскимъ императорскими домами,—связей, возобновленію которыхъ препятствовала католическая нетерпимость габсбургско-лотарингской династіи [1]), взаимныя ихъ отношенія не только не уступали въ дружественности и задушевности тѣмъ, которыя соединяли императора Николая съ его прусскими сродниками, но несравненно болѣе отражались на существѣ политическихъ дѣлъ.

Дѣйствительно, считая посѣщенія берлинскаго двора преимущественно семейнымъ дѣломъ, императоръ Николай всегда придавалъ поѣздкамъ своимъ въ Австрію государственное значеніе. Свиданія въ 1833 году въ Мюнхенгрецѣ, въ 1835 году въ Теплицѣ, въ 1849 году въ Краковѣ, въ 1850 году въ Варшавѣ, даже въ 1853 году въ Ольмюцѣ сопровождались дипломатическими совѣщаніями между министрами, находившимися въ свитѣ государей, и имѣли рѣшающее вліяніе на ходъ историческихъ событій. Они являются въ исторіи какъ бы продолженіемъ эпохи конгрессовъ, созданной Александромъ I и прерванной его преемникомъ въ первые годы своего царствованія, и знаменуютъ возвращеніе Россіи къ преданіямъ Священнаго Союза.

---

[1]) Единственный эрцгерцогъ, женатый на княжнѣ русскаго императорскаго былъ дома—палатинъ венгерскій Іосифъ, третій сынъ императора Леопольда II, вступившій въ первый бракъ съ великою княжною Александрою Павловною.

I.

Разладъ.

(1825—1830).

Кончина Александра I.—Мнѣніе Меттерниха о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ и о великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ.—Воцареніе Императора Николая. —Заискиванія Меттерниха. — Отправленіе эрцгерцога Фердинанда Эсте въ Петербургъ.—Оправданіе австрійскаго канцлера. — Гнѣвъ его на Нессельроде.—Интриги Меттерниха противъ Россіи.—Охлажденіе отношеній между Петербургомъ и Вѣною.—Послѣдствія Адріанопольскаго мира.

Вѣсть о кончинѣ Александра Благословеннаго неожиданностью своею одинаково поразила Россію и Европу.

Въ ночь съ 1 (13) на 2 (14) декабря 1825 года, князь Меттернихъ получилъ отправленный съ нарочнымъ пакетъ отъ австрійскаго консула въ Варшавѣ. На пакетѣ была трижды повторена надпись: *весьма нужное*. Въ немъ заключалось извѣстіе о смерти императора всероссійскаго, послѣдовавшей 19 ноября (1 декабря) въ Таганрогѣ, послѣ непродолжительной болѣзни. Далѣе сообщалось, что извѣстіе пришло въ Варшаву 26 (8) вечеромъ; что оно вызвало тамъ всеобщее уныніе; что никто не смѣетъ говорить о немъ вслухъ и что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не выходитъ изъ дворца [1]).

Нежданная вѣсть возбудила въ Вѣнѣ болѣе тревоги и безпокойства, чѣмъ печали. Объ императорѣ Александрѣ не жалѣли, ожидая всякихъ благъ отъ его наслѣдника. Въ цесаревичѣ Меттернихъ признавалъ много ума, прямодушія и благородства и самые правильные политическіе взгляды и убѣжденія. Онъ допускалъ, что въ юности своей великій князь Константинъ проявлялъ чрезмѣрную пылкость характера, но находилъ что съ годами въ немъ произошла значительная перемѣна къ лучшему, благодаря въ особенности вліянію княгини Ловичъ морганатической супруги его высочества. «Политика его,» — пророчествовалъ австрійскій канцлеръ, — «будетъ положительно миролюбива. Умъ свой онъ направитъ къ двумъ главнымъ цѣлямъ: въ политикѣ—къ поддержанію монархическаго начала

[1]) Князь Меттернихъ Генцу, 10 (22) декабря; Генцъ князю Гикѣ, 5 (17) декабря 1825.

въ администраціи—къ улучшенію внутренняго состоянія имперіи. Я очень ошибаюсь, или *исторія* Россіи начнется тамъ, гдѣ нынѣ окончился *романъ*». Оптимизмъ свой Меттернихъ основывалъ на увѣренности, что цесаревичъ «глубоко преданъ» одной только Австріи, ненавидитъ англичанъ, презираетъ французовъ и самую Пруссію считаетъ зараженною революціоннымъ духомъ [1]).

Но въ Европѣ давно уже носились слухи о нежеланіи Константина наслѣдовать престолъ, о намѣреніи его отречься, и въ такомъ случаѣ преемникомъ Александра являлся второй братъ его, великій князь Николай. Вѣнскій дворъ недоумѣвалъ, чего слѣдовало ему ожидать отъ молодаго великаго князя и чего опасаться. Впрочемъ, въ отзывахъ о немъ проглядывало нѣкоторое предвзятое нерасположеніе и недовѣріе. Въ Вѣнѣ осуждали страсть его къ военнымъ упражненіямъ, чрезмѣрную строгость, будто бы вызывавшую нелюбовь къ нему въ войскѣ. Удаленіе его отъ политики объясняли недостаткомъ таланта и склонности къ занятію государственными дѣлами. Сомнѣвались даже въ правильности его политическихъ воззрѣній, предполагая, что онъ подчиняется вліянію либеральнаго кружка, пріютившагося при берлинскомъ дворѣ подъ покровительствомъ двухъ принцессъ королевскаго дома,—кружка, среди котораго росла и воспитывалась великая княгиня Александра Ѳеодоровна [2]). Даже непогрѣшимый Меттернихъ не бралъ на себя предсказывать послѣдствія воцаренія великаго князя Николая [3]). Но кто бы ни былъ преемникомъ Александра, кончину этого государя онъ признавалъ «событіемъ необъятнымъ въ своихъ необходимыхъ послѣдствіяхъ». «Новая эра начинается»,—восклицалъ онъ,—«умъ мой перенесся въ нее и живетъ въ ней» [4]).

Изъ словъ этихъ легко заключить, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили въ Вѣнѣ за всѣми фазисами великодушной борьбы августѣйшихъ братьевъ, уступавшихъ одинъ другому россійскій императорскій престолъ. Долго надѣялись тамъ на окончаніе ея въ пользу цесаревича. Извѣстно было, что армія и весь народъ, побуждаемые примѣромъ великаго князя Николая, принесли императору Константину присягу на

---

[1]) Князь Меттернихъ барону Отенфельсу, 6 (18) декабря 1825.
[2]) Генцъ князю Гикѣ, 3 (15) января 1826.
[3]) Князь Меттернихъ барону Отенфельсу, 6 (18) декабря 1825.
[4]) Князь Меттернихъ графу Лебцельтерну, 10 (22) декабря 1825.

вѣрность подданства. Однако, мѣстный нашъ посолъ не торопился приведеніемъ къ присягѣ чиновъ посольства и русскихъ, находившихся въ австрійской столицѣ. Онъ даже пріостановилъ богослуженіе въ посольской церкви, въ невѣдѣніи объ имени государя, подлежащемъ возглашенію на эктеніяхъ. Это, впрочемъ, не мѣшало ему поддерживать въ Меттернихѣ надежду на перемѣну въ намѣреніяхъ цесаревича, который отказомъ своимъ хотѣлъ-де лишь испытать настроеніе русскаго общества и народа [1]).

25 декабря (6 января) узнали въ Вѣнѣ о вступленіи на престолъ императора Николая и о безпорядкахъ въ Петербургѣ, сопровождавшихъ это событіе. Послѣднее обстоятельство заставило Меттерниха измѣнить свое мнѣніе о личности молодаго государя, и воцареніе его онъ привѣтствовалъ съ радостью. «Достойная сожалѣнія борьба окончена,»—писалъ онъ,— «и у насъ есть императоръ. Поздравляю съ нимъ Россію и Европу» [2]). Австрійскому канцлеру очень понравился манифестъ, возвѣщавшій о воцареніи великаго князя: онъ назвалъ этотъ актъ «памятникомъ мудрости и мира». Не менѣе благопріятное впечатлѣніе произвелъ на него циркуляръ, коимъ графъ Нессельроде извѣстилъ пребывающихъ въ Петербургѣ представителей иностранныхъ дворовъ о твердомъ намѣреніи новаго государя строго придерживаться охранительныхъ началъ, установленныхъ его предшественникомъ и въ продолженіе десяти лѣтъ обезпечивавшихъ миръ Европы. Независимо отъ того, русскому послу въ Вѣнѣ было предписано объявить князю Меттерниху, что его величество ничего столь не желаетъ, какъ упроченія тѣсныхъ узъ, такъ уже давно соединяющихъ оба императорскіе двора [3]).

Меттернихъ спѣшилъ снискать расположеніе императора Николая, расточая ему похвалу и увѣренія въ политическомъ единомысліи. «Пріятно видѣть,» — писалъ канцлеръ австрійскому представителю при нашемъ дворѣ, — «могущественнаго государя, вступающаго такъ спокойно и съ такими правильными основными началами на трудную стезю, предопредѣленную ему Провидѣніемъ». Упомянувъ объ энергіи и рѣшимости,

---

[1]) Князь Меттернихъ барону Нейману, 20 декабря 1825 (1 января 1826).

[2]) Князь Меттернихъ барону Нейману, 26 декабря 1825 (7 января 1826).

[3]) Князь Меттернихъ графу Лебцельтерну, 29 декабря 1825 (10 января 1826).

проявленныхъ государемъ въ самый день восшествія на престолъ, Меттернихъ замѣчалъ, что «подобное событіе и поведеніе такого рода равносильны нѣсколькимъ годамъ царствованія». Возмущеніе 14 (26) декабря онъ называлъ дѣломъ немаловажнымъ и находилъ, что отвѣтственность за него падаетъ главнымъ образомъ «на двухъ братьевъ, Александра и Константина, которые, не умѣя найти совѣта въ самихъ себѣ, должны были бы обратиться за нимъ къ людямъ, способнымъ устроить великое и важное дѣло способомъ, указаннымъ самымъ простымъ государственнымъ смысломъ». Подъ такими людьми австрійскій министръ, очевидно, подразумѣвалъ самого себя. Возвращаясь къ происшествіямъ 14 (26) декабря, онъ выражалъ надежду, что слѣдствіе раскроетъ главныхъ руководителей бунта и что «лица во фракѣ», о которыхъ упоминалъ въ своемъ циркулярѣ графъ Нессельроде, наведутъ правительство на слѣды революціонныхъ вліяній. Для борьбы съ ними Россія не можетъ обойдтись безъ австрійской помощи [1]). Въ доказательство канцлеръ еще ранѣе ссылался на либеральныя газеты, постоянно связывавшія-де его собственное имя съ именемъ императора Александра. «Либералы,»—утверждалъ онъ,—«предупреждаютъ такимъ образомъ его преемника, дабы онъ не отдѣлялся отъ человѣка, сумѣвшаго бороться съ ними, ибо я сильно сомнѣваюсь, чтобы русскій императоръ могъ когда-либо стать добрымъ республиканцемъ? Если бы бѣдный Александръ не совершилъ грѣховъ въ своей молодости, а въ зрѣломъ возростѣ ему не недоставало бы «кое-чего», какъ говорилъ о немъ Наполеонъ, то что сталось бы нынѣ съ современнымъ либерализмомъ» [2])?

Въ такомъ именно смыслѣ даны были наставленія эрцгерцогу Фердинанду Эсте, отправленному въ Петербургъ присутствовать при погребеніи императора Александра и привѣтствовать молодого государя со вступленіемъ на престолъ. Онъ былъ, сверхъ того, снабженъ пространнымъ изложеніемъ возрѣній вѣнскаго двора на восточныя замѣшательства, на тотъ конецъ, если бы императоръ Николай обратился къ нему за

---

1) Князь Меттернихъ графу Лебцельтерну, 29 декабря 1825 (10 января 1826).

2) Князь Меттернихъ барону Нейману, 20 декабря 1825 (1 января 1826).

*

совѣтомъ по этому насущному вопросу [1]). Эрцгерцогу былъ оказанъ у насъ почетный и радушный пріемъ. Онъ былъ введенъ въ тѣсный семейный кружокъ, собиравшійся вокругъ молодой императрицы. Государь самымъ положительнымъ образомъ увѣрилъ его, что по отношенію къ Западу намѣренъ слѣдовать политикѣ своего предшественника, считая себя связаннымъ принятыми имъ обязательствами; что онъ останется вѣренъ охранительнымъ началамъ Священнаго Союза и будетъ въ особенности поддерживать дружбу съ Австріею. Но при этомъ не было и рѣчи о совѣщаніяхъ какъ по внутреннимъ дѣламъ, такъ и по Восточному вопросу. И то, и другое государь считалъ своимъ, домашнимъ, русскимъ дѣломъ, вмѣшательства въ которое онъ не допускалъ даже со стороны ближайшихъ своихъ союзниковъ. Отъ вниманія лицъ, сопровождавшихъ эрцгерцога, не скрылось также, что, постоянно выражая самыя дружественныя чувства къ императору Францу, молодой императоръ совершенно умалчивалъ о Меттернихѣ. Имъ скоро стало извѣстно, что государь питаетъ личное нерасположеніе къ этому министру, котораго онъ считалъ главною причиною неискренняго и даже прямо враждебнаго намъ поведенія вѣнскаго двора въ переговорахъ по восточнымъ дѣламъ, происходившихъ въ послѣдніе годы Александровскаго царствованія [2]).

Объ этомъ не замедлилъ узнать и самъ Меттернихъ, котораго такое извѣстіе крайне встревожило. Пользуясь продолжительнымъ пребываніемъ въ Россіи принца Гессенъ-Гомбургскаго, австрійскаго чрезвычайнаго посла на коронаціи государя, канцлеръ поручилъ ему при удобномъ случаѣ выяснить недоразумѣніе. «Императоръ Николай,»—писалъ онъ принцу,—«обладаетъ сильнымъ характеромъ, прозорливъ, принципы его безупречны и лично онъ вполнѣ довѣряетъ императору, нашему повелителю». «Но,»—оговаривался Меттернихъ,—«относительно меня онъ питаетъ выдающееся недовѣріе», и старался объяснить это тѣмъ, что «императоръ Николай одинокъ, и еще не встрѣтилъ человѣка, который послужилъ бы ему опорою, столь полезною для всякаго государя, какъ и вообще для всякаго

---

[1]) Меморандумъ князя Меттерниха, озаглавленный: «Историческое изложеніе Восточнаго вопроса», 24 декабря 1825 (5 января 1826).

[2]) См. письма графа Клама-Мартиница къ князю Меттерниху изъ Петербурга въ январѣ и февралѣ 1826 года.

дѣловаго человѣка, въ качествѣ твердаго и вѣрнаго исполнителя его воли». Нерасположеніе русскаго императора Меттернихъ приписывалъ проискамъ нѣкоторыхъ изъ русскихъ дипломатовъ, преимущественно Поццо-ди-Борго и Ливена. «Непріятное обстоятельство,»—разсуждалъ онъ,—«много способствовало враждебному настроенію молодого государя относительно меня. Когда перешло къ нему по наслѣдству это восточное дѣло, которое столь печальнымъ образомъ ведетъ русскій дворъ въ продолженіе болѣе пяти лѣтъ, государственнымъ людямъ, занимавшимся означеннымъ дѣломъ до того времени, представилась необходимость взвалить отвѣтственность за свои ошибки на иностранную державу, враждебную Россіи. Такъ и случилось. Но въ подобномъ положеніи всегда представляется враждебною именно та держава, которая была права съ самаго начала. Держава эта—я, какъ вполнѣ доказано нынѣ. Лишь только императоръ вступилъ на путь, издавна указанный мною, какъ тотъ, по коему нужно идти неуклонно, онъ достигнулъ результата, котораго не желалъ ни одинъ изъ прежнихъ совѣтниковъ императора Александра. Но въ ту самую минуту, когда новый императоръ громко выразилъ свои намѣренія, презрѣнная партія, желавшая ввести его въ заблужденіе, принялась изыскивать новыя средства, и средства эти были тотчасъ же предложены Англіею. Такова въ дѣйствительности исторія настоящаго времени... Мы дожили нынѣ,»—заключалъ Меттернихъ,—«до торжественной минуты, которая рѣшитъ все. Мы увидимъ, согласится или нѣтъ Россія съ Англіею, для содѣйствія дѣлу революцій. Мои личныя отношенія къ русскому двору тѣсно связаны съ рѣшеніемъ этого вопроса» [1].

Какъ видно, дѣло уже шло не о личныхъ только, а о политическихъ отношеніяхъ. Человѣку «слова», Меттерниху, не по сердцу приходилась политика «дѣла», сразу усвоенная императоромъ Николаемъ по отношенію къ Восточному вопросу. Она пугала его своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ—упроченіемъ преобладающаго положенія Россіи на Востокѣ. С.-Петербургскій протоколъ, Аккерманская конвенція, Лондонскій трактатъ, дѣятельное вмѣшательство трехъ союзныхъ державъ въ греко-турецкую распрю, наконецъ, Наваринскій бой представлялись ему событіями чудовищными, ниспроверженіемъ

[1]) Князь Меттернихъ принцу Гессенъ-Гомбургскому, 1 (13) ноября 1826.

основъ великаго охранительнаго союза, торжествомъ революціонныхъ началъ. Не въ одной только слабости обвинялъ онъ своего такъ долго покорнаго друга и наперсника, русскаго вице-канцлера. Мысли и слова Нессельроде онъ сравнивалъ со словами и мыслями Карно, Дантона и ихъ послѣдователей, «которые,» — писалъ онъ въ докладѣ императору Францу, — «тѣмъ не менѣе были раздавлены *старыми и докучливыми принципами*, и то же случится съ графомъ Нессельроде и его родомонтадами. Весь вопросъ въ томъ: сколько вещей погибнутъ прежде него и слабыхъ его сообщниковъ?» [1]).

Отношенія между дворами с.-петербургскимъ и вѣнскимъ охлаждались съ каждымъ днемъ и скоро дошли до состоянія крайняго напряженія. Отказъ послѣдняго приступить къ трактату по греческимъ дѣламъ, о которомъ велись въ Лондонѣ переговоры между Россіею, Англіею и Франціею, побудилъ насъ прямо заявить ему, что въ дѣлахъ этихъ взглядъ нашъ совершенно противоположенъ австрійскому [2]). По мѣрѣ того, какъ положеніе усложнялось на Востокѣ и война между нами и Портою становилась все болѣе и болѣе неизбѣжною, самъ императоръ Францъ находилъ, что задача Австріи состоитъ въ томъ, чтобы заставить Англію и Францію удержать Россію, а турокъ склонить къ сближенію съ морскими державами [3]). Только благодаря полному своему безсилію, вѣнскій дворъ не сталъ открыто на сторону Порты по объявленіи нами войны. За то, какъ только не вполнѣ удовлетворительный исходъ кампаніи 1828 года поколебалъ вѣру въ нашъ успѣхъ, всѣ старанія свои Меттернихъ направилъ къ тому, чтобы побудить великія державы вмѣшаться сообща въ нашу распрю съ Султаномъ и явиться посредницами и поручительницами будущаго мира между Россіею и Турціею. Коварный умыселъ этотъ не только не удался австрійскому министру, но былъ разоблаченъ бдительнымъ Поццо-ди-Борго, состоявшимъ посломъ нашимъ при тюильрійскомъ дворѣ, и вызвалъ съ нашей стороны категорическое требованіе объясненій. Вѣнскій дворъ ограничился простымъ отрицаніемъ своихъ попытокъ возбудить противъ насъ обще-европейскую коалицію и этимъ какъ бы напросился

---

[1]) Князь Меттернихъ императору Францу, 28 ноября (10 декабря) 1827.

[2]) Татищевъ князю Меттерниху, 13 (25) мая 1827.

[3]) Резолюція императора Франца на докладѣ князя Меттерниха, 19 ноября (1 декабря) 1827.

самъ на ѣдкій, но вполнѣ заслуженный отвѣтъ императорскаго кабинета. Сообщивъ нашему представителю въ Вѣнѣ, что австрійскій посолъ отъ имени канцлера самымъ формальнымъ образомъ отрицаетъ существованіе этого проекта и громко порицаетъ его, «для государя достаточно,»—писалъ Нессельроде Татищеву, — «что Австрія сама столь несомнѣнно признала его несвоевременность и выразила убѣжденіе, что ни въ какомъ случаѣ онъ не будетъ допущенъ Россіею, а потому его величество не дастъ этому дѣлу дальнѣйшаго хода» [1]).

Въ началѣ 1829 года, убѣдясь въ безплодности своихъ усилій найти союзницу противъ Россіи въ какой-либо изъ великихъ державъ, вѣнскій дворъ снова попытался сблизиться съ нами и путемъ дружескаго соглашенія остановить столь страшное ему распространеніе нашего вліянія на Востокѣ, или,—какъ выражался Меттернихъ,—«возвращеніе нашей политики къ стремленіямъ русскихъ государей XVIII вѣка». Наставленія въ этомъ смыслѣ получилъ вновь назначенный посломъ въ Петербургѣ графъ Фикельмонтъ, одинъ изъ способнѣйшихъ австрійскихъ дипломатовъ того времени. Въ одинаковомъ направленіи дѣйствовалъ по собственному побужденію и нашъ представитель въ Вѣнѣ, Татищевъ. Но въ Петербургѣ имѣли слишкомъ много несомнѣнныхъ доказательствъ враждебныхъ намъ дѣйствій Австріи, чтобы сразу повѣрить искренности ея желанія примириться съ нами. «Поведеніе, котораго Австрія сочла нужнымъ придерживаться съ самаго начала войны,»—жаловался вице-канцлеръ въ депешѣ къ Татищеву,—«не только не сокращало, но должно было необходимо поощрять сопротивленіе Султана; нейтралитетъ ея не всегда былъ безпристрастенъ; она очевидно желала успѣха Турціи; ея газеты отрицали наши побѣды и преувеличивали нѣкоторыя незначительныя неудачи, понесенныя нами. Присовокупите къ этимъ косвеннымъ, направленнымъ противъ насъ мѣрамъ вооруженія, столь несвоевременныя въ виду обстоятельствъ, при которыхъ они произошли, и станетъ понятно, что Порта часто предавалась самымъ опаснымъ иллюзіямъ, провидя въ распоряженіяхъ Австріи шансы могущественной диверсіи». Впрочемъ, главнымъ предметомъ обвиненія продолжали служить происки Меттерниха противъ насъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ. Пер-

[1]) Графъ Нессельроде Татищеву, 12 (24) февраля 1829.

вымъ условіемъ нашего примиренія съ Австріею мы ставили отказъ ея отъ «жалкой» политики, которой она слѣдовала до тѣхъ поръ [1]).

Адріанопольскій миръ и важныя преимущества, обезпеченныя имъ за Россіею, такъ встревожили Меттерниха, что онъ снова попытался, возбудивъ противъ насъ Англію, воздвигнуть въ союзѣ съ нею преграды нашимъ успѣхамъ въ Турціи. Но напрасно заискивалъ онъ въ Веллингтонѣ, напрасно силился застращать его. Лондонскій дворъ ограничился протестомъ на словахъ противъ условій договора, наиболѣе ему непріятныхъ. Въ греческомъ дѣлѣ онъ даже тщательно соблюдалъ наружное согласіе съ Россіею и дружественною ей Франціею. Меттернихъ понялъ, что пока существуетъ тройственный союзъ, тщетны будутъ старанія его завлечь Англію въ свои сѣти и возстановить ее противъ Россіи. Разочаровавшись въ герцогѣ Веллингтонѣ, онъ съ усердіемъ принялся за обращеніе русскаго двора на старый путь охранительной политики, во имя опасности, грозящей спокойствію Европы отъ революціи. Поздравляя русскаго государя съ заключеніемъ мира, императоръ Францъ въ собственноручномъ письмѣ выражалъ опасеніе, какъ бы ослабленіе союзныхъ связей между великими державами не поощрило революціонеровъ къ новымъ преступнымъ предпріятіямъ. Нашъ дворъ не остался въ долгу и отвѣчалъ на этотъ упрекъ, что вина въ томъ падетъ на австрійское правительство, поступками своими систематически подкапывавшее самыя основы союза [2]).

Не смотря на это, Фикельмонтъ доносилъ изъ Петербурга, что при извѣстномъ умѣньѣ нетрудно будетъ возстановить прежній Священный Союзъ [3]), а Меттернихъ замѣчалъ, что для этого достаточно доброй воли императора Николая [4]). Оставалось выждать удобнаго повода для возобновленія переговоровъ по этому предмету. Такой поводъ не замедлилъ представиться. То была іюльская революція, ниспровергнувшая престолъ старшей вѣтви дома Бурбоновъ во Франціи.

---

[1]) Графъ Нессельроде Татищеву, 12 (24) февраля 1829.
[2]) Графъ Нессельроде Татищеву, 15 (27) октября 1829.
[3]) Графъ Фикельмонтъ князю Меттерниху, 7 (19) января 1830.
[4]) Князь Меттернихъ графу Фикельмонту, 30 января (11 февраля) 1830.

II.

Примиреніе.

(1830—1833.)

Свиданіе Нессельроде съ Меттернихомъ въ Карлсбадѣ.—Упреки австрійскаго канцлера.—Іюльская революція во Франціи.—«Карлсбадскій лоскутъ».—Признаніе Лудовика-Филиппа Австріею.—Порученіе, возложенное на Орлова.—Возобновленіе союза Россіи съ Австріею и Пруссіею.—Политическая программа Меттерниха.—Русскія предложенія.—Польскій мятежъ.—Замыслы Меттерниха противъ Франціи.—Неудовольствіе императора Николая на австрійскаго канцлера.—Меттернихъ старается задобрить государя.—Скрѣпленіе дружественной связи петербургскаго двора съ вѣнскимъ.

Лѣтомъ 1830 года, графъ Нессельроде пользовался водами въ Карлсбадѣ. Меттернихъ, находившійся неподалеку оттуда, въ замкѣ своемъ Кёнигсвартѣ, въ Чехіи, спѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы повидаться съ давнимъ своимъ другомъ, и самъ пріѣхалъ къ нему въ Карлсбадъ. Свиданіе обоихъ министровъ произошло 15 (27) іюля, въ самый день парижскаго революціоннаго взрыва, о которомъ они, разумѣется, узнали лишь нѣсколько сутокъ спустя.

Со времени послѣдняго съѣзда ихъ въ Черновицѣ прошло около семи лѣтъ. Многое съ тѣхъ поръ измѣнилось во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Австріи, и два, когда-то столь близкіе другъ къ другу, государственные человѣка сходились въ качествѣ едва ли не политическихъ противниковъ. По словамъ Меттерниха, Нессельроде казался смущеннымъ и даже испуганнымъ. Про себя австрійскій канцлеръ утверждаетъ, что сохранилъ при встрѣчѣ полное самообладаніе и внѣшнее спокойствіе. Онъ въ слѣдующихъ словахъ выражаетъ впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ продолжительной бесѣды съ русскимъ вице-канцлеромъ.

«Съ самаго начала восточныхъ дѣлъ,»—пишетъ онъ въ докладѣ императору Францу,—«русскіе государственные люди составили заговоръ. Они хотѣли увлечь государя, своего повелителя, въ обширное замѣшательство съ Портою. Всѣ средства казались имъ пригодными для достиженія этой цѣли.

«Намѣреніе это было внушено имъ многими причинами. Либеральный духъ, силившійся отвратить императора Алексан-

дра отъ монархическаго направленія, коему онъ началъ слѣдовать въ послѣдніе годы своей жизни и которое, естественно, создавало новые интересы; тотъ фактъ, что двѣ личности, управлявшія кабинетомъ, были иностранцы (одинъ изъ нихъ былъ даже корфіотъ [1]), проникнутый демагогическими идеями, другой полулиберальный нѣмецъ); настроеніе русскихъ, столь легко воспламеняющееся, когда рѣчь идетъ о проявленіи силъ, направленныхъ противъ слабаго государства; всѣ эти обстоятельства до такой степени парализовали дѣятельность графа Нессельроде, что онъ принялъ рѣшеніе, которому обыкновенно слѣдуютъ люди слабые, а именно—плыть по теченію и постоянно подвигаться впередъ, не внимая голосу совѣсти, до тѣхъ поръ, пока они не утонутъ, или не найдутъ какого-либо средства спасенія.»

«Картина эта заключаетъ въ себѣ также ключъ къ разгадкѣ всего происшедшаго. Мы видѣли, что императоръ Александръ, который, обладая многими замѣчательными качествами ума и сердца, въ то же время страдалъ отсутствіемъ здраваго разумѣнія, съ 1823 года вступилъ на путь достойныхъ сожалѣнія колебаній. Болѣе чѣмъ покинутый своими министрами, обманутый относительно сути дѣла и внутри имперіи подвергаясь самымъ грознымъ опасностямъ, онъ не зналъ, что ему остается дѣлать. То, чего желали Каподистрія и нѣсколько другихъ личностей, они сами не могли исполнить. Императоръ не служилъ болѣе противовѣсомъ, а ослѣпленный Нессельроде былъ увлеченъ теченіемъ. Онъ не могъ уже болѣе идти заодно съ ними. Я въ особенности представлялся ему олицетвореніемъ угрызеній его совѣсти. Самъ онъ выразился какъ нельзя болѣе справедливо: всего счастливѣе въ Восточномъ вопросѣ то, что онъ окончился».

Наставникъ осыпалъ своего нѣкогда столь послушнаго ученика упреками, а тотъ старался оправдаться, отрицая предъявленныя къ нему обвиненія. По старой привычкѣ, онъ соглашался со всѣми мнѣніями, высказанными Меттернихомъ по текущимъ политическимъ вопросамъ. «Какъ странно, однако,»—замѣтилъ тогда австрійскій канцлеръ,—«что два че-

[1]) Здѣсь, очевидно, ошибка, и вмѣсто «корфіотъ» должно быть «корсиканецъ», такъ какъ подъ двумя иностранными вдохновителями русскаго двора Меттернихъ могъ разумѣть лишь Поццо-ди-Борго и Ливена, а отнюдь не Каподистрію, съ 1822 года совершенно удаленнаго отъ дѣлъ.

ловѣка, стоящіе во главѣ двухъ кабинетовъ, совершенно согласны между собою по всѣмъ подробностямъ, а въ то же время между ними, повидимому, не существуетъ ни малѣйшей точки соприкосновенія въ томъ, что относится къ политическому положенію обоихъ ихъ дворовъ?» Нессельроде молчалъ въ смущеніи. Меттернихъ продолжалъ: «Какъ! Вы были повѣреннымъ, вы даже были двигателемъ и опорою долгихъ и полезныхъ сношеній моихъ съ покойнымъ императоромъ, и какъ же могли вы послѣ того поддаться вліянію той самой партіи, которая въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ тщетно старалась расторгнуть эту связь, служившую основаніемъ миру Европы и внутреннему спокойствію европейскихъ государствъ»? Нессельроде возразилъ, что онъ заслуживаетъ этого упрека и что, совершенно напротивъ, по вступленіи императора Николая на престолъ, онъ засвидѣтельствовалъ предъ нимъ о заслугахъ Меттерниха въ 1820, 1821 и 1822 годахъ. «Въ такомъ случаѣ,»—настаивалъ тотъ,—«остается несомнѣнный фактъ: слабость вашего собственнаго положенія. Если, какъ я въ томъ не сомнѣваюсь, вы начертали такую картину императору Николаю, то значитъ онъ не повѣрилъ вашимъ словамъ?» Нессельроде отрицалъ и это, но сознался, что на государя повліяли многія второстепенныя обстоятельства. «Оправданіе ваше слабо»,—внушительно и строго вымолвилъ Меттернихъ.—«Или вы министръ, или нѣтъ. Я не считаю министромъ человѣка, который не можетъ одолѣть зависящихъ отъ него событій. Министромъ называю я лишь того, кто, подобно главнокомандующему, въ состояніи управлять сраженіемъ». Поощренный молчаніемъ своего собесѣдника, Меттернихъ предъявилъ ему еще одно обвиненіе. «Второй мой упрекъ вамъ,»—сказалъ онъ,—«тѣ поощренія, которыя вы даете врагамъ порядка, кто бы они ни были, удаляясь отъ единственно справедливыхъ политическихъ принциповъ. Такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться долго. Вы и Россія первые станете жертвами его». Нессельроде тотчасъ же увѣрилъ Меттерниха, что вполнѣ сознаетъ приближеніе опасности.

Разговоръ двухъ министровъ чрезвычайно характеренъ. Онъ доказываетъ какъ нельзя лучше, что, ища сближенія съ нами, Меттернихъ и не думалъ поступиться чѣмъ-либо въ нашу пользу. Не онъ переходилъ въ нашъ лагерь, а насъ старался переманить въ свой. Донося императору Францу о своемъ сви-

данiи съ русскимъ вице-канцлеромъ, онъ выражалъ увѣренность, «основанную на совершенномъ знакомствѣ съ характеромъ даннаго лица», что ему удастся заставить Нессельроде раздѣлять его образъ мыслей. «Но это,»—заключалъ онъ,—«будетъ лишь отрицательнымъ преимуществомъ. Необходимость доставитъ мнѣ и положительное» [1]).

Такою «необходимостью» явилось извѣстiе о новой революцiи во Францiи. Оно было получено Меттернихомъ въ Кёнигсвартѣ, въ ночь съ 23 на 24 iюля (съ 4 на 5 августа), и на слѣдующiй же день князь снова отправился въ Карлсбадъ для совѣщанiя съ русскимъ вице-канцлеромъ. Главная забота австрiйскаго министра была воспользоваться случаемъ, чтобы порвать тройственный союзъ по дѣламъ Востока,—союзъ, который могъ послужить началомъ соглашенiя между Россiею и Орлеанскою Францiею, «причемъ на долю лондонскаго кабинета выпала бы роль обманутаго» [2]). Онъ предложилъ Нессельроде: во-первыхъ, провозгласить сообща начало невмѣшательства во внутреннiя дѣла Францiи подъ непремѣннымъ условiемъ, чтобы новое французское правительство уважало международные договоры и не нарушало внѣшняго мира и внутренняго спокойствiя Европы; во-вторыхъ, установить соглашенiе между Петербургомъ, Вѣною и Берлиномъ, относительно признанiя Орлеанской монархiи, назначивъ послѣднюю изъ этихъ столицъ «центромъ соглашенiя». Нессельроде принялъ только первое изъ двухъ предложенiй, формулованное Меттернихомъ въ нѣсколькихъ строкахъ, извѣстныхъ подъ названiемъ «Карлсбадскаго лоскута». Что же касается до второго, то онъ отклонилъ его, ссылаясь на нежеланiе императора Николая вступаться въ чужiя дѣла. «Будьте увѣрены,»—объявилъ онъ Меттерниху,—«что никогда государь не истратитъ ни одного заряда, не прольетъ капли русской крови, не израсходуетъ копѣйки для исправленiя ошибокъ, совершенныхъ во Францiи» [3]).

[1]) Князь Меттернихъ императору Францу, 19 (31) iюля 1830. Мы вынуждены были построить нашъ разсказъ исключительно на основанiи этого документа, очевидно, нѣсколько односторонняго. Крайне любопытно было бы сличить донесенiе Меттерниха съ донесенiемъ Нессельроде о томъ же свиданiи императору Николаю.

[2]) Князь Меттернихъ князю Эстергази, 2 (14) августа 1830.

[3]) Князь Меттернихъ графу Фикельмонту, 1 (13) октября 1830. О содержанiи Карлсбадскаго лоскута см. мою книгу: *Внѣшняя политика Императора Николая*, стр. 23.

Австрійскій канцлеръ воспользовался предоставленною ему такимъ образомъ свободою дѣйствій, чтобы признать Лудовика-Филиппа королемъ французовъ, какъ только прибылъ въ Вѣну чрезвычайный посланный этого государя съ извѣстительною грамотою о воцареніи. Онъ и не думалъ справляться о томъ, какъ намѣренъ поступить въ данномъ случаѣ императоръ Николай, и это было тѣмъ страннѣе, что въ то же самое время находился въ австрійской столицѣ и графъ Нессельроде, заѣхавшій туда на возвратномъ пути изъ Карлсбада въ Петербургъ. Князь писалъ ему по этому случаю: «Я оттяну еще на два или на три дня аудіенцію генерала Бельяра (французскаго чрезвычайнаго посланника); я не могу сдѣлать болѣе ради нашей публики. Рѣшенія, ясно принятыя и растолкованныя, одни имѣютъ право на поддержку общественнаго мнѣнія. Оно походитъ на корабль во время бури. Нужно дать ему какое-либо направленіе и самое лучшее всегда то, которое можно признать открыто. Мнѣніе всѣхъ разсудительныхъ у насъ людей,—а число ихъ, къ счастію, довольно велико,—вполнѣ согласуется съ системою, въ которой мы лично условились съ вами въ Карлсбадѣ. Она—единственно разумная, и я скажу даже—единственно возможная для цивилизованныхъ государствъ. Впрочемъ, тайная мысль моя та, что старая Европа присутствуетъ при началѣ конца. Я рѣшился погибнуть вмѣстѣ съ нею, съумѣю исполнить долгъ свой, и слово это сказано не однимъ мною, но и императоромъ. Съ другой стороны, новая Европа еще не начинается; между концомъ и началомъ будетъ хаосъ. Искренно радъ, дорогой графъ, счастливому случаю нашей встрѣчи. Личное соприкосновеніе не можетъ быть замѣнено инымъ родомъ сношеній» [1]).

За парижскимъ погромомъ быстро слѣдовали бельгійское возстаніе, волненія въ Германіи и Италіи. Всѣ эти событія произвели сильное впечатлѣніе на императора Николая. Ему ясно представилась опасность, угрожавшая политическому зданію, воздвигнутому на вѣнскомъ конгрессѣ. Защищать его отъ посягательствъ международной революціи считалъ онъ своимъ первымъ царственнымъ долгомъ. Естественнымъ союзникомъ представлялся ему въ этомъ дѣлѣ австрійскій дворъ, и, забывъ всѣ его недавнія вины предъ собою, государь возложилъ на

---

[1]) Князь Меттернихъ графу Нессельроде, 20 августа (1 сентября) 1830.

ближайшее къ себѣ довѣренное лицо, графа А. Ѳ. Орлова, важное дѣло возстановленія прежняго тѣснаго соглашенія между кабинетами петербургскимъ и вѣнскимъ. Поводомъ къ отправленію этого генералъ-адъютанта ко двору императора Франца послужило торжество коронованія наслѣдника австрійскаго престола, эрцгерцога Фердинанда, въ качествѣ короля венгерскаго.

Орловъ былъ долго на хорошемъ счету у австрійскаго правительства. Еще въ бытность его въ Константинополѣ, куда онъ пріѣзжалъ чрезвычайнымъ посломъ тотчасъ по заключеніи Адріанопольскаго мира, интернунцій свидѣтельствовалъ о расположеніи его въ пользу вѣнскаго двора и ходатайствовалъ о пожалованіи ему австрійскаго ордена. Въ Вѣнѣ и Пресбургѣ онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями, тѣмъ болѣе, что Меттернихъ надѣялся извлечь немалую выгоду изъ того обстоятельства, что починъ въ довѣрительныхъ объясненіяхъ былъ принятъ императоромъ Николаемъ. Со своей стороны Орловъ скоро сошелся съ австрійскимъ канцлеромъ и до такой степени подпалъ его вліянію, что доносилъ государю: «Ваше величество возложили на меня порученіе при императорскомъ вѣнскомъ дворѣ. Я не имѣлъ случая его исполнить, ибо все, что съ самаго начала сказалъ мнѣ канцлеръ и подтвердилъ императоръ, и есть именно то, что ваше величество поручили мнѣ требовать». Замѣчательно, что такъ писалъ главный участникъ Адріанопольскаго договора, послѣ того, какъ Меттернихъ, «не ограничивая своихъ операцій текущими событіями, перевелъ его на почву прошедшаго», другими словами, повторилъ ему упреки, уже сдѣланные Нессельроде въ Карлсбадѣ, по поводу направленія, принятаго нашею политикою на Востокѣ. Въ бесѣдахъ съ австрійскимъ канцлеромъ, Орловъ часто возвращался къ необходимости личнаго свиданія между императорами Францемъ и Николаемъ. «Вы станете,»—говорилъ онъ ему,—«довѣреннымъ лицомъ моего государя. Онъ не знаетъ васъ, и люди, имѣющіе на то свои причины, боятся, чтобы онъ васъ узналъ» [1]).

Съ обычною своею словоохотливостью, Меттернихъ изложилъ програму соглашенія трехъ сѣверныхъ державъ въ простран-

---

[1]) Князь Меттернихъ графу Фикельмонту, 1 (13) октября 1830.

номъ меморандумѣ, врученномъ Орлову при отъѣздѣ изъ Вѣны. Содержаніе его было слѣдующее:

Никогда общественному порядку въ Европѣ не угрожала бо̀льшая опасность, чѣмъ та, которая истекала изъ іюльской революціи во Франціи. Послѣдній якорь спасенія заключается въ тѣсномъ охранительномъ союзѣ великихъ державъ. Союзъ этотъ долженъ быть заявленъ гласно и открыто предъ лицомъ всего міра.

Союзу надлежитъ не упускать изъ виду, что вліяніе революціи распространяется далеко за предѣлы Франціи. Но не слѣдуетъ падать духомъ, а бороться съ нимъ до послѣдней крайности. Усилія союзныхъ манарховъ имѣютъ быть направлены въ пользу «общаго дѣла», обнимающаго частные интересы ихъ престоловъ и государствъ. Правильно соображенныя мѣры, постоянство и точность въ дѣйствіяхъ, но прежде всего проявленіе солидарности между правительствами—таковы необходимыя основанія системы, цѣль которой — возстановленіе потрясеннаго въ своихъ основахъ общественнаго порядка.

Революціонная Франція разсчитываетъ на разрозненность державъ. Онѣ должны любить то, чего опасается революція, придерживаться того, что она отвергаетъ. Каково бы ни было различіе въ положеніи великихъ державъ, имъ необходимо соединиться въ интересахъ самосохраненія. Различіе останется лишь въ бо̀льшей или меньшей готовности ихъ оказывать помощь тѣмъ изъ государствъ, которыя будутъ въ ней нуждаться. Такъ Англія, прямо заинтересованная въ независимости Нидерландскаго королевства, едва ли рѣшится вмѣшаться въ пользу какихъ-либо другихъ частей европейскаго материка, но во всякомъ случаѣ она не воспротивится мѣрамъ, принятымъ державами въ видахъ охраненія порядка. Державы эти, а именно: оба императорскіе двора, Пруссія, Нидерланды, Союзы: Германскій и Швейцарскій и всѣ итальянскія государства, должны тѣмъ тѣснѣе сплотиться. Основаніемъ ихъ соглашенію послужитъ единеніе трехъ сѣверныхъ дворовъ, основанное на извѣстныхъ началахъ великаго союза, на духѣ уговоровъ 1814, 1815 и 1818 годовъ, отчасти 1821 и 1823.

Не нужно возобновлять территоріальной гарантіи, покоящейся на актѣ Вѣнскаго конгресса. Достаточно напомнить о ней. Что же касается до частныхъ гарантій и до истекающей изъ нихъ обязанности союзной помощи, то три сѣверныя дер-

жавы не нуждаются въ ней для своихъ владѣній, «довольствуясь общностью своихъ интересовъ и тождественностью образа мыслей монарховъ»; законодательство Германскаго Союза основано на взаимномъ ручательствѣ, а слѣдовательно и помощи; Швейцарія обезпечена своимъ нейтралитетомъ, а потому въ этомъ отношеніи слѣдуетъ обратить вниманіе лишь на Нидерланды и Италію.

Серьезнаго обсужденія заслуживаютъ вопросы: а) объ обнародованіи рѣшенія союзныхъ дворовъ твердо держаться основаній ихъ прежняго союза; б) объ изысканіи наиболѣе полезнаго способа, привязать узами довѣрія второстепенныя государства къ политикѣ великихъ державъ. Весьма важно при этомъ выставить на видъ различіе между помощью, оказанною извѣстному государству сосѣднею державою, дѣйствующею въ силу частныхъ побужденій или одинокихъ разсчетовъ, и такою помощью, которая истекала бы изъ признанной державами общей солидарности.

На случай открытой войны съ Франціею, три сѣверныя державы должны нынѣ же счесть свои военныя силы, поставить ихъ на военную ногу и опредѣлить направленіе, въ которомъ онѣ призваны будутъ дѣйствовать въ случаѣ надобности «сплошною массою».

«Установивъ такимъ образомъ,»—заключалъ князь Меттернихъ свой меморандумъ,—«что единеніе наиболѣе доказанное, что самая явная солидарность великихъ державъ въ ихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ представляется намъ единственно возможною точкою опоры, мы также убѣждены, что въ достиженіи этой цѣли заключается единственное и наилучшее средство, дабы оттолкнуть зло на самый очагъ, изъ котораго оно истекаетъ; дать Европѣ воспользоваться въ интересахъ сохраненія спокойствія, преимуществомъ времени, всегда болѣе проблематичнымъ для тѣхъ, кто отдался движенію, нежели для тѣхъ, кто, не забывая о необходимости бороться съ нимъ нравственно и приготовляться къ матеріальной защитѣ, стремится лишь къ удаленію его отъ себя на возможно продолжительное время; наконецъ, быть готовыми въ тотъ день, когда война станетъ неизбѣжною» [1]).

Въ этомъ меморандумѣ проглядываютъ всѣ отличительныя

---

[1]) Меморандумъ князя Меттерниха, 24 сентября (6 октября) 1830.

черты усвоенныхъ Меттернихомъ дипломатическихъ пріемовъ: пристрастіе къ фразѣ, страхъ и отвращеніе предъ дѣломъ. Пресловутое единеніе трехъ сѣверныхъ дворовъ должно было, по мысли австрійскаго канцлера, выразиться исключительно въ словѣ и на письмѣ, отнюдь не въ дѣйствіяхъ. Иначе понималъ его императоръ Николай. Тотчасъ по полученіи извѣстія о бельгійской революціи, государь выразилъ готовность свою, согласно условіямъ Шомонскаго договора, двинуть 60,000 русскаго войска для возстановленія въ Бельгіи законной власти короля нидерландскаго. Возобновленіе Священнаго Союза между Россіею, Австріею и Пруссіею онъ также признавалъ нужнымъ ознаменовать приведеніемъ въ движеніе вооруженныхъ силъ этихъ государствъ. По высочайшему повелѣнію, русскій дворъ доказывалъ необходимость не ограничиваться декларацiями, а немедленно сосредоточить прусскія войска на Рейнѣ, австрійскія—въ Италіи, русскія—на западныхъ границахъ имперіи [1]). Предложеніе это не встрѣтило сочувствія ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ. Вспыхнувшій вслѣдъ затѣмъ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ вынудилъ императора Николая отказаться отъ намѣренія возстановить русскими штыками нарушенный порядокъ въ Европѣ.

Извѣстна твердая и великодушная рѣшимость государя ни въ какомъ случаѣ не прибѣгать къ помощи союниковъ для усмиренія своихъ возставшихъ польскихъ подданныхъ. Но онъ въ правѣ былъ ожидать отъ вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, что мѣрами, принятыми вдоль русской границы, они явно засвидѣтельствуютъ о солидарности своей съ нашимъ дворомъ противъ мятежниковъ. На словахъ Австрія расточала увѣренія въ полной готовности оказывать намъ всевозможное содѣйствіе; на дѣлѣ поступала уклончиво и, выдавая толпами повстанцевъ, перешедшихъ на австрійскую территорію, отказывала въ выдачѣ князя Адама Чарторыйскаго, бывшаго одно время президентомъ варшавскаго революціоннаго правительства и искавшаго убѣжища въ Галиціи. Подъ конецъ возстанія она даже проявила нѣкоторую склонность къ посредничеству между нами и поляками. Въ депешѣ къ графу Фикельмонту, написанной тотчасъ по полученіи въ Вѣнѣ извѣстія о паденіи Варшавы, Меттернихъ даже хвастался тѣмъ, что во все продолженіе возстанія взоры поляковъ были «постоянно устремлены на Австрію,

[1]) Графъ Нессельроде Татищеву, 25 октября (6 ноября) 1830.

къ которой они питаютъ полное довѣріе и соединенія съ которою желаетъ-де весь польскій народъ» [1]).

Подобное поведеніе не могло произвести пріятнаго впечатлѣнія въ Петербургѣ. Не меньшее неудовольствіе вызвало въ императорѣ Николаѣ положеніе, принятое вѣнскимъ дворомъ относительно короля Лудовика-Филиппа и его правительства. Въ началѣ Меттернихъ пытался завязать даже дружбу съ тюильрійскимъ кабинетомъ и лишь послѣ того, какъ тотъ открыто заявилъ сочувствіе свое всѣмъ возставшимъ народностямъ въ Бельгіи, Польшѣ, Италіи и даже Германіи,—сталъ настаивать предъ нами на безотлагательной необходимости совокупныхъ мѣръ противъ Франціи. Въ особенности смущало его провозглашеніе послѣднею начала безусловнаго невмѣшательства, противъ котораго онъ предлагалъ намъ протестовать торжественною совокупною декларацiею трехъ союзныхъ державъ [2]). Императорскій кабинетъ отклонилъ это предложеніе, на томъ основаніи, что, по убѣжденію государя, гораздо проще и дѣйствительнѣе доказать фактами полное согласіе союзниковъ, въ виду опасности, угрожающей отъ распространяемыхъ Франціею идей [3]). Тогда Меттернихъ придумалъ новую мѣру устрашенія короля Лудовика-Филиппа. Онъ хотѣлъ объявить ему, что признаніе его великими державами состоялось лишь въ надеждѣ на твердость его въ сдерживаніи революціонной пропаганды, а такъ какъ надежды эти не оправдались, то существованіе его правительства является не болѣе какъ фактомъ, лишеннымъ всякаго законнаго основанія, и которому можно противопоставить другой фактъ. «Если молодость герцога Бордосскаго»,—говорилъ австрійскій канцлеръ послу нашему въ Вѣнѣ,—«препятствуетъ ему причинить безпокойство Лудовику-Филиппу, то иное дѣло — герцогъ Рейхштадтскій. Этимъ крайнимъ средствомъ рѣшено у насъ воспользоваться, если французское правительство захочетъ препятствовать Австріи въ усмиреніи безпорядковъ въ Италіи» [4]). Такая угроза вѣнскаго двора вызвала справедливое негодованіе императора Николая. Вице-канцлеръ не скрылъ отъ Меттерниха произведеннаго ею на государя впечатлѣнія. Онъ писалъ

---

[1]) Князь Меттернихъ графу Фикельмонту, 6 (18 сентября) 1831.

[2]) Князь Меттернихъ графу Фикельмонту, 30 октября (11 ноября) 1830.

[3]) Графъ Нессельроде Татищеву, 21 января (2 февраля) 1831.

[4]) Татищевъ графу Нессельроде, 31 января (12 февраля) 1831.

Татищеву, что она равносильна такому обороту дѣлъ, при которомъ анархія, одержавъ верхъ въ Европѣ, поглотила бы всѣхъ и вся, а Австрія для спасенія самой себя сама стала бы во главѣ враговъ общественнаго порядка. Да и что бы выиграла отъ того Австрія? Благоразумно ли грозить мѣрой, которая не можетъ быть исполнена? Не явится ли въ данномъ случаѣ Австрія потворщицею инстинктамъ всѣхъ европейскихъ революціонеровъ? Наконецъ, развѣ австрійскій планъ не противорѣчитъ всѣмъ существующимъ международнымъ договорамъ [1])? Не столько эти доводы, сколько послѣдовавшая вскорѣ смерть герцога Рейхштадтскаго вынудила Меттерниха отречься отъ такого прямаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи.

Между тѣмъ, вѣнскій дворъ выступилъ съ новымъ предложеніемъ установить «центръ соглашенія» между тремя союзными державами, и на этотъ разъ уже не въ Берлинѣ, а въ Вѣнѣ [2]). На донесеніи о томъ нашего посла императоръ Николай сдѣлалъ слѣдующую собственноручную помѣтку: «Вотъ оно, великое желаніе Меттерниха, стоять во главѣ дѣлъ, выраженное ясно и опредѣленно. Но такъ какъ мы знаемъ, на основаніи прошлаго, чего можно ожидать отъ него, то я соглашусь на это не иначе, какъ въ случаѣ если бы Пруссія пожелала и сама предложила намъ то же».

Такого невыгоднаго мнѣнія объ австрійскомъ канцлерѣ былъ императоръ Николай еще лѣтомъ 1831 года. Но уже въ слѣдующемъ году настроеніе государя измѣнилось. Причиною были два обстоятельства. Во-первыхъ, сближеніе Орлеанской Франціи съ министерствомъ виговъ, достигшихъ власти въ Англіи, сближеніе, основанное на противодѣйствіи охранительнымъ стремленіямъ трехъ сѣверныхъ державъ; во-вторыхъ, искусная и заискивающая политика Меттерниха по отношенію къ восточнымъ дѣламъ.

Убѣдясь не только въ отсутствіи въ императорѣ Николаѣ всякаго желанія завоевать или разрушить Оттоманскую имперію, но и въ твердой рѣшимости его поддержать ея расшатанное существованіе, австрійскій министръ прекратилъ долголѣтніе, направленные противъ насъ, происки своей дипломатіи въ Константинополѣ, и во время нашего вмѣшательства въ

[1]) Графъ Нессельроде Татищеву, 2 (14) марта 1831.
[2]) Татищевъ графу Нессельроде, 17 (29) августа 1831.

турецко-египетскую распрю, выразившагося въ посылкѣ въ Босфоръ черноморскаго флота и дессантнаго отряда для защиты султанской столицы отъ нападенія арміи Ибрагима-паши, даже поручился предъ Европою въ чистотѣ и безкорыстіи нашихъ намѣреній. Обнародованіе такъ называемаго ункіаръ-искелесскаго союзнаго договора нашего съ Портою, о которомъ онъ, подобно прочимъ кабинетамъ, не былъ предупрежденъ нами заблаговременно, не возбудило въ немъ тревоги. По этому случаю онъ даже объявилъ нашему двору, что отдаетъ полную справедливость великодушнымъ намѣреніямъ, руководившимъ государемъ при подписаніи помянутаго трактата.

Императоръ Николай оцѣнилъ такой непривычный образъ дѣйствій вѣнскаго двора. Издавна расположенные въ пользу тѣснаго союза съ Австріею, графы Нессельроде и Орловъ спѣшили объяснить его искреннимъ желаніемъ императора Франца и его руководящаго министра возобновить прежнія, дружественныя отношенія съ Россіею. Въ этомъ же смыслѣ усердно работали и послы: русскій въ Вѣнѣ, Татищевъ, личный другъ Меттерниха, ставшій его домашнимъ человѣкомъ, и австрійскій въ Петербургѣ, графъ Фикельмонтъ, женившійся на русской, баронессѣ Тизенгаузенъ. Всѣмъ было ясно, что возстановленный союзъ между Россіею и Австріею можетъ быть окончательно скрѣпленъ лишь свиданіемъ обоихъ монарховъ, еще не встрѣчавшихся со времени воцаренія императора Николая. Свиданіе это было рѣшено въ началѣ 1833 года и должно было состояться слѣдующею осенью.

III.

Мюнхенгрецъ.

(1833)

Подозрѣнія Пальмерстона. — Депеша Меттерниха о свиданіи императоровъ русскаго и австрійскаго.—Прибытіе въ Мюнхенгрецъ августѣйшихъ гостей.—Празднованіе именинъ наслѣдника-цесаревича.—Бесѣда императора Николая съ Меттернихомъ. — Празднества въ Мюнхенгрецѣ. — Расположеніе русскаго императора къ Францу I и его канцлеру.—Отзывы о государѣ Прокеша и княгини Меттернихъ.—Замѣтка княгини о русскихъ дипломатахъ.—Дипломатическіе переговоры. — Конвенціи по дѣламъ Востока и Польши. — Переговоры въ Берлинѣ.—Конвенція о правѣ вмѣшательства.—Сообщеніе ея французскому правительству.—Торжество австрійской политики.

Слухъ о предстоящемъ съѣздѣ императоровъ русскаго и австрійскаго въ небольшомъ пограничномъ городкѣ Чехіи облетѣлъ всю Европу задолго до его осуществленія. Въ виду газетныхъ толковъ, по поводу этого извѣстія, императорскій кабинетъ счелъ нужнымъ увѣдомить прочіе дворы, что свиданіе вызвано исключительно желаніемъ обоихъ государей доставить себѣ случай къ взаимнымъ «сердечнымъ изліяніямъ». Всѣхъ недовѣрчивѣе отнесся къ этому сообщенію лордъ Пальмерстонъ. «Какъ это люди могутъ давать себѣ трудъ писать такой вздоръ,»—спрашивалъ онъ въ письмѣ къ брату;—«словно они хотятъ отучить насъ придавать вѣру всему, что они ни скажутъ» [1]). Подозрительному министру представлялось вѣроятнымъ, что между двумя императорами и сопровождавшими ихъ министрами возбужденъ будетъ вопросъ о раздѣлѣ Турціи, въ исключительную пользу Россіи и Австріи [2]).

Со своей стороны, князь Меттернихъ предупредилъ австрійскаго представителя въ Парижѣ о предстоящемъ свиданіи. «Давно уже,» — писалъ онъ, — «оба монарха желали видѣть другъ друга; это обоюдное желаніе не могло быть исполнено до сихъ поръ, по причинѣ препятствій, преодолѣть которыя было не въ ихъ власти. Настоящая поѣздка нашего августѣй-

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ Вильяму Темплю, 22 августа (2 сентября) 1833.

[2]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ Вильяму Темплю, 26 сентября (8 октября) 1833.

шаго государя въ Богемію представила его всероссійскому императорскому величеству случай, которымъ онъ счелъ долгомъ воспользоваться. Ничто еще не было рѣшено по этому предмету, какъ уже общественный голосъ заговорилъ о немъ; давно уже газеты возвѣстили о проектѣ, который не былъ еще условленъ между заинтересованными сторонами, ибо, какъ я уже сказалъ вамъ, мы только недавно получили увѣренность, что императоръ Николай совершитъ эту поѣздку, и курьеръ, отправленный изъ Петербурга 6 (18) августа, сейчасъ привезъ намъ извѣстіе, что онъ намѣревался отплыть 15 (27) того же мѣсяца» [1].

Сначала предполагалось устроить одновременно свиданіе трехъ союзныхъ государей: русскаго, австрійскаго и прусскаго. Но время, назначенное императоромъ Николаемъ для прибытія своего, совпадало съ большими маневрами прусской арміи, которые должны были происходить въ присутствіи короля. И потому рѣшили, что король Фридрихъ-Вильгельмъ III встрѣтится съ императоромъ Францомъ въ Терезіенштадтѣ, въ началѣ (половинѣ) августа; что императоръ Николай, по пути въ Австрію навѣститъ своего августѣйшаго тестя въ Пруссіи; наконецъ, что свиданіе его съ императоромъ австрійскимъ состоится въ концѣ того же мѣсяца (въ началѣ сентября по новому стилю) [2].

Мѣстомъ свиданія избранъ былъ сначала Фридландъ и лишь въ послѣднюю минуту предпочтенъ ему Мюнхенгрецъ. Это крошечный городъ сѣверо-восточной Чехіи съ замкомъ, принадлежащимъ графу Вальдштейну, потомку знаменитаго полководца тридцатилѣтней войны, прахъ котораго погребенъ въ замковой церкви. Императоръ Францъ съ императрицею прибыли туда 23 августа (4 сентября). Ихъ величества сопровождалъ князь Меттернихъ и блестящая военная и придворная свита. Черезъ день послѣ нихъ пріѣхали великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій съ супругою великою княгинею Маріею Павловною. Посолъ нашъ въ Вѣнѣ, Татищевъ, разумѣется, также находился налицо. Предвѣстниками императора Николая 27 августа (8 сентября) явились вице-канцлеръ графъ Нессельроде и флигель-адъютантъ князь Суворовъ. Отъ нихъ узнали, что государь не могъ сѣсть на пароходъ въ Кронштадтѣ по причинѣ бури; что онъ въ пять дней совершилъ путешествіе сухимъ путемъ отъ

[1] Князь Меттернихъ барону Гюгелю, 18 (30) августа 1833.
[2] Князь Меттернихъ барону Гюгелю, 10 (22) октября 1833.

Петербурга до Шведта въ Маркѣ, гдѣ остановился для свиданія съ королемъ прусскимъ; что, наконецъ, онъ не прибудетъ въ Мюнхенгрецъ ранѣе 29 августа (10 сентября).

Въ этотъ самый день, около семи часовъ вечера, императоръ Николай пріѣхалъ въ сопровожденіи министра двора, князя Волконскаго, и генералъ-адъютантовъ князя Меншикова, графовъ Бенкендорфа и Орлова. Австрійскій императоръ выѣхалъ ему навстрѣчу за городъ. Оба монарха поцѣловались нѣсколько разъ. Подойдя къ князю Меттерниху, государь сказалъ ему: «Я явился сюда стать подъ начальство моего командира. На васъ разсчитываю я, что вы предупредите меня знакомъ, если я совершу какую-либо ошибку». Въ тотъ же вечеръ былъ семейный ужинъ въ зàмкѣ для высочайшихъ особъ. Свита ужинала за особымъ столомъ въ отдѣльномъ помѣщеніи. Послѣ ужина, Нессельроде, Орловъ и оба посла, Татищевъ и Фикельмонтъ, играли въ вистъ у Меттерниха, котораго сопровождала въ Мюнхенгрецъ молодая жена его, урожденная графиня Зичи-Феррарисъ.

На слѣдующій день, 30 августа (11 сентября) были торжественно отпразднованы именины наслѣдника русскаго престола. Послѣ обѣда въ зàмкѣ почетнѣйшіе изъ гостей императора Франца играли въ билліардъ, въ такъ называемую «войну». Государь былъ очень внимателенъ и любезенъ съ княгинею Меттернихъ, вспомнилъ, что зналъ ея мать, и пожелалъ при игрѣ въ билліардъ войдти въ составъ ея партіи. Вечеромъ прибылъ въ Мюнхенгрецъ и наслѣдный принцъ прусскій.

31 августа (12 сентября), императоръ Николай имѣлъ продолжительную бесѣду съ австрійскимъ канцлеромъ. Въ тотъ же день онъ посѣтилъ его и жену его. Онъ совершенно очаровалъ княгиню свою изысканною любезностью, простотою въ обращеніи, веселымъ расположеніемъ духа. Все это поразило ее тѣмъ болѣе, что съ перваго раза онъ показался ей суровымъ и холоднымъ. Орловъ повѣдалъ Меттерниху, что и императоръ остался вполнѣ доволенъ своимъ посѣщеніемъ, изъ котораго вынесъ самое пріятное впечатлѣніе. И его удивила веселость, которой онъ не ожидалъ встрѣтить въ австрійскомъ канцлерѣ.

Въ слѣдующіе дни, по утрамъ, происходили смотры, охоты, дипломатическія совѣщанія. Къ обѣду собирались въ зàмкѣ и

тамъ же проводили вечера. Любимымъ развлеченіемъ всего общества служила игра въ билліардъ, въ которой государь принималъ неизмѣнное участіе. На одномъ изъ смотровъ онъ особенно остался доволенъ ученьемъ уланскаго полка. По совѣту Меттерниха, императоръ Францъ тотчасъ же назначилъ его шефомъ онаго. Государь выказалъ большую радость и пожелалъ имѣть готовымъ мундиръ полка на другой же день. Желаніе его было, конечно, исполнено, и онъ въ австрійской уланской формѣ самъ прокомандовалъ полкомъ своимъ на слѣдующемъ смотру. Главному начальнику войскъ, сосредоточенныхъ въ Мюнхенгрецѣ, фельдмаршалъ-лейтенанту князю Виндишгрецу, онъ пожаловалъ орденъ Александра Невскаго; двумъ дивизіоннымъ генераламъ — анненскія ленты. Всѣ австрійскіе офицеры, участвовавшіе въ смотрахъ, также получили русскіе ордена. 7 (19) сентября, въ полночь, государь оставилъ Мюнхенгрецъ [1]).

Въ продолженіе девяти дней, проведенныхъ императоромъ Николаемъ въ этомъ городѣ, завязалась между нимъ и престарѣлымъ австрійскимъ монархомъ тѣсная личная дружба, имѣвшая рѣшающее вліяніе на наши дальнѣйшія политическія отношенія къ вѣнскому двору. Императоръ Францъ и его канцлеръ успѣли внушить государю полное довѣріе къ искренности тѣхъ чувствъ, которыя они ему выражали. Чувства эти были желаніе идти съ нимъ рука объ руку во всѣхъ вопросахъ политики внутренней и внѣшней. Оба вѣрно поняли отличительную черту его характера: рыцарское великодушіе, и, играя на этой струнѣ, достигли важныхъ результатовъ, которыхъ не могли добиться прежде ни хитростью, ни угрозою. Въ главныхъ совѣтникахъ государя по внѣшнимъ дѣламъ, графахъ Нессельроде и Орловѣ, они нашли усердныхъ союзниковъ, ревностныхъ сторонниковъ австро-русскаго соглашенія. Успѣхъ Меттерниха былъ полный и можетъ сравниться съ тѣмъ, который былъ одержанъ имъ за тринадцать лѣтъ до того на Троппаусскомъ конгрессѣ, когда ему удалось пересилить вліяніе Каподистріи въ совѣтахъ императора Александра I и на долгіе годы самому стать Эгеріею этого монарха.

При такихъ условіяхъ, весьма естественно, что императоръ

---

[1]) Свѣдѣнія о пребываніи императора Николая въ Мюнхенгрецѣ заимствованы преимущественно изъ дневника княгини Меттернихъ, напечатаннаго въ V томѣ «*Mémoires de Metternich*», стр 442—452.

Николай оставилъ при австрійскомъ дворѣ самыя пріятныя воспоминанія. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ о его пребываніи въ Мюнхенгрецѣ столь обстоятельныхъ свѣдѣній и мѣткихъ характеристикъ, какъ тѣ, которыя сохранили намъ о посѣщеніи имъ Лондона въ 1844 году, въ дневникахъ своихъ и перепискѣ, королева Викторія и баронъ Стокмаръ. Австрійскій дипломатъ Прокешъ, прибывшій въ Мюнхенгрецъ прямо изъ Александріи и представленный государю, отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ красивомъ, съ военною выправкою, но безъ всякой натянутости въ обращеніи, съ доброжелательнымъ выраженіемъ и тономъ неограниченной откровенности въ своихъ рѣчахъ [1]). Выше мы уже привели отзывъ о государѣ княгини Меттернихъ, жены канцлера. Впрочемъ, княгиня не ограничилась наблюденіями надъ личностью императора. Вниманіе ея обратило на себя обхожденіе его съ лицами его свиты. «Видъ его серіозенъ»,—пишетъ она въ своемъ дневникѣ,—«внѣшность холодна, и одушевляется лишь, когда онъ становится очень фамильяренъ съ Орловымъ, съ которымъ обращается совершенно, какъ съ братомъ. Онъ также на дружеской ногѣ съ княземъ Суворовымъ. Я нахожу, что нашъ Татищевъ сильно понизилъ тонъ съ тѣхъ поръ, какъ императоръ здѣсь. Нессельроде, повидимому, тоже принадлежитъ къ разряду тѣхъ, съ которыми обращаются менѣе хорошо, или, по крайней мѣрѣ, которыхъ не почитаютъ. Все это»,—замѣчаетъ княгиня,—«такъ отлично отъ того, что практикуется у насъ, что становится необыкновенно забавнымъ». Любопытнымъ также показалось ей, что въ присутствіи государя русскіе придворные и дипломаты совершенно иначе ведутъ себя съ австрійцами, чѣмъ обыкновенно. «Они чувствуютъ себя неловко,»—говоритъ она,—«держатся гордо, и поведеніе ихъ вызываетъ на многія размышленія». Исключеніе и въ этомъ случаѣ составлялъ Орловъ, вѣчно веселый, остроумный и непринужденный. Объ немъ сообщаетъ княгиня, что государь предпочитаетъ его всѣмъ прочимъ. «Да и надо видѣть,» — восклицаетъ она, — «какъ другіе завидуютъ ему, словно нѣкоему богу!» [2]).

---

[1]) Prokesch-Osten: *Mehmed-Ali*, p. 52. На государя австрійскій дипломатъ произвелъ непріятное впечатлѣніе. Упоминая о немъ, по возвращеніи въ Царское Село, въ разговорѣ съ Н. Н. Муравьевымъ, его величество назвалъ Прокеша «словоохотливымъ». Муравьевъ: «*Русскіе на Босфорѣ*», стр. 448.

[2]) Изъ «Дневника княгини Меттернихъ».

Дипломатическіе переговоры, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ императоровъ, вели въ Мюнхенгрецѣ съ русской стороны Нессельроде, Орловъ и Татищевъ, съ австрійской— Меттернихъ и посолъ въ Петербургѣ, Фикельмонтъ. Нашего вице-канцлера сопровождалъ многочисленный дипломатическій штабъ, среди котораго выдавались баронъ Брунновъ, русскій Генцъ, какъ называли его австрійцы, и зять Нессельроде, графъ Хрептовичъ. Разсчитывали на прибытіе и прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ Ансильона, но этотъ государственный человѣкъ уклонился отъ обращеннаго къ нему приглашенія. Его страшила отвѣтственность, которая пала бы на него въ переговорахъ, веденныхъ въ отсутствіе его государя, но, сверхъ того, онъ не считалъ своего появленія въ Мюнхенгрецѣ соотвѣтствующимъ и достоинству Пруссіи. Императоръ Николай признался Меттерниху, что его до такой степени раздражила уклончивость прусскаго министра, что онъ едва не заболѣлъ.

Первые два вопроса, разрѣшенные на совѣщаніяхъ русскихъ и австрійскихъ дипломатовъ, были Восточный и Польскій, по скольку они касались взаимныхъ отношеній обѣихъ имперій.

Конвенція по восточнымъ дѣламъ состояла изъ трехъ гласныхъ статей и двухъ отдѣльныхъ и тайныхъ. Договаривающіяся стороны обязывались всѣми силами поддерживать существованіе Оттоманской имперіи и противиться сообща всякой перемѣнѣ въ ея государственномъ устройствѣ. Одна изъ секретныхъ статей поясняла, что при этомъ имѣлось въ виду защищать Султана отъ посягательствъ Паши египетскаго. Другая секретная статья заключала обязательство, въ случаѣ распаденія Турціи, дѣйствовать не иначе, какъ съ обоюднаго согласія, по отношенію къ новому порядку, имѣющему замѣнить прежній на Балканскомъ полуостровѣ [1]).

Второю конвенціею Россія и Австрія взаимно гарантировали польскія свои владѣнія; обязывались оказывать другъ другу содѣйствіе, въ случаѣ возникновенія въ нихъ безпорядковъ; постановляли, что для оказанія такого содѣйствія достаточно обращенія мѣстной военной власти къ сосѣднему правительству; допускали проходъ войскъ одной стороны чрезъ территорію другой; обѣщали выдавать одна другой государственныхъ пре-

[1]) Конвенція, заключенная между Россіею и Австріею 6 (18) сентября 1833.

ступниковъ и учредить строгій надзоръ за участниками послѣднихъ польскихъ возстаній; наконецъ, предвидѣли случай занятія вольнаго города Кракова австрійскими войсками [1]).

Конвенція по польскимъ дѣламъ была единственною уступкою, сдѣланною вѣнскимъ дворомъ требованіямъ нашего. Существенную важность представляло въ ней лишь условіе о взаимной выдачѣ государственныхъ преступниковъ, но и то только изъ уроженцевъ польскихъ областей. Меттернихъ нехотя согласился на него, ибо всего за годъ до мюнхенгрецскаго свиданія онъ доказывалъ намъ, что такая выдача «противна обычаю, усвоенному великими державами и почти получившему силу закона въ международномъ правѣ» [2]). Зато восточною конвенціею, онъ достигъ своей давней, завѣтной цѣли, стѣснивъ свободу дѣйствій Россіи по отношенію къ Турціи обязательствомъ ничего не предпринимать на Востокѣ безъ полнаго предварительнаго соглашенія съ Австріею. Какія же должны были быть основанія этого соглашенія,—объ этомъ конвенція тщательно умалчивала. Такимъ образомъ вѣнскому двору достаточно было бы въ данномъ случаѣ отклонить предложенія Россіи по восточнымъ дѣламъ, чтобы совершенно затормозить ихъ ходъ и развитіе, или, по крайней мѣрѣ, отстранить насъ отъ дѣятельнаго участія въ нихъ. Подобная неопредѣленность уговора представляется тѣмъ болѣе странною, что какъ недавно возвратившійся изъ Константинополя Орловъ, такъ и самъ государь не скрывали отъ австрійцевъ глубокаго убѣжденія своего, что дни Порты сочтены и что распаденіе Оттоманской имперіи близко и неминуемо [3]).

Въ намѣренія обоихъ императорскихъ кабинетовъ входило воспользоваться мюнхенгрецскимъ свиданіемъ для торжественнаго заявленія полнаго единомыслія трехъ сѣверныхъ державъ по отношенію къ общей политикѣ, особенно въ виду тѣснаго соглашенія установившагося между правительствами великобританскимъ и французскимъ. Меттернихъ успѣлъ настоять на цѣлесообразности совмѣстнаго протеста противъ провозглашеннаго тюильрійскимъ кабинетомъ начала безусловнаго невмѣшательства. Содержаніе декларацiи по этому вопросу было об-

[1]) Конвенція, заключенная между Россіею и Австріею 7 (19) сентября 1833.

[2]) Татищевъ графу Нессельроде, 27 іюля (8 августа) 1832.

[3]) См. Prokesch-Osten: *Mehmed-Ali*, стр. 52.

суждено и принято въ Мюнхенгрецѣ на совѣщаніяхъ между дипломатами русскими и австрійскими, но отсутствіе прусскихъ уполномоченныхъ не дозволяло установить ее въ окончательномъ видѣ. Съ этою цѣлью отправились прямо оттуда въ Берлинъ графы Нессельроде и Фикельмонтъ, которымъ было поручено убѣдить совѣтникомъ короля Фридриха-Вильгельма III приложить свою подпись подъ готовымъ проектомъ конвенціи. Они натолкнулись на неожиданныя затрудненія. Прусскіе министры графъ Бернсдорфъ и Ансильонъ находили совершенно достаточными прежніе уговоры между союзными дворами, а заключеніе новаго считали опасною демонстраціею, могущею вызвать раздраженіе во Франціи и привести къ столкновенію съ этою державою. Первою нашею уступкою боязливости берлинскаго двора было обѣщаніе не распространять на дѣла Востока провозглашаемой солидарности между Россіею, Австріею и Пруссіею, обѣщаніе, изложенное въ собственноручномъ письмѣ императора Николая къ своему тестю [1]). Далѣе, прусскіе министры выговорили, что конвенція, по подписаніи, не будетъ объявлена французскому правительству, а сохранится въ тайнѣ, до тѣхъ поръ, пока Франція не проявитъ намѣренія воспротивиться какому-либо законному вмѣшательству трехъ державъ въ смуты сосѣднихъ государствъ. Но въ то же время представители трехъ державъ въ Парижѣ должны были, умалчивая о существованіи конвенціи, не скрыть отъ тюильрійскаго кабинета, что союзные дворы отвергаютъ начало невмѣшательства и предоставляютъ себѣ право, при извѣстныхъ условіяхъ, противодѣйствовать революціи и внѣ своихъ предѣловъ. Подъ этими ограниченіями состоялось въ Берлинѣ подписаніе проектированной въ Мюнхенгрецѣ конвенціи. Дворы русскій, австрійскій и прусскій признавали въ ней право каждаго независимаго государя, во время смутъ внутреннихъ, равно какъ и при опасности внѣшней, призывать на помощь одного или нѣсколькихъ сосѣднихъ государей, отъ которыхъ зависитъ удовлеторить такую просьбу или отклонить ее. При этомъ всѣ прочія державы не имѣютъ права ни сами вмѣшаться въ дѣло, ни воспротивиться вмѣшательству приглашенныхъ къ тому державъ. Всякое сопротивленіе силою законному вмѣшательству

---

[1]) Императоръ Николай королю Фридриху-Вильгельму III, 24 октября (5 ноября) 1833.

одного изъ договаривающихся дворовъ будетъ сочтено прочими за непріязненное дѣйствіе, направленное противъ всѣхъ трехъ, и вызоветъ съ ихъ стороны совокупный отпоръ. Отдѣльная статья постановляла, что конвенція будетъ сохранена въ тайнѣ, пока событія не потребуетъ ея примѣненія [1]).

Вслѣдъ за подписаніемъ конвенціи состоялось и сообщеніе французскому правительству усвоенныхъ тремя сѣверными державами политическихъ началъ по вопросу о вмѣшательствѣ. Представители ихъ въ Парижѣ прочитали герцогу Бройлю, министру иностранныхъ дѣлъ короля Лудовика-Филиппа, полученныя отъ ихъ правительствъ депеши съ изложеніемъ этихъ началъ. Онѣ заключались одинаковыми словами: «что если Франція, съумѣвъ столь хорошо защитить саму себя отъ попытокъ возмутителей, не успѣетъ отнынѣ разстроить также производимые ими на ея территоріи происки, направленные противъ иностранныхъ государствъ, то изъ сего могутъ послѣдовать для нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ внутреннія смуты, которыя вынудятъ ихъ обратиться къ поддержкѣ ихъ союзниковъ; что въ этой поддержкѣ имъ не будетъ отказано и что всякая попытка противодѣйствія будетъ сочтена тремя кабинетами: вѣнскимъ, с.-петербургскимъ и берлинскимъ, за враждебный поступокъ, направленный противъ каждаго изъ нихъ». Но, если вѣрить Гизо, то начало трехъ депешъ, далеко не было тождественно. Австрійская — расточала похвалу искусству и энергіи французскаго правительства; прусская депеша, выражая ему уваженіе и дружбу отдавала справедливость усиліямъ его сдержать эмигрантовъ. Строже другихъ была депеша русская. Но Поццо-ди-Борго ограничился сообщеніемъ ея заключенія. Въ отвѣтѣ своемъ, герцогъ Бройль объявилъ, что, предоставляя себѣ въ будущемъ полную свободу дѣйствій, Франція не останется безучастною зрительницею иностраннаго вмѣшательства въ сопредѣльныхъ съ нею государствахъ: Бельгіи, Швейцаріи и Сардиніи [2]).

Такимъ образомъ, внушенное доктринаризмомъ Меттерниха теоретическое провозглашеніе права вмѣшательства трехъ союзныхъ державъ въ смуты сосѣднихъ государствъ осталось

---

[1]) Конвенція, заключенная въ Берлинѣ между Россіею, Австріею и Пруссіею 3 (15) октября 1833.

[2]) Guizot: *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, IV, стр. 37.

безъ практическихъ послѣдствій. Одна Австрія извлекла изъ него выгоду. По свидѣтельству Бруннова, она съ помощью берлинской конвенціи, упрочила свое вліяніе на второстепенныя государства Германіи и Италіи. «Прусское министерство»,— признается баронъ,—«самообманывало себя, вѣруя въ соблюденіе Австріею тайны по отношенію къ итальянскимъ дворамъ о предметѣ, столь близко касавшемся ихъ безопасности и спокойствія. Вѣнскій кабинетъ не замедлилъ утвердить этимъ способомъ узы, связывавшія его преимущественно съ дворомъ сардинскимъ, географическое положеніе котораго всегда будетъ имѣть столь великое вліяніе на участь полуострова, отворяя и закрывая, по усмотрѣнію, доступъ въ Италію французамъ. Германскимъ государямъ хотя и не былъ сообщенъ самый текстъ конвенціи, но и они, конечно, скоро узнали о ея содержаніи, либо изъ циркуляровъ, либо изъ довѣрительныхъ сообщеній князя Меттерниха [1]).

Таковы были ближайшія послѣдствія мюнхенгрецскаго свиданія. Какъ они, такъ и болѣе отдаленные его результаты, разыгрались въ исключительную пользу Австріи. Послѣдняя пріобрѣла могучую поддержку Россіи противъ опасностей, грозившихъ ей со стороны революціи; опираясь на насъ, упрочила свое вліяніе на второстепенныя государства Германіи и Италіи, и все это безъ того, чтобы мы потребовали отъ нея какихъ бы то ни было взаимныхъ обязательствъ или услугъ. Но этого мало. На Востокѣ она обезпечила себя отъ всякой самостоятельной мѣры, которую могла бы принять Россія въ своихъ личныхъ интересахъ, а между тѣмъ у насъ ласкали себя надеждою, что въ вѣнскомъ дворѣ мы пріобрѣли вѣрнаго и надежнаго союзника, и въ мюнхенгрецской конвенціи видѣли ручательство, «что при всякомъ будущемъ замѣшательствѣ на Востокѣ Австрія явится дѣйствующею *съ нами*, а не *противъ насъ*» [2]).

---

[1]) Рукописная записка барона Бруннова «*Уговоры въ Мюнхенгрецъ, Берлинъ и Теплицъ*».

[2]) Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде за 1833 годъ.

IV.

Теплицъ.—Прага.—Вѣна.

(1834—1836).

Надежды Меттерниха на сближеніе съ Англіей. — Пальмерстонъ объ Австріи. — Смерть Франца I и воцареніе императора Фердинанда. — Переписка его и Меттерниха съ императоромъ Николаемъ. — Отзывы княгини Меттернихъ о русскомъ императорѣ. — Калишскій съѣздъ. — Свиданіе въ Теплицѣ императоровъ русскаго и австрійскаго и короля прусскаго. — Письма Меттерниха къ женѣ. — Отзывы о русской императорской четѣ. — Закладка памятника на полѣ Кульмскаго боя. — Празднества въ Прагѣ. — Поѣздка императора Николая въ Вѣну. — Государь у княгини Меттернихъ. — Депеша австрійскаго канцлера о теплицскомъ свиданіи. — Рѣшенія по пяти политическимъ вопросамъ. — Результаты совѣщаній.

Меттернихъ имѣлъ полное основаніе быть довольнымъ результатами мюнхенгрецскаго свиданія. Онъ былъ въ правѣ говорить своимъ приближеннымъ: «Я иду съ Россіею, потому что она идетъ со мною». Но будущее тревожило его. Слишкомъ велико было различіе между русскою мощью и дряхлостью и безсиліемъ австрійскаго государственнаго организма. Не вѣкъ же можно было, прикрываясь личиною дружбы, отуманивать союзника, задерживать естественный политическій ростъ его. А если русскій дворъ очнется, расторгнетъ чары, вырвется изъ австрійскихъ сѣтей, подобно тому, какъ онъ поступилъ при воцареніи императора Николая, выйдя «на собственную дорогу»? Что тогда? Въ комъ найдти поддержку? На Пруссію разсчитывать было нѣчего. Она была и ненадежна, и слаба. Франція и Англія только-что заключили съ Испаніей и Португаліей «четверной» союзъ, хотя и имѣвшій ближайшею цѣлью умиротвореніе Пиренейскаго полуострова, но въ сущности направленный противъ тѣхъ охранительныхъ началъ, представителями которыхъ являлись въ международной политикѣ три сѣверныя державы. Такое значеніе приписывалъ этому договору главный виновникъ его, лордъ Пальмерстонъ, утверждавшій, «что союзъ конституціонныхъ государствъ будетъ служить могучимъ противовѣсомъ Священному Союзу на Востокѣ» [1]). Меттерниху оставалась одна надежда, что все это

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ Вильяму Темплю, 9 (21) апрѣля 1834.

измѣнится съ паденіемъ вигскаго министерства въ Англіи и съ возвращеніемъ къ власти торіевъ, которые снова сблизятся съ вѣковою союзницею своею, Австріею. Въ концѣ 1834 года, надежда эта даже казалась близкою къ осуществленію. Король Вильгельмъ IV потребовалъ отставки кабинета Мельборна и поручилъ герцогу Веллингтону и сэръ Роберту Пилю составленіе новаго министерства. Но оно не продержалось и полугода, и слѣдующею же весною вынуждено было снова уступить мѣсто либераламъ. Пальмерстонъ, уходъ котораго такъ обрадовалъ Меттерниха, опять получилъ въ свое завѣдываніе Foreign Office.

Замѣчательно, что пока Меттернихъ ставилъ возстановленіе англо-австрійскаго союза въ зависимость отъ отставки Пальмерстона, великобританскій министръ ожидалъ его отъ удаленія отъ дѣлъ самого австрійскаго канцлера. «Меттернихъ,»—писалъ онъ,—«можетъ освободиться изъ-подъ русскаго гнета, хотя это и не совсѣмъ вѣроятно. Но императоръ австрійскій можетъ умереть, что гораздо вѣроятнѣе, и тогда, конечно, произойдетъ *нѣкоторая* перемѣна въ австрійскомъ совѣтѣ, и весьма возможно, что эрцгерцогъ Карлъ будетъ пользоваться бóльшимъ вліяніемъ, чѣмъ нынѣ, а Меттернихъ—меньшимъ» [1].

Разсчетъ Пальмерстона не оправдался. Императоръ Францъ скончался 18 февраля (2 марта) 1835 года, завѣщавъ слабоумному сыну своему и преемнику, Фердинанду, ничего не измѣнять въ строѣ и направленіи государства и вполнѣ ввѣриться испытанной опытности канцлера. Въ эту критическую минуту Меттернихъ все упованіе свое возложилъ на императора Николая. Въ письмѣ къ послѣднему, написанномъ въ самый день кончины отца, Фердинандъ увѣрялъ государя, что, помимо надежды на Бога, онъ прежде всего полагается на сохраненіе тѣснаго союза съ Россіею и надѣется, что его величество будетъ относиться къ нему съ тѣми же чувствами благосклонности, которыя составляли счастіе его покойнаго родителя [2]. Письмо это сопровождалось личнымъ обращеніемъ Меттерниха къ императору Николаю. «Свиданіе въ Мюнхенгрецѣ,»—писалъ канцлеръ государю,—«осталось до самой минуты, когда императоръ отдалъ душу Богу, однимъ изъ наи-

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ Вильяму Темплю, 9 (21) апрѣля 1834.

[2]) Императоръ Фердинандъ императору Николаю, 18 февраля (2 марта) 1835.

болѣе дорогихъ воспоминаній его долговременной жизни, проведенной среди бурь... Продолжайте дарить императору Фердинанду тѣ же чувства, которыя вы питали къ отцу его. Въ новое царствованіе не будетъ измѣнено ничего ни въ основныхъ началахъ, ни въ ихъ примѣненіи» [1]).

На обращенный къ нему призывъ, императоръ Николай откликнулся съ неподдѣльною теплотою и искренностью чувства. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ Фердинанду онъ высказывалъ твердую рѣшимость сохранить во всей неприкосновенности и на будущее время союзъ, основанный ихъ предшественниками. Унаслѣдовавъ ихъ престолы,—утверждалъ онъ,—оба императора соблюдутъ незыблемое начало, въ силу коего союзъ монарховъ составляетъ крѣпость ихъ государствъ и единственную опору мира Европы. На сохраненіе и внутреннее спокойствіе обѣихъ имперій, а также и на внѣшнюю ихъ безопасность онъ обѣщалъ взирать, какъ на вопросъ общаго интереса для него и для императора Фердинанда, и употребить въ пользу этого великаго дѣла всѣ средства и все могущество, предоставленныя ему Провидѣніемъ [2]). Еще опредѣлительнѣе выражался государь въ отвѣтѣ своемъ Меттерниху. «Я былъ глубоко разстроганъ, князь,» — писалъ онъ ему, — «письмомъ, коимъ вы извѣстили меня о послѣднихъ желаніяхъ моего августѣйшаго друга и союзника, въ Бозѣ почившаго его величества императора Франца. Они пребудутъ для меня священными. Увѣренія, которыхъ выразителемъ явится графъ Орловъ, громко засвидѣтельствуютъ о томъ, какъ близко принимаю я къ сердцу исполненіе обязательствъ, взятыхъ на себя въ Мюнхенгрецѣ, во всей ихъ полнотѣ. Воспоминанія объ этой эпохѣ никогда не изгладятся изъ моей памяти. Это даетъ вамъ мѣру, князь, значенію, придаваемому мною заслугамъ, которыя, надѣюсь, вы долго еще будете призваны оказывать дѣлу порядка и монархіи, и послужитъ вамъ въ то же время увѣреніемъ въ постоянствѣ питаемыхъ мною къ вамъ чувствъ высокаго уваженія» [3]). По высочайшему повелѣнію, полкъ русской гвардіи, шефомъ коего состоялъ покойный императоръ Францъ, долженъ былъ носить по немъ трауръ и навсегда со-

[1]) Князь Меттернихъ императору Николаю, 18 февраля (2 марта) 1835.
[2]) Императоръ Николай императору Фердинанду, 28 ферваля (12 марта) 1835.
[3]) Императоръ Николай князю Меттерниху, 1 (13) марта 1835.

хранить его имя. Графъ Орловъ былъ отправленъ въ Вѣну, въ качествѣ личнаго представителя государя, для присутствованія на похоронахъ умершаго монарха.

Въ Вѣнѣ были какъ нельзя болѣе довольны этимъ краснорѣчивыми доказательствами уваженія императора Николая къ памяти его союзника и вѣрности обязательствамъ скрѣпленнаго въ Мюнхенгрецѣ союза. Княгиня Меттернихъ заносила въ свой дневникъ, что государь «оплакиваетъ того, кого нѣтъ, какъ истинный братъ и нѣжный другъ, и что нельзя лучше вести себя въ столь печальную минуту, какова настоящая». Самъ канцлеръ писалъ австрійскому послу въ Петербургѣ, что отчетъ его о томъ впечатлѣніи, которое кончина императора Франца произвела на императора Николая, представляется панегирикомъ покойному монарху и диѳирамбомъ въ честь живаго. «Доколѣ,»—восклицаетъ онъ,—«будетъ существовать единеніе между тремя монархами, вселенной останутся шансы на спасеніе, а такъ какъ я не знаю такой зловѣщей силы, которая могла бы обезсилить это единеніе, *то врата адовы не одолѣютъ его!*» [1]).

Прощаясь съ императоромъ Францомъ въ Мюнхенгрецѣ, государь условился снова съѣхаться съ нимъ черезъ два года. Обѣщаніе свое онъ сдержалъ относительно его преемника. На этотъ разъ въ свиданіи императоровъ русскаго и австрійскаго долженъ былъ принять участіе и общій ихъ союзникъ король прусскій. Монарховъ имѣли сопровождать ихъ супруги и многіе члены ихъ семействъ, по выраженію Меттерниха, также связанныхъ «одинаковыми узами дружбы» [2]).

Поводомъ къ свиданію послужила закладка памятника въ честь русской гвардіи, на полѣ Кульмскаго боя. Въ началѣ сентября 1835 года, императоръ Фердинандъ съ женою, императрицею Маріею-Анною, прибылъ въ Теплицъ. Туда же пріѣхали прямо изъ Калиша эрцгерцоги Францъ-Карлъ и Іоаннъ, представлявшіе первый—брата, а второй—племянника на маневрахъ, происходившихъ въ окрестностяхъ этого города въ присутствіи короля Фридриха-Вильгельма III. Оба эрцгерцога были въ восхищеніи отъ всего видѣннаго въ русскомъ лагерѣ. Дѣйствительно, калишскіе маневры были величественнымъ зрѣ-

1835 Теплиц

---

[1]) Князь Меттернихъ графу Фикельмонту, 28 февраля (12 марта) и 21 марта (2 апрѣля) 1835.

[2]) Князь Меттернихъ графу Аппони, 30 сентября (12 октября) 1835.

лицемъ, произведшимъ на очевидцевъ мощное впечатлѣніе. «Почти все русское дворянство»—читаемъ мы въ современномъ газетномъ отчетѣ, — «пришло въ движеніе, чтобы съ достоинствомъ принять участіе въ этомъ военномъ торжествѣ. Городъ Калишъ никогда не видѣлъ подобной пышности. Деньги бросались пригоршнями. Нельзя было ничего себѣ представить красивѣе лагеря. Не только избранная мѣстность являлась необыкновенно удобною, но и все было устроено на ней съ необычайнымъ искусствомъ. Видъ съ выстроеннаго для его величества императора всероссійскаго бельведера былъ несравненъ, горизонтъ представлялъ цѣлое море бѣлыхъ палатокъ. Посреди нихъ, въ вечерней тишинѣ, раздалась исполненная 600 музыкантами симфонія, наполнившая души слушателей глубогимъ религіознымъ чувствомъ. Ракеты взвились въ темномъ и безоблачномъ небѣ, и разсыпаемыя ими звѣзды медленно спускались къ звѣздамъ. Наконецъ, пушечный выстрѣлъ подалъ 60,000 солдатъ сигналъ къ молитвѣ. Часто, по окончаніи богослуженія, раздавались вокругъ бельведера русскія народныя пѣсни, сопровождаемыя различными инструментами [1])».

Таково было предпраздѣнство свиданія трехъ союзныхъ государей. Но и въ Теплицѣ дѣлались роскошныя приготовленія. Съ русскою императорскою четою ожидали молодыхъ великихъ княженъ и великаго князя Михаила Павловича съ супругою; съ королемъ прусскимъ—сыновей его. Всего съѣхалось въ небольшой городокъ около 40 членовъ царственныхъ домовъ, не считая министровъ, пословъ, придворной и военной свиты. Меттернихъ, Нессельроде и Ансильонъ собрались вмѣстѣ за нѣсколько дней до пріѣзда государей и дѣятельно совѣщались по текущимъ вопросамъ.

14 (26) сентября, поутру, пріѣхалъ въ Теплицъ императоръ Николай, въ тотъ же вечеръ — императрица Александра Θеодоровна и король прусскій. Въ самый день пріѣзда, государь имѣлъ продолжительный разговоръ съ Меттернихомъ, выразилъ ему сожалѣніе по поводу отсутствія княгини, удержанной въ Вѣнѣ беременностью, удовольствіе на счетъ сообщеній министра и приготовленій, сдѣланныхъ къ его пріему, и не допустилъ императора и императрицу австрійскихъ выѣхать навстрѣчу государынѣ. Вечеромъ высочайшія особы ужинали

[1]) *Stockmar's Denkwürdigkeiten*, стр. 300.

*

въ замкѣ, за «семейнымъ» столомъ на 34 прибора. Императрица Александра Ѳеодоровна отнеслась къ Меттерниху милостиво и ласково. «Вы, конечно, найдете, что я очень перемѣнилась,»—сказала ему она.—«Не перемѣнились, нѣтъ,»—отвѣчалъ находчивый министръ,—«но ужасно выросли». Ея величеству было всего семь лѣтъ, когда Меттернихъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Онъ нашелъ въ ней остатки пріятности и величавости.

На другой день былъ большой обѣдъ у императора для всего общества, собраннаго въ Теплицѣ. Въ письмѣ къ женѣ, Меттернихъ набросалъ оживленную картину этого собранія. «Я возвращаюсь,»—пишетъ онъ,—«съ придворнаго обѣда, удавшагося какъ нельзя лучше. Я забочусь здѣсь рѣшительно обо всемъ, а слѣдовательно и объ обѣдахъ. Я сажусь всегда противъ императора, за замѣчательно узкимъ столомъ. Я взялъ къ себѣ въ адъютанты князя Павла Эстергази, и мы заставили много смѣяться русскую императрицу, которая чрезвычайно проста и обходительна въ своемъ обращеніи. Мы относимся другъ къ другу такъ, какъ будто не прошло тридцати лѣтъ со времени нашей первой встрѣчи. Въ числѣ забавныхъ современныхъ исторій, переданныхъ мнѣ ею, я долженъ привести разсказъ о дюжинѣ англичанъ, которые съ другою дюжиною присутствовали на маневрахъ въ Калишѣ и Лигницѣ, ежедневно обѣдали и ужинали съ царственными хозяевами и никогда и не думали имъ представляться. Имъ дали спокойно удалиться, такъ что эти почтенные люди обойдутъ всю Европу, принимая всѣ дворы за удобныя гостиницы. Мнѣ кажется, что я готовъ влюбиться, дорогая моя. Предметъ моей страсти—великая княжна Ольга. Это—прелестное маленькое существо. Ей тринадцать лѣтъ и, кажется, не болѣе. Она походитъ на отца, какъ прекрасная миніатюра прекраснаго предмета. Она—императоръ Николай, разсматриваемый въ противоположный конецъ зрительной трубы. Тѣ же черты, только болѣе нѣжныя. Она, сверхъ того, превосходно воспитана, проста, естественна и вѣжлива. Всякій отецъ былъ бы счастливъ имѣть дочь, подобную ей, и я сказалъ это императору и императрицѣ» [1]).

Вечеромъ былъ балъ, а на слѣдующій день церковный парадъ въ Духсѣ. Меттернихъ былъ очень доволенъ свиданіемъ,

---

[1]) Князь Меттернихъ женѣ, 15 (27) сентября 1835.

хотя и жаловался, что на немъ лежала забота «направлять, дѣлать и распутывать» массу, состоящую изъ пятидесяти четырехъ принцевъ и принцессъ, стольких же гофмейстеровъ и гофмейстеринъ и двойнаго числа камергеровъ, адъютантовъ и фрейлинъ. «Я не могу нахвалиться императоромъ Николаемъ,»—читаемъ въ дальнѣйшихъ письмахъ его женѣ,—«ни достаточно расхвалить его за все. Я имѣлъ во всѣ эти дни продолжительные разговоры съ нимъ; каждый день доказываетъ мнѣ, что я вѣрно угадалъ его. Императрица вполнѣ естественна и крайне любезна. Дѣло въ томъ, что все происходитъ такъ, какъ если бы всѣ находящіеся здѣсь составляли одну семью. Чувствуешь не больше стѣсненія, чѣмъ въ гостиной хорошаго тона; словомъ, мы ведемъ здѣсь замковую жизнь. Всѣ всегда во фракахъ и въ сапогахъ. Король прусскій занимаетъ свое мѣсто въ партерѣ театра. Онъ стоитъ на томъ мѣстѣ въ бальной залѣ, которое сохраняетъ слѣдъ его ногъ: столько онъ простоялъ на немъ въ продолженіе послѣднихъ двадцатипяти лѣтъ. Наконецъ, Теплицъ—тотъ же, но облагороженный. Императоръ Фердинандъ и императрица веселятся и находятъ это удобнымъ и новымъ. Послѣдняя сказала мнѣ не далѣе какъ сегодня: Я такъ боялась всего, что очень удивлена тѣмъ, что не боюсь больше ничего» [1]).

17 (29) сентября, въ годовщину битвы при Кульмѣ, состоялась закладка памятника, воздвигаемаго на полѣ сраженія императоромъ австрійскимъ въ честь русской гвардіи, которая, какъ извѣстно, выдержала на своихъ плечахъ всю тяжесть боя и одержала побѣду, имѣвшую столь рѣшительное вліяніе на исходъ кампаніи 1813 года. Надъ могилами австрійцевъ и прусаковъ, павшихъ въ этомъ сраженіи, давно были воздвигнуты памятники. Сооруженіе русскаго монумента поручено было вѣнскому придворному архитектору Нобиле. Вокругъ пьедестала возвышались четыре мачты, украшенныя первыя три флагомъ русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ, послѣдняя—соединенными флагами трехъ державъ. Блестящее общество занимало съ утра родъ палатки или эстрады. Въ десять часовъ на мѣсто прибыли императоры Николай и Фердинандъ и король Фридрихъ-Вильгельмъ III, съ ихъ семействами. Князь Меттернихъ поднесъ къ ихъ подписи актъ закладки, вдѣ-

[1]) Князь Меттернихъ женѣ, 16 (28) сентября 1835.

ланный затѣмъ въ пьедесталъ. Началась католическая обѣдня, на алтарѣ, подъ открытымъ небомъ. По окончаніи ея, войска открыли ружейный огонь, артиллерія салютовала выстрѣлами изъ орудій. Въ отвѣтъ на этотъ салютъ раздалась пушечная пальба съ батарей, поставленныхъ у памятниковъ австрійскаго и прусскаго: «настоящая бесѣда между павшими», какъ выразился Меттернихъ. Погода стояла великолѣпная. Монархи и всѣ присутствовавшіе казались растроганными. Четыре русскіе гвардейца, поставленные на часахъ у угловъ пьедестала, сами ветераны Кульмскаго боя, утирали слезы. «Все прошедшее, настоящее и даже будущее,»—сообщалъ канцлеръ женѣ своей,—«представилось воображенію, и изъ всѣхъ этихъ чувствъ тѣ, которыя обнимаютъ разомъ три эпохи, конечно, наиболѣе глубоки. Въ особенности тронутъ былъ король прусскій. Изъ всѣхъ присутствовавшихъ только двое были, 22 года назадъ, тѣмъ же, чѣмъ они теперь—король и я. Онъ замѣтилъ мнѣ это со слезами на глазахъ». По окончаніи церемоніи, все общество посѣтило поле Кульмскаго сраженія. На возвышенности, съ которой открывался обширный видъ на всѣ стороны, разбиты были палатки. Подъ ними размѣстились высочайшія особы, и офицеръ австрійскаго генеральнаго штаба объяснялъ имъ ходъ битвы. Онѣ посѣтили памятники прусскій и австрійскій и, зайдя въ домикъ инвалида, сторожившаго послѣдній, угощались предложеннымъ имъ чернымъ хлѣбомъ съ масломъ. «Русская императрица,»—разсказываетъ Меттернихъ,—«долго глядѣла на хлѣбъ и пожелала наконецъ сдѣлать себѣ тартину. Я вызвался намазать масломъ, а такъ какъ я умѣю дѣлать довольно щеголеватыя тартины, то и былъ вынужденъ надѣлать ихъ, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ. Нашъ императоръ, императрица, всѣ власти міра, запаслись тартинами. У меня затекла рука, и какъ во Франціи все оканчивается пѣснями, такъ, видно, было написано въ книгѣ судебъ, что этотъ день окончится тартинами» [1]. Вечеръ гости императора Фердинанда провели въ театрѣ, гдѣ выписанною изъ Праги оперною труппою представлена была «Норма» [2].

Августѣйшіе посѣтители оставались въ Теплицѣ по воскресенье 22 сентября (4 октября). Прогулки по живописнымъ окрестностямъ, смотры, охоты, обѣды, спектакли, концерты,

---

[1]) Князь Меттернихъ женѣ, 17 (29) сентября 1835.

[2]) Князь Меттернихъ женѣ, 18 (30) сентября 1835.

балы—такова была программа ежедневныхъ увеселеній, чередовавшихся съ дипломатическими совѣщаніями. Одинъ день, 20 сентября (1 октября), императоръ Николай ѣздилъ въ Duксъ на свиданіе съ прибывшею изъ Карлсбада сестрою, принцесссою Оранскою, Анною Павловною, а всѣ остальные гости совершили поѣздку въ Таненъ. Наканунѣ былъ концертъ піаниста Тальберга, пожалованнаго по этому случаю придворнымъ австрійскимъ капельмейстеромъ, а въ послѣдній день теплицскаго пребыванія, 20 сентября (2 октября),—импровизированный балъ, хотя и безъ ужина.

Король прусскій оставался въ Теплицѣ, но оба императора съ ихъ семействами имѣли отправиться въ Прагу, гдѣ ожидали ихъ новыя блестящія празднества. Императоръ Фердинандъ, покинувъ Теплицъ 21 (3), прибылъ въ Прагу на слѣдующій день, а 23 (5) пріѣхала туда и русская императорская чета, переночевавшая въ Терезіенштадтѣ, гдѣ императоръ Николай въ подробности осматривалъ крѣпость. Вслѣдъ за нею съѣхались въ столицу Богеміи великій герцогъ и великая герцогиня саксенъ-веймарскіе, прусскіе наслѣдные принцъ и принцесса, принцы Вильгельмъ и Карлъ прусскіе, герцоги нассаускій и кобургскій, герцогъ и герцогиня лукскіе, принцъ Фридрихъ нидерландскій съ супругою. Русскія величества заняли въ Градшинѣ бель-этажъ императорскаго зàмка, австрійскія—переселились во второй этажъ. Празднества и въ Прагѣ продолжались безъ перерыва: иллюминація города, смотры, парады и большой публичный балъ.

Отъѣздъ императора Николая и его семейства назначенъ былъ на 26 сентября (8 октября). Въ этотъ день, утромъ, государь присутствовалъ на большомъ артиллерійскомъ ученьѣ. Послѣ обѣда онъ долженъ былъ съ императрицею выѣхать въ Силезію. Каково же было удивленіе императора и императрицы австрійскихъ, когда онъ совершенно неожиданно спросилъ ихъ, не имѣютъ ли они дать ему порученій въ Вѣну. Они сразу даже не поняли его. «Да, да,»—сказалъ государь,—«я отправлюсь въ Вѣну засвидѣтельствовать мое почтеніе вдовствующей императрицѣ и прощусь съ вашими величествами лишь по возвращеніи моемъ, въ будущій понедѣльникъ». Слова эти были встрѣчены всеобщимъ изумленіемъ. Между тѣмъ, въ гостиную вошелъ князь Меттернихъ, ничего еще незнавшій о намѣреніи государя. Его величество увлекъ его въ свой ка-

бинетъ и, посадивъ за письменный столъ, сказалъ ему: «Пишите вашей женѣ». Канцлеръ, по собственному сознанію, вытаращилъ глаза и только спросилъ, о чемъ ему писать. «Пишите, что хотите,»—отвѣчалъ императоръ;—«я отвезу ваше письмо».«Тогда,»—повѣствуетъ Меттернихъ,—«я раскрылъ ротъ гораздо шире глазъ». Государь продолжалъ: «Да, да, это не шутка; я, право, ѣду въ Вѣну, буду тамъ черезъ двадцать четыре часа и вернусь въ понедѣльникъ». Меттернихъ начерталъ слѣдующія три строки, обращенныя къ княгинѣ: «Въ мірѣ происходитъ множество вещей, непостигаемыхъ умомъ, но тайна которыхъ заключается въ сердцѣ. Вы получите это письмо чрезъ курьера, какого еще никогда не было и не будетъ никогда!» Онъ подалъ государю письмо открытымъ, но его величество настоялъ, чтобы оно было запечатано. У канцлера не было при себѣ печати, и онъ запечаталъ записку печатью, одолженною ему принцемъ Вильгельмомъ прусскимъ [1]). Тотчасъ послѣ того, императоръ Николай сѣлъ въ коляску и въ сопровожденіи и подъ именемъ генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа, чрезъ Иглау и Цнаимъ, помчался по дорогѣ въ Вѣну.

Меттернихъ опасался, чтобы государя не задержали при въѣздѣ въ Вѣну за неимѣніемъ паспорта. Онъ приказалъ нарочному курьеру, во что бы то ни стало, обогнать его на дорогѣ и предупредить о его прибытіи вдовствующую императрицу и эрцгерцога Лудовика. Но обогнать русскаго императора было нелегко. 27 сентября (9 октября), въ два часа пополудни и черезъ двадцать три часа по выѣздѣ изъ Праги, его величество въѣзжалъ на дворъ русскаго посольства въ Вѣнѣ. При его появленіи привратникъ зазвонилъ въ колокольчикъ. Государь спросилъ у выбѣжавшаго ему навстрѣчу слуги, знаетъ ли онъ его? Тотъ отвѣтилъ отрицательно, прибавивъ, однако, что, кажется, видалъ его въ посольствѣ, на что государь замѣтилъ, смѣясь, что онъ не дипломатъ. На шумъ вышелъ совѣтникъ посольства, князь А. М. Горчаковъ, крайне удивленный. Императоръ приказалъ никому не объявлять о своемъ пріѣздѣ и только послалъ къ императрицѣ Маріи-Каролинѣ [2]) князя Карла Лихтенштейна, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхавшаго въ Вѣну, спросить, когда будетъ ей угодно принять его. Нѣ-

[1]) Впослѣдствіи германскимъ императоромъ Вильгельмомъ I. См. письмо князя Меттерниха къ женѣ, отъ 26 и 27 сентября (8 и 9 октября) 1835.

[2]) Вдова императора Франца I.

сколько времени спустя, онъ отправилъ Горчакова къ княгинѣ Меттернихъ предупредить ее, что тотчасъ по возвращеніи изъ Шёнбруна онъ заѣдетъ къ ней, чтобы передать ей письмо отъ мужа. Горчаковъ объявилъ, что его величество желаетъ видѣть сперва княгиню одну, что вечеромъ онъ опять пріѣдетъ къ ней на чашку чая и что тогда проситъ ее созвать къ себѣ обычное свое общество.

Первое посѣщеніе государя было къ гробницѣ императора Франца, въ склепѣ капуцинскаго монастыря. Послѣ полудня онъ, взявъ съ собою князя Лихтенштейна, поѣхалъ сначала въ Шёнбрунъ, къ вдовствующей императрицѣ, а потомъ къ княгинѣ Меттернихъ, въ домъ государственной канцеляріи. Княгиня встрѣтила его на подъѣздѣ, представила ему двухъ старшихъ дочерей своихъ и провела въ гостиную. Разговоръ коснулся покойнаго императора Франца и желанія государя повидаться съ его вдовою и выразить ей, на сколько онъ раздѣляетъ ея скорбь. Его величество упомянулъ о Теплицѣ, о единеніи, установившемся между тремя союзными дворами, пожалѣлъ о слабомъ состояніи здоровья императора Фердинанда, съ похвалою отозвался о рѣдкихъ качествахъ царствующей императрицы и о согласіи, господствующемъ въ императорской семьѣ. Когда въ гостиную вошла трехлѣтняя дочь хозяйки, княжна Меланія, и наивно спросила: «Это, что ли, русскій императоръ?» онъ взялъ ее на руки и обласкалъ. Старшей дочери канцлера, графинѣ Шандоръ [1]), государь выразилъ свое удивленіе кавалерійскимъ подвигамъ ея мужа, извѣстнаго спортсмена.

Начало вечера императоръ провелъ въ Шёнбрунѣ, а къ семи часамъ снова возвратился къ княгинѣ Меттернихъ. Онъ извинился передъ нею въ томъ, что вторично хотѣлъ остаться съ нею наединѣ, не желая, какъ онъ выразился, выставлять сѣвернаго медвѣдя на показъ передъ нескромными взорами. Бесѣда приняла политическій оборотъ. «Покойный императоръ,»— сказалъ онъ княгинѣ,—«сдѣлалъ мнѣ однажды заявленіе, котораго я никогда не забуду: О! еслибы мы сговорились десять лѣтъ тому назадъ такъ, какъ нынѣ, сколько бы бѣдъ избѣ-

[1]) Графиня Леонтина Шандоръ, урожденная княжна Меттернихъ, мать извѣстной княгини Полины Меттернихъ, жены старшаго сына канцлера, князя Рихарда, бывшаго много лѣтъ австрійскимъ посломъ при дворѣ Наполеона III.

жалъ міръ? Теперь нужно воздвиннуть преграду, чтобы отдѣлить прошлое отъ будущаго. Будемъ терпѣливо нести тяжесть ошибокъ, нами совершенныхъ или допущенныхъ, и наблюдать за тѣмъ, чтобы онѣ болѣе не повторялись. Такова должна быть цѣль нашихъ усилій и желаній, и пока мы тѣсно соединены втроемъ, ничего подобнаго не можетъ совершиться. Въ Мюнхенгрецѣ состоялась эта неразрывная связь, и ничто отнынѣ не будетъ въ состояніи разъединить насъ» [1]).

На другой день государь, вставъ рано поутру, совершилъ прогулку пѣшкомъ по гласису, ѣздилъ въ Пратеръ, посѣтилъ княгиню Лихтенштейнъ, заѣхалъ проститься съ княгинею Меттернихъ, обѣдалъ у вдовствующей императрицы съ эрцгерцогинею Софіею и эрцгерцогами Лудовикомъ и палатиномъ венгерскимъ и выѣхалъ обратно въ Прагу, куда прибылъ черезъ двадцать четыре часа, а именно 29 сентября (11 октября), въ пять часовъ пополудни. Встрѣтившему его Меттерниху онъ сказалъ, что считаетъ эту поѣздку въ Вѣну однимъ изъ лучшихъ воспоминаній своей жизни. На слѣдующій день, русская императорская чета простилась со своими державными хозяевами и оставила Прагу.

Сопровождавшіе государей министры и дипломаты не менѣе усердно совѣщались въ Теплицѣ и Прагѣ, чѣмъ въ Мюнхенгрецѣ. Въ дипломатической перепискѣ своей Меттернихъ придавалъ этимъ совѣщаніямъ важное значеніе. «Если во всѣ времена,»—сообщалъ онъ австрійскому послу при парижскомъ дворѣ, графу Аппони,—«невозможно, чтобы столь августѣйшее собраніе осталось чуждымъ вопросамъ высшей политики, то несомнѣнно, что въ эпоху, подобную нашей, утверждать противное, значило бы выражать нелѣпость. Нѣтъ, графъ, монархи не ограничились свиданіемъ другъ съ другомъ. Они отдали себѣ отчетъ въ общемъ положеніи дѣлъ, въ ихъ взаимныхъ къ нему отношеніяхъ, въ тѣхъ заботахъ, которыхъ требуютъ отъ нихъ великіе несущные интересы и исполненіе ихъ обязанностей. Ихъ точка отправленія извѣстна всѣмъ: защитники и стражи охранительныхъ началъ, три монарха не могли колебаться ни въ выборѣ задачи, возложенной ни нихъ Провидѣніемъ, ни въ томъ направленіи, которому они должны слѣдовать для ея достиженія. Общественное тѣло вовлечено въ

[1]) Свѣдѣнія о пребываніи императора Николая въ Вѣнѣ заимствованы изъ дневника княгини Меттернихъ.

борьбу, въ коей болѣе или мѣнѣе принимаютъ участіе всѣ государства. Борьба эта началась не вчера; она общеизвѣстна; сторонники двухъ единственныхъ системъ, существующихъ въ дѣйствительности: системы охранительной и той, которую называютъ системою мнимо-соціальнаго преобразованія, не сомнѣваются болѣе ни относительно того, чего они хотятъ, ни того, чего должны хотѣть, служа дѣлу, подъ знаменами котораго партіи все болѣе и болѣе обозначаются съ каждымъ днемъ. Отдавъ себѣ взаимно отчетъ въ потребностяхъ минуты, могучіе хранители общественнаго мира сошлись въ мысляхъ между собою, и поведеніе каждаго изъ нихъ окрѣпло, въ силу убѣжденія, что мысли эти тѣ же во всемъ» [1]).

Впрочемъ, въ дѣйствительности, состоявшееся въ Теплицѣ и Прагѣ соглашеніе трехъ союзныхъ дворовъ по всѣмъ текущимъ политическимъ дѣламъ, не пошло далѣе обмѣна дипломатическихъ меморандумовъ и не выразилось ни въ единомъ дѣйствіи. Пять вопросовъ были предметомъ обсужденія этихъ дворовъ.

1) *Отношенія трехъ сѣверныхъ державахъ къ морскимъ державамъ.* Рѣшено было ничего не измѣнять въ сношеніяхъ съ послѣдними, предоставляя времени расторгнуть противоестественный союзъ Англіи съ Франціею. Въ случаѣ новой перемѣны во французскомъ правленіи, признать немедленно возстановленіе законной династіи, но относительно всякаго иного образа правленія предварительно согласиться между собою.

2) *Бельгійско-голландское дѣло.* Условлено не соглашаться на предложенное Англіею возобновленіе лондонской конференціи, пока кабинеты великобританскій и французскій не выкажутъ большаго безпристрастія по отношенію къ Бельгіи, а гагскій дворъ—большей уступчивости.

3) *Восточный вопросъ.* Вѣнскій кабинетъ возобновилъ въ Теплицѣ давнее предложеніе свое сообщить дворамъ лондонскому и парижскому содержаніе Мюнхенгрецской конвенціи по дѣламъ Востока. Мы отклонили его по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, утверждали мы, поведеніе обѣихъ морскихъ державъ не оправдываетъ такого знака уваженія и довѣрія къ нимъ съ нашей стороны. Во-вторыхъ, онѣ могутъ пожелать

[1]) Князь Меттернихъ графу Аппони, 30 сентября (12 октября) 1835.

сами приступить къ конвенціи, а такъ какъ мы на это никогда не согласимся, то онѣ, пожалуй, вступятъ въ уговоръ между собою въ смыслѣ, противномъ Мюнхенгрецской конвенціи, и такимъ образомъ мы, вмѣсто того, чтобы ослабить, укрѣпимъ ихъ союзъ. Меттернихъ уступилъ и, по собственному выраженію его, согласился «продолжать быть въ глазахъ Англіи обманутымъ или сообщникомъ русской политики въ дѣлахъ Востока».

4) *Испанскія дѣла.* Въ противоположность морскимъ державамъ, три союзные двора сочувствовали донъ-Карлосу въ борьбѣ его съ регентствомъ, правившимъ страной отъ имени малолѣтней королевы Изабеллы. Меттерниху даже удалось убѣдить насъ оказать претенденту денежную помощь.

5) *Вольный городъ Краковъ.* Со времени усмиренія польскаго возстанія, Краковъ сдѣлался убѣжищемъ для многихъ его дѣятелей и очагомъ новыхъ безпорядковъ въ будущемъ. По нашему предложенію, три державы рѣшили положить конецъ его независимому существованію и присоединить его къ австрійскимъ владѣніямъ. Въ этомъ смыслѣ, состоялся между ними протоколъ, которымъ Россія, Австрія и Пруссія условились «заняться средствами для приведенія въ исполненіе этой мѣры и для осуществленія ея такимъ способомъ, чтобы изъ сего не могло послѣдовать тяжкихъ политическихъ усложненій и чтобы, въ особенности, прочія державы, подписавшія актъ вѣнскаго конгреса, не нашли въ этомъ законнаго основанія къ противодѣйствію» [1]).

Изъ вышеизложеннаго перечня ясно, что въ Теплицѣ и Прагѣ, также какъ и въ Мюнхенгрецѣ, всѣ политическіе вопросы были разрѣшены въ духѣ Австріи и въ ея пользу. По ознакомленіи съ этими рѣшеніями, понятны становятся намъ слѣдующія слова Меттерниха изъ письма его къ графу Аппони: «Скажите себѣ, — и вы не ошибетесь, — что Теплицъ *исчерпалъ все.* Изъ всѣхъ свиданій государей и кабинетовъ, происходившихъ впродолженіе минувшихъ двадцати лѣтъ, ни одно не представляло столь *полной* совокупности мыслей, желаній и намѣреній. Все, чего мы ни хотимъ, оба другіе ка-

---

[1]) Протоколъ между Россіею, Австріею и Пруссіею, подписанный въ Берлинѣ 2 (14) октября 1835 года. Всѣ переговоры, происходившіе въ Теплицѣ и Прагѣ, изложены на основаніи неизданной рукописной записки барона Бруннова.

бинета и чувствують, и хотятъ сами. Мы обрекли себя на молчаніе, и не сомнѣвайтесь, что оно будетъ болѣе величественно, чѣмъ все, что бы мы ни могли сказать» [1]).

Въ то же самое время въ Петербургѣ пребывали въ увѣренности, что, въ особенности по отношенію къ Восточному вопросу, Россія пріобрѣла въ Австріи «наиболѣе вѣрнаго друга и естественную помощницу» [2]).

V.

Вторичная размолвка.

(1836—1846.)

Разоблаченія Portfolio.—Смущеніе Меттерниха и попытка его оправдаться.—Императоръ Николай продолжаетъ благоволить Австріи.—Предостереженія князя А. М. Горчакова.—Меттернихъ встрѣчаетъ въ Теплицѣ русскаго императора.—Миланскій протоколъ.—Посѣщеніе Вѣны наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ.—Турецко-египетская распря.—Различіе во взглядахъ петербургскаго и вѣнскаго дворовъ на взаимныя отношенія.—Неудовольствіе Меттерниха на Россію.—Несогласія по восточнымъ дѣламъ.—Императоръ Николай проѣздомъ въ Италію минуетъ Вѣну.—Посѣщеніе имъ Вѣны на возвратномъ пути.—Суровое и мрачное настроеніе государя.—Попытка Меттерниха вмѣшаться въ дѣло о положеніи русскихъ иновѣрцевъ.—Нессельроде въ Вѣнѣ.

Убѣдившись въ прочности министерства виговъ въ Англіи, не довѣряя устойчивости Орлеанской монархіи во Франціи, Меттернихъ началъ сознавать всю цѣну тѣсной дружбы и союза съ Россіею. Въ началѣ 1836 года, совершенно непредвидѣнное обстоятельство возбудило въ немъ тревогу относительно надежности послѣдней его политической опоры.

Польская эмиграція предприняла въ Лондонѣ изданіе на англійскомъ и французскомъ языкахъ сборника, направленнаго преимущественно противъ русскаго двора, подъ названіемъ «Портфоліо». Въ немъ обращали на себя вниманіе многочисленные дипломатическіе документы несомнѣнной подлинности, нѣкогда сообщенные нашимъ министерствомъ иностранныхъ

---

[1]) Князь Меттернихъ графу Аппони, 30 сентября (12 октября) 1835.
[2]) Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде за 1835 годъ.

дѣлъ цесаревичу Константину Павловичу и доставшіеся въ руки варшавскихъ мятежниковъ при ограбленіи ими, въ 1830 году, Бельведерскаго дворца. Такъ, появилась въ печати вся довѣрительная переписка между Нессельроде, Поццо-ди-Борго и Татищевымъ по поводу усилій Меттерниха возбудить во время послѣдней русско-турецкой войны обще европейскую коалицію противъ Россіи. Австрійскій канцлеръ и не подозрѣвалъ, что всѣ его происки и интриги въ томъ направленіи были своевременно разоблачены и сдѣлались въ подробности извѣстны русскому двору. Отсюда весьма естественный страхъ его, какъ бы обнародованіе этихъ актовъ во всеобщее свѣдѣніе не навлекло снова гнѣва императора Николая на него и на Австрію.

«Климентъ пришелъ ко мнѣ,»—пишетъ княгиня Меттернихъ въ дневникѣ своемъ подъ 5 (17) февраля 1836 года,—«въ состояніи крайняго волненія. Онъ принесъ мнѣ журналъ, въ которомъ помѣщены извлеченія изъ депешъ, написанныхъ въ 1829 году Поццо и Татищевымъ. Послѣдній говоритъ о «коварной» Австріи, но Поццо открыто заявляетъ, что единственное средство осуществить славные замыслы Россіи состоитъ въ томъ, чтобы избавить имперію отъ столь отвратительнаго человѣка, каковъ князь Меттернихъ, и т. д. Обнародованіе подобныхъ документовъ заставляетъ содрогнуться [1])».

По сознанію княгини, Меттернихъ принялъ это дѣло близко къ сердцу и поспѣшилъ представить русскому двору свое оправданіе. Съ этою цѣлью, онъ написалъ къ австрійскому послу въ Петербургѣ пространную депешу, къ которой приложилъ 28 документовъ, большею частью, своихъ же депешъ 1828—1829 годовъ, которыя должны были опровергнуть воспроизведенныя въ «Портфоліо» обвиненія. Княгиня Меттернихъ находила, «что Австрія и въ особенности Климентъ появляются въ нихъ въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ, который, конечно, произведетъ сильное впечатлѣніе на благородное сердце императора Николая, ибо онъ отрекся отъ своихъ прежнихъ заблужденій и несомнѣнно порицаетъ эти неосторожныя публикаціи, столь серіозно компрометирующія его самого и лицъ, его окружающихъ» [2]).

---

[1]) Дневникъ княгини Меттернихъ, 5 (17) февраля 1836.

[2]) То же, 11 (23) февраля 1836 года. Едва ли оправданіе Меттерниха было такъ убѣдительно, какъ полагаютъ княгиня и сынъ канцлера, издатель

Дѣйствительно, разоблаченія «Портфоліо» не нарушили согласія, установившагося между двумя императорскими дворами. Меттернихъ всѣми силами старался поддержать расположеніе императора Николая. Онъ не колебался повѣрять русскому кабинету свои внутреннія затрудненія и, между прочимъ, опасенія, внушаемыя ему противоправительственнымъ настроеніемъ Венгріи. На письмѣ австрійскаго посла графа Фикельмонта по этому предмету государь сдѣлалъ собственноручную надпись: «Молю Бога, дабы Онъ избавилъ Австрію отъ готовящагося испытанія. Желалъ бы надѣяться, что приняты всѣ необходимыя мѣры. Но, *во всякомъ случаѣ*, Австрія можетъ положиться на Россію». Тогда же его величество приказалъ послу своему въ Вѣнѣ объявить австрійскому канцлеру, «что императоръ не забудетъ никогда того, что онъ обѣщалъ въ Мюнхенгрецѣ своему августѣйшему другу и союзнику, императору Францу». «Священное обязательство,»—восклицаетъ баронъ Брунновъ въ посвященной Австріи главѣ обзора нашихъ внѣшнихъ сношеній,—«память о коемъ мы должны хранить съ благоговѣніемъ [1])!»

Единомысліе дворовъ петербургскаго и вѣнскаго проявлялось во всѣхъ политическихъ вопросахъ, не исключая и внутреннихъ. Въ одномъ лишь важномъ вопросѣ Австрія продолжала обнаруживать отсутствіе искренности и, скажемъ прямо, добросовѣстности. То былъ Восточный вопросъ! Это не ускользнуло отъ вниманія молодаго и прозорливаго дипломата, князя А. М. Горчакова, въ 1837 году, за отсутствіемъ Татищева, временно управлявшаго дѣлами нашего посольства въ Вѣнѣ. Онъ доносилъ вице-канцлеру, что, по всѣмъ признакамъ, вѣнскій кабинетъ тяготится Мюнхенгрецкою конвенціею, считая себя связаннымъ ею. По мнѣнію князя, въ случаѣ войны Россіи съ Турціею, можно ожидать отъ Австріи лишь соблюденія нейтралитета; что же касается до содѣйствія ея, «то оно будетъ всегда болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ». Но въ Петербургѣ не довѣряли впечатлѣніямъ проницательнаго совѣтника посольства, лично нелюбимаго графомъ Нессельроде, съ политическими взглядами котораго они къ тому же шли въ разрѣзъ. Послѣдствіемъ было

его Записокъ. Иначе послѣдній непремѣнно помѣстилъ бы въ своемъ изданіи, какъ депешу Меттерниха къ Фикельмонту отъ 18 февраля (1 марта) 1836 года, такъ и 28 приложенныхъ къ ней документовъ. Ср. примѣчаніе къ стр. 97, тома VI *Memoires de Metternich*.

[1]) Рукописная записка барона Бруннова.

удаленіе въ отставку князя Горчакова и продолженіе самыхъ довѣрчивыхъ отношеній къ вѣнскому двору, пока новыя замѣшательства на Востокѣ не разоблачили всего двуличія политики послѣдняго.

Императоръ Николай не переставалъ выказывать благоволеніе свое къ австрійскому канцлеру и женѣ его. Въ началѣ 1838 года, онъ прислалъ княгинѣ свой портретъ при собственноручномъ письмѣ. Когда узнали въ Вѣнѣ, что лѣтомъ того же года государь намѣренъ навѣстить въ Теплицѣ короля прусскаго, пользовавшагося тамъ водами, то рѣшили послать привѣтствовать его брата императора, эрцгерцога Франца-Карла. Случаемъ этимъ воспользовался и Меттернихъ, чтобы пріѣхать въ Теплицъ, для совѣщаній съ сопровождавшими своихъ монарховъ министрами иностранныхъ дѣлъ, русскимъ и прусскимъ.

Государь и императрица прибыли въ Теплицъ 7 (19) іюля, вечеромъ. Они обмѣнялись визитами съ эрцгерцогомъ и его супругой, и на другой день обѣдали у нихъ, вмѣстѣ съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, а вечеромъ присутствовали на концертѣ и на публичномъ балѣ въ вокзалѣ. 9 (21) императрица уѣхала, а государь остался еще на два дня. Они были посвящены дѣламъ. «Я начинаю мой день,»—писалъ Меттернихъ женѣ,»—двухчасовымъ разговоромъ съ Вертеромъ [1]); затѣмъ я перешелъ къ продолжавшемуся два часа совѣщанію съ королемъ прусскимъ, котораго я оставилъ для другаго совѣщанія, длившагося около трехъ часовъ, съ императоромъ Николаемъ, и, наконецъ, все заключилось бесѣдою съ Нессельроде. Изъ всего этого слѣдуетъ, что оба монарха и я вполнѣ согласны между собою, а потому два министра принимаются въ соображеніе лишь для памяти. Все ясно въ положеніяхъ; все тождественно въ основныхъ началахъ, а тамъ, гдѣ и проявляется различіе, оно основано на недостаткѣ умѣлости, коему мы непричастны» [2]).

Впродолженіе лѣта 1838 года, весь австрійскій дворъ перенесся въ Инсбрукъ. Тамъ областные чины Тироля приносили императору Фердинанду присягу на вѣрность подданства. Въ Тирольскую столицу ожидали пріѣзда и русскаго государя, пре-

---

[1]) Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

[2]) Князь Меттернихъ женѣ, 10 (22) іюля 1838.

бывавшаго по сосѣдству, въ городѣ Крейцѣ, въ Баваріи, гдѣ больная императрица пользовалась водами. Однако императоръ Николай не прибылъ въ Инсбрукъ, а вызвалъ къ себѣ, въ Крейцъ, князя Меттерниха. Отсюда канцлеръ проѣхалъ прямо въ Миланъ, для присутствованія при вѣнчаніи Фердинанда желѣзною короною ломбардскихъ королей. Въ Миланѣ послы русскій и прусскій подписали съ нимъ протоколъ объ учрежденіи комиссіи изъ представителей трехъ державъ для надзора за краковскимъ судомъ и провѣрки его рѣшеній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ [1]). Изъ Милана Меттернихъ съ семействомъ переѣхалъ въ Комо, гдѣ посѣтилъ его Нессельроде въ сопровожденіи Бруннова и Хрептовича.

Въ 1839 году, въ февралѣ, прибылъ въ Вѣну, совершавшій первое путешествіе свое по Европѣ, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ и былъ принятъ австрійскимъ дворомъ съ величайшею предупредительностью и почетомъ. Въ самый день пріѣзда, 19 февраля (3 марта), его высочество обѣдалъ у императора въ замкѣ, присутствовалъ на парадномъ спектаклѣ въ придворномъ театрѣ и на вечерѣ у князя и княгини Меттернихъ. На другой день, происходилъ торжественный обѣдъ у посла Татищева и концертъ въ замкѣ. Конецъ вечера великій князь провелъ снова у канцлера, въ небольшомъ избранномъ кружкѣ молодыхъ женщинъ и кавалеровъ, приглашенныхъ нарочно для него и съ которыми онъ забавлялся салонными играми (petits jeux). Вообще, въ свое десятидневное пребываніе въ Вѣнѣ, онъ едва ли не каждый день посѣщалъ домъ Меттерниха, гдѣ съ удовольствіемъ проводилъ время, въ особенности по вечерамъ. Дворъ и знатнѣйшіе аристократы дали въ честь его рядъ великолѣпныхъ празднествъ. На вѣнское общество онъ произвелъ самое пріятное впечатлѣніе. Его находили красивымъ, симпатичнымъ и веселымъ, удивлялись его такту и скромности. Такъ, на вечерѣ у Татищева, онъ встрѣчалъ эрцгерцоговъ при пріѣздѣ, ссылаясь на то, что праздникъ происходитъ на русской территоріи, но первое мѣсто уступилъ старику-послу, прося, чтобы его самого считали лишь принадлежащимъ къ посольскому се-

[1]) Протоколъ, подписаный въ Миланѣ уполномоченными Россіи, Австріи и Пруссіи 24 августа (10 сентября) 1838 года. Онъ почему-то не напечатанъ въ изданномъ г. Мартенсономъ Собраніи нашихъ трактатовъ и конвенцій съ Австріею.

мейству. Цесаревичъ оставилъ Вѣну 1 (13) марта [1]). Императоръ Николай собственноручнымъ письмомъ отблагодарилъ княгиню Меттернихъ за радушный пріемъ, оказанный его высочеству въ ея домѣ. «Вы были столь добры и любезны, княгиня, къ моему сыну,»—писалъ онъ ей,—«что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи выразить вамъ за это мою благодарность. Воспоминаніе о Вѣнѣ, которую я такъ любилъ и безъ того, становится мнѣ вдвое дороже, и я прямо признаюсь, что почти завидую сыну, имѣющему предо мною то преимущество, что онъ провелъ тамъ больше времени, чѣмъ я, и такъ легко изгладилъ своего отца изъ вашей памяти. Если бы мнѣ было дозволено выразить желаніе, то я хотѣлъ бы передать вамъ устно, какъ высоко цѣню я пріемъ, сдѣланный вами моему сыну, и какъ мнѣ пріятно раздѣлять съ нимъ его чувства признательности» [2]).

Но въ то самое время, когда пребываніе въ Вѣнѣ цесаревича, повидимому, должно было укрѣпить связи, соединявшія оба императорскіе двора, на Востокѣ собирались грозныя тучи, предвѣстницы бури, едва не порвавшія снова и окончательно союзъ Австріи съ Россіею. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе образа дѣйствій князя Меттерниха впродолженіе второй турецко-египетской распри. Достаточно сказать, что онъ вполнѣ оправдалъ опасенія высказанныя княземъ А. М. Горчаковымъ за два года передъ тѣмъ. Въ восточномъ кризисѣ онъ, нимало не стѣсняясь постановленіями Мюнхенгрецской конвенціи, связывавшими его политику съ нашею, не только перешелъ на сторону враждебныхъ намъ морскихъ державъ, но и попытался снова возбудить вопросъ о неоднократно отвергнутомъ нами ручательствѣ Европы за цѣлость и независимость Оттоманской имперіи. Проявленныя имъ при этомъ двуличіе и недобросовѣстность, безъ сомнѣнія, послужили побудительными причинами попытки императорскаго кабинета сблизиться съ Англіею и разрѣшить восточныя замѣшательства путемъ соглашенія съ нею. И въ этомъ фазисѣ переговоровъ австрійскій канцлеръ остался вѣренъ своей неизлѣчимой страсти сѣять смуту и раздоръ между державами. Но усилія его помѣшать сближенію Россіи съ Англіею не увѣн-

[2]) Дневникъ Княгини Меттернихъ, съ 19 по 21 февраля (съ 1 по 19 марта) 1839.

[2]) Императоръ Николай княгинѣ Меттернихъ, 18 (30) марта 1839.

чались успѣхомъ. Лѣтомъ 1840 года между Петербургомъ и Лондономъ состоялось полное соглашеніе по турецко-египетскимъ дѣламъ, и Австріи оставалось лишь приступить къ нему вмѣстѣ съ берлинскимъ дворомъ, не смотря на устраненіе Франціи отъ договора, подписаннаго по этому предмету въ Лондонѣ представителями остальныхъ четырехъ великихъ державъ [1]). Однако, Меттерниху удалось, въ слѣдующемъ 1841 году, снова привлечь парижскій кабинетъ къ участію въ общеевропейскомъ соглашеніи по вопросу о закрытіи Дарданеллъ и Босфора и настоять на включеніи въ конвенцію, заключенную между всѣми пятью державами, провозглашенія цѣлости и независимости Оттоманской имперіи основнымъ началомъ народнаго права Европы [2]).

Такое уклоненіе Австріи отъ своихъ союзныхъ обязательствъ передъ нами естественно произвело въ Петербургѣ крайне неблагопріятное впечатлѣніе, и въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ графъ Нессельроде сознался, «что Англія и Россія часто вынуждены были сожалѣть, что онѣ не взяли исключительно на себя разрѣшенія Восточнаго вопроса» [3]). Впечатлѣнія эти не могли не отозваться на дальнѣйшихъ отношеніяхъ обоихъ императорскихъ дворовъ, вызвавъ въ нихъ довольно продолжительное охлажденіе. Но у насъ слишкомъ свыклись съ мыслью о томъ, что намъ невозможно обойдтись безъ австрійскаго союза, и въ инструкціяхъ графу Медему, назначенному посланникомъ въ Вѣну на мѣсто старика Татищева, ослѣпшаго и уволеннаго въ отставку, вице-канцлеръ продолжалъ утверждать, что въ означенномъ союзѣ мы усматриваемъ главное основаніе нашихъ собственныхъ государственныхъ интересовъ. «Австрія, Пруссія и Россія,»—писалъ онъ,—«изъ коихъ первыя двѣ группируютъ вокругъ себя разсѣянныя силы Германіи: таковъ для насъ краеугольный камень общественнаго зданія Европы... Сознаніе этой истины, необходимость этого союза, составляютъ основаніе мюнхенгрецскихъ конвенцій, и вотъ почему, не отказываясь отъ мысли сблизиться съ Англіей, императоръ считаетъ эти акты самымъ вѣрнымъ руча-

[1]) Конвенція, заключенная въ Лондонѣ между Россіею, Австріею, Англіею и Пруссіею 3 (15) іюля 1840.

[2]) Конвенція, заключенная въ Лондонѣ между пятью великими державами 1 (13 іюля) 1841.

[3]) Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде за 1840 годъ.

*

тельствомъ общаго равновѣсія» [1]). Нѣсколько иначе взиралъ вѣнскій дворъ на свои отношенія къ Россіи. Назначая графа Война посланникомъ въ Петербургъ, Меттернихъ не скрывалъ онъ него, что отношенія съ русскимъ дворомъ подобны цвѣтамъ, полнымъ шиповъ. «Взаимное положеніе,» — утверждалъ канцлеръ,—«крайне странно въ настоящую минуту. Въ Россіи дѣлаютъ много ошибокъ, а времена столь трудны, что лучше было бы остеречься отъ нихъ. Руководствуйтесь архивами посольства. Они ознакомятъ васъ съ нашимъ образомъ дѣйствій, и вы почерпнете въ нихъ доказательство, что во многихъ важныхъ случаяхъ онъ отличался отъ образа дѣйствій нашего союзника» [2]). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Меттернихъ сообщилъ тому же дипломату, что императоръ Николай часто-де придерживается во внутреннихъ дѣлахъ имперіи политики, которая не можетъ принесть полезныхъ плодовъ. Подъ этимъ канцлеръ, очевидно, разумѣлъ строгія мѣры, принятыя государемъ противъ революціонныхъ происковъ католическаго духовенства на нашихъ западныхъ окраинахъ [3]),

Неудовольствіе вѣнскаго двора на Россію росло не по днямъ, а по часамъ. Весною 1842 года князь Меттернихъ разразился цѣлымъ обвинительнымъ актомъ противъ русской политики. Онъ писалъ австрійскому посланнику въ Петербургѣ: «Въ сущности мы стоимъ на той же чертѣ принциповъ, какъ и русскій дворъ. Во *многихъ манипуляціяхъ* оба двора идутъ различнымъ путемъ. Это справедливо во всѣхъ текущихъ дѣлахъ и зависитъ отъ фундаментальной причины, заключающейся въ различіи, характеризующемъ и имѣющемъ характеризовать постоянно политику этихъ дворовъ. Мы ищемъ въ предметахъ лишь то, что они вмѣщаютъ, не стремясь къ иной выгодѣ, какъ только къ торжеству принциповъ и къ удаленію шансовъ безпорядка, покрывающихъ политическое поле. Въ Россіи стремятся, правда, къ той же цѣли, но, сверхъ того, и къ какой либо одинокой выгодѣ. Истина эта осязательна во всѣхъ дѣлахъ: въ родѣ сношеній, поддерживаемыхъ г. Бруновымъ съ тщательною заботливостью въ Англіи; въ охлажденіи отношеній между Россіею и Франціею; она, наконецъ, несомнѣнно проявляется въ вопросахъ, относящихся до Сирій-

[1]) Графъ Нессельроде графу Медему, 31 января (12 февраля) 1842.
[2]) Князь Меттернихъ графу Война, 28 іюня (10 іюля) 1841.
[3]) Князь Меттернихъ графу Война, 22 октября (3 ноября) 1841.

скихъ дѣлъ. При такихъ обстоятельствахъ, что предписываетъ намъ мудрость? Если я вѣрно понимаю ея голосъ, то она совѣтуетъ мнѣ постоянно идти впередъ и избѣгать объясненій, не вызываемыхъ крайнею необходимостью. *Дѣйствовать какъ слѣдуетъ въ прямыхъ путяхъ и болѣе дѣйствовать, чѣмъ говорить*—таково правило, коего мы придерживаемся, въ особенности въ нашемъ поведенiи относительно русскаго двора, ибо намъ нечего сообщать ему о самихъ себѣ, и мы знаемъ и предвидимъ заранѣе все, чего можемъ ожидать отъ него». Въ заключенiе своей депещи, канцлеръ возвращался къ положенiю въ Россiи католическаго духовенства и въ слѣдующихъ словахъ выражалъ осужденiе мѣрамъ нашего правительства: «Одна изъ сторонъ русской политики страшна и готовитъ величайшiя затрудненiя императору и странѣ: это религiозное преслѣдованiе. Пока тучи только собираются; громъ не замедлитъ грянуть». Но австрiйскiй министръ не смѣлъ и мечтать о вмѣшательствѣ въ это внутреннее русское дѣло и утѣшалъ себя размышленiемъ, что оно еще не дозрѣло и что поэтому лучше молчать до поры до времени [1]).

Даже пожалованiе княгинѣ Меттернихъ Екатерининскаго ордена не могло разсѣять угрюмости канцлера. Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ возлагалъ всѣ свои надежды на возвращенiе къ власти англiйскихъ консерваторовъ, дѣйствительно успѣвшихъ образовать министерство въ предсѣдательствѣ сэръ Роберта Пиля, и ожидалъ отъ нихъ традицiоннаго сближенiя съ Австрiею. Во Францiи кабинетъ Гизо обнаруживалъ съ нѣкоторымъ задаткомъ прочности искреннее желанiе вступить въ тѣсную связь съ вѣнскимъ дворомъ. Молодой наслѣдникъ короля Фридриха-Вильгельма III также выказывалъ при воцаренiи склонность подчиниться влiянiю Меттерниха. Послѣднему показалось, чта онъ менѣе нуждается въ Россiи, и онъ посмѣлъ отклонить приглашенiе императора Николая прибыть въ Варшаву на свиданiе съ его величествомъ [2]). Вмѣсто себя, онъ отправилъ туда Фикельмонта, который, по отозванiи изъ Петербурга, занялъ мѣсто помощника канцлера. На очереди стоялъ вопросъ объ усмиренiи безпорядковъ, возникшихъ въ

---

[1]) Князь Меттернихъ графу Война, 31 марта (12 апрѣля) 1842.

[2]) Профессоръ Мартенсъ въ 1 ч. IV тома своего Собранiя трактатовъ и конвенцiй ошибочно показываетъ, будто князь Меттернихъ былъ лѣтомъ 1843 г. гостемъ императора Николая въ Варшавѣ.

Дунайскихъ княжествахъ, и императорскій кабинетъ испрашивалъ согласія вѣнскаго на введеніе русскихъ войскъ въ Валахію. «Климентъ рѣшился категорически отвѣчать «нѣтъ»,— читаемъ въ дневникѣ княгини [1]). Въ Сербіи, не смотря на нашъ протестъ противъ низложенія Михаила Обреновича и избранія княземъ Александра Карагеоргіевича, вѣнскій дворъ успѣлъ настоять на оставленіи послѣдняго у власти, убѣдилъ нашъ дворъ удовольствоваться чисто формальнымъ удовлетвореніемъ и не требовать удаленія князя Александра, извѣстнаго своею приверженностью къ Австріи.

Всѣ эти обстоятельства объясняютъ рѣшеніе императора Николая дать почувствовать вѣнскому двору свое неудовольствіе и при отправленіи въ Палермо, гдѣ зиму 1845—1846 годовъ проводила императрица Александра Ѳеодоровна, миновать австрійскую столицу. Въ Вѣнѣ уже дѣлали приготовленія къ пріему государя, когда вдругъ узнали, что его величество, взявъ въ Лейтмерицѣ экстренный поѣздъ, направился въ Италію, чрезъ Прагу и Баварію. Впрочемъ, въ Миланѣ, онъ посѣтилъ фельдмаршала Радецкаго, а въ Вѣну послалъ съ извиненіемъ графа Нессельроде. На возвратномъ пути государь проѣхалъ чрезъ Вѣну, но провелъ тамъ всего три дня. Слѣдующій разсказъ княгини Меттернихъ о пребываніи его въ этомъ городѣ всего лучше доказываетъ перемѣну, происшедшую въ недавно столь еще близкихъ и сердечныхъ отношеніяхъ двухъ императорскихъ дворовъ.

«18-го (30-го) декабря 1845 года узнали, что императоръ Николай оставилъ Брукъ въ 10 часовъ и прибылъ въ Глогницъ, гдѣ высшіе сановники приняли и угощали его. Въ публикѣ знали, что съ пяти часовъ весь дворъ былъ въ сборѣ для пріема императора, и приготовленные для него покои представлялись иллюминованными. А потому общественное любопытство было возбуждено въ высшей степени, когда увидали, что придворные экипажи, въ одномъ изъ коихъ сидѣлъ русскій императоръ, съ сопровождавшимъ его княземъ Карломъ Лихтенштейномъ, въѣхали въ Геренгассе, тогда какъ всадники, предшествовавшіе императору, съ зажженными факелами направились къ императорскому дворцу. Лихтенштейнъ сказалъ императору, что получилъ формальное приказаніе везти его

[1]) Дневникъ княгини Меттернихъ, 11 (23) іюля 1843.

величество во дворецъ, и что онъ не можетъ отвѣчать за впечатлѣніе, которое произведетъ отказъ государя. Его величество отвѣчалъ прочувствованнымъ голосомъ: «Дѣлайте изъ меня завтра что хотите; сегодня у меня не хватаетъ силъ». Съ этими словами онъ поѣхалъ къ Медему, гдѣ ожидала его рота его полка, со знаменемъ. Онъ сказалъ лишь нѣсколько словъ этимъ солдатамъ и удалился въ свои покои. 19-го (31-го), въ 10 часовъ, императоръ отправился во дворецъ, а въ 11 часовъ происходилъ смотръ войскамъ на гласисѣ. Погода стояла очень хорошая и теплая. Весь дворъ, даже дамы, присутствовали на смотру. Я была дома, какъ вдругъ доложили мнѣ о пріѣздѣ императора. Я вышла къ нему навстрѣчу и замѣтила въ немъ большую перемѣну. Выраженіе его лица стало еще жестче прежняго, и грозная строгость его взгляда нисколько не умѣрялась выраженіемъ его устъ. Когда вошелъ Климентъ и заговорилъ о политикѣ и о торійскомъ министерствѣ, императоръ прервалъ его, сказавъ: «Ни слова о политикѣ. Я пріѣхалъ лишь для того, чтобы побесѣдовать съ вашею женою». Вслѣдъ за симъ онъ условился съ Климентомъ о свиданіи на завтра, въ 10 часовъ, и началъ разговаривать съ нами. Я рада была, что при этомъ случаѣ императоръ сталъ немного менѣе мраченъ. Онъ заключилъ тѣмъ, что надѣется увидать меня еще разъ при дворѣ. Потомъ онъ посѣтилъ графиню Фикельмонтъ, послѣ чего поѣхалъ во дворецъ на обѣдъ, къ которому были приглашены генералы» [1]).

На другой день, въ католическій новый годъ, княгиня Меттернихъ такъ начала свой дневникъ: «Да хранитъ насъ Богъ, пресвятая Дѣва и всѣ святые и да окажутъ намъ милостивую помощь! Я привыкла начинать и проводить годъ въ большомъ волненіи. Но ни одинъ не начинался еще подъ столь грозными предзнаменованіями, какъ этотъ. Императоръ Николай продолжаетъ держать себя строго. Климентъ былъ у него въ 10 часовъ, разговоръ продолжался долго» [2]).

Чѣмъ могла быть вызвана такая необычная суровость государя въ отношеніи ко двору, съ которымъ соединяли его узы тѣсной личной дружбы и политическаго единомыслія? Переписка Меттерниха, изданная нѣсколько лѣтъ тому назадъ, заключаетъ лишь нѣкоторые намеки на причины охлажденія им-

---

1) Дневникъ княгини Меттернихъ, 19 (31 декабря) 1845.

2) Дневникъ княгини Меттернихъ, 20 декабря 1845 (1 января 1846).

ператора Николая къ Австріи. Въ дипломатическихъ кругахъ носились упорные слухи о предположенномъ бракѣ между эрцгерцогомъ Стефаномъ, сыномъ палатина венгерскаго, и великою княжною Ольгою Николаевною. Но, повидимому, австрійскій дворъ возбудилъ препятствія по вопросу о вѣроисповѣданіи будущихъ супруговъ. Толкамъ объ этомъ положило, впрочемъ, скоро конецъ оффиціальное сообщеніе въ Journal de St.-Pétersbourg о вступленіи великой княжны въ супружество съ наслѣднымъ принцемъ виртембергскимъ. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что гнѣвъ государя возбудила попытка Меттерниха вмѣшаться въ наши внутреннія дѣла, подъ предлогомъ ходатайства за католическое духовенство въ Россіи.

За нѣсколько дней до пріѣзда его величества въ Вѣну, австрійскій канцлеръ писалъ послу въ Парижѣ графу Аппони: «Императоръ Николай прибудетъ сюда, вѣроятно, 16-го (28-го) или 17-го (29-го) декабря. Онъ останется здѣсь два или три дня, не болѣе. Я тогда яснѣе увижу, чѣмъ нынѣ, то, что происходило между главами двухъ церквей [1]. Во всемъ этомъ нѣтъ и рѣчи о великой княжнѣ Ольгѣ и эрцгерцогѣ Стефанѣ. Дѣло въ томъ, чтобы узнать, будетъ императоръ или не будетъ жить въ мирѣ съ 14 или 15 милліонами своихъ католическихъ, протестантскихъ или еврейскихъ подданныхъ» [2].

Меттернихъ ничего не узналъ, потому что государь, конечно, не допустилъ его и коснуться вопроса, вполнѣ чуждаго внѣшней политикѣ. Но самое любопытство, проявленное австрійскимъ министромъ, произвело на его величество непріятное впечатлѣніе. Императоръ Николай выѣхалъ изъ Вѣны 21-го декабря (2-го января), раздавъ по обыкновенію много орденовъ и подарковъ состоявшимъ при немъ придворнымъ и офицерамъ. Мѣсяцъ спустя, въ австрійскую столицу, на возвратномъ пути изъ Италіи, пріѣхалъ Нессельроде. Княгиня Меттернихъ занесла про него въ свой дневникъ: «Въ немъ нѣтъ недостатка въ доброй волѣ, и онъ желалъ бы содѣйствовать торжеству добра. Тѣмъ не менѣе, характеръ его кажется мнѣ слишкомъ слабымъ для того, чтобы его голосъ имѣлъ въ совѣтѣ подобающее значеніе» [3].

---

[1] Возвращаясь изъ Палермо, императоръ Николай посѣтилъ въ Римѣ папу Григорія XVI.

[2] Князь Меттернихъ графу Аппони, 24 ноября (11 декабря) 1845.

[3] Дневникъ княгини Меттернихъ, 17 (29) января 1846.

VI.

Тѣснѣйшій союзъ.

1846 — 1854.

Внѣшнее и внутреннее положеніе Австріи въ половинѣ сороковыхъ годовъ.— Новое сближеніе ея съ Россіей.—Волненія въ Краковѣ.—Присоединеніе Кракова къ австрійскимъ владѣніямъ.—Разгромъ 1848 года.—Враждебность къ Россіи либеральнаго австрійскаго министерства. -- Воцареніе императора Франца-Іосифа.—Возстановленіе дружественной связи съ Россіей.—Усмиреніе Венгріи русскими войсками.—Дипломатическая поддержка Австріи Россіею.— Совѣщанія въ Варшавѣ.—Ольмюцское соглашеніе.—Пріѣздъ въ Вѣну членовъ русскаго императорскаго дома.—Императоръ Николай въ Ольмюцѣ и въ Вѣнѣ.—Начало Восточнаго кризиса.—Надежда императорскаго кабинета на содѣйствіе Австріи.—Измѣна вѣнскаго двора.—Послѣднія свиданія Императора Николая съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ въ Ольмюцѣ и въ Варшавѣ.

Въ кратковременное пребываніе императора Николая въ Вѣнѣ, въ концѣ 1845 года, Меттернихъ убѣдился въ томъ, что неискренность и шаткость его дѣйствій по отношенію къ Россіи за послѣднее время грозили поколебать то благосклонное расположеніе, которое съ самаго мюнхенгрецскаго свиданія русскій государь не переставалъ питать и выказывать къ Австріи. Канцлеръ спѣшилъ изгладить эти неблагопріятныя впечатлѣнія съ тѣмъ бо́льшею ревностью, что политическія событія на Западѣ начинали принимать для монархіи Габсбурговъ опасный оборотъ и грозили ей въ недалекомъ будущемъ всевозможными бѣдствіями.

Въ Англіи виги снова замѣнили торіевъ у власти, и ненавистный Пальмерстонъ въ третій разъ сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Во Франціи, Гизо хотя и продолжалъ обнаруживать искреннее желаніе идти рука объ руку съ вѣнскимъ дворомъ во всѣхъ вопросахъ общей политики какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, но положеніе этого министра представлялось далеко не прочнымъ, а усиленіе въ странѣ революціонныхъ партій угрожало низверженіемъ самому престолу короля Лудовика-Филиппа. Даже Пруссія ускользнула изъ-подъ вліянія вѣнскаго двора, и Меттерниху, не смотря на все краснорѣчіе, потраченное при личномъ свиданіи съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, лѣтомъ 1845 года, въ замкѣ Штольцен-

фельсѣ, на Рейнѣ, не удалось убѣдить этого государя отказаться отъ намѣренія даровать своимъ подданнымъ пока лишь областное земское представительство, которое, впрочемъ, какъ справедливо предвидѣлъ канцлеръ, должно было неминуемо и скоро преобразиться въ государственное. Въ Италіи и въ Германіи замѣчалось всеобщее возбужденіе въ національно-либеральномъ направленіи, предвѣщавшее въ близкомъ будущемъ всеобщій революціонный взрывъ. Въ самой Австріи съ каждымъ днемъ усиливалось броженіе всѣхъ ея разноплеменныхъ народовъ. Славянское возрожденіе громко проповѣдовалось въ Прагѣ и Загребѣ, Венгрія требовала возстановленія историческихъ правъ своихъ, нѣмецкія области заражались духомъ «молодой Германіи», мечтали о политической свободѣ и о единствѣ великаго германскаго отечества. Противъ всѣхъ этихъ бѣдъ, грозившихъ разложеніемъ ветхому и расшатанному австрійскому государственному зданію, у вѣнскаго двора оставалась одна опора—Россія, одна надежда—великодушіе и высокая политическая честность русскаго императора.

Въ началѣ 1846 года серіозные безпорядки вспыхнули въ Галиціи и оттуда распространились на подвластныя Пруссіи польскія области. Центромъ ихъ былъ вольный городъ Краковъ. Тамъ засѣдалъ тайный комитетъ, руководившій возстаніемъ; оттуда, снабженныя предводителями и оружіемъ, шайки мятежниковъ вторгались въ сосѣдніе предѣлы; туда же удалялись онѣ снова, убѣгая отъ преслѣдованія австрійскихъ и прусскихъ войскъ. Еще за десять лѣтъ передъ тѣмъ, на свиданіи въ Теплицѣ трехъ союзныхъ государей, рѣшено было положить конецъ независимому существованію этого постояннаго очага смутъ и волненій всякаго рода, напоминавшаго полякамъ о былой самостоятельности и возбуждавшаго въ нихъ надежду на ея возстановленіе въ будущемъ. Но, съ теченіемъ времени, Пруссія взяла назадъ уже выраженное было ею согласіе на присоединеніе Кракова къ владѣніямъ австрійскаго императора. Революція, вспыхнувшая въ этомъ городѣ, въ февралѣ 1846 года, подъ знаменемъ польской независимости, побудила, наконецъ, три союзныя державы условиться относительно занятія его русскими и австрійскими войсками и введенія военнаго управленія отъ имени трехъ дворовъ. Представители послѣднихъ составили временной исполнительный совѣтъ, въ предсѣдательствѣ генерала, началь-

ствующаго австрійскими войсками. Но, согласясь на этотъ шагъ, берлинскій дворъ все еще колебался признать необходимость включенія Кракова въ составъ Австрійской монархіи. Императоръ Николай взялъ на себя убѣдить короля Фридриха-Вильгельма IV въ неизбѣжности такого исхода, и съ этою цѣлью былъ отправленъ имъ въ Берлинъ генералъ-адъютантъ графъ Бергъ. Внушенія государя подѣйствовали, и въ первыхъ числахъ апрѣля въ прусской столицѣ подписанъ былъ уполномоченными Россіи, Австріи и Пруссіи актъ, прекращавшій независимое существованіе Кракова въ качествѣ вольнаго города и провозглашавшій присоединеніе его къ Австріи [1]).

Но вѣнскій дворъ долго не рѣшался привести это постановленіе въ исполненіе ссылаясь то на вѣроятное противодѣйствіе морскихъ державъ, то на затаенную зависть Пруссіи, нелегко мирившейся съ мыслью о расширеніи владѣній вѣковой своей соперницы. Русскій дворъ старался ободрить князя Меттерниха, придать ему недостававшаго мужества. «Австрія,»—писалъ вице-канцлеръ нашему посланнику въ Вѣнѣ,—«можетъ разсчитывать на силы Россіи такъ же точно, какъ императоръ желалъ бы положиться на силы Австріи» [2]). Когда и это не помогло, то императорскій кабинетъ прибѣгнулъ къ крайнему средству, объявивъ, что, въ случаѣ нерѣшительности вѣнскаго двора, императоръ Николай готовъ взять на себя всю отвѣтственность за положеніе, которое оказывается не по силамъ его союзникамъ, и присоединить Краковъ къ своей имперіи, хотя это и не отвѣчаетъ его видамъ и намѣреніямъ [3]). Въ Берлинѣ были убѣждены, что помянутое заявленіе было сдѣлано русскимъ дворомъ вслѣдствіе тайной просьбы австрійскаго, чтобы окончательно сломить сопротивленіе Пруссіи развязкѣ, на которую она согласилась противъ воли. [4]) Какъ бы то ни было, прусскіе государственные люди опасались расширенія нашихъ предѣловъ несравненно болѣе,

---

[1]) Актъ, заключенный въ Берлинѣ между Россіею, Австріею и Пруссіею 3 (15) апрѣля 1846.

[2]) Графъ Нессельроде графу Медему, 18 (30) іюня 1846.

[3]) Графъ Нессельроде графу Медему, 21 октября (9 ноября) 1846.

[4]) Предположеніе это высказывалъ, между прочимъ, князь Бисмаркъ, тогда еще прусскій представитель на франкфуртскомъ сеймѣ, въ донесеніи своемъ барону Мантейфелю, отъ 27 ноября (9 декабря) 1854.

чѣмъ даже усиленія Австріи, и, скрѣпя сердце, допустили присоединеніе Кракова къ Австрійской монархіи. Оно состоялось позднею осенью 1846 года.

Полтора года спустя, революціонный погромъ внезапно поколебалъ въ основаніяхъ монархическую Австрію, не давъ ей даже времени воззвать къ помощи, которую императоръ Николай держалъ для нея на готовѣ. Первымъ порывомъ бури снесенъ былъ Меттернихъ и вся представляемая имъ политическая система. На другой день по удаленіи своемъ отъ власти, бывшій канцлеръ обратился къ императору Николаю съ письмомъ, въ коемъ называлъ его «самымъ истиннымъ другомъ и союзникомъ имперіи», но, выражая полное отчаяніе, утверждалъ, что «не въ силахъ человѣческихъ остановить потокъ и что возможно лишь воздвигнуть ему плотину» [1]). Государь въ своемъ отвѣтѣ замѣтилъ, что вмѣстѣ съ Меттернихомъ «исчезаетъ цѣлая система взаимныхъ отношеній мысли, интересовъ и дѣйствій сообща и что на новомъ пути, на который отнынѣ вступаетъ Австрійская монархія, и не взирая на добрую волю ея правительства, крайне трудно будетъ обрѣсти ихъ въ одинаковой степени, подъ иною формою» [2]).

Дѣйствительно, намъ скоро оказалось чрезвычайно трудно дружить съ новымъ правительствомъ, народившимся въ Вѣнѣ изъ уличныхъ безпорядковъ. Подчиняясь вліянію преобладавшихъ въ народномъ представительствѣ либеральныхъ и даже радикальныхъ вѣяній, оно сразу обнаружило тяготѣніе къ западнымъ державамъ, и не только чуждалось преданій Священнаго Союза, но даже не исполняло относительно насъ обязательствъ, истекавшихъ изъ договора съ нами, отказываясь, напримѣръ, выдавать намъ искавшихъ убѣжища въ Галиціи государственныхъ преступниковъ изъ уроженцевъ царства Польскаго. Императорскій кабинетъ пригрозилъ за это вѣнскому разрывомъ дипломатическихъ сношеній и отозваніемъ нашего посольства изъ Вѣны [3]).

За то, какъ только, со вступленіемъ на престолъ императора Франца-Іосифа, въ австрійскомъ правительствѣ произошелъ коренной переломъ, и, руководимое княземъ Феликсомъ Шварценбергомъ, оно, порвавъ всякія связи съ революціею,

---

[1]) Князь Меттернихъ императору Николаю, 2 (14) марта 1848.
[2]) Императоръ Николай князю Меттерниху, 4 (16) апрѣля 1848.
[3]) Графъ Нессельроде Фонтону, 13 (25) сентября 1848.

снова возвратилось на традиціонный охранительный путь,—у насъ спѣшили привѣтствовать это событіе, какъ залогъ полнаго возстановленія прежнихъ союзническихъ отношеній нашихъ къ вѣнскому двору. Еще ранѣе, а именно въ октябрѣ 1848 года, на донесеніи нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Вѣнѣ о разговорѣ его съ австрійскимъ фельдмаршаломъ княземъ Виндишгрецомъ, выразившимъ намѣреніе, въ случаѣ неуспѣха въ борьбѣ съ вооруженнымъ возстаніемъ (Виндишгрецъ осаждалъ тогда мятежную Вѣну), обратиться къ великодушію русскаго императора, государь сдѣлалъ слѣдующую собственноручную помѣту: «И я отвѣчу на ихъ зовъ, и они не ошибутся» [1]).

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1848 годъ вице-канцлеръ, упомянувъ объ отреченіи императора Фердинанда и о воцареніи его племянника, восемьнадцатилѣтняго эрцгерцога Франца-Іосифа, восклицалъ: «Съ этой минуты начинается новый фазисъ въ нашемъ политическомъ положеніи и все болѣе и болѣе осязательное возобновленіе нашихъ прежнихъ отношеній къ австрійскому правительству» [2]).

Такимъ образомъ снова оживали мюнхенгрецскія обязательства и сопряженныя съ ними воспоминанія. Молодой австрійскій императоръ выражалъ самыя почтительныя и преданныя чувства къ русскому государю, и когда тотъ за храбрость, проявленную имъ при взятіи штурмомъ крѣпости Раабъ, прислалъ ему георгіевскій крестъ 4-й степени, то Францъ-Іосифъ объявилъ, что никогда не сниметъ этого почетнаго знака отличія со своего мундира [3]). Скоро обстоятельства вынудили его воззвать къ помощи своего великодушнаго союзника. Мятежные венгерцы одолѣвали австрійскія войска, и спасенія можно было ожидать лишь отъ вооруженнаго вмѣшательства Россіи. Фельдмаршалъ Виндишгрецъ первый, рѣшился напомнить императору Николаю въ трогательномъ письмѣ объ обѣщаніи, данномъ въ Мюнхенгрецѣ императору Францу, служить опорою и щитомъ его преемникамъ. Вслѣдъ за формальнымъ обращеніемъ вѣнскаго двора, сперва 5-му пѣхотному корпусу, занимавшему Дунайскія княжества, а затѣмъ и всей западной

---

[1]) Высочайшая отмѣтка на донесеніи Фонтона графу Нессельроде, отъ 14 (26) октября 1848.

[2]) Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде за 1848 годъ.

[3]) Императоръ Францъ-Іосифъ остался вѣренъ этому обѣщанію и понынѣ постоянно носитъ на груди своей пожалованный ему императоромъ Николаемъ георгіевскій крестъ.

арміи, подъ главнымъ начальствомъ Паскевича, повелѣно было, вступивъ въ предѣлы Венгріи, усмирить мятежъ.

Не безъ смущенія объяснилъ австрійскій императоръ о принятомъ имъ рѣшеніи своимъ подданнымъ. Они узнали о немъ изъ статьи оффиціальной «Вѣнской Газеты». «Возстаніе въ Венгріи,»—говорилось въ ней,—«въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ получило такое развитіе, оно обличаетъ въ настоящемъ своемъ фазисѣ столь рѣшительный характеръ соединенія всѣхъ элементовъ европейской революціонной партіи, что общій всѣмъ государствамъ интересъ требуетъ поддержанія императорскаго правительства въ борьбѣ его противъ подготовляемаго тамъ распаденія всякаго общественнаго порядка. Въ виду этихъ важныхъ соображеній, правительство его величества императора вынужденнымъ нашлось обратиться къ вооруженной помощи его величества императора всероссійскаго, который и обѣщалъ ее тотчасъ же, въ широкомъ размѣрѣ и съ благородною готовностью. Условленныя обѣими сторонами мѣры уже приводятся въ исполненіе» [1]).

За этимъ сообщеніемъ слѣдовало воззваніе Франца-Іосифа къ венгерцамъ, въ коемъ выражалось, что императоръ Николай соединился съ австрійскимъ императоромъ для борьбы противъ общаго врага; венгерцы же приглашались встрѣчать русскія войска не какъ непріятеля, а какъ друзей ихъ законнаго государя [2]). Военныя приготовленія вызывали необходимость личныхъ совѣщаній между монархами. Въ концѣ мая 1849 года, въ Венгерскій Градецъ въ Моравіи прибылъ для свиданія съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, вмѣстѣ съ нимъ отправившійся въ Краковъ, куда 2 (14-го) іюня пріѣхалъ на нѣсколько часовъ и самъ императоръ Николай. Молодой австрійскій монархъ трогательно выражалъ свою признательность за скорую, могучую и вполнѣ безкорыстную помощь, дарованную ему его августѣйшимъ союзникомъ.

24-го мая (5-го іюня) перешла русская армія австрійскую границу, и уже 1-го (13-го) августа Венгрія, по выраженію Паскевича, была у ногъ государя.

---

[1]) «Вѣнская Газета», 19 апрѣля (1 мая) 1849.

[2]) Возваніе императора Франца-Іосифа къ венгерцамъ, 30 апрѣля (12 мая) 1849.

Австрійская монархія была спасена. По усмиреніи венгерскаго мятежа, одно время грозившаго низвергнуть самый престолъ Габсбурговъ, возстановить порядокъ въ прочихъ областяхъ имперіи было нетрудно. Съ паденіемъ Венеціи, австрійское вліяніе снова утвердилось въ Италіи. Но въ Германіи Пруссія была мало расположена вновь признать за вѣнскимъ дворомъ право руководить общими дѣлами Союза. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ такъ долго находилась Австрія и которое препятствовало ей впродолженіе 1848—1849 годовъ вліять на судьбы Германіи, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV хотя и отказался принять предложенную ему франкфуртскимъ народнымъ собраніемъ императорскую корону, но рѣшился образовать ограниченный союзъ, такъ называемую «Унію», изъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ, соединенныхъ въ одно «союзное государство», подъ главенствомъ дома Гогенцоллерновъ. Разумѣется, Австрія не могла хотѣть ни исключенія своего изъ Германіи, ни предоставленія въ ней преобладающаго значенія Пруссіи. Опираясь на оппозицію прусскимъ замысламъ крупнѣйшихъ изъ нѣмецкихъ государствъ, а именно четырехъ королевствъ: Баваріи, Виртемберга, Ганновера и Саксоніи, она потребовала возстановленія Германскаго Союза въ томъ видѣ, въ какомъ тотъ былъ установленъ Вѣнскимъ конгрессомъ и существовалъ до 1848 года. Берлинскій дворъ, успѣвшій, между тѣмъ, заручиться болѣе или менѣе добровольнымъ согласіемъ 24 членовъ прежняго союза, не хотѣлъ разстаться съ мыслью объ «Уніи». Дипломатическія пререканія двухъ великихъ державъ Германіи грозили привести ихъ къ вооруженному столкновенію. Во избѣжаніе этой крайности, обѣ онѣ рѣшили воззвать къ посредничеству русскаго государя. Въ теченіе 1850 года, къ императору Николаю дважды съѣзжались въ Варшаву представители дворовъ вѣнскаго и берлинскаго: со стороны Австріи самъ императоръ и первый министръ князь Шварценбергъ, со стороны Пруссіи—наслѣдникъ престола, принцъ Вильгельмъ, и предсѣдатель совѣта министровъ, графъ Бранденбургъ. Государь категорически высказался въ пользу Австріи, настаивавшей на возвращеніи къ порядку, установленному международными договорами, участницею коихъ была и Россія. Въ рѣшительную минуту, угроза его оказать Австріи, въ случаѣ войны, союзную помощь, сломила сопротивленіе берлинскаго двора и вынудила послѣдній

подписать знаменитое Ольмюцское соглашеніе, возстановившее Германскій Союзъ въ первобытномъ его видѣ и обезпечившее въ немъ за Австріею первенствующее положеніе.

Такимъ образомъ, въ двухлѣтній промежутъ императоръ Николай оказалъ молодому своему союзнику двѣ первостепенныя услуги и вполнѣ сдержалъ обѣщаніе, данное императору Францу въ Мюнхенгрецѣ. Благодаря его могучей поддержкѣ, Австрія не только возстановила порядокъ внутри имперіи, но и возвратила себѣ снова въ Италіи и Германіи преобладающее вліяніе, столь мало соотвѣтствовавшее дѣйствительному ея могуществу. Важнымъ этимъ результатомъ она была исключительно обязана русскому союзу, служившему ей твердою опорою противъ возобновленія въ будущемъ посягательствъ Пруссіи на предсѣдательство въ Германскомъ Союзѣ, Франціи— на покровительственныя отношенія ея къ итальянскимъ государямъ.

Но, подобно отдѣльнымъ личностямъ, государства и народы, вынужденные необходимостью принять услугу друга и сосѣда, рѣдко проникаются признательностью за нее, и нѣсколько дней послѣ Ольмюцскаго уговора князь Шварценбергъ довольно громко заявлялъ на совѣщаніяхъ въ Дрезденѣ, что Австрія *скоро удивитъ міръ своею неблагодарностью.* Обнаруженное Россіею превосходство ея нравственныхъ и матеріальныхъ силъ надъ австрійскими произвело на вѣнскій дворъ впечатлѣніе удручающее и раздражающее. Отсюда отказъ его помиловать приговоренныхъ къ смерти вождей венгерскаго возстанія, не смотря на личное ходатайство за нихъ наслѣдника русскаго престола. Но чувства эти не смѣли еще проявляться слишкомъ открыто. Напротивъ, наружныя отношенія между обоими императорскими домами никогда не отличались бо̀льшею предупредительностью и даже задушевностью. Впродолженіе 1851 и 1852 годовъ посѣтилъ Вѣну великій князь Константинъ Николаевичъ съ супругою, затѣмъ великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, наконецъ наслѣдникъ съ цесаревною. Всѣмъ имъ былъ оказанъ радушный и почетный пріемъ. Императоръ Францъ-Іосифъ настоялъ, чтобы августѣйшіе путешественники считались его личными гостями и пользовались гостепріимствомъ австрійскаго двора не только въ столицѣ, но и въ областныхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Венеціи. Великихъ князей Николая и Михаила онъ назначилъ

шефами: перваго—гусарскаго полка, втораго—полка пѣхотнаго. Цесаревича съ супругою встрѣчалъ и провожалъ на вокзалѣ желѣзной дороги императоръ и всѣ эрцгерцоги. Въ честь ихъ состоялся большой смотръ и охота на кабана въ Лаинцскомъ паркѣ.

Императоръ Николай самъ весною 1851 года возвратилъ молодому своему союзнику въ Ольмюцѣ прошлогодній визитъ его въ Варшавѣ, а въ концѣ апрѣля 1852 года посѣтилъ его и въ Вѣнѣ. Государя встрѣтили въ австрійской столицѣ какъ признаннаго главу монархической Европы, преданнаго друга, надежнѣйшаго союзника, могучаго покровителя, спасителя монархіи Габсбурговъ.

25 апрѣля (7 мая), русскій посланникъ, баронъ Мейендорфъ, выѣхалъ на встрѣчу его величеству въ Одербергъ. Самъ императоръ Францъ-Іосифъ встрѣтилъ своего державнаго гостя въ Прерау, въ 184 километрахъ отъ столицы. Государя сопровождали графы Орловъ и Нессельроде, послѣдній возведенный уже въ званіе государственнаго канцлера. Его величество прибылъ въ Вѣну 26 апрѣля (8 мая). На второй день происходилъ блестящій парадъ. Австрійскій императоръ провелъ войска свои церемоніальнымъ маршемъ предъ государемъ и торжественно и почтительно салютовалъ ему. Когда оба монарха вмѣстѣ возвращались во дворецъ, то Францъ-Іосифъ первый вышелъ изъ экипажа у крыльца и подалъ руку государю, какъ бы желая помочь ему выйдти. Императоръ Николай, на глазахъ и при восторженныхъ возгласахъ многочисленной толпы, обнялъ юношу и крѣпко поцѣловалъ его. «Я люблю его какъ родного сына»,—говорилъ онъ княгинѣ Меттернихъ. Занося эти слова въ свой дневникъ, княгиня заключила: «Я видѣла императора Николая относившимся къ императору Францу съ почтеніемъ, оказываемымъ отцу; я счастлива, видя, что онъ питаетъ къ нашему государю совершенно родительскую привязанность» [1]).

Въ тотъ же день, въ замкѣ, данъ былъ обѣдъ на 150 приборовъ. Къ нему были приглашены исключительно военные и три министра: иностранныхъ дѣлъ—графъ Буоль, замѣнившій Феликса Шварценберга, умершаго за мѣсяцъ передъ тѣмъ; внутреннихъ дѣлъ—баронъ Бахъ и финансовъ—баронъ Кюбекъ.

[1]) Дневникъ княгини Меттернихъ, 28 апрѣля (10 мая) 1852.

Кюбеку государь сказалъ, что ему извѣстны высокія достоинства министра и горячее усердіе къ службѣ своего монарха. Баху онъ посовѣтовалъ ознакомиться лично съ различными областями, входившими въ составъ имперіи, объѣхавъ ихъ и внимательно изучивъ. Его величество не забылъ и старика Меттерниха, незадолго до того возвратившагося въ Вѣну изъ четырехлѣтняго изгнанія. Онъ дважды посѣтилъ князя и княгиню, прося ихъ продолжать считать его въ числѣ своихъ преданнѣйшихъ друзей. Передъ отъѣздомъ, онъ пожаловалъ андреевскую ленту эрцгерцогамъ, братьямъ императора, и барону Кюбеку и пожертвовалъ 6,000 гульденовъ въ пользу неимущихъ жителей столицы. Обратный путь свой изъ Вѣны государь направилъ чрезъ Прагу, съ тѣмъ, чтобы посѣтить тамъ «отставнаго своего товарища», какъ называлъ онъ шутя императора Фердинанда [1]).

Въ то самое время, когда императоръ Николай принималъ въ Вѣнѣ отъ молодаго союзника дань уваженія и признательности за великія оказанныя ему услуги, на Востокѣ назрѣвалъ уже вопросъ о Святыхъ мѣстахъ, долженствовавшій вскорѣ вызвать столкновеніе между Россіею и Турціею, поддержанною цѣлою половиною Европы. Въ началѣ восточныхъ усложненій, государь не сомнѣвался въ полномъ единомысліи вѣнскаго двора съ его собственною политическою программой. Излагая англійскому послу въ Петербургѣ, сэру Гамильтону Сеймуру, виды свои относительно близкаго распаденія Оттоманской имперіи и необходимости для великихъ державъ условиться объ общихъ мѣрахъ при распредѣленіи ея наслѣдства, «когда я говорю о Россіи,»—замѣтилъ онъ,—«то говорю и объ Австріи: что пригодно одной, пригодно и другой, и интересы наши въ отношеніи Турціи совершенно тождественны» [2]).

Такая увѣренность императора Николая основывалась на точныхъ постановленіяхъ Мюнхенгрецской конвенціи, подтвержденной цѣлымъ рядомъ письменныхъ объясненій и совѣщаній на словахъ между обоими императорскими дворами. Въ инструкціи, которою государственный канцлеръ снабдилъ генералъ-адъютанта князя Меншикова при отправленіи его

---

[1]) Подробности о пребываніи императора Николая въ Вѣнѣ, въ 1852 году, заимствованы изъ дневника княгини Меттернихъ.

[2]) Сэръ Гамильтонъ Сеймуръ лорду Джону Русселю, 10 (22) февраля 1853

чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь, говорилось: «Что же касается до прочихъ двухъ великихъ державъ (Австріи и Пруссіи), то вамъ извѣстно, что мы состоимъ съ ними въ тѣсномъ союзѣ, и потому было бы излишне сообщать вамъ, что между ихъ кабинетами и нашимъ существуютъ совершенное тождество видовъ и прочность взаимныхъ обязательствъ во всѣхъ главныхъ вопросахъ европейской политики. Это относится наипаче къ Австріи, которая, по географическому положенію своему, преимущественно предъ Пруссіею можетъ оказывать дѣятельное вліяніе на дѣла Востока. Конечно, въ спорѣ, возникшемъ по поводу Святыхъ мѣстъ, Австрія, какъ держава католическая, не можетъ слишкомъ явно поддерживать право грекороссійскаго исповѣданія противъ притязаній католиковъ. Но вѣнскій кабинетъ, руководясь свойственною ему проницательностью, легко могъ усмотрѣть, что въ этомъ вопросѣ для Франціи дѣло шло не столько о религіозномъ сомнѣніи, сколько о политической цѣли, и мы должны были заключить, что Австрія, именно какъ держава католическая, никогда не признаетъ исключительнаго покровительства, которое домогается присвоить Франція надъ всѣми христіанами одного съ нею исповѣданія. А потому, нисколько не колеблясь, мы обратились къ Австріи съ такими же объясненіями, какія сообщены были нами Англіи, и съ просьбою дѣйствовать такимъ же образомъ въ Константинополѣ и Парижѣ. Мы должны отдать справедливость австрійскому правительству въ томъ, что оно предупредило наши желанія ихъ исполненіемъ. На-дняхъ полученные нами отзывы, исходящіе изъ собственнаго его почина, убѣждаютъ насъ, что вѣнскій кабинетъ совершенно понялъ тайные виды французскаго правительства... Итакъ мы имѣемъ полное право надѣяться, что ваша свѣтлость найдете въ уполномоченномъ этого двора, наиболѣе намъ близкаго и союзнаго, совершенную взаимность содѣйствія, которая происходитъ отъ стремленія къ одной цѣли и желанія достигнуть однихъ и тѣхъ же результатовъ» [1]).

Событія не оправдали этихъ надеждъ. Едва успѣлъ нашъ чрезвычайный посолъ доѣхать до Константинополя и вступить въ переговоры съ Портою, какъ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ первый подалъ мысль французскому послу въ

---

[1]) Графъ Нессельроде князю Меншикову, 24 января (5 февраля) 1853.

Вѣнѣ настаивать на привлеченіи къ переговорамъ всѣхъ великихъ державъ, «чтобы все обсуждалось впятеромъ, такъ какъ одинъ или два кабинета не имѣютъ-де права разрѣшать вопросы, касающіеся до интересовъ всей Европы» [1]. Когда стало извѣстно намѣреніе императора Николая ввести русскія войска въ Дунайскія княжества для удержанія ихъ въ видѣ залога, впредь до исполненія Портою законныхъ нашихъ требованій, то вѣнскій дворъ всячески старался убѣдить насъ отказаться отъ этой мѣры. По его приглашенію, въ Вѣнѣ собралась конференція изъ представителей Англіи, Франціи и Пруссіи въ предсѣдательствѣ графа Буоля, которая и осуществила завѣтную мечту австрійской политики: вмѣшательство соединенной Европы въ отношенія Россіи къ Турціи и обязательства послѣдней, истекавшія изъ договоровъ ея съ нами. Конференція эта не замедлила стать судилищемъ, или, какъ называлъ ее императоръ Николай, *полевымъ судомъ* надъ нимъ и надъ Россіею. Пристрастіе ея и отсутствіе справедливости обнаружились съ необыкновенною ясностью, когда Порта, по наущенію англійскаго посла, имѣла дерзость отвергнуть извинительную ноту, выработанную самою конференцію, а та, не смотря на это, продолжала держать ея сторону, обвиняя насъ въ злонамѣренномъ нарушеніи всеобщаго мира. И главнымъ запѣвалой въ этомъ столь враждебномъ намъ европейскомъ хорѣ являлся не кто иной, какъ спасенная и облагодѣтельствованная нами Австрія.

Дѣйствія вѣнскаго кабинета до такой степени расходились съ чувствами, которыя недавно еще выражалъ императоръ Францъ-Іосифъ, что государь рѣшился самъ выяснить отношеніе свое къ любимому союзнику. Съ этою цѣлью, онъ, въ половинѣ сентября 1853 года, отправился въ Ольмюцъ и въ продолженіе двухъ дней, 14 (26) и 15 (27), имѣлъ тамъ личное свиданіе съ австрійскимъ монархомъ. 21 сентября (3 октября) тотъ отдалъ ему визитъ въ Варшавѣ. Была минута, когда императоръ Францъ-Іосифъ поддался было тому обаянію, которое русскій государь производилъ на всѣхъ лицъ, входившихъ съ нимъ въ близкое соприкосновеніе. Казалось, что сердечное влеченіе и чувство признательности возьмутъ верхъ надъ разсчетами политики. Разставаясь съ императоромъ Ни-

[1] Друэнъ де-Льюисъ барону Буркенею, 31 марта (12 апрѣля) 1853.

колаемъ, Францъ-Іосифъ увѣрялъ его въ глубокомъ къ нему довѣріи, въ неизмѣнной благодарности и дружбѣ. Но воля молодаго государя оказалась безсильною въ борьбѣ съ враждебнымъ намъ теченіемъ, увлекавшимъ государственныхъ людей Запада, не исключая и австрійскихъ. Лишь только возвратился онъ въ Вѣну, какъ и самъ отдался ему, убѣжденный, что, поступая такимъ образомъ, онъ исполняетъ первую обязанность монарха, состоящую въ обезпеченіи нуждъ и пользъ своего государства и народовъ.

VII.

Эпилогъ.

(1854—1855).

Политика Австріи во время Восточной войны 1853—56 годовъ.—Разочарованіе императора Николая.—Строгое осужденіе имъ дѣйствій вѣнскаго двора въ письмахъ къ князьямъ И. Ѳ. Паскевичу и М. Д. Горчакову.—Кончина императора Николая.

Извѣстенъ рядъ эволюцій, путемъ коихъ Австрія, въ продолженіе 1854 года, мало-по-малу перешла изъ нашего стана въ лагерь открытыхъ враговъ нашихъ: Англіи, Франціи и Турціи.

Въ январѣ вѣнскій дворъ отклонилъ предложенный нами чрезъ графа Орлова договоръ о нейтралитетѣ; въ мартѣ подписалъ съ представителями дворовъ лондонскаго, парижскаго и берлинскаго протоколъ, провозглашавшій цѣлость и независимость Турціи необходимымъ условіемъ будущаго мира; въ апрѣлѣ заключилъ прямо направленный противъ насъ союзный трактатъ съ Пруссіею, пригласивъ приступить къ нему и всѣ государства Германскаго Союза; въ маѣ привелъ свою армію на военное положеніе; въ іюнѣ потребовалъ отъ насъ отступленія за Дунай и очищенія Дунайскихъ княжествъ; въ іюлѣ условился съ морскими державами о четырехъ главныхъ основаніяхъ мира, въ числѣ коихъ находилось и ограниченіе морскихъ силъ нашихъ на Черномъ морѣ; въ августѣ занялъ своими войсками Молдавію и Валахію; въ сентябрѣ предъявилъ

къ намъ требованіе о начатіи мирныхъ переговоровъ на основаніи «четырехъ условій»; въ октябрѣ заставилъ Пруссію распространить на Дунайскія княжества дѣйствіе союзнаго своего съ нею договора, преобразивъ его такимъ образомъ изъ оборонительнаго въ наступательный; наконецъ, въ ноябрѣ, несмотря на принятіе нами «четырехъ пунктовъ» и готовность нашу вступить въ переговоры о мирѣ, заключилъ съ Англіею и Франціею трактатъ, коимъ обязался, въ случаѣ, если миръ не будетъ возстановленъ до 1 января новаго стиля слѣдующаго 1855 года, принять участіе въ вооруженной борьбѣ съ Россіею и не полагать оружія, доколѣ не будутъ достигнуты общія цѣли союза.

Измѣна Австріи произвела на императора Николая потрясающее впечатлѣніе. Ею были оскорблены самыя священныя его нравственныя чувства. Трудно выразить словами горечь его размышленій, и слѣдующее донесеніе австрійскаго посланника въ Петербургѣ даетъ о нихъ лишь слабое понятіе, но правдивое и безъ прикрасъ. Описывая аудіенцію, данную ему государемъ въ концѣ іюня 1854 года, графъ Эстергази признается, что пріемъ, оказанный ему его величествомъ, былъ *ледяной*. Внушительно и строго замѣтилъ императоръ, что враждебное положеніе, принятое относительно Россіи императоромъ Францомъ-Іосифомъ, оскорбляетъ его; къ тому же оно ему и непонятно, ибо интересы Россіи и Австріи на Востокѣ тождественны. Повидимому,—разсуждалъ государь,—австрійскій императоръ совершенно позабылъ все то, что онъ сдѣлалъ для него. Глубоко и больно огорчили его величество австрійскія вооруженія. Если суждено возгорѣться войнѣ, то Богъ будетъ судьею между обоими монархами. Эстергази прервалъ государя выраженіемъ надежды, что сообщенныя ему канцлеромъ новыя инструкціи, данныя нашему посланнику въ Вѣнѣ, облегчатъ успѣшный исходъ переговоровъ о мирѣ. Императоръ Николай сдѣлалъ видъ, что не слышитъ рѣчи своего собесѣдника, и продолжалъ взволнованнымъ голосомъ: «Довѣріе, соединявшее доселѣ обоихъ монарховъ ко благу ихъ государствъ, разрушено, искреннія отношенія между ними не могутъ долѣе продолжаться» [1]).

Чувства, волновавшія душу императора Николая въ послѣд-

[1]) Графъ Эстергази графу Буолю, 24 іюня (6 іюля) 1854.

ніе мѣсяцы его жизни, еще рельефнѣе проглядываютъ въ перепискѣ съ однимъ изъ довѣреннѣйшихъ его сподвижниковъ, генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ. «Настало время»,—писалъ онъ ему въ началѣ іюня,—«готовиться бороться уже не съ турками и ихъ союзниками, но обратить всѣ наши усилія противъ вѣроломной Австріи и горько покарать за безстыдную неблагодарность» [1]). И въ другомъ письмѣ: «Меня всякій можетъ обмануть *разъ*, но зато послѣ обмана я уже никогда не возвращаю утраченнаго довѣрія» [2]). Наконецъ, въ письмѣ къ главнокомандующему южною арміею, князю М. Д. Горчакову, государь пророчески восклицалъ: «Богъ накажетъ ихъ (австрійцевъ) рано или поздно»! [3]).

Послѣ высадки англо-французовъ въ Крыму, вѣнскій дворъ уже совершенно явно сталъ выказывать намъ свою враждебность: занялъ своими войсками оставленныя нами Дунайскія княжества и принялъ угрожающее положеніе на самой нашей границѣ. Окончательный разрывъ съ Австріею представлялся государю неизбѣжнымъ. Онъ писалъ князю М. Д. Горчакову: «Признаюсь тебѣ, что я не вѣрю вовсе, чтобы австрійцы остались зрителями готовящагося, и почти увѣренъ qu'ils nous donnent le coup de pied de l'âne; случай имъ слишкомъ на то благопріятенъ. Жаль, что придется имъ отдавать славную Подолію безъ боя. Два казачьи полка, какъ паутина вдоль границы, скоро исчезнутъ. Позади же кирасиры и формирующіеся кавалерійскіе резервы надо будетъ спасти за Днѣпръ, при первомъ появленіи непріятеля, дабы даромъ не пропали одни. Все это тяжко выговорить, но оно такъ. Еще слава Богу, что Кіевъ можно будетъ сейчасъ усиленно занять отъ резервной дивизіи 6-го корпуса, но и та только-что еще доформировывается... Горчаковъ [4]) изъ Вѣны пишетъ, что тамъ дерзость возростаетъ, и Буоль явно ищетъ только какъ бы насъ вывести изъ терпѣнія и сложить причину разрыва на насъ, чтобъ тѣмъ увлечь Германію вступиться за Австрію» [5]).

---

[1]) Императоръ Николай князю Варшавскому, 1 (13) іюня 1854.
[2]) Императоръ Николай князю Варшавскому, 3 (15) іюля 1854,
[3]) Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 19 (31) іюля 1854.
[4]) Князь Александръ Михайловичъ, посланникъ въ Вѣнѣ.
[5]) Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 30 сентября (12 октября) 1854. Какъ это, такъ и всѣ нижеприведенныя извлеченія изъ писемъ государя впервые обнародованы и настоящемъ очеркѣ.

Мысль о предстоящемъ вторженіи австрійцевъ въ наши предѣлы неотступно тревожила, можно даже сказать, терзала государя до самой его кончины. По собственному его выраженію, «онъ ожидалъ всего дурнаго отъ австрійскаго правительства» по той причинѣ, «что императоръ совершенно покорился Буолю, а сей послѣдній дышитъ ненавистью къ Россіи и совершенно передался на сторону союзниковъ» [1]). Государь хотя и зналъ, что большинство австрійскихъ генераловъ несочувственно относятся къ войнѣ съ нами, но не обманывалъ себя относительно степени ихъ вліянія на направленіе политики вѣнскаго двора. Въ одномъ изъ писемъ его читаемъ по этому поводу: «Воротились Гессъ и Кельнеръ [2]) и при явкѣ къ императору, не запинаясь, ему высказали всю правду на счетъ его политики, положенія и духа арміи и всей имперіи, доказывая, что политика эта ведетъ государство къ гибели, и умоляли его перемѣнить намѣренія и помириться съ нами. Сначала онъ каждаго выслушалъ, но потомъ разсердился и запретилъ имъ впередъ смѣть вмѣшиваться въ политику, которую вести онъ одному себѣ предоставляетъ» [3]).

Какъ намѣстникъ царства Польскаго, такъ и посланникъ нашъ при австрійскомъ дворѣ, были убѣждены въ близости разрыва съ Австріею, и одинъ только военный агентъ нашъ въ Вѣнѣ, графъ Стакельбергъ, выражалъ мнѣніе, что намъ нечего опасаться нападенія австрійцевъ ранѣе весны. «Но, быть можетъ, что и онъ ошибается»,—замѣтилъ государь,—«и что вопреки чести и здраваго разсудка Австрія на насъ ринется даже безъ объявленія войны. Надо на все быть готовымъ» [4]).

Принимая дѣятельныя мѣры для отраженія ожидаемаго нападенія австрійцевъ, императоръ Николай сдался, однако, на убѣжденія графа Нессельроде, рѣшился на уступки требованіямъ вѣнскаго двора и принялъ предложенныя имъ «четыре условія» за основаніе переговоровъ о мирѣ. Послѣдствія этой уступки не отвѣчали нашимъ надеждамъ. «Вотъ что было въ Вѣнѣ»,—писалъ государь главнокомандующему южною арміею,—«1 (13) числа [5]) Горчаковъ былъ еще въ

[1]) Императоръ Николай князю Варшавскому, 1 (13) октября 1854.
[2]) Австрійскіе генералы.
[3]) Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 18 (30) октября 1854.
[4]) Императоръ Николай князю Варшавскому, 18 (30) октября 1854.
[5]) Ноября.

надеждѣ, что дѣло пошло на ладъ, что согласіе наше на принятіе четырехъ пунктовъ, удовлетворивъ желаніямъ Австріи, расположило ее не связываться тѣснѣе съ Франціею и Англіею, но воспользоваться нашимъ согласіемъ, чтобы приступить прямо къ переговорамъ о примиреніи; вышло противное. Лишь только въ Вѣнѣ получено согласіе короля прусскаго на гарантію неприкосновенности войскъ австрійскихъ въ княжествахъ, какъ императоръ, по совѣту Буоля, безъ вѣдома короля прусскаго, поспѣшилъ заключить новый договоръ съ Франціей и Англіей, затѣмъ будто, чтобъ связать ихъ не выходить изъ условій 4-хъ пунктовъ, и далъ о томъ знать Горчакову. Этотъ потребовалъ аудіенціи у императора, которую третьягодня и получилъ. Два часа съ нимъ откровенно о всемъ толковалъ и доноситъ, что императоръ его слушалъ *благосклонно* и просилъ не посылать курьера до новаго свиданія, утверждая, что никогда въ его намѣреніе не входило насъ атаковать, но что новый договоръ будто заключилъ только въ намѣреніи связать этимъ западныя державы и болѣе ничего отъ насъ не требовать. Я же сему повѣрю, когда послѣдствія докажутъ». Предчувствіе не обмануло государя. То же письмо кончается припиской: «Сейчасъ по телеграфу пришли еще двѣ депеши, съ которыхъ копіи посылаю. Видишь, что врядъ ли что́ хорошее предвидѣть можно; на австрійцевъ же никакъ положиться нельзя: одно безстыдное коварство» [1]).

Объясненіе этого новаго поворота къ худшему находимъ въ другомъ письмѣ государя къ тому же лицу: «Спѣшу тебя извѣстить, по обѣщанію моему, любезный Горчаковъ, о содержаніи донесеній изъ Вѣны, сюда вчера вечеромъ дошедшихъ. Разговоръ Горчакова съ императоромъ не имѣлъ никакихъ хорошихъ послѣдствій, и его вновь не призывали. Между тѣмъ, содержаніе заключеннаго трактата постановляетъ срокъ, по истеченіи котораго будто онъ обращается въ оборонительный и *наступательный*. Неизвѣстно точно, мѣсяцъ ли или два на то положены. Но есть подозрѣніе, что существуетъ другой, уже тайный договоръ, по которому Австрія еще болѣе поработилась Франціи и Англіи, и будто уже въ немъ просто условлено отнять у насъ Польшу. Однимъ словомъ, надо намъ готовиться на худшее, ибо я ничуть не сомнѣваюсь, что весьма

[1]) Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 25 ноября (7 декабря) 1854.

скоро и король прусскій, волей или неволей, пристанетъ къ нашимъ врагамъ. При подобномъ положеніи дѣлъ вопросъ уже въ томъ, гдѣ большая опасность и куда усилія обороны нашей должны преимущественно обращены быть? Думаю—Петербургъ, Москва, или тутъ, въ центрѣ Россіи, и Крымъ съ Николаевымъ. Прочее второстепенной важности, въ сравненіи... Вотъ наше положеніе, самое тяжкое, во всей наготѣ своей; нечего его скрывать отъ себя» [1]).

Между тѣмъ, занимавшіе княжества австрійцы не препятствовали турецкой арміи направляться къ нашей Бессарабской границѣ, такъ что съ минуты на минуту можно было ожидать столкновенія на Прутѣ между нами и турками. Случайность эта крайне озабочивала государя, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ письма его къ Паскевичу: «Будетъ ли Горчаковъ атакованъ Омеръ-пашей, не угадаешь, но, кажется, австрійцамъ это не нравится. Я велѣлъ имъ объявить, что ежели мы атакованы будемъ, то противъ воли будемъ преслѣдовать; ежели съ австрійцами встрѣтимся, велѣлъ остановиться, *отдать имъ честь* и продолжать преслѣдовать, докуда намъ надо. Будутъ они стрѣлять по насъ, тогда и мы отвѣчать будемъ, а прочее въ рукахъ Божіихъ. Они увѣряютъ, что всячески сего избѣгать желаютъ. Посмотримъ» [2]).

Недовѣрчиво относился императоръ Николай и къ имѣвшимъ открыться въ Вѣнѣ, подъ руководствомъ графа Буоля, мирнымъ совѣщаніямъ. «Жду, что будетъ на совѣщаніяхъ въ Вѣнѣ»,—признавался онъ «отцу-командиру»,—«но ничего хорошаго не ожидаю, а еще менѣе отъ Австріи, которой коварство превзошло все, что адская іезуитская школа когда-либо изобрѣтала. Но Господь ихъ горько за это накажетъ. Будемъ ждать нашей поры» [3]).

Однако, въ первые дни 1855 года изъ Вѣны пришла неожиданная вѣсть. Императоръ Францъ-Іосифъ поручилъ князю А. М. Горчакову передать государю, «что теперь и повода не осталось къ столкновенію Австріи съ нами и что онъ счастливъ, ежели прежнія дружескія сношенія его съ императоромъ Николаемъ возстановятся» [4]). Но окончательное разо-

---

[1]) Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 30 ноября (12 декабря) 1854.

[2]) Императоръ Николай князю Варшавскому, 17 (29) ноября 1854.

[3]) Императоръ Николай князю Варшавскому, 7 (19 декабря 1854.

[4]) Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 13 (25) января 1855.

чарованіе не замедлило высказаться въ слѣдующихъ строкахъ письма государя къ князю М. Д. Горчакову: «Вѣроятіе хорошаго оборота дѣлъ съ Австріей, всегда мнѣ сомнительное, съ каждымъ днемъ дѣлается слабѣе, коварство яснѣе, личина исчезаетъ, и потому все, что въ моихъ намѣреніяхъ основывалось на надеждѣ безопасности, съ сей стороны не состоялось и возвращаетъ насъ къ прежнему тяжелому положенію. Довѣріе мое къ лучшему исходу дѣлъ должно было въ особенности утратиться съ той поры, когда теперь же Австрія усиленно требуетъ всеобщаго вооруженія Германіи? Противъ кого же, ежели не противъ насъ? Пруссія отъ сего рѣшительно отказывается, и ея примѣръ увлекъ уже часть Германіи послѣдовать ей; но это не остановитъ, вѣроятно, прочихъ пристать къ Австріи, и императоръ [1]) требуетъ, чтобъ его признали главнокомандующимъ всѣми силами» [2]).

Такъ писалъ императоръ Николай за мѣсяцъ до своей кончины. Роль Австріи въ восточныхъ замѣшательствахъ онъ опредѣлялъ двумя словами: «коварство и обманъ» [3]). Ему ясно было, что она была истинною причиною всѣхъ нашихъ неудачъ, что ея политикѣ обязаны были главнымъ образомъ союзники своими успѣхами въ Крыму. Необходимость охранять нашу западную границу лишала насъ возможности сосредоточить подъ Севастополемъ достаточныя силы для отпора англо-французскому вторженію. Геройски обороняемый Севастополь долженъ былъ пасть, потому что Австрія измѣнила долгу благодарности и чести,—тягостное сознаніе, отравившее послѣдніе дни государя. Но духомъ онъ не падалъ. «Буди воля Божія!»—восклицалъ онъ въ письмѣ къ князю М. Д. Горчакову;—«буду нести крестъ мой до истощенія силъ» [4]).

Силъ не хватило. 18 февраля (2 марта) 1855 года не стало императора Николая.

---

[1]) Императоръ Францъ-Іосифъ.
[2]) Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 19 (31) января 1855.
[3]) Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 1 (13) февраля 1855.
[4]) Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 25 ноября (7 декабря) 1854.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ И ІЮЛЬСКАЯ МОНАРХІЯ ВО ФРАНЦІИ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ И ІЮЛЬСКАЯ МОНАРХІЯ ВО ФРАНЦІИ.

Въ продолженіе тридцатилѣтняго царствованія императора Николая, Франція успѣла четыре раза перемѣнить у себя образъ правленія. При воцареніи его, на французскомъ престолѣ возсѣдала старшая вѣтвь дома Бурбоновъ, въ лицѣ короля Карла X. Въ 1830 году трехдневный бой на улицахъ Парижа, между королевскими войсками и возставшимъ населеніемъ столицы окончился низверженіемъ законной монархіи и провозглашеніемъ конституціоннымъ королемъ французовъ герцога Орлеанскаго. Процарствовавъ восемнадцать лѣтъ, Лудовикъ-Филиппъ, въ свою очередь, былъ низвергнутъ мятежными парижанами, а Франція объявлена республикою. Наконецъ, 2 декабря (н. ст.) 1851 года, избранный въ президенты всеобщею подачею голосовъ, принцъ Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, путемъ государственнаго переворота, овладѣлъ неограниченною властью, а годъ спустя возстановилъ основанную его дядей французскую имперію, и самъ принялъ титулъ императора французовъ, подъ именемъ Наполеона III.

Всѣ эти частыя и рѣзкія перемѣны не могли, конечно, не отразиться на внѣшнихъ отношеніяхъ Франціи. Что касается, въ частности, ея сношеній съ Россіею, то на сколько они были дружественны въ послѣдніе годы Реставраціи, на столько же стали враждебны по воцареніи третьяго Бонапарта, сдѣлавшагося душою едва ли не обще-европейской коалиціи противъ насъ. Страннымъ можетъ показаться, что императоръ Николай не только не обнаруживалъ вражды къ республиканскому правительству, установившемуся въ 1848 году, но даже допускалъ

поддержаніе съ нимъ вполнѣ приличныхъ отношеній, тогда какъ съ іюльскою монархіею онъ не могъ искренно примириться во все продолженіе ея восемнадцатилѣтняго существованія.

Надо признаться, что и Лудовикъ-Филиппъ, и всѣ министры, послѣдовательно завѣдывавшіе при немъ внѣшними дѣлами Франціи, сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, дабы перемѣнить на милость гнѣвъ русскаго императора. Напрасно. Усилія ихъ постоянно разбивались о неколебимость нравственныхъ началъ, которыя Николай Павловичъ ставилъ выше всѣхъ политическихъ соображеній. По собственному признанію, онъ не могъ простить королю французовъ во-первыхъ—поведенія его относительно главы его дома, несчастнаго Карла X, и законнаго наслѣдника престола Бурбоновъ, герцога Бордосскаго, провозглашеніе коего королемъ подъ регентствомъ герцога Орлеанскаго, должно было бы, по мнѣнію государя, служить заключеніемъ революціи 1830 года; во-вторыхъ—двуличной политики Лудовика Филиппа по отношенію къ польскому возстанію. Едва-ли, однако, не болѣе этихъ причинъ руководили, въ данномъ случаѣ, государемъ отвращеніе его къ формамъ конституціонной монархіи и глубокое убѣжденіе, что законнымъ источникомъ верховной власти можетъ служить лишь божественное право и основанный на немъ принципъ наслѣдственности, а отнюдь не такъ называемое народное самодержавіе, изъ котораго династія Орлеановъ почерпала власть свою. Въ глазахъ императора Николая—король «волею народа» не былъ равноправнымъ членомъ семьи государей «Божіею милостью».

Такой взглядъ русскаго императора на установившійся во Франціи порядокъ имѣлъ для современной исторіи Европы неисчислимыя послѣдствія. При немъ не могло быть и рѣчи объ общности политическихъ интересовъ этой страны съ нашими, столь осязательно доказанной событіями послѣднихъ лѣтъ и въ короткое время успѣвшей принести столько полезныхъ плодовъ. Отстраняясь отъ своей естественной союзницы, Россія, понятно, вынуждена была возстановить свои прежнія союзныя связи съ ближайшими сосѣдями—Австріею и Пруссіею, сколь ни выказала себя первая враждебною намъ въ восточныхъ дѣлахъ и какъ ни велика была зависимость Берлина отъ Вѣны. Съ другой стороны, при такихъ условіяхъ, неизбѣженъ

былъ тѣсный союзъ отверженной нами Франціи съ ея вѣковою соперницею Англіею, союзъ, столь же мало принесшій пользы французамъ, сколь много нанесшій вреда намъ и нашему положенію на Востокѣ. Въ обоихъ враждебныхъ станахъ, на которые раздвоилась Европа: въ восточномъ, состоявшемъ изъ Россіи, Австріи и Пруссіи, и въ западномъ, представляемомъ Великобританіею и Франціею, союзниковъ связывали не общія нужды и пользы, а отвлеченныя идеи и теоріи. Въ сущности обѣ великія державы Германіи сдерживали Россію, подъ видомъ дружбы, такъ же точно, какъ союзная связь, соединявшая дворы лондонскій и парижскій, была лишь уздою, надѣтою первымъ на послѣдній. Австрія, Пруссія и Англія словно распредѣлили между собою роли въ совокупномъ рѣшеніи не допускать до сближенія двѣ страны, по выраженію Наполеона I, «могущественнѣйшія въ мірѣ» и которыя, благодаря географическому положенію своему, какъ бы созданы для того, чтобы сообща предписывать законы всей Европѣ.

Императоръ Николай, до извѣстной степени, и самъ сознавалъ всю выгоду, которую могла извлечь Россія изъ дружнаго единенія съ Франціею, въ особенности послѣ того, какъ имѣлъ случай убѣдиться въ неискренности и ненадежности своихъ ближайшихъ союзниковъ. А такіе случаи представлялись нерѣдко. Но бѣда заключалась въ томъ, что онъ не вѣрилъ въ долговѣчность монархіи Орлеановъ и, такимъ образомъ, соглашеніе съ Франціею отлагалъ до возстановленія въ ней старшей вѣтви Бурбоновъ или даже до водворенія республики. Между тѣмъ, событія не ждали, и исторія продолжала идти своимъ безостановочнымъ ходомъ.

Прослѣдить послѣдовательное развитіе русско-французскихъ отношеній въ періодъ времени между революціями 1830—1848 годовъ; выяснить вліяніе на нихъ какъ крупныхъ политическихъ событій, такъ и мелкихъ дипломатическихъ или придворныхъ пререканій, изъ коихъ послѣднія, къ сожалѣнію, едва ли не болѣе первыхъ отражались на ихъ неблагопріятномъ оборотѣ; отмѣтить степень участія постороннихъ дворовъ въ обостреніи отношеній между дворцами зимнимъ и тюильрійскимъ; наконецъ, извлечь изъ уроковъ прошедшаго наставленіе для избѣжанія ошибокъ въ настоящемъ и грядущемъ—такова цѣль, которую мы поставили себѣ при составленіи настоящаго очерка.

I.

Россія и возстановленіе Бурбоновъ.

Александръ I и Реставрація.—Враждебное расположеніе къ Россіи Лудовика XVIII.—Императоръ Александръ умѣряетъ притязанія союзниковъ.—Переписка съ нимъ герцога Ришелье.—Дружественный образъ дѣйствій Франціи въ турецкую войну 1828—29 годовъ. Планъ земельнаго передѣла Европы.—Мнѣніе графа Матушевича о внѣшнемъ и внутреннемъ положеніи Франціи.

Чтобы вѣрно понять и правильно оцѣнить все значеніе перемѣны, совершившейся во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Франціи со времени замѣщенія на французскомъ престолѣ старшей вѣтви дома Бурбоновъ младшею, необходимо окинуть бѣглымъ взоромъ всю, такъ называемую, эпоху Реставраціи.

Борьбу свою съ Франціею императоръ Александръ всегда считалъ какъ бы личнымъ поединкомъ съ Наполеономъ. Насколько онъ былъ неумолимъ къ корсиканскому завоевателю, настоявъ на перенесеніи войны за Рейнъ, занятіи Парижа и низложеніи императора французовъ, на столько же проявилъ великодушнаго благоволенія къ самой странѣ и ея обитателямъ. Въ покоренной непріятельской столицѣ онъ явился не врагомъ, а освободителемъ, примирителемъ Франціи съ Европой. Его представительству обязаны были французы сравнительно мягкими и благопріятными для нихъ условіями перваго парижскаго мира.

При томъ вліяніи, которымъ русскій государь пользовался среди союзниковъ, при восторженномъ сочувствіи, вызванномъ имъ въ большинствѣ самихъ французовъ, конечно, отъ него зависѣло, главнымъ образомъ, дальнѣйшее опредѣленіе судебъ Франціи, введеніе въ нее того или другого государственнаго порядка. По его внушенію, французскій сенатъ призвалъ править Франціею Лудовика-Станислава-Ксаверія, брата послѣдняго короля, подъ условіемъ принятія имъ начертанной сенатомъ конституціи и съ титуломъ короля французовъ.

Такого рода способъ воцаренія, разумѣется, не могъ понравиться Бурбонамъ, считавшимъ французскій престолъ своею наслѣдственною собственностью. Лудовикъ XVIII, провозгласившій себя королемъ Франціи и Наварры за восемнадцать

лѣтъ передъ тѣмъ, тотчасъ послѣ смерти дофина, сына Лудовика XVI, отклонилъ составленную сенатомъ конституцію, въ воззваніи къ французамъ объявилъ, что возвращеніемъ наслѣдія предковъ обязанъ любви своего народа и обѣщалъ даровать самъ конституціонную хартію, которая обезпечивала бы всѣ гражданскія и политическія права французовъ. Рѣшеніе это отразилось и на личныхъ отношеніяхъ короля къ императору Александру. Въ противоположность горячимъ изъявленіямъ признательности, принесеннымъ имъ при прощаніи принцу-регенту великобританскому, Лудовикъ XVIII обходился съ русскимъ государемъ довольно холодно и даже не всегда вѣжливо. Такъ, при личной встрѣчѣ, онъ не уступалъ ему шага, занималъ у себя во дворцѣ первое мѣсто за столомъ и не пожаловалъ Александру ордена Св. Духа, коимъ счелъ нужнымъ передъ отъѣздомъ изъ Англіи украсить принца-регента. Неудовольствіе короля не исчерпывалось, однако, одними вопросами этикета. Гораздо хуже было то, что и въ дѣлахъ политическихъ тюильрійскій кабинетъ искалъ опоры въ дворахъ лондонскомъ и вѣнскомъ, обнаруживая въ отношеніи къ Россіи явную враждебность. На Вѣнскомъ конгрессѣ, уполномоченный Франціи, Талейранъ, дѣйствовалъ прямо наперекоръ видамъ и намѣреніямъ императора Александра въ вопросахъ польскомъ и саксонскомъ. Дѣло дошло до того, что въ началѣ 1815 года Франція заключила съ Австріею и Англіею тайный союзный договоръ, направленный противъ Россіи и Пруссіи.

И не взирая на все, когда послѣ злополучныхъ Ста дней, союзныя войска вторично овладѣли Парижемъ, Благословенный, забывъ вѣроломство и неблагодарность Бурбоновъ, снова выступилъ въ роли защитника и покровителя побѣжденной Франціи. На этотъ разъ задача его представлялась несравненно труднѣе. Разъяренные союзники, въ особенности нѣмцы, требовали примѣрнаго наказанія безпокойнаго сосѣдняго народа, срытія его крѣпостей, отнятія обширныхъ областей, уплаты тяжелой военной контрибуціи. Австрія довольствовалась уступкою нѣсколькихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, сопредѣльныхъ съ Нидерландами. Но Пруссія задалась мыслью обезоружить Францію на всемъ протяженіи ея восточной границы, отъ Нѣмецкаго моря до Альповъ. Прусскій канцлеръ Гарденбергъ требовалъ ни болѣе ни менѣе какъ отторженія Дюнкирхена, Гревелингена, Касселя, Лилля Конде, Дуэ, Валансіенна, Лекенуа, Лан-

дресси, Авесна, Мобёжа, Филипвиля, Маріенбурга, Шарлемонта, Живе, Рокруа, Мезьера, Монмеди, Лонгви, Тіонвиля, Меца, Саарлуи, Сааргемюнда, Бича, Ландау, всего Эльзаса, Бельфорта, Монбеліара, Форта-Жура, Форта Лаклюза, всей Савойи, Форта-Барро и Бріансона [1]). Сверхъ того, онъ настаивалъ на занятіи нѣсколькихъ департаментовъ союзною арміею въ 240,000 человѣкъ и на военной контрибуціи въ 1 мильярдъ 200 милліоновъ франковъ [2]). Мелкія государства, Нидерланды, Виртембергъ, Баденъ, шли еще далѣе въ своихъ требованіяхъ, въ надеждѣ поживиться на счетъ французской добычи.

Императоръ Александръ умѣрилъ всѣ эти притязанія. Земельныя уступки были ограничены имъ возвращеніемъ Франціи къ предѣламъ 1789 года, число оккупаціонныхъ войскъ уменьшено до 150 тысячъ, контрибуція—до 700 милліоновъ. Рѣшеніе государя довѣренный совѣтникъ его, Каподистрія, объяснялъ нѣмецкому патріоту барону Штейну тѣмъ, что не въ интересѣ Россіи «уничтожить» Францію и такимъ образомъ доставить прочимъ державамъ возможность обратить на саму Россію вниманіе свое и всѣ свои силы; напротивъ, интересъ Россіи требуетъ, чтобы Франція оставалась могущественнымъ государствомъ, способнымъ служить противовѣсомъ Англіи и Австріи, въ случаѣ возникновенія усложненій на Востокѣ, гдѣ обѣ послѣднія державы всегда занимали противоположное Россіи положеніе [3]). Такое поведеніе русскаго двора тогда уже возбудило ропотъ въ прусскихъ генералахъ и дипломатахъ, пылавшихъ ненавистью къ Франціи и пріискивавшихъ ему иное объясненіе. Даже облагодѣтельствованный государемъ Штейнъ приписывалъ его желанію русскихъ, чтобы Германія осталась «легко уязвимою» [4]).

Наученный тяжкимъ опытомъ, Лудовикъ XVIII понялъ всю важность для себя и Франціи русскаго покровительства и дружбы. Враждебный Россіи Талейранъ и недавно еще навязанный королю англичанами Фуше удалены были изъ состава кабинета, и должность перваго министра предложена «русскому

---

[1]) Нота Гарденберга 23 іюля (4 августа) 1815 и приложенная къ ней карта.

[2]) Записка Гарденберга 17 (29) августа 1815.

[3]) См. Pertz: *Stein's Leben*, IV, стр. 559 и 573.

[4]) Тамъ же, стр. 558.

душою», бывшему много лѣтъ правителемъ Новороссійскаго края, герцогу Ришельё, лицу, пользовавшемуся полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ императора Александра. Ришельё долго отказывался и согласился, наконецъ, занять предложенную ему должность, уступая столько же убѣжденіямъ короля, какъ и русскаго государя [1]).

Съ этого времени установилась полная гармонія между кабинетами петербургскимъ и парижскимъ. Министры, стоявшіе во главѣ ихъ, Каподистрія въ Россіи, Ришельё во Франціи, были преданы дѣлу русско-французскаго единенія всею силою своихъ политическихъ убѣжденій и влеченій личныхъ. Посредникомъ между ними служилъ человѣкъ, не менѣе ихъ увѣренный въ обоюдной пользѣ такого соглашенія, посланникъ нашъ въ Парижѣ—Поццо-ди-Борго. Самъ императоръ Александръ съ любовію не только слѣдилъ за развитіемъ этихъ отношеній, но и содѣйствовалъ ему, что видно изъ оживленной переписки его съ герцогомъ Ришельё, касавшейся всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ Франціи, внѣшнихъ и внутреннихъ. Въ письмахъ французскаго министра къ государю постоянно встрѣчаемъ трогательныя выраженія уваженія и предавности, надежды на заступничество и помощь Александра. «Одна только энергическая поддержка вашего величества,» — пишетъ Ришельё,—«можетъ спасти насъ посреди обстоятельствъ, болѣе нежели трудныхъ, въ коихъ мы находимся... Чтобы избавить насъ отъ гибели, мы можемъ разсчитывать лишь на помощь вашего величества: соблаговолите сказать, что вы хотите, чтобы Франція существовала, и поддержать выраженіе этой воли, и я смѣю надѣяться, что мы будемъ спасены» [2]). Въ другой разъ: «Я не могу, государь, отдѣлить въ моемъ сердцѣ интересовъ Франціи отъ вашихъ. Когда бы имъ случилось разойтись, честь моя и совѣсть наложили бы на меня обязанность вовсе удалиться отъ дѣлъ» [3]). Въ третьемъ письмѣ: «Если мы будемъ на столько счастливы, что успѣемъ возсоздать Францію, то этимъ мы обязаны вашему величеству, и въ соединеніи съ вами мы надолго обезпечимъ счастье и покой Европы» [4]). Въ четвертомъ: «Вы все сдѣлали, государь, и для Европы, и

---

[1]) Герцогъ Ришельё графу Ланжерону, 7 (19) октября 1815.
[2]) Герцогъ Ришельё императору Александру I, 5 (17) октября 1815.
[3]) Онъ же ему же, 11 (23) ноября 1815.
[4]) Онъ же ему же, 28 апрѣля (10 мая) 1816.

для Франціи: вамъ обязана она существованіемъ» [1]). Въ отвѣтахъ своихъ государь выражалъ свое благоволеніе къ Франціи и ея министру, увѣряя, что близко принимаетъ къ сердцу все, что до нихъ относится, и отъ души желая имъ всякаго преуспѣянія. Искренность этихъ чувствъ императоръ Александръ доказалъ не разъ и на дѣлѣ, въ особенности же когда на Ахенскомъ конгрессѣ, вопреки мнѣнію прочихъ державъ, настоялъ на выводѣ изъ Франціи союзныхъ оккупаціонныхъ войскъ двумя годами ранѣе условленнаго срока и на введеніи ея въ совѣтъ великихъ державъ на правахъ равноправнаго члена.

Въ концѣ 1821 года Ришелье покинулъ постъ перваго министра, а въ началѣ 1822 удалился отъ дѣлъ и Каподистрія. Но, возведенный между тѣмъ въ званіи посла, Поццо-ди-Борго продолжалъ ихъ дѣло, то являясь въ Петербургѣ ходатаемъ за французское правительство и народъ, то поддерживая въ короляхъ Лудовикѣ XVIII и Карлѣ X, а равно и въ ихъ министрахъ, сознаніе выгоды для Франціи отъ существованія съ Россіею самыхъ тѣсныхъ дружественныхъ отношеній. Не смотря на частыя перемѣны въ личномъ составѣ французскаго министерства, до самой кончины императора Александра ни малѣйшее облако не пробѣжало между обоими дворами; во всѣхъ международныхъ вопросахъ французы гласно и открыто становились на нашу сторону и, можно сказать, остались вѣрными до конца долгу признательности относительно того, кого едва ли не единогласно признавали благодѣтелемъ и спасителемъ своего отечества.

Воцареніе императора Николая не внесло никакой перемѣны въ отношенія къ намъ тюильрійскаго двора. Подчиняясь внушеніямъ Поццо-ди-Борго, дворъ этотъ поспѣшилъ въ греческомъ вопросѣ вполнѣ усвоить точку зрѣнія молодого русскаго государя и приступить къ соглашенію, состоявшемуся между имъ и Англіею по восточнымъ дѣламъ. Когда вспыхнула русско-турецкая война 1828 — 29 годовъ и Великобританія съ одной стороны, а Австрія—съ другой, стали обнаруживать къ намъ недовѣріе, подозрительность и даже прямую враждебность, король Карлъ X объявилъ князю Полиньяку, своему любимцу, занимавшему въ то время должность французскаго посла въ

[1]) Онъ же ему же, апрѣль 1816.

Лондонѣ: «Если императоръ Николай нападетъ на Австрію, то я буду держаться наготовѣ и соображаться съ обстоятельствами; но если Австрія нападетъ на него, то я тотчасъ же двинусь на нее. Быть можетъ, война противъ вѣнскаго двора будетъ мнѣ полезна, потому что прекратитъ внутренніе раздоры и займетъ націю въ обширныхъ размѣрахъ (en grand) согласно ея желаніямъ» [1]).

Поццо ди-Борго какъ бы предугадалъ это рѣшеніе, когда, за двѣ недѣли передъ тѣмъ, доносилъ вице-канцлеру, что Франція ни въ какомъ случаѣ не приступитъ къ затѣваемой вѣнскимъ дворомъ коалиціи противъ Россіи. «Личное расположеніе короля»,—писалъ онъ по этому поводу,—«заявленія и письма, въ коихъ онъ его обнаружилъ императору; отсутствіе интересовъ, діаметрально-противоположныхъ Россіи; отвращеніе къ пріобщенію себя къ интересамъ Англіи и Австріи, поддерживать которые нельзя иначе, какъ подчиняясь унизительной зависимости отъ этихъ двухъ дворовъ; невозможность ожидать отъ нихъ никакого вознагражденія за принесенныя имъ жертвы и надежда, хотя и отдаленная, что въ случаѣ всеобщей войны, Россія окажетъ болѣе снисхожденія—таковы ручательства за то, что Франція воздержится отъ всякой коалиціи, которая могла бы быть ей предложена противъ нашего августѣйшаго государя». Но посолъ нашъ не довольствовался такимъ отрицательнымъ результатомъ, какъ онъ ни былъ для насъ благопріятенъ. Онъ полагалъ возможнымъ заставить Францію выйти изъ нейтральнаго положенія и, въ случаѣ войны между нами и Австріею въ союзѣ съ Англіей, убѣдить ее принять въ ней участіе въ качествѣ нашей союзницы. Такой рѣшительный оборотъ онъ ставилъ въ зависимость отъ одного условія: согласія Пруссіи, и связывалъ съ нимъ цѣлый планъ территоріальныхъ измѣненій въ Европѣ.—«Я убѣжденъ»,—заключалъ онъ,—«что если бы означенныя три державы, Россія Пруссія и Франція, могли придти къ соглашенію, то послѣдняя не потребовала бы ничего такого, что было бы несоразмѣрно съ ея жертвами и значеніемъ или же что могло бы возбудить справедливыя опасенія Пруссіи» [2]).

Слова эти указывали на завѣтное желаніе тюильрійскаго

[1]) Графъ Поццо-ди-Борго графу Нессельроде, 14 (26) декабря 1828.

[2]) Графъ Поццо-ди-Борго графу Нессельроде, 28 ноября (10 декабря) 1828.

кабинета воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы измѣнить въ свою пользу тяжелыя условія, наложенныя на Францію договорами 1814 и 1815 годовъ, и по возможности расширить ея границы.

Такая благопріятная для Франціи минута, повидимому, настала, когда блестящіе успѣхи русскаго оружія, ознаменовавшіе кампанію 1829 года, предвѣщали близкій конецъ оттоманскаго владычества не только въ Европѣ, но и въ Азіи и Африкѣ. Потерявъ всякую надежду на возможность для турокъ отразить наше нападеніе, Меттернихъ помышлялъ уже о томъ, какъ бы извлечь для Австріи побольше выгодъ изъ предстоящаго распаденія имперіи султановъ. Онъ сталъ осторожно освѣдомляться въ Петербургѣ и въ Берлинѣ, вѣроятно, и въ Лондонѣ, нельзя ли условиться о раздѣлѣ Турціи между Австріею, Англіею и Россіею, такъ чтобы Франціи ничего не досталось изъ турецкаго наслѣдства. Императоръ Николай, въ которомъ двуличная политика австрійскаго канцлера возбуждала и негодованіе и отвращеніе, не хотѣлъ допустить, чтобы въ виду ожидаемой катастрофы на Востокѣ потерпѣла ущербъ единственная изъ великихъ державъ, выказавшая себя вѣрною союзницею Россіи и гарантировавшая ей полную свободу дѣйствій въ войнѣ ея съ Портою. Онъ самъ предложилъ тюильрійскому двору высказать мнѣніе свое относительно того уговора, который имѣлъ состояться между европейскими правительствами въ случаѣ окончательнаго разрушенія Оттоманской имперіи. Хотя онъ и не желалъ такого рѣшительнаго результата, но нельзя было его не предвидѣть; прійдя же къ соглашенію другъ съ другомъ, Россія и Франція пріобрѣли бы въ совѣтѣ великихъ державъ господствующее положеніе.

Русское предложеніе совпало съ новою перемѣною министерства во Франціи. Карлъ X рѣшился, наконецъ, поставить во главѣ кабинета ближайшаго своего друга и совѣтника, князя Полиньяка. Составленный послѣднимъ планъ общаго земельнаго передѣла въ Европѣ представленъ былъ на обсужденіе тайнаго королевскаго совѣта, въ концѣ августа (началѣ сентября) 1829 года, т. е., въ то время, когда турецкіе уполномоченные, прибывъ въ главную квартиру графа Дибича-Забалканскаго, помѣщавшуюся въ Адріанополѣ, уже предъявили русскому главнокомандующему моленіе султана о мирѣ.

Полиньякъ, въ докладѣ своемъ совѣту, настаивалъ на не-

обходимости для Франціи отозваться на приглашеніе императора Николая. Принимая въ соображеніе возможность близкаго паденія турецкаго царства, необходимо — доказывалъ онъ — не терять изъ виду главной цѣли французскаго правительства: ослабить по возможности владычество Англіи на моряхъ. Ошибка Вѣнскаго конгреса заключалась-де въ томъ, что, желая обезпечить независимость европейскаго материка, онъ допустилъ окончательное утвержденіе морского преобладанія Великобританіи. Обязанность Франціи — снова приняться нынѣ за проведеніе своего традиціоннаго политическаго начала: свободы морей. Англія пугаетъ материкъ призракомъ завоевательныхъ стремленій Россіи, но послѣдняя война доказала, какъ незначительна наступательная сила русскаго государства, тогда какъ военные флоты всего міра не въ состояніи состязаться съ англійскимъ. Другой промахъ Вѣнскаго конгресса тотъ, что Европа оставлена имъ открытою для русскаго нападенія, Пруссія — слишкомъ слабою; поэтому слѣдуетъ-де усилить Пруссію, Россію же натолкнуть на Азію. Наконецъ, князь находилъ, что договоры 1815 года являются величайшею несправедливостью по отношенію къ Франціи, которая не можетъ-де удовольствоваться предѣлами 1789 года и имѣетъ право на территоріальное расширеніе.

Полиньякъ приходилъ къ заключенію, что на долю Франціи должна достаться Бельгія до Мааса, до устьевъ Шельды и до моря. Овладѣніе Бельгіею составляетъ-де для Франціи необходимость, чтобы имѣть возможность защитить Парижъ отъ вторженія, такъ какъ вслѣдствіе чрезмѣрной централизаціи, введенной революціей въ государственное управленіе, отъ участи столицы зависитъ и участь всей страны.

Мнѣніе министра, въ первомъ засѣданіи совѣта, оспаривалъ дофинъ, наслѣдникъ престола. Онъ возразилъ, что Англія никогда не допуститъ, чтобы Антверпенъ достался Франціи, и что вмѣсто Бельгіи послѣдняя должна искать овладѣть прирейнскими областями, возвративъ себѣ, такимъ образомъ, свою естественную границу. Съ этимъ не соглашался Полиньякъ, доказывая, что изъ самаго мнѣнія принца слѣдуетъ, что Антверпенъ для Франціи необходимъ. Одно изъ двухъ, утверждалъ онъ: или французское правительство навсегда подчинится договорамъ 1815 года, или оно должно не бояться навлечь на себя непріязнь Англіи. Въ союзѣ съ Россіею, Пруссіею, Бава-

ріею и большею частью второстепенныхъ германскихъ государствъ, Франція можетъ-де принудить Англію согласиться на присоединеніе Бельгіи.

Первое засѣданіе совѣта не привело къ соглашенію между его членами. Во второмъ восторжествовало мнѣніе Полиньяка. Въ пространной запискѣ онъ снова настаивалъ на преимуществахъ, сопряженныхъ съ овладѣніемъ Бельгіею, предпочтительно предъ прирейнскими областями. Послѣднія доказывалъ онъ, уже по самому географическому положенію своему, не могутъ быть удобно ни защищаемы, ни управляемы, тогда какъ Бельгія увеличитъ морскія силы Франціи, что не потревожитъ державъ материка, которыя съ удовольствіемъ-де увидятъ снова французское правительство во главѣ союза, направленнаго къ охранѣ свободы морей. Напротивъ, пріобрѣтеніе прирейнскихъ областей имѣло бы видъ наступательнаго дѣйствія по отношенію къ Германіи. Къ тому же, если бы Франція удовольствовалась этимъ пріобрѣтеніемъ, то это приписали бы боязни ея предъ Англіею, что много повредило бы обаянію ея въ Европѣ.

Убѣжденный доводами перваго министра, совѣтъ утвердилъ весь проектъ его, во всѣхъ подробностяхъ. Одновременно съ присоединеніемъ Бельгіи къ Франціи, Россія имѣла овладѣть Молдавіею и Валахіею и обширными пространствами въ Арменіи и Анатоліи, гдѣ доля ея ограничивалось бы лишь собственными ея видами и потребностями. На долю Австріи выпадали Сербія и Боснія. Вся остальная Европейская Турція должна была составить одно христіанское государство подъ властью короля нидерландскаго, а прочія турецкія владѣнія въ Азіи и Африкѣ—государство мусульманское съ Мегметомъ-Али, пашою египетскимъ, во главѣ. И то, и другое образовали бы противовѣсъ морскому преобладанію Англіи на Востокѣ.

Не менѣе существенныя перемѣны предполагались и въ территоріальномъ распредѣленіи на Западѣ. Голландія отдавалась Пруссіи, равно и вся Саксонія. Король саксонскій получалъ прирейнскія прусскія области съ титуломъ короля Австразіи и съ столицею въ Ахенѣ. Лишь на Сѣверѣ Пруссія сохранила бы небольшую полосу для установленія непрерывнаго сообщенія между ею и новопріобрѣтенною Голландіею, также точно какъ и Баварія на Югѣ для соединенія Пфальца съ собственно баварскими землями. Еще большее вознагражденіе ожи-

дало Баварію въ томъ случаѣ, если бы пришлось для осуществленія плана, вести войну съ Австріею. Ей достались бы тогда Иннская четверть (Innviertel), Гаусрюкъ и Зальцбургъ. Согласіе Англіи на вышеизложенное перемежеваніе надѣялись купить предоставленіемъ ей всѣхъ голландскихъ колоній.

Рѣшено было прежде всего передать проектъ на усмотрѣніе русскаго двора. Въ инструкціи французскому послу въ Петербургѣ, герцогу Мортемару, было сказано: «Записка заключаетъ въ себѣ выраженіе нашихъ желаній, но мы не настаиваемъ на всѣхъ ея подробностяхъ. Орудіемъ исполненія можетъ быть конгрессъ, на который мы, однако, согласимся лишь въ томъ случаѣ, если Россія опредѣленно обѣщаетъ намъ напередъ Бельгію. Наилучшимъ путемъ представляется намъ тайное соглашеніе обоихъ кабинетовъ, къ коему впослѣдствіи привлекли бы Пруссію и Баварію. Тогда Австрія была бы въ ихъ рукахъ, Англія же въ одиночествѣ. Приступленіе Пруссіи—неизбѣжное условіе уговора съ Россіей. Если бы, однако, миръ между Россіею и Турціею былъ подписанъ прежде, чѣмъ посолъ приступилъ бы къ исполненію своихъ инструкцій, то ему слѣдуетъ считать таковыя несостоявшимися» [1]).

Послѣднее предположеніе осуществилось. Французскій проектъ дошелъ до Петербурга слишкомъ поздно, а именно, послѣ того, какъ тамъ уже было получено извѣстіе о подписаніи 2 (14) сентября Адріанопольскаго мирнаго договора. Тѣмъ, не менѣе, тюильрійскій дворъ не разстался окончательно со своими намѣреніями. Неизвѣстно, совѣщался ли онъ съ императорскимъ кабинетомъ по вопросу о расширеніи границъ своихъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что берлинскій дворъ былъ имъ запрошенъ относительно того, на сколько улыбнулся бы послѣднему обмѣнъ прирейнской Пруссіи на Саксонію, а быть можетъ и на Голландію. Въ преданіяхъ дома Гогенцоллерновъ было, однако, никогда не выпускать добровольно изъ рукъ земель уже находившихся въ его владѣніи, и новыя пріобрѣтать, не жертвуя для нихъ старыми. Вотъ почему на французскіе запросы бер-

---

[1]) Французскій планъ территоріальнаго переустройства Европы изложенъ на основаніи: 1) исторической записки, составленной во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; 2) доклада князя Полиньяка тайному королевскому совѣту; 3) замѣтки его же о сравнительныхъ преимуществахъ для Франціи Бельгіи предъ прирейнскими областями; 4) инструкціи Полиньяка герцогу Мортемару, французскому послу при русскомъ дворѣ. Документы эти приведены въ «Достопамятностяхъ» барона Стокмара, стр. 153—157.

линскій дворъ отвѣчалъ депешами на имя своихъ представителей въ Парижѣ и Петербургѣ, что король Фридрихъ-Вильгельмъ III питаетъ глубокое и твердое убѣжденіе, что безусловное поддержаніе поземельнаго status quo Европы одно можетъ служить залогомъ спокойствія и мира этой части свѣта; что долгъ и сердечное влеченіе равно обязываютъ его не разставаться съ частями своихъ владѣній, благосостояніе которыхъ стоило ему столько жертвъ, едва начинающихъ приносить соотвѣтствующіе плоды; и что рѣшеніе его по этому предмету принято безповоротно, разъ навсегда[1]).

Между тѣмъ, отношенія Франціи къ Россіи принимали съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дружественный и задушевный характеръ. Поццо-ди-Борго успѣлъ пріобрѣсти надъ княземъ Полиньякомъ то же вліяніе, какимъ пользовался надъ бо́льшею частью его предшественниковъ, къ сожалѣнію, только во внѣшнихъ, а не во внутреннихъ дѣлахъ. Посѣтившій Парижъ весною 1830 года, другой русскій дипломатъ, графъ Матушевичъ, писалъ оттуда вице-канцлеру, графу Нессельроде: «Я нашелъ короля болѣе чѣмъ когда-либо одушевленнымъ чувствами дружбы къ императору и твердо рѣшившимся отожествить внѣшнюю политику Франціи и Россіи». Матушевичъ распространялся далѣе о видахъ французовъ на Алжиръ, къ покоренію котораго приступало французское правительство. Планъ, внушенный парижскому двору Поццо-ди-Борго,—свидѣтельствовалъ онъ,—исполнить нетрудно. Онъ основанъ-де на уваженіи правъ султана и отнимаетъ у Англіи единственное орудіе, съ помощью коего она могла бы съ успѣхомъ сопротивляться Франціи, нимало не наноситъ ущерба нашимъ сдѣлкамъ съ Оттоманскою имперіею и все же искореняетъ морской разбой и предупреждаетъ его возобновленіе. Хотя турки и обязались вознаградить насъ за убытки, причиненныя русской торговлѣ варварійскими пиратами, но не слѣдуетъ забывать, что для принужденія ихъ къ тому мы должны были вести двѣ войны, изъ которыхъ послѣдняя едва не предала Константинополь въ наши руки, и что слѣдовательно, для насъ же лучше, если пиратству будетъ положенъ конецъ при полномъ соблюденіи неприкосновенности нашихъ договоровъ съ Турціею. «Уже

---

[1]) Графъ Бернсдорфъ посланникамъ: Шелеру въ Петербургѣ, 19 (31) декабря 1829 и Вертеру въ Парижѣ 24 декабря 1829 (3 января 1830).

за однѣ эти мысли, внушенныя Полиньяку», читаемъ мы въ томъ же донесеніи, «графъ Поццо заслуживаетъ св. Духа[1]), ибо въ настоящемъ случаѣ онъ явился вдохновителемъ печальнаго министерства 8 августа»[2]).

Матушевичъ называлъ министерство Полиньяка не только печальнымъ, но и неспособнымъ и бездарнымъ за стремленія его ограничить конституцію. Отъ попытокъ въ этомъ направленіи онъ не ожидалъ ничего хорошаго. И онъ, и Поццо, надѣялись, однако, «что та самая внезапная осторожность, которая рождается при приближеніи великихъ кризисовъ, и взаимная боязнь компрометировать самыя драгоцѣнныя блага, вызовутъ съ той и съ другой стороны разумную умѣренность, ставшую необходимою въ особенности для тѣхъ, кто приведенъ непредусмотрительными страстями на край бездны»[3]).

Такого мнѣнія относительно задуманнаго французскимъ дворомъ государственнаго переворота придерживалась не только русская дипломатія, но и императоръ Николай. Какъ онъ самъ впослѣдствіи разсказывалъ, онъ предупредилъ Карла X объ опасныхъ послѣдствіяхъ этой мѣры, и тотъ далъ ему честное слово, что не прибѣгнетъ къ ней[4]). Но въ рѣшительную минуту вліяніе Полиньяка и камарильи осилили, и несчастный король поплатился престоломъ за попытку насильственнымъ путемъ измѣнить основной законъ страны.

---

[1]) Высшій орденъ французской монархіи.

[2]) Графъ Матушевичъ графу Нессельроде, 12 (24) мая 1830.

[3]) Графъ Матушевичъ графу Нессельроде, 12 (24) мая 1830.

[4]) Такъ разсказывалъ государь лорду Абердину во время пребыванія своего въ Лондонѣ въ 1844 году. См. выше, стр. 36.

II.

Іюльская революція.

Парижское возстаніе 1830 года и воцареніе Лудовика-Филиппа.—Признаніе его Англіею.—Письмо его къ императору Николаю.—Меттернихъ старается разстроить доброе согласіе между Россіею и Франціею.—Переговоры его съ графомъ Нессельроде.—Полученіе въ Петербургѣ первыхъ извѣстій о парижскомъ переворотѣ.—Разговоръ императора Николая въ Аничковомъ дворцѣ съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ.—Намѣреніе русскаго двора выслать изъ С.-Петербурга французское посольство.—Второй разговоръ императора Николая съ барономъ Бургоэномъ въ Елагинскомъ дворцѣ.—Французскій дипломатъ сопровождаетъ государя въ поѣздкѣ по военнымъ поселеніямъ.

Возстаніе, вспыхнувшее въ Парижѣ 15 (27) іюля 1830 года, продолжалось три дня и окончилось полнымъ торжествомъ мятежниковъ. Устрашенный Карлъ X отрекся отъ престола въ пользу малолѣтняго внука своего герцога Бордосскаго. Но уже герцогъ Орлеанскій стоялъ во главѣ временнаго правительства въ званіи намѣстника королевства. 28 іюля (9 августа) обѣ палаты провозгласили его королемъ французовъ, подъ именемъ Лудовика-Филиппа I.

Совершившійся въ столицѣ переворотъ былъ единогласно и повсемѣстно признанъ во Франціи. Гораздо труднѣе было достигнуть признанія его европейскими державами. Одна Англія обнаружила въ этомъ случаѣ предупредительную поспѣшность. Въ глазахъ прочихъ правительствъ воцареніе Орлеанской династіи, состоявшееся къ тому же революціоннымъ путемъ, было несомнѣннымъ нарушеніемъ договоровъ 1814—15 годовъ, утвердившихъ французскій престолъ за старшею вѣтвью дома Бурбоновъ.

Лудовикъ-Филиппъ прекрасно сознавалъ всю неловкость положенія своего по отношенію къ монархамъ «Божіею милостію». Съ большимъ искусствомъ составилъ онъ свое обращеніе къ нимъ съ просьбою о признаніи. Чрезвычайные посланцы повезли въ Вѣну, Берлинъ и С.-Петербургъ собственноручныя письма короля французовъ къ государямъ Австріи, Пруссіи и Россіи. Они были тождественнаго содержанія за исключеніемъ нѣсколькихъ дополненій въ письмѣ къ императору Николаю, которыя мы отмѣчаемъ курсивомъ, воспроизводя

въ дословномъ переводѣ этотъ замѣчательный историческій документъ.

«Государь братъ мой, я извѣстилъ ваше величество о воцареніи моемъ письмомъ, которое генералъ Аталенъ представитъ вамъ отъ моего имени. Но я чувствую потребность объясниться съ вами съ полною откровенностью о послѣдствіяхъ катастрофы, которую я такъ сильно желалъ предупредить.»

«Давно уже я скорбѣлъ о томъ, что король Карлъ и его правительство не шли болѣе путемъ, разсчитаннымъ въ смыслѣ удовлетворенія ожиданіямъ и желаніямъ націи. Однако, я далеко не предвидѣлъ необыкновенныхъ событій, нынѣ совершившихся; я даже полагалъ, что, за недостаткомъ искреннихъ и честныхъ пріемовъ въ духѣ хартіи и нашихъ учрежденій, пріемовъ, добиться коихъ представлялось невозможнымъ, немного осторожности и умѣренности было бы довольно, чтобы правительство это могло еще долго слѣдовать своимъ путемъ. Но съ 8 августа 1829 года новый составъ новаго министерства внушилъ мнѣ живыя опасенія. Я видѣлъ, до какой степени составъ этотъ былъ ненавистенъ и подозрителенъ въ глазахъ націи, и я раздѣлялъ всеобщее безпокойство по поводу мѣръ, которыхъ мы должны были ждать отъ него. Тѣмъ не менѣе, уваженіе къ закону, любовь къ порядку до того развились во Франціи, что сопротивленіе этому министерству, конечно, не вышло бы изъ парламентскихъ предѣловъ, если бы въ безуміи своемъ министерство само не подало роковаго сигнала дерзновеннымъ нарушеніемъ хартіи и уничтоженіемъ всѣхъ ручательствъ нашей народной свободы, за которую всѣ французы безъ исключенія готовы пролить свою кровь. Эта страшная борьба не сопровождалась ни малѣйшимъ насиліемъ.»

«Но естественнымъ послѣдствіемъ ея явилось нѣкоторое потрясеніе въ нашемъ общественномъ строѣ, и то же самое возбужденіе умовъ, которое предотвратило всякій безпорядокъ, увлекало ихъ къ попыткамъ политическихъ теорій, которыя ввергли бы Францію, а быть можетъ и Европу, въ ужасныя бѣдствія.»

«Въ этомъ положеніи, государь, всѣ взоры обратились на меня. Даже побѣжденные сочли меня нужнымъ для своего спасенія. Еще нужнѣе былъ я для того, чтобы побѣдители не злоупотребили побѣдой. Итакъ, я принялъ на себя это почетное и тяжелое бремя, отстранивъ всякія личныя соображенія, въ совокупности

своей внушавшія мнѣ желаніе быть отъ него избавленнымъ, потому-что я сознавалъ, что малѣйшее колебаніе съ моей стороны могло бы компрометировать участь Франціи и спокойствіе всѣхъ нашихъ сосѣдей, обезпечить которое составляетъ для насъ столь важдую потребность. Званіе намѣстника королевства, непредставлявшее окончательнаго рѣшенія, возбуждало опасное недовѣріе. Необходимо было поспѣшить выйти изъ временнаго порядка, столько же для внушенія нужнаго довѣрія, сколько и для спасенія хартіи, сохраненіе которой являлось столь существенною потребностью и *важность которой столь хорошо была извѣстна императору, вашему августѣйшему брату* и которая была бы весьма скомпрометирована, еслибы волненіе умовъ не было быстро удовлетворено и успокоено. Отъ прозорливости вашего величества, равно и отъ высокой вашей мудрости, не скроется, что для достиженія этой спасительной цѣли крайне желательно, чтобы парижскія событія были разсматриваемы въ ихъ истинномъ видѣ и чтобы Европа, воздавая справедливость побужденіямъ, руководившимъ мною, окружила мое правительство довѣріемъ, которое оно въ правѣ внушать.»

«Соблаговолите, ваше величество, не упускать изъ виду, что пока король Карлъ X царствовалъ во Франціи, я былъ послушнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ его подданнымъ, и что только въ ту минуту, когда я увидѣлъ дѣйствіе законовъ парализованнымъ, а королевскую власть вполнѣ уничтоженною, я счелъ своимъ долгомъ подчиниться желанію народа и принять предложенную мнѣ корону. *На васъ, государь, въ особенности Франція останавливаетъ взоръ. Ей отрадно видѣть въ Россіи свою наиболѣе естественную и могущественную союзницу. Ручательствомъ въ томъ служитъ мнѣ благородный характеръ и всѣ качества, отличающія ваше императорское величество.*»

«Прошу ваше величество принять увѣреніе въ высокомъ уваженіи въ неизмѣнной дружбѣ, съ коими остаюсь, государь братъ мой, вашего императорскаго величества добрый братъ.»

«Лудовикъ-Филиппъ» [1]).

Узы тройственнаго союза, связывавшаго Россію, Австрію и Пруссію, были, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, сильно ослаблены восточными событіями, русско-турецкою войною и

[1]) Король Лудовикъ-Филиппъ императору Николаю, 7 (19) августа 1830.

завершившимъ ее Адріанопольскимъ миромъ. Іюльская революція послужила Меттерниху желаннымъ предлогомъ, чтобы снова сблизиться съ русскимъ дворомъ, войти въ милость императора Николая, расторгнуть дружественную связь его съ Франціею и опять приковать политику Россіи къ призраку «праваго, общаго дѣла», другими словами, подчинить ее попрежнему своему личному вліянію. Австрійскій канцлеръ поспѣшилъ вторично отправиться въ Карлсбадъ, гдѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, свидѣлся съ русскимъ вице-канцлеромъ въ первый разъ послѣ происшедшей между обоими императорскими дворами размолвки, и предложилъ графу Нессельроде: во-первыхъ, условиться объ общемъ невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Франціи, съ тѣмъ чтобы новое французское правительство само не вмѣшивалось въ дѣла сосѣднихъ странъ, не поддерживало въ нихъ революціонныхъ движеній и уважало установленный международными договорами территоріальный порядокъ въ Европѣ; во-вторыхъ, обязаться признать Лудовика-Филиппа не иначе, какъ сообща, по предварительному уговору между Петербургомъ, Вѣною и Берлиномъ, и съ этою цѣлью установить въ послѣдней изъ означенныхъ столицъ постоянный «центръ соглашенія» между тремя единомышленными державами.

«Я нашелъ вице-канцлера», — писалъ Меттернихъ австрійскому послу въ Петербургѣ, — «въ состояніи изумленія трудно описуемомъ. Крайне расположенный приписать зло одной лишь катастрофѣ министерства Мартиньяка и дѣйствіямъ князя Полиньяка, онъ, однако, не могъ отрицать очевидности того, что всякое паденіе, подобное постигшему престолъ Бурбоновъ, должно быть подготовлено издалека. Не будучи способенъ въ сущности составить себѣ точное понятіе объ этой ужасающей катастрофѣ, извлеченный событіемъ изъ долгаго сна недовѣрія и покоя, сильно отмѣченнаго либеральными оттѣнками, онъ легко поддался воспринятію многихъ изъ моихъ мнѣній. Полный сосудъ легко переливается въ пустой» [1]).

Нессельроде, дѣйствительно, согласился съ первою частью предложеній Меттерниха. Что же касается второй, то онъ не только отказался принять ее, но и не взялся довести о ней до свѣдѣнія императора. Онъ и слышать не хотѣлъ о фор-

[1]) Князь Меттернихъ графу Фикельмонту, 1 (13) октября 1830.

мальномъ соглашеніи между тремя дворами, утверждая, что государь не желаетъ никакого вмѣшательства въ дѣла Европы. «Будьте увѣрены», говорилъ онъ австрійскому канцлеру, «что императоръ не сожжетъ ни одного заряда, не прольетъ ни единой капли русской крови, не истратитъ ни гроша для исправленія совершенныхъ во Франціи ошибокъ» [1]).

Нессельроде заблуждался. Императоръ Николай совершенно иначе взглянулъ на дѣло. Вѣсть о новой революціи во Франціи и о порожденной ею монархіи Орлеановъ произвела на него сильное впечатлѣніе. Событія эти представились ему, прежде всего, правонарушеніемъ. Нарушали они не только божественное право наслѣдственной монархической власти, но и право положительное, истекавшее изъ международныхъ договоровъ, строгое соблюденіе и защиту которыхъ государь считалъ священною обязанностью всѣхъ европейскихъ правительствъ. Въ это время, за отсутствіемъ посла герцога Мортемара, французскимъ посольствомъ при нашемъ дворѣ управлялъ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ баронъ Бургоэнъ, лично пользовавшійся ласковымъ расположеніемъ императора Николая. Въ Воспоминаніяхъ своихъ онъ сохранилъ весьма обстоятельный и крайне любопытный разсказъ о грозѣ внезапно разразившейся надъ его головою.

30 іюля (11 августа) пришло въ С.-Петербургъ отъ русскаго дипломатическаго представителя въ Берлинѣ первое извѣстіе о происшедшихъ въ Парижѣ перемѣнахъ. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ доносилъ министерству иностранныхъ дѣлъ, что по полученнымъ въ прусской столицѣ извѣстіямъ въ Парижѣ вспыхнула революція, не обошедшаяся безъ пролитія крови; что король искалъ убѣжища въ Лиллѣ; что палаты провозгласили свои засѣданія непрерывными; что часть войскъ перешла на ихъ сторону; что парижская биржа закрыта и что французскіе фонды не находятъ себѣ болѣе на берлинской биржѣ покупателей. По высочайшему повелѣнію, графъ Ливенъ, временно управлявшій иностранною коллегіею за отсутствіемъ графа Нессельроде, находившагося въ заграничномъ отпуску, сообщилъ это извѣстіе барону Бургоэну, пригласивъ его въ тотъ же вечеръ явиться *во фракѣ* въ Собственный его величества дворецъ, «такъ какъ государю угодно лично переговорить съ нимъ о полученныхъ печальныхъ вѣстяхъ».

---

[1]) Та же депеша.

Императоръ Николай принялъ французскаго дипломата съ обычною милостью. «Вы видите,»—сказалъ онъ ему,—«все что мы предвидѣли, совершилось. Какое ужасное несчастіе!» Затѣмъ онъ засыпалъ его вопросами: Чѣмъ все это кончится? Что случится, если Карлъ X будетъ низвергнутъ? Кто займетъ его мѣсто: республика или Бернадотъ? «Я не говорю о королѣ шведскомъ,»—оговорился государь,—«а разумѣю какого-либо военнаго вождя, выбраннаго преторіанцами». Смущенный Бургоэнъ ограничился отвѣтомъ, что, подобно самому государю, онъ «блуждаетъ во тьмѣ хаоса».

Императоръ выразилъ различныя предположенія. Наиболѣе желательымъ исходомъ казалось ему отреченіе короля въ пользу законныхъ своихъ наслѣдниковъ, сына, герцога Ангулемскаго, или внука, герцога Бордоскаго. При этомъ онъ упомянулъ вскользь и объ Орлеанской вѣтви королевской семьи. «Будемте надѣяться»,—замѣтилъ онъ,—«что по крайней мѣрѣ будетъ спасено монархическое начало», и отпуская Бургоэна, прибавилъ: «Какіе молодцы ваши гренадеры королевской гвардіи! Я желалъ бы воздвигнуть золотую статую каждому изъ нихъ».

Въ тотъ же вечеръ государь выѣхалъ въ Финляндію.

По возвращеніи его въ столицу недѣлю спустя, въ Петербургѣ были уже получены дальнѣйшія извѣстія о послѣдствіяхъ революціи, о сверженія Карла X съ престола и о воцареніи герцога Орлеанскаго подъ именемъ Лудовика-Филиппа I короля французовъ. На другой день по пріѣздѣ императора, французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ посѣтилъ военный министръ графъ Чернышевъ. «Государь,»—сказалъ онъ ему,—«знаетъ, любезный другъ, о связывающей насъ дружбѣ и находитъ, что сообщеніе, которое онъ желаетъ вамъ сдѣлать, будетъ вамъ менѣе непріятно въ устахъ друга, чѣмъ если бы дошло до васъ всякимъ инымъ путемъ. Вы, конечно, знаете, до какой степени его величество недоволенъ тѣмъ, что совершилось во Франціи. Непоколебимость его принциповъ не дозволяетъ ему признать установившійся порядокъ. А потому онъ рѣшилъ, что вамъ пришлютъ паспорты и что сношенія съ Франціею будутъ прерваны».

Французскій дипломатъ не растерялся и развязно отвѣчалъ, что не можетъ принять къ свѣдѣнію *дружескаго* сообщенія военнаго министра, а будетъ ждать его подтвержденія со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ. Узнавъ же, что два

*

торговыя судна подъ французскимъ флагомъ не допущены въ кронштадтскую гавань, онъ отправился къ графу Ливену и, передавъ ему слова Чернышева, убѣдилъ его испросить аудіенцію для себя у самого государя. Императоръ принялъ Бургоэна въ тотъ же день въ Елагинскомъ дворцѣ, въ 11 часовъ вечера.

Онъ встрѣтилъ его слѣдующими словами: «Получили ли вы извѣстія отъ вашего правительства, отъ г. намѣстника королевства, такъ какъ вамъ уже извѣстно, что я не признаю иного порядка вещей и этотъ порядокъ считаю единственно законнымъ, ибо онъ истекаетъ изъ законной власти короля?» Дипломатъ попытался отвѣтить, что новое правленіе признано всею Франціею. «Таковъ мой образъ мыслей,»—перебилъ его государь, возвышая голосъ;—«принципъ законности прежде всего, вотъ, что руководитъ мною вовсемъ». И, ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ: «Никогда я не смогу признать то, что произошло во Франціи».

— Государь, не должно говорить *никогда*; въ наши дни это слово произносить не слѣдуетъ. Событія торжествуютъ надъ самыми твердыми рѣшеніями.

— Никогда,—съ жаромъ повторилъ императоръ,—никогда я не отступлю отъ своихъ принциповъ. Съ принципами нельзя входить въ сдѣлку, я не вступаю въ сдѣлку со своею честью!

— Я знаю, что слово вашего величества священно и что принятое вами на себя обязательство превращается для васъ въ непреложный законъ. Вотъ почему я такъ и дорожу тѣмъ, чтобы вы не связывали себя въ будущемъ поспѣшными заявленіями.

Государь смягчился, сѣлъ самъ и, указавъ собесѣднику на стулъ, сказалъ: «Извольте садиться и давайте разговаривать спокойно. Говорите мнѣ все, что хотите; высказывайте, что у васъ на сердцѣ, для того-то я и пригласилъ васъ къ себѣ. Мы здѣсь не для того, чтобы говорить другъ другу пріятныя вещи».

Выписываемъ дословно дальнѣйшій разговоръ императора съ дипломатомъ, продолжавшійся около двухъ часовъ, въ томъ самомъ видѣ въ какомъ баронъ Бургоэнъ приводитъ его въ своихъ Запискахъ

— Позвольте, государь, совершенно откровенно изложить вамъ то, что произойдетъ, если вы приведете въ исполненіе

рѣшеніе, о которомъ сообшилъ мнѣ сегодня утромъ графъ Чернышевъ.

— Говорите! Я васъ слушаю.

— Это очень просто. Ваше величество увидите, какъ одно послѣдствіе истекаетъ изъ другого. Предположимъ, какъ мнѣ было сказано, что меня пригласятъ выѣхать изъ Петербурга. Передъ отъѣздомъ я отправлю впередъ курьера, который отвезетъ извѣстіе о моей отсылкѣ и о недопущеніи нашего національнаго флага. Неужели вы думаете, что при полученіи этого извѣстія мы останемся спокойными? Не таковъ нашъ обычай. Въ тотъ же день мы прогонимъ вашего посла, какъ вы меня прогнали. Что же случится тогда? Вашему величеству извѣстно, какое положеніе занимаетъ въ Парижѣ генералъ Поццо-ди-Борго. Благодаря своему искусству, а также и могуществу государя, котораго онъ представляетъ, онъ — краеугольный камень парижскаго дипломатическаго корпуса. Всѣ его товарищи руководятся его совѣтами. Я не знаю, поступилъ ли онъ такъ въ минуту отъѣзда Карла X, за которымъ онъ долженъ былъ бы послѣдовать; но, если улетитъ весь этотъ дипломатическій корпусъ, какъ вы думаете, какое впечатлѣніе произведетъ это на моихъ единоземцевъ? Вы знаете, до какой степени мы необузданы въ нашихъ рѣшеніяхъ и поступкахъ. Ваша былая коалиція не испугаетъ насъ. Но мы скажемъ себѣ, что она постарается сплотиться вновь и выведемъ изъ того немедленно заключеніе, что нужно предупредить ее. Намъ придется имѣть дѣло съ организованными массами, зато мы располагаемъ силою разлагающею и способностью быстро распространяться. Итакъ мы должны будемъ кинуться на Европу прежде, чѣмъ она успѣетъ приготовиться. Вотъ, государь, каково будетъ сцѣпленіе фактовъ истекающихъ одинъ изъ другого, если мнѣ не удастся убѣдить васъ взирать на событія съ надлежащей точки зрѣнія.

— Я еще не принялъ окончательнаго рѣшенія. Но какъ вы хотите, чтобы мы примирились съ тѣмъ, что произошло въ Парижѣ?

— Тѣмъ лучше, государь, если вы еще колеблетесь въ виду столь важныхъ событій. Этимъ вы доказываете вашу мудрость, ибо всѣ мы въ подобныя минуты обязаны удвоить мѣру спокойствія и осторожности. Что сталось бы, если бы я самъ не подавилъ въ себѣ перваго порыва, когда сегодня утромъ вашъ

военный министръ пріѣхалъ ко мнѣ отъ вашего имени съ рѣшительнымъ сообщеніемъ? Въ какомъ положеніи стояли бы мы другъ къ другу, еслибъ я принялъ его къ свѣдѣнію или даже донесъ бы о немъ въ Парижъ? Я поступилъ согласно моему долгу, думается мнѣ, выразивъ желаніе прежде всего говорить съ вами, ибо вы одни здѣсь господинъ.

— Вы хорошо сдѣлали испросивъ свиданіе со мною. Настоящая наша бесѣда полезна.

— Я убѣжденъ въ томъ такъ же, какъ и ваше величество. Но къ чему поведетъ она, если я не вызову перемѣны въ вашихъ намѣреніяхъ? Если я выйду изъ этого кабинета, не убѣдивъ васъ, послѣдствіемъ явится война, болѣе продолжительная и кровавая чѣмъ война временъ революціи и имперіи. Сочтемте, сколько милліоновъ людей погибло въ эту войну. Та война, которую вызовете вы, государь, будетъ еще кровопролитнѣе, и вы отвѣтите за нее предъ Богомъ.

Это обращеніе къ столь искреннему религіозному чувству императора Николая произвело желаемое дѣйствіе. Онъ отвѣчалъ мнѣ, поднявъ глаза къ небу:

— Желаю, чтобъ Господь вложилъ эту отвѣтственность въ руки достойнѣйшія моихъ.

— Вы не можете, государь, отклонить такой отвѣтственности. Она—естественное послѣдствіе высокаго положенія, занимаемаго вами на землѣ. А вѣдь я долженъ былъ напомнить вамъ важность всего того, что мы говоримъ и обсуждаемъ съ настоящую минуту.

— Повторяю вамъ,—возразилъ императоръ,—что я самъ еще не знаю, что̀ мы станемъ дѣлать; но во всякомъ случаѣ я сообщу моимъ *товарищамъ* мой взглядъ на предметъ. (Императоръ обозначилъ этимъ выраженіемъ *мои товарищи* прочихъ европейскихъ государей). Я познакомлю ихъ безъ утайки съ мнѣніемъ моимъ о томъ, что̀ совершилось и что̀ надо сдѣлать. Графъ Орловъ скоро поѣдетъ въ Вѣну съ этимъ сообщеніемъ. Вчера я написалъ о томъ Вильгельму (принцу Оранскому). Мы вамъ не объявимъ войны, будьте въ томъ увѣрены. Но если мы когда-либо признаемъ установившійся у васъ порядокъ, то не иначе, какъ по уговору между собою.

— Какія же, государь, будутъ послѣдствія такого конгресса?

— О конгрессѣ нѣтъ рѣчи. У насъ есть другіе способы, чтобы придти къ соглашенію.

— Но прежде чѣмъ вы пришли къ нему, государь, обязанность каждаго изъ васъ воздержаться отъ всякаго, раздражающаго слова, отъ всякаго заявленія или демонстраціи которыя могли бы встревожить насъ или оскорбить.

— Я не могъ не отнестись съ крайнемъ неудовольствіемъ ко всему, что произошло, и никогда не стану скрывать своего мнѣнія—возразилъ императоръ.

— Ваше величество припомните, что въ бесѣдѣ нашей, происходившей въ Аничковомъ дворцѣ, когда ничего еще не было намъ извѣстно, мы разсматривали множество предположеній. Развѣ мы не пришли къ заключенію что посреди столь ужасныхъ потрясеній возможенъ всякій исходъ? Страшная случайность революцій руководила обезумѣвшею толпою. Я отвѣчалъ вамъ, увы! что никто не можетъ ничего знать и предсказывать. Родина моя представлялась мнѣ на краю пропасти, и, подобно большинству благоразумнѣйшихъ людей въ этой странѣ, потрясенныхъ столькими революціями, я отъ души желалъ, чтобы нашлась рука способная спасти ее. Чувства мои не измѣнились. Я помышляю съ прежнимъ мучительнымъ сожалѣніемъ о мѣрахъ погубившихъ короля Карла X, и съ прежнею признательностью о храброй королевской гвардіи, тщетно его защищавшей.

Императоръ продолжалъ: «Повторяю вамъ, любезный другъ, обѣщаніе не спѣшитъ ни въ чемъ. Чтоже же касается моего мнѣнія, то я всегда буду его высказывать ясно. Мы вамъ не объявимъ войны, будьте въ томъ увѣрены. Но мы сообща условимся объ образѣ дѣйствій по отношенію къ Франціи».

— Вы, государь, не объявите намъ войны, охотно вѣрю этому. Со стороны державъ то былъ бы поступокъ, столь же безумный, какъ и опасный. Но неужели вы думаете, что мы удовольствуемся сношеніями холодными и оскорбительными? Мы болѣе не истощенная Франціи 1814 года, а вы не Европа 1815 года, сплоченная и злопамятная. Вы говорите, что не хотите войны—это несомнѣнно. Но между правительствами, какъ и между частными лицами, обыкновенно мало-по-малу переходятъ къ ссорѣ, а потомъ и къ бою. Дурное обращеніе вызываетъ оскорбительныя объясненія, за которыми слѣдуютъ споръ, брань и угрозы, такъ что оба противника вынуждены

скоро стать лицомъ къ лицу съ обнаженными мечами въ рукахъ.

— Мы будемъ дѣйствовать осторожно, надѣюсь сообща,— возразилъ императоръ. —Впрочемъ, слѣдуетъ, предвидѣть, что другія державы, вмѣсто того, чтобъ сожалѣть со мною о желаніи Франціи снова кинуться въ омутъ революціи, возрадуются, видя, какъ вы компрометируете великолѣпныя зачатки вашего благосостоянія.

Весьма вѣроятно, что въ аудіенціяхъ, данныхъ уже посламъ и министрамъ прочихъ великихъ державъ, императоръ обмѣнялся со времени іюльской революціи обѣщаніемъ коалиціи въ виду извѣстныхъ случайностей. Но все же онъ въ душѣ сохранялъ любовь къ Франціи и далъ мнѣ тому новое доказательство среди нашего спора, такъ что я не въ правѣ забыть словъ, произнесенныхъ имъ по этому поводу.

Я только-что сказалъ ему, что если, не смотря на соблюденіе мира, мы увидимъ, что Россія относится къ намъ враждебно, то естественно будетъ намъ искать скрѣпить узы связывающіе насъ съ Англіею.

— Замѣтьте большое различіе между ею и мною,—отвѣчалъ императоръ. — Даже въ виду того, что меня тревожитъ или мнѣ не нравится у васъ, я никогда не перестану интересоваться судьбами Франціи. Всѣ эти дни меня озабочивала мысль, что Англія, завидуя завоеванію вами Алжира, можетъ задаться мыслью воспользоваться вашими волненіями, чтобы отнять у васъ это прекрасное владѣніе. Что же касается до Австріи, то она трепещетъ за Италію. Опасеніе это побуждаетъ ее сожалѣть о вашей новой революціи, но только по этой причинѣ она и тревожится по поводу ея. Ее никогда не печалитъ все, что случается съ вами несчастнаго, тогда какъ мы, напротивъ, мы счастливы, когда возростаетъ сила и благосостояніе Франціи.

— И прекрасно государь! Вы правы, продолжая питать по отношенію къ намъ подобныя чувства, потому что они покоятся на полной взаимности. Не мнѣ бы слѣдовало, быть можетъ, напоминать вамъ, что сдѣлали для васъ французы въ послѣднюю войну въ Турціи. Наша политическая поддержка сопровождала васъ въ Адріанополь, а что касается до нашего военнаго товарищества, то вы припомните, сколько офицеровъ служило въ вашихъ рядахъ и сколько изъ нихъ хотѣло слѣдовать

туда за ними. Мы носимъ эту медаль за турецкую кампанію, которую вы намъ пожаловали, какъ драгоцѣнное воспоминаніе. Тѣмъ временемъ офицеры прочихъ великихъ европейскихъ державъ также прибыли въ вашу дунайскую армію. Но, за исключеніемъ насъ и пруссаковъ, что ихъ привлекло: сочувствіе или любопытство? Въ 1828 году австрійскіе офицеры были тоже столь же многочисленны, какъ и французы, подъ императорскими шатрами. Но тогда же австрійскія газеты отрицали славу вашего оружія и предсказывали вамъ пораженіе въ кампанію 1829 года. Контрастуя съ подобными настроеніями, что дѣлали мои юнные соотечественники? Ла-Фероннэ и Ла-Рошжаклены храбро сражались за васъ, бросались въ первые ряды вашихъ авангардовъ. Прусаки и французы, государь, вотъ кто были въ столь важныхъ обстоятельствахъ 1828—29 годовъ ваши истинные друзья.

Я воодушевился, произнося эти слова. Императоръ казался тронутымъ и дружески протянулъ мнѣ руку.

Послѣ того разговоръ продолжался въ болѣе спокойномъ тонѣ простаго обсужденія. Императоръ снова заявилъ, что рѣчами и поступками его руководитъ единственно участіе къ Франціи.

— Въ такомъ случаѣ, государь, если вы, не смотря на все, продолжаете принимать участіе въ моей родинѣ, то покажите себя ея другомъ въ этомъ новомъ кризисѣ и не умножайте ея затрудненія враждебнымъ положеніемъ.

— Я не питаю къ Франціи никакой вражды, это извѣстно Богу. Но я ненавижу принципы, которые увлекаютъ васъ на ложный путь. Вы говорите мнѣ о нападеніи съ нашей стороны; оно можетъ послѣдовать и съ вашей.

— Его не будетъ, государь, не сомнѣвайтесь въ томъ, если съ нами будутъ обращаться такъ, какъ мы въ правѣ ожидать въ нашей независимости и законной гордости. Никому нѣтъ дѣла до нашихъ внутреннихъ перемѣнъ. Пусть же въ нихъ и не вмѣшиваются ни подъ какимъ видомъ. Если союзные государи захотятъ возобновить свою лигу, то пусть они вспомнятъ, что только въ этомъ случаѣ мы будемъ вынуждены искать опоры въ народахъ.

При этихъ словахъ императоръ сдѣлалъ движеніе, выражавшее удивленіе и неудовольствіе. Я продолжалъ, желая его успокоить:

— Произнесенныя мною слова относятся къ одному лишь

предположенію, которое, какъ вы говорите, не осуществится. Мы не станемъ вести пропаганды, потому что намъ придется сражаться съ коалиціею. Впрочемъ, то, что я говорю вамъ о защитѣ нашей независимости, сказали бы вамъ такъ же, какъ и я, французы, которыхъ вы наиболѣе уважаете: герцогъ Мортемаръ и графъ Ла-Ферроннэ.

— Да, я знаю, что, слушая васъ, я какъ бы вопрошаю мнѣніе умѣренной Франціи и что со мной какъ бы говорятъ Ла-Ферроннэ или Мортемаръ.

— Конечно, государь, люди эти, столь достойные вашей дружбы, подобно мнѣ, сказали бы вамъ, что отвращеніе къ иноземному вторженію беретъ верхъ надъ всѣмъ въ ихъ сердцахъ, и что они и дѣти ихъ взялись бы за оружіе. Всѣ мы стали бы дѣйствовать дружно, защищая Францію. Всѣ партіи забыли бы свои раздоры.

Мнѣ не пришлось болѣе настаивать на необыкновенной силѣ, отъ имени которой я велъ рѣчь. Императоръ былъ такъ въ ней убѣжденъ самъ, что все, что было угрожающаго въ моихъ словахъ, выслушано было съ величайшимъ спокойствіемъ. Императоръ мало-по-малу смягчился. Онъ разсмотрѣлъ наиболѣе важныя статьи новой конституціи, имѣвшей замѣнить хартію 1814 года, критиковалъ со своей точки зрѣнія главныя ея постановленія, и нашъ споръ, сначала столь оживленный, перешелъ въ тонъ простаго теоретическаго разсужденія. Онъ заключилъ, однако, это обозрѣніе новыхъ конституціонныхъ комбинацій, коимъ суждено было дѣйствовать съ нѣкоторыми измѣненіями въ продолженіе восемнадцати лѣтъ, словами, не менѣе заслуживающими быть воспроизведенными, какъ и всѣ предъидущія.

Онъ выразилъ сожалѣніе объ ограниченіяхъ верховной власти, установленныхъ новою конституціею, а я ему напомнилъ, что за недѣлю до того, бесѣдуя со мной въ Аничковомъ дворцѣ, онъ мнѣ сказалъ, что всякій образъ правленія можетъ упрочить счастіе народовъ, лишь бы съ обѣихъ сторонъ оставались вѣрными основному уговору.

— Да, безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ императоръ, — таковъ именно мой взглядъ, и *если бы* въ дни волненій, окровавившихъ Парижъ, *народъ ограбилъ русское посольство и обнародовалъ мои депеши, то всѣ были бы крайне удивлены, увидавъ, что я проповѣдовалъ противъ государственнаго переворота; всѣ весьма удивились бы, узнавъ, что русскій самодер-*

жецъ поручалъ своему представителю совѣтовать конституціонному королю соблюдать установленную конституцію, коей тотъ присягалъ [1]).»

Ободренный неожиданно благопріятнымъ исходомъ бесѣды и не замѣчая на лицѣ императора ни малѣйшаго слѣда гнѣва или раздраженія, находчивый дипломатъ рѣшился напомнить, что незадолго до полученія извѣстія о польской революціи государь пригласилъ его сопровождать его величество въ поѣздкѣ по военнымъ поселеніямъ Новгородской губерніи, и выразилъ надежду, что приглашеніе остается въ прежней силѣ. Государь улыбнулся и, подумавъ немного, сказалъ: «Хорошо, я согласенъ! У меня одно только слово. Вы поѣдете со мною, но это удивитъ многихъ». Съ этими словами онъ обнялъ Бургоэна, поцѣловалъ и отпустилъ. Само собою разумѣется, что французскія торговыя суда были допущены въ Кронштадтъ.

«На другой день,»—заключаетъ баронъ Бургоэнъ посвященную вышеприведенному разсказу главу своихъ Воспоминаній,—«меня посѣтили всѣ главные члены дипломатическаго корпуса. Въ предшедшіе дни слухъ о присылкѣ мнѣ паспортовъ и о полномъ разрывѣ сношеній Франціи съ Россіей уже разнесся повсюду. Вѣсть эта вызвала большое безпокойство, и всякій желалъ узнать истину, чтобъ сообщить о ней своему двору. Я увидѣлъ у себя англійскаго посла лорда Гейтесбюри, австрійскаго посла графа Фикельмонта, прусскаго министра генерала Шёлера и многихъ другихъ. Всѣ спрашивали меня со страхомъ:

— Правда ли, что вы покидаете Петербургъ?

— Да, конечно,—отвѣчалъ я,—я уѣзжаю черезъ три дня, но для сопровожденія императора въ небольшомъ путешествіи по военнымъ поселеніямъ [2]).»

---

[1]) Подчеркнуто во французскомъ подлинникѣ.

[2]) *Souvenirs d'histoire contemporaine*, par le Baron Paul de Bourgoing, стр. 493—518.

III.

Начало недоразумѣній.

Бельгійское возстаніе.—Отправленіе Орлова въ Вѣну и Дибича въ Берлинъ.—Признаніе Лудовика-Филиппа Австріею и Пруссіею.—Интриги Меттерниха.—Лондонская конференція по бельгійскимъ дѣламъ.—Признаніе короля французовъ императоромъ Николаемъ.—Отвѣтное письмо его къ нему.—Возобновленіе дипломатическихъ сношеній между Россіею и Франціею.—Заступничество Франціи за мятежныхъ поляковъ.—Несогласія Австріи съ Франціей.—Переговоры петербургскаго двора съ вѣнскимъ по французскимъ дѣламъ.—Англо-французское соглашеніе. — Противодѣйствіе Пальмерстона видамъ тюильрійскаго двора.—Тройственный союзъ на Востокѣ Европы и четверной союзъ на Западѣ.

На дальнѣйшія рѣшенія императора Николая не могло остаться безъ вліянія быстрое распространеніе революціоннаго движенія на Бельгію, провозгласившую отторженіе отъ Нидерландскаго королевства и полную свою независимость. Случай этотъ былъ прямо предусмотрѣнъ союзнымъ договоромъ, заключеннымъ между Россіею, Англіею, Австріею и Пруссіею, въ Парижѣ, 8 (20) ноября 1815 года. Государь объявилъ, что готовъ двинуть для возстановленія законнаго порядка въ Бельгіи 60-титысячный вспомогательный корпусъ, условленный вышеозначеннымъ договоромъ, и предложилъ своимъ союзникамъ созвать въ Лондонѣ обще-европейскую конференцію.

Одновременно онъ счелъ нужнымъ, предавъ забвенію недавнее коварство и предательство Австріи, возобновить въ прежней силѣ Священный Союзъ съ нею и съ Пруссіей, во имя опасности, угрожавшей всѣмъ престоламъ отъ посягательствъ всесвѣтной революціи. Съ этою цѣлью отправлены были: графъ Орловъ въ Вѣну и фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій въ Берлинъ. Вслѣдъ за тѣмъ, дипломатическимъ представителямъ нашимъ въ обѣихъ нѣмецкихъ столицахъ предписано было немедленно предложить союзнымъ дворамъ сосредоточить войска свои, прусскія—на Рейнѣ, австрійскія—въ сѣверной Италіи, предупредивъ, что русская армія будетъ стянута къ западной границѣ имперіи. Объявленіе войны Россіею, Австріею и Пруссіею должно было служить отвѣтомъ на

первое посягательство Франціи перенести революцію за свои предѣлы [1]).

Но не успѣли русскіе чрезвычайные посланцы доѣхать до мѣстъ своего назначенія, какъ уже состоялось оффиціальное признаніе совершившейся во Франціи перемѣны правленія со стороны какъ Австріи, такъ и Пруссіи, безъ предварительнаго уговора съ нами, даже безъ нашего вѣдома. Нессельроде находился въ Вѣнѣ, на возвратномъ пути изъ Карлсбада въ Петербургъ, когда прибылъ туда генералъ Бельяръ, привезшій собственноручное письмо короля Лудовика-Филиппа къ императору австрійскому. Не смотря на убѣжденія русскаго канцлера замедлить рѣшеніемъ впредь до полученія отвѣта на посланный въ Петербургъ запросъ, Меттернихъ вступилъ въ переговоры съ французскимъ генераломъ и, получивъ отъ него увѣреніе, что новое французское правительство обязывается свято соблюдать договоры, представилъ его императору, которому Бельяръ лично вручилъ королевское письмо. Въ отвѣтѣ своемъ, императоръ Францъ не только призналъ Лудовика-Филиппа королемъ французовъ, но и пожелалъ ему прочнаго и счастливаго царствованія [2]). Примѣру австрійскаго двора не замедлилъ послѣдовать и прусскій.

Пріемъ, оказанный въ Берлинѣ фельдмаршалу Дибичу, былъ сдержанъ и холоденъ. Король и его министры боялись войны съ Франціею и прямо заявили, что хотятъ избѣжать ея, во что бы то ни стало. Не болѣе расположенія обнаружилъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и Меттернихъ въ бесѣдахъ своихъ съ прибывшимъ въ Вѣну Орловымъ. За то онъ разсыпался предъ нимъ въ выраженіяхъ дружбы къ Россіи и постоянно твердилъ о солидарности монархическихъ интересовъ, о союзѣ между государями, какъ о единственномъ «якорѣ спасенія» Европы, объ «общемъ дѣлѣ», обнимающемъ-де всѣ частныя выгоды европейскихъ государствъ. Согласіе на словахъ и отказъ отъ какихъ бы то ни было дѣйствій—такова была политическая его программа. Она прикрывала затаенную цѣль: не столько содѣйствовать возстановленію законнаго порядка въ Европѣ, сколько разъединить Россію съ ея естественною союзницею—Франціею. Меттернихъ не терялъ изъ виду, что обѣ эти дер-

---

[1]) Графъ Нессельроде Татищеву, 25 октября (6 ноября) 1830.

[2]) Императоръ Францъ королю Лудовику-Филиппу, 27 августа (7 сентября 1830.

жавы, совмѣстно съ Англіею, были еще формально соединены узами союза, заключеннаго въ 1827 году въ Лондонѣ, по греческимъ дѣламъ. «Нужно поскорѣе разорвать тройственный союзъ»,—писалъ онъ австрійскому послу въ Лондонѣ,—«ибо таковой открываетъ возможность законной политической связи (liaison politique légale) между новою Франціею и Россіею; роль обманутаго (dupe) останется на долю лондонскаго кабинета» [1]).

Въ довершеніе всего, великобританское правительство хотя и созвало въ Лондонѣ конференцію изъ представителей великихъ державъ для разрѣшенія бельгійскаго вопроса, но вмѣсто того, чтобы твердо стоять на почвѣ договора 9 (21) іюля 1814 года, установившаго соединеніе Бельгіи съ Голландіей, конференція эта признала въ принципѣ провозглашенную брюссельскимъ конгрессомъ независимость Бельгіи, и сама выработала основанія отдѣленія ея отъ Голландіи. Такимъ образомъ, Европа, въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ, узаконила результатъ, противный существующимъ договорамъ и достигнутый насильственнымъ путемъ народнаго возстанія.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, что оставалось дѣлать императору Николаю? Подъ громкими фразами, которыми вѣнскій дворъ уснащалъ свои дипломатическія сообщенія нашему, онъ ясно различалъ полное нежеланіе дѣйствовать энергично для отстаиванія законнаго порядка, болѣе того: совершенное равнодушіе къ началу законности. Пруссія являлась въ этомъ случаѣ союзницею еще менѣе надежною, чѣмъ Австрія. Въ Англіи, консервативное министерство, съ начала столѣтія управлявшее страною, вынуждено было удалиться отъ власти, и его замѣнилъ кабинетовъ виговъ, въ которомъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ занялъ лордъ Пальмерстонъ, едва ли не болѣе французскихъ правителей расположенный покровительствовать революціоннымъ движеніямъ на материкѣ. Не вполнѣ была еще утрачена въ Петербургѣ память о существенныхъ услугахъ, оказанныхъ намъ Франціей въ дѣлахъ общей политики, что постоянно ставилъ на видъ императорскому кабинету Поццо-ди-Борго, остававшійся въ Парижѣ, хотя и безъ оффиціальнаго характера. Императоръ Николай рѣшился, наконецъ, признать правительство Лудовика-Филиппа.

---

[1]) Князь Меттернихъ князю Эстергази, 2 (14) августа 1830.

Въ первыхъ числахъ (половинѣ) сентября прибылъ въ С.-Петербургъ генералъ Аталэнъ съ приведеннымъ въ предшедшей главѣ собственноручнымъ письмомъ короля Лудовика-Филиппа. Онъ принятъ былъ при дворѣ съ большою вѣжливостью и даже предупредительностью. Баронъ Бургоэнъ свидѣтельствуетъ, что лично онъ произвелъ на государя чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе. Его пригласили не только на всѣ празднества, но и на военныя упражненія, смотры, парады. Императрица отличила его особенною благосклонностью и, узнавъ о его талантѣ какъ живописца, просила оставить ей два рисунка на память въ ея альбомъ. [1])

На письмо короля французовъ императоръ Николай отвѣтилъ также собственноручно, въ выраженіяхъ, полныхъ достоинства, но не заключавшихъ въ себѣ ничего оскорбительнаго, за исключеніемъ, быть можетъ, вступительныхъ фразъ. «Я получилъ изъ рукъ генерала Аталэна,»—писалъ государь,—«привезенное имъ посланіе. Событія, вѣчно заслуживающія сожалѣнія (des événements à jamais déplorables), поставили ваше величество въ тягостную альтернативу. Ваше величество приняли рѣшеніе, которое одно, казалось вамъ, могло предотвратить отъ Франціи великія бѣдствія, и я ничего не скажу о побужденіяхъ, руководившихъ вашимъ величествомъ въ данномъ случаѣ. Но я возсылаю горячія мольбы къ божественному провидѣнію, дабы оно благословило намѣренія вашего величества и усилія ваши на благо французскаго народа. Въ согласіи съ союзниками моими, я съ удовольствіемъ принимаю выраженіе желанія вашего величества поддерживать мирныя и дружественныя сношенія съ европейскими государствами. Доколѣ сношенія эти будутъ основаны на существующихъ трактатахъ и на твердой рѣшимости соблюдать права и обязанности, торжественно ими признанныя, а равно и поземельныя владѣнія, Европа усмотритъ въ нихъ ручательство мира, нужнаго даже для спокойствія Франціи. Призванный совмѣстно съ союзниками моими поддерживать съ Франціею подъ новымъ ея правительствомъ таковыя охранительныя сношенія, я поспѣшу со своей стороны не только отнестись къ нимъ съ надлежащею заботливостью, но и не устану обнаруживать чувства, въ искренности коихъ мнѣ пріятно

---

[1]) *Souvenirs d'histoire contemporaine* par le baron Paul de Bourgoing, стр. 530.

увѣрить ваше величество, въ обмѣнъ тѣхъ чувствъ, что были выражены мнѣ вами» [2]).

Съ умѣреннымъ и даже дружественнымъ содержаніемъ отвѣтнаго письма русскаго императора не вполнѣ гармонировала подпись. Николай Павловичъ не назвалъ себя въ ней, какъ того требовалъ обычай, «добрымъ братомъ» короля французовъ, потому что со свойственнымъ ему прямодушіемъ не могъ признать равнымъ себѣ по достоинству монарха, власть котораго была въ глазахъ его запятнана революціоннымъ происхожденіемъ. Обстоятельство это естественно произвело въ Парижѣ самое удручающее впечатлѣніе не только на короля и его министровъ, но и на все общественное мнѣніе страны, всегда столь чуткое къ достоинству Франціи. Впрочемъ, оно не помѣшало возобновленію дипломатическихъ сношеній между обоими правительствами на прежней ногѣ. Поццо-ди-Борго былъ уполномоченъ при тюильрійскомъ дворѣ въ качествѣ посла. Герцогъ Мортемаръ возвратился въ Петербургъ въ томъ же званіи.

Съ такимъ трудомъ возстановленнымъ сношеніямъ между дворами петербургскимъ и парижскимъ не суждено было привести ихъ къ полному и искреннему примиренію. Первоначальною причиною тому была безтактность французскаго правительства, вмѣнившая въ обязанность своему послу ходатайствовать предъ императоромъ Николаемъ въ пользу мятежныхъ поляковъ. Государь съ гордостью отвергнулъ такое притязаніе. Польское возстаніе считалъ онъ внутреннимъ, домашнимъ дѣломъ, а потому не допускалъ по отношенію къ нему никакого посторонняго вмѣшательства. Всего менѣе могъ онъ потерпѣть французское заступничество за мятежъ, который по его выраженію являлся «плодомъ взаимнаго обученія», иначе говоря, косвеннымъ послѣдствіемъ происшедшихъ во Франціи смутъ. Французскій посолъ, прежде бывшій persona gratissima при нашемъ дворѣ, испыталъ на себѣ всю тяжесть царскаго гнѣва и уже въ іюлѣ 1831 года вынужденъ былъ оставить Петербургъ.

Меттернихъ съумѣлъ ловко воспользоваться неудовольствіемъ императора Николая на Францію и употребилъ всѣ старанія, чтобы поддержать его и усилить. Дѣло въ томъ, что, въ началѣ 1831 года, между имъ и правительствомъ Лудовика-Филиппа произошла серіозная размолвка по поводу революціон-

---

[1]) Императоръ Николай королю Лудовику-Филиппу, 6 (18) сентября 1830.

ныхъ вспышекъ въ Италіи, вызвавшихъ занятіе Модены и части папскихъ владѣній австрійскими войсками. Глава французскаго кабинета, Лафитъ, открыто заявилъ намѣреніе силою воспротивиться австрійскому вмѣшательству въ итальянскія дѣла. Но миролюбіе короля предотвратило войну. Преемникъ Лафита, Казиміръ Перье, дипломатическимъ путемъ успѣлъ достигнуть очищенія австрійцами сѣверной Италіи; когда же возобновившіяся въ ней смуты побудили вѣнскій дворъ вторично ввести войска свои въ Легатства, то французское правительство, въ свою очередь, посадивъ на суда въ Тулонѣ значительный отрядъ, направило его къ Анконѣ и заняло имъ и городъ, и крѣпость. Мѣрою этою первый министръ короля Лудовика-Филиппа имѣлъ въ виду поддержать провозглашенное Франціею начало невмѣшательства, въ силу котораго парижскій кабинетъ обязывался не вступаться въ дѣла чужихъ странъ, но только до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ въ нихъ вмѣшательства какой либо другой державы.

Угрожаемая Франціею, Австрія обратилась къ поддержкѣ и помощи Россіи. Меттернихъ началъ опять представлять намъ необходимость учредить между тремя сѣверными державами «центръ соглашенія» и на этотъ разъ уже въ Вѣнѣ. Онъ предлагалъ торжественно протестовать противъ права невмѣшательства посредствомъ гласнаго протокола, съ изложеніемъ противоположнаго взгляда союзныхъ дворовъ; объявить Лудовику-Филиппу, что признаніе его состоялось лишь условно, въ надеждѣ на то, что у него хватитъ силъ для сдержанія революціонной пропаганды; наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, согласиться на замѣну его герцогомъ Рейхштадтскимъ или даже республикою. Императоръ Николай только отчасти раздѣлялъ мнѣніе австрійскаго канцлера. Подобно ему, онъ, не допускалъ французской теоріи невмѣшательства, но находилъ, что, вмѣсто торжественной деклараціи, гораздо проще было бы доказать фактами полное согласіе трехъ державъ на счетъ опасности революціонныхъ идей, коихъ-де Франція служитъ представительницею и распространительницею [1]). А потому, русскому послу въ Парижѣ поручено было объявить французскому правительству, что если оно, основываясь на началѣ невмѣшательства, вздумаетъ противиться мѣрамъ, принимаемымъ вѣн-

[1]) Графъ Нессельроде Татищеву, 21 января (2 февраля) 1831.

скимъ дворомъ для водворенія законнаго порядка въ Италіи, то императоръ Николай, вѣрный своимъ союзнымъ обязательствамъ, не преминетъ оказать императору Францу какъ нравственную, такъ и вещественную помощь [1]). За то нашъ кабинетъ не одобрялъ предложеній вѣнскаго двора о возстановленіи имперіи во Франціи въ пользу герцога Рейхштадтскаго, а и того менѣе объ учрежденіи республики въ этой странѣ. О первой мѣрѣ онъ отозвался, что лекарство было бы хуже самой болѣзни, такъ какъ противорѣчило бы существующимъ договорамъ [2]); о второй—что французская республика была бы столь же ненавистна и незаконна» (odieuse et illégale), какъ и монархія Лудовика-Филиппа [3]). Послѣ занятія Анконы французами, самъ государь выразилъ мнѣніе о необходимости отвѣчать на такой захватъ объявленіемъ войны, въ виду которой ставилъ въ распоряженіе союзниковъ всѣ свои силы. 50,000 русскихъ войскъ готовы были выступить въ Германію по первому призыву, поддержанные стопятидесятитысячною арміею, расположенною въ царствѣ Польскомъ [4]).

Но войны съ Франціею не хотѣли ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ. Подзадоривая насъ противъ французовъ, оба двора вели съ ними дружественные переговоры и всячески старались мирно уладить возникшія недоразумѣнія. Пугая насъ призракомъ революціи, яко-бы воплощенной въ образѣ Франціи, они Францію пугали Россіею; словомъ, усердно сѣяли сѣмена раздора между двумя державами, въ сближеніи которыхъ видѣли величайшую для себя опасность. При такихъ условіяхъ французскому правительству не оставалось ничего другого, какъ искать поддержки въ Англіи, стремясь образовать въ связи съ нею противовѣсъ союзу трехъ сѣверныхъ державъ.

Основаніе англо-французскому союзу, извѣстному подъ названіемъ «сердечнаго соглашенія» (entente cordiale) и просуществовавшему почти столько же времени, сколько и сама іюльская монархія, положилъ Талейранъ, по воцареніи Лудовика-Филиппа снова вступившій въ дѣйствительную службу и отправленный посломъ въ Лондонъ. При холодно-недовѣрчивомъ отношеніи Австріи и Пруссіи и явно-враждебномъ Россіи, ему

---

[1]) Графъ Нессельроде Татищеву, 2 (14) марта 1831.
[2]) Та же депеша.
[3]) Графъ Нессельроде Татищеву, 24 апрѣля (6 мая) 1832.
[4]) Та же депеша.

легко было убѣдить короля и его министровъ въ необходимости возвратиться къ политической системѣ, коей онъ былъ обязанъ своими успѣхами на вѣнскомъ конгресѣ и которая заключалась въ тѣсномъ единеніи съ сентъ-джемскимъ кабинетомъ. Тогдашній глава великобританскаго министерства, герцогъ Веллингтонъ, былъ старымъ другомъ и почитателемъ Талейрана [1]), что значительно облегчило ему исполненіе задуманнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что бельгійское возстаніе являлось почвою, на которой двѣ вѣковыя соперницы легко могли сойтись въ политическихъ началахъ и воззрѣніяхъ, а отчасти и въ интересахъ. Затаенная мысль Талейрана была—воспользоваться отдѣленіемъ Бельгіи отъ Голландіи, чтобы подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, достигнуть расширенія границъ Франціи или, по меньшей мѣрѣ, сферы ея вліянія. Онъ умѣлъ скрыть ее отъ Веллингтона и Абердина, министра иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ «желѣзнаго герцога», но преемникъ послѣдняго, проницательный и энергичный Пальмерстонъ, тотчасъ разгадалъ суть замысловъ французскаго дипломата и рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не допускать ихъ осуществленія. Каждое, направленное къ тому предложеніе встрѣчало не только рѣшительный отпоръ, но и твердое заявленіе, что малѣйшая попытка Франціи отодвинуть свои предѣлы, поведетъ къ разрыву ея съ Англіею.

Любопытно прослѣдить въ перепискѣ лорда Пальмерстона, какимъ властнымъ, нетерпящимъ возраженія, языкомъ онъ выражался о видахъ и намѣреніяхъ двора, состоявшаго съ англійскимъ въ тѣснѣйшемъ союзѣ. На предложеніе Талейрана присоединить къ Франціи Люксембургъ, бывшій предметомъ спора между Голландіею и Бельгіею, онъ прямо отвѣчалъ, что такое рѣшеніе невозможно, такъ какъ никто-де не согласится на него, и въ то же время предписалъ великобританскому послу въ Парижѣ заявить кому слѣдуетъ, «что хотя Англія и желаетъ поддерживать наилучшее согласіе съ Франціею и находиться съ нею въ самыхъ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ, но только въ предположеніи, что та удовольствуется своею территоріею, прекраснѣйшею въ Европѣ, и не намѣрена возвратиться

---

[1]) По этому поводу княгиня Ливенъ, жена русскаго посла въ Лондонѣ, писала принцу Леопольду Саксенъ-Кобургскому, будущему королю бельгійцевъ, отъ 19 сентября (1 октября) 1830 года: «Герцогъ Веллингтонъ кажется мнѣ высокаго мнѣнія о Талейранѣ. Онъ говоритъ про него, что это весьма честный человѣкъ. *Честность* Талейрана напоминаетъ мнѣ *умъ* Полиньяка!»

*

къ системѣ захватовъ и завоеваній» [1]). Когда стало извѣстно, что бельгійскій конгрессъ рѣшилъ избрать королемъ герцога Немурскаго, второго сына Лудовика-Филиппа, Пальмерстонъ объявилъ Талейрану, что если только король французовъ изъявитъ согласіе свое на этотъ выборъ, «то это послужитъ доказательствомъ, что политика Франціи подобна заразѣ, прилипшей къ стѣнамъ жилища и сообщающейся послѣдовательно каждому обитателю, вступающему въ предѣлы ея вліянія» [2]). Не смотря даже на отказъ Лудовика-Филиппа принять предложенную сыну его бельгійскую корону, англійскій министръ строго осуждалъ его политику въ отношеніи къ Бельгіи, называя ее «презрѣнною интригою», и упрекая парижскій дворъ въ томъ, что онъ одно говоритъ здѣсь, а другое не договариваетъ тамъ; обѣщаетъ принятіе чрезъ Брессона (посланника въ Брюсселѣ) и отказъ чрезъ Талейрана; измѣняетъ свои мнѣнія, заявленія, принципы, при каждой новой перспективѣ временной выгоды [3]). Подъ впечатлѣніемъ англійскихъ угрозъ, Франція поумѣрила свои требованія и рѣшилась удовольствоваться присоединеніемъ крѣпости Бульона съ небольшимъ округомъ. Пальмерстонъ воспротивился и этому, увѣряя, что ему-де внушаетъ «отвращеніе» правительство великой державы, «которое среди важнаго дѣлового кризиса, когда затронуты столь значительные интересы, каверзитъ и интригуетъ изъ-за такихъ жалкихъ пустяковъ» [4]).

Лордъ Пальмерстонъ выразилъ большое удовольствіе по поводу назначенія Казимира Перье французскимъ первымъ министромъ. Но, поручая англійскому послу передать ему выраженіе полнаго довѣрія, онъ не лишнимъ счелъ на всякій случай предупредить его, что «Франція-де не можетъ овладѣть Бельгіей безъ войны съ четырьмя державами. Можетъ ли же она овладѣть ею путемъ войны съ четырьмя державами—это другой вопросъ» [5]). Перье и не думалъ о Бельгіи, но признался, что желалъ бы присоединенія Ландау и Бульона. Пальмерстонъ не замедлилъ отвѣтомъ: «Мы не можемъ считать Европу въ безопасности, иначе какъ стоя на почвѣ строгаго соблюденія

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Гренвилю, 26 декабря 1830 (7 января 1831).
[2]) Ему же, 20 января (1 февраля) 1831.
[3]) Ему же, 5 (17) февраля 1831.
[4]) Ему же, 25 февраля (9 марта) 1831.
[5]) Ему же, 3 (15) марта 1831.

договоровъ и на безкорыстномъ отказѣ всѣхъ отъ своекорыстныхъ видовъ на расширеніе. Въ ту минуту, когда мы предоставили бы Франціи хотя бы одинъ огородъ или виноградникъ, мы лишились бы нашей принципіальной основы; и тогда дѣло уже сведется къ вопросу о бо̀льшей или меньшей степени цѣнности различныхъ предметовъ, которые она потребуетъ одинъ за другимъ. Допустивъ однажды, что *миролюбивое* министерство должно быть поддержано удовлетвореніемъ партіи войны, не подвергая ея риску самой войны, мы для достиженія нашей цѣли обязаны, дѣйствительно, удовлетворить ее, а между тѣмъ, всѣ мы знаемъ не то, что̀ удовольствуетъ эту партію,— а что̀ не удовольствуетъ ея, и не подлежитъ сомнѣнію, что Бульонъ и Ландау не удовлетворятъ ея. Будьте же непреклонны въ этомъ пунктѣ» [1]).

Французское министерство не поддавалось доводамъ благороднаго лорда. Оно требовало отъ англійскаго правительства положительныхъ доказательствъ дружбы, признаваясь, что безъ нихъ положеніе его не можетъ упрочиться, такъ какъ французы требуютъ-де отъ своихъ правителей доказательствъ вліянія ихъ въ дѣлахъ Европы. На этотъ разъ Пальмерстонъ разразился грозною филиппикою противъ подобныхъ притязаній: «Удивляюсь этой теоріи, и мы не можемъ питать ни малѣйшаго довѣрія къ правительству, придерживающемуся ея. Что разумѣютъ они подъ вліяніемъ въ совѣтахъ другихъ странъ? Если они разумѣютъ подъ этимъ власть заставить означенныя страны содѣйствовать или подчиниться французскимъ захватамъ или расширеніямъ, то эта старая замашка въ новомъ видѣ и прежній злобный духъ задора, ожившій подъ инымъ притязаніемъ. То, что желаетъ Франція получить или совершить — справедливо, либо нѣтъ, правильно, либо неправильно. Если справедливо или правильно, то должно быть исполнено по этой причинѣ, если несправедливо или неправильно, то по той же причинѣ — не должно быть исполнено. И я никогда не допущу, что было бы разумно уступить несправедливымъ притязаніямъ Франціи съ цѣлью пріобрѣсти для французскаго правительства, будь оно Перье или Себастіани, поддержку буйной партіи или даже умѣренныхъ сторонниковъ захватовъ. Становясь въ зависимость отъ нихъ, нельзя достигнуть ничего хорошаго такими уступ-

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Гренвилю, 13 (25) марта 1831.

ками; мы только разъярили бы аппетитъ, вмѣсто того, чтобы удовлетворить его. Мы только выдали бы собственную слабость и ободрили бы новыя требованія. Какая польза въ существованіи во Франціи умѣренной и миролюбивой администраціи, если для того, чтобы сохранить ей благоволеніе буйныхъ и воинственныхъ людей, мы подчинимся требованіямъ послѣднихъ, взамѣнъ пользованія добросовѣстностью первой? Здѣсь явное противорѣчіе, и когда приводятъ такіе доводы, не слѣдуетъ довѣрять тѣмъ, кто прибѣгаетъ къ нимъ» [1]).

Какъ Австрія и Пруссія пугали Россію революціоннымъ призракомъ Франціи, такъ послѣднюю пугала Англія указаніемъ на охранительный союзъ сѣверныхъ державъ. Она даже грозила, что сама пристанетъ къ нему, если Франція будетъ продолжать свою систему «захватовъ и завоеваній» [2]). Это побудило Талейрана самому попытаться сблизиться съ представителями въ Лондонѣ дворовъ вѣнскаго и берлинскаго. Послѣ того, какъ королемъ бельгійцемъ былъ избранъ и признанъ конференціею принцъ саксенъ-кобургскій Леопольдъ, голландцы, отказавшись отъ перемирія, вторглись въ Бельгію, разсѣяли бельгійскія войска и едва не захватили самого новаго короля. Отъ окончательнаго разгрома спасла молодое королевство французская воинская помощь. Голландцы отступили предъ французами, но это подало поводъ Талейрану заявить, что Бельгія не въ силахъ отстоять свою независимость, и предложить прусскому посланнику планъ раздѣла ея между Франціею, Пруссіею и Нидерландами, съ тѣмъ, чтобы для успокоенія Англіи, Антверпенъ былъ объявленъ порто-франко. Парижскій кабинетъ хотя и не поддержалъ этого предложенія своего посла, но настаивалъ на срытіи бельгійскихъ крѣпостей, какъ на предварительномъ условіи вывода французскихъ войскъ изъ Бельгіи. Все это приводило Пальмерстона въ ярость. Онъ снова сталъ грозить Франціи войною. «Одно несомнѣнно»,—восклицалъ онъ,—«французы должны выйдти изъ Бельгіи, иначе возгорится всеобщая война, и не далѣе какъ черезъ нѣсколько дней» [3]). Пруссія выражала нѣкоторую склонность предоставить Маріенбургъ и Филиппвиль Франціи, лишь бы самой получить Луксембургъ. Пальмерстонъ не допускалъ и этого. «Если только когда-нибудь эти великія

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Гренвилю, 10 (22) апрѣля 1831.

[2]) Ему же, 19 (31) мая 1831.

[3]) Ему же, 5 (17) августа 1831.

державы отвѣдаютъ крови», пояснялъ онъ, «онѣ никогда не удовольствуются однимъ глоткомъ, но скоро пожрутъ всю свою жертву» [1]).

Мы намѣренно распространились о коренныхъ несогласіяхъ, обнаружившихся между Англіею и Франціею при самомъ зарожденіи ихъ союза и въ томъ именно вопросѣ, который послужилъ формальнымъ основаніемъ для ихъ сближенія. Изъ приведенныхъ нами фактовъ не ясно ли, что пресловутое «сердечное соглашеніе» нимало не отвѣчало нуждамъ и пользамъ обѣихъ странъ, естественно противоположнымъ другъ другу. Противорѣчіе это было прикрыто тождествомъ государственныхъ началъ, исповѣдуемыхъ обоими правительствами, ихъ общимъ преслѣдованіемъ конституціонныхъ идеаловъ не только у себя дома, но и во всей Европѣ. Явленіе вполнѣ сходное съ одновременнымъ возстановленіемъ между Россіею, Австріею и Пруссіею охранительнаго Священнаго Союза, равнымъ образомъ основаннаго на одинаковости не интересовъ, а отвлеченныхъ мыслей и теорій. Мюнхенгрецскія конвенціи, заключенныя въ сентябрѣ 1833 года, запечатлѣли согласіе трехъ сѣверныхъ державъ, а полгода спустя Англія и Франція, пріобщивъ къ своему уговору Испанію и Португалію, подписали трактатъ, извѣстный подъ званіемъ «четвернаго союза», назначеніе котораго, по собственному сознанію лорда Пальмерстона, заключалось «въ образованіи могущественнаго противовѣса Священному Союзу на Востокѣ» [2]).

Никакая война не могла создать между Россіею и Франціею такой пропасти, какъ союзныя связи первой съ двумя великими державами Германіи, второй—со своею историческою соперницею. Вступая въ эти обязательства, и Россія и Франція принесли самые существенные свои интересы въ жертву политическимъ ученіямъ и надолго отреклись въ пользу союзниковъ отъ самостоятельнаго взвѣшиванія своихъ международныхъ задачъ и потребностей.

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Гренвилю, 14 (26) августа 1831.
[2]) Ему же, 9 (21) апрѣля 1834.

IV.

Вопросы Польскій и Восточный.

Жалобы русской дипломатіи на Францію.—Отношенія французскаго правительства къ Польскому вопросу.—Попытка вмѣшательства въ польскія дѣла въ сообществѣ съ Англіею.—Конецъ мятежа.—Рѣчь Тьера о Польшѣ во французской палатѣ депутатовъ.—Франція отрекается отъ Польши.—Взглядъ французскаго правительства на Восточный вопросъ.—Пререкательство изъ-за Ункіаръ-Искелесскаго договора.—Инструкція герцога Брольи маршалу Мезону при назначеніи его посломъ въ С.-Петербургъ.—Улучшеніе отношеній обоихъ дворовъ.—Турецко-египетская распря.—Россія исключаетъ Францію изъ европейскаго «концерта» по восточнымъ дѣламъ.—Гибельныя послѣдствія лондонскихъ конвенцій 1840—41 годовъ для русской политики на Востокѣ.

Въ извѣстной запискѣ о внѣшнихъ сношеніяхъ Россіи, составленной въ 1838 году для наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, баронъ Брунновъ неудовлетворительность нашихъ отношеній къ Франціи Орлеановъ приписываетъ, главнымъ образомъ, причинамъ отвлеченнаго свойства. Такъ, онъ указываетъ на революціонное происхожденіе іюльской монархіи, на упадокъ въ ней королевской власти, на потворство ея демагогамъ и радикаламъ, на отсутствіе ручательствъ въ ея долговѣчности. Но рядомъ съ этими, такъ сказать, теоретическими причинами, онъ указываетъ и на другія, болѣе существенныя и затрогивающія важнѣйшіе наши государственные интересы. Образъ дѣйствій правительства Лудовика-Филиппа въ Польскомъ вопросѣ былъ, по увѣренію барона, прямо направленъ намъ во вредъ. Враждебность свою къ Россіи парижскій дворъ несомнѣнно-де доказалъ и заступничествомъ своимъ за повстанцевъ, и покровительствомъ тѣмъ изъ польскихъ выходцевъ, которые искали убѣжища во Франціи. Сверхъ того, и на Востокѣ французская политика сталкивается-де съ нашею, такъ какъ «тюильрійскій кабинетъ хотя и признаетъ необходимость поддержанія status quo, но рядомъ съ этою всѣми одинаково чувствуемою потребностью онъ не въ силахъ противостоять искушенію время отъ времени льстить честолюбію Мегметъ-Али-паши и поощрять проявленіе революціоннаго духа въ Греціи» [1]). Обвиненія

[1]) Отзывъ о Франціи изъ рукописной записки барона Бруннова дословно приведенъ на стр. 475—476 книги моей: «Внѣшняя политика императора Николая».

эти подтвердилъ и самъ императоръ Николай, во время пребыванія своего въ Лондонѣ въ 1844 году, выразившій англійскимъ министрамъ подозрѣнія, возбуждаемыя въ немъ тайными замыслами Франціи на Востокѣ, замѣтивъ при этомъ, что онъ никогда не проститъ Лудовику-Филиппу происковъ, имѣвшихъ цѣлью «подкопать положеніе государя, подорвать его достоинство какъ русскаго императора», слова, которыя, очевидно относились къ поведенію короля французовъ въ польскомъ дѣлѣ [1]).

Внимательное ознакомленіе съ рѣчами и дѣйствіями французскихъ государственныхъ людей этого времени не подверждаетъ вышеизложенныхъ обвиненій или, вѣрнѣе, доказываетъ, что если въ вопросахъ какъ Польскомъ такъ и Восточномъ, политика Лудовика-Филиппа и принимала иногда противное Россіи направленіе, то виною тому была нескрываемая враждебность къ Франціи самого русскаго двора, да интриги нашихъ ближайшихъ союзниковъ, пруссаковъ и австрійцевъ. Въ сущности же взгляды руководителей судебъ Франціи на Польшу и на Востокъ гораздо ближе подходили къ традиціоннымъ воззрѣніямъ Россіи на тѣ же предметы, чѣмъ даже мнѣнія дворовъ вѣнскаго или берлинскаго.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ первое полугодіе царствованія Лудовика-Филиппа, вызванное революціею сильное броженіе въ народныхъ массахъ отразилось и на дѣятельности правительства. Глава перваго министерства короля французовъ, Лафитъ, по политическимъ убѣжденіямъ принадлежалъ къ лѣвой сторонѣ палаты, заискивалъ въ общественномъ мнѣніи и нерѣдко подчинялся ему. А оно требовало перенесенія на внѣшнюю политику революціонныхъ пріемовъ, создавшихъ іюльскую монархію, оказанія поддержки всѣмъ народамъ, возставшимъ противъ своихъ правительствъ. Подъ вліяніемъ такихъ внушеній и въ неизвѣстности о томъ, какъ отнесется монархическая Европа къ совершившейся во Франціи перемѣнѣ, первый министръ держалъ въ палатахъ воинственныя, вызывающія рѣчи. «Мы ведемъ переговоры», восклицалъ онъ, «но въ то же время и вооружаемся. Въ непродолжительный срокъ мы будемъ имѣть, не считая гарнизоновъ нашихъ крѣпостей, находящихся въ прекрасномъ оборонительномъ положеніи, — мы будемъ имѣть подъ ружьемъ 500,000 человѣкъ хорошо орга-

[1]) О бесѣдахъ императора Николая съ англійскими министрами см. выше, стр. 34—39.

низованныхъ и предводимыхъ войскъ. Милліонъ національныхъ гвардейцевъ поддерживаетъ армію, и король готовъ самъ стать во главѣ нашихъ вооруженныхъ силъ. Когда окажется нужнымъ, мы двинемся, сильные сознаніемъ нашего права и крѣпостью нашихъ принциповъ. И если, въ виду трехцвѣтнаго знамени, разразятся грозы и окажутъ намъ помощь, то не мы будемъ отвѣтственны за это предъ цѣлымъ міромъ» [1]). Какъ видно, угроза въ устахъ Лафита не шла далѣе увѣренія, что Франція не отступитъ предъ вызовомъ. Но, указывая на народныя движенія, которыя можетъ вызвать война, онъ едва-ли имѣлъ въ виду поляковъ. Скорѣе слова его относились къ волненіямъ, уже проявившимся въ сопредѣльныхъ съ Франціею странахъ: въ Бельгіи, въ Германіи, въ Италіи. Произнося рѣчь свою 19 ноября (1 декабря) 1830 года, Лафитъ не могъ еще знать о мятежѣ, вспыхнувшемъ въ Варшавѣ въ ночь съ 17 (29) на 18 (30) ноября, т. е. какъ разъ наканунѣ.

Что угроза не относилась къ Россіи, явствуетъ изъ крайней предупредительности, обнаруженной Лудовикомъ-Филиппомъ по отношенію къ императору Николаю. Письмо короля къ государю, извѣщавшее о воцареніи, какъ мы видѣли, составлено было въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ и искало извинить необходимостью іюльскую революцію и воздвигнутый ею престолъ. Достаточно было одного намека на согласіе русскаго двора возобновить дипломатическія сношенія съ Франціею, чтобы побудить парижскій кабинетъ не только сдѣлать первый оффиціальный шагъ, но и назначить посломъ въ Петербургъ дипломата, указаннаго ему нашимъ представителемъ. Какъ ни оскорбительна была лично для Лудовика-Филиппа замѣна не только въ отвѣтномъ письмѣ императора Николая, но и въ русской вѣрительной грамотѣ словъ «государь братъ», обращеніемъ «великій и дорогой другъ», король снесъ обиду терпѣливо и въ молчаніи. Если въ инструкціи герцогу Мортемару и было включено порученіе предстательствовать предъ императоромъ за его мятежныхъ польскихъ подданныхъ, то отнюдь не въ видѣ требованія, а только воззванія къ великодушію и милосердію его величества. Конечно, мѣра эта была безтактна, потому что задѣвала за живое законную щекотливость государя, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ Парижѣ не отдали себѣ

[1]) Рѣчь, произнесенная Лафитомъ въ засѣданіи французской палаты депутатовъ, 19 ноября (1 декабря) 1830.

въ томъ яснаго отчета, и искали лишь согласовать весьма искреннее желаніе возстановить прерванную іюльскими событіями дружественную связь съ Россіей съ требованіями общественнаго мнѣнія, шумно высказывавшагося въ пользу поляковъ и ихъ несбыточныхъ притязаній.

Вскорѣ министерская перемѣна, совершившаяся во Франціи, измѣнила окончательно характеръ внѣшней политики парижскаго кабинета. Въ мартѣ 1831 года, искренно расположенный въ пользу мира король удалилъ слишкомъ увлекавшагося Лафита и на мѣсто его назначилъ предсѣдателемъ совѣта министровъ энергичнаго консерватора, Казиміра Перье. Новый первый министръ гласно и торжественно отрекся отъ всякихъ связей съ революціею, какъ внутри страны, такъ и внѣ ея. Прекращены были пособія, выдававшіяся водвореннымъ во Франціи политическимъ выходцамъ всѣхъ странъ; возстанія въ Германіи, Италіи, Польшѣ—предоставлены собственной участи. Парижскій кабинетъ подтвердилъ всѣмъ иностраннымъ дворамъ твердую рѣшимость свою воздерживаться отъ вмѣшательства въ дѣла сосѣднихъ странъ, приглашая и ихъ приступить къ началу невмѣшательства и къ одновременному всеобщему разоруженію. Если, въ іюнѣ того же года, французскій посолъ въ Лондонѣ предложилъ сентъ-джемскому кабинету совмѣстно съ Франціею выступить посредникомъ между русскимъ императоромъ и польскими мятежниками, то предложеніе это ничего не имѣло общаго съ революціонною пропагандой и было вызвано чисто политическими причинами: все болѣе и болѣе обнаруживавшеюся завзятою враждебностью Россіи къ порядку, установленному во Франціи іюльскою революціею; поддержкою, обѣщанною ею Австріи въ ея пререканіяхъ съ Франціей по итальянскимъ дѣламъ, и т. п. Французское предложеніе не было принято Пальмерстономъ, основательно возразившимъ, что словесныя представленія въ пользу поляковъ будутъ несомнѣнно отвергнуты въ Петербургѣ, дѣятельное же вмѣшательство въ русско-польскую борьбу не оправдывается-де интересами Англіи. При этомъ благородный лордъ утверждалъ, что и радъ бы былъ помочь полякамъ, но никакъ не нарушая «долга совѣсти передъ Россіею» [1]).

Вѣсть о взятіи Варшавы поразила Парижъ ужасомъ и скорбью. Французы поняли, что она предвѣщала конецъ воз-

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Гренвилю, 1 (13) мая 1831.

станія. Всѣ театры были закрыты, столица Франціи погрузилась въ глубокій трауръ. Проснулись и мятежныя страсти въ въ нѣкоторыхъ частяхъ и предмѣстьяхъ города. Образовались шайки, грабившія оружейныя лавки, пытавшіяся приступить къ постройкѣ баррикадъ. Возбужденіе распространилось и на палату депутатовъ, такъ недавно еще заявившую въ адресѣ королю «что польская національность не погибнетъ»; обвиненія и нападки посыпались на правительство; послѣдовали страстные запросы со стороны членовъ оппозиціи. Но министерство оставалось чуждо всѣмъ этимъ демонстраціямъ. «Порядокъ господствуетъ въ Варшавѣ»! таковы были слова, коими министръ иностранныхъ дѣлъ объявилъ палатѣ объ усмиреніи мятежа.

Въ возгорѣвшихся по этому случаю преніяхъ Тьеръ, только-что вступившій на политическое поприщѣ, произнесъ одну изъ самыхъ убѣдительныхъ и блестящихъ своихъ рѣчей. Онъ не былъ еще министромъ, а просто независимымъ депутатомъ, сторонникомъ правительственной партіи, но рѣчь его о Польшѣ безспорно заслуживаетъ вниманія, какъ выраженіе взгляда, общаго большинству государственныхъ людей іюльской монархіи на будущее этой страны и на дальнѣйшія отношенія къ ней Франціи.

Тьеръ напомнилъ въ началѣ, что французское правительство болѣе года предупреждало о рѣшимости своей не давать полякамъ военной помощи. Можно ли послѣ того ставить ему въ вину взятіе Варшавы? Сочувствіе французовъ къ Польшѣ понятно и законно. Нельзя не питать уваженія къ народу, нѣкогда оказавшему Европѣ столько услугъ. Но въ политикѣ чувство никогда не должно брать верхъ надъ разумомъ. Единственный стимулъ разумныхъ политическихъ рѣшеній—государственная польза.

Польша принимала участіе во всѣхъ войнахъ Сѣвера и постоянно несчастливо. Европа всегда была благопріятно расположена къ Польшѣ и ничего не могла сдѣлать въ ея пользу. Какія же тому причины: немощь или нерадѣніе?

По самому своему географическому положенію Польша рѣзко отличалась отъ сосѣднихъ государствъ, съ твердо опредѣленными границами. Она не имѣла горъ, которыя могли бы служить ей защитою; величественная рѣка, ее пересѣкающая, течетъ посреди ея территоріи, а не окаймляетъ ее. Никогда не

имѣла она правильно организованнаго правительства, ни средняго сословія, ни промышленности, ни достатка. При такихъ условіяхъ она не была способна принимать участіе въ международной жизни Европы. Участіе это выражалось съ ея стороны лишь въ великодушныхъ порывахъ. То она служила полемъ битвы для прочихъ державъ Сѣвера, то полемъ для ихъ интригъ. Но она выбирала своихъ государей. Послѣдняго короля приняла она изъ рукъ Екатерины и этимъ подготовила свое паденіе.

Разсказавъ исторію перваго раздѣла, первоначальная мысль котораго принадлежитъ Фридриху II и на который поспѣшилъ согласиться Кауницъ, Тьеръ пришелъ къ заключенію, что, по мнѣнію двухъ величайшихъ политиковъ прошлаго вѣка, Европа болѣе защищена отъ Россіи предоставленіемъ Пруссіи береговъ Вислы, Австріи—устьевъ Дуная, чѣмъ существованіемъ Польши. «Говорятъ», продолжалъ онъ, «что намъ было бы полезно имѣть союзниковъ на Сѣверѣ. Безъ сомнѣнія; но какой политикъ помыслитъ создавать себѣ союзниковъ на разстояніи четырехъ сотъ миль, да еще такого союзника, котораго нужно сперва призвать къ жизни? Я понимаю союзъ съ Бельгіею, съ Швейцаріею; я понимаю, въ иную эпоху, союзъ съ Цисальпійскою республикою; но Наполеонъ, создавъ Цисальпійскую республику, открылъ путь чрезъ Симплонъ, дабы имѣть возможность въ нѣсколько дней подать помощь своимъ союзникамъ. Называютъ Польшу авангардомъ французской арміи. Такъ скажите же: кто тотъ генералъ, который когда-либо поставилъ свой авангардъ въ такомъ дальнемъ разстояніи отъ главныхъ силъ, что не было возможности прійдти ему на помощь?».

Ораторъ напомнилъ о мнѣніи, высказанномъ Наполеономъ въ инструкціи одному изъ своихъ дипломатовъ, что Польша всегда будетъ подчинена вліянію Россіи. Правда, что тотъ же Наполеонъ сказалъ, что возстановитъ Польшу. Уничтоживъ Австрію и Пруссію, онъ считалъ необходимымъ создать между своею имперіею и Россіею промежуточное государство, и такимъ государствомъ должна была быть Польша. Дѣло это онъ считалъ труднымъ, столь труднымъ, что не хотѣлъ оставлять его на долю своего преемника и рѣшился совершить самъ. И что же?

«Здѣсь»,—развивалъ мысль свою Тьеръ,—«я взываю, въ

свою очередь, къ тѣни Наполеона, которую тревожатъ безпрерывно, и спрашиваю его:—Создалъ ли ты Польшу? Или ты не хотѣлъ того, и тогда ты виновенъ, или ты не смогъ; а если тебѣ это было не подъ силу, то чего же требовать отъ насъ? Какъ! Послѣ блестящихъ побѣдъ Аустерлица, Фридланда, Москвы, ты не смогъ создать Польшу? Подобное предпріятіе не могло быть осуществлено въ этотъ блестящій промежутокъ, между 1807 годомъ и 1812-мъ? А мы хотѣли бы взяться за него нынѣ! Спрашиваю у всѣхъ добросовѣстныхъ людей: справедливъ ли этотъ упрекъ? Вернемся къ болѣе отдаленному времени, къ войнамъ революціи. Республика, содержавшая четырнадцать армій на военномъ положеніи, создала ли Польшу? Иду далѣе, господа. Версальскій кабинетъ, характеризовать который я не желаю, создалъ Америку, но онъ не былъ въ состояніи создать Польшу!»

«Значитъ, здѣсь существуетъ непреодолимое затрудненіе. Наполеонъ нѣсколько разъ повторялъ въ той же, уже приведенной мною инструкціи: «Возстановленіе Польши оружіемъ французской имперіи было предпріятіемъ рискованнымъ, опаснымъ, въ которомъ Франція встрѣтила бы равное противодѣйствіе у друзей своихъ и у враговъ». Такъ говорилъ Наполеонъ. Наполеонъ, подчинившій Австрію и Пруссію, видѣлъ въ этомъ затрудненіе. Онъ сказалъ, что отошелъ отъ Тильзита, не создавъ Польши, потому что армія его устала, что онъ находился слишкомъ далеко отъ Франціи, что опасался голода, и что нельзя было долго сражаться съ русскимъ колоссомъ, имѣя позади себя Австрію съ Пруссіею. Наполеонъ разсчитывалъ. Правда, что намъ говорятъ, что не задаются такими замыслами. Въ такомъ случаѣ я спрошу: чего же вы хотите, если не хотите создать Польшу? Ужъ если что создавать, такъ Польшу, но вы видите, какъ это трудно».

Перейдя за тѣмъ къ средствамъ воздѣйствія на Россію, предложеннымъ членами оппозиціи, Тьеръ безъ труда доказалъ полную ихъ несостоятельность. Послать флотъ на помощь повстанцамъ было бы не только равносильно объявленію войны Россіи, но, вѣроятно, повлекло бы вмѣшательство Австріи и Пруссіи въ дѣло усмиренія возстанія. Оказать имъ денежную помощь было также невозможно, ибо какимъ путемъ доставить нѣсколько милліоновъ золота въ Варшаву, иначе какъ пройдя сквозь всю русскую армію. Нельзя было также запретить

Пруссіи продавать русскимъ оружіе и снаряды. Что же оставалось дѣлать? Дипломатическое заступничество? Къ нему Франція пыталась прибѣгать дважды. Въ первый разъ ей отвѣчали: «Польша—русская область, мы имѣемъ право усмирить ее. Что сказали бы вы, если бы въ случаѣ возмущенія одной изъ вашихъ областей, вы принялись за ея усмиреніе и вамъ захотѣли бы въ томъ воспрепятствовать?.. Начало невмѣшательства или ложно, или истинно: если оно истинно, то одинаково примѣнимо къ намъ, какъ и къ вамъ». Во второй разъ Франція предложила Англіи совмѣстно вступиться за поляковъ. Англія отвѣчала, что не можетъ подвергнуть опасности свои торговые интересы въ Россіи и что, впрочемъ, посредничество не приведетъ ни къ чему.

На возраженіе, что слѣдовало бы распространить дѣйствіе лондонской конференціи на Польшу и цѣною уступокъ въ Бельгіи купить такія же уступки въ Польшѣ, Тьеръ далъ слѣдующій отвѣтъ, обличающій въ немъ тонкое чутье прирожденнаго дипломата: «Ежели бы»,—сказалъ онъ,—«три державы, Англія, Россія, Австрія, имѣли въ трехъ вопросахъ бельгійскомъ, польскомъ и итальянскомъ общій и равномѣрный интересъ, то можно было бы обмѣняться уступками. Франція, уступая въ Бельгіи, могла бы достигнуть уступки себѣ въ Польшѣ и въ Италіи. Но ничего подобнаго не было; у Англіи былъ полный и исключительный интересъ въ Бельгіи; у Россіи—полный и исключительный интересъ въ Польшѣ; у Австріи—полный и исключительный интересъ въ Италіи. Положимъ, мы сказали бы Россіи: заплатите намъ за наши уступки въ Бельгіи; Россія отвѣчала бы намъ: пусть платитъ вамъ Англія за то, что вы сдѣлали для нея въ Бельгіи; моя собственность не должна служить уплатою за выгоды, предоставленныя Англіи. То же бы сказала и Австрія. Итакъ, предлагаемое средство—невозможно».

Смыслъ этой рѣчи знаменателенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ нельзя болѣе ясенъ: Орлеанская Франція навсегда отрекалась отъ Польши, признавая ее русскою областью. Можно ли сказать то же про двухъ соучастницъ нашихъ въ раздѣлѣ, Австрію и Пруссію? Не лелѣютъ ли и до сихъ поръ въ Вѣнѣ мечту о возстановленіи королевства Ягеллоновъ подъ скипетромъ Габсбурговъ? Забыли ли въ Берлинѣ, что до Тильзитскаго мира большая часть нынѣшняго Царства Польскаго име-

новалась южною Пруссіею, а Варшава была прусскимъ городомъ?

Еще менѣе, чѣмъ въ Польскомъ вопросѣ, расходилась политика Франціи съ нашею въ вопросѣ Восточномъ.

Первая изъ великихъ державъ Запада, Франція, извѣрилась въ долговѣчности Оттоманской имперіи, и въ согласіи съ нами протянула искреннюю руку помощи стремившейся къ освобожденію Элладѣ. Тѣ же побужденія руководили ею въ поддержкѣ, оказанной Мегметъ-Али-пашѣ египетскому и его попыткамъ основать на рубежѣ Африки и Азіи сильное арабское царство. Взглядъ французскихъ государственныхъ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ на будущность Востока весьма близко подходилъ къ воззрѣніямъ на тотъ же предметъ императора Николая, рѣзко отличаясь отъ мнѣній, господствовавшихъ въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ. Но между Петербургомъ и Парижемъ не существовало прямого обмѣна мыслей, и въ результатѣ получилось, что какъ Россія, такъ и Франція, вполнѣ подчинились въ Восточномъ вопросѣ давленію своихъ ближайшихъ союзниковъ и поплатились за это собственными интересами въ Левантѣ. На Востокѣ, какъ и на Западѣ, и Англію, и обѣ нѣмецкія державы постоянно тревожилъ призракъ сближенія Россіи съ Франціею. Не даромъ писалъ Пальмерстонъ въ 1838 году: «Не слѣдуетъ забывать, что величайшую опасность для Европы представляетъ возможность соглашенія между Франціей и Россіей, которое хотя и встрѣчаетъ въ настоящее время препятствіе въ личныхъ чувствахъ императора, но не всегда будетъ также невозможно, какъ нынѣ; а потому хорошо было бы установить политику Франціи въ дѣлахъ Востока на надлежащій путь, пока еще мы имѣемъ къ тому возможность» [1].

Задачу эту мы сами облегчали англичанамъ упорнымъ отстраненіемъ Франціи отъ участія въ нашихъ собственныхъ политическихъ мѣрахъ. Когда въ 1833 году между султаномъ и его притязательнымъ вассаломъ, египетскимъ пашою, возгорѣлась кровопролитная борьба, императорскій кабинетъ, отправляя генерала Муравьева въ Александрію, сообщилъ данныя ему инструкціи всѣмъ дворамъ, за исключеніемъ парижскаго. Въ свою очередь, Франція предложила великимъ державамъ условиться о вмѣшательствѣ въ турецко-египетскую распрю съ устране-

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Греввилю, 27 мая (8 іюня) 1838.

ніемъ изъ него Россіи. Пока черноморскій нашъ флотъ занималъ Босфоръ, а русскій вспомогательный отрядъ располагался на азіатскомъ берегу противъ Царьграда для защиты турецкой столицы, французская дипломатія успѣла доставить своему кліенту Мегметъ-Али выгодный и почетный миръ, убѣдивъ Порту уступить пашѣ не только всю Сирію и Палестину, но и Таврскіе перевалы съ Аданскою областью, ключъ Малой Азіи. Ункіаръ-Искелесскій договоръ возстановилъ перевѣсъ въ нашу пользу и вызвалъ страстный и даже не совсѣмъ пристойный протестъ со стороны морскихъ державъ, на который мы отвѣчали въ одинаково рѣзкихъ выраженіяхъ [1]).

Но русскій отвѣтъ не дошелъ еще до свѣдѣнія французскаго правительства, какъ оно уже начало помышлять о примиреніи съ нами. Доказательствомъ тому служитъ пространная инструкція, преподанная герцогомъ Брольи, министромъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Сульта, маршалу Мезону, при назначеніи его осенью 1833 года посломъ въ Петербургъ.

Замѣчательный этотъ документъ начинается изложеніемъ отношеній, существовавшихъ между Россіею и Франціею въ эпоху Реставраціи. До 1830 года обѣ страны были соединены узами тѣснаго союза, который, казалось, долженъ былъ съ каждымъ днемъ утверждаться все болѣе и болѣе. Основаніемъ этому союзу служила общность интересовъ обоихъ государствъ, то обстоятельство, что у нихъ были одни и тѣ же противники и никакихъ поводовъ къ несогласію или соперничеству. Всѣ усилія Австріи расторгнуть это единеніе оказались тщетными при Александрѣ I и, въ особенности, со времени вступленія на престолъ императора Николая. Въ продолженіе турецкой войны Франція имѣла случай отплатить Россіи за оказанныя ей услуги, что могло лишь содѣйствовать силѣ и прочности ихъ союза, который, какъ справедливо замѣчаетъ герцогъ Брольи, долженъ непремѣнно быть основанъ на полной равноправности двухъ перворазрядныхъ государствъ. Къ сожалѣнію, іюльская революція совершенно измѣнила это положеніе. Съ одной стороны, она возбудила въ Бельгіи и въ Польшѣ вопросы, въ которыхъ сочувствія и интересы русскаго двора пришли въ столкновеніе съ французскими; съ другой—она вызвала между обѣими морскими державами сближеніе, которое одно уже дол-

---

[1]) См. объ этомъ эпизодѣ главу VI моей книги: «*Внѣшняя политика императора Николая*», стр. 342—384.

жно было видоизмѣнить характеръ отношеній Франціи къ Россіи. Сверхъ того, революція 1830 года являлась реакціею противъ духа договоровъ 1815 года и Священнаго Союза, т. е. противъ системы, доставившей Россіи въ продолженіе десяти лѣтъ роль европейской диктатуры, что, естественно, задѣвало самолюбіе русскаго двора и возбуждало его неудовольствіе на установившійся во Франціи порядокъ.

Слѣдовали жалобы на обращеніе императора съ королемъ и въ частности на усвоенную имъ привычку осыпать французскихъ представителей въ Петербургѣ ласками и любезностями, но въ то же время ни единымъ словомъ не упоминать объ ихъ дипломатическомъ характерѣ, иначе говоря, не произносить въ бѣсѣдахъ съ ними имени Лудовика-Филиппа. Брольи выражалъ надежду, что этого не повторится съ маршаломъ Мезономъ, но на всякій случай предписывалъ ему, если государь не измѣнитъ своихъ обычныхъ пріемовъ, избѣгать прямыхъ съ нимъ сношеній и ограничиться дѣловымъ общеніемъ съ вице-канцлеромъ. Предвидѣлось даже, что императоръ Николай можетъ поддаться увлеченію и, перешагнувъ за предѣлы сдержанности и холодности, высказаться предъ посломъ въ выраженіяхъ оскорбительныхъ для короля или его правительства. Въ такомъ случаѣ, маршалу вмѣнялось въ обязанность, не дожидаясь отозванія, тотчасъ потребовать свои паспорты и уѣхать изъ Петербурга, ввѣривъ управленіе посольствомъ повѣренному въ дѣлахъ.

Затѣмъ, французскій министръ переходилъ къ изложенію взглядовъ парижскаго двора на современныя отношенія Россіи и Франціи.

«Въ послѣднее время», писалъ онъ, «дипломатія обоихъ кабинетовъ имѣла мало прямыхъ сношеній. При данномъ настроеніи умовъ, было бы слишкомъ трудно прійдти къ соглашенію. Различныя случайности голландско-бельгійскаго дѣла обсуждались черезъ посредство Пруссіи и Австріи, союзницъ Россіи, но болѣе ея умѣренныхъ и спокойныхъ. Что же касается до греческаго вопроса, ставшаго вполнѣ второстепеннымъ со времени іюльской революціи, и въ который по причинѣ своихъ антецедентовъ, кабинеты вѣнскій и берлинскій не имѣли возможности вступаться, то ходъ его былъ, нѣкоторымъ образомъ, предоставленъ случаю. Франція и Россія, не вступая ни въ соглашеніе, ни въ объясненія между собою, не переста-

вали стараться направить его, каждая въ смыслѣ собственной политики. То же самое повторялось, тѣмъ болѣе, въ такихъ вопросахъ, въ которыхъ оба двора не были естественно призваны дѣйствовать сообща или одновременно. Было бы желательно, чтобы до тѣхъ поръ, пока болѣе примирительное расположеніе не замѣнитъ раздраженія с.-петербургскаго кабинета, обѣ державы продолжали воздерживаться отъ всякаго непосредственнаго соприкосновенія, которое слишкомъ легко пробудило бы горячность, едва успѣвшую успокоиться; но для этого нужно, чтобы никакое важное событіе не привело въ столкновеніе ихъ существенные интересы и щекотливость ихъ національнаго самолюбія»

Слова эти служили какъ бы извиненіемъ враждебнаго Россіи положенія, принятаго Франціею въ Восточномъ вопросѣ. Турецко-египетская распря и исходъ ея излагались съ французской точки зрѣнія. Россія упрекалась въ томъ, что, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ султана, она-де пожелала «преобразить въ родъ сюзеренства и протектората то преобладаніе, которымъ уже пользовалась въ Константинополѣ». Подъ этимъ разумѣлось не столько появленіе нашего флота и десанта въ Босфорѣ для оказанія помощи султану, сколько Ункіаръ-Искелесскій договоръ, обязывавшій Порту «стать врагомъ всѣхъ враговъ Россіи», и закрыть Дарданеллы для иностранныхъ флаговъ, каждый разъ, когда Россія будетъ въ войнѣ.

«Не станемъ преувеличивать, господинъ маршалъ»,—продолжала депеша,—«значеніе подобныхъ обязательствъ, подписанныхъ при такихъ обстоятельствахъ; мы признаемъ, что по существу они не много измѣняютъ порядокъ вещей, существовавшій фактически до послѣднихъ событій. Но что кажется намъ очевиднымъ, такъ это желаніе с.-петербургскаго кабинета, предъ лицомъ Европы, открыто провозгласить, возвести на степень начала народнаго права свое исключительное, безпримѣрное преобладаніе въ дѣлахъ Оттоманской имперіи. Этимъ вызывающимъ поступкомъ, неизбѣжныя послѣдствія коего, онъ, какъ мы надѣемся, не расчиталъ и самъ, онъ вынудилъ насъ выйдти изъ положенія сдержанности, въ которомъ мы, въ видахъ примирительныхъ, соглашались оставаться до сихъ поръ».

Такъ оправдывалъ парижскій кабинетъ свой совмѣстный съ Англіею протестъ противъ Ункіаръ-Искелесскаго договора, и

*

тотчасъ же старался ослабить его значеніе, уполномочивая своего посла въ Петербургѣ заявить, что въ намѣреніе его не входило «оторвать у Россіи высокое вліяніе, принадлежащее ей въ дѣлахъ Порты и истекающее изъ силы обстоятельствъ», а только не допускать до пользованія этимъ вліяніемъ въ ущербъ прочихъ державъ.

«Какъ ни важенъ и какъ ни труденъ Восточный вопросъ», писалъ далѣе герцогъ Брольи, «онъ все же не самый щекотливый изъ тѣхъ вопросовъ, которые въ послѣдніе три года возникли между Франціею и Россіею. Вопросъ о Польшѣ гораздо болѣе содѣйствовалъ ихъ несогласіямъ, раздраженію противъ насъ императора Николая. Не стану излагать вамъ его печальныхъ подробностей. Вамъ извѣстна сдержанность, которую мы никогда не переставали вносить въ дѣло, къ коему не могли относиться равнодушно. Пока длилась борьба, сдержанность эта естественно внушалась намъ обѣщаніями умѣренности и милосердія, полученными герцогомъ Мортемаромъ. Со времени паденія Варшавы, съ тѣхъ поръ, какъ роковой опытъ вынудилъ насъ признать, что вмѣшательство наше въ пользу несчастныхъ поляковъ только раздражало гнѣвъ непреклоннаго побѣдителя, мы пришли къ убѣжденію, что долгъ человѣколюбія предписывалъ намъ въ настоящую минуту молчаніе, конечно, весьма тягостное. Мы продолжали бы соблюдать его, если бы с.-петербургскій кабинетъ не возымѣлъ нѣсколько времени назадъ злополучнаго намѣренія обнародовать въ своей оффиціальной газетѣ статью, цѣлью которой было представить существованіе Польши внѣ условій общей политики, и подчиненнымъ единственно волѣ Россіи. Не возстать противъ такого утвержденія значило бы признать его за нашъ счетъ. Мы обязаны были возражать на него въ полу-оффиціальномъ изданіи, неопровержимые доводы коего вы можете развить въ томъ, весьма, впрочемъ, мало вѣроятномъ случаѣ, если бы начали съ вами этотъ споръ».

Заключеніе инструкціи было посвящено вопросу о будущихъ отношеніяхъ Франціи къ Россіи:

«Не отрицая выгодъ, которыя въ иную эпоху представлялъ намъ тѣсный союзъ съ с.-петербургскимъ кабинетомъ, мы вполнѣ понимаемъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ не только невозможно возстановить его, но было бы съ нашей стороны опаснымъ ослѣпленіемъ подавать видъ, что мы его желаемъ и

открыто направлять къ этой цѣли комбинаціи нашей политики. Неодолимыя препятствія противятся нынѣ интимному соглашенію, которое, къ тому же, было бы безцѣльно, такъ какъ направленіе обоихъ кабинетовъ не представляетъ ничего общаго. Но такъ какъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, могутъ возникнуть вопросы, условиться и согласиться въ которыхъ было бы равно полезно для Франціи и для Россіи, то мы должны, безъ афектаціи, не дѣлая авансовъ, которыя, быть можетъ, стали бы пытаться обратить въ преимущество противъ насъ, мы должны стремиться къ тому, чтобы поставить себя предъ русскимъ правительствомъ въ отношенія благосклонныя, хотя бы по внѣшности, въ отношенія, которыя если и не всегда приводятъ къ полному примиренію, то, — разъ таковое должно состояться, — неминуемо предшествуютъ ему. Почти на такой ногѣ стоимъ мы съ Пруссіею и съ Австріею. Единственно чего мы можемъ желать нынѣ—это достигнуть до того же по отношенію къ Россіи и таковъ результатъ, достиженіе коего правительство короля поручаетъ вашему просвѣщенному усердію» [1]).

Ознакомясь съ этою инструкціею, нельзя, кажется, сомнѣваться въ искренности желанія короля Лудовика-Филиппа и его совѣтниковъ улучшить свои отношенія къ Россіи. Для Франціи это было тѣмъ бо́льшею необходимостью, что дружба ея съ Англіею ослабѣвала съ каждымъ днемъ и, мало по малу, переходила въ тайную вражду. Естественная противуположность интересовъ обѣихъ морскихъ державъ проявлялась всюду, въ Испаніи и въ Португаліи, въ Турціи и въ Греціи, на сушѣ и на моряхъ. Графъ Моле, ставшій во главѣ французскаго министерства во второй половинѣ 1836 года, не скрывалъ своихъ предпочтеній къ дворамъ материка, и этимъ возбуждалъ гнѣвъ Пальмерстона, пугавшаго Францію тѣмъ, что она-де потеряетъ весь свой кредитъ у либеральной партіи въ Европѣ и все же незаслужитъ благоволенія людей Священнаго Союза [2]). Въ этомъ Пальмерстонъ ошибался. Въ Вѣнѣ и Берлинѣ очень хорошо отнеслись къ стараніямъ Моле и даже императоръ Николай отзывался впослѣдствіи, что считаетъ его самымъ честнымъ человѣкомъ во Франціи. Французскіе послы, Мезонъ и

---

[1]) Герцогъ Брольи маркизу Мезону, 16 (28) октября 1833.
[2]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Гренвилю, 8 (20) сентября 1836.

преемникъ его Барантъ, были прекрасно приняты при нашемъ дворѣ, въ особенности послѣдній. Государь и императрица даже удостоили своимъ посѣщеніемъ одинъ изъ его баловъ. Предупредительный пріемъ былъ оказанъ двумъ сыновьямъ Лудовика-Филиппа, при посѣщеніи ими дворовъ берлинскаго и вѣнскаго и, если вѣрить Гизо, то императоръ Николай выразилъ даже сожалѣніе, что они не продолжали своего путешествія до его столицы. Въ одномъ государь оставался непреклоненъ: во взглядѣ своемъ на неравноправность орлеанской династіи сравнительно съ прочими царствующими домами въ Европѣ. Онъ строго осудилъ готовившійся бракъ наслѣдника французскаго престола съ принцессою Мекленбургъ-Шверинскою и порицалъ своего тестя, короля Фридриха-Вильгельма прусскаго, за участіе, принятое послѣднимъ въ переговорахъ, приведшихъ къ этому браку [1]).

Новыя замѣшательства на Востокѣ вскорѣ придали отношеніямъ Россіи къ Франціи прежній, болѣе чѣмъ когда либо враждебный оборотъ.

Подробное изложеніе второго турецко-египетскаго спора, разыгравшагося въ періодъ времени между 1838 и 1841 годами, завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Мы предполагаемъ его достаточно извѣстнымъ и ограничимся здѣсь указаніемъ на то странное положеніе, въ которое стали другъ къ другу Россія и Франція и неисчислимыя для обѣихъ послѣдствія недоразумѣнія, причиненныя столько же ихъ собственнымъ ослѣпленіемъ, сколько и происками прочихъ державъ.

Выше мы привели рѣчь, въ которой, вскорѣ послѣ паденія Варшавы, Тьеръ высказалъ трезвое мнѣніе о польскомъ вопросѣ, установившееся во французскихъ правительственныхъ кругахъ. Такое же значеніе имѣетъ для вопроса Восточнаго рѣчь, произнесенная въ палатѣ депутатовъ, другимъ выдающимся дѣятелемъ іюльской монархіи, Гизо, при самомъ началѣ пререканій, возобновившихся между султаномъ и пашою египетскимъ. Въ ней Гизо развилъ слѣдующія положенія: Какъ ни желательно было бы въ видахъ европейскаго равновѣсія поддержаніе цѣлости Оттоманской имперіи, нельзя отрицать, что независимо отъ внѣшнихъ толчковъ, въ средѣ ея проис-

---

[1]) Guizot, *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps* IV, стр. 26—31. Намеки Гизо на предположеніе выдать великую княжну Марію Николаевну за герцога Орлеанскаго лишены всякаго основанія.

ходитъ медленный, но безпрерывный процессъ внутренняго разложенія. Искать искусственно поддержать ея существованіе невозможно, поэтому нужно благопріятствовать, способствовать, содѣйствовать естественному и послѣдовательному отдѣленію отъ нея ея составныхъ частей, отпадающихъ сами собою, какъ камни отъ ветхаго зданія. Желательно, чтобы части эти не доставались сосѣдямъ, а образовывали новыя, вполнѣ самостоятельныя государства, предназначенныя занять мѣсто Оттоманской имперіи въ системѣ равновѣсія Европы. Такова-де должна быть и есть политика Франціи въ Восточномъ вопросѣ [1]).

Сопоставляя ее съ политикою, которой придерживались въ томъ же вопросѣ Австрія и Англія, требовавшія безусловно и во что бы то ни стало поддержанія расшатаннаго государственнаго зданія Порты, спрашиваемъ: къ воззрѣніямъ которой изъ этихъ трехъ державъ наиболѣе подходила традиціонная политика России на Востокѣ? И не смотря на то, что Россія и Франція были въ сущности одного и того же мнѣнія, что подобно мыслямъ ихъ и взаимные ихъ интересы вполнѣ совпадали въ Левантѣ, онѣ очутились даже не въ двухъ противуположныхъ лагеряхъ, а каждая въ свою очередь стала во главѣ европейской коалиціи, направленной сперва противъ Россіи, а затѣмъ и противъ Франціи.

Пальмерстонъ и Меттернихъ ловко воспользовались тѣмъ, что сношеній между дворами петербургскимъ и парижскимъ «какъ бы вовсе не существовало». Сначала австрійскій канцлеръ подзадорилъ Францію взять на себя починъ въ проведеніи обще-европейскаго ручательства за цѣлость и независимость Порты, мѣры явно направленной противъ Россіи и противорѣчившей всѣмъ преданіямъ ея политики. Затѣмъ Пальмерстонъ, рядомъ искусныхъ маневровъ, заставилъ Россію принять на себя отвѣтственность за исключеніе Франціи изъ такого же обще-европейскаго соглашенія, лишавшаго Мегметъ-Али областей, уступленныхъ ему султаномъ за семь лѣтъ передъ тѣмъ. За мимолетное удовольствіе видѣть Францію устраненною изъ «европейскаго концерта», Россія заплатила отказомъ отъ правъ, предоставленныхъ ей въ Турціи Ункіаръ-Искелесскимъ договоромъ и признаніемъ законности совокупнаго вмѣшательства великихъ державъ въ политическія отношенія

[1]) Рѣчь, произнесенная Гизо во французской палатѣ депутатовъ, 20 іюня (2 іюля) 1839.

Оттоманской имперіи. А какъ только эта цѣль была достигнута, Франція снова была введенна въ «концертъ» и приложила свою подпись къ акту, запечатлѣвшему всѣ вышеизложенные результаты.

Послѣдствіемъ было, что Франція надолго и окончательно разсорилась съ Россіей и, такимъ образомъ, Англія и Франція не имѣли болѣе повода опасаться, чтобы Восточный вопросъ былъ когда либо разрѣшенъ путемъ частнаго соглашенія двухъ первыхъ державъ, при чемъ, какъ выражался лордъ Пальмерстонъ, «Египетъ съ Сиріей и Аравіей впалъ бы въ зависимость отъ Франціи, а Европейская Турція съ Малою Азіей обратилась бы въ сателлита Россіи» [1]). Лондонскія конвенціи 1840—41 годовъ рѣшили участь и самой іюльской монархіи, которая должна была пасть, коль скоро ей приходилось навсегда отказаться отъ примиренія съ Россіей и отъ русской поддержки. Въ нихъ же заключался зародышъ событій, которыя привели и насъ и Европу къ Севастопольской войнѣ, совершенно видоизмѣнившей въ ущербъ намъ вѣковое, историческое положеніе Россіи на Востокѣ [2]).

V

Ссора.

Охлажденіе отношеній между Россіею и Франціею. — Министерство Гизо. — Замѣна Поццо-ди-Борго графомъ Паленомъ. — Отъѣздъ Палена въ отпускъ. — Запрещеніе чинамъ французскаго посольства въ Петербургѣ присутствовать на пріемѣ въ Зимнемъ дворцѣ въ день тезоименитства русскаго императора. — Послѣдствія этой мѣры. — Исключеніе французскихъ дипломатовъ изъ петербургскихъ гостиныхъ. — Толкованія Гизо. — Смерть герцога Орлеанскаго. — Депеша графа Нессельроде. — Отвѣтъ Гизо.

Явно враждебный Франціи образъ дѣйствій Россіи во время переговоровъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ заключеніе лондонскихъ конвенцій 1840 — 1841 годовъ, произвелъ тяжелое впечатлѣніе на короля Лудовика-Филиппа и его со-

1) Лордъ Пальмерстонъ лорду Мельборну, 23 іюня (5 іюля) 1740.

2) См. объ этомъ мнѣніе Гизо въ письмѣ его къ Н. Д. Киселеву отъ 21 октября (3 ноября) 1854, напечатанное мною въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1888 годъ.

вѣтниковъ. Они были убѣждены, что цѣлью русскаго двора было низверженіе самой іюльской монархіи, а расторженіе англо-французскаго союза—только средствомъ. Мнѣніе это высказалъ самъ король въ довѣрительной бесѣдѣ съ австрійскимъ посломъ. «Другой на моемъ мѣстѣ», — говорилъ онъ графу Аппони,—«отплатилъ бы оскорбленіемъ за оскорбленіе, и вся Франція, повѣрьте мнѣ, рукоплескала бы ему! Я же выносливъ: ignoramus! Таково, вы знаете, правило мое относительно императора Николая» [1]).

Образованное въ концѣ 1840 года министерство подъ номинальнымъ предсѣдательствомъ маршала Сульта, въ дѣйствительности же руководимое Гизо, возобновило въ политикѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней, консервативныя преданія Казиміра Перье и графа Моле, нѣсколько поколебленныя во время кратковременнаго нахожденія у власти Тьера. Въ Турціи оно вступалось за христіанскихъ подданныхъ султана, пытаясь защитить ихъ отъ изувѣрства мусульманъ. Въ Греціи, вопреки извѣстнымъ стремленіямъ лондонскаго кабинета, оно самымъ положительнымъ образомъ высказалось противъ введенія конституціоннаго образа правленія. «Правительство короля»,—писалъ Гизо въ циркулярѣ къ представителямъ Франціи при дворахъ великихъ державъ,—«не только не убѣждено въ выгодахъ такого нововведенія; но оно не видитъ ни во внутренней организаціи Греціи, ни въ обычаяхъ и нравахъ разныхъ классовъ населенія, надлежащихъ условій для подготовленія его успѣха. По мнѣнію нашему, оно рискуетъ быть непонятымъ подданными короля Оттона и стать въ ихъ рукахъ лишь новымъ орудіемъ раздора и безначалія». Усиленіе королевской власти казалось французскому министру цѣлесообразнѣйшимъ средствомъ для улучшенія бѣдственнаго положенія, въ коемъ находилась Эллада [2]).

Такіе взгляды, не только гласно высказываемые, но и настойчиво проводимые въ политикѣ парижскаго двора, казалось, должны были бы содѣйствовать сближенію его съ нашимъ. А между тѣмъ, къ концу 1841 года, отношенія Россіи съ Франціею до того обострились, что едва не привели къ дипломатическому разрыву.

---

[1]) Графъ Аппони князю Меттерниху, 1 (13) мая 1841.
[2]) Циркуляръ Гизо, отъ 27 февраля (11 марта), 1841.

Ближайшимъ поводомъ къ ссорѣ послужило не какое либо разногласіе въ важномъ политическомъ вопросѣ, а простое недоразумѣніе по дѣлу чисто придворному,—лучшее доказательство того, что истинные интересы обоихъ государствъ были тутъ ни при чемъ и только страдали отъ личнаго разлада между ихъ правителями.

По отозваніи графа Поццо-ди-Борго, въ 1834 году, преемникомъ ему въ званіи русскаго посла въ Парижѣ назначенъ былъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ дипломатовъ того времени, графъ Ѳ. П. Паленъ, товарищъ Орлова по подписанію Адріанопольскаго мирнаго договора. Въ концѣ октября 1841 года, онъ получилъ приказаніе отправиться въ отпускъ въ Россію для личнаго представленія государю. Онъ объявилъ о томъ Гизо оффиціальною нотою и откланялся королю. На прощальной аудіенціи Лудовикъ-Филиппъ сказалъ ему: «Я всегда вижу съ удовольствіемъ графа Палена близъ себя, и всегда сожалѣю объ его удаленіи; больше я ничего не имѣю вамъ сказать».

Загадочныя слова эти обличали несвойственное нраву короля раздраженіе. Дѣйствительный смыслъ ихъ былъ тотъ, что въ Парижѣ вообразили, будто желаніе императора Николая видѣть Палена—только благовидный предлогъ, и что отъѣздъ его вызванъ совершенно иной причиной. По заведенному при французскомъ дворѣ порядку, въ новый годъ, дипломатическій корпусъ въ полномъ составѣ являлся въ тюильрійскій дворецъ и старшій изъ пословъ произносилъ отъ имени его поздравительное привѣтствіе. Обязанность эта, обыкновенно, выпадала на долю графа Аппони, но австрійскій посолъ былъ въ отпуску и при пріемѣ 1 января 1842 года замѣнить его приходилось Палену. Въ парижскихъ придворныхъ и дипломатическихъ кругахъ не сомнѣвались, что русскій императоръ передъ самымъ новымъ годомъ вызвалъ изъ Парижа своего представителя, единственно для того, чтобы тотъ не исполнилъ выпадавшей ему на долю церемоніальной обязанности.

Въ это время французскій посолъ, Барантъ, отсутствовалъ изъ Петербурга и посольствомъ завѣдывалъ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, молодой Казиміръ Перье, сынъ умершаго министра. Извѣстивъ его о внезапномъ отъѣздѣ графа Палена и о вызванныхъ этимъ толкахъ, Гизо писалъ ему: «Какъ ни привыкли здѣсь къ страннымъ пріемамъ императора Николая, послѣдній возбудилъ нѣкоторое удивленіе. Въ средѣ

дипломатическаго корпуса, еще болѣе чѣмъ въ публикѣ, удивляются такому ребяческому упорству выраженія тщетнаго неудовольствія, и если бы мы могли почувствовать себя оскорбленными, то произведенное имъ впечатлѣніе послужило бы намъ достаточнымъ удовлетвореніемъ. Намъ подобаетъ лишь одинъ отвѣтъ: въ день св. Николая, французское посольство не выйдетъ изъ своего дома. Вамъ не нужно приводить никакой серіозной причины въ объясненіе столь необычайной воздержанности. Вы ограничитесь тѣмъ, что отвѣчая на приглашеніе, которое, согласно обычаю, вѣроятно, получите отъ графа Нессельроде, сошлетесь на нездоровье». Въ особой припискѣ министръ предписывалъ не разглашать заранѣе полученнаго приказанія и тщательно избѣгать до дня тезоименитства государя малѣйшаго ухудшенія дѣловыхъ сношеній посольства съ императорскимъ кабинетомъ [1]). Недѣлю спустя, Гизо пригласилъ Перье, тотчасъ же отправить въ Парижъ курьера съ донесеніемъ о происшествіи, а въ русскій новый годъ, по обыкновенію явиться на пріемъ въ Зимнемъ дворцѣ [2]).

Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ точности исполнилъ предписаніе своего начальника. Сказавшись больнымъ, онъ не присутствовалъ ни на выходѣ 6 (18) декабря, ни на придворномъ балѣ, данномъ 7 (19), и цѣлые двое сутокъ не выходилъ изъ дому.

Однако въ Петербургѣ прекрасно поняли настоящій смыслъ и значеніе демонстраціи французскаго посольства. Государь усмотрѣлъ въ ней проявленіе личнаго неуваженія къ своей особѣ. Мнѣніе это раздѣлялъ весь дворъ и все высшее петербургское общество. Говорили, что посольство наше будетъ отозвано изъ Парижа въ полномъ составѣ, что русскому повѣренному въ дѣлахъ Н. Д. Киселеву велѣно не являться въ день новаго года въ Тюильрійскій дворецъ. «Какъ бы то ни было»,—писалъ Перье въ оффиціальномъ своемъ донесеніи,—«я обязанъ не скрыть отъ вашего превосходительства всего значенія поступка, мнѣ предписаннаго, послѣдствія коего должны быть крайне важны въ странѣ, устроенной какъ здѣшняя, и при государѣ съ такимъ характеромъ, какимъ обладаетъ императоръ. Положеніе французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ становится труднымъ; оно можетъ стать непріятнымъ, быть мо-

[1]) Гизо Казиміру Перье, 30 октября (11 ноября) 1841.

[2]) Гизо Казиміру Перье, 6 (18) ноября 1841.

жетъ, даже невыносимымъ. Я буду счастливъ, если получу инструкціи для руководства въ виду, напримѣръ, такого случая, что дипломатическій корпусъ былъ бы созванъ или приглашенъ безъ меня. До тѣхъ поръ, я буду стараться вносить въ мои дѣйствія мѣру и спокойствіе, совмѣстимыя съ сознаніемъ достоинства, отречься отъ котораго не дозволяютъ мнѣ какъ личное чувство, такъ и занимаемая мною должность» [1]).

Въ частномъ письмѣ къ Гизо, Перье изображалъ свое положеніе въ еще болѣе мрачныхъ краскахъ: «Произведенное впечатлѣніе велико, глубоко возбужденіе, болѣе даже чѣмъ я ожидалъ». По увѣренію его, государь былъ страшно разгнѣванъ, находя, что никогда не должно терять изъ виду различія между политическимъ возмездіемъ и такимъ, которое дерзко направлено противъ особы самого монарха. Перье тѣмъ болѣе скорбѣлъ объ этомъ, что личное положеніе его при дворѣ и въ обществѣ, до рокового дня, было самое пріятное. «Я болѣе тратилъ для свѣта»,—писалъ онъ,—«чѣмъ тотъ въ правѣ былъ ожидать отъ простого повѣреннаго въ дѣлахъ; домъ и столъ мой были открыты для дипломатическаго корпуса, какъ и для русскихъ. Я не могу нахвалиться моими отношеніями ко двору и къ обществу, императоръ всегда былъ благосклоненъ ко мнѣ, внимателенъ и любезенъ съ моею женою, и всякая перемѣна была для меня невыгодна. Я не желалъ ея. Но получивъ ваши приказанія, я долженъ былъ ихъ исполнить». Въ особенности смущалъ молодого и самолюбиваго дипломата дошедшій до него слухъ, что все высшее петербургское общество намѣрено сплотиться противъ французскаго посольства; что туда никто не будетъ ѣздить, и ни въ одной изъ русскихъ гостиныхъ не станутъ принимать его членовъ. «Я рѣшился»—продолжалъ онъ, — «быть крайне осторожнымъ въ первыхъ шагахъ моихъ, обнаруживать большую сдержанность и не подвергаться въ гостиныхъ, не имѣющихъ оффиціальнаго характера, безполезнымъ непріятностямъ, противъ которыхъ я не могъ бы возражать. Важно щадить общество, среди коего возможна реакція, не возбуждать къ себѣ его вражды, создавая ему затрудненія, не ссориться съ нимъ, чтобы не сдѣлать всякое сближеніе невозможнымъ [2]).

---

[1]) Казиміръ Перье Гизо, 9 (21) декабря 1841.
[2]) Казиміръ Перье Гизо, 11 (23) декабря 1841.

Но о сближенiи не могло быть и рѣчи. Надъ французскимъ посольствомъ произнесенъ былъ интердиктъ, само оно—исключено изъ петербургскаго общества. Предъ его членами закрылись двери всѣхъ русскихъ домовъ; ни одинъ русскiй не появлялся въ стѣнахъ его. Вечера и обѣды, на которые были заранѣе приглашены супруги Перье, отлагались или отмѣнялись. Хозяева тѣхъ гостиныхъ, гдѣ происходили прiемы въ извѣстные дни, просили французовъ чрезъ посредство иностранныхъ дипломатовъ, не ставить ихъ своимъ появленiемъ въ затруднительное положенiе. Перье рѣшительно растерялся. Онъ умолялъ Гизо наставить его какъ поступить, что дѣлать? «До какого предѣла»,—спрашивалъ онъ,—«слѣдуетъ мнѣ довести терпѣнiе? Я испытываю живѣйшее желанiе получить по этому предмету инструкцiи отъ вашего превосходительства. До тѣхъ поръ я буду стараться какъ можно лучше удерживаться на этой скользкой почвѣ, принявъ рѣшенiе ничего не компрометировать добровольно, и не подвергать отвѣтственности правительство короля, не будучи къ тому вынужденъ необходимостью. Я сознаю всѣ важныя послѣдствiя разрыва; дабы избѣжать его сдѣлаю все, что дозволитъ мнѣ честь; никогда не отступлю предъ отвѣтственностью, налагаемою на меня долгомъ; но ваше превосходительство можете быть увѣрены, что я не навлеку ее на себя легкомысленно и что одинъ только вызовъ или оскорбленiе, прямое, положительное, оффицiальное, въ состоянiи будутъ заставить меня покинуть занятое мною выжидательное положенiе» [1]).

Французскому повѣренному въ дѣлахъ было предписано ничего не измѣнять въ своихъ оффицiальныхъ сношенiяхъ съ императорскимъ кабинетомъ. Въ свою очередь, графъ Нессельроде не перемѣнилъ своего прежняго, всегда вѣжливаго и предупредительнаго обращенiя съ нимъ. Перье продолжалъ посѣщать вице-канцлера въ его обычные прiемные дни и вести съ нимъ переговоры о текущихъ дѣлахъ. Сообщая объ этомъ Гизо, онъ прибавлялъ, что, по дошедшимъ до него слухамъ, самъ государь обнаруживалъ примирительное расположенiе. Французамъ, очевидно, растолковали, что отпоръ, данный имъ петербургскимъ обществомъ, не былъ внушенъ свыше, и что не отъ императора зависѣло воспрепятствовать тому, чтобы русскiе

---

[1]) Казимiръ Перье Гизо, 12 (24) декабря 1841.

люди сочли неумѣстную ихъ выходку за оскорбленіе, нанесенное въ лицѣ монарха и всѣмъ его подданнымъ [1]).

Между тѣмъ въ Парижѣ, въ новый годъ по западному стилю, русскій повѣренный въ дѣлахъ, за нѣсколько часовъ до пріема во дворцѣ, написалъ посольскому церемоніймейстеру, что нездоровье мѣшаетъ ему принять участіе въ праздникѣ. Ни Киселевъ, ни прочіе чиновники посольства не явились въ этотъ день въ Тюильри. При дворѣ сдѣлали видъ, что не замѣчаютъ ихъ отсутствія. «Намѣреніе наше»,—поспѣшилъ написать Гизо къ Перье,—«было засвидѣтельствовать, что мы близко принимаемъ къ сердцу достоинство нашего августѣйшаго государя, и что мы ни слѣпы, ни равнодушны относительно мало пристойнаго обращенія съ его особой. Мы исполнили этотъ долгъ. Теперь, что до насъ касается, то мы не видимъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы внимательныя и вѣжливыя отношенія, потекли снова обычнымъ порядкомъ». Министръ недоумѣвалъ какіе еще знаки неудовольствія могли предстоять французскимъ дипломатамъ со стороны русскаго двора. «Пока неудовольствіе это»,—наставлялъ онъ Перье,— «не дойдетъ до отказа вамъ въ томъ, что вамъ подобаетъ въ качествѣ начальника французскаго посольства, дѣлайте видъ, что не замѣчаете его; если же стали бы съ афектаціею нарушать права, присвоенныя вашему положенію и званію, то вы замкнетесь въ вашемъ домѣ, ограничитесь производствомъ текущихъ дѣлъ и будете ожидать отъ меня инструкцій» [2]).

Въ другомъ частномъ письмѣ, Гизо старался успокоить Перье, ободрить его увѣреніемъ, что дѣло не повлечетъ за собою новыхъ, непріятныхъ для него послѣдствій. Онъ признавался, что ему трудно преподать издалека точныя и подробныя наставленія; что правильно судить о предметѣ возможно только на мѣстѣ. Перье приглашался избѣгать излишней требовательности и щекотливости. «Желаемое нами впечатлѣніе произведено»,—разсуждалъ министръ. «Отнынѣ будутъ знать, что дурное обращеніе съ нами не проходитъ безслѣдно. Теперь, по нашему, мы квиты, и снова возвратимся къ своимъ привычкамъ вѣжливости». Гизо выражалъ надежду, что Перье получилъ обычное приглашеніе явиться ко двору въ православный новый годъ и послѣдовалъ ему. Въ случаѣ же неприглашенія,

[1]) Казиміръ Перье Гизо, 16 (28) декабря 1841.
[2]) Гизо Казиміру Перье, 23 декабря 1841 (4 января 1842).

онъ долженъ былъ тотчасъ довести объ этомъ до свѣдѣнія своего правительства. Впрочемъ, утѣшалъ его начальникъ, нѣтъ никакого основанія ожидать чего либо подобнаго. Барантъ—того же мнѣнія. Киселевъ ведетъ себя въ Парижѣ съ тактомъ и вполнѣ прилично. Онъ выражаетъ явное намѣреніе не поднимать шума изъ-за происшедшаго и исполнять попрежнему всѣ обязанности своего положенія, предупредительно и любезно. Онъ будетъ приглашенъ на слѣдующій придворный балъ. Впрочемъ, дальнѣйшее обращеніе французскаго двора съ Киселевымъ будетъ соображено съ образомъ дѣйствій русскаго двора въ отношеніи къ Перье [1]).

Не смотря на весь свой оптимизмъ, Гизо понялъ, однако, что дѣло далеко не такъ просто, какъ онъ выставлялъ его, что въ желаніи своемъ отмстить нашему двору за многочисленные и долголѣтніе уколы самолюбія короля французовъ, онъ зашелъ слишкомъ далеко. Понятны, поэтому, старанія его извинить свой поступокъ предъ прочими европейскими дворами. Въ письмѣ къ французскому послу въ Вѣнѣ, Гизо по-своему изложилъ ходъ происшествій. «*Оффиціально*»—писалъ онъ—«графа Палена вызвали въ Петербургъ для бесѣды съ императоромъ, и Казиміръ Перье былъ боленъ 18 декабря, а Киселевъ—1 января. *Въ дѣйствительности* императоръ не пожелалъ, чтобы этотъ враждебный поступокъ прошелъ незамѣченнымъ. Съ той и съ другой стороны все правильно и все понятно. Внѣшнія приличія соблюдены и истинныя намѣренія почувствованы. Съ насъ этого довольно, мы въ расчетѣ». Слѣдовало нѣсколько оправдательныхъ доводовъ: «Нужно, чтобы въ этомъ убѣдились всюду. Чѣмъ болѣе политика наша консервативна и миролюбива, тѣмъ старательнѣе будемъ мы оберегать наше достоинство. Мы не станемъ отвѣчать на дурное обращеніе дурною политикою; но мы ощутимъ дѣйствіе дурного обращенія и покажемъ, что его ощутили. Впрочемъ, я считаю небольшое это дѣло поконченымъ» [2]).

Печальное заблужденіе! Дѣло было еще далеко отъ конца и вполнѣ окончилось лишь шесть лѣтъ спустя, вмѣстѣ съ іюльскою монархіею.

Когда до Гизо дошли послѣдующія донесенія Перье изъ Петербурга, онъ не могъ скрыть своего тревожнаго удивленія.

---

[1]) Гизо Казиміру Перье, 24 декабря 1841 (5 января 1842).

[2]) Гизо графу Флао, 24 декабря 1841 (5 января 1841).

Едва ли онъ былъ искрененъ, увѣряя молодого дипломата, что большой бѣды еще нѣтъ, пока только русское общество, а не дворъ, выражаетъ ему холодность и враждебность. Парижское общество будетъ иначе обращаться съ Киселевымъ, согласно своимъ чувствамъ и нравамъ, но ничто-де не обязываетъ къ тому же общество петербургское. По этому поводу Гизо преподавалъ Перье цѣлый рядъ совѣтовъ: «Оставайтесь дома милостивый государь, живите въ семейномъ кругу. Будьте холодны съ тѣми, кто обнаружитъ къ вамъ холодность, чуждайтесь тѣхъ, кто чуждается васъ. Вамъ, безъ сомнѣнія, не придется отражать ни единаго такого поступка, стерпѣть который не можетъ благовоспитанный человѣкъ и которые не свойственны благовоспитанному обществу. Довольствуйтесь этимъ. Въ вашемъ домѣ, въ средѣ вашего посольства—вы во Франціи. Замкнитесь въ этой родинѣ, окружающей васъ, доколѣ русское общество того будетъ хотѣть само. Я знаю: вы молоды; г-жа Перье молода и любезна; свѣтъ нравится ей и она нравится свѣту. Я сожалѣю, что и она, и вы лишены удовольствій свѣтской жизни. Но и вы, и она отличаетесь слишкомъ здравымъ умомъ и возвышенною душою, чтобы не отречься безъ всякихъ усилій отъ этихъ удовольствій и не сосредоточиться въ самихъ себѣ, коль скоро того требуютъ достоинство вашего отечества и ваше собственное достоинство» [1].

Въ Петербургѣ, тяжелое положеніе, созданное членамъ французскаго посольства рѣшимостью русскаго общества прекратить всякія съ ними сношенія, не измѣнилось Напрасно старался Перье выйдти изъ него, то посѣщая гостиную жены вице-канцлера, то отправляясь на балъ дворянскаго собранія, въ силу совокупнаго приглашенія, обращеннаго ко всему дипломатическому корпусу. Графиня Нессельроде принимала его вѣжливо, но холодно. На балѣ въ собраніи большая часть старыхъ и добрыхъ знакомыхъ обнаруживала въ обращеніи съ съ нимъ непривычную застѣнчивость. При этихъ условіяхъ онъ не рѣшался вывозить жену свою въ свѣтъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія русскаго новаго года, въ надеждѣ, что на пріемѣ во дворцѣ государь обычною своею ласковостью выведетъ его изъ затрудненія. Какъ на бѣду, придворный выходъ въ этотъ день былъ отмѣненъ, какъ полагали по причинѣ нездоровья императрицы. Лишь 7 (19) января, французскій

[1]) Гизо Казиміру Перье, 25 декабря 1841 (6 января 1842).

повѣренный въ дѣлахъ и г-жа Перье, наравнѣ съ прочими членами дипломатическаго корпуса, были приглашены на большой балъ въ Зимнемъ дворцѣ. Оба, разумѣется, поспѣшили воспользоваться приглашеніемъ. На балѣ государь, проходя мимо Перье, съ улыбкою сказалъ ему: «Какъ поживаете вы съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались съ вами? — Лучше, неправда ли»? Императрица обратилась къ нему съ вопросомъ: когда намѣренъ вернуться посолъ Барантъ и не знаетъ ли онъ чего о времени его возвращенія? Перье отозвался полнымъ невѣдѣніемъ, и, донося объ этомъ Гизо, выражалъ недоумѣніе: означаетъ ли вопросъ государыни лишь расположеніе ея къ послу, оставившему въ Петербургѣ наилучшія воспоминанія, или заключаетъ въ себѣ иное намѣреніе, напримѣръ, нѣчто въ родѣ обѣщанія по возвращеніи Баранта отправить въ Парижъ Палена? «Между графомъ Нессельроде и мною»,—такъ заканчивалъ Перье одно изъ своихъ донесеній,—«не было произнесено ни единаго слова, которое относилось бы ко всему этому случаю или только намекало бы на него. Мнѣ казалось, что не мнѣ приличествовало взять иниціативу. Я не хотѣлъ, какъ я уже имѣлъ честь сообщить вамъ, казаться ни въ затрудненіи, ни озабоченнымъ, ни желающимъ поскорѣе выйдти изъ положенія, которое общество заблагоразсудило мнѣ создать, и въ которомъ ничто не препятствуетъ мнѣ, въ особенности нынѣ, оставаться съ честью. Въ открытомъ интересѣ примиренія, я бы не сталъ избѣгать довѣрительной бесѣды по этому предмету съ графомъ Нессельроде, если бы тотъ первый заговорилъ о немъ со мною. Мнѣ извѣстна его умѣренность. Я увѣренъ, что онъ сожалѣетъ о всемъ случившемся; но я не считалъ полезнымъ идти на встрѣчу объясненіямъ, вызвать которыя было такъ легко вице-канцлеру при любезномъ оборотѣ нашихъ съ нимъ разговоровъ и при его высокомъ положеніи» [1]).

Извѣстія эти обрадовали Гизо. Ему показалось, что русскій дворъ и вправду желаетъ возстановленія правильныхъ дипломатическихъ сношеній съ Франціею. Онъ уполномочилъ, поэтому, Перье всюду разглашать, что о возвращеніи Баранта нѣтъ и рѣчи, и что французскій посолъ пріѣдетъ въ Петербургъ не прежде, чѣмъ прибудетъ въ Парижъ графъ Паленъ,

---

[1]) Казиміръ Перье Гизо, 25 и 30 декабря 1841 (6 и 11 января 1842) и 1 (13), 3 (15), 7 (19), 11 (23) и 12 (24) января 1842.

или его преемникъ по званію русскаго посла. Онъ одобрялъ поведеніе Перье и убѣждалъ его не падать духомъ и выдержать роль свою до конца [1]).

Но у молодого французскаго дипломата не хватило терпѣнія. Прошло цѣлые полгода, а ничего не измѣнилось въ отношеніяхъ русскаго общества къ нему и къ его товарищамъ по посольству. Онъ сталъ просить о своемъ отозваніи, ссылаясь на болѣзнь жены. Къ тому же, присовокуплялъ онъ, императоръ Николай уже высказалъ свое рѣшеніе: при настоящихъ условіяхъ Паленъ не вернется въ Парижъ. Перье находилъ, что и его присутствіе въ Петербургѣ безполезно и не согласуется болѣе съ достоинствомъ королевскаго правительства [2]).

Гизо обѣщалъ Перье не только просимый отпускъ, но въ награду за твердость и самоотверженіе, съ какими тотъ такъ долго выносилъ въ высшей степени непріятное и затруднительное положеніе, командорскій крестъ почетнаго легіона и первую вакансію посланника. Онъ просилъ его лишь остаться въ Петербургѣ до прибытія преемника. Такимъ преемникомъ, какъ мы узнаемъ изъ письма Гизо къ послу въ Вѣнѣ, графу Флао, долженъ былъ быть баронъ д'Андре, второй секретарь петербургскаго посольства. Означенное письмо представляется новою попыткою французскаго министра оправдать свой образъ дѣйствій предъ иностранными дворами. «Не безъ зрѣлаго предварительнаго размышленія»,—читаемъ мы въ немъ,—«приняли мы прошлою осенью извѣстное рѣшеніе. Въ продолженіе десяти лѣтъ, по поводу каждой бутады, каждаго оскорбительнаго пріема императора Николая, говорили, что это съ его стороны чисто личное движеніе, что оно не вліяетъ на политику его правительства, что отношенія обоихъ кабинетовъ продолжались и общія обѣимъ сторонамъ дѣла обсуждались, какъ бы ни въ чемъ не бывало. Цѣлые десять лѣтъ мы выказали себя крайне терпѣливыми и покладистыми, но въ 1840 году страсти императора, очевидно, проникли и въ его политику. Горячность, съ которою онъ старался разсорить Францію съ Англіею, отдѣлить ее отъ всей Европы, показало намъ его чувства и пріемы въ болѣе серіозномъ освѣщеніи. Мы обязаны были принять это въ соображеніе. Не восчувствовать того, что могло имѣть подобныя послѣдствія, значило бы поступать безъ

---

[1]) Гизо Казиміру Перье 6 и 12 (18 и 24) февраля 1842.

[2]) Казиміръ Перье Гизо, 26 мая (8 іюня) 1842.

достоинства и поддаться обману. Случай представился, я схватился за него. Мы поступили такъ не ради раздраженія, ни для того, чтобы начать обмѣнъ мелкихъ задирательствъ. Мы хотѣли занять положеніе, которое давно было бы естественнымъ, и которое, благодаря недавнимъ событіямъ, становилось вполнѣ пристойнымъ. Что до меня касается, то я былъ очень радъ, что могъ поставить въ него моего государя и мое отечество. Мы спокойно сохранили его. Барантъ будетъ дожидаться въ Парижѣ, пока вернется Паленъ. Не намъ брать на себя починъ этого возвращенія. При настоящихъ обстоятельствахъ, вполнѣ достаточно повѣренныхъ въ дѣлахъ для надобностей политики и для приличій придворныхъ сношеній, и въ тотъ день, когда въ Петербургѣ пожелаютъ перемѣны, мы покинемъ это положеніе, испытывая столь же мало затрудненій, сколько мы испытываемъ ихъ нынѣ, оставаясь въ немъ» [1]).

Письмо это едва успѣло дойти до Вѣны, какъ страшный ударъ внезапно разразился надъ французскою королевскою семьею. 1 (13) іюля 1842 года, Наслѣдникъ престола, молодой и симпатичный герцогъ Орлеанскій, увлеченный бѣшенными лошадьми на дорогѣ изъ Парижа въ Нёльи, разбился до смерти при попыткѣ выскочить изъ экипажа. О тяжкой утратѣ, понесенной династіею, въ числѣ прочихъ дипломатическихъ представителей Франціи, былъ извѣщенъ и Казиміръ Перье съ приказаніемъ сообщить о томъ императорскому двору [2]). По высочайшему повелѣнію, вице-канцлеръ посѣтилъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ и выразилъ ему отъ имени государя и императрицы соболѣзнованіе ихъ величествъ горю, постигшему королевскую фамилію и всю Францію. Императоръ, заявилъ при этомъ случаѣ графъ Нессельроде, былъ крайне опечаленъ ужасною вѣстью. Онъ приказалъ тотчасъ наложить при дворѣ трауръ и отмѣнить балъ, имѣвшій состояться въ Петергофскомъ дворцѣ 11 (23) іюля, въ день именинъ великой княжны Ольги Николаевны [3]).

Въ петербургскихъ дипломатическихъ кругахъ полагали, что трагическій этотъ случай послужитъ поводомъ къ примиренію между обоими дворами. Перье надѣялся, что императоръ Николай выскажетъ свои чувства въ собственноручномъ письмѣ,

---

[1]) Гизо графу Флао 22 іюня (4 іюля) 1842.
[2]) Гизо Казиміру Перье, 2 (14) іюля 1842.
[3]) Казиміръ Перье Гизо, 11 и 12 (23 и 24) іюля 1842.

хотя съ 1830 года онъ ни разу еще не удостоивалъ таковымъ Лудовика-Филиппа. По словамъ Перье, многіе члены императорской фамиліи, высшіе чины двора, министры, просили о томъ государя. «Но»,—читаемъ мы въ донесеніи французскаго дипломата,—«всѣ натолкнулись на желѣзную волю, на необычайныя упорство, самолюбіе и гордость. Императоръ отвергъ все, что ему ни предлагали, все, что въ глазахъ его имѣло значеніе перваго шага. *Я не начну первый*—таковы были единственныя слова, вырвавшіяся у него. На просьбу объ обратномъ отправленіи въ Парижъ графа Палена, онъ отвѣчалъ: «Пусть вернется Барантъ и мой посолъ выѣдетъ отсюда» [1]).

Но, хотя государь и не писалъ самъ къ Лудовику-Филиппу, за то, по его повелѣнію, нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ сообщилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ слѣдующую депешу вице-канцлера:

«Вчера, въ Петергофскомъ императорскомъ дворцѣ, гдѣ находился дворъ, я получилъ депешу, которою вы извѣстили насъ о несчастіи, столь же ужасномъ, сколько и неожиданномъ, положившемъ конецъ жизни наслѣдника французскаго престола. Эта страшная катастрофа произвела на императора глубокое и мучительное впечатлѣніе. Вамъ извѣстно вліяніе на его величество семейныхъ чувствъ и привязанностей. Императоръ—отецъ, отецъ нѣжно преданный своимъ дѣтямъ, а потому вы поймете, насколько потеря, понесенная королемъ и королевою французовъ, прямо затронула въ его сердцѣ задушевнѣйшее чувство, какъ онъ былъ опечаленъ ихъ горемъ, и до какой степени присоединяется изъ глубины души къ печали ихъ терзающей. По одному изъ тѣхъ роковыхъ совпаденій, которыя такъ часто сближаютъ въ жизни счастіе однихъ, контрастующее съ горемъ другихъ, печальная вѣсть дошла до насъ въ тотъ самый день, когда дворъ готовился праздновать тезоименитство великой княжны Ольги. Въ виду столь великаго несчастія, всѣ выраженія радости должны были умолкнуть. Тотчасъ же былъ отмѣненъ балъ, назначенный на этотъ вечеръ, и весь дворъ получилъ приказаніе, начиная со слѣдующаго дня, надѣть трауръ по молодомъ принцѣ.

«Потрудитесь, милостивый государь, выразить французскому правительству участіе, принимаемое нашимъ августѣй-

---

[1]) Казиміръ Перье Гизо, 23 іюля (4 августа) 1842.

шимъ повелителемъ въ событіи, которое, независимо отъ скорби, распространенной имъ на королевскую семью, его величество считаетъ бѣдствіемъ, постигшимъ всю Францію. Императоръ поручаетъ вамъ въ особенности, отъ имени его и императрицы, быть предъ королемъ и королевой выразителемъ этихъ чувствъ. Не имѣя возможности преподать имъ утѣшеній, которыя въ подобномъ случаѣ могутъ быть почерпнуты ими лишь въ религіозномъ подчиненіи волѣ Промысла, государь надѣется, что король найдетъ въ своей твердости, а королева—въ благочестивомъ настроеніи, достаточно силъ духа, дабы выдержать наиболѣе тягостную скорбь, какую только можно испытать.

«Вы выразите это пожеланіе французскому монарху, передавъ ему выраженіе соболѣзнованія нашего августѣйшаго повелителя. Вы будете говорить языкомъ нѣжной симпатіи, ибо нѣтъ чувства искреннѣе того, которое въ данномъ случаѣ одушевляетъ его величество» [1]).

Изъ отвѣтной депеши Гизо не видно, чтобы Киселевъ испросилъ аудіенцію у Лудовика-Филиппа. Министръ извѣщалъ королевскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ, что депеша русскаго вице-канцлера была доложена имъ королю; что король и королева были тронуты выраженіемъ чувствъ русскаго императора, въ особенности когда узнали объ отмѣнѣ бала и о немедленномъ наложеніи траура. Упомянувъ, что императоръ Николай достоинъ вкушать сладость семейныхъ радостей, потому что умѣетъ понимать и раздѣлять семейное горе, Гизо поручалъ Перье отправиться къ графу Нессельроде и просить его выразить императору и императрицѣ признательность короля и королевы за высказанное ихъ императорскими величествами сочувствіе ихъ горю [2]).

Депеша эта уже не застала Перье въ Петербургѣ. Тотчасъ по прибытіи своего замѣстителя, барона д'Андре, онъ поспѣшилъ уѣхать вмѣстѣ съ женою. Д'Андре вступилъ въ завѣдываніе посольствомъ, въ качествѣ простого повѣреннаго въ дѣлахъ, и получилъ приказаніе тщательно придерживаться данныхъ его предмѣстнику инструкцій.

---

[1]) Графъ Нессельроде Киселеву, 14 (26) іюля 1842.
[2]) Гизо Казиміру Перье, 30 іюля (11 августа) 1842.

VI.

Примирительныя попытки Франціи.

Нессельроде поздравляетъ Гизо. — Разговоръ Гизо съ Н. Д. Киселевымъ. — Объясненіе д'Андре съ Нессельроде. — Вторичный разговоръ Гизо съ Киселевымъ. — Объяснительная депеша его къ д'Андре.

Прошло два года со дня непристойной выходки французскаго посольства въ Петербургѣ. Новый повѣренный въ дѣлахъ, баронъ д'Андре, и товарищи его мало по малу снова получили доступъ въ русскія гостиныя. При дворѣ не дѣлали не малѣйшаго различія между ними и прочими членами дипломатическаго корпуса. Но въ отношеніяхъ императорскаго кабинета къ парижскому не произошло существенной перемѣны. Они были попрежнему холодны, натянуты и ограничивались производствомъ текущихъ дѣлъ. Послы не возвращались къ своимъ мѣстамъ.

Такимъ положеніемъ крайне тяготились въ Парижѣ и съ нетерпѣніемъ выжидали подходящаго случая, чтобы сдѣлать первый шагъ къ примиренію. Случай этотъ представился весною 1843 года, когда Киселевъ сообщилъ Гизо депешу графа Нессельроде, въ которой тотъ выражалъ свое удовольствіе по поводу побѣды, одержанной французскимъ министерствомъ въ палатѣ депутатовъ при обсужденіи вопроса о тайныхъ фондахъ. Въ ней вице-канцлеръ писалъ: «Мы съ интересомъ и любопытствомъ ожидали исхода преній, съ коими была связана участь настоящаго министерства, и съ удовольствіемъ убѣдились, что, согласно съ нашими предположеніями, результатъ этого испытанія разрѣшился въ пользу правительства. Я говорю, съ удовольствіемъ, потому что, хотя г. Гизо въ частности, быть можетъ, и не питаетъ къ Россіи слишкомъ благопріятнаго расположенія, но все же этотъ министръ представляетъ иностраннымъ державамъ наиболѣе ручательствъ своею мирною политикою и консервативными принципами. Въ послѣдней парламентской борьбѣ, онъ далъ новыя доказательства своего ораторскаго таланта и ничто не препятствуетъ вамъ, милостивый государь, передать ему по этому случаю поздравленіе императорскаго кабинета» [1]).

---

[1]) Графъ Нессельроде Киселеву, мартъ 1843.

Гизо съ радостью схватился за представившійся случай вступить съ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ подробныя объясненія по поводу взаимныхъ отношеній Россіи и Франціи. Сообщаемъ дословно продолжительный и интересный разговоръ его съ Н. Д. Киселевымъ по этому предмету.

Гизо. Благодарю васъ за сообщеніе. Я принимаю депешу графа Нессельроде за доказательство серіознаго уваженія и крайне признателенъ за нее. Но позвольте васъ спросить: что разумѣетъ графъ подъ моимъ *неблагопріятнымъ расположеніемъ къ Россіи?* Имѣетъ ли онъ въ виду мое чисто личное направленіе, мои вкусы, наклонности? Не думаю. Я не склоняюсь ни за, ни противъ какой-либо державы, не питаю ни къ одной благопріятнаго или неблагопріятнаго расположенія. На меня возложено завѣдываніе внѣшней политикой моего отечества. Я руководствуюсь единственно его политическими интересами, выражаемымъ ему расположеніемъ, такимъ, какое слѣдуетъ ему выражать. Къ этому я не примѣшиваю ничего личнаго.

Киселевъ. Не сомнѣваюсь, что и графъ Нессельроде разумѣетъ это такъ.

Гизо. Надѣюсь, и не понялъ бы, чтобы это могло быть иначе. Но, въ такомъ случаѣ, я, по истинѣ, еще менѣе понимаю, какимъ образомъ графъ Нессельроде приписываетъ мнѣ неблагопріятное расположеніе къ Россіи. Ничто въ естественной политикѣ моего отечества не наталкиваетъ меня на подобное расположеніе. Общественныя стремленія во Франціи, французскіе интересы въ Европѣ, не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго Россіи. И если я не ошибаюсь, тоже можно сказать и о Россіи; ея національные инстинкты не враждебны намъ. Откуда же взялись бы намѣренія, которыя графъ Нессельроде предполагаетъ во мнѣ? Зачѣмъ бы я ихъ себѣ усвоилъ? У меня ихъ нѣтъ. Но разъ зашелъ вопросъ о нашемъ расположеніи, позвольте мнѣ высказать вамъ все: кто изъ насъ, мы или вы выказали неблагопріятное расположеніе? Развѣ императоръ не проводитъ различія между королемъ французовъ и императоромъ австрійскимъ? Развѣ у него по отношенію къ обоимъ государямъ одинаковое поведеніе, одни и тѣ же пріемы?

Киселевъ. Извините меня, я не могу вступить въ обсужденіе подобнаго предмета.

Гизо. Знаю. Но я и не прошу васъ обсуждать его со мною

или отвѣчать мнѣ. Я прошу васъ только выслушать меня и передать графу Нессельроде то, что я имѣю честь говорить вамъ. Я отвѣчу на выраженное имъ мнѣ серіозное уваженіе полною откровенностью. Когда касаешься сути вещей, такая рѣчь одна только пристойна и дѣйствительна. Итакъ, говоря откровенно, развѣ проведеніе различія между королемъ ея и другими государями не означаетъ неблагопріятнаго расположенія къ Франціи? Можемъ ли мы, должны ли не обращать на это вниманія? Мы придаемъ этому большую важность. Означенный фактъ вліяетъ на наше расположеніе, на нашу политику. Если бы императоръ не призналъ того, что совершила Франція въ 1830 году или даже, если бы, не вступая съ нами въ открытую и положительную вражду, онъ остался чуждъ нашему правительству и не поддерживалъ съ нами правильныхъ и обычныхъ между государствами сношеній, мы могли бы находить, мы нашли бы, что онъ слѣдуетъ дурной политикѣ, но намъ нельзя было бы сказать ничего другого. Но императоръ призналъ то, что совершилось у насъ въ 1830 году. Скажу болѣе: я знаю, что онъ предсказалъ королю Карлу X послѣдствіе нарушенія имъ хартіи. Какъ согласовать политику, столь прозорливую и мудрую, съ поведеніемъ, коего императоръ придерживается донынѣ относительно короля? Мнѣ извѣстна суть мыслей императора. Онъ полагаетъ, что въ 1830 году можно было сохранить королемъ герцога Бордосскаго, давъ ему герцога Орлеанскаго въ опекуны и въ регенты королевства. Онъ находитъ, что должно было поступить такъ и хочетъ выразить порицаніе за то, что у насъ пошли далѣе. Милостивый государь, я не стану избѣгать этого вопроса, болѣе чѣмъ всякаго другого. Я служилъ реставраціи. Я никогда не вступалъ въ заговоры противъ нея. Но въ 1830 году возможно было только то, что сдѣлано. Всякая иная попытка была бы тщетна, совершенно тщетна. Герцогъ Орлеанскій только погубилъ бы ею себя и погубилъ бы безуспѣшно. Онъ призванъ былъ на престолъ потому, что одинъ въ то время могъ занять его. Онъ принялъ престолъ потому, что не могъ отъ него отречься, не погубивъ и Франціи, и монархіи. Необходимость создала и выборъ націи и согласіе принца. И императоръ Николай самъ почувствовалъ это, тотчасъ же и безъ колебаній признавъ то, что совершилось во Франціи. Онъ также, какъ и мы, какъ и вся Европа, призналъ и допустилъ

необходимость, единственное средство къ поддержанію порядка и европейскаго мира. И, конечно, мы въ правѣ сказать, что король и его правительство оказались вполнѣ на высотѣ своего призванія. Какой государь защищалъ съ бо̀льшею настойчивостью, съ бо̀льшимъ мужествомъ, дѣло благой политики, политики консервативной? Найдется ли другой, во всѣ времена, который бо̀льше бы сдѣлалъ, сдѣлалъ бы столько для безопасности всѣхъ престоловъ и для покоя всѣхъ народовъ?

Киселевъ. Никто не признаетъ это болѣе императора; никто не воздаетъ бо̀льшей справедливости королю, его искусству, его мужеству; никто не говоритъ громче о всемъ, чѣмъ обязана ему Европа.

Гизо. Знаю. Но позвольте мнѣ сдѣлать еще одинъ шагъ на пути полной откровенности. Этотъ король, имѣющій такія заслуги предъ Европой,—развѣ русскіе, посѣщающіе Парижъ, воздаютъ ему должное? Свидѣтельствуютъ ли они ему свое почтеніе? Императоръ, такъ хорошо знакомый съ правами державнаго величества, неужели онъ думаетъ, что столь странное забвеніе служитъ на пользу монархическаго, его собственнаго дѣла? Думаетъ ли онъ, что поддерживаетъ достоинство и силу монархическихъ идей, допуская, чтобы его подданные не воздавали должнаго монарху, который защищаетъ эти идеи съ наибо̀льшимъ мужествомъ и опасностью и на благо всѣмъ?

Киселевъ. У насъ своя щекотливость. Ваша печать, ваша трибуна, много другихъ манифестацій, неоднократно оскорбляли насъ. А у насъ нѣтъ ни печати, ни трибуны, чтобы отражать оскорбленія. Наше средство обнаруживать чувства наши заключается въ полномъ отождествленіи себя съ императоромъ... Мы чувствуемъ какъ и онъ самъ все, что относится къ нему, раздѣляемъ его впечатлѣнія, его намѣренія, близко пріобщаемся къ нимъ. Таковъ инстинктъ, обычай, таковъ патріотизмъ нашего общества, нашего народа.

Гизо. И это дѣлаетъ ему честь. Я знаю на какой случай вы намекаете. Я первый заявляю, что эта тѣсная связь народа со своимъ государемъ представляетъ нѣчто великое и прекрасное. Русское общество право, проявляя преданность къ императору, вступаясь за него, гордясь имъ; но оно не должно удивляться, что и я тоже щекотливъ и гордъ за счетъ короля. Таковъ мой долгъ, и императоръ, я въ томъ увѣренъ, одобряетъ меня за это, и этому я, быть можетъ, обязанъ частью

уваженія, коимъ онъ меня почтилъ. Что же касается до печати, вы хорошо знаете, что мы не отвѣчаемъ, не можемъ отвѣчать за нее.

Киселевъ. Знаю. Однако, когда видишь въ газетахъ наиболѣе преданныхъ правительству короля, наиболѣе вѣрныхъ его политикѣ, вещи оскорбительныя, враждебныя намъ, то нельзя, чтобы это не произвело впечатлѣнія и впечатлѣнія непріятнаго.

Гизо. Меня это не удивляетъ, и когда это случается, то я скорблю объ этомъ. Но нѣтъ средствъ всему помѣшать. Къ тому же, какъ вы хотите, чтобы извѣстное расположеніе императора, его поведеніе, пріемы, оставались у насъ безъ послѣдствій? То, на что вы жалуетесь, прекратилось бы, намъ было бы, по крайней мѣрѣ, и пріятнѣе и легче подавлять, если бы вы находились съ нами въ отношеніяхъ вполнѣ правильныхъ и пристойныхъ, пріятныхъ французской публикѣ. Въ нашихъ палатахъ я далъ не мало сраженій, а иногда и выигрывалъ ихъ; но зачѣмъ стану я компрометировать себя и напрягать свои силы для разъясненія, что параграфъ о Польшѣ неумѣстенъ въ адресахъ, и что надо изъять его оттуда? Часто говорятъ, я это знаю, будто оскорбляющіе насъ пріемы императора—дѣло личное, что они не вліяютъ на политику его правительства, и что отношенія обоихъ государствъ не страдаютъ отъ нихъ. Если бы это была и правда, то мы не можемъ, не должны этимъ удовольствоваться. Развѣ независимо отъ дѣлъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, личное обращеніе, личныя сношенія государей, не представляютъ всегда великой важности? Развѣ приличествуетъ монархистамъ взирать на нихъ равнодушно? Если бы мы и были расположены къ тому, опытъ 1840 года обличилъ бы наше заблужденіе. Время это и дѣла его уже далеки отъ насъ; можно вполнѣ свободно разсуждать о нихъ. Можемъ ли мы не признать, что вы много постарались тогда, чтобы разсорить насъ съ Англіей?

Киселевъ прервалъ Гизо, повторяя, что не можетъ ни допустить его словъ, ни оспаривать ихъ, и просилъ не считать его молчаніе за знакъ согласія.

Гизо. Будьте покойны, мнѣ извѣстенъ вашъ превосходный образъ мыслей, и я не желалъ бы ни на минуту поставить васъ въ затруднительное положеніе; но, повторяю, разъ мы коснулись сути дѣла, мнѣ необходимо хорошенько разсмотрѣть все, что она заключаетъ. Простите же мнѣ мой монологъ.

Говоря, что вы хотѣли разсорить насъ съ Англіей, я не правъ. Императоръ слишкомъ разсудителенъ, чтобы желать въ Европѣ настоящей ссоры, серіозныхъ смутъ, быть можетъ войны: нѣтъ, вы хотѣли не разсорить насъ съ Англіей, а ухудшить, охладить наши отношенія, изолировать насъ, поставить внѣ Европы. Когда мы увидали это, когда извѣдали послѣдствія личныхъ чувствъ императора, могли ли мы повѣрить, что они нисколько не вліяютъ на политику его кабинета? Не должны ли мы были принять ихъ въ серіозное соображеніе? Такъ мы и поступили, такъ и будемъ поступать всегда. А между тѣмъ, мы остались вполнѣ вѣрны нашей политикѣ, не только мирной, но и клонящейся къ установленію добраго согласія въ Европѣ. У насъ не было недостатка въ случаяхъ, для подражанія вашему примѣру 1840 года. Намъ было бы легко, недавно еще, по поводу Сербіи, эксплуатировать, разжигать въ Константинополѣ ваше зарождавшееся несогласіе съ Портою, поддерживать противъ васъ подозрѣнія и сопротивленіе Европы; мы этого не сдѣлали, мы преподали Портѣ самые умѣренные совѣты, мы сказали ей, что добрыя отношенія съ вами составляютъ, какъ для Европы, такъ и для нея самой, высшій интересъ. Мы открыто провозгласили и примѣнили возвышенную политику и отложили въ сторону политику мелкую, годную лишь на то, чтобы сѣять затрудненія и раздраженія посреди мира, который всѣ поддерживаютъ и хотятъ поддержать.

Киселевъ. Нашъ кабинетъ отдаетъ полную справедливость поведенію и направленію барона Буркенея [1]) въ Константинополѣ. Онъ вамъ признателенъ за это и мнѣ поручено прочесть вамъ депешу, въ коей онъ выражаетъ полное свое удовольствіе.

Гизо. Очень буду радъ выслушать ее [2]).

Французскій министръ тотчасъ же отправилъ подробный отчетъ о своемъ разговорѣ съ нашимъ представителемъ своему повѣренному въ дѣлахъ въ Петербургѣ, для личнаго его свѣдѣнія. Онъ хорошо понималъ то, о чемъ какъ бы и не подозрѣвали въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а именно, что въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, въ Лондонѣ, вовсе не считаютъ желательнымъ сближеніе Франціи съ Россіей и всячески станутъ

---

[1]) Французскій посланникъ при Портѣ Оттоманской.

[2]) Отчетъ о рагзоворѣ Гизо съ Киселевымъ напечатанъ въ приложеніи къ «Запискамъ» перваго: *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, VI, стр. 503—508.

противодѣйствовать ему, коль скоро зайдетъ о немъ рѣчь. Вотъ почему Гизо предписалъ сначала барону д'Андре хранить глубокое молчаніе о сообщенномъ ему объясненіи и только внимательно прислушиваться къ отголоскамъ его въ Петербургѣ [1]). Но на другой же день онъ измѣнилъ рѣшеніе и нашелъ необходимымъ отвѣчать любезностью на недавнюю любезность графа Нессельроде. Съ этою цѣлью была написана къ д'Андре депеша, предназначенная для сообщенія нашему двору. Въ ней Гизо, поблагодаривъ вице-канцлера за высказанное въ депешѣ къ Киселеву лестное мнѣніе о немъ, возражалъ противъ приписаннаго ему недостатка дружественнаго расположенія къ Россіи. «Слова эти»,—оправдывался онъ,—«причинили мнѣ немалое удивленіе, и я не могу принять ихъ. Интересы и честь моего государя и отечества составляютъ для меня единственное мѣрило расположенія, вносимаго мною въ отношенія къ правительствамъ, съ коими я имѣю честь вести переговоры. Графъ Нессельроде, столь прекрасно придерживавшійся этого правила въ теченіе своей долговременной и славной карьеры, не станетъ оспаривать его у другихъ, и чувства, только что выраженныя имъ намъ отъ имени императорскаго кабинета, облегчаютъ мнѣ нынѣ обязанность, которую я исполняю, отвергая высказанное имъ предположеніе» [2]). Д'Андре былъ уполномоченъ прочесть графу Нессельроде эту депешу, съ тѣмъ, чтобы, отправляясь къ нему, взять съ собою и отчетъ о бесѣдѣ Гизо съ Киселевымъ и при случаѣ ознакомить съ нимъ вице-канцлера [3]).

Сообщеніе д'Андре вызвало въ Нессельроде нѣкоторое смущеніе. Выслушавъ оправданія Гизо, изложенныя въ оффиціальной депешѣ, онъ ограничился замѣчаніемъ, что Киселевъ не долженъ былъ сообщать его депешу, заключавшую фразу на которую возражалъ Гизо. Затѣмъ, онъ прочелъ вслухъ донесеніе Киселева о его разговорѣ съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и выслушалъ отчетъ о томъ же, прочитанный д'Андре. Онъ обѣщалъ еще отвѣтить Гизо чрезъ Киселева, и сказалъ, отпуская своего посѣтителя: «Когда объясненія происходятъ съ такою искренностью и откровенностью, они—лучшее средство придти къ соглашенію».

---

[1]) Гизо барону д'Андре, 1 (13) апрѣля 1843.
[2]) Гизо барону д'Андре, 2 (14) апрѣля 1843.
[3]) Приписка отъ 2 (14) апрѣля къ депешѣ отъ 1 (13).

Изъ словъ этихъ молодой и впечатлительный дипломатъ заключилъ, что все дѣло улажено, что несогласіямъ между Россіею и Франціею уже насталъ конецъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, государь на выходѣ во дворцѣ спросилъ его, не имѣетъ ли онъ извѣстій отъ Баранта? Вскорѣ послѣ посѣщенія имъ вице-канцлера, на придворномъ пріемѣ, состоявшемся въ день имянинъ императрицы, его величество снова обратился къ нему съ вопросомъ: «Нѣтъ ли чего новаго изъ Парижа»?—«Ничего, государь, за исключеніемъ курьера, прибывшаго ко мнѣ на прошлой недѣлѣ»,—отвѣчалъ д'Андре.—«А когда увидимся мы съ г. де-Барантомъ»?—Отвѣтомъ недоумѣвавшаго дипломата была его улыбка. Государь также улыбнулся и прошелъ далѣе, кивнувъ ему головою.

«Только большою перемѣною»,—доносилъ д'Андре въ Парижъ,—«можно объяснить себѣ, что его величество задалъ мнѣ подобный вопросъ во время пріема. Съ его стороны, это — авансъ, и, конечно, самъ онъ такъ смотритъ на дѣло. Вѣроятно, вопрошая меня, императоръ полагалъ, что мнѣ извѣстны разговоры его съ графомъ Нессельроде и депеши, посланныя въ Парижъ по его приказанію, тогда какъ графъ Нессельроде, которому я только что поклонился, ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ». Д'Андре былъ того мнѣнія, что государь считалъ также дѣло оконченнымъ и ожидалъ лишь извѣстій изъ Парижа, чтобы направить туда графа Палена. Утверждало его въ этомъ предположеніи и то, что императрица также освѣдомилась у него о Барантѣ [1]).

Появленіе Киселева у Гизо съ отвѣтнымъ письмомъ Нессельроде разсѣяло заблужденія французской дипломатіи. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ началъ съ сообщенія двухъ оффиціальныхъ депешъ по дѣламъ Сербіи и Греціи. Въ первой изъ нихъ вице-канцлеръ выражалъ французскому правительству благодарность за его сдержанное и безпристрастное поведеніе въ спорѣ, возникшемъ между нами и Портою по поводу незаконнаго избранія въ сербскіе князья Александра Карагеоргіевича, и доказывалъ, что въ дѣлѣ этомъ право на сторонѣ Россіи, замѣтивъ при томъ, что напрасно Гизо думаетъ, будто въ 1840 году мы старались разсорить Францію съ Англіею. Французскій министръ, принявъ благодарность графа Нессельроде,

---

[1]) Баронъ д'Андре Гизо, 25 апрѣля (3 мая) 1843.

сталъ однако отстаивать свое мнѣніе. «Позвольте»,—сказалъ онъ Киселеву,—«сохранить за собою преимущество нашего безпристрастія въ 1843 году. Я не могу сомнѣваться въ усиліяхъ вашего кабинета въ 1840 году, съ цѣлью вызвать или обострить наши несогласія съ Англіею. Императоръ громко высказалъ свое удовольствіе по поводу ихъ. Барантъ донесъ мнѣ о томъ въ свое время. Мы не захотѣли отплатить вамъ тѣмъ же, разжигая ссору вашу съ Портою. Мы не подражали вашему поведенію въ 1840 году, но и не могли позабыть его».

Вторая депеша касалась греческихъ дѣлъ. Вице-канцлеръ былъ очень доволенъ соглашеніемъ, состоявшимся между тремя державами-покровительницами, и сообщалъ инструкціи, данныя нашему посланнику въ Аѳинахъ, которому предписывалось дѣйствовать сообща со своими товарищами великобританскимъ и французскимъ и подчиняться рѣшеніямъ лондонской конференціи. Гизо поблагодарилъ и за это и высказалъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ Элладѣ, настаивая на необходимости для представителей трехъ державъ не увлекаться страстями и ссорами мѣстныхъ политическихъ партій.

Наконецъ, Киселевъ сообщилъ министру длинное довѣрительное письмо графа Нессельроде, долженствовавшее служить отвѣтомъ на его недавнія заявленія. Вице-канцлеръ приглашалъ Гизо не возвращаться къ несогласіямъ, происходившимъ между обоими дворами, ранѣе образованія послѣдняго французскаго министерства, а заняться исключительно настоящимъ. По мнѣнію его, у Россіи были тогда важныя причины, побуждавшія ее не дѣлать парижскому двору частыхъ и довѣрительныхъ сообщеній по европейскимъ вопросамъ. Но нынѣ Франція поступаетъ благоразумно, не ища ссорить Россію съ прочими державами, потому что она не нашла бы болѣе въ Англіи прежней союзницы, усердной и преданной, каковою та была въ десятилѣтіе съ 1830 по 1840 годъ, когда виги были у власти, а Пальмерстонъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Гизо, внимательно выслушавъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, прямо заявилъ ему, что единственнымъ средствомъ положить конецъ недоразумѣніямъ, прошлымъ и настоящимъ, заключается въ одновременномъ возвращеніи обоихъ пословъ, Палена въ Парижъ и Баранта въ Петербургъ [1]).

---

[1]) Гизо барону д'Андре, 8 (20) мая 1843.

Предложенiе это не имѣло ожидаемаго и страстно желаемаго въ Парижѣ успѣха. При встрѣчѣ съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, графъ Нессельроде сказалъ ему: «Между нами, я думаю, что правительство ваше слишкомъ поторопилось. Въ настоящую минуту нѣтъ надобности заниматься нѣкоторыми изъ вопросовъ, обсуждаемыхъ въ данныхъ мнѣ вами для прочтенiя письмахъ. Императоръ нашелъ, что ему навязываютъ условiя, и это испортило хорошее впечатлѣнiе перваго отчета. Впрочемъ, хотя дѣло и испорчено, но далеко не навсегда и при первомъ случаѣ можно будетъ взяться за него снова» [1]).

Слѣдующая депеша Гизо къ барону д'Андре, служа отвѣтомъ на послѣднее объясненiе вице-канцлера, сообщенное Киселевымъ, заключила длинный рядъ изложенныхъ нами переговоровъ, оставшихся безплодными.

«...Графъ Нессельроде полагаетъ, повидимому, что я взялъ инацiативу этихъ разговоровъ и объясненiй, къ коимъ они повели, а именно по вопросу о возвращенiи пословъ въ Парижъ и въ С.-Петербургъ. Я остановился, прочитавъ это мѣсто его депеши и напомнилъ г. Киселеву, что началомъ нашимъ бесѣдамъ послужила фраза, которою, въ депешѣ своей отъ 21 марта, графъ Нессельроде, поручивъ ему поздравить меня съ результатомъ обсужденiя тайнаго фонда, заподозрилъ меня въ недостаточно благопрiятномъ расположенiи къ Россiи. Я, очевидно, не могъ пройдти молчанiемъ этого предположенiя и необъясниться на счетъ моихъ намѣренiй, дурно или вовсе не понятыхъ. Если бы графъ Нессельроде ограничился обращенiемъ ко мнѣ поздравленiй, коими заключалась его депеша, мнѣ и на мысль бы не пришло что либо прибавить къ выраженiю его благодарности. Но приписывая мнѣ неблагопрiятное расположенiе относительно Россiи, онъ ставилъ меня въ безусловную необходимость отвергнуть это предположенiе и поставить мои чувства и ихъ побужденiя внѣ всякаго сомнѣнiя или ложной оцѣнки. Вотъ чѣмъ вызвана была первая моя бесѣда съ г. Киселевымъ и данныя мною ему объясненiя.

«Что же касается до возвращенiя пословъ, то императоръ, спросивъ васъ 3 мая на прiемѣ во дворцѣ: «когда увидимъ мы г. Баранта?» поставилъ меня въ тѣмъ бóльшую необходимость отвѣтить во второмъ моемъ разговорѣ на столь положи-

[1]) Баронъ д'Андре Гизо, iюнь 1843.

тельный вопросъ, и я не могъ дать отвѣта, не выразивъ съ полною откровенностью мнѣнія правительства короля по этому предмету и его мотивовъ.

«Я напомнилъ г. Киселову объ этихъ подробностяхъ и нынѣ возвращаюсь къ нимъ въ обращеніи къ вамъ лишь потому, что графъ Нессельроде говоритъ два или три раза въ своей депешѣ, что я принялъ иниціативу объясненій, что далъ я ихъ по собственному побужденію. Я могъ бы дать ихъ по собственному побужденію, ибо они не имѣли иной цѣли какъ основаніе отношеній обоихъ дворовъ на почвѣ совершенной истины и взаимнаго достоинства; но не подлежитъ сомнѣнію, что я побужденъ былъ дать ихъ и любезнымъ упрекомъ, сдѣланнымъ мнѣ графомъ Нессельроде въ депешѣ отъ 21 марта, и благосклоннымъ вопросомъ, поставленнымъ вамъ императоромъ 3 мая. Я не могъ бы, не нарушивъ моего долга и приличій, пройти молчаніемъ подобныя слова.

«Графъ Нессельроде полагаетъ, что, вступивъ въ объясненія, о которыхъ я напомнилъ, мы слишкомъ поторопились достигнуть цѣли и были слишкомъ рѣшительны въ словахъ. Если бы послы возвратились къ своимъ постамъ, улучшеніе сношеній обоихъ дворовъ могло бы совершиться мало-по-малу и безъ шума. Мы захотѣли получить увѣренность, слишкомъ положительную и внезапную.

«Тутъ я снова прервалъ мое чтеніе. Я не могу»,— сказалъ я г. Киселеву, — «принять этотъ упрекъ; по мнѣнію моему, то, что я сдѣлалъ, должно было быть сдѣлано, то, что я сказалъ, должно было быть сказано двѣнадцать лѣтъ назадъ. Въ вопросахъ, гдѣ замѣшано достоинство, нельзя не объясниться вполнѣ откровенно и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Объясненія эти не должны быть поставлены въ зависимость отъ неопредѣленныхъ случайностей, ни отъ чьего-либо произвола. Безъ возстановленія добрыхъ и правильныхъ отношеній между двумя государями и двумя дворами, возвращеніе пословъ страдало бы недостаткомъ правды и приличія. Король предпочелъ остаться при повѣренныхъ въ дѣлахъ.

«Императоръ, — продолжаетъ графъ Нессельроде въ своей депешѣ, — не можетъ принять столь рѣшительно указанныхъ условій. Коль скоро, въ настоящемъ положеніи обоюдныхъ сношеній, король предпочитаетъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, то

императоръ полагается на него въ опредѣленіи того, что нужно въ данномъ случаѣ.

«Мы никогда и не помышляли, — сказалъ я,—предписывать условія. Требуя то, что намъ довлѣетъ, мы не условія предписываемъ, а отстаиваемъ свое право. Мы высказали просто, откровенно, въ духѣ искренности то, что считаемъ предписаннымъ не императору, а намъ самимъ, собственнымъ нашимъ достоинствомъ».

Депеша заканчивается заявленіемъ, что расположеніе с.-петербургскаго кабинета, относительно сношеній и дѣлъ обѣихъ странъ, останется попрежнему благосклоннымъ. «Я то же самое сказалъ г. Киселеву. Правительство короля уже доказало, что умѣетъ держать свою политику внѣ, я могъ бы сказать,— выше всякаго чисто личнаго впечатлѣнія. Оно будетъ продолжать дѣйствовать во всѣхъ обстоятельствахъ съ тѣми же умѣренностью и безпристрастіемъ. Вообще, оно видитъ во взаимныхъ отношеніяхъ Франціи и Россіи лишь поводы къ доброму согласію обѣихъ странъ, и если въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, отношенія ихъ не всегда представляли этотъ характеръ, то потому что сношенія обоихъ государей и обоихъ дворовъ не совсѣмъ гармонировали съ этимъ существеннымъ фактомъ. Правильность этихъ сношеній—и графъ Нессельроде можетъ припомнить, что мы часто предсказывали это,—сама по себѣ уже составляетъ важный вопросъ, отражающійся на политикѣ обоихъ государствъ. Правительство короля воспользовалось представившимся ему случаемъ, дабы объясниться по этому вопросу съ серіозною откровенностью, и въ интересѣ монархическаго порядка въ Европѣ, равно какъ и ради собственнаго достоинства, оно и останется при томъ, что почитаетъ своимъ правомъ и высшимъ приличіемъ престоловъ» [1]).

---

[1]) Гизо барону д'Андре, 26 іюня (8 іюля) 1843.

VII.

Послѣдніе годы іюльской монархіи.

Неуспѣхъ французскихъ попытокъ къ примиренію.—Предубѣжденіе противъ Франціи императора Николая и русскихъ дипломатовъ.—Укрѣпленіе англо-французскаго союза.—Испанскіе браки и разрывъ Англіи съ Франціей.—Присоединеніе Кракова къ Австріи.—Гизо ищетъ сближенія съ Меттернихомъ.—Соглашеніе Франціи съ Австріею, Пруссіею и Россіею по дѣламъ Швейцаріи.—Паденіе іюльской монархіи.—Послѣдствія разлада Россіи съ Франціей.

Примирительныя попытки Франціи, изложенныя въ предшедшей главѣ не только не улучшили, но можно даже сказать въ значительной степени ухудшили отношенія ея къ Россіи. Выяснилась истинная причина разлада, тѣмъ труднѣе устранимая, что заключалась она не въ недоразумѣніи относительно обоюдныхъ интересовъ, а въ личныхъ воззрѣніяхъ императора Николая на короля Лудовика-Филиппа и источникъ его власти. Нигдѣ и ни въ чемъ политика Франціи не перечила нашей, напротивъ, у обѣихъ странъ оказывались несомнѣнныя точки соприкосновенія, общность видовъ и выгодъ. И все это разбивалось о брезгливость русскаго государя, ни за что не хотѣвшаго протянуть руку королю французовъ, какъ равноправному члену семьи европейскихъ монарховъ. Достоинство же парижскаго двора требовало признанія этой равноправности, какъ conditio sine qua non нормальныхъ дружественныхъ сношеній.

Во время пребыванія своего въ Англіи, лѣтомъ 1844 года, императоръ Николай откровенно высказалъ британскимъ министрамъ взглядъ свой на положеніе дѣлъ во Франціи. Онъ признавалъ достоинства Лудовика-Филиппа какъ государя, заслуги его по поддержанію порядка во Франціи и мира въ Европѣ, выражалъ даже желаніе видѣть утвержденіе его династіи и спокойный переходъ французскаго престола къ его наслѣднику. «Но»,—заключилъ онъ,—«лично, я никогда не буду его другомъ» [1]). Гораздо далѣе шли предубѣжденія тогдашней русской дипломатіи. Она рѣшительно отказывалась вѣрить въ прочность порядка, созданнаго іюльскою революціею и запо-

---

[1]) См. выше, стр. 35—37.

дозрѣвала короля и его совѣтниковъ всѣхъ партій во властолюбивыхъ и безпокойныхъ замыслахъ, направленныхъ къ низверженію установленнаго договорами территоріальнаго устройства не только на Западѣ, но и на Востокѣ [1]).

Мнѣнія эти были навѣяны нашимъ дипломатамъ ихъ Эгеріею, Меттернихомъ, въ промежутокъ времени между 1833 и 1840 годами полновластно господствовавшимъ надъ всѣмъ русскимъ дипломатическимъ вѣдомствомъ. Политика австрійскаго канцлера, какъ мы уже неоднократно имѣли случай указывать, заключалась именно въ томъ, чтобы, сближаясь съ Франціею, насколько позволяли обстоятельства, всѣми силами стараться отдалить отъ нея Россію. Но послѣ событій начала сороковыхъ годовъ, обличившихъ неисправимость вѣнскаго двора въ двуличіи и лукавствѣ по отношенію къ намъ, вліяніе его сильно ослабѣло въ Петербургѣ. Къ несчастію, увлеченіе Австріею смѣнилось въ нашихъ дипломатахъ неудержимымъ стремленіемъ къ единенію съ Англіей, главнымъ сторонникомъ и проводникомъ котораго явился посланникъ въ Лондонѣ баронъ Брунновъ. Онъ ручался за успѣхъ своихъ усилій расположить въ нашу пользу торійскій кабинетъ и разорвать «сердечное соглашеніе», съ 1830 года болѣе или менѣе искренно существовавшее между Англіею и Франціею. Обстоятельство это, конечно, содѣйствовало неудачѣ предпринятыхъ Гизо попытокъ къ примиренію съ нами.

Сознательно или нѣтъ, но Брунновъ ошибался. Министры-торіи дѣйствительно желали жить въ мирѣ и дружбѣ съ Россіей, но и не помышляли о порваніи въ угоду намъ связей, соединявшихъ ихъ съ Франціей. Связи эти стали еще тѣснѣе и прочнѣе прежняго со времени вступленія на престолъ королевы Викторіи и брака ее съ принцемъ Альбертомъ Саксенъ-Кобургскимъ. Молодая чета состояла въ близкомъ родствѣ съ Орлеанскою династіею и руководимая дядею своимъ, королемъ Леопольдомъ бельгійскимъ, очень скоро подружилась съ французскою королевскою семьею. Личныя сношенія обоихъ царственныхъ домовъ завязались посѣщеніемъ лондонскаго двора сыновьями Лудовика-Филиппа, а лѣтомъ 1843 года, англійская королева и принцъ-супругъ неожиданно навѣстили въ

[1]) Ср. отзывъ барона Бруннова, приведенный въ книгѣ моей: «*Внѣшняя политика императора Николая*, стр. 475—478.

*

зáмкѣ Э, короля и королеву французовъ. Въ слѣдующемъ 1844 году, осенью, Лудовикъ-Филиппъ отдалъ имъ визитъ въ Виндзорѣ, а годъ спустя они снова были его гостями въ томъ же зáмкѣ въ Нормандіи.

Такая предупредительность къ королю французовъ и семьѣ его рѣзко контрастовала съ непреклонностью императора Николая и не могла не отразиться и на политическихъ сношеніяхъ кабинетовъ обѣихъ морскихъ державъ. Внимательность королевы Викторіи къ тюильрійскому двору была такъ велика, что когда въ концѣ 1846 года стали неизбѣжны отставка торійскаго министерства и замѣна его вигами, въ кабинетѣ которыхъ портфель иностранныхъ дѣлъ предназначался лорду Пальмерстону, то королева потребовала, чтобы послѣдній, ранѣе своего назначенія, съѣздилъ въ Парижъ примириться съ Лудовикомъ-Филиппомъ и Гизо, все еще не прощавшими ему устраненія Франціи изъ турецко-египетской конвенціи 1840 года. Гордый и своенравный министръ подчинился требованію своей государыни и въ короткое пребываніе въ столицѣ Франціи успѣлъ до того обворожить французовъ, что, какъ повѣтствуетъ его біографъ, скоро изъ «наводящаго ужасъ» обратился въ «милаго лорда Пальмерстона». По возвращеніи въ Лондонъ состоялось назначеніе его министромъ иностранныхъ дѣлъ [1]).

Тѣмъ не менѣе при Пальмерстонѣ, пресловутое «сердечное соглашеніе». Англіи съ Франціею не могло долго продолжаться. По справедливому замѣчанію короля Лудовика-Филиппа, министръ этотъ любилъ ссориться преимущественно съ друзьями. Впрочемъ, слѣдуетъ признать, что поводъ къ этой ссорѣ подалъ самъ парижскій дворъ поведеніемъ своимъ въ дѣлѣ, такъ называемыхъ, «испанскихъ браковъ».

Не вдаваясь въ подробности этого сложнаго дѣла, къ тому же вполнѣ отошедшаго въ область исторіи, постараемся изложить его сущность въ короткихъ словахъ. Вопросъ о томъ, кто будетъ мужемъ молодой испанской королевы, Изабеллы II, давно озабочивалъ кабинеты лондонскій и парижскій. Первый, опасаясь утвержденія вліянія Франціи въ Испаніи, потребовалъ отъ Лудовика-Филиппа положительнаго обѣщанія не искать руки ея католическаго величества для одного изъ сыновей сво-

---

[1]) Ashley: *The life of Viscount Palmerston*, I, p 498.

нихъ, и обѣщаніе это было дано лично королемъ французовъ королевѣ Викторіи при второмъ посѣщеніи ея въ Э, въ 1845 году. Но, въ свою очередь, парижскій кабинетъ заявилъ лондонскому, что не допуститъ иныхъ соискателей, кромѣ бурбонскихъ принцевъ, испанскихъ или неаполитанскихъ. Слѣдуетъ замѣтить, что у королевы Изабеллы была еще меньшая сестра, инфанта Луиза-Фернанда, на которой Лудовикъ-Филиппъ желалъ женить младшаго своего сына, герцога Монпансьерскаго, но и этому воспротивились въ Лондонѣ до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока не выйдетъ замужъ королева и не будетъ имѣть дѣтей,— условіе, на которое тюильрійскій дворъ также выразилъ согласіе. Между тѣмъ, лордъ Пальмерстонъ, только что вступивъ въ должность, въ инструкціи англійскому посланнику въ Мадритѣ, сообщенной и французскому правительству, поименовалъ во главѣ списка жениховъ Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, брата принца Альберта и, слѣдовательно, зятя королевы Викторіи. Кандидатура послѣдняго сочтена была Лудовикомъ-Филиппомъ и Гизо за нарушеніе ихъ уговора съ Англіею, а потому французскому представителю при испанскомъ дворѣ поручено было настоять на скорѣйшемъ заключеніи брака королевы съ ея двоюроднымъ братомъ, донъ-Франциском д'Ассизи, и одновременно просить руки инфанты для герцога Монпансьерскаго. Ловкій дипломатъ съ успѣхомъ исполнилъ оба порученія и въ концѣ августа (началѣ сентября) 1846 года возвѣщенъ былъ въ Мадритѣ предстоящій двойной бракъ—королевы съ инфантомъ и сестры ея съ сыномъ короля французовъ.

Чѣмъ теснѣе была привязанность и дружба, соединявшая обѣ королевскія семьи, французскую и англійскую, тѣмъ рѣшительнѣе, ожесточеннѣе, непримиримѣе оказался послѣдовавшій между ними разрывъ. Король Лудовикъ-Филиппъ и королева Викторія въ довѣрительныхъ письмахъ къ дочери перваго, королевѣ бельгійской Луизѣ, упрекали другъ друга въ обманѣ, въ нарушеніи даннаго слова. Пальмерстонъ, давно и искренно ненавидѣвшій и презиравшій короля французовъ и его перваго министра, не стѣснялся въ своей перепискѣ оффиціальной и частной, клеймя ихъ образъ дѣйствій и личный характеръ самыми оскорбительными выраженіями. «Сердечное соглашеніе» исчезло, какъ призракъ, не оставивъ по себѣ иного слѣда, кромѣ взаимной злобы и жажды мщенія. Такова неминуемая участь всѣхъ политическихъ сочетаній, построенныхъ

на умозрительныхъ разсужденіяхъ объ общности политическихъ началъ, когда они идутъ въ разрѣзъ съ реальными интересами государствъ, съ непреложными законами ихъ развитія, истекающими изъ исторіи. Единеніе Англіи съ Францiею было явленіемъ противоестественнымъ, насильственно осуществленнымъ во имя отвлеченной доктрины. Оно распалось въ прахъ при первомъ столкновеніи теоретическихъ мечтаній съ практическою дѣйствительностію.

Съ «испанскими браками» совпало новое проявленіе солидарности трехъ сѣверныхъ дворовъ, послѣднее передъ революціонною бурею 1848 года, поколебавшею основанія Священнаго Союза. По взаимному соглашенію Россіи, Австріи и Пруссіи, вольный городъ Краковъ покончилъ свое независимое существованіе и былъ присоединенъ къ австрійскимъ владѣніямъ. Англія и Францiя хотя и протестовали противъ такого рѣшенія, но протестовали каждая отдѣльно, такъ какъ Пальмерстонъ и слышать не хотѣлъ о совмѣстномъ дѣйствіи съ Гизо [1]). Содержаніе обоихъ протестовъ, по старой привычкѣ, все еще представляло большое сходство. Англійскій министръ заявлялъ, что по мнѣнію великобританскаго кабинета, уничтоженіе независимости Кракова не было вызвано необходимостью и составляло прямое нарушеніе заключительнаго акта вѣнскаго конгресса [2]). То же утверждалъ въ своей депешѣ Гизо, и даже тономъ гораздо болѣе торжественнымъ. «Послѣ долгихъ и опасныхъ волненій»,—писалъ онъ,—«которые такъ глубоко поколебали Европу, европейскій порядокъ былъ основанъ и поддерживается донынѣ лишь уваженіемъ договоровъ и всѣхъ установленныхъ ими правъ. Ни одна держава не можетъ освободиться отъ нихъ, не освободя въ то же время и всѣ прочія. Францiя не забыла скорбныхъ жертвъ, наложенныхъ на нее трактатами 1815 года; она могла бы обрадоваться поступку, который дозволилъ бы ей, въ силу справедливой взаимности, руководствоваться впредь лишь предусмотрительнымъ разсчетомъ своихъ интересовъ, а между тѣмъ, она призываетъ къ вѣрному соблюденію этихъ самыхъ трактатовъ державы, извлекшія изъ нихъ главныя выгоды! Она въ особенности озабочивается сохране-

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Норманби, 7 (19) ноября 1846.

[2]) Лордъ Пальмерстонъ великобританскимъ представителямъ въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, 11 (23) ноября 1846.

ніемъ установленныхъ правъ и уваженія независимости государствъ [1]).

Протестъ по Краковскому дѣлу былъ, впрочемъ, послѣднимъ дѣйствіемъ Гизо, направленнымъ противъ охранительнаго союза трехъ державъ Сѣвера. Онъ живо чувствовалъ потребность сближенія, если не со всѣми, то хотя съ одною изъ нихъ. О Россіи нечего было и думать. Пруссія, съ воцаренія Фридриха-Вильгельма IV, обнаруживала сильное тяготѣніе къ Англіи. Оставалась Австрія.

Весною 1847 года, Гизо отправилъ въ Вѣну тайнаго агента, нѣкоего Клиндворта, австрійца, поселившагося въ Парижѣ и занимавшагося тамъ газетною политикою. Ему было поручено увидѣться съ канцлеромъ и переговорить съ нимъ о четырехъ, вопросахъ стоявшихъ въ то время на очереди европейскихъ кабинетовъ: 1) о намѣреніи короля прусскаго созвать представительное собраніе; 2) о несогласіяхъ, возникшихъ между Греціею и Портою; 3) о либеральномъ движеніи въ Италіи; 4) объ испанскомъ наслѣдствѣ. Посланный Гизо былъ принятъ Меттернихомъ съ большою предупредительностью и легко сошелся съ нимъ по всѣмъ перечисленнымъ выше предметамъ [2]). По возвращеніи его въ Парижъ, Гизо обратился уже непосредственно къ австрійскому канцлеру съ льстивымъ письмомъ, въ которомъ прямо предлагалъ установленіе тѣснаго соглашенія между Австріею и Франціею. Онъ выражалъ сожалѣніе, что лишенъ возможности свидѣться съ нимъ и бесѣдовать лично. «Чѣмъ болѣе я познаю издали вашъ умъ»,— восклицалъ министръ Лудовика-Филиппа, — «тѣмъ болѣе испытываю нужду и желаніе видѣть васъ всецѣло. А видѣть можно въ дѣйствительности только своими глазами. Понимаешь другъ друга, лишь когда говоришь одинъ съ другимъ. За неимѣніемъ и въ ожиданіи сего,—такъ какъ я въ этомъ не отчаяваюсь,—я буду счастливъ вамъ писать съ тѣмъ, чтобы и вы мнѣ писали, и чтобы наши сообщенія, хотя и оставаясь отдаленными, были по меньшей мѣрѣ личными и интимными. Это не будетъ достаточно, но все же лучше для дѣлъ. А для меня это составитъ великое удовольствіе, равно какъ и великое благо въ дѣлахъ. Я не знаю высшаго удовольствія, чѣмъ

---

[1]) Гизо французскимъ представителямъ въ Петербургѣ, Вѣнѣ, и Берлинѣ, 21 ноября (3 декабря) 1846.

[2]) Князь Меттернихъ графу Аппони, 31 марта (12 апрѣля) 1847.

близкое общеніе съ великимъ умомъ». За этимъ заискивающимъ вступленіемъ слѣдовало изложеніе взгляда Гизо на положеніе дѣлъ въ Европѣ. Надъ всѣми прочими вопросами господствуетъ-де вопросъ соціальный. Современное общество не въ упадкѣ, но по странному совпаденію, безпримѣрному въ исторіи, оно въ одно и то же время находится въ состояніи и развитія, и разложенія; съ одной стороны полно жизни, съ другой подвергается опасности, смерти, которою грозитъ ему безначаліе. «Съ различными исходными точками и средствами дѣйствія»—продолжалъ Гизо,—«мы боремся, вы и я, — я горжусь этою мыслью,—боремся съ цѣлью предохранить общество или исцѣлить его отъ зла. Вотъ въ чемъ нашъ союзъ. Вотъ чѣмъ, безъ спеціальныхъ и явныхъ конвенцій, мы можемъ всюду и въ каждомъ важномъ случаѣ придти къ соглашенію и взаимно поддерживать другъ друга». Поручившись за искренность консервативнаго направленія французской политики, Гизо въ слѣдующихъ словахъ развивалъ свои предложенія: «На Западѣ и въ центрѣ Европы, въ Испаніи, въ Италіи, въ Швейцаріи, въ Германіи, соціальный вопросъ волнуется и господствуетъ. Въ этихъ странахъ есть революціи, которыя должно закончить или предупредить. На Востокѣ Европы, вокругъ Чернаго моря и Архипелага, вопросъ представляется болѣе политическимъ, чѣмъ соціальнымъ. Тамъ государства, которыя приходится поддержать или сдержать. Только съ помощью Франціи и консервативной французской политики можно съ успѣхомъ бороться противъ духа революціи и безначалія, въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ витаетъ, т. е. въ Западной Европѣ. А въ Европѣ Восточной, гдѣ можетъ народиться столько политическихъ усложненій, французскій интересъ, очевидно, согласуется съ интересомъ европейскимъ и въ особенности съ австрійскимъ интересомъ» [1]). Смыслъ этихъ словъ былъ ясенъ: Гизо предлагалъ Меттерниху тѣсный союзъ на Западѣ противъ всемірной революціи и противъ Россіи на Востокѣ.

Но въ разсчеты австрійскаго канцлера не входило мѣнять испытанную и могучую поддержку Россіи, на шаткую опору, уже поколебленной въ своихъ основаніяхъ, монархіи Лудовика-Филиппа. Тѣмъ не менѣе онъ не отвергнулъ предложеній Гизо, а отвѣчалъ на нихъ въ общихъ выраженіяхъ. «Франція»,—

---

[1]) Гизо князю Меттерниху, 6 (18) мая 1847.

писалъ онъ ему,—«двигаясь въ консервативномъ направленіи можетъ быть увѣрена, что встрѣтится съ Австріею и одна эта встрѣча уже служитъ залогомъ всеобщаго покоя» [1]). По мѣрѣ того, какъ яснѣе и повсемѣстнѣе стали проявляться первые предвѣстники наступавшей революціонной грозы, какъ обнаруживалось сочувствіе имъ и помощь лорда Пальмерстона, Меттернихъ, увѣренный въ Россіи, все болѣе и болѣе сближался съ Франціей. Выдѣленіе нѣсколькихъ швейцарскихъ кантоновъ въ особый союзъ и возгорѣвшаяся между ними и федеральнымъ правительствомъ борьба, дали реальную почву для этого сближенія. Какъ Австрія, такъ и Франція, враждебно относились къ центральной власти въ Швейцаріи, находившейся въ рукахъ радикаловъ и благопріятствовали, такъ называемому, Зондербунду католическихъ кантоновъ. Онѣ обвиняли федеральное правительство въ стремленіи посягнуть на кантональную независимость и тѣмъ нарушить конституцію союза, гарантированную Европою на вѣнскомъ конгрессѣ. Между Вѣною, Парижемъ и Берлиномъ происходили дѣятельные переговоры объ оказаніи поддержки Зондербунду противъ бернскихъ радикаловъ; когда же послѣдніе окончательно восторжествовали надъ расколомъ, то представители упомянутыхъ трехъ дворовъ собрались на совѣщаніе въ столицѣ Франціи. Англія не только отказалась принять въ немъ участіе, но и дѣйствовала въ Швейцаріи прямо наперекоръ видамъ державъ материка, поддерживая федеральное правительство. Но Меттернихъ ручался за приступленіе Россіи къ общему ихъ рѣшенію. Оно состояло въ томъ, чтобы объявить въ торжественной декляраціи, что великія державы считаютъ швейцарскій союзъ распавшимся и впредь до его возстановленія пріостанавливаютъ дѣйствіе преимуществъ, признанныхъ за нимъ въ 1815 году, разумѣя подъ этимъ нейтралитетъ Швейцаріи. Дальнѣйшимъ шагомъ должно было быть вооруженное вмѣшательство Австріи, Франціи и Германскаго союза [2]). Меттернихъ извѣщалъ австрійскаго посла въ Парижѣ, что онъ собственною властью пригласилъ русскаго посланника въ Швейцаріи присоединиться къ заявленію представителей Австріи, Франціи и Пруссіи. «Остается знать»,—присовокуплялъ онъ,—«что г. Криднеръ сочтетъ себя

---

[1]) Князь Меттернихъ Гизо, 3 (15) іюня 1847.
[2]) Князь Меттернихъ графу Колоредо, 3 (15) декабря 1847.

вправѣ сдѣлать. На его мѣстѣ, я не колебался бы ни минуты. Въ чемъ я не сомнѣваюсь, такъ это въ полномъ ободреніи императоромъ Николаемъ содержанія деклараціи, въ томъ видѣ, въ какомъ она окончательно установлена въ Парижѣ... Пусть же г. Гизо не сомнѣвается, что Россія будетъ дѣйствовать сообща съ нами, т. е. съ тремя державами материка. Если, прежде чѣмъ принять рѣшеніе, г. Криднеръ станетъ ожидать приказанія изъ С.-Петербурга, то онъ получитъ это приказаніе, ибо декларація удовлетворитъ императора». Такъ говорилъ австрійскій канцлеръ, заранѣе предрѣшая сужденіе русскаго двора и событія оправдали его самоувѣренность. Россія дѣйствительно приступила къ принятому въ Парижѣ рѣшенію.

Такимъ образомъ, передъ самымъ концомъ іюльской монархіи состоялся, съ одной стороны, ея явный и полный разрывъ съ Англіею, съ другой — соглашеніе ея съ тремя сѣверными дворами. Заслуживаетъ вниманія при этомъ, что то, на что нашъ дворъ не соглашался во имя нашихъ собственныхъ нуждъ и пользъ и вслѣдствіе прямого обращенія къ намъ Франціи, осуществилось при австрійскомъ посредничествѣ, во имя отвлеченныхъ началъ охранительной политики и общихъ интересовъ Европы.

Но новое политическое сочетаніе, сложившееся въ началѣ 1848 года, просуществовало недолго. Революціонная буря, пронесшаяся по Западной Европѣ, однимъ ударомъ низвергла престолъ Лудовика-Филиппа, другимъ снесла Меттерниха и всю его политическую систему. Вѣсть о быстромъ и плачевномъ концѣ іюльской монархіи произвела потрясающее впечатлѣніе на императора Николая. Если вѣрить показанію современника и очевидца, то всеобщая война представилась государю, какъ неизбѣжное ея послѣдствіе. «Сѣдлайте вашихъ коней, господа; во Франціи республика», — таковы были слова, съ которыми его величество обратился къ офицерамъ на праздникѣ въ Зимнемъ дворцѣ, держа въ рукахъ депешу о парижскихъ событіяхъ. Младшимъ сыновьямъ своимъ, великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, онъ замѣтилъ, что быть можетъ имъ придется будущимъ лѣтомъ продолжать свое образованіе на поляхъ сраженій [1]).

Войны пока вести не пришлось. Революція охватила весь

[1]) A. Th. von Grimm: *Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland*, II, p. 297.

Западъ Европы и преобразила его. Во Франціи, послѣ кратковременнаго существованія республики, возродилась вторая имперія, которая, подобно іюльской монархіи, начала съ того, что предложила Россіи союзъ и дружбу. Тѣ же причины, какъ и за два десятилѣтія предъ тѣмъ, побудили императора Николая уклониться отъ сближенія съ третьимъ Бонапартомъ. Послѣдствіемъ была Крымская война, въ продолженіе которой Франція, въ ущербъ собственнымъ интересамъ и въ угоду лишь своей номинальной союзницѣ, а дѣйствительной соперницѣ Англіи, нанесла тяжкіе удары той изъ европейскихъ державъ, которая природою и исторіею предназначена быть ея единственнымъ искреннимъ другомъ. Крымская война породила, какъ извѣстно, франко-итальянскую, создавшую объединеніе Италіи, а это объединеніе естественно повлекло за собою и германское единство, осуществленное путемъ разгрома Франціи, соединенными силами нѣмецкихъ государствъ, съ дозволенія Россіи и не безъ ея поддержки.

Не пора ли обѣимъ странамъ перестать служить слѣпымъ орудіемъ общихъ своихъ враговъ и противниковъ и, научась опытомъ исторіи, соединить свои силы для совмѣстной защиты собственныхъ интересовъ, нигдѣ и ни въ чемъ не сталкивающихся, для удержанія въ надлежащихъ предѣлахъ хищныхъ и безпокойныхъ сосѣдей и для утвержденія на незыблемомъ основаніи мира и равновѣсія Европы?

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ И ПРУССКІЙ ДВОРЪ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ И ПРУССКІЙ ДВОРЪ.

Личныя отношенія императора Николая къ прусскому королевскому дому относятся къ эпохѣ сравнительно неотдаленной, но мало разработаны въ исторической литературѣ, и остаются до сего времени почти неизвѣстными русскому обществу. Хотя они и носили на себѣ преимущественно родственный и семейный отпечатокъ, но, однако, этою стороною далеко еще не исчерпывается ихъ значеніе. Они, несомнѣнно, отразились и на общемъ направленіи внѣшней политики Россіи въ продолженіе тридцатилѣтняго царствованія и, съ этой точки зрѣнія, представляютъ, независимо отъ бытового, и большой политическій интересъ.

Пруссія первой половины настоящаго столѣтія далека была по своему пространству и могуществу отъ того государства, которое стоитъ нынѣ во главѣ объединенной Германіи. Съ тогдашнимъ пятнадцатимилліоннымъ населеніемъ своимъ, она была слабѣйшею изъ великихъ державъ Европы. Въ случаѣ столкновенія съ могучими сосѣдями, она не могла надѣяться отстоять независимость свою однѣми собственными силами. Ей необходимъ былъ твердый оплотъ извнѣ и такимъ оплотомъ съ 1813 года служила для нея Россія. Она могла тѣмъ болѣе положиться на насъ, что русская дружба покоилась не столько на политическомъ разсчетѣ, сколько на личной глубокой и искренней привязанности къ королю Фридриху-Вильгельму III двухъ русскихъ государей, изъ коихъ первый почиталъ въ немъ сподвижника своего въ дѣлѣ освобожденія Европы, второй же уважалъ тестя и маститаго представителя политической системы, сохранившей въ исторіи названіе Священнаго Союза.

Еще при жизни императора Николая, а въ особенности послѣ его смерти, германскіе историки и публицисты изъ національно-либеральнаго лагеря пытались заподозрить отношенія его къ прусскому двору, приписывая ему своекорыстные и честолюбивые замыслы, желаніе господствовать надъ слабымъ и податливымъ сосѣдомъ. Жалобы эти раздаются и доселѣ, каждый разъ, какъ въ нѣмецкой печати возбуждается вопросъ объ обязательствахъ Германіи предъ Россіею, обязательствахъ, кои современные нѣмцы всячески стараются, если не опровергнуть, то, по крайней мѣрѣ, отрицать. Основательное и безпристрастное знакомство съ историческими фактами приводитъ къ совершенно противоположному выводу. Оно несомнѣнно доказываетъ, что въ сношеніяхъ съ Пруссіею, болѣе чѣмъ съ кѣмъ-либо, императоръ Николай увлекался свойственными ему великодушіемъ и безкорыстіемъ, и всѣми силами споспѣшествовалъ развитію и утвержденію международнаго положенія этой державы, всегда готовый защищать ее отъ внѣшнихъ нападеній, и не дозволяя себѣ при этомъ ни малѣйшаго посягательства на ея внутреннюю самостоятельность. Подъ могучимъ его покровомъ выросла и окрѣпла Пруссія и развила въ себѣ тѣ нравственныя и вещественныя силы, которыя дали ей возможность двадцать лѣтъ назадъ взять въ свои руки дѣло единства Германіи и осуществить въ свою пользу эту завѣтную мечту нѣмецкаго народа.

Справедливость требуетъ признать, что императоръ Николай не желалъ и не допускалъ этого результата, потому уже, что достигнуть его нельзя было иначе, какъ путемъ ниспроверженія порядка, установленнаго въ Европѣ вѣнскимъ конгрессомъ, порядка, поддержаніе коего государь считалъ обязанностью не только своею, но и всѣхъ прочихъ европейскихъ монарховъ. Руководившее имъ въ семъ случаѣ чувство законности и уваженія къ существующимъ договорамъ вполнѣ совпадало съ политическими пользами Россіи и съ вѣковыми преданіями политики русскаго двора, всегда стремившагося къ соблюденію равновѣсія въ Германіи между домами Габсбургскимъ и Гогенцоллернскимъ. Этого доселѣ не могутъ простить памяти императора Николая нѣмецкіе писатели-патріоты, не принимая въ соображеніе, что находясь, въ одинаковыхъ союзныхъ отношеніяхъ къ дворамъ вѣнскому и берлинскому, онъ не могъ, безъ нарушенія торжественно принятыхъ обязательствъ, отдать

одного на жертву другому. Они забываютъ также, что образъ мыслей русскаго государя вполнѣ раздѣлялъ и самъ тесть его, король Фридрихъ-Вильгельмъ III, а до революціи 1848 года и оба сына послѣдняго, занимавшіе впослѣдствіи одинъ за другимъ прусскій престолъ.

Императоръ Николай не могъ сочувствовать и преобразованію Пруссіи въ государство конституціонное, начало коему было положено въ первые же годы по воцареніи Фридриха-Вильгельма IV. Онъ искренно любилъ и уважалъ Пруссію, но Пруссію государственную, историческую, съ ея военною организаціею и строгою дисциплиною во всѣхъ отрасляхъ народной жизни, управляемую неограниченною властью короля, дружественно расположенную къ Россіи и благодарную ей за жертвы, ею принесенныя возстановленію монархіи Великаго Фридраха въ прежнемъ блескѣ и могуществѣ.

Смѣемъ надѣяться, что въ нижеслѣдующихъ страницахъ, излагающихъ личныя отношенія государя къ берлинскому двору за сорокъ слишкомъ лѣтъ (1814—1855 гг.), намъ удастся разсѣять ложь и клевету, распущенныя его и нашими недоброжелателями, и возстановить во всей чистотѣ и безупречности нравственный обликъ императора Николая, какъ преданнаго родственника и друга прусской династіи, добраго сосѣда и вѣрнаго союзника прусскаго государства и народа.

I.

Помолвка.

(1813—1817).

Русско-прусскія отношенія въ началѣ XIX вѣка.—Союзъ 1813 года.—Предположеніе о скрѣпленіи его союзомъ родственнымъ между императорскимъ и королевскимъ домами. — Неудачныя попытки такого союза въ XVIII столѣтіи.—Нерасположеніе къ нему Фридриха II.—Первое посѣщеніе Берлина великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Павловичами. — Празднества въ Берлинѣ при возвращеніи русскихъ войскъ изъ Франціи въ 1814 году. — Личная дружба короля Фридриха-Вильгельма III къ императору Александру I.— Помолвка великаго князя Николая съ принцессою Шарлоттою. — Путешествіе его по чужимъ краямъ.—Наставленіе принцессы въ правилахъ православной вѣры.

Въ исторіи международныхъ сношеній европейскихъ государствъ не существуетъ другого примѣра столь быстрыхъ и

рѣзкихъ перемѣнъ, какъ тѣ, которыя въ продолженіе первыхъ тринадцати лѣтъ настоящаго столѣтія происходили во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Пруссіи, нѣсколько разъ переходившихъ отъ самой тѣсной дружбы къ открытой враждѣ. Причиною ихъ была слабость и нерѣшительность короля Фридриха-Вильгельма III и постоянныя колебанія его между естественнымъ влеченіемъ къ Россіи и страхомъ, внушаемымъ ему и его министрамъ Наполеоновскою Франціею.

На второй годъ по воцареніи императора Александра I, при личномъ свиданіи съ нимъ въ Мемелѣ, король прусскій поклялся ему въ вѣчной дружбѣ [1]), но уже въ слѣдующемъ году предлагалъ Наполеону вступить съ нимъ въ наступательный и оборонительный союзъ [2]). Годъ спустя, берлинскій дворъ снова сблизился съ нашимъ и обмѣнялся съ нимъ деклараціями, устанавливавшими общія мѣры противодѣйствія французскимъ захватамъ [3]). Но какъ только дѣло дошло до ихъ приведенія въ исполненіе, король не только отказался приступить къ коалиціи, состоявшейся между Россіею, Англіею и Австріею, но и воспротивился проходу русскихъ войскъ чрезъ свои владѣнія, заявивъ, что сочтетъ это за объявленіе войны. Войска наши уже готовились ко вторженію силою въ прусскіе предѣлы, когда въ намѣреніяхъ короля произошла новая перемѣна, вызванная нарушеніемъ прусскаго нейтралитета императоромъ французовъ, направившимъ одинъ изъ своихъ корпусовъ чрезъ принадлежавшія тогда Пруссіи княжества Ансбахъ и Байрейтъ въ Франконіи. Послѣдствіемъ было прибытіе императора Александра въ Берлинъ, возобновленіе клятвы въ вѣчной дружбѣ на гробницѣ Фридриха Великаго и заключеніе въ Потсдамѣ договора, коимъ Пруссія обязалась сначала предложить воюющимъ сторонамъ свое посредничество на соглашенныхъ съ нами условіяхъ, а въ случаѣ ихъ отверженія, присоединить всѣ свои силы къ силамъ Россіи, Австріи и Англіи для общаго дѣйствія противъ Наполеона [4]). Не прошло и шести недѣль со дня подписанія Потсдамскаго договора, какъ

---

[1]) Свиданіе императора Александра I съ королемъ и королевою прусскими произошло въ Мемелѣ, съ 29 мая (10 іюня) по 4 (16) іюня 1802.

[2]) См. Thiers: «*Histore du Consulat et de l'Empire*», V, стр. 3—9.

[3]) Русская и прусская деклараціи, 12 (24) мая 1804.

[4]) Потсдамскій договоръ между Россіею и Пруссіею, 22 октября (3 ноября) 1805.

берлинскій дворъ, устрашенный исходомъ Аустерлицскаго сраженія, спѣшилъ не только покинуть своихъ союзниковъ, но и заключить съ Франціею союзный трактатъ, по которому онъ изъ рукъ Наполеона принялъ Ганноверскую область, принадлежавшую королю великобританскому [1]). Въ продолженіе всего 1806 года, онъ велъ переговоры въ противуположномъ направленіи, съ Франціею—чрезъ графа Гауквица и чрезъ барона Гарденберга—съ Россіею, переговоры, приведшіе, наконецъ, къ войнѣ съ первою державою, при содѣйствіи второй. Извѣстны гибельныя для Пруссіи событія этой войны, полное уничтоженіе ея военной силы и покореніе французами всей территоріи королевства. По Тильзитскому мирному договору, Наполеонъ лишь изъ уваженія къ императору всероссійскому возвратилъ королю прусскому часть его владѣній [2]), что не мѣшало прусскимъ министрамъ обвинять насъ въ вѣроломствѣ и въ «постыдной» измѣнѣ нашему союзническому долгу [3]). Король, повидимому, не раздѣлялъ этого мнѣнія. По крайней мѣрѣ, ни къ кому иному, какъ къ императору Александру, обращался онъ съ просьбами объ исходатайствованіи у Наполеона облегченія тяжелыхъ условій, наложенныхъ императоромъ французовъ на Пруссію.

Въ концѣ 1808 года, онъ и королева посѣтили въ Петербургѣ своего великодушнаго заступника [4]). Но когда начали обнаруживаться признаки близкаго разрыва между Россіею и Франціею, въ шаткомъ умѣ Фридриха-Вильгельма III возобновились прежнія колебанія. Королева Луиза, ревностная сторонница русскаго союза, между тѣмъ, скончалась, министръ баронъ Штейнъ, былъ удаленъ отъ должности по требованію Наполеона, и король, и совѣтники его, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе склонялись въ пользу сближенія съ тюильрійскимъ дворомъ. Въ извиненіе имъ, слѣдуетъ замѣтить, что французскія войска занимали еще бо̀льшую часть прусской территоріи, что важнѣйшія крѣпости были въ рукахъ французовъ, что прусская армія была низведена до численнаго состава въ

[1]) Шёнбрунскій договоръ между Франціею и Пруссіею, 3 (15) декабря 1805.

[2]) Тильзитскій договоръ между Россіею и Франціею, 26 іюня (8 іюля) 1807.

[3]) *Denkwürdigkeiten des Fürsten von Hardenberg*, III, стр. 525.

[4]) Король и королева прусскіе пробыли въ Петербургѣ около мѣсяца, съ 26 декабря 1808 (7 января 1809) по 19 (31) января 1809.

*

45,000 человѣкъ. Тѣмъ не менѣе сначала, казалось, чувство негодованія за претерпѣнное униженіе возьметъ верхъ надъ соображеніями политическаго свойства и осенью 1811 года въ Петербургъ былъ отправленъ начальникъ прусскаго генеральнаго штаба, генералъ Шарнгорстъ, который заключилъ съ русскимъ государственнымъ канцлеромъ, графомъ Румянцовымъ, и военнымъ министромъ, Барклаемъ де-Толли, тайную конвенцію о совокупномъ дѣйствіи противъ Франціи въ случаѣ объявленія ею войны Россіи [1]. Но король не утвердилъ этой конвенціи. Напротивъ, онъ взялъ на себя починъ предложенія французскому правительству наступательнаго и оборонительнаго союза противъ Россіи. Союзный договоръ между Франціею и Пруссіею былъ подписанъ въ началѣ 1812 года. Въ силу его, Пруссія ставила въ распоряженіе Наполеона двадцатитысячный вспомогательный корпусъ для войны съ Россіею, за что при заключеніи мира ей обѣщалось территоріальное вознагражденіе на счетъ русскихъ владѣній [2]. Само собою разумѣется, что войскамъ императора французовъ и его союзниковъ, имѣвшимъ вторгнуться въ Россію, обезпечивался свободный проходъ чрезъ прусскія области [3]. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія государя, король Фридрихъ-Вильгельмъ искалъ извинить свой поступокъ настоятельною необходимостью. «Мнѣ нѣтъ надобности»,—писалъ онъ,—«высказывать вамъ, чего стоило мнѣ принять такое рѣшеніе, но я вѣрю, что исполнилъ мой первый долгъ, принеся самыя дорогія мои чувства въ жертву сохраненію государства и я полагаюсь въ томъ на мою совѣсть. И такъ, государь, пожалѣйте обо мнѣ, но не осуждайте меня... Какой бы оборотъ ни приняли событія, моя неизмѣнная преданность къ особѣ вашего величества не потеряетъ своей силы. Если вспыхнетъ война, то мы нанесемъ

[1]) Петербургская конвенція между Россіею и Пруссіею, 5 (17 октября) 1811.

[2]) Въ бумагахъ генерала Михайловскаго-Данилевскаго имѣется слѣдующая собственноручная его замѣтка по этому вопросу: «Пруссія требовала Курляндію, Лифляндію и Эстляндію. Когда Наполеону объ этомъ доложилъ Бассано, то онъ сказалъ: «Et le serment sur le tombeau de Frédéric?(а клятва на гробѣ Фридриха?)» Къ сожалѣнію почтенный историкъ не указалъ на источникъ, изъ котораго почерпнулъ это свѣдѣніе. Впрочемъ, оно подтверждается данными, обнародованными профессоромъ Онкеномъ въ его изслѣдованіи: «*Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege*».

[3]) Парижскій договоръ между Пруссіею и Франціею, 12 (24) февраля 1812. Подобный же трактатъ заключенъ былъ Франціею съ Австріею, 2 (14) марта того же года.

другъ другу вреда лишь настолько, насколько того потребуетъ крайняя необходимость. Мы всегда вспомнимъ, что мы друзья, что мы должны когда-нибудь снова стать союзниками и, уступая непреодолимой силѣ, мы сохранимъ свободу и искренность нашихъ чувствъ» [1]).

Неожиданная развязка кровавой драмы 1812 года привела прусское правительство въ крайнее замѣшательство. «Великой» арміи не существовало, побѣдоносныя русскія войска готовились перейти Нѣманъ, воззваніе князя Кутузова, обращенное къ германскимъ государямъ и народамъ, приглашало ихъ сбросить съ себя ненавистное иго французовъ, и съ русскою помощью отвоевать независимость отечества. Но съ другой стороны, французскіе отряды занимали главныя крѣпости королевства и самую столицу; король, его семейство, всѣ министры, были въ ихъ власти. И армія, и народъ, громко требовали расторженія союза съ Наполеономъ и соединенія съ русскими, въ коихъ они привѣтствовали освободителей Германіи. Но правительство долго колебалось. Чрезвычайные посланные отправлены были въ Парижъ и въ главную квартиру императора Александра. Командиръ прусскаго вспомогательнаго корпуса, генералъ Іоркъ, подалъ первый примѣръ отпаденія отъ французовъ, подписавъ конвенцію съ русскимъ уполномоченнымъ, генераломъ Дибичемъ, о непринятіи участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ насъ, впредь до полученія приказаній короля. Вслѣдъ за тѣмъ, въ самый новый годъ, войска наши вступили въ восточную Пруссію и въ герцогство Варшавское. Они уже заняли Кёнигсбергъ, когда, наконецъ, король рѣшился покинуть Берлинъ, находившійся во власти французовъ, и искать со всею своею семьею убѣжища въ Бреславлѣ, въ Силезіи. Оттуда посланы были во всѣ концы Пруссіи приказанія о приведеніи арміи на военную ногу. Въ письмѣ къ государю, Фридрихъ-Вильгельмъ извѣщалъ, что полковнику Кнезебеку поручено вступить въ переговоры относительно заключенія «договора дружбы и союза», который,—присовокуплялъ онъ,—«надѣюсь, навсегда соединитъ наши государства, подобно тому, какъ сами мы соединены душою и чувствомъ» [2]).

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ III императору Александру I, 19 (31) марта 1812.

[2]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ III императору Александру I, 27 января (8 февраля) 1813.

Но прошло не мало времени, прежде чѣмъ договоръ этотъ состоялся. Переговоры велись въ Калишѣ, въ нашей главной квартирѣ. Прусскій уполномоченный предъявлялъ странныя притязанія, какъ будто дѣло шло не объ освобожденіи Пруссіи Россіею, а наоборотъ. Онъ требовалъ, между прочимъ, чтобы русскій дворъ напередъ отказался отъ какихъ бы то ни было завоеваній и обѣщалъ возвратить королю нѣкогда принадлежавшія ему земли, входившія въ составъ Варшавскаго герцогства. Чтобы положить конецъ этимъ неумѣстнымъ препирательствамъ, императоръ Александръ отправилъ собственныхъ уполномоченныхъ къ королю въ Бреславль, съ готовымъ проектомъ союзнаго трактата. Въ немъ заключалось обязательство Россіи всѣми силами содѣйствовать возстановленію Прусской монархіи въ прежней ея силѣ и пространствѣ и не полагать оружія, доколѣ результатъ этотъ не будетъ достигнутъ. Король и его канцлеръ, баронъ Гарденбергъ, приняли русскій проектъ безъ малѣйшаго измѣненія. Трактатъ былъ подписанъ въ Бреславлѣ Гарденбергомъ 15 (27) и Кутузовымъ въ Калишѣ 16 (28) февраля 1813 года, то есть когда уже наши казачьи разъѣзды показались въ ближайшихъ окрестностяхъ Берлина. Три дня спустя, русскія войска, подъ главнымъ начальствомъ графа Витгенштейна, заняли оставленную французами столицу Пруссіи.

Императоръ Александръ спѣшилъ въ Бреславль обнять своего стараго друга и вновь обрѣтеннаго союзника. Король издалъ воззваніе къ своему народу, соединилъ войска свои съ русскими и объявилъ войну Франціи. Одновременно возстановлены были правильныя дипломатическія сношенія между двумя союзными дворами. Посланникомъ въ Берлинъ государь назначилъ Даніила Алопеуса, братъ котораго долгіе годы представлялъ Россію въ Пруссіи. Въ инструкціи, данной этому дипломату, его величество вмѣнялъ ему въ обязанность стараться обратить прусскую монархію «въ авангардъ Россіи, привязавъ ее къ вѣсамъ Сѣвера, въ общемъ равновѣсіи [1]).

Съ этого времени, король Фридрихъ Вильгельмъ III уже до конца жизни оставался вѣренъ союзу и дружбѣ своей съ русскимъ дворомъ. Личная привязанность его къ императору Александру возрасла и окрѣпла въ продолженіе кампаніи 1813

[1]) Императоръ Александръ I Даніилу Алопеусу, мартъ 1813.

года, блестящіе успѣхи которой, имѣвшіе послѣдствіемъ независимость Пруссіи и всей Германіи, могли только развить и усилить чувства признательности короля къ тому, кого тогда уже называли освободителемъ Европы. Послѣ Лейпцигской битвы, обезпечившей торжество «общаго дѣла», естественно, зародилась въ умѣ обоихъ государей мысль скрѣпить личную дружескую связь родственными узами между ихъ царственными семьями.

Не смотря на вѣковыя союзническія отношенія Россіи съ Пруссіею, русскій императорскій домъ ни разу до того еще не породнился съ прусскою королевскою фамиліею. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія была рѣчь о бракѣ между старшимъ сыномъ короля Фридриха-Вильгельма II, наслѣднымъ принцомъ Фридрихомъ, съ принцессою Анною Мекленбургскою, племянницею императрицы Анны Ивановны и будущею наслѣдницею русскаго престола. Нелюбившій своего первенца старый король желалъ посредствомъ этого брака устранить его отъ наслѣдованія въ Пруссіи, которая по воцареніи Фридриха въ Россіи перешла бы къ его брату. «Хорошо», -- писалъ по этому поводу Фридрихъ-Вильгельмъ II къ своему посланнику при петербургскомъ дворѣ, — «пусть старшій мой сынъ отречется и будетъ русскимъ императоромъ, другой сынъ—королемъ прусскимъ. Вы должны работать въ этомъ смыслѣ, вести всѣ переговоры самымъ тайнымъ образомъ, а также ничего не говорить Левенвольду» [1]. Но бракъ этотъ не состоялся, отчасти благодаря проискамъ вѣнскаго двора, главнымъ же образомъ вслѣдствіе неохоты кронпринца Фридриха отречься отъ наслѣдственныхъ правъ своихъ на прусскій престолъ [2]. Когда, десять лѣтъ спустя, императрица Елисавета искала невѣсты для племянника и будущаго своего преемника великаго князя Петра Ѳеодоровича и русскій канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ указалъ государынѣ на принцессу Амалію, сестру короля Фридриха II прусскаго, то послѣдній предписалъ своему представителю въ Петербургѣ «избѣгать и уклоняться отъ всякихъ разсужденій о бракѣ» [3]. «Его королевское величество

---

[1]) Собственноручная резолюція короля Фридриха-Вильгельма II на донесеніи Мардефельда изъ Петербурга, сентябрь 1731.

[2]) Принцъ Евгеній Савойскій австрійскому посланнику въ Берлинѣ, графу Секендорфу, 16 (27) декабря 1730 и 12 (23) февраля 1731.

[3]) Кабинетъ-секретарь Эйхель государственному министру, графу Подевильсу, 19 (30) іюля 1742.

знать ничего не хочетъ о русскомъ свадебномъ дѣлѣ»,—писалъ его секретарь министру иностранныхъ дѣлъ [1]). Но когда король узналъ о предположеніи женить великаго князя на саксонской принцесѣ, то постарался разстроить этотъ бракъ, опасный для Пруссіи. Онъ поручилъ Мардефельду обратить вниманіе императрицы на единственную дочь принцессы Ангальтъ-Цербтской, «которой хотя всего лишь четырнадцать лѣтъ, но она прекрасна, статна и уже вполнѣ развита... Что же касается до сестеръ моихъ,» — тутъ же прибавилъ онъ, — «то вамъ достаточно извѣстно рѣшеніе мое не выдавать ни одной изъ нихъ замужъ въ Россіи. Итакъ вы должны ловко устроить, чтобы мнѣ о томъ никогда не говорили» [2]).

Такимъ образомъ, рѣшеніе короля Фридриха-Вильгельма III вступить въ родственную связь съ русскимъ императорскимъ домомъ противорѣчило семейнымъ преданіямъ Гогенцоллерновъ. Отъ брака его съ королевою Луизою, скончавшеюся въ 1810 году, у него было четыре сына и три дочери. Старшей изъ послѣднихъ, принцессѣ Фридерикѣ-Луизѣ-Шарлоттѣ-Вильгельминѣ минулъ шестнадцатый годъ. Ее-то и предполагалось выдать за второго брата императора Александра, тогда еще восемнадцатилѣтняго великаго князя Николая Павловича.

Вскорѣ послѣ Лейпцигской битвы, король Фридрихъ Вильгельмъ III прибылъ на нѣсколько дней изъ арміи въ Берлинъ, и тамъ повѣдалъ намѣреніе свое почтенной оберъ-гофмейстеринѣ покойной королевы, графинѣ Фоссъ, заступившей по смерти ея малолѣтнимъ дѣтямъ мѣсто матери. Графиня обратилась къ придворному проповѣднику пастору Заку съ вопросомъ: какъ быть съ перемѣною вѣры, требуемою русскими законами? Тотъ отвѣчалъ, что такъ какъ принцесса еще не конфирмована въ евангелическомъ исповѣданіи, то она въ правѣ, если пожелаетъ, принять православную вѣру [3]).

Въ январѣ 1814 года, союзные государи, во главѣ своихъ армій перешли за Рейнъ и вступили въ предѣлы Франціи. Между тѣмъ, прусская королевская семья, находившаяся до тѣхъ поръ въ Штаргардѣ, возвратилась въ Берлинъ. Скоро чрезъ прусскую столицу проѣхала, направляясь къ Карлсруэ, императрица Елисавета Алексѣевна и лично познакомилась съ будущею своею

[1]) Отъ того же къ тому же, 24 августа (4 сентября) 1742.
[2]) Король Фридрихъ II Мардефельду, 22 октября (2 ноября) 1743.
[3]) Дневникъ графини Фоссъ, 24 октября (6 ноября) 1813.

золовкою, которая, по словамъ графини Фоссъ, «выглядѣла прекрасно и превосходно вела себя» [1]). Вслѣдъ за императрицею, 24 января (5 февраля), прибыли въ Берлинъ слѣдовавшіе въ главную квартиру русской арміи великіе князья Николай и Михаилъ. Посланникъ Алопеусъ выѣхалъ имъ на встрѣчу въ Мюнхебергъ, и они остановились въ посольскомъ домѣ. Молодые путешественники соблюдали строжайшее инкогнито, странствуя подъ именемъ графовъ Романовыхъ. На другой день, они сдѣлали визитъ дѣтямъ короля въ замкѣ и здѣсь великій князь Николай Павловичъ впервые увидалъ будущую свою невѣсту. Онъ былъ красивый, статный юноша и съ разу понравился молодой, миловидной принцессѣ, которая и на него произвела сильное впечатлѣніе. Въ честь великихъ князей состоялся у князя Радзивилла, женатаго на дочери принца Фердинанда Прусскаго, парадный обѣдъ на 60 приглашенныхъ. Вечеръ ихъ высочества провели въ оперѣ и изъ театра снова заѣхали въ замокъ проститься съ принцами и принцессами. Въ ту же ночь они выѣхали изъ Берлина. Графиня Фоссъ вручила имъ письмо на имя короля, въ которомъ извѣщала, что «въ виду извѣстныхъ предположеній, ей въ особенности понравился старшій изъ великихъ князей» [2]).

Великія событія, совершившіяся въ теченіе года, взятіе Парижа, низложеніе Наполеона, Вѣнскій конгрессъ, а также крайняя молодость великаго князя и принцессы, заставили императора и короля отложить на нѣкоторое время осуществленіе ихъ намѣренія. Николай Павловичъ не присутствовалъ при торжественномъ чествованіи въ Берлинѣ русской гвардіи, возвращавшейся въ отечество изъ французскаго похода. По этому случаю, при прусскомъ дворѣ происходили великолѣпныя празднества. 1 (13) августа 1814 года, первые русскіе полки вступили въ Потсдамъ. Король выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу, въ сопровожденіи принцессы Шарлотты. На слѣдующій день, они вошли въ прусскую столицу. Вдоль главной улицы Берлина, Подъ Липами, отъ королевскаго замка до самыхъ бранденбургскихъ воротъ разставлены были столы, за которыми русскіе солдаты разсѣлись въ перемежку съ прусскими и угощались насчетъ короля, а его величество, сопровождаемый блестящею

---

[1]) Тотъ же дневникъ, 11 (23) января 1814.

[2]) Тотъ же дневникъ, 24 и 25 января (5 и 6 февраля) 1814.

военною свитой, самъ обходилъ столы и ласково здоровался со своими гостями. Празднества завершились 4 (16) августа большимъ обѣдомъ въ бѣлой залѣ замка, для русскихъ офицеровъ. Обѣдало болѣе 600 человѣкъ. За почетнымъ столомъ, кромѣ короля и принцевъ, сѣли всѣ принцессы королевскаго дома, имѣя каждая сосѣдями по одному русскому и по одному прусскому генералу. Русскіе пѣсенники пѣли на площади подъ открытыми окнами залы. За обѣдомъ произнесено множество тостовъ въ честь обѣихъ армій, породнившихся на полѣ брани [1]).

Въ началѣ сентября, Фридрихъ-Вильгельмъ III долженъ былъ отправиться на конгрессъ въ Вѣну. За день до его отъѣзда, 4 (16), оберъ-гофмейстерина, графиня Фоссъ, открыла принцессѣ Шарлоттѣ желаніе короля выдать ее за великаго князя Николая Павловича. Принцесса много плакала, однако, ничего не возразила, замѣтивъ только, что ей будетъ тяжело разстаться съ нѣжно любимымъ отцомъ [2]). Сдержанность ея вполнѣ объясняется дѣвичею застѣнчивостью. Она была откровеннѣе съ любимымъ своимъ братомъ, принцемъ Вильгельмомъ, и въ письмѣ къ нему призналась, что молодой русскій великій князь, котораго она видѣла всего лишь одинъ разъ, пришелся ей по сердцу. Николай Павловичъ со своей стороны восторженно отозвался о принцессѣ императору Александру, и еще во время французскаго похода повѣдалъ свои чувства королю, отцу ея [3]).

На Вѣнскомъ конгрессѣ политика прусскаго двора шла рука объ руку съ нашею, совмѣстно настоявъ на присоединеніи Саксоніи къ Пруссіи и герцогства Варшавскаго къ Россіи. Противорѣчіе между двумя союзными правительствами начало обнаруживаться лишь по вторичномъ низложеніи Наполеона, когда, во время переговоровъ о мирѣ, прусскіе государственные люди потребовали присоединенія къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи, а императоръ Александръ отстоялъ неприкосновенность французской территоріи. Разнорѣчіе это нисколько не нарушило, впрочемъ, добраго согласія и личной дружбы обоихъ монарховъ. «Дружба моя къ вашему величеству»,— писалъ король императору Александру въ концѣ 1815 года, — «обратилась для меня въ истинную религію. Я никогда не

[1]) Тотъ же дневникъ, 1 (13)—4 (16) августа 1814.

[2]) Тотъ же дневникъ, 4 (16) сентября 1814.

[3]) Grimm: «*Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland*» I, стр. 62.

забуду, государь, ни оказанныхъ мнѣ вами услугъ, ни того благородства чувствъ, коими вы ихъ сопровождали. Мои подданные также будутъ помнить ихъ, какъ и я... Послѣ Бога, благословившаго мое оружіе и великодушные порывы, внушенные имъ моему народу, вамъ, государь, вашей непоколебимой твердости, геройству вашему и вашихъ несравненныхъ войскъ, обязанъ я навсегда наибольшею благодарностью»[1]).

Осенью того же года русскія войска снова съ береговъ Рейна возвращались въ Россію, чрезъ Пруссію. Въ Берлинѣ приготовлена была торжественная встрѣча гренадерскому полку, коего шефомъ состоялъ король Фридрихъ-Вильгельмъ. Къ этому дню прибылъ туда императоръ Александръ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ и двумя сестрами: вдовствующею принцессою Ольденбургскою Екатериною Павловною и великою герцогинею Саксенъ-Веймарскою Маріею Павловною. 23 октября (4 ноября) русскій, имени короля прусскаго, полкъ вступилъ въ столицу. Въ тотъ же вечеръ данъ былъ въ замкѣ большой обѣдъ. Въ отдѣльной залѣ накрытъ былъ столъ для высочайшихъ особъ, къ коему также приглашены главнокомандующіе обѣими арміями, генералъ-фельдмаршалы князья Барклай-де-Толли и Блюхеръ. Прочіе гости обѣдали въ сосѣднихъ залахъ. Посреди обѣда императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ встали со своихъ мѣстъ и провозгласили здоровье помолвленныхъ великаго князя Николая и принцессы Шарлотты. Вѣсть эта тотчасъ распространилась по всему замку. Приглашенные обступили жениха и невѣсту и принесли имъ поздравленія. На другой день великій князь и принцесса, вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ, посѣтили мавзолей въ Шарлоттенбургѣ и совершили молитву надъ гробницею королевы Луизы. Берлинское общество и весь прусскій народъ съ радостью узнали о рѣшенномъ бракѣ. На придворномъ балѣ, въ оперномъ театрѣ, Николай Павловичъ былъ предметомъ общаго вниманія. Столичный магистратъ далъ въ честь помолвленной четы другой балъ, въ залѣ драматическаго театра, на которомъ великому князю и принцессѣ устроены были восторженныя оваціи. Три недѣли оставался августѣйшій же-

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ III императору Александру I, 22 декабря 1815 (3 января 1816).

нихъ въ Берлинѣ и въ это короткое время успѣлъ снискать общее сочувствіе при дворѣ, въ войскѣ и въ народѣ [1]).

Женитьба брата русскаго императора на старшей и любимой дочери короля прусскаго была не только крупнымъ семейнымъ событіемъ для обоихъ царственныхъ домовъ, но и имѣла, кромѣ того, важное политическое значеніе. Такъ и смотрѣлъ на нее король Фридрихъ-Вильгельмъ, писавшій по этому поводу своему августѣйшему другу и союзнику, что дружба ихъ «хотя и чуждалась всегда политическихъ разсчетовъ», но родственная связь необходимо должна еще болѣе ее упрочить. «Небу угодно было»,—заключалъ король,—«даровать намъ это счастіе, и никогда союзъ не будетъ заключенъ подъ болѣе счастливыми предзнаменованіями. Печаль, которую мнѣ причинитъ отсутствіе обожаемой дочери, будетъ менѣе чувствительна при мысли, что она найдетъ второго отца, семью, не менѣе расположенную любить ее и супруга, избранника ея сердца» [2]). И великій князь, и принцесса все еще были слишкомъ молоды, чтобы возможно было безъ отлагательства соединить ихъ бракомъ. Первому было всего 19 лѣтъ, второй 17. Рѣшено было отложить бракосочетаніе до достиженія Николаемъ Павловичемъ совершеннолѣтія. До тѣхъ же поръ онъ имѣлъ довершить свое образованіе путешествіемъ по главнѣйшимъ странамъ Европы. Государь поручилъ графу Каподистріи составить для его высочества обзоръ внутренняго положенія иностранныхъ государствъ. Замѣчательно, что въ отзывахъ своихъ о Пруссіи министръ этотъ выражался крайне недоброжелательно о прусскихъ государственныхъ людяхъ и ихъ политическомъ направленіи. Великій князь Николай посѣтилъ Германію, Австрію, Англію [3]). Отправляясь за границу, равно какъ и на возвратномъ пути, онъ останавливался въ Берлинѣ на нѣсколько недѣль. Въ апрѣлѣ 1817 года, король назначилъ его шефомъ 3 (впослѣдствіи 6) бранденбургскаго кирасирскаго полка. Между тѣмъ принцесса Шарлотта наставлялась въ правилахъ православной вѣры командированнымъ съ этою цѣлью въ Берлинъ протоіереемъ Музовскимъ.

---

[1]) Grimm: «*Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland*», I, стр. 64—66

[2]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ III императору Александру I, 3 (15) апрѣля 1816.

[3]) О пребываніи его въ Англіи въ 1816 году, см. выше, первый очеркъ: *Поѣздка императора Николая въ Англію*, стр. 7 и 8.

II.

Бракъ.

(1817—1825).

Путешествіе принцессы Шарлотты изъ Берлина въ Петербургъ.—Принцъ Вильгельмъ. — Торжественный въѣздъ въ столицу. — Совершеннолѣтіе великаго князя Николая Павловича и обрученіе его.—Вѣнчаніе.—Переѣздъ двора въ Москву.—Переписка императора Александра I съ принцемъ Вильгельмомъ.—Рожденіе великаго князя Александра Николаевича. — Прусскій король въ Москвѣ и въ Петербургѣ.—Болѣзнь великаго князя и великой княгини.—Поѣздка ихъ въ Берлинъ.—Представленіе «Лалла Рукъ».—Жизнь въ Потсдамѣ и его окрестностяхъ.—Пребываніе въ Эмсѣ.—Отношенія великаго князя къ членамъ королевской семьи.—Дружба съ принцемъ Вильгельмомъ.—Греческое возстаніе.

31 мая (12 іюня) 1817 года принцесса Шарлотта выѣхала изъ Берлина въ Петербургъ. Ея высочество сопровождали: братъ ея, принцъ Вильгельмъ, оберъ-гофмейстерина графиня Гааке, фрейлина графиня Трухзесъ, наставница г-жа Вильдерметъ, оберъ-гофмейстеръ баронъ Шильденъ, камергеръ графъ Лоттумъ, секретари Шамбо и Шилеръ и протоіерей Музовскій. Король и всѣ братья и сестры проводили принцессу до Фридрихсвальде.

Поѣздъ состоялъ изъ двѣнадцати экипажей. Ея высочество ѣхала въ каретѣ, запряженной восемью лошадьми, вмѣстѣ съ тремя дамами своей свиты. Въ Данцигѣ была остановка продолжавшяеся два дня. Оттуда поѣздъ направился, чрезъ Браунсбергъ, въ Кёнигсбергъ. Въ Мемелѣ встрѣтилъ невѣсту великій князь Николай Павловичъ и предшествовалъ ей до самаго Петербурга. Отъ границы путь лежалъ на Митаву, Ригу, Дерптъ. На восемнадцатый день августѣйшіе путешественники встрѣчены были за нѣсколько станцій до Гатчины самимъ императоромъ Александромъ и въ тотъ же вечеръ, чрезъ Царское Село, прибыли въ Павловскъ, лѣтнее мѣстопребываніе вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Изъ всѣхъ членовъ прусской королевской семьи, второй сынъ короля, принцъ Вильгельмъ, пользовался наибольшимъ расположеніемъ императора Александра. Государь близко сошелся съ нимъ во время французскаго похода 1814 года, въ коемъ принцъ принималъ уже дѣятельное участіе, и за мужество,

выказанное имъ въ сраженіи при Баръ-сюръ-Объ, пожаловалъ ему георгіевскій крестъ 4-й степени. Узнавъ, что принцъ Вильгельмъ будетъ сопровождать сестру свою въ Петербургъ, его величество писалъ ему, что вся царская семья приметъ его «какъ брата съ распростертыми объятіями». «Съ той минуты,» — продолжалъ государь,— «какъ я имѣлъ счастіе съ вами познакомиться, ваше высочество завоевали, благодаря выдающимся вашимъ достоинствамъ, мою нѣжную дружбу и полное мое уваженіе. Видѣть васъ въ нашей средѣ будетъ истиннымъ праздникомъ» [1]). Въ Павловскѣ вдовствующая императрица радушно приняла свою будущую невѣстку, обняла и расцѣловала. Императрица Елисавета Алексѣевна подошла къ ней съ вопросомъ:

— Нѣтъ ли у васъ и для меня ласковаго взора?

Представляя матери своей принца Вильгельма, императоръ Александръ сказалъ:

— Рекомендую вамъ моего новаго брата.

— Стало быть,—отвѣчала Марія Ѳеодоровна,—и у меня теперь однимъ сыномъ болѣе.

На другой день, 19 іюня (1 іюля), состоялся торжественный въѣздъ принцессы въ Петербургъ. Она въѣхала въ столицу въ золотой каретѣ, вмѣстѣ съ двумя императрицами. Гвардейскіе полки были расположены шпалерами по обѣимъ сторонамъ пути. На порогѣ большой церкви Зимняго дворца невѣсту встрѣтило высшее духовенство съ крестомъ и святою водою. Въ продолженіе слѣдующихъ пяти дней она оставалась въ одиночествѣ, готовясь къ таинству св. мѵропомазанія. Обрядъ этотъ совершенъ надъ нею 24 іюня (6 іюля). Воспріемникомъ служилъ ей самъ императоръ Александръ. Ея высочество твердымъ голосомъ произнесла символъ вѣры на славянскомъ языкѣ. По пріобщеніи ея святыхъ таинъ, діаконъ возгласилъ на ектеніи имя благовѣрной великой княжны Александры Ѳеодоровны.

25 іюня (7 іюля) было днемъ рожденія великаго князя Николая Павловича, которому минулъ двадцать одинъ годъ. День этотъ ознаменованъ двойнымъ торжествомъ. Сначала великій князь принесъ установленную учрежденіемъ объ императорской фамиліи присягу на вѣрность подданства государю и на слу-

[1]) Императоръ Александръ I принцу Вильгельму прусскому, 15 (27) іюня 8117.

женіе отечеству. Затѣмъ состоялось обрученіе его въ большой церкви Зимняго дворца. Невѣста въ первый разъ появилась въ роскошномъ русскомъ платьѣ и кокошникѣ.

Ко дню вѣнчанія, назначенному на 1 (13) іюля, день рожденія августѣйшей невѣсты вся императорская семья съѣхалась въ Петербургъ. Даже цесаревичъ Константинъ Павловичъ прибылъ нарочно изъ Варшавы, чтобы присутствовать на этомъ празднествѣ. Послѣ вѣнчанія, въ Зимнемъ дворцѣ, былъ обѣденный столъ для особъ первыхъ трехъ классовъ и придворныхъ чиновъ, а вечеромъ балъ. Въ 10 часовъ новобрачные отправились въ отведенный имъ для жительства Аничковъ дворецъ. Тамъ ихъ встрѣтили со св. иконами и съ хлѣбомъ-солью императоръ Александръ Павловичъ и императрица Елисавета Алексѣевна, а прибывшій изъ Берлина фельдъегерь вручилъ имъ поздравительное письмо отъ прусскаго короля.

Еще за нѣсколько дней до обрученія, императоръ Александръ писалъ королю Фридриху-Вильгельму: «Во время достопамятной борьбы, когда наши народы, соединенные общею, поразительною судьбою, проходили съ нами кровавый путь испытаній и славы, и такъ сказать, среди военнаго стана, рѣшенъ былъ этотъ столь дорогой намъ бракъ. Онъ довершаетъ зданіе неразрывнаго союза Пруссіи и Россіи, соединяя наши двѣ семьи въ одну» [1]). Въ самый день вѣнчанія, государь написалъ королю другое письмо, въ которомъ сообщилъ, что великая княгиня Александра завоевала всѣ сердца и что, въ особенности, императрица Марія Ѳеодоровна чрезвычайно ее полюбила [2]). На письма эти король отвѣчалъ, что состоявшійся бракъ удовлетворилъ его самому задушевному желанію [3]).

Первые дни послѣ свадьбы, новобрачные провели въ Павловскѣ, въ гостяхъ у вдовствующей императрицы. Рядъ блестящихъ празднествъ въ Царскомъ Селѣ, въ Стрѣльнѣ, въ Петергофѣ, въ Ораніенбаумѣ, продолжался до самой осени. Въ нихъ принималъ участіе принцъ Вильгельмъ и чрезвычайный посолъ короля прусскаго, отправленный имъ въ Петербургъ для принесенія поздравленія дочери и зятю, князь Ан-

---

[1]) Императоръ Александръ I королю Фридриху-Вильгельму III, 21 іюня (3 іюля) 1817.

[2]) Императоръ Александръ I королю Фридриху-Вильгельму III, 1 (13 іюля) 1817.

[3]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ III императору Александру I, 14 (26) іюля 1817.

тонъ Радзивиллъ. Съ принцемъ случилось непріятное приключеніе. Онъ былъ укушенъ цѣпною собакою. Въ томъ предположеніи, что животное могло быть бѣшенное, принцу, предосторожности ради, прижгли рану раскаленнымъ желѣзомъ. Операцію эту онъ выдержалъ со стойкостью и хладнокровіемъ.

— И не мудрено!—воскликнула по этому поводу императрица Марія Ѳеодоровна,—вѣдь онъ прусскій принцъ!

Принцъ Вильгельмъ сопровождалъ всю царскую семью въ Москву, куда она отправилась въ сентябрѣ того же года. Онъ разстался съ нею незадолго до праздниковъ Рождества. Государь послалъ ему вслѣдъ въ подарокъ золотую саблю и въ двухъ письмахъ выразилъ сожалѣніе объ его отъѣздѣ, а также предложилъ ему самому избрать тотъ русскій полкъ, коего онъ желалъ бы быть шефомъ [1]). Въ отвѣтахъ своихъ принцъ благодарилъ государя за радушный и ласковый пріемъ и время проведенное въ Россіи называлъ «самымъ пріятнымъ и важнымъ въ своей жизни». Исполняя желаніе его величества, онъ указалъ на Калужскій пѣхотный полкъ, какъ на тотъ, съ коимъ связываетъ его общее воспоминаніе о битвѣ при Баръсюръ-Объ, въ которой полкъ этотъ особенно отличился, а принцъ личною храбростью заслужилъ георгіевскій крестъ [2]). Государь тотчасъ же назначилъ его шефомъ Калужскаго полка.

17 (29) апрѣла 1818 года, въ первопрестольной Москвѣ, великая княгиня Александра Ѳеодоровна разрѣшилась отъ бремени сыномъ-первенцомъ, Александромъ Николаевичемъ. Какъ только король Фридрихъ-Вильгельмъ узналъ о рожденіи внука, онъ рѣшился лично навѣстить въ Россіи дочь свою и зятя, а также лучшаго своего друга, императора Александра. Путь его лежалъ чрезъ Познань и Кёнигсбергъ прямо на Москву, гдѣ въ то время находился дворъ. Сопутствовали ему старшій сынъ, наслѣдный принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ и принцъ Карлъ. На границѣ встрѣтилъ короля назначенный состоять при немъ на время пребыванія его въ Россіи, генералъ-адъютантъ князь В. С. Трубецкой, въ Оршѣ—начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества, баронъ И. И. Дибичъ. Самъ государь, съ цесаревичемъ Константиномъ и великими

---

[1]) Императоръ Александръ I принцу Вильгельму прусскому, 14 (26) и 19 (31) декабря 1817.

[2]) Принцъ Вильгельмъ прусскій императору Александру I, 27 и 30 декабря 1817, (8 и 11 января 1818) и 19 (31) января 1818.

князьями Николаемъ и Михаиломъ, выѣхали на встрѣчу своему высокому гостю за 20 верстъ до столицы. Наконецъ, въ Кунцовѣ, гдѣ назначенъ былъ послѣдній ночлегъ, обняла его великая княгиня Александра Ѳеодоровна.

Торжественный въѣздъ прусскаго короля въ Москву происходилъ 4 (16) іюня, обычнымъ порядкомъ, чрезъ Драгомиловскую заставу, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Съ умиленіемъ взиралъ этотъ государь на святилище русской земли, Кремль, и на древнюю столицу русскаго царства, пожаръ которой послужилъ зарей освобожденія его страны, Германіи, и всей Европы. Первые три дня пребываиія въ Москвѣ посвящены были поклоненію ея святынямъ, осмотру достопримѣчательностей и отдыху, въ тихомъ семейномъ кругу. Затѣмъ начались празднества, поразившія нашихъ гостей своимъ блескомъ и великолѣпіемъ. Независимо отъ пріемовъ при дворѣ, рядъ ихъ открылся блестящимъ баломъ, даннымъ московскимъ генералъ-губернаторомъ. Русскіе вельможи, владѣльцы знаменитыхъ подмосковныхъ, также дали изумительные по роскоши праздники, князь Н. Б. Юсуповъ въ Архангельскомъ и графъ Д. Н. Шереметевъ въ Останкинѣ.

О пребываніи въ Москвѣ прусской королевской семьи сохранился разсказъ современника-очевидца, графа П. Д. Киселева, состоявшаго тогда при особѣ наслѣднаго принца. По словамъ его, король спросилъ графа Толстого не осталось ли въ городѣ зданія, съ котораго можно было бы разомъ осмотрѣть страшныя развалины тогдашней Москвы. «Графъ Толстой»,— повѣствуетъ Киселевъ,—«возложилъ этотъ розыскъ и сопровожденіе августѣйшихъ гостей на меня, какъ на москвича и молодого человѣка. Я повелъ ихъ на Пашковскую вышку [1]). Только что мы всѣ влѣзли туда и окинули взглядомъ этотъ рядъ погорѣлыхъ улицъ и домовъ, какъ, къ величайшему моему удивленію, старый король, этотъ деревянный человѣкъ, какъ его называли, сталъ на колѣни, приказавъ и сыновьямъ сдѣлать тоже. Отдавъ Москвѣ три земныхъ поклона, онъ со слезами на глазахъ нѣсколько разъ повторялъ: «вотъ наша спасительница!» [2]).

[1]) Бельведеръ въ домѣ на Моховой, принадлежавшемъ тогда Пашкову, а нынѣ занимаемомъ Румянцевскимъ музеемъ.

[2]) Изъ письма Н. В. Ханыкова къ А. П. Заблоцкому-Десятовскому, отъ 3 (15) іюля 1874 («*Графъ Киселевъ его время*», IV, стр. 7).

Пробывъ въ Москвѣ одиннадцать дней, король и принцы вмѣстѣ со всею императорскою фамиліею выѣхали въ Петербургъ. Тамъ ожидали ихъ новыя торжества: балы, охоты, парады, смотры, поѣздки по окрестностямъ, на острова, въ Царское Село, въ Павловскъ, въ Петергофъ. Въ Ораніенбаумѣ сожженъ былъ фейерверкъ, заключительный букетъ котораго состоялъ изъ 40,000 ракетъ. Послѣдніе дни пребыванія прусскихъ гостей были опечалены болѣзнью великаго князя Николая Павловича, занемогшаго корью. Едва успѣла великая княгиня проводить отца своего и братьевъ до Гатчины, какъ и она занемогла тою же болѣзнью.

Два года спустя, а именно осенью 1820 года, великокняжеская чета предприняла продолжительное путешествіе за границу. Оно было вызвано, главнымъ образомъ, слабымъ состояніемъ здоровья великой княгини, которая, по совѣту врачей, должна была провести зиму въ родномъ климатѣ и слѣдующею весною пользоваться водами въ Эмсѣ. Великій князь отвезъ жену свою въ Берлинъ, а самъ, вмѣстѣ съ королемъ, на короткое время поѣхалъ въ Троппау, гдѣ находились императоры русскій и австрійскій и засѣдалъ европейскій конгрессъ. Къ праздникамъ Рождества и король, и великій князь возвратились въ прусскую столицу.

Зимній сезонъ 1820—1821 годовъ въ Берлинѣ былъ необыкновенно блестящимъ. Оживленію двора и общества содѣйствовало присутствіе многочисленныхъ царственныхъ гостей. Въ числѣ ихъ, кромѣ великаго князя и великой княгини, былъ герцогъ Кумберландскій съ супругою и наслѣдный великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, Павелъ-Фридрихъ, женихъ второй дочери короля, принцессы Александрины. По предложенію герцога Карла Мекленбургскаго, генерала прусской службы и обычнаго устроителя празднествъ при берлинскомъ дворѣ, собранные въ Берлинѣ принцы и принцессы, условились дать въ королевскомъ замкѣ представленіе, которое явилось бы соединеніемъ всѣхъ искусствъ: пластики, драмы, музыки и живописи. Сюжетомъ представленія избрана была поэма Томаса-Мура: «Лалла Рукъ». Она имѣла быть воспроизведена въ рядѣ живыхъ картинъ, сопровождаемыхъ пѣніемъ и исполненіемъ инструментальныхъ нумеровъ. Въ картинахъ принимали участіе, кромѣ августѣйшихъ особъ, весь придворный штатъ прусскихъ хозяевъ и иностранныхъ гостей и предста-

вители высшаго берлинскаго общества. Распоряженіе спектаклемъ поручено было графу Брюлю, интенданту королевскихъ театровъ; устройство декорацій и постановку картинъ взялъ на себя извѣстный архитекторъ Шинкель; Спонтини написалъ музыку для вставныхъ арій и романсовъ, исполнять которые приглашены были первыя пѣвицы берлинской оперы, г-жи Мильдеръ, Шульцъ, Зейдлеръ и Бадеръ. Всѣхъ участниковъ въ представленіи было 123 лица.

Напомнимъ вкратцѣ содержаніе Муровой поэмы. Владѣтель Бухаріи, Абдалла, отправляется въ Дели, къ повелителю Индіи, Ауренкзебу, просить руки его дочери Лалла Рукъ для сына своего Америса. Родители рѣшаютъ этотъ бракъ и молодая принцесса предпринимаетъ дальнее путешествіе въ Кашмиръ, гдѣ долженъ ее встрѣтить женихъ ея. Принцессу сопровождаютъ многочисленные бухарскіе придворные, среди которыхъ выдается молодой поэтъ, развлекающій ее разсказами. Очарованная Лалла Рукъ влюбляется въ разсказщика. Съ грустью приближается она къ Кашмиру, помышляя о предстоящей разлукѣ съ вдохновеннымъ пѣвцомъ. Но достигнувъ цѣли своего странствованія, она въ выходящемъ ей на встрѣчу женихѣ узнаетъ очаровавшаго ее спутника-поэта. Живыя картины должны были изображать главные моменты поэмы, а также четыре разсказа принца-поэта: Хоросанскій пророкъ подъ покрываломъ, Рай и Пери, Гебры или огнепоклонники, праздникъ розъ въ Кашмирѣ. Аріи и романсы, исполняемые за сценою объясняли содержаніе воспроизведенныхъ въ картинахъ разсказовъ. Заключительную картину составляла спена встрѣчи Лалла Рукъ съ принцомъ Америсомъ въ Кашмирѣ, на лѣстницѣ дворца, живописно расположеннаго на берегу озера.

Какъ ясно доказывалъ выборъ сюжета, цѣлью представленія было привѣтствовать вожделѣнный союзъ брата русскаго царя съ дочерью короля прусскаго. Понятно, что обѣ главныя роли выпали на долю великаго князя и великой княгини. Александра Θеодоровна изображала Лаллу Рукъ. Она была въ длинномъ бѣломъ платьѣ съ корсажемъ изъ золотого глазета. Широкій поясъ обхватывалъ ея стройную талію. На шеѣ, на груди и на рукахъ блистали драгоцѣнные каменья, самые башмаки были усыпаны изумрудами. Прозрачный розовый вуаль съ серебряными прошивками былъ наброшенъ ей на плечи. Роскошные волосы падали локонами на грудь. Николай Павло-

вичъ, исполнявшій роль принца Америса, былъ одѣтъ въ голубой кафтанъ черкесскаго покроя, съ широкимъ поясомъ; на ногахъ у него были желтыя туфли, на головѣ родъ татарской шапки и зеленая чалма. Остальныя роли были распредѣлены между членами королевскаго семейства, иностранными гостями и знатнѣйшими придворными. Великаго Могола игралъ принцъ Вильгельмъ старшій, братъ короля; сестеръ его—герцогиня Кумберландская, супруга принца Вильгельма старшаго, и дочь короля, принцесса Александрина; сыновей—четыре королевскіе сына, наслѣдный принцъ и принцы Вильгельмъ младшій, Карлъ и Альбрехтъ, а также князья Сольмсъ и Радзивиллъ; владѣтеля Бухаріи—герцогъ Кумберландскій, и жену его—княгиня Луиза Радзивиллъ. Придворные были раздѣлены на два лагеря: индусовъ и бухарцовъ. Костюмы отличались не только роскошью, но и этнографическою точностью.

Представленіе состоялось въ берлинскомъ королевскомъ замкѣ 15 (27) января 1821 года, предъ избранною толпою зрителей, принадлежавшихъ исключительно ко двору и къ высшему обществу. Въ антрактахъ исполнялись танцы артистами придворнаго балета. Все обошлось какъ нельзя лучше, и старый король, большой любитель театральныхъ зрѣлищъ, былъ въ восторгѣ. Онъ рѣшился повторить представленіе для большаго круга зрителей. 30 января (11 февраля) оно было дано снова на сценѣ только-что отстроеннаго берлинскаго драматическаго театра. На этотъ разъ, въ обширной залѣ присутствовало болѣе 3,000 приглашенныхъ [1]).

Зима быстро пронеслась посреди шумныхъ увеселеній всякаго рода. Весною король со всѣмъ семействомъ переѣхалъ въ Потсдамъ и жилъ попеременно, то въ тамошнемъ дворцѣ, то въ Сансуси, въ Парецѣ или на Павлиномъ островѣ. Любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Фридриха-Вильгельма III былъ небольшой домъ, выстроенный имъ въ Парецѣ, деревнѣ отстоящей на двѣ мили отъ Потсдама. Тамъ все было просто, и помѣщеніе, и патріархальный образъ жизни, исключительно въ семейномъ кругу. Король любилъ въ сопровожденіи дѣтей своихъ разъѣзжать по окрестностямъ, завтракать на открытомъ воздухѣ, въ присутствіи мѣстныхъ поселянъ, окружавшихъ при такихъ случаяхъ королевскую семью. Великій князь

---

[1]) Подробное описаніе этого праздника въ сочиненіи Гримма: «*Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland*». I, стр. 164—167.

и великая княгиня принимали участіе въ этихъ мирныхъ удовольствіяхъ. Они сопровождали короля и на Павлиный островъ, гдѣ все напоминало ему о покойной, нѣжно имъ любимой женѣ, королевѣ Луизѣ. Въ одной сторонѣ острова онъ воздвигнулъ ей скромный памятникъ, въ другой велѣлъ выстроить русскую крестьянскую избу, которую въ честь зятя назвалъ «Никольское». Много времени посвящалъ Николай Павловичъ и военнымъ упражненіямъ, знакомству съ прусскою арміею и въ частности съ кирасирскимъ полкомъ, коего онъ состоялъ шефомъ.

Въ половинѣ лѣта, король переселился въ Кобленцъ, на Рейнѣ, а великій князь и великая княгиня поѣхали въ близь лежащій Эмсъ, гдѣ ея высочество выдержала полный курсъ лѣченія водами. Въ августѣ великокняжеская чета возвратилась въ Берлинъ, снова провела тамъ двѣ недѣли и оттуда предприняла чрезъ Варшаву обратный путь въ отечество.

Проведя, такимъ образомъ, въ Пруссіи около года, великій князь Николай окончательно сблизился, освоился, можно сказать, сроднился съ прусскою королевскою семьею. Съ величайшимъ уваженіемъ относился онъ къ своему маститому тестю, полюбившему его какъ родного сына. Онъ звалъ его не иначе, какъ «папа», и почтительно цѣловалъ его руку. Съ молодыми принцами, наслѣднымъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ, и принцемъ Вильгельмомъ связывала его тѣсная, братская дружба. Они были на «ты» и называли другъ друга уменьшительными именами: *Фрицъ*, *Никсъ*. Въ особенности близко сошелся Николай Павловичъ со вторымъ своимъ зятемъ и любимымъ братомъ жены своей, Вильгельмомъ. Съ нимъ были у него общіе вкусы и наклонности, страсть къ военному дѣлу. Нечего и говорить, что одни и тѣ же политическія начала исповѣдывались въ то время при обоихъ дворахъ: петербургскомъ и берлинскомъ, начала божественнаго происхожденія верховной власти, монархическаго порядка и законности, словомъ, тѣ самые, которые были положены императоромъ Александромъ I въ основаніе Священнаго Союза. Свѣжо было также воспоминаніе о братствѣ по оружію, о совмѣстныхъ подвигахъ русской и прусской арміи, въ борьбѣ противъ общаго врага, о пережитыхъ вмѣстѣ испытаніяхъ и конечномъ торжествѣ. Всѣ эти впечатлѣнія оставили глубокій слѣдъ въ умѣ великаго князя на всю жизнь его.

Хотя за нѣсколько мѣсяцевъ до отправленія въ Пруссію,

а именно лѣтомъ 1820 года, великій князь Николай и былъ посвященъ императоромъ Александромъ въ тайну отреченія цесаревича Константина Павловича отъ наслѣдственныхъ правъ своихъ, и могъ уже считать себя законнымъ наслѣдникомъ русскаго престола но поглощенный обязанностями военной службы, онъ вовсе не занимался внѣшнею политикою, не былъ даже знакомъ съ ея современнымъ состояніемъ и ходомъ. Во время пребыванія его въ Берлинѣ, вспыхнуло греческое возстаніе, съ самаго начала встрѣтившее сочувствіе въ придворныхъ прусскихъ кружкахъ, руководимыхъ и направляемыхъ двумя женщинами высокаго ума и образованія: женою принца Вильгельма, брата короля, и принцессою Луизою, бывшею замужемъ за княземъ Радзивилломъ. Независимо отъ политическихъ соображеній, дѣло грековъ впервые представилось и великому князю съ его обще-человѣческой стороны, и онъ съ радостью принялъ участіе въ устроенныхъ въ Берлинѣ денежныхъ сборахъ въ пользу мужественныхъ борцовъ за вѣру Христову и за независимость Эллады [1]).

III.

Императоръ Николай и Фридрихъ Вильгельмъ III.

(1825—1840).

Воцареніе Императора Николая.—Принцъ Вильгельмъ представляетъ Пруссію на похоронахъ императора Александра I, а принцъ Карлъ при короновании новаго государя.—Политика Пруссіи въ Восточномъ вопросѣ.—Принцъ Вильгельмъ и Меттернихъ.—Бракъ принца Вильгельма.—Пребываніе русской императорской четы въ Берлинѣ въ 1829 году.—Праздникъ бѣлой розы.—Свиданіе въ Шведтѣ.—Переговоры въ Берлинѣ по вопросу о правѣ «вмѣшательства».—Императоръ Николай въ Пруссіи въ 1834 и 1835 годахъ.—Лагерный сборъ въ Калишѣ.—Путешествіе императора и императрицы по Германіи въ 1837 году.—Неудовлетворительность пограничныхъ отношеній.—Кончина Фридриха-Вильгельма III.

Въ Берлинѣ одновременно узнали и о воцареніи императора Николая, и о смутѣ, сопровождавшей это событіе, и, наконецъ, о быстромъ и полномъ возстановленіи порядка, благодаря про-

[1]) Генцъ господарю валашскому князю Гикѣ, 3 (15) января 1826.

явленнымъ молодымъ государемъ мужеству и твердости. Въ тотъ день, когда курьеръ изъ Петербурга привезъ королю Фридриху-Вильгельму III извѣстіе о происшествіяхъ 14 (26) декабря 1825 года, сыновья его находились на охотѣ, въ окрестностяхъ столицы, близъ монастыря Ленина. Король тотчасъ же послалъ къ нимъ нарочнаго съ доброю вѣстью о благополучномъ прекращеніи безпорядковъ и объ утвержденіи на престолѣ ихъ зятя и сестры. Съ тѣхъ поръ и до недавняго времени, прусскіе принцы ежегодно устроивали въ память этого дня охоту, преимущественно въ той же самой мѣстности, и на торжественномъ обѣдѣ пили за здоровье императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны [1]).

Имя покойнаго императора Александра I было на вѣчныя времена сохранено прусскому гренадерскому полку его. Дворъ и вся армія, по приказанію короля, три недѣли носили трауръ по умершемъ русскомъ государѣ. Представителемъ своимъ на его похоронахъ король отправилъ въ Петербургъ второго сына, принца Вильгельма, который прибылъ въ нашу столицу 5 (17) января 1826 года и оставался тамъ болѣе шести недѣль. Въ половинѣ іюля, пріѣхалъ въ Петербургъ другой братъ императрицы, принцъ Карлъ, назначенный представлять отца своего при торжествѣ коронованія. Его высочество находился при очистительномъ молебствіи, совершенномъ 14 (26) іюля, въ полугодовой день мятежной вспышки, посреди Исаакіевской площади, въ присутствіи государя, всей императорской фамиліи, гвардейскихъ полковъ и безчисленной толпы народа. Онъ сопровождалъ ихъ величества въ Москву, участвовалъ въ торжественномъ въѣздѣ въ первопрестольную столицу, а въ самый день коронаціи шествовалъ въ Успенскій соборъ, ведя за руку восьмилѣтняго наслѣдника, великаго князя Александра Николаевича.

Нельзя, однако, сказать, чтобы тѣсная дружественная связь, установившаяся между родственными дворами русскимъ и прусскимъ, въ одинаковой мѣрѣ отразилась и на ихъ взаимныхъ политическихъ отношеніяхъ. Причинами тому были полная зависимость берлинскаго кабинета отъ вѣнскаго во всѣхъ дѣлахъ общей политики и несогласія, возникшія между Россіею

[1]) L. Schneider, *Militärische Biographie des Kaisers Nikolaus*, Soldatenfreund, März 1855, стр. 23.

и Австріею, по поводу событій совершавшихся на Востокѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ III поставилъ себѣ правиломъ одинаково поддерживать доброе согласіе свое съ Петербургомъ и Вѣною, а это было очень трудно, въ виду полной противоположности въ воззрѣніяхъ обоихъ императорскихъ дворовъ на Восточный вопросъ. Вотъ почему, хотя король въ письмахъ къ своему августѣйшему зятю и выражалъ сочувствіе и одобреніе мѣрамъ, принимаемымъ имъ по уговору съ морскими державами для умиротворенія Греціи, но самъ не приступалъ къ соглашенію, состоявшемуся между Россіею, Англіею и Франціею, подчиняясь внушеніямъ князя Меттерниха, и опасаясь оставить вѣнскій дворъ въ состояніи совершеннаго одиночества. Эти же самыя соображенія побудили короля отказать принцу Вильгельму въ разрѣшеніи принять участіе въ нашей войнѣ противъ турокъ. Принцъ провелъ около года въ Петербургѣ, въ самомъ близкомъ ежедневномъ общеніи съ зятемъ и сестрою. Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ взгляды и убѣжденія императора Николая по отношенію къ Востоку и явился краснорѣчивымъ защитникомъ ихъ предъ княземъ Меттернихомъ, когда по возвращеніи изъ Петербурга, лѣтомъ 1828 года, получилъ приказаніе отправиться на манёвры въ окрестностяхъ Вѣны. Вотъ что писалъ о немъ австрійскій канцлеръ послу своему въ Лондонѣ: «Въ числѣ иностранцевъ, прибывшихъ въ лагерь подъ Баденомъ (въ Трайскирхенѣ) находятся принцы Вильгельмъ и Августъ прусскіе. Первый—принцъ замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ. Вамъ извѣстно, что онъ очень друженъ съ императоромъ Николаемъ, и что онъ оставилъ Петербургъ, проведя тамъ нѣсколько мѣсяцевъ предъ самымъ отъѣздомъ его императорскаго величества въ армію. Принцъ Вильгельмъ, сильно настаивалъ на полученіи дозволенія короля, отца своего, совершить походъ въ рядахъ русской арміи. Король отказалъ ему... Я устанавливаю прежде всего, что принцъ Вильгельмъ посвященъ во всѣ помыслы его величества, русскаго императора. Онъ провелъ возлѣ него мѣсяцы, предшествовавшіе началу военныхъ дѣйствій, и я знаю навѣрное, что государь не только питаетъ къ нему большое личное довѣріе, но и ведетъ съ нимъ оживленную переписку. Исходя изъ этого основанія, я долженъ допустить, что слова принца имѣютъ вполнѣ значеніе рѣчей, исходящихъ изъ устъ самого императора Николая. Принцъ горячо отстаивалъ правоту рускаго дѣла

и необходимость строго наказать Порту за ея жестокость и вѣроломство. Онъ не сомнѣвался и въ успѣшномъ исходѣ кампаніи» [1]).

Весною 1829 года, принцъ Вильгельмъ вступилъ въ бракъ съ принцессою Августою Саксенъ-Веймарскою, племянницею императора Николая. Не смотря на заботы, вызываемыя въ немъ ходомъ турецкой войны и усложненіемъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ прочими великими державами, государь пожелалъ лично присутствовать на свадьбѣ своего друга. Изъ Варшавы, гдѣ происходило коронованіе его въ качествѣ царя польскаго, онъ съ императрицею и наслѣдникомъ отправился въ Берлинъ, куда прибылъ 25 мая (6 іюня). «Наконецъ»,—писалъ онъ оттуда графу Дибичу,—«я отдыхаю здѣсь послѣ четырехлѣтнихъ трудовъ. Всѣ приняли насъ не только съ радостью, но съ восторгомъ» [2]).

Встрѣча, дѣйствительно, была торжественна и задушевна. Къ предстоящему семейному празднику собрались вокругъ короля всѣ члены его семьи, пріѣхали съ мужьями и обѣ младшія его дочери: наслѣдная великая герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, Александрина, и принцесса Луиза Нидерландская. Всѣ братья императрицы выѣхали императорской четѣ на встрѣчу во Франкфуртъ на Одерѣ; король и принцессы встрѣтили ее въ Фридрихсфельде. Туда же высыпали толпы берлинскихъ жителей, оглашая воздухъ радостными кликами. Домà столицы расцвѣтились флагами, путь, по которому имѣли проslѣдовать дорогіе гости, былъ усыпанъ цвѣтами. Частыя посѣщенія Берлина и долгое пребываніе въ немъ, въ 1820—1821 годахъ, сдѣлали императора Николая крайне популярнымъ среди берлинцевъ. Они называли его не иначе какъ «нашъ зять», а императрицу—«наша дочь». Хозяева и гости въѣхали въ столицу въ трехъ экипажахъ: въ первомъ сидѣлъ король съ тремя дочерьми, сіяющій отъ счастья; во второмъ—императоръ, наслѣдные принцъ и принцесса и супруга принца Карла; въ третьемъ—принцъ Карлъ съ государемъ наслѣдникомъ. По прибытіи въ зáмокъ, обступавшія его толпы народа не переставали кричать ура, пока императрица не показалась на балконѣ, держа сына своего за руку. Невозможно описать восторгъ, охватившій толпу, когда на балконъ вышелъ и старикъ-

[1]) Князь Меттернихъ князю Эстергази, 2 (14) сентября 1828.
[2]) Императоръ Николай графу Дибичу, 26 мая (7 іюня) 1829.

король и на глазахъ у всѣхъ обнялъ и горячо поцѣловалъ своего маленькаго внука. Вечеромъ, соединенные оркестры всѣхъ расположенныхъ въ Берлинѣ полковъ дали высочайшимъ особамъ серенаду на замковой площади. Изъ числа депутацій, представлявшихся русскимъ императору и императрицѣ, особенно выдѣлялась депутація Берлинскаго университета, привѣтствовавшая ихъ величества одою на древне-греческомъ языкѣ. Въ ней воспѣвались побѣды государя надъ турками и совершаемыя имъ освобожденіе и возрожденіе Эллады, а также красота и добродѣтели государыни.

28 мая (9 іюня) высокіе гости переѣхали въ Потсдамъ, куда въ тотъ же день прибыла невѣста принца Вильгельма и гдѣ 30 (11) совершено было бракосочетаніе, и уже 1 (13) іюня императоръ Николай уѣхалъ съ наслѣдникомъ въ Варшаву. Кратковременное пребываніе его величества въ Пруссіи не осталось и безъ политическихъ послѣдствій. Онъ убѣдилъ короля и его министровъ въ своемъ искреннемъ миролюбіи и вызвалъ отправленіе въ Константинополь генерала барона Мюфлинга, который, какъ извѣстно, не мало содѣйствовалъ успѣху нашихъ мирныхъ переговоровъ съ Турціею и скорому заключенію столь для насъ почетнаго и выгоднаго Андріанопольскаго мира [1]).

Императрица оставалась цѣлый мѣсяцъ въ Потсдамѣ и отпраздновала тамъ день своего рожденія. Извѣстна была любовь ея къ цвѣтамъ, въ особенности къ бѣлымъ розамъ, за которую ее прозвали въ семьѣ: blanche-fleur. Предпочтеніе это послужило главнымъ мотивомъ праздника, даннаго въ день ея рожденія въ Потсдамскомъ дворцѣ и названнаго въ честь ея «праздникомъ бѣлой розы». Мысль его опять принадлежала герцогу Карлу Мекленбургскому, раздѣлившему заботу объ его устройствѣ съ главнымъ интендантомъ королевскихъ театровъ графомъ Редерномъ. Первая часть праздника происходила на площади передъ дворцомъ, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей, обитателей Потсдама и берлинцевъ, любителей подобныхъ торжествъ. Приглашенные гости заняли мѣста въ трибунахъ, окаймлявшихъ площадь и украшенныхъ занавѣсями и флагами, увѣнчанными гирляндами изъ бѣлыхъ розъ. Посре-

---

[1]) О посольствѣ барона Мюфлинга въ Константинополь и объ участіи его въ нашихъ мирныхъ переговорахъ съ Портою, см. книгу мою «*Внѣшняя политика императора Николая*», стр. 207 и слѣд.

динѣ возвышалась подъ зеленымъ балдахиномъ трибуна для королевской фамиліи.

Праздникъ начался въ шесть часовъ вечера. Императрица появилась подъ руку съ королемъ: на ней было бѣлое платье, украшенное бѣлыми же розами. Всѣ принцессы и придворныя дамы имѣли также вѣнки изъ бѣлыхъ розъ на головѣ. На площадь въѣхалъ верхомъ герольдъ съ двумя асистентами и, обратясь къ императрицѣ, просилъ ее дозволить предстать предъ ней толпѣ рыцарей, желающихъ развлечь ее воинственными играми. По знаку ея величества, шествіе началось. Впереди ѣхалъ хоръ трубачей, одѣтыхъ въ роскошные средневѣковые костюмы зеленаго и оранжеваго цвѣтовъ. За ними слѣдовали рыцари, на коняхъ, въ полномъ вооруженіи, раздѣленные на десять кадрилей, во главѣ каждаго изъ коихъ стоялъ принцъ королевскаго дома. То были четыре сына короля: Фридрихъ-Вильгельмъ, Вильгельмъ, Карлъ и Альбрехтъ; братъ его Вильгельмъ и племянникъ Адальбертъ; зятья: наслѣдный великій герцогъ Павелъ-Фридрихъ Мекленбургъ-Шверинскій и принцъ Фридрихъ Нидерландскій; наконецъ, герцоги Вильгельмъ Брауншвейгскій и Карлъ Мекленбургскій. Послѣдній, какъ главный распорядитель праздника обратился къ императрицѣ съ рѣчью въ стихахъ. «Привѣтствую тебя»,—воскликнулъ онъ,—«высшая изъ царственныхъ женъ, цвѣтъ граціи, солнце счастья»! Герцогъ пояснялъ, что чудо привлекло сюда этихъ сорокъ рыцарей. Каждому изъ нихъ явился волшебный знакъ: роза, бѣлая какъ источникъ свѣта. Она манила ихъ въ тотъ зàмокъ, гдѣ скрыта тайна бѣлой розы. Зàмокъ этотъ здѣсь, а зеркало, обладающее волшебною притягательною силой — взоръ государыни. «Взоръ полный любви»,—продолжалъ герцогъ,—«величія и милосердія! Вотъ оно зеркало! Волшебенъ твой взглядъ! Хочу ли я найдти розу въ живомъ лицѣ, стоитъ мнѣ только взглянуть на тебя». Рыцари готовы сразиться за «бѣлую розу». Но ей не угодны кровопролитіе, вражда. Герцогъ заключилъ рѣчь свою просьбою дозволить рыцарямъ состязаться въ играхъ, въ честь «бѣлой розы». Затѣмъ начались эти игры: метаніе копей, кинжаловъ, мечей. Каждый разъ когда ударъ попадалъ въ цѣль, изъ мишени сыпались розы. Судьями ристалища были выбранные государыней герцогъ Карлъ Мекленбургскій и принцъ Фридрихъ Нидерландскій. По окончаніи турнира, рыцари продефилировали передъ главною трибуною и, проѣзжая мимо импе-

ратрицы, преклонились передъ нею. Потомъ всѣ слѣзли съ коней и проводили ее во дворецъ, при звукахъ торжественнаго хора. Тамъ состоялась вторая часть праздника. Въ концѣ обширной залы возвышалась сцена, изображавшая волшебное зеркало. Въ немъ явился рядъ живыхъ картинъ, олицетворявшихъ главныя воспоминанія изъ собственной жизни государыни. Картины исполнены были лучшими артистами придворнаго театра. Первая картина представляла Берлинъ — мѣсто рожденія Александры Ѳеодоровны; за нею слѣдовали виды Силезіи, гдѣ она провела часть своего дѣтства и юношескіе годы; далѣе Москва, гдѣ родился старшій сынъ ея и сама она была увѣнчана императорской короной. Въ заключеніе появилась Беллона, богиня войны и побѣды, въ ознаменованіе подвиговъ русскихъ войскъ, въ это самое время готовившихся къ переходу чрезъ Балканы. Изъ зрительной залы, все общество перешло въ такъ называемую «гротту», гдѣ скрытый за кустомъ бѣлыхъ розъ оркестръ приглашалъ молодежь къ танцамъ. Въ нихъ приняли участіе двадцать паръ, одѣтыя въ средневѣковые наряды и этимъ завершился поэтическій праздникъ. Три дня спустя, императрица оставила Берлинъ [1]).

Событія 1830 года, французская революція, волненія въ Бельгіи, Германіи и Италіи, наконецъ, польскій мятежъ, снова вызвали сближеніе между Россіею и Австріею, къ великому удовольствію берлинскаго двора. Съ возстановленіемъ союза трехъ сѣверныхъ державъ, король Фридрихъ-Вильгельмъ III получилъ возможность вполнѣ согласовать политику свою со своимъ родственнымъ чувствомъ. Лѣтомъ 1833 года рѣшено было утвердить согласіе, водворившееся между союзными кабинетами свиданіемъ монарховъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Наибольшее политическое значеніе долженъ былъ имѣть съѣздъ императоровъ Николая и Франца, предположенный въ одномъ изъ пограничныхъ городовъ Чехіи. Но предварительно русскій государь желалъ свидѣться со своимъ тестемъ. Встрѣча ихъ имѣла состояться въ Шведтѣ, небольшомъ городкѣ Бранденбургской области, куда король съ семействомъ прибылъ уже въ половинѣ (въ концѣ) августа. Государя ожидали туда въ первыхъ числахъ сентября по новому стилю. Знали, что онъ сядетъ на пароходъ въ Кронштадтѣ и прибудетъ моремъ въ

---

[1]) Grimm: «*Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland*», I, стр. 315—320.

Штетинъ. Между тѣмъ, время было бурное и царскій пароходъ не показывался. Король послалъ въ Штетинъ наслѣднаго принца, встрѣтить императора и сопутствовать ему до Шведта. Наконецъ, 24 августа (5 сентября), совершенно неожиданно, государь прибылъ въ Шведтъ въ открытой коляскѣ, въ сопровожденіи одного генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа. Буря помѣшала ему совершить переѣздъ моремъ. Не дойдя до Ревеля, онъ возвратился въ Петергофъ и рѣшился ѣхать сухимъ путемъ. Въ Шведтѣ провелъ онъ четыре дня. Утро посвящалось ученью и смотрамъ расположеннаго въ этомъ городѣ 2-го драгунскаго полка, шефомъ коего былъ принцъ Вильгельмъ. Вечеромъ избранные актеры берлинскаго придворнаго театра, съ придачею извѣстнаго комика Бекмана, исполняли въ замкѣ небольшія комедіи и шутки, до которыхъ король былъ большой охотникъ.

Государь былъ очень доволенъ оказаннымъ ему пріемомъ, но гораздо менѣе переговорами своими съ прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Ансильономъ, упорно отказывавшимся ѣхать въ Мюнхенгрецъ для принятія участія въ совѣщаніяхъ съ графомъ Нессельроде и княземъ Меттернихомъ. Цѣлью этихъ совѣщаній было установленіе общаго дѣйствія трехъ союзныхъ державъ во всѣхъ современныхъ политическихъ вопросахъ. Ансильонъ отговаривался тѣмъ, что въ отсутствіе своего государя онъ не можетъ-де принять на себя отвѣтственность за важныя совмѣстныя рѣшенія и даже намекнулъ, что поѣздка его въ Мюнхенгрецъ была бы несогласна съ достоинствомъ Пруссіи. Чтобы умилостивить государя, раздраженнаго этимъ отказомъ, король рѣшилъ послать туда своимъ представителемъ наслѣднаго принца [1].

Выѣхавъ изъ Шведта въ ночь съ 27 на 28 августа (съ 8 на 9 сентября) императоръ Николай прибылъ на другой день въ Мюнхенгрецъ, гдѣ ожидалъ его австрійскій императоръ. Изъ трехъ конвенцій, условленныхъ тамъ между дворами петербургскимъ и вѣнскимъ, лишь одна касалась Пруссіи, а именно конвенція, опредѣляющая такъ называемое «право вмѣшательства». Для полученія согласія на нее короля отправлены были въ Берлинъ русскій вице-канцлеръ графъ Нессельроде и австрійскій посолъ при нашемъ дворѣ графъ Фикельмонтъ.

[1]) Дневникъ княгини Меттернихъ, 31 августа (12 сентября) 1833.

«Мы не станемъ излагать»,—повѣствуетъ баронъ Брунновъ, «всѣ подробности переговоровъ, продолжавшихся три недѣли и нелишенныхъ трудностей. Мы ограничимся указаніемъ главнѣйшихъ ихъ условій. Прусскому двору не нравилась мысль подписать какое-либо новое обязательство, такъ какъ по мнѣнію его достаточно было и прежнихъ договоровъ. Его страшили послѣдствія, которыя могли возникнуть при всякой публичной манифестаціи, повидимому, направленной специально противъ Франціи. Боязнь эта овладѣла прусскимъ министерствомъ и открыто выражалась въ рѣчахъ г. Ансильона и графа Бернсдорфа. Послѣдній хотя и удалился отъ дѣлъ, но ему было поручено участвовать въ обсужденіи этихъ вопросовъ. Успѣхъ былъ бы, несомнѣнно, невозможенъ, если бы уполномоченные двухъ императорскихъ дворовъ не дѣйствовали въ этомъ щекотливомъ случаѣ съ большою умѣренностью и крайнею осторожностью. Лишь мало-по-малу, незамѣтно и посредствомъ ловкихъ уступокъ робости берлинскаго двора, удалось убѣдить его подписать мюнхенгрецскіе акты. Первый шагъ, приведшій къ этому результату, состоялъ въ успокоительныхъ объясненіяхъ, данныхъ графомъ Нессельроде прусскимъ министрамъ по Восточному вопросу. Они всего болѣе боялись какъ бы не навязали имъ, въ виду извѣстной случайности, обязательство, которое заставило бы ихъ подвергнуться помимо ихъ воли опасности войны, въ случаѣ возникновенія какого-либо усложненія на Востокѣ. Проникнутый благосклонными намѣреніями государя въ дружественныхъ сношеніяхъ его съ прусскимъ дворомъ, графъ Нессельроде не поколебался разсѣять это безпокойство берлинскаго кабинета, исключивъ Восточныя дѣла изъ круга общихъ вопросовъ, къ коимъ относились прямыя обязательства между Пруссіею и Россіею. Успокоительныя объясненія, сообщенныя вице-канцлеромъ г. Ансильону, удостоились полнаго одобренія государя, выраженнаго въ кабинетномъ письмѣ, съ коимъ его величество самъ обратился къ королю прусскому [1]). Такимъ образомъ, это опасеніе было устранено, но оставалось другое, крайне озабочивавшее берлинскій кабинетъ. Оба императорскіе двора, желая придать болѣе энергіи представленіямъ своимъ, кои они рѣшились предъявить въ Парижѣ по дѣлу пропаганды, условились между со-

---

[1]) Императоръ Николай королю Фридриху-Вильгельму III, 24 октября ноября) 1833.

бою разрѣшить своимъ представителямъ сообщить безъ обиняковъ тюильрійскому кабинету конвенцію о правѣ вмѣшательства, дабы французское правительство знало какія рѣшенія примутъ союзники съ общаго согласія въ случаѣ возникновенія гдѣ-либо возстанія, даже если бы Франція захотѣла принять его подъ свое покровительство. При одной мысли о подобномъ сообщеніи, сдѣланномъ въ Парижѣ отъ имени трехъ дворовъ, г. Ансильонъ приходилъ въ ужасъ. За длинными разсужденіями слѣдовали объемистыя записки. Наконецъ, послѣ спора, бывшаго съ обѣихъ сторонъ оживленнымъ и серіознымъ, уговорились относительно общаго образа дѣйствій трехъ дворовъ. Вотъ каковъ былъ результатъ этого совѣщанія: 1) Пруссія согласилась подписать конвенцію о началѣ вмѣшательства, на основаніяхъ условленныхъ въ Мюнхенгрецѣ. 2) Актъ этотъ долженъ былъ пока считаться *тайнымъ* и стороны предоставляли себѣ сообщить его содержаніе французскому правительству лишь въ томъ случаѣ, если бы послѣднее выразило намѣреніе воспротивиться законному вмѣшательству. Въ такомъ случаѣ сообщеніе самаго акта доставило бы союзникамъ средство, быть можетъ, достаточное для пріостановленія вмѣшательства французскаго правительства и предупрежденія всеобщаго столкновенія. 3) Между тѣмъ, дабы не скрыть отъ тюильрійскаго кабинета рѣшеній, которыя имѣли послужить въ будущемъ правиломъ для союзниковъ, представителямъ ихъ въ Парижѣ поручалось громко высказаться противъ дѣла пропаганды и формально заявить по вопросу о правѣ вмѣшательства тѣ самыя начала, на которыхъ основана мюнхенгрецская конвенція, подписанная въ Берлинѣ. 4) Рѣшено, что заявленіе это будетъ сдѣлано въ Парижѣ одновременно представителями трехъ дворовъ, которые получатъ по этому предмету тождественныя инструкціи, и прочитаютъ ихъ французскому кабинету. Таковы были условія, на коихъ прусское министерство рѣшилось послѣ долгихъ колебаній подписать конвенцію 3 (15) октября» [1]).

Приведенный нами отзывъ одного изъ нашихъ главныхъ дипломатическихъ дѣятелей разсматриваемой эпохи проливаетъ яркій свѣтъ на тѣ оговорки и ограниченія, съ коими берлин-

[1]) Рукописная записка барона Бруннова. Берлинская конвенція 3 (15) октября 1833 года напечатана профессоромъ Мартенсомъ въ IV т., 1 ч., его «Собранія трактатовъ и конвенцій», стр. 460.

скій дворъ приступилъ къ возстановленному въ началѣ тридцатыхъ годовъ союзу трехъ сѣверныхъ державъ. Онъ какъ нельзя лучше доказываетъ, что Пруссія рада была воспользоваться всѣми истекающими для нея изъ этого союза преимуществами, тщательно уклоняясь отъ исполненія налагаемыхъ имъ на нея обязательствъ. Потому, сколько труда стоило убѣдить ее принять участіе въ общей мѣрѣ, имѣвшей лишь значеніе совокупнаго слова, можно заключить о томъ сопротивленіи, которое она не приминула бы оказать всякой попыткѣ, перейдти отъ словъ къ дѣлу. Впрочемъ и вѣнскій дворъ столь же мало былъ расположенъ дѣйствовать, но онъ умѣлъ искуснѣе скрывать свою неподвижность подъ потокомъ шумныхъ фразъ, обильно изливавшихся изъ-подъ пера князя Меттерниха. Въ сущности одна Россія оставалась на стражѣ началъ и преданій Священнаго Союза, всегда готовая поддержать ихъ contra quousque, всѣми зависящими отъ нея средствами.

Императоръ Николай довольно снисходительно относился къ слабости обоихъ союзныхъ правительствъ, а если иногда и гнѣвался на министровъ австрійскихъ и прусскихъ, то личныя его отношенія къ царственнымъ семьямъ какъ Габсбурговъ, такъ и Гогенцоллерновъ, все же оставались самыми близкими и дружественными. Въ особенности съ послѣднею они поддерживались постояннымъ обмѣномъ военныхъ вѣжливостей. Такъ къ назначенному на 30 августа (11 сентября) 1834 года торжественному открытію Александровской коллонны, въ Петербургъ прибыла предводимая принцемъ Вильгельмомъ депутація отъ всѣхъ полковъ прусской гвардіи, а также отъ кирасирскаго имени императора всероссійскаго полка, всего въ составѣ 18 офицеровъ и 38 нижнихъ чиновъ. Депутація пробыла въ нашей столицѣ цѣлый мѣсяцъ и была осыпана знаками высочайшей милости и вниманія. Осенью того же года императрица Александра Ѳеодоровна снова посѣтила Берлинъ, а въ ноябрѣ прибылъ туда и самъ государь и провелъ тамъ около недѣли, занимаясь преимущественно ученьями и смотрами, производимыми частямъ прусскихъ войскъ, расположенныхъ въ Берлинѣ и окрестностяхъ.

Мысль о братствѣ и товариществѣ по оружію армій русской и прусской была завѣтною мечтою императора Николая. Онъ любилъ переноситься ко временамъ общей ихъ борьбы за независимость Европы и всячески старался поддерживать въ

нихъ преданія этой славной эпохи. Въ началѣ августа слѣдующаго 1835 года, императрица съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и великою княжною Ольгою Николаевною отправилась въ Фишбахъ въ Силезію, имѣніе принадлежавшее дяди ея, принцу Вильгельму, гдѣ къ тому времени вокругъ короля собрались и всѣ прочіе члены прусскаго королевскаго семейства. По прибытіи туда и императора Николая начались между Лигницемъ и Бреславлемъ большіе маневры V и VI прусскихъ корпусовъ, въ присутствіи государя и многочисленныхъ иностранныхъ гостей. По окончаніи ихъ, императоръ и императрица, съ сыномъ и дочерью, поспѣшили въ Калишъ, гдѣ готовилось одно изъ величайшихъ военныхъ торжествъ, долго жившее въ памяти его участниковъ.

Въ лагерѣ подъ Калишемъ, на самой прусской границѣ, собрано было три пѣхотныя и одна кавалерійская дивизія съ ихъ артиллеріею. Въ придачу къ нимъ были командированы туда же по одному сводному пѣхотному и кавалерійскому полку, составленному каждый изъ всѣхъ полковъ гвардейской пѣхоты и кавалеріи, весь гренадерскій короля прусскаго полкъ и по одному батальону отъ гренадерскихъ полковъ, коихъ шефами состояли наслѣдный принцъ и принцы Вильгельмъ и Карлъ прусскіе. Гвардейскія части были перевезены изъ Петербурга въ Данцигъ моремъ и прослѣдовали въ Калишъ чрезъ прусскія владѣнія. Если прибавить къ этимъ войскамъ собственный конвой его императорскаго величества, жандармскіе эскадроны и казачьи полки, то число всѣхъ войскъ, собранныхъ въ Калишѣ, простиралось до 50,000 человѣкъ.

Для совмѣстныхъ ученій и маневровъ съ этими войсками былъ направленъ въ калишскій лагерь и отрядъ прусскихъ войскъ, состоявшій изъ трехъ сводныхъ гвардейскихъ полковъ: пѣхотнаго, легко-коннаго и кирасирскаго, кирасирскаго же полка имени императора Николая, двухъ полу-батарей гвардейской конной и пѣшей артиллеріи, по взводу отъ гвардейскихъ стрѣлковъ, піонеровъ и егерей, эскадрона уланскаго полка и учебнаго полу-эскадрона, всего до 5,000 человѣкъ.

Соединеніе въ мирное время въ одномъ и томъ же лагерѣ армій двухъ государствъ, хотя и союзныхъ, и сосѣднихъ, было явленіемъ безпримѣрнымъ, молва о которомъ пронеслась по всей Европѣ. Оно должно было служить нагляднымъ выра-

женіемъ тѣсной дружбы и единенія не только государей России и Пруссіи, но и ихъ военныхъ силъ [1]).

Едва успѣли высокіе посѣтители разъѣхаться изъ Калиша, какъ четыре дня спустя, русская императорская чета и король прусскій съѣхались снова въ Теплицѣ съ императоромъ и императрицею австрійскими, и всѣ вмѣстѣ присутствовали при открытіи памятника воздвигнутаго въ честь русской гвардіи на полѣ Кульмскаго боя.

Частыя свиданія трехъ союзныхъ государей возбуждали большія опасенія въ Парижѣ и Лондонѣ, хотя тамъ и старались ослабить впечатлѣніе, произведенное ими на общественное мнѣніе Западной Европы. «Лагерь въ Калишѣ», читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ извѣстнаго Стокмара, «кажется мнѣ однимъ изъ тѣхъ русскихъ праздниковъ, которые ставились на сцену во времена Екатерины II. Мы живемъ въ такое время, когда подобныя вещи уже не производятъ эффекта. Пруссія приняла участіе не потому, чтобы ей это доставляло удовольствіе, а потому, что не могла отказать ради политики и слабосердечія черезчуръ вѣжливому союзнику и зятю [2])». Въ самой Пруссіи не было недостатка въ людяхъ, которымъ было не по сердцу всякое проявленіе дружественной связи съ Россіею: то были послѣдователи либеральныхъ идей, адепты такъ называемой молодой Германіи, видѣвшіе въ Россіи главное препятствіе къ преобразованію Пруссіи въ конституціонное государство и къ объединенію подъ главенствомъ послѣдней всего нѣмецкаго отечества. Одинъ изъ виднѣйшихъ представителей означеннаго направленія Фарнгагенъ фонъ-Энзе въ слѣдующихъ словахъ выражалъ свою досаду наканунѣ калишскаго съѣзда: «Калишъ! Калишъ! Какъ плачевно! Ни цѣли, ни возможнаго результата! Игра въ солдатики! Нѣсколько здѣшнихъ комедіантовъ, танцоровъ и вѣнскій скрипачъ Штраусъ— вотъ представители художественныхъ развлеченій! Ужасно! Монархи почувствуютъ разныя мелкія неудовольствія, станутъ порицать другъ друга, войска будутъ косо поглядывать одно на другое, издержки будутъ уплачены и тѣмъ все дѣло успокоится... Никто ничего не ждетъ отъ калишскаго свиданія и ничего не опасается. Здѣсь, всѣ отношенія къ Россіи, вообще,

---

[1]) О калишскомъ съѣздѣ см. слѣдующій очеркъ: *Императоръ Николай и прусская армія*, глава III: Калишъ.

[2]) Stockmar's *Denkwürdigkeiten*, стр. 299.

крайне претятъ людямъ» [1]). Тотъ же писатель съ испугомъ заносилъ въ свой дневникъ слухъ, будто въ 1837 году рѣчь шла о приглашеніи на прусскіе моневры 3,000 русскихъ солдатъ. «Я не могу отрицать», — замѣчалъ онъ, — «что дѣло это представляется мнѣ крайне сомнительнымъ. Это начало, продолженія коего и конецъ нельзя упустить изъ виду, опасный примѣръ, который лучше было бы не подавать» [2]).

Опасенія прусскихъ либераловъ не оправдались. Въ 1837 году русскія войска не «совершили вторженія» въ Пруссію. Все ограничилось присутствіемъ принцовъ Адальберта и Августа и прусской военной депутаціи на большихъ кавалерійскихъ манёврахъ, устроенныхъ императоромъ Николаемъ въ окрестностяхъ города Вознесенска, Херсонской губерніи, а въ маѣ 1838 года самъ государь прибылъ въ Берлинъ для принятія участія въ манёврахъ гвардейскаго корпуса. Съ его величествомъ пріѣхали императрица, наслѣдникъ цесаревичъ, великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи и великая княжна Александра Николаевна. Весенніе манёвры отличались особою торжественностью. На нихъ, кромѣ русскаго государя, присутствовали короли ганноверскій и виртембергскій, но оба какъ бы исчезали въ сіяніи императора Николая. Всюду войско и народъ привѣтствовали государя восторженными кликами и городъ Берлинъ поднесъ ему дипломъ на званіе почетнаго гражданина.

Проведя около мѣсяца въ Потсдамѣ и Сансуси, императрица Александра Θеодоровна съ великою княжною Александрою Николаевною поѣхала въ Зальцбрунъ, въ Силезію, для лѣченія водами. Въ началѣ іюля, прибылъ туда и государь и, посѣтивъ по пути короля прусскаго въ Теплицѣ, отвезъ августѣйшую свою супругу въ мѣстечко Крейтъ, въ Баварскихъ Альпахъ, гдѣ ея величество продолжала лѣченіе сывороткою. Между тѣмъ, императоръ совершилъ поѣздку въ Мюнхенъ и тамъ съ величайшимъ вниманіемъ осматривалъ воздвигнутыя королемъ Лудовикомъ I великолѣпныя зданія, навѣстилъ въ его мастерской знаменитаго ваятеля Шванталера, совѣтовался съ зодчимъ Кленце о постройкѣ петербургскаго Эрмитажа. Въ Мюнхенѣ же была рѣшена свадьба великой княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ.

---

[1]) Дневникъ Фарнгагена фонъ-Энзе, 18 (30) и 19 (31) августа 1835.
[2]) Тотъ же дневникъ, 26 февраля (10 марта) 1837.

*

Обратный путь их величествъ лежалъ чрезъ Саксонію и Пруссію. Въ Магдебургѣ государь остановился на нѣсколько дней съ цѣлью прослѣдить за осенними манёврами IV прусскаго корпуса. Въ половинѣ сентября и онъ, и императрица чрезъ Берлинъ возвратились въ Петербургъ.

Казалось бы нельзя себѣ и вообразить болѣе близкихъ и дружественныхъ отношеній, чѣмъ тѣ, которыя существовали между дворами петербургскимъ и берлинскимъ. На дѣлѣ было не совсѣмъ такъ. Доказательствомъ тому служитъ отзывъ барона Бруннова о нашихъ сношеніяхъ съ Пруссіею въ курсѣ, читанномъ имъ въ 1839 году наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу.

«Узы связывающія императорскую фамилію съ королевскою»,—говоритъ баронъ,—«соприкасаются слишкомъ близко съ ихъ самыми драгоцѣнными чувствами, чтобы намъ нужно было указывать на тѣсное ихъ единеніе. Необходимо заботиться о томъ, чтобы отношенія между двумя дворами всегда согласовались съ этою счастливою связью. Работа эта должна быть тѣмъ усерднѣе, что между сосѣдними странами часто возникаютъ частныя пререканія и столкновенія насущныхъ интересовъ, которыя могутъ послужить поводомъ къ взаимному неудовольствію. Этимъ объясняется, что государства, границы которыхъ соприкасаются, нуждаются въ бо̀льшей взаимной осторожности и, смѣю сказать, снисходительности, чѣмъ тѣ, коихъ раздѣляютъ дальнія разстоянія. Въ послѣднее время, мы присутствовали при возникновеніи между нашимъ кабинетомъ и берлинскимъ достойнаго сожалѣнія спора, вызваннаго, именно затрудненіями, проистекающими изъ пограничныхъ отношеній (Grenzverkehr) между сопредѣльными областями. Безпорядки, происходящія отъ торговли контрабандою, стали предметомъ серіозныхъ жалобъ нашего правительства. Мѣры, принятыя доселѣ для противодѣйствія этимъ злоупотребленіямъ, оказались недостаточными. Вопросъ этотъ продолжаетъ обращать на себя вниманіе обоихъ кабинетовъ. Причина, препятствующая до сего времени благопріятному разрѣшенію этого дѣла, состоитъ, повидимому, главнымъ образомъ въ томъ, что прекратилось дѣйствіе нашей торговой конвенціи съ Пруссіею, срокъ коей истекъ уже въ 1834 году и которая была временно продолжена до августа 1836 года. Переговоры, начатые въ С.-Петербургѣ въ видахъ возобновленія этой сдѣлки,

были безуспѣшны. Съ тѣхъ поръ не существуетъ болѣе торговаго уговора между обоими правительствами. Изъ сего проистекаетъ по многимъ причинамъ порядокъ худо опредѣленный, и если мнѣ позволено такъ выразиться, ежедневная вражда и раздраженіе между двумя странами, у которыхъ въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ одни и тѣ же интересы. Отсюда проистекаетъ прискорбное размышленіе, что въ то самое время, когда нѣжная привязанность соединяетъ оба двора, общественное мнѣніе въ Пруссіи высказывается иногда противъ насъ. Отсюда же происходитъ и тотъ странный контрастъ, что пока чувство взаимнаго благорасположенія одушевляетъ правительства, они опечалены тѣмъ, что на границахъ ихъ обмѣниваются ружейными выстрѣлами. Такое состояніе слишкомъ противно основнымъ началамъ обоихъ кабинетовъ, чтобы продолжаться долѣе. Нужно надѣяться, что они изыщутъ наилучшія средства, дабы по возможности скоро положить ему конецъ посредствомъ новаго торговаго договора. Нашъ кабинетъ ждетъ, чтобы въ Пруссіи живѣе почувствовали необходимость подобной сдѣлки, дабы переговоры по этому предмету могли открыться впредь подъ счастливѣйшими предзнаменованіями, обѣщая тѣмъ болѣе обезпеченный успѣхъ, что потребность въ немъ будетъ зрѣлѣе сознана. Слѣдуетъ желать скорѣйшаго достиженія нами этого результата, представляющагося соотвѣтствующимъ вѣрно понятымъ интересамъ Россіи. Ибо какова бы ни была ея сила, она не должна терять добраго расположенія своихъ сосѣдей. Утверждать связи, соединяющія насъ съ Пруссіею, удалять путемъ мягкаго обращенія все, что можетъ нарушить нашу съ нею дружбу—значитъ, по глубокому моему убѣжденію, съ пользою служить истиннымъ интересамъ Россіи»[1]).

Существовали и другія болѣе политическія и даже личныя причины, вызвавшія нѣкоторое охлажденіе между обоими дворами. Въ Петербургѣ взирали съ неудовольствіемъ на французскія симпатіи министра Ансильона, на сближеніе его съ тюильрійскимъ кабинетомъ, на почетный пріемъ, оказанный въ Берлинѣ сыновьямъ короля Лудовика-Филиппа, на заботы самого Фридриха-Вильгельма III объ устройствѣ женитьбы герцога Орлеанскаго на Мекленбургъ-Шверинской принцессѣ. Съ

[1]) Рукописная записка барона Бруннова.

другой стороны, при прусскомъ дворѣ не одобряли брака старшей дочери государя, великой княжны Маріи Николаевны, съ сыномъ Евгенія Богарне, бывшаго вице-короля итальянскаго, пасынка Наполеона.

Не смотря на все это, едва узнали въ Россіи о тяжкой болѣзни, постигшей короля прусскаго лѣтомъ 1840 года, какъ не только императрица, но и императоръ рѣшились отправиться въ Берлинъ проститься съ отцемъ и тестемъ. Ея величество прибыла въ Берлинъ съ великою княжною Ольгою Николаевною 22 мая (3 іюня), а государь 26 (7), въ самый день кончины короля. Отдавъ послѣдній долгъ усопшему, онъ возвратился въ Петербургъ, а императрица съ дочерью поѣхала въ Эмсъ, гдѣ снова пользовалась водами.

Въ лицѣ короля Фридриха-Вильгельма III, русская императорская семья лишилась нѣжно любившаго ее родственника, Россія—искренняго и признательнаго друга. Правда, король не всегда руководился въ своей государственной дѣятельности влеченіемъ сердца, и году не прошло со времени приступленія его къ Священному Союзу, какъ русскій посланникъ въ Берлинѣ уже писалъ про него: «Будучи сердцемъ и душою преданъ августѣйшему нашему государю, король въ особенности любитъ и русскій народъ, и вотъ именно эта любовь усиливаетъ его робость. Германскіе демагоги ставятъ ему въ укоръ его пристрастіе къ русскимъ и это побуждаетъ его не входить въ подробности политическихъ сношеній обоихъ дворовъ. Онъ предоставляетъ ихъ государственному канцлеру (князю Гарденбергу), прекрасно расположенному въ нашу пользу, но который, не смотря на твердость своего характера, болѣе или менѣе находится подъ вліяніемъ подчиненныхъ существъ, христіанъ или евреевъ, среди коихъ нѣтъ ни одного человѣка знатнаго происхожденія. Люди эти не безъ основанія боятся насъ, ибо чувствуютъ, что близкія личныя отношенія между императоромъ и королемъ мѣшаютъ имъ играть первенствующую роль и не даютъ восторжествовать ихъ революціоннымъ принципамъ» [1].

Такъ продолжало идти дѣло и при преемникахъ Гарденберга, графѣ Бернсторфѣ и въ особенности при Ансильонѣ. Послѣ смерти послѣдняго, послѣдовавшей въ 1837 году, въ Берлинѣ ожидали, что король назначитъ министромъ иностран-

[1]) Алопеусъ графу Нессельроде, 5 (17) января 1816.

ныхъ дѣлъ того изъ прусскихъ дипломатовъ, который отличался наибольшею преданностію къ русскому двору, а именно посланника въ Штутгартѣ, генерала Рохова. Занося слухъ этотъ въ свой дневникъ, Фарнгагенъ фонъ-Энзе язвительно замѣчалъ: «Почему нѣтъ? поприще ему ново, дѣла — чужды, въ познаніяхъ—недостатокъ, равно какъ и въ умѣньи держать себя и въ характерѣ, за то онъ г. Роховъ и приверженъ къ Россіи, такъ почему же нѣтъ» [1])? Но король назначилъ министромъ не его, а посланника въ Парижѣ, Вертера, личность вполнѣ безцвѣтную.

Въ послѣдніе годы царствованія, у Фридриха-Вильгельма III сложилось твердое убѣжденіе, что благо Пруссіи требуетъ поддерживать одинаково хорошія отношенія съ Россіей и Австріею, не оказывая предпочтенія ни той, ни другой. Мысль эту онъ выразилъ и въ своемъ духовномъ завѣщаніи, обращенномъ къ старшему сыну и наслѣднику и озаглавленномъ: *моему милому Фрицу.* «Главное»,—писалъ король, «чтобы Пруссія, Россія и Австрія никогда не разъединялись». Тотчасъ по вступленіи на престолъ, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV приказалъ обнародовать завѣщаніе отца во всеобщее свѣдѣніе.

IV.

Императоръ Николай и Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

(1840—1848).

Обмѣнъ вѣжливостей.—Начало разногласій.—Внѣшняя политика Фридриха-Вильгельма IV.—Поѣздка его въ Англію и Россію.—Императоръ Николай въ Берлинѣ въ 1843 году. — Покушеніе на жизнь его въ Познани. — Созваніе Соединеннаго Ландтага.—Революція 1848 года въ Пруссіи.—Императоръ Николай порицаетъ образъ дѣйствій короля. — Единомысліе его съ принцемъ прусскимъ.—Возстановленіе порядка въ Берлинѣ.

Въ первые дни по воцареніи короля Фридриха-Вильгельма IV, въ прежнихъ дружественныхъ отношеніяхъ обоихъ родственныхъ дворовъ не замѣчалось никакой перемѣны. Императоръ Николай воспользовался подношеніемъ ему подарка офи-

---

[1]) Дневникъ Фарнгагена фонъ-Энзе, 24 марта (5 апрѣля) 1837.

церами его кирасирскаго полка, чтобы гласно выразить увѣренность свою, «что гдѣ бы ни пришлось русскому и прусскому войску дѣйствовать сообща на полѣ сраженія, ихъ постоянно будутъ одушевлять тѣ же чувства единенія и любви» [1]. Русская военная депутація прибыла въ Берлинъ поздравить первый полкъ прусской гвардейской кавалеріи, такъ называемыхъ «тѣлохранителей», (gardes du corps) съ его столѣтнимъ юбелеемъ. При возвращеніи императрицы Александры Ѳеодоровны изъ Эмса въ Россію, чрезъ Кёльнъ, Кобленцъ и Дрезденъ, въ послѣдній городъ выѣхали ей на встрѣчу король и королева прусскіе. Наконецъ, по случаю принесенія земскими чинами восточной Пруссіи торжественной присяги на вѣрность подданства новому государю, императоръ Николай отправилъ въ Кёнигсбергъ, для привѣтствованія короля, виленскаго генералъ-губернатора Мирковича, съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, настаивалъ на необходимости строгихъ, взаимно согласованныхъ мѣръ противъ мятежныхъ замысловъ поляковъ какъ въ царствѣ Польскомъ, такъ и въ Познани [2].

Фридрихъ-Вильгельмъ IV далеко не былъ расположенъ осуществить надежды, возлагавшіяся на него либеральною партіею, и даровать странѣ конституцію, замѣнивъ существовавшее уже въ Пруссіи областное земское представительство — центральнымъ, государственнымъ. Но отказывая либераламъ въ главномъ ихъ требованіи, онъ проявилъ въ отношеніи прочихъ большую непослѣдовательность. Воцареніе его было ознаменовано цѣлымъ рядомъ мѣръ, направленныхъ къ ослабленію власти: освобожденіе изъ заключенія лицъ, приговоренныхъ къ тюрьмѣ за государственныя преступленія; разрѣшеніе вернуться въ Пруссію уроженцамъ другихъ нѣмецкихъ странъ, высланнымъ за политическую агитацію; возвращеніе каѳедръ профессорамъ, удаленнымъ за неблагонадежный образъ мыслей. Не взирая на то, что всѣ областныя земскія собранія громко требовали конституціи, король значительно расширилъ ихъ права, обязался созывать ихъ періодически, черезъ каждые два года, и даже

[1]) Рескриптъ императора Николая прусскому кирасирскому имени его полку 30 мая (11 іюня) 1840.

[2]) Императоръ Николай королю Фридриху-Вильгельму IV, 15 (27) августа 1840. О поѣздкѣ генерала Мирковича въ Кенигсбергъ см. интересныя записки его, напечатанныя въ «Русской Старинѣ», августъ, 1886 года, стр. 305—334.

учредилъ изъ ихъ делегатовъ центральный комитетъ въ Берлинѣ. Такія полумѣры нимало не удовлетворили либеральной партіи, а только поощрили ея притязательность; въ охранительныхъ же кругахъ вызвали всеобщее неудовольствіе, подорвали довѣріе къ власти. Въ особенности непріятно поразило послѣдніе принятіе въ составъ правительства такихъ завѣдомыхъ либераловъ, какъ новые министры: военный, генералъ Бойенъ, и исповѣданій—Эйхгорнъ. Нетрудно было предвидѣть, что неминуемымъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ уступокъ тому, что выдавалось за общественное мнѣніе страны, будетъ разстройство всѣхъ отраслей государственнаго управленія и въ концѣ концовъ преобразованіе Пруссіи въ монархію конституціонную революціоннымъ путемъ. Императоръ Николай уже въ 1841 году выразилъ это убѣжденіе въ пророческихъ словахъ: «Мой прусскій братъ себя погубитъ» [1]). Не могло также нравиться государю одно изъ прямыхъ послѣдствій расширенія автономіи прусскихъ областей, выразившееся въ томъ, что познанскій сеймъ съ первыхъ же засѣданій провозгласилъ право польской національности на независимое существованіе. Русскій дворъ вынужденнымъ нашелся напомнить берлинскому, что въ отношеніи Польши три державы участницы раздѣла связаны другъ съ другомъ извѣстною солидарностью и что всякія дальнѣйшія уступки полякамъ прусскаго правительства несовмѣстимы съ его союзными обязательствами относительно Россіи [2]).

Въ воззрѣніяхъ на внѣшнюю политику у Фридриха-Вильгельма IV была всего одна общая съ императоромъ Николаемъ черта: глубокая ненависть и презрѣніе къ іюльской монархіи во Франціи. Во всѣхъ прочихъ политическихъ вопросахъ они если и не прямо расходились, то по меньшей мѣрѣ относились къ нимъ весьма различно. Руководящимъ началомъ русскаго государя были всюду законность и уваженіе существующихъ международныхъ договоровъ, тогда-какъ прусскій король не прочь былъ измѣнить status quo во многихъ отношеніяхъ. Такъ, въ германскихъ дѣлахъ, онъ желалъ удовлетворить національнымъ стремленіямъ, преобразовать Германію изъ союза государствъ въ союзное государство и добродушно разсчитывалъ въ этомъ предпріятіи на содѣйстіе вѣнскаго двора, во

[1]) Дневникъ Фарнгагена фонъ-Энзе 20 апрѣля (2 мая) 1841.

[2]) Тотъ же дневникъ 23 апрѣля (5 мая) 1841. *Ср. Berlin und Petersburg, Preussische Beiträge zur Geschichte der Russisch-Deutschen Beziehungen*, стр. 12.

главѣ котораго стоялъ еще князь Меттернихъ. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, онъ писалъ австрійскому канцлеру, «что у него нѣтъ недостатка въ энергіи, въ особенности когда рѣчь идетъ о соединеніи его усилій съ императоромъ австрійскимъ для упроченія силы и величія общаго германскаго отечества и для созданія въ центрѣ Европы плодотворныхъ согласія и единства, противъ коихъ безсильными окажутся грозы и противные вѣтры, *съ какой бы стороны они ни подули*» [1]). Въ вопросѣ Восточномъ, стоявшемъ тогда на очереди, король вдохновлялся иными чувствами, а именно прозелитизмомъ протестантскаго богослова и стремленіемъ обезпечить за евангелическимъ исповѣданіемъ на Востокѣ одинаковыя права съ православіемъ и католичествомъ. Предположенія его объ установленіи въ Палестинѣ общаго протектората великихъ державъ надъ Святыми Мѣстами и христіанскимъ населеніемъ этой области произвели, по словамъ русскаго дипломатическаго документа, на государя «тяжелое и прискорбное впечатлѣніе» [2]). Тѣмъ ближе старался король сойтись въ этомъ дѣлѣ съ сентъ-джемскимъ кабинетомъ, къ которому, по словамъ его, онъ «тяготѣлъ своимъ старопрусскимъ и евангелическимъ сердцемъ». Посредникомъ между нимъ и англійскимъ дворомъ служилъ назначенный имъ посланникомъ въ Лондонъ, личный другъ его и довѣренный совѣтникъ Бунзенъ, нашедшій единомышлениковъ въ лицѣ супруга королевы Викторіи, принца Альберта, и его Эгеріи — врача Стокмара. Всѣ трое убѣдили королеву пригласить Фридриха-Вильгельма лично прибыть въ Англію, чтобы служить воспріемникомъ отъ купели новорожденному принцу Валійскому, наслѣднику великобританскаго престола. Приглашеніе было принято, и въ половинѣ января 1842 года король прусскій дѣйствительно пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ большими почестями и провелъ двѣ недѣли, войдя въ самое тѣсное общеніе не только съ королевскою четою, но и съ выдающимися государственными людьми Великобританіи и съ англійскою аристократіею, давшею въ честь его блестящія празднества.

Поѣздка короля въ Англію произвела непріятное впечатлѣніе на нашъ дворъ, такъ какъ ясно было, что предпринята она въ виду политическихъ цѣлей, несогласныхъ съ общими

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV князю Меттерниху, 9 (21) іюня 1840.
[2]) Циркуляры графа Нессельроде отъ 20 и 25 февраля (4 и 9 марта) 1841.

цѣлями охранительнаго союза трехъ сѣверныхъ державъ. Фридрихъ-Вильгельмъ самъ сознавалъ необходимость изгладить это впечатлѣніе и гласно заявить, что въ чувствахъ его къ государю и Россіи не произошло никакой перемѣны. Онъ воспользовался для этой цѣли совершившимся 29 марта (7 апрѣля) 1842 года двадцатипятилѣтіемъ со дня назначенія императора Николая шефомъ прусскаго 6-го кирасирскаго полка. Депутація отъ полка была отправлена въ Петербургъ для принесенія поздравленія августѣйшему шефу, а въ самый день юбилея король отправился въ Бранденбургъ, гдѣ квартировали кирасиры, и въ рѣчи къ офицерамъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ отозвался о русскомъ государѣ и его отношеніяхъ къ Пруссіи.

Въ томъ же году императоръ Николай праздновалъ и серебряную свою свадьбу. Король самъ прибылъ по этому случаю въ Петергофъ и принялъ участіе въ праздникѣ сестры своей и зятя.

Посѣщеніе Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV русскаго двора скрѣпило его личныя связи съ членами царской семьи, но не имѣло вліянія на направленіе его политики. Напротивъ, пребываніе въ Лондонѣ, гдѣ онъ, между прочимъ, былъ свидѣтелемъ торжества открытія парламента королевою, расположило его въ пользу введенія и въ Пруссіи собранія государственныхъ чиновъ. При этомъ онъ не имѣлъ въ виду даровать странѣ конституціи въ англійскомъ смыслѣ этого слова, а намѣревался строго ограничить кругъ дѣятельности будущаго парламента. Король льстилъ себя надеждою, что либеральная партія удовольствуется этою уступкою и что во власти его будетъ сдержать ея порывы къ полной политической свободѣ. Въ означенномъ намѣреніи его поддерживали близкіе друзья его и впереди всѣхъ Бунзенъ, но оно не встрѣчало сочувствія въ прусскихъ министрахъ. Энергично возражалъ королю и наслѣдникъ престола, братъ его, принцъ прусскій [1]), выразившій даже сомнѣніе относительно права царствующаго государя, связывать своихъ преемниковъ закономъ, ограничивающимъ верховную власть. При нерѣшительности и слабости Фридриха-Вильгельма прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ онъ осуществилъ свое намѣреніе. Пока же онъ довольствовался

[1]) По воцареніи Фридриха-Вильгельма IV, братъ его Вильгельмъ получилъ титулъ принца прусскаго.

тѣмъ, что требовалъ отъ всѣхъ государственныхъ сановниковъ заключеній по занимавшему его вопросу.

Въ концѣ августа (началѣ сентября) 1843 года, императоръ Николай отдалъ визитъ своему зятю въ Берлинѣ и присутствовалъ при осеннихъ кавалерійскихъ манёврахъ, происходившихъ въ окрестностяхъ прусской столицы. Одновременно съ нимъ гостями короля были великая княгиня Елена Павловна и великая герцогиня саксенъ-веймарская Марія Павловна, наслѣдный принцъ шведскій съ женою и принцъ Іоаннъ саксонскій. Замѣчено было, что государь обращается съ королемъ вѣжливо и даже привѣтливо, но сдержанно и какъ бы недовѣрчиво, тогда-какъ онъ почти не разлучался съ принцемъ прусскимъ, бесѣдуя съ нимъ по долгимъ часамъ [1]). На возвратномъ пути его изъ Берлина въ Познань произошелъ загадочный случай, такъ и оставшійся неразъясненымъ. При выѣздѣ изъ города, на самомъ мосту, перекинутомъ чрезъ Варту, въ одинъ изъ экипажей императорскаго поѣзда, занятый двумя чиновниками походной канцеляріи, сдѣланъ былъ выстрѣлъ, оставившій слѣдъ на покрышкѣ коляски. Мѣстныя власти никакъ не хотѣли допустить, чтобы выстрѣлъ этотъ могъ быть покушеніемъ на жизнь его величества, хотя за нѣсколько часовъ до царскаго проѣзда въ близь лежащей корчмѣ обратили на себя вниманіе нѣсколько подозрительныхъ личностей, разговаривавшихъ между собою по польски, по-французски и по-англійски. Для разслѣдованія дѣла командированъ былъ въ Познань комендантъ Берлина, генералъ Мюфлингъ, но, не смотря на обѣщанную денежную награду за указаніе виновныхъ, ему не удалось ихъ обнаружить [2]). Когда, два года спустя, въ принадлежащихъ Пруссіи польскихъ областяхъ вспыхнуло возстаніе, стало, однако, извѣстнымъ, что задолго до того во всемъ краѣ уже дѣйствовала тайная польская революціонная организація.

14 (26) мая слѣдующаго 1844 года государь, ѣхавшій въ Англію, остановился на сутки въ Берлинѣ и обѣдалъ въ Шарлотенбургѣ у короля [3]). Возвращаясь изъ Лондона, онъ остался въ прусской столицѣ лишь нѣсколько часовъ, спѣша въ Петербургъ къ смертному одру великой княгини Александры Николаевны.

---

[1]) Дневникъ Фарнгагена фонъ-Энзе, 7 (19) сентября 1843.

[2]) Тотъ же дневникъ, 14 (26) сентября 1843.

[3]) О проѣздѣ государя чрезъ Берлинъ въ 1844 году, см. выше, стр. 19 и 20.

Прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ берлинцы снова увидѣли русскаго императора въ стѣнахъ своихъ. Лѣченія водами въ Германіи уже было недостаточно для возстановленія разстроеннаго здоровья императрицы Александры Ѳеодоровны. Врачи требовали отправленія ея на Югъ, зимовки въ Палермо, куда она и прослѣдовала, осенью 1845 года, чрезъ Берлинъ. Король провожалъ ее до Галле. Но когда самъ государь отправился въ Италію для посѣщенія императрицы, то проѣхалъ прямымъ путемъ чрезъ Варшаву, Мюнхенъ и Бреннерскій перевалъ, а въ Россію вернулся чрезъ Вѣну. Онъ рѣшился миновать Берлинъ по многимъ причинамъ. Предстоявшее присоединеніе Кракова къ Австріи условленное обоими императорскими дворами вопреки берлинскому кабинету, вызвало охлажденіе въ дипломатическихъ сношеніяхъ нашихъ съ Пруссіею. Къ тому же король прямо заявилъ князю Меттерниху о безповоротномъ рѣшеніи своемъ даровать прусскому народу центральное представительство въ видѣ Соединеннаго Ландтага, составленнаго изъ делегатовъ всѣхъ областныхъ собраній. Государь не одобрялъ этой мѣры, противъ которой принцъ прусскій не переставалъ протестовать во имя наслѣдственныхъ правъ своихъ. Лѣтомъ 1846 года онъ посѣтилъ русскій дворъ и былъ принятъ въ Варшавѣ и въ Петергофѣ съ распростертыми объятіями. Въ этотъ періодъ его жизни мнѣнія и чувства его болѣе чѣмъ когда-либо совпадали со взглядами и убѣжденіями императора Николая. Единомысліе это было очень непріятно королю, которому приписывали слѣдующія слова, сказанныя имъ вскорѣ по возвращеніи принца изъ Россіи: «братъ мой не имѣетъ права вмѣшиваться не въ свое дѣло, а императоръ пусть заботится о собственныхъ своихъ владѣніяхъ» [1].

Въ началѣ 1847 года обнародованъ былъ королевскій патентъ, созывающій въ Берлинъ государственные чины Пруссіи, подъ именемъ Соединеннаго Ландтага, въ составѣ двухъ палатъ. Мѣра эта была равносильна введенію конституціи, хотя въ рѣчи, произнесенной при открытіи перваго собранія, король и заявилъ, что не потерпитъ, «чтобы между нимъ и его народомъ воздвигался листъ бумаги» [2]. Въ прусскихъ придворныхъ и дипломатическихъ кругахъ знали, что императоръ

[1]) Дневникъ Фарнгагена фонъ-Энзе, 22 августа (3 сентября) 1846.

[2]) Рѣчь, произнесенная Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV при открытіи Соединеннаго Ландтага, 30 марта (11 апрѣля) 1847.

Николай гласно выразилъ порицаніе рѣшенію своего зятя. Разсказывали даже—источникомъ этихъ слуховъ было письмо, писанное женою прусскаго посланника въ Петербургѣ, генерала Рохова, къ одной пріятельницѣ,—будто государь сказалъ, что «если только созваніе государственныхъ чиновъ приведетъ къ безпорядкамъ, то онъ вмѣшается въ дѣло, ибо пожаръ сосѣдняго дома угрожаетъ его собственному» [1]). Опасенія русскаго императора не замедлили оправдаться. Не прошло и года, какъ вспыхнувшій на улицѣ мятежъ снесъ конституціонное зданіе, воздвигнутое слабыми руками Фридриха-Вильгельма, и поколебалъ въ ея основаніяхъ полуторовѣковую монархію Гогенцоллерновъ.

Съ марта по ноябрь 1848 года въ Берлинѣ царили смута и безначаліе. Учредительный Ландтагъ вносилъ въ вырабатываемую имъ конституцію разрушительнѣйшія начала. Войска были выведены изъ столицы, и вооруженныя шайки всякой сволочи безчинствовали въ ней на волѣ. Конституціонное министерство, смѣнившееся четыре раза въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, являлось послушнымъ исполнителемъ такъ называемой народной воли, выражаемой даже не парламентомъ, а демагогическими клубами и уличными сборищами. Послѣ робкихъ попытокъ сопротивленія, непродолжавшихся и сутокъ, король уступилъ все, чего у него потребовали, далъ вырвать власть изъ своихъ рукъ. Проявленная имъ въ минуту опасности слабость и безхарактерность произвели тяжелое впечатлѣніе на императора Николая. Ему прискорбно было видѣть въ своемъ зятѣ столь полное забвеніе королевскаго достоинства, сказавшееся въ воззваніи Фридриха-Вильгельма «къ его милымъ берлинцамъ» и въ совершенномъ имъ объѣздѣ главныхъ улицъ столицы, въ предшествіи революціонныхъ знаменъ и эмблемъ и съ трехцвѣтнымъ шарфомъ на рукавѣ. Очень можетъ быть, что государь и дѣйствительно излилъ свою горечь въ приписываемыхъ ему молвою словахъ, въ коихъ онъ будто бы упомянулъ имя Лежара, извѣстнаго въ то время наѣздника изъ цирка. Берлинскія происшествія не только оскорбляли самыя дорогія его чувства, но грозили ему и серіозными политическими осложненіями. Вопросъ о переустройствѣ Пруссіи на конституціонныхъ началахъ былъ тѣсно свя-

[1]) Дневникъ Фарнгагена фонъ Энзе, 7 (19) февраля и 4 (16) марта 1847.

занъ съ другимъ, еще болѣе революціоннымъ вопросомъ—объединенія Германіи. Готовилось въ центрѣ Европы полное ниспроверженіе порядка, созданнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ. Въ одномъ изъ своихъ воззваній, король прусскій объявилъ, что «берется руководить судьбами общаго нѣмецкаго отечества и что отнынѣ Пруссія должна слиться съ Германіею».

Въ виду этихъ потрясающихъ событій, въ нѣсколько дней видоизмѣнившихъ всю политическую поверхность Европы, императоръ Николай принялъ рѣшеніе, не вмѣшиваясь въ происходившіе въ сосѣднихъ государствахъ безпорядки, оберегать русскую границу отъ ихъ вторженія, спокойно и твердо ожидать ихъ окончанія, а въ случаѣ надобности, отразить силу силою. Къ счастію для Пруссіи, дѣло не дошло до объявленія ею войны Россіи, хотя берлинскіе демагоги, а съ ихъ голоса и конституціонные министры Фридриха-Вильгельма IV, требовали того отъ короля. Воинственный пылъ ихъ нашелъ исходъ въ менѣе опасной борьбѣ съ Даніею изъ-за при-эльбскихъ герцогствъ. Прусскія войска вступили въ Голштинію и Шлезвигъ и оттуда вторглись въ Ютландію. Они были остановлены появленіемъ русскаго флота подъ Копенгагеномъ и заявленіемъ императорскаго кабинета, что герцогства принадлежатъ Даніи въ силу международныхъ договоровъ и что всякое нарушеніе ихъ со стороны Пруссіи будетъ сочтено нами за casus belli. Результатомъ этого заявленія было Мальмёское перемиріе, заключенное съ датчанами Пруссіею, отъ имени и по уполномочію Германскаго Союза.

Воздерживаясь отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла какъ Австріи, такъ и Пруссіи, государь, однако, считалъ своею обязанностью, въ случаѣ обращенія къ нему того или другого союзнаго двора, не отказывать въ помощи для возстановленія порядка. Съ начала революціи король Фридрихъ-Вильгельмъ находился во власти, а отчасти и подъ вліяніемъ демагоговъ. Но наслѣдникъ престола, принцъ прусскій, не призналъ перемѣнъ, происшедшихъ въ государственномъ устройствѣ страны. Онъ удалился въ Англію, а между тѣмъ въ Берлинѣ, въ либеральныхъ кругахъ и даже въ парламентѣ, возбужденъ былъ вопросъ о провозглашеніи его лишеннымъ правъ на наслѣдованіе. Естественно было предположить, что принцъ Вильгельмъ не подчинится такому проявленію «народнаго самодержавія» и съ оружіемъ въ рукахъ станетъ отстаивать права свои ,а потому

весьма вѣроятно, что въ виду этой случайности принцу была предложена наша поддержка [1]). Хорошо знакомый съ духомъ прусской арміи, императоръ Николай не сомнѣвался, что въ концѣ концовъ она положитъ предѣлъ анархіи и возстановитъ верховную власть во всей ея неприкосновенности. Этимъ убѣжденіемъ объясняются слова, обращенныя имъ къ командиру расположеннаго въ восточной Пруссіи перваго прусскаго корпуса, генералу графу Дòна, присутствовавшему осенью 1848 года на манёврахъ нашихъ войскъ въ пограничныхъ съ Пруссіею губерніяхъ. «Вамъ нравятся мои войска,»—сказалъ государь,— «что-жъ, они въ вашемъ распоряженіи, если вы захотите во главѣ ихъ идти на мятежный Берлинъ» [2]).

Дѣйствительно, въ концѣ октября (началѣ ноября) король, ободренный извѣстіями о подавленіи мятежа въ Вѣнѣ, далъ приказаніе войску снова занять Берлинъ. Учредительный Ландтагъ былъ распущенъ, составлено новое министерство, вполнѣ консервативное, подъ предсѣдательствомъ генерала графа Бранденбурга и порядокъ возстановился повсемѣстно, самъ собою, безъ пролитія крови и безъ малѣйшаго сопротивленія, при общемъ ликованіи всѣхъ охранительныхъ элементовъ страны.

---

[1]) О такихъ предложеніяхъ подробно разсказываетъ анонимный авторъ памфлета, появившагося въ 1880 году и озаглавленнаго: «*Berlin und Petersburg, Preussische Beiträge zur Geschichte der russisch-deutschen Beziehungen*». Не говоря уже о тенденціозной враждебности къ намъ этой книжки, мы не повторяемъ сообщаемыхъ ею данныхъ, потому что въ подтвержденіе ихъ авторъ не представилъ ни малѣйшихъ доказательствъ. Ср. также Записку о прусскихъ дѣлахъ, сообщенную генераломъ Рачемъ и напечатанную въ январской книжкѣ «Русской Старины» 1870 года.

[2]) Изъ неизданныхъ Воспоминаній генерала графа Дòна.

V

Послѣ революціи.

(1848—1853).

Прусская Унія.—Неудовольствіе императора Николая.—Совѣщанія въ Варшавѣ.—Ольмюцское соглашеніе.—Примиреніе короля съ императоромъ.—Прусскій король въ Варшавѣ и императоръ Николай въ Берлинѣ въ 1851 году.—Вторичное посѣщеніе короля государемъ и государынею въ 1852 году.—Празднованіе въ Потсдамѣ дня рожденія императрицы Александры Ѳеодоровны.—Рашель на Павлинномъ островѣ.

Одолѣвъ революцію, король Фридрихъ-Вильгельмъ, однако, и не думалъ о возвращеніи къ до-революціонному порядку. Онъ даровалъ странѣ конституцію весьма либеральную и присягнулъ ей на вѣрность. Причину такого поведенія слѣдуетъ искать въ зародившемся въ немъ честолюбивомъ замыслѣ: воспользоваться состояніемъ броженія, въ коемъ находилась Германія, а также внутреннимъ замѣшательствомъ Австріи, чтобы осуществить идею нѣмецкаго единства подъ главенствомъ Пруссіи. Король хотя и не принялъ императорской короны, предложенной ему франкфуртскимъ собраніемъ, но вступилъ въ переговоры съ второстепенными германскими правительствами объ учрежденіи такъ называемой «Уніи», или союзнаго государства, исполнительная власть въ которомъ принадлежала бы Пруссіи. Онъ какъ бы считалъ себя уже полнымъ хозяиномъ въ Германіи. Одна часть прусскихъ войскъ подавляла республиканскія вспышки въ Саксоніи, въ Баденѣ, въ Палатинатѣ; другая возобновляла войну съ Даніей, съ цѣлью отторженія отъ нея Голштиніи и Шлезвига, во имя народнаго нѣмецкаго начала.

Такая политика не могла быть одобрена императоромъ Николаемъ. Уже раннею весною 1849 года онъ высказалъ свой взглядъ на нее чрезъ возвращавшагося въ Берлинъ генерала Рауха, много лѣтъ бывшаго прусскимъ военнымъ уполномоченнымъ въ Петербургѣ и до такой степени пользовавшагося довѣріемъ и расположеніемъ государя, что нашъ посланникъ при берлинскомъ дворѣ баронъ Мейендорфъ, прозвалъ его «ангеломъ хранителемъ короля предъ престоломъ русскаго импе-

ратора». Рауху поручено было напомнить прусскимъ министрамъ, что Россія не допуститъ измѣненія въ отношеніяхъ эльбскихъ герцогствъ къ датской монархіи, признавая таковое за нарушеніе договоровъ 1815 года. Одновременно наши военные корабли появились въ виду Киля, и тогда, во второй разъ, прусскія войска очистили Ютландію и даже Шлезвигъ. Въ маѣ государь въ собственноручномъ письмѣ выставилъ на видъ королю непослѣдовательность его дѣйствій, доказывая, что нельзя въ одно и то же время подавлять революцію въ сосѣднихъ нѣмецкихъ государствахъ и пользоваться ея услугами для доставленія Пруссіи преобладающаго положенія въ Германіи. Осенью императорскій кабинетъ объявилъ берлинскому, что Россія ни въ какомъ случаѣ не допуститъ исключенія Австріи изъ Германіи, что для насъ постановленія Вѣнскаго конгреса не потеряли своей обязательной силы и что мы считаемъ союзный сеймъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ установленъ заключительнымъ актомъ означеннаго конгресса, единственнымъ законнымъ представителемъ Германскаго Союза. Увѣряютъ, будто энергическія представленія русскаго двора до того раздражили Фридриха-Вильгельма, что онъ въ порывѣ досады воскликнулъ: «Я покажу императору, на что способенъ король прусскій, а также, что Германія въ силахъ сама распоряжаться собою».

Понятно, что и государь, въ свою очередь, все болѣе и болѣе возстановлялся противъ своего зятя, котораго въ довѣрительной бесѣдѣ съ англійскимъ посломъ называлъ «фантазёромъ, выводящимъ его изъ терпѣнія». При извѣстной слабохарактерности Фридриха-Вильгельма, онъ перемѣну, происшедшую въ направленіи его политики, приписывалъ окружающимъ его «бандитамъ», разумѣя подъ этимъ именемъ Радовица, Бунзена и другихъ прусскихъ поборниковъ германской національной идеи. Въ великодушіи своемъ, онъ не допускалъ возможности борьбы между двумя своими ближайшими союзниками, считая ее братоубійственною. «На полѣ сраженія», говорилъ онъ, «на которомъ сойдутся Австрія и Пруссія въ видѣ противниковъ, появлюсь и я со своею арміею и стану между ними. Я посмотрю, въ состояніи ли я воспрепятствовать этой истинно *нѣмецкой ссорѣ* (querelle allemande)». Въ маѣ 1850 года онъ призвалъ обѣ стороны на судъ къ себѣ, въ Варшаву. Представителемъ Австріи явился туда первый министръ, князь

Шварценбергъ, Пруссію—принцъ Вильгельмъ. Государь былъ непріятно пораженъ жаромъ, съ которымъ послѣдній защищалъ передъ нимъ «народное германское дѣло», т. е. единство Германіи. Оказалось, что со времени пребыванія въ Англіи, весною 1848 года, въ образѣ мыслей принца прусскаго произошла совершенная перемѣна. Подъ вліяніемъ Альберта Кобургскаго, мужа королевы Викторіи, а отчасти и Бунзена, принцъ Вильгельмъ рѣшительно перешелъ на сторону приверженцевъ конституціонной свободы внутри Пруссіи и народной объединительной политики извнѣ. По возвращеніи въ Берлинъ, онъ принялъ выборъ въ депутаты и занялъ мѣсто въ учредительномъ Ландтагѣ. Онъ совѣтовалъ брату своему не отказываться отъ императорской короны, поднесенной франкфуртскимъ парламентомъ [1]); а когда возникъ проектъ о созданіи «Уніи», то сдѣлался горячимъ его сторонникомъ и защитникомъ.

Варшавскія совѣщанія не привели къ примиренію противниковъ. Отношенія между ними обострялись съ каждымъ днемъ и грозили перейти въ открытую борьбу. Составитель проекта «Уніи», генералъ Радовицъ, назначенъ былъ прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и принялся усердно проводить свои политическіе планы. Австрія, покончивъ благодаря русской помощи со своими затрудненіями въ Венгріи и Италіи, не была расположена долѣе терпѣть посягательства Пруссіи на ея преобладающее положеніе въ Германіи. Войска обѣихъ сторонъ уже стояли лицомъ къ лицу въ Гессенъ-Касселѣ, гдѣ Пруссія вступилась за народное собраніе, Австрія же отстаивала державныя права курфюрста. Императоръ Николай сдѣлалъ послѣднюю попытку мирно разрѣшить споръ. Въ октябрѣ онъ снова пригласилъ въ Варшаву представителей дворовъ вѣнскаго и берлинскаго. Король хотѣлъ было послать туда Радовица, но русскій посланникъ отстранилъ этотъ выборъ, прямо заявивъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ не пользуется довѣріемъ «его императорскаго величества», и прусскимъ уполномоченнымъ назначенъ былъ предсѣдатель совѣта министровъ, генералъ графъ Бранденбургъ. Государь откровенно высказался предъ нимъ и австрійскимъ представителемъ княземъ Шварценбергомъ. Онъ поддержалъ

[1]) Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство Генриха Гагерна, писавшаго Бунзену отъ 2 (14) февраля 1849 года: «Принцъ прусскій стоитъ за насъ рѣшительно и твердо».

*

требованія послѣдняго, не ради пристрастія къ Австріи, а потому, что вѣнскій дворъ стоялъ на почвѣ договоровъ 1815 года, тогда какъ Пруссія добивалась ихъ измѣненія въ свою пользу и притомъ революціонными средствами. Такъ, она открыто покровительствовала въ Гессенъ-Касселѣ и Шлезвигъ-Голштиніи подданнымъ, возставшимъ противъ своихъ государей и заслуживавшимъ, чтобы съ ними обошлись, какъ съ мятежниками, по всей строгости закона. Принципъ народнаго представительства при германскомъ союзномъ сеймѣ былъ также противенъ трактатамъ, какъ и притязаніе Пруссіи на дозволеніе ей вступать въ частные союзы съ нѣмецкими государствами или раздѣлить съ Австріею предсѣдательство въ сеймѣ. Въ заключеніе государь обѣщалъ австрійскому правительству въ гессенъ-кассельскомъ дѣлѣ свое нравственное содѣйствіе, а въ шлезвигъ-голштинскомъ и матеріальную помощь.

Пруссія вынуждена была смириться. Въ чрезвычайномъ совѣтѣ, созванномъ королемъ, одинъ принцъ прусскій настаивалъ на необходимости сопротивленія. Всѣ прочіе министры высказались въ пользу уступокъ. Со слезами на глазахъ уволилъ Фридрихъ-Вильгельмъ генерала Радовица отъ завѣдыванія иностранными дѣлами и, убѣдясь, что не найдетъ поддержки ни въ одной изъ великихъ державъ, не исключая и Англіи, на которую онъ особенно разсчитывалъ,—далъ свое согласіе на австрійскій ультиматумъ. Конвенція, заключенная въ Ольмюцѣ между княземъ Шварценбергомъ и барономъ Мантейфелемъ, при посредничествѣ переведеннаго изъ Берлина въ Вѣну русскаго посланника барона Мейендорфа, запечатлѣла отреченіе Пруссіи отъ стремленія къ преобладанію въ Германіи и полное возвращеніе Германскаго Союза къ порядку, установленному договорами 1815 года.

Въ другомъ мѣстѣ мы разсказали о взрывѣ негодованія, встрѣтившемъ извѣстіе объ ольмюцской «капитуляціи» во всей Германіи и въ особенности въ Пруссіи, не исключая и высшихъ правительственныхъ и дипломатическихъ круговъ. Тамъ же изложили мы и программу отмщенія, измышленную прусскими націоналами и либералами, отмщенія Австріи, но еще болѣе чѣмъ Австріи—Россіи, которую едва ли не одну обвиняли они во всѣхъ бѣдахъ, обрушившихся на ихъ головы [1].

---

[1]) См. книгу мою: «*Внѣшняя политика императора Николая I*», стр. 117 и слѣд.

Замѣчательно, что и до сего времени не изгладилась злоба историковъ и публицистовъ этого лагеря на насъ за искреннія усилія императора Николая предупредить междоусобную войну въ Германіи. «Россія», — утверждаютъ они, — «шла далѣе по пути, на который вступила, съ наглостью, неиспытанною нами со временъ грубаго корсиканскаго императора и коей мы тщетно старались бы подыскать примѣръ въ новѣйшей исторіи европейскихъ государствъ» [1]. При этомъ они умышленно упускаютъ изъ виду, что вся дѣятельность Наполеона была исключительно направлена къ ниспроверженію законнаго международнаго порядка, основаннаго на историческомъ правѣ и договорахъ, т. е. того именно, для поддержанія и утвержденія чего въ Европѣ напрягалъ всѣ свои силы императоръ Николай.

Но спѣшимъ оговориться, что король Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ иного мнѣнія. Революція и ея послѣдствія были для него тяжкимъ испытаніемъ и полезнымъ урокомъ. Онъ глубоко скорбѣлъ о проявленной имъ слабости и повидимому вполнѣ и искренно раскаялся въ своихъ политическихъ заблужденіяхъ. При такихъ условіяхъ примиреніе его съ державнымъ зятемъ не могло замедлиться, тѣмъ болѣе, что нѣжною и попечительною посредницею между нимъ и государемъ выступила императрица Александра Ѳеодоровна.

Первый шагъ сдѣлалъ король. Въ письмѣ, коимъ онъ поздравилъ своего августѣйшаго зятя съ двадцатипятилѣтнею годовщиною восшествія его на престолъ, онъ выразилъ свою радость по поводу совершившагося соглашенія съ Австріею, которая, какъ онъ утверждалъ, открыто вступивъ на путь преобразованія Германіи, дала-де ему средства принять рѣшенія «удостоенныя лестнаго одобренія» русскаго императора [2]. На это письмо государь отвѣтилъ собственноручнымъ письмомъ отправленнымъ въ Берлинъ съ нарочнымъ посланнымъ, генералъ-адъютантомъ Гринвальдомъ. Въ немъ его величество горячо излагалъ взглядъ свой на отношенія Россіи къ Пруссіи, возвратившейся на «правый путь». Упомянувъ о двадцати пяти годахъ, истекшихъ со дня его воцаренія, императоръ Николай писалъ: «Если въ продолженіе этого времени могло быть до-

---

[1]) См. упомянутую выше брошуру «*Berlin und Petersburg*», стр. 29 и 30.

[2]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV императору Николаю, 11 (23) декабря 1850.

стигнуто какое-либо благо для моего отечества и если такъ о томъ будетъ судить потомство, то я щедро буду вознагражденъ за тяжкія минуты моей довольно таки трудовой жизни. Съ начала моего царствованія, будучи вопреки моей волѣ призванъ исполнять обязанности, къ коимъ никогда не готовился, и поставленъ въ положеніе совершенно ненормальное, какъ бы я могъ выдти изъ него, если бы Господь видимымъ образомъ не руководилъ мною и если бы не на Него одного возложилъ я все мое упованіе. Оставаясь вѣрнымъ началамъ въ Бозѣ почившаго брата моего императора Александра и его вѣрнаго друга, короля, вашего отца, я старался точно слѣдовать ихъ правиламъ, всегда жившимъ въ моей памяти. А потому имъ принадлежитъ дань признательности со стороны всѣхъ, кто цѣнитъ благодѣянія, истекающія отъ того для моей родины, такъ какъ мнѣ оставалось только *продолжать*. Какъ счастливъ я, что эта эпоха моей жизни совпадетъ съ новою эрою въ нашихъ сношеніяхъ, которая кажется увидитъ воскресеніе преданій прошлаго, столь дорогихъ моему сердцу» [1]).

Скоро послѣ письменнаго примиренія, въ маѣ слѣдующаго 1851 года, между обоими монархами состоялось и примиреніе личное. Прусскій король посѣтилъ русскую императорскую чету въ Варшавѣ. Императоръ Николай выѣхалъ къ нему навстрѣчу на границу, въ Мысловицы. Свиданіе ихъ было трогательно. Они не видѣлись цѣлыя семь лѣтъ, и столько событій величайшей важности совершилось въ этотъ промежутокъ времени! Къ прежнимъ родственнымъ чувствамъ, питаемымъ королемъ къ государю, присоединилось чувство глубокаго уваженія къ единственному изъ европейскихъ монарховъ, не только устоявшему передъ революціею, но и поборовшему, «задавившему» ее, какъ любилъ выражаться государь.

Одновременно съ прусскимъ королемъ гостями императора и императрицы были великая герцогиня мекленбургъ-шверинская, сестра государыни, принцесса Агнеса Ангальтъ-Дессауская, принцъ Фридрихъ Прусскій и герцогъ Вильгельмъ Мекленбургскій. Изъ членовъ императорской фамиліи, августѣйшихъ родителей сопровождали великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Варшавѣ, гдѣ празднества завершились народнымъ гу-

[1]) Императоръ Николай королю Фридриху-Вильгельму IV, 20 декабря 1850 (1 января 1851.)

ляньемъ съ иллюминацiею и великолѣпнымъ фейерверкомъ сожженнымъ въ Лазенковскомъ паркѣ, дворъ переѣхалъ въ Скерневицы. Желая доставить зятю своему обычное и любимое его развлеченiе, государь вызвалъ изъ Берлина придворнаго чтеца Шнейдера [1]), который въ продолженiе двухъ вечеровъ читалъ въ присутствiи высочайшихъ особъ лучшiе разсказы изъ своего обширнаго репертуара. Въ честь короля состоялся также большой парадъ войскамъ расположеннымъ лагеремъ близъ Ловича и состоявшимъ изъ 2-го пѣхотнаго корпуса и легкой кавалерiйской дивизiи, или 48 баталiоновъ пѣхоты, 1 стрѣлковаго баталiона и 32 эскадроновъ при 160 орудiяхъ, всего 47,630 человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ командира 2-го корпуса, генералъ-адъютанта Панютина, одного изъ героевъ Венгерскаго похода. Въ день парада, вечеромъ, въ скерневицкомъ театрѣ состоялся балетный спектакль, въ которомъ, вмѣстѣ съ варшавскими артистами, исполнившими балетъ: «Свадьба въ Ойцовѣ», танцовала и знаменитая Тальони. На слѣдующiй день, государь, отправлявшiйся на австрiйскiе маневры въ Ольмюцъ, выѣхалъ вмѣстѣ съ королемъ и, проводивъ его до границы, остался ночевать тамъ, а его прусское величество провелъ ночь въ Мысловицахъ. На другое утро, 16 (28) мая, императоръ снова съѣхался съ королемъ въ Мысловицахъ и продолжалъ путешествiе съ нимъ по желѣзной дорогѣ до Аннаберга, въ Силезiи, гдѣ оба монарха разстались: государь поѣхалъ въ Ольмюцъ, король—въ Берлинъ.

Что примиренiе было полное, вполнѣ искреннее, безъ всякой задней мысли, доказалъ прiемъ, сдѣланный русскимъ императору и императрицѣ, когда они, весною 1852 года, послѣ долгаго перерыва, снова посѣтили столицу Пруссiи. Ихъ величества переѣхали прусскую границу 24 апрѣля (6 мая). Король встрѣтилъ ихъ въ Мысловицахъ. Государь передалъ ему на руки императрицу, а самъ чрезъ Одербергъ поѣхалъ въ Вѣну, на свиданiе съ австрiйскимъ императоромъ. Здоровье ея величества было крайне разстроено, и для отдыха ея потребовалось провести два дня въ Бреславлѣ. Лишь 26 (8), король привезъ императрицу въ Потсдамъ. Цѣлую недѣлю она провела

[1]) Шнейдеръ изъ актеровъ придворной драматической труппы успѣлъ достигнуть званiя королевскаго чтеца и чина надворнаго совѣтника. Онъ извѣстенъ также какъ издатель перiодическаго журнала для нижнихъ чиновъ армiи, подъ названiемъ: «Другъ солдата». См. о немъ ниже, главу I слѣдующаго очерка: *Императоръ Николай и прусская армiя.*

тамъ безвыѣздно, не покидая даже своей комнаты, и единственнымъ развлеченіемъ ей служило, по вечерамъ, чтеніе упомянутаго выше Шнейдера. 4 (16) мая, вечеромъ, прибылъ въ Потсдамъ изъ Вѣны, чрезъ Веймаръ, и императоръ Николай.

Король пользовался каждымъ случаемъ, чтобы выразить зятю свои восторженныя чувства. На торжественномъ обѣдѣ, данномъ 9 (21) въ бѣлой залѣ берлинскаго замка, тостъ свой за государя онъ заключилъ такъ: «Отъ имени моего, моего войска и всѣхъ моихъ вѣрныхъ прусскихъ сердецъ, провозглашаю здоровье его величества императора всероссійскаго. Да сохранитъ его Богъ той части свѣта, которую Богъ далъ ему въ наслѣдственную часть и которая обойтись безъ него не можетъ».

Въ кратковременное пребываніе свое въ Берлинѣ императоръ Николай усердно посѣщалъ, кромѣ военныхъ учрежденій, общественныя зданія, музеи, театры. Онъ остался очень доволенъ настроеніемъ столичнаго населенія и нашелъ, что революція не оставила на немъ никакихъ слѣдовъ. Изъ Берлина государь возвратился въ Россію, а императрица поѣхала въ Шлангенбадъ для пользованія водами, въ обществѣ женъ своихъ двухъ братьевъ Вильгельма и Карла, принцессъ Августы и Маріи. Ко дню рожденія ея величества, 1 (13) іюля, императоръ и императрица снова съѣхались въ Потсдамѣ. Государь привезъ съ собою двухъ младшихъ сыновей своихъ, великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей. Прусская королевская семья была въ полномъ сборѣ. Для принятія участія въ семейномъ праздникѣ прибыли и обѣ сестры государыни, великая герцогиня Александрина изъ Шверина и принцесса Луиза изъ Гаги, со своими мужьями.

Праздникъ былъ отпразднованъ съ особенною торжественностью. Высшее потсдамское общество устроило на прилегающихъ къ городу озерахъ водяное *корсо* въ честь русской императрицы. Пароходъ, на которомъ находились царственные гости, былъ встрѣченъ дождемъ цвѣтовъ, посыпавшихся на него изъ безчисленныхъ лодокъ, покрывавшихъ озеро. Къ вечеру дворъ вышелъ на берегъ на Павлинномъ островѣ, гдѣ ожидало его высокое художественное наслажденіе. Знаменитая Рашель приглашена была продекламировать лучшія мѣста изъ своихъ ролей предъ высокимъ собраніемъ.

Заимствуемъ объ этомъ вечерѣ нѣсколько любопытныхъ

подробностей изъ разсказа, занесеннаго въ свои «Записки» чтецомъ короля Шнейдеромъ, о которомъ мы уже дважды упоминали выше.

Король приказалъ Шнейдеру встрѣтить Рашель на желѣзнодорожной станціи въ Потсдамѣ и проводить ее на Павлинный островъ. Она прибыла туда изъ Берлина около шести часовъ вечера, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Рафаэлемъ Феликсомъ, который долженъ былъ давать ей реплики. Шнейдеръ съ безпокойствомъ замѣтилъ, что артистка явилась вся въ черномъ. Онъ тотчасъ же предупредилъ ее, что при дворѣ неумѣстенъ трауръ, особенно въ праздничный день. Рѣшили поѣхать въ Глинеке, близлежащій замокъ, принадлежавшій принцу Карлу, и тамъ, съ помощью придворныхъ дамъ принцессы, преобразили траурный костюмъ Рашели въ народный испанскій. Яркая роза украсила ея волосы, на руки надѣты были свѣтлыя перчатки, кружевная мантилья накинута на голову. Рашель была взволнована, при мысли, что ей придется въ первый разъ играть предъ русскимъ императоромъ. Она забросала Шнейдера вопросами о немъ: «Правда ли, что онъ такъ хорошъ собою? что онъ выше головою всѣхъ лицъ его окружающихъ? Любезенъ ли онъ съ дамами?» и т. п.

Къ 8 часамъ вечера Шнейдеръ и оба его спутника прибыли на Павлинный островъ. Здѣсь Рашель узнала, что ей придется декламировать подъ открытымъ небомъ, посреди дорожки сада, безъ всякихъ приспособленій, т. е. безъ сцены, кулисъ, освѣщенія и проч. Она вышла изъ себя и воскликнула, обращаясь къ Шнейдеру: «Какъ? подъ открытымъ небомъ? Развѣ вы меня считаете за канатную плясунью?» Она объявила, что играть не будетъ и сейчасъ же возвратится въ Берлинъ. Шнейдеръ, самъ бывшій актеръ, пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы умилостивить разгнѣванную артистку. Онъ замѣтилъ ей, что для всякой другой отсутствіе обстановки, конечно, было бы крайне неудобно, но что талантъ ея все превозможетъ и только выкажется во всей своей силѣ и красотѣ. Слова эти не подѣйствовали. Тогда Шнейдеръ воззвалъ къ самолюбію артистки, обративъ ея вниманіе на то, что отсутствіе сцены дѣлаетъ изъ нея не актрису, приглашенную дать представленіе, а какъ бы гостью короля и королевы, которая, сидя съ ними вмѣстѣ за чайнымъ столомъ, изъ лю-

безности тутъ же согласится очаровать ихъ и все общество проявленіемъ своего могучаго таланта.

— Подумали ли вы,—прибавилъ Шнейдеръ,—что сегодняшній вечеръ можетъ принести вамъ по меньшей мѣрѣ 300,000 франковъ? Если русскій императоръ не увидитъ васъ сегодня, а я донесу о причинѣ вашего отказа играть, то Россія будетъ вамъ закрыта навсегда, а вы сами же мнѣ сказали, что ваше живѣйшее желаніе выступить на сценѣ въ Петербургѣ. Скажутъ, что вы не понравились ея величеству императрицѣ [1]), и если вамъ нельзя будетъ ѣхать въ Россію, то восторжествуютъ ваши враги.

— Правда! но...

— Въ желаніи видѣть васъ и наслаждаться вами безъ обычныхъ театральныхъ вспомогательныхъ средствъ,—продолжалъ Шнейдеръ,—заключается признаніе того, что вашъ необъятный талантъ вовсе не нуждается въ такой внѣшней обстановкѣ, что съ вами хотятъ обращаться не какъ съ актрисой, а какъ со свѣтскою женщиною.

— Вы думаете?.. Хорошо! я буду играть.

Вскорѣ подошелъ пароходъ и высадилъ короля и гостей его на берегъ. Рашель была представлена сначала королю, потомъ императору. Началась декламація.

Продолжаемъ разсказъ собственными словами Шнейдера.

«Сумерки уже наступили и еще черезъ четверть часа должно было окончательно стемнѣть. Такъ какъ г. Рафаэль, воплощенное «начальное слово», былъ вынужденъ читать свои реплики, тогда какъ сестра его декламировала наизусть, то необходимымъ оказалось какое-нибудь освѣщеніе. Но какъ могли обыкновенныя восковыя свѣчи горѣть на открытомъ воздухѣ? или какъ возможно было поставить на травѣ стѣнныя лампы изъ комнатъ замка? Къ счастію, нашлись стеклянные колпаки, приведенные наскоро въ порядокъ и бывшіе наготовѣ. Скоро пришлось ихъ потребовать, ибо быстро настала такая темнота, что не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы различать черты лица. Тогда поставили восковыя свѣчи, прикрытыя стеклянными колпаками у ногъ артистки на пескѣ, а г. Рафаэль давалъ свои реплики въ роли Тезея со свѣчею подъ колпакомъ

---

[1]) За нѣсколько дней передъ тѣмъ государыня присутствовала при представленіи Рашели въ театрѣ замка Сансуси.

въ лѣвой рукѣ и съ книгою въ правой, такъ какъ онъ зналъ наизусть лишь роль Ипполита.

«Въ такой обстановкѣ цѣлое представляло въ высшей степени своеобразное зрѣлище. Подъ самыми окнами замка сидѣли за накрытымъ еще длиннымъ чайнымъ столомъ дамы. Возлѣ стояли монархи, отдѣленные одною посыпанною пескомъ дорожкою отъ театра подъ открытымъ небомъ. Кулисами и заднимъ занавѣсомъ служилъ этой сценѣ тѣсный кругъ генераловъ, дипломатовъ, министровъ, придворныхъ; позади ихъ журчали садовые фонтаны, и посреди всего этого, черная фигура артистки, во всемъ экстазѣ ея трагической мощи, совершенно независимой отъ почти комической помощи ея брата, который со свѣчею въ рукѣ читалъ промежуточныя рѣчи. Въ движеніяхъ своихъ, то она ярко освѣщалась трепещущимъ отъ вѣтра пламенемъ свѣчей, то лицо ея исчезало во мракѣ, когда она выступала за предѣлъ, до котораго достигали радіусы свѣта. Собраніе было такъ же безмолвно, какъ и многочислено и оживленно. Притаивъ дыханіе внимало оно Федрѣ, Виргиніи, Адріеннѣ Лёкувреръ—изъ этихъ трехъ драматическихъ произведеній были выбраны отрывки для декламацій—въ тѣ страстные моменты, когда Рашель являлась ихъ совершенною выразительницею. Дѣйствительно, она торжествовала тріумфъ, который ей, конечно, остался незабвеннымъ. То, что я измыслилъ для ея убѣжденія, осуществилось воочію. Никто не замѣтилъ отсутствія обстановки, которое, напротивъ, придало всему рѣдкому зрѣлищу невыразимую прелесть.

«Представленіе продолжалось около трехъ четвертей часа и могло бы продолжаться гораздо долѣе, такъ-какъ никто не испытывалъ усталости. Но непрерывное напряженіе силъ артистки стало, наконецъ, замѣтно и побудило его величество короля выразить ей полное удовольствіе по поводу ея искусства, дѣйствительно, достойнаго удивленія. Императоръ заговорилъ съ нею и всячески отличилъ ее. Императрица, ея величество королева и всѣ принцессы обратились къ ней съ любезными и почетными словами. Кругъ сомкнулся вокругъ чествуемой артистки, а меня озабочивалъ вопросъ о возвратномъ пути. Было уже слишкомъ поздно для того, чтобы добраться до станціи желѣзной дороги въ Потсдамѣ до отхода въ Берлинъ послѣдняго поѣзда, а потому я испросилъ приказанія и согласно имъ послалъ впередъ нарочнаго верхомъ за-

казать въ полночь экстренный поѣздъ и ужинъ въ ресторанѣ воксала. Мы видѣли, какъ дворъ отплылъ въ Потсдамъ на разноцвѣтно-иллюминованномъ пароходѣ, и затѣмъ также покинули островъ» [1]).

Подъ непосредственнымъ высоко-художественнымъ впечатлѣніемъ этого вечера ихъ всероссійскія императорскія величества оставили Берлинъ. Послѣдствіемъ было прибытіе Рашели въ Петербургъ и появленіе ея тамъ на сценѣ Михайловскаго театра, по личному приглашенію государя. Передъ отъѣздомъ его величество пожаловалъ орденъ св. Андрея Первозваннаго оберъ-камергеру прусскаго двора графу Штольбергу. Предсѣдатель совѣта министровъ баронъ Мантейфель и генералъ Врангель получили александровскія ленты.

VI.

Въ Крымскую войну.

(1853—1855).

Роль Пруссіи въ Крымской войнѣ.—Мнѣніе короля объ улучшеніи участи турецкихъ христіанъ.—Колебанія Фридриха-Вильгельма IV.—Поѣздки его въ Варшаву и императора Николая въ Берлинъ.—Переписка короля съ Бунзеномъ.—Отправленіе въ Лондонъ графа Пурталеса. — Отказъ Пруссіи подписать договоръ съ Россіею о нейтралитетѣ.—Письмо короля къ императору.—Интриги Бунзена.—Проектъ трактата между четырьмя западными державами противъ Россіи.—Король отвергаетъ его.—Мирное посредничество короля.—Проектъ *аналогическаго* договора.—Кончина императора Николая.—Отзывъ о немъ Фридриха-Вильгельма IV въ письмѣ къ Бунзену.

Полгода спустя послѣ описаннаго нами праздника, въ послѣдній разъ соединившаго въ Потсдамѣ русскую и прусскую царственныя семьи, взвился занавѣсъ надъ всемірно-исторической драмой, извѣстной подъ названіемъ Крымской, или, вѣрнѣе, Севастопольской войны. Незавидную, жалкую роль разыграла Пруссія въ этой драмѣ, постоянно колеблясь между двумя противными сторонами и тѣмъ навлекая на себя неудовольствіе обѣихъ. Одна изъ главныхъ тому причинъ была, конечно, тяжкая болѣзнь уже зародившаяся въ Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV и вскорѣ окончательно омрачившая его разсудокъ.

---

[1]) Louis Schneider: «*Am meinem Leben*», II, стр. 377 и слѣд.

У нас принято считать за вполнѣ доказанную истину, что, въ противность Австріи, Пруссія, во все продолженіе дипломатическихъ замѣшательствъ, предшествовавшихъ войнѣ или сопровождавшихъ ее, оставалась намъ вѣрною союзницею и если и не соединилась съ нами противъ остальной Европы, то, по крайней мѣрѣ, оказывала намъ нравственную поддержку. Въ этомъ единогласно увѣряли насъ прусскіе публицисты, историки, политики, и мы повѣрили имъ на-слово. Между тѣмъ, основательное ознакомленіе съ историческими документами, въ большомъ числѣ обнародованными объ этой достопамятной эпохѣ, не говоря уже о неизданныхъ архивныхъ источникахъ, приводитъ къ совершенно иному заключенію [1]. Впрочемъ, выясненіе противорѣчія между ходячимъ мнѣніемъ и нашими собственными изслѣдованіями увлекло бы насъ далеко за предѣлы настоящаго очерка. Къ тому же насъ занимаютъ здѣсь не политическія сношенія кабинетовъ, а взаимныя отношенія государей, а потому мы ограничимся бѣглымъ изложеніемъ личныхъ воззрѣній короля Фридриха-Вильгельма IV на русско-турецкую распрю и тѣхъ мѣропріятій, инициатива коихъ принадлежала ему самому.

Возбуждая вопросъ объ обезпеченіи новымъ договоромъ вѣковыхъ правъ и преимуществъ единовѣрцевъ нашихъ на Востокѣ, императоръ Николай не сомнѣвался въ содѣйствіи союзныхъ намъ дворовъ вѣнскаго и берлинскаго. Въ извѣстной бесѣдѣ своей съ сэръ Гамильтономъ-Сеймуромъ, выставивъ на видъ полное единомысліе съ нимъ Австріи по восточнымъ дѣламъ, онъ даже и не упомянулъ о Пруссіи, ибо согласіе ея разумѣлось само собою. Ожиданія эти не оправдались. Когда требованія, предъявленныя княземъ Меншиковымъ въ Константинополѣ, получили огласку въ европейскихъ столицахъ, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Мантейфель, высказался противъ нихъ, заявивъ англійскому послу, что, по мнѣнію его, Порта не можетъ подчиниться имъ безъ потери своей независимости [2].

Король раздѣлялъ этотъ взглядъ, но только до извѣстной

[1]) Вопросъ о роли Пруссіи въ Крымскую войну выясненъ въ замѣчательной статьѣ А. А. Суворина, посвященной разбору VIII тома собранія трактатовъ и конвенцій, издаваемаго профессоромъ Мартенсомъ, статьѣ, озаглавленной: *Германизація русской исторіи* и появившейся въ № 4599 «Новаго Времени» отъ 16 декабря 1888.

[2]) Лордъ Блумфельдъ лорду Кларендону, 18 (30) мая 1853.

степени. Онъ находилъ, что то, въ чемъ Порта отказала Россіи, можетъ быть уступлено ею въ совокупности великихъ державъ, а именно: полное уравненіе правъ ея христіанскихъ подданныхъ съ мусульманскими подъ гарантіей Европы. Король поручалъ своему представителю въ Лондонѣ предложить англійскому правительству дѣйствовать въ этомъ смыслѣ на турокъ. «Это»,—писалъ онъ ему,—«моя политика въ настоящую минуту. Я вполнѣ честно извѣстилъ въ Петербургѣ о скромной роли, за которую берусь, присовокупивъ, что надѣюсь предупредить такимъ образомъ желанія императора: во-первыхъ, потому, что этимъ путемъ императоръ дѣйствительно достигнетъ «желаемаго договора»; во-вторыхъ, потому, что обезпеченіе всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ турецкой имперіи можетъ лишь благопріятно подѣйствовать на собственное его чувство какъ христіанина; въ-третьихъ, потому, что если чрезъ содѣйствіе его и прочихъ великихъ державъ состоится этотъ сенедъ, то будетъ несомнѣнно достигнута главная цѣль его: обезпеченіе Европы отъ спора изъ-за турецкаго наслѣдства» [1]). Проектъ свой король очень близко принималъ къ сердцу и чрезъ нѣсколько дней развивалъ его въ другомъ письмѣ къ Бунзену въ такихъ словахъ: «Мое мнѣніе, болѣе того, мое формальное предложеніе, въ настоящую минуту уже извѣстное обоимъ императорамъ, заключается въ слѣдующей рѣчи, обращенной къ зятю Николаю: «Любезный зять! Ты *вполнѣ правъ* со своей стороны, ограждая обязательнымъ способомъ наиболѣе близко стоящихъ къ тебѣ христіанъ отъ турецкаго произвола. Ты до такой степени правъ, что намъ стыдно, что ты обогналъ насъ въ этой несомнѣнной христіанской обязанности; но лучше поздно, чѣмъ никогда. Нынѣ мы пришли къ сознанію нашего христіанскаго долга и объявляемъ тебѣ нашу общую волю: то, что ты требуешь для одной секты, потребовать для всего подчиненнаго полумѣсяцу христіанства. Итакъ, мы знаемъ, что то, что тебѣ не удалось и чего ты (благодаря Богу и Страдфорду) не въ состояніи достигнуть,—мы побѣдоносно осуществимъ, тѣмъ болѣе, что Порта уже выразила свою готовность въ этомъ смыслѣ. Итакъ, любезный зять, тотъ сенедъ, на полученіе коего ты уже потерялъ всякую надежду, всѣ мы добьемся его,

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 22 мая (3 іюня) 1853.

какъ для тебя, такъ и для насъ несомнѣнно. Благодари же насъ и радуйся, что мы помогли тебѣ одержать побѣду» [1]).

Короля очень огорчилъ отказъ сентъ-джемскаго двора принять его предложеніе, и онъ поспѣшилъ объявить, что въ такомъ случаѣ онъ не послѣдуетъ за Англіею, а будетъ «искать спасенія Пруссіи» въ безусловномъ нейтралитетѣ [2]). Онъ очевидно не понималъ, что обѣ морскія державы, а также и Австрія, въ сущности весьма равнодушны къ судьбѣ восточныхъ христіанъ, но что для нихъ важно установить право вмѣшательства Европы въ отношенія Россіи къ Турціи. Когда, не смотря на нашъ протестъ, въ Вѣнѣ собралась европейская конференція, въ ней принялъ участіе и представитель Пруссіи. Извѣстна судьба выработанной этою конференціею примирительной ноты, именуемой «вѣнскою». Она была принята нами, отвергнута Турціею и тогда оставлена самими ея составителями. Ясно было, что Россіи нечего ожидать справедливости отъ соединенной Европы.

При такомъ положеніи дѣлъ императоръ Николай счелъ необходимымъ лично объясниться со своими ближайшими союзниками. Король прусскій не присутствовалъ при состоявшемся въ половинѣ сентября 1853 года свиданіи его въ Ольмюцѣ съ императоромъ австрійскимъ [3]). На приглашеніе самому прибыть въ Варшаву, король отвѣчалъ сначала отказомъ, ссылаясь на опасность вызвать неудовольствіе Англіи и Франціи воскресеніемъ «призрака Священнаго Союза» и увѣряя, что при полной свободѣ дѣйствій онъ намъ будетъ болѣе полезенъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Но въ послѣднюю минуту чувство взяло верхъ надъ политическимъ расчетомъ и онъ поскакалъ въ Варшаву, гдѣ уже находились императоры русскій и ав-

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 4 (16) іюня 1853. «Бывшій дипломатъ» (баронъ А. Г. Жомини) ошибается, приписывая англійское происхожденіе проекту о подчиненіи турецкихъ христіанъ совокупному протекторату великихъ державъ. Какъ видно изъ приведенныхъ нами писемъ, инициатива его принадлежитъ не Бунзену, а самому королю. См. «*Etude diplomatique sur la guerre de Grimée*», II, стр. 210.

[2]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 16 (28) іюня 1853.

[3]) Баронъ А. Г. Жомини въ своемъ изслѣдованіи о Крымской войнѣ противорѣчитъ самъ себѣ относительно причинъ непринятія королемъ прусскимъ участія въ Ольмюцскомъ свиданіи. На стр. 404, т. I, онъ увѣряетъ, что король отказался пріѣхать въ Ольмюцъ, а на стр. 217, т. II, что его туда не пригласили, чѣмъ онъ де былъ крайне оскорбленъ.

стрійскій. Тамъ императоръ Францъ-Іосифъ самъ предложилъ Фридриху-Вильгельму заключить съ нимъ договоръ о нейтралитетѣ, на случай войны между Россіею съ одной стороны, морскими державами и Турціею—съ другой. Предложеніе это вполнѣ отвѣчало нашимъ требованіямъ, но король отклонилъ его, а государь не настаивалъ, ибо не потерялъ еще надежды на мирный исходъ. 25 сентября (8 октября) онъ самъ посѣтилъ своего зятя въ Берлинѣ. То было послѣднее посѣщеніе имъ прусской столицы.

Между тѣмъ, дѣла принимали все болѣе и болѣе грозный оборотъ. Порта объявила намъ войну, военныя дѣйствія начались въ Княжествахъ и за Кавказомъ, турецкій флотъ былъ уничтоженъ при Синопѣ, англо-французская эскадра вошла въ Черное море. Разрывъ нашъ съ морскими державами представлялся неминуемымъ, но король вѣрилъ еще въ возможность избѣжать войны. Онъ писалъ посланнику своему въ Лондонѣ: «Я въ жизни и смерти сохраняю убѣжденіе, что политика нынѣшняго англійскаго кабинета вдохновляется истинною, справедливою, конечно, правильною мыслью, а именно: не давать Россіи пріобрѣсти преобладаніе на Востокѣ, господствуя надъ турецкою имперіею или поглотивъ ее. Что послѣдняго, а именно поглощенія, императоръ Николай самъ воистину болѣе боится, чѣмъ Англія, Франція и Австрія,—это сюда не относится, тѣмъ болѣе, что Англія давно потеряла возможность правильно судить о дѣйствіяхъ *единственнаго* сильнаго, разсудительнаго, правдиваго и (выражаясь по-человѣчески) всемогущаго у себя дома, благороднѣйшаго мужа и характера!!! Но вотъ что должна бы признать Англія: средства, къ коимъ она нынѣ прибѣгаетъ, дабы осуществить свою «правильную» мысль, прямо, естественно и необходимо ведутъ къ противоположному результату. Всякая непосредственная помощь, оказанная Англіею оружіемъ, людьми и судами *въ нехристіанской глупости Исламу противъ христіанъ*, не будетъ имѣть (независимо отъ Божьей кары и суда [слушайте! слушайте!]) иного успѣха, какъ лишь нѣсколько позднѣйшій переходъ нынѣшнихъ турецкихъ земель подъ русское господство» [1]).

Пока король изливалъ такимъ образомъ свои чувства, правительство его готовилось прямо перейти на сторону враговъ на-

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 8 (20) ноября 1853.

шихъ. Большинство прусскихъ государственныхъ людей, находившихся въ то время у власти, было противъ насъ. Во главѣ ихъ стоялъ не кто иной, какъ принцъ прусскій, наслѣдникъ престола [1]). Ярымъ нашимъ противникомъ былъ покровительствуемый имъ военный министръ генералъ Бонинъ. Вялаго и безцвѣтнаго Мантейфеля увлекалъ на путь враждебныхъ намъ мѣръ пылкій графъ Пурталесъ, по отозваніи изъ Константинополя занявшій вліятельную должность въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ. Въ довершеніе всего, дѣятельно интриговалъ противъ насъ въ Лондонѣ прусскій посланникъ при тамошнемъ дворѣ Бунзенъ. О настроеніи послѣдняго мы имѣемъ свидѣтельство самого короля, писавшаго о немъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя королевѣ Викторіи: «Нашъ добрый Бунзенъ совсѣмъ съ ума сошелъ, изъ-за ненависти своей къ Николаю и моего миролюбія; онъ формально и торжественно отказалъ въ повиновеніи и хотѣлъ доставить мнѣ хорошій бакчишъ за войну» [2]). Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ прусскій уполномоченный на вѣнской конференціи приложилъ свою подпись къ протоколу ея, коимъ цѣлость и независимость Турціи провозглашались «необходимымъ условіемъ равновѣсія Европы» [3]).

Но въ Берлинѣ пошли еще далѣе, замысливъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для возвращенія къ той самой политикѣ, отъ которой Пруссія вынуждена была отречься въ Ольмюцѣ, за три года передъ тѣмъ: рѣшились на новую попытку достигнуть преобладающаго положенія въ Германіи. Такова была цѣль, изложенная въ составленной графомъ Пурталесомъ и одобренной королемъ запискѣ. Средствомъ долженъ былъ служить тѣсный союзъ съ Англіею. Пурталесъ исходилъ изъ предположенія, что, въ предстоящемъ столкновеніи морскихъ державъ съ Россіею, Австрія приметъ сторону послѣдней. Тогда Пруссіи необходимо будетъ соединиться съ Англіею и Франціею, на слѣдующихъ условіяхъ: морскія державы гарантируютъ территоріальную цѣлость Германіи и обяжутся не вводить въ нѣмецкія земли французской арміи, а также предо-

[1]) Принцъ самъ сознался въ этомъ послѣ войны въ откровенной бесѣдѣ съ графомъ П. Д. Киселевымъ, занимавшимъ тогда постъ нашего посла въ Парижѣ. См. «*Etude diplomatique*», II, стр. 211.

[2]) Этотъ отрывокъ изъ письма Фридриха-Вильгельма IV къ королевѣ Викторіи приведенъ у Гефкена въ его книгѣ: «*Zur Geschichte des Orientalischen Krieges 1853—1856*», стр. 92.

[3]) Протоколъ вѣнской конференціи, 23 ноября (5 декабря) 1853.

ставятъ Пруссіи полную свободу преобразовать Германскій Союзъ въ союзное государство подъ своимъ главенствомъ. Не смотря на поддержку принца Альберта и расположенной имъ въ пользу прусскаго предложенія королевы, оно было отвергнуто англійскими министрами, несравненно болѣе дорожившими союзомъ Австріи, чѣмъ Пруссіи [1]).

Отказъ этотъ былъ уже извѣстенъ королю, когда, одновременно съ отправленіемъ графа А. Ѳ. Орлова въ Вѣну, посланникъ нашъ при прусскомъ дворѣ баронъ Будбергъ вручилъ ему собственноручное письмо государя съ приглашеніемъ подписать съ нами и съ Австріею протоколъ о нейтральности, на время войны между Россіею и морскими державами. Императоръ Николай взывалъ къ чувствамъ своихъ союзниковъ, къ общности ихъ политическихъ началъ и интересовъ, къ воспоминаніямъ о великихъ подвигахъ, совершенныхъ ихъ арміями совмѣстно съ нашею въ эпоху войнъ за освобожденіе Европы. Онъ не требовалъ отъ нихъ вооруженной помощи въ предстоящей борьбѣ и вполнѣ довольствовался ихъ нейтралитетомъ, подъ условіемъ, чтобы таковой не былъ «ни нерѣшительнымъ, ни колеблющимся», а истекалъ изъ положительнаго обязательства. Въ случаѣ, если бы рѣшеніе это вовлекло Австрію и Пруссію въ войну съ Англіею и Франціею, государь обязывался защищать ихъ всѣми силами, а также не заключать мира безъ предварительнаго соглашенія съ ними [2]).

Уже министръ Мантейфель объявилъ нашему посланнику, что предложенный нами протоколъ безполезенъ и можетъ только раздражить Англію и Францію. Король привелъ другую причину отказа. Онъ признался, что обѣщалъ Англіи не вступать ни въ какія обязательства, если та поручится ему за цѣлость владѣній Германскаго Союза, предупредивъ ее въ то же время, что не дастъ вовлечь себя и въ союзъ противъ Россіи. Послѣднюю случайность король прямо назвалъ низостью (infamie). Напрасно баронъ Будбергъ убѣждалъ его, что цѣль нашего предложенія и состоитъ именно въ обезпеченіи Пруссіи и Австріи возможности поддержать свой нейтралитетъ. Король ос-

---

[1]) О миссіи Пурталеса въ Лондонъ см. донесенія Бунзена, отъ 17 (29) и 19 (31) декабря 1853 г. въ «*Bunsen's Leben*», III, стр. 318—324.

[2]) Собственноручныя письма императора Николая къ императору Францу-Іосифу и королю Фридриху-Вильгельму, проектъ протокола и объяснительная депеша графа Нессельроде баронамъ Мейендорфу и Будбергу.

тался непреклоненъ. Въ оффиціальной депешѣ Мантейфель мотивировалъ отказъ соображеніемъ, что Пруссія, какъ участница вѣнской конференціи, не можетъ-де отдѣлиться отъ прочихъ державъ, входящихъ въ составъ ея, будучи связана съ ними общими рѣшеніями [1]).

Въ томъ же смыслѣ высказался король и въ отвѣтномъ письмѣ къ императору Николаю: «Очевидно Богъ возложилъ на Пруссію»,—писалъ онъ,—«миссію мира, которую я не осмѣлюсь компрометировать въ будущемъ даже еслибъ она оказалась безплодною въ настоящую минуту... Если-бъ я имѣлъ счастіе быть съ вами, то не задумался бы... сказать вамъ со слезами на глазахъ: Во имя Бога мира, котораго мы оба исповѣдуемъ, не отвергайте предложеній вѣнской конференціи!.. Сдѣлайте войну невозможною, и вы сдѣлаете ее *невозможною*, принявъ предложенія, доставленныя вамъ императоромъ австрійскимъ... Въ этомъ спасеніе Европы... Нейтралитетъ мой»,—продолжалъ онъ,—«не есть и не будетъ ни нерѣшительнымъ, ни колеблющимся, а державнымъ! По моему убѣжденію, онъ нуженъ столько же для Пруссія, сколько для Австріи и всей Германіи. Этотъ державный нейтралитетъ обезпечиваетъ вамъ ваши западныя границы. Онъ обезпечиваетъ за вами свободу дѣйствій и предохраняетъ отъ всякихъ препятствій ваши военныя дѣйствія» [2]).

Переписку свою съ зятемъ король сообщилъ австрійскому императору, также отклонившему русскія предложенія, заявленныя графомъ Орловымъ. Король выразилъ при этомъ «своему императорскому племяннику» надежду, что между Пруссію и Австріею установится полное соглашеніе, «но безъ договора, ибо нѣмецкая союзная вѣрность и общіе интересы и опасности достаточно обязательно предписываютъ намъ путь, по коему мы должны слѣдовать». Въ то же время онъ извѣщалъ своего представителя въ Лондонѣ, что будетъ строго соблюдать свой «державный нейтралитетъ, и стараться ударить того, кто его за то захотѣлъ бы ударить». «Квинтъ-эссенцію» своего отношенія къ Англіи онъ опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ: «Я требую въ видѣ платы за мой истинный и самостоятельный нейтралитетъ, за услугу, оказанную имъ Англіи въ ея несчаст-

---

[1]) Баронъ Мантейфель генералу Рохову 19 (31) января 1854. Ср. также «*Etude diplomatique*», II, стр. 225—230.

[2]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV императору Николаю, 17 (29) января 1854.

номъ разрывѣ съ Россіею и христіанскими преданіями: ручательства за настоящее распредѣленіе владѣній въ Европѣ, за неприкосновенность территоріи Германскаго Союза и святое обѣщаніе—это уже было совершенно неожиданно и явно обличало ненормальность умственнапо состоянія Фридриха-Вильгельма—послѣ мира, имъ и чрезъ него, вновь доставить мнѣ, безъ всякихъ условій, мой вѣрный Невшатель. Если же во время или посредствомъ кровосмѣшенія Англіи съ Франціей на меня будетъ произведено нападеніе; если онѣ выпустятъ на волю революцію въ качествѣ своей союзницы, то я соединюсь съ Россіею не на животъ, а на смерть. Я знаю, что дѣлаю, въ чемъ состоитъ мой долгъ» [1]).

Между тѣмъ, въ Лондонѣ рѣчь шла вовсе не о Невшателѣ, а о томъ, какъ бы не пропустить случая силами европейской коалиціи не только лишить Россію преобладающаго положенія, занимаемаго ею на Востокѣ, но вообще ее ослабить, унизить, отнявъ у нея всѣ завоеванія, совершенныя ею со временъ Петра Великаго. Мысли эти англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кларендонъ, открыто высказалъ въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ лордовъ [2]). Три дня спустя Англія и Франція послали намъ свой ультиматумъ съ требованіемъ немедленнаго очищенія Дунайскихъ княжествъ [3]). Въ случаѣ нашего отказа подчиниться ему, противъ насъ воздвигалась грозная коалиція, состоявшая изъ всѣхъ безъ исключенія великихъ державъ. Испуганная заискиваніями Пруссіей англійскаго союза, Австрія объявила о готовности своей дѣйствовать заодно съ дворами лондонскимъ и парижскимъ. Цѣли коалиціи съ необыкновенною откровенностью изложилъ Бунзенъ въ довѣрительной запискѣ, представленной имъ королю. Изъ нея мы узнаемъ, что рѣшено было поднять на насъ всю Европу и подѣлить наши окраины между нашими сосѣдями, заключивъ Россію въ ея «естественныя» границы. Такъ, предполагалось отдать Финляндію и Аландскіе острова Швеціи; Крымъ, Бессарабію и весь Новороссійскій край, а также Ду-

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 28 января (9 февраля, а не января какъ у Ранке, «*Briefwechsel Fricdrieh Wilhelm IV mit Bunsen*», стр. 206) 1854.

[2]) Рѣчь лорда Кларендона въ палатѣ лордовъ 12 (24) февраля 1854.

[3]) Лордъ Кларендонъ и Друэнъ-де-Льюисъ графу Нессельроде, 15 (27) февраля 1854.

найскія княжества—Австріи, которая за это переуступитъ Ломбардію Сардиніи и откажется отъ Галиціи. Послѣднее необходимо-де для полнаго возстановленія Польши въ границахъ 1772 года, съ предоставленіемъ польскаго престола саксонской династіи, причемъ, разумѣется, Саксонія должна была отойти къ Пруссіи, которая сверхъ того получала отъ Австріи Моравію и австрійскую Силезію, и становилась во главѣ Германіи, обращенной подъ ея властью въ «союзное государство». Убѣждая короля согласиться на этотъ планъ, Бунзенъ писалъ ему: «Отъ того, будете ли ваше величество, или не будете дѣйствовать въ настоящую минуту, зависитъ оцѣнка ваша въ исторіи, счастіе и слава вашего престола и монархіи» [1]).

Одновременно былъ представленъ на утвержденіе короля и выработанный вѣнскою конференціею проектъ договора между Австріею, Англіею, Франціею и Пруссіею. Цѣлью ихъ союза объявлялось возстановленіе мира между Россіею и Турціею на условіяхъ, совмѣстныхъ съ общими интересами Европы и согласованныхъ съ выраженнымъ султаномъ намѣреніемъ соблюдать религіозныя и гражданскія права своихъ христіанскихъ подданныхъ. Принципъ территоріальной цѣлости Оттоманской имперіи провозглашался conditio sine qua non будущаго мира и основою союза четырехъ державъ, которыя обязывались условиться о наиболѣе дѣйствительныхъ мѣрахъ для очищенія отъ русскихъ войскъ турецкихъ областей, занятыхъ послѣдними. Договоръ 1841 года о Проливахъ подлежалъ бы пересмотру съ тѣмъ, чтобы связать существованіе Порты съ общимъ равновѣсіемъ Европы. Конференція изъ уполномоченныхъ союзныхъ дворовъ имѣла заняться изысканіемъ и обсужденіемъ наиболѣе пригодныхъ средствъ для достиженія ихъ цѣлей. Наконецъ, договаривающіяся стороны обѣщали не вступать съ русскимъ дворомъ въ переговоры и соглашеніе иначе, какъ сообща [2]).

[1]) Письмо Бунзена къ королю и секретный меморандумъ, оба отъ 17 февраля (1 марта) 1854. Замѣчательно, что въ «*Bunsen's Leben*» меморандумъ напечатанъ не вполнѣ, а именно пропущено все, что относится къ возстановленію Польши и присоединенію Саксоніи и австрійскихъ областей къ Пруссіи, а также къ предоставленію послѣдней главенства въ Германіи (III, стр. 337—344). Возстановленіемъ этого пробѣла мы обязаны Морицу Бушу, обнародовавшему пропущенныя мѣста въ книгѣ своей: «*Unser Reichskanzler*», II, стр. 204, подстрочное примѣчаніе.

[2]) Австрійскій посланникъ въ Берлинѣ графъ Тунъ барону Мантейфелю, 16 (28) февраля 1854.

Договоръ этотъ призванъ былъ узаконить коалицію четырехъ великихъ державъ противъ Россіи. По требованію прускаго посланника, англійскій совѣтъ министровъ рѣшилъ, что какъ только состоится подписаніе договора, первымъ дѣломъ четырехъ уполномоченныхъ будетъ гласно заявить, что цѣль войны состоитъ въ уничтоженіи преобладанія Россіи, а также, что вся Европа солидарна съ интересомъ Пруссіи имѣть обезпеченную съ Сѣвера и съ Востока границу [1]).

Вопросъ о предложенномъ Австріею договорѣ обсуждался на совѣтѣ, созванномъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ 20 февраля (4 марта) 1854 года. Большинство присутствовавшихъ склонялось въ пользу его, въ особенности принцъ прусскій и министры иностранныхъ дѣлъ и военный. Но совѣсть заговорила въ королѣ. Онъ понялъ, что приступленіе его къ коалиціи было бы поступкомъ безчестнымъ по отношенію къ Россіи, которой Пруссія столько разъ была обязана своимъ существованіемъ, и наотрѣзъ отказался принять договоръ. Принцъ Вильгельмъ попытался повліять на него, указавъ въ письмѣ на опасность, которая проистечетъ для Пруссіи отъ одинокаго положенія въ Европѣ, отъ «затмѣнія» ея политики. Король отвѣчалъ ему также письменно: «Вотъ признаніе, одно, разъ навсегда. Великая держава отличается отъ Бюкебурга и Лихтенштейна тѣмъ, что она самостоятетьна, а не увлекается теченіемъ. Послѣдняя случайность можетъ, смотря по обстоятельствамъ, основываться и на весьма здравой политикѣ. Но нежеланіе плыть по теченію называть «затмѣніемъ», это ужъ черезчуръ сильно. Австрію справедливо упрекаютъ въ отсутствіи самостоятельности по отношенію къ морскимъ державамъ. Я ставлю ей въ упрекъ слѣпоту, что съ 700,000 человѣкъ она не держитъ себя твердо и рѣшительно. При извѣстныхъ условіяхъ, я согласенъ участвовать въ требованіи (объ очищеніи княжествъ), если будетъ потребована взаимность и отъ западныхъ державъ; не то, оно становится насмѣшкою, на которую я, на мѣстѣ Николая, отвѣчалъ бы пушечными выстрѣлами. Все по чести, любезный Вильгельмъ» [2]).

Соотвѣтственно принятому королемъ рѣшенію, былъ сдѣ-

---

[1]) Телеграмма барона Бунзена барону Мантейфелю, 20 февраля (4 марта) 1854.

[2]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV принцу прусскому, 21 февраля (5 марта) 1854.

ланъ цѣлый рядъ распоряженій. Графъ Пурталесъ удаленъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Бунзенъ отозванъ изъ Лондона, даже военный министръ, генералъ Бонинъ, уволенъ въ отставку. «Время дипломатовъ прошло», сказалъ Фридрихъ-Вильгельмъ, «теперь пора королямъ исполнить свой долгъ». Онъ немедленно отправилъ чрезвычайныхъ посланцевъ проповѣдовать необходимость примиренія: принца Гогенцоллерна въ Парижъ, генерала фонъ-деръ-Грёбена въ Лондонъ, полковника Мантейфеля въ Вѣну, генерала Линдгейма въ Петербургъ. Въ собственноручномъ письмѣ онъ писалъ королевѣ Викторіи: «Война будетъ нынѣ въ полномъ смыслѣ слова войною тенденціозною. Хотятъ сломить преобладаніе Россіи! Прекрасно! Но я, сосѣдъ ея, никогда не испыталъ этого преобладанія и никогда ему не подчинялся. А Англія, по истинѣ, испытала его еще менѣе меня. Война эта подвергнетъ опасности равновѣсіе Европы, ибо величайшія державы въ мірѣ будутъ ослаблены ею. Но прежде всего позвольте мнѣ спросить: Божественный законъ оправдываетъ ли тенденціозную войну? Послѣднее соображеніе побуждаетъ пишущаго умолять ваше величество, ради Князя Мира, не отвергать русскихъ предложеній... *Прикажите изслѣдовать ихъ отъ начала до конца, и вы увидите, что внушены они желаніемъ мира. Пусть то, что можетъ быть принято, отдѣлятъ отъ того, что возбуждаетъ сомнѣніе, и начните переговоры на этомъ основаніи.* Я знаю, что русскій императоръ страстно желаетъ мира. Пусть ваше величество проложитъ мостъ для принципа всей его жизни—его императорской чести! Онъ перейдетъ черезъ него, хваля и славя Бога. Я ручаюсь за это. Въ заключеніе, ваше величество, позвольте мнѣ сказать одно слово за Пруссію и за меня самого? *Я рѣшился остаться въ положеніи полнаго нейтралитета,* и къ сему я присовокупляю съ гордымъ одушевленіемъ, *народъ мой пребываетъ въ единомысліи со мною.* Онъ *требуетъ* отъ меня безусловнаго нейтралитета. Онъ говоритъ (и я говорю): какое намъ дѣло до турокъ?.. Пострадали турки, а не мы, но у турокъ множество добрыхъ друзей, а императоръ—благородный человѣкъ и не сдѣлалъ намъ никакого зла» [1]). Краснорѣчивыя убѣжденія короля, разумѣется, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. 16 (28) марта со-

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV королевѣ Викторіи, 25 февраля (9 марта) 1854.

стоялось объявленіе намъ войны морскими державами, а 28 марта (9 апрѣля) уполномоченные вѣнской конференція, въ числѣ ихъ и прусскій представитель, подписали протоколъ, почти слово въ слово повторявшій условія того самаго договора, который Фридрихъ-Вильгельмъ IV такъ торжественно отказался утвердить всего только за мѣсяцъ передъ тѣмъ.

Мы бы увлеклись слишкомъ далеко за предѣлы, намѣченные нашему очерку, если-бъ стали излагать въ подробности дальнѣйшій ходъ политики берлинскаго двора въ Восточномъ вопросѣ. Достаточно напомнить, что съ одной стороны онъ заключилъ съ Австріею оборонительный и наступательный договоръ, коимъ обязался всѣми силами своими защищать австрійскія владѣнія отъ нападенія Россіи; съ другой—поддерживалъ въ Петербургѣ всѣ предъявленныя намъ требованія Австріи, съ цѣлью побудить насъ къ уступкамъ, тотчасъ же вызывавшимъ новыя, все болѣе и болѣе унизительныя для насъ требованія нашихъ противниковъ. Достигнувъ, такимъ образомъ, согласія нашего сначала на выводъ русскихъ войскъ изъ Дунайскихъ княжествъ, затѣмъ на принятіе извѣстныхъ четырехъ статей за основаніе мирныхъ переговоровъ, прусское правительство, вслѣдъ за тѣмъ, не поколебалось подписать дополнительную статью къ своему договору съ Австріею, коею обѣщало считать за casus foederis нападеніе наше на австрійскія войска не только въ предѣлахъ Австріи, но и на территоріи Дунайскихъ княжествъ. Эта новая уступка вѣнскому двору была объяснена намъ берлинскимъ кабинетомъ необходимостью удержать Австрію отъ сближенія съ Англіею и Франціею. Но, шесть дней спустя, вѣнскій дворъ подписалъ съ обѣими морскими державами, даже не предупредивъ о томъ Пруссію, трактатъ, обязывавшій его принять въ союзѣ съ ними участіе въ войнѣ противъ Россіи, если въ продолженіе 1854 года не будетъ заключенъ всеобщій миръ.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ пришелъ въ негодованіе отъ такого вѣроломства Австріи и отказался приступить къ сообщенному ему договору ея съ Англіею и Франціею. Отвѣтомъ Австріи и ея новыхъ союзницъ было исключеніе Пруссіи изъ конференціи, имѣвшей собраться въ Вѣнѣ для переговоровъ о мирѣ. Король не устоялъ противъ этого новаго удара, нанесеннаго его самолюбію. Онъ рѣшился, минуя Австрію, вступить въ непосредственные переговоры съ дворами лондонскимъ

и парижскимъ, съ цѣлью заключить съ ними самостоятельный, *«аналогическій»* трактатъ, т. е. подобный тому обязательству, которое связывало ихъ съ вѣнскимъ кабинетомъ.

Проектъ такого трактата былъ составленъ графомъ Узедомомъ, *одобренъ и утвержденъ королемъ.* За допущеніе свое въ среду вѣнской конференціи, Пруссія выражала готовность, въ случаѣ отказа Россіи подчиниться условленнымъ сообща четыремъ основаніямъ мира, *принудить ее къ тому силою, вмѣстѣ со своими союзниками, другими словами,—принять участіе въ войнѣ противъ нея.* Забыты были положительныя увѣренія, данныя намъ и словесно, и письменно въ томъ, что Пруссія никогда не подниметъ на насъ оружія, забыты послѣ того, какъ мы удовлетворили всѣмъ ея желаніямъ, разсѣяли всѣ опасенія, дали всѣ потребованныя отъ насъ ручательства.

Для веденія переговоровъ по этому предмету посланы были: въ Лондонъ графъ Узедомъ, въ Парижъ генералъ Ведель. Отъ насъ, разумѣется, скрыли сущность возложенныхъ на нихъ порученій, предупредивъ, что первый имѣетъ условиться съ Англіею объ обезпеченіи протестантскихъ интересовъ, которымъ-де угрожаетъ сближеніе двухъ великихъ католическихъ державъ; второму же приказано убѣдить французское правительство не вводить своихъ войскъ въ Германію и не возстановлять Польшу! Такъ, по крайней мѣрѣ, доносилъ императорскому кабинету посланникъ нашъ въ Берлинѣ. Переговоры уже были въ полномъ ходу, когда разнеслась по Европѣ неожиданная вѣсть о кончинѣ русскаго императора.

Въ послѣдній годъ жизни императора Николая отношенія его къ королю Фридриху-Вильгельму, пострадавшія было вслѣдствіе отказа послѣдняго подписать предложенный нами протоколъ о нейтралитетѣ, снова улучшились, послѣ отверженія послѣднимъ договора, ополчавшаго на насъ всѣ великія державы, и перемѣнъ, произведенныхъ въ личномъ составѣ прусской дипломатіи. Государь былъ благодаренъ зятю за сочувствіе, выражаемое имъ на словахъ или на письмѣ, если не на дѣлѣ. Онъ вѣрилъ его обѣщанію: никогда не соединяться съ морскими державами противъ Россіи, и великодушную рѣшимость эту цѣнилъ тѣмъ болѣе, что она, повидимому, ярко контрастовала съ коварнымъ и предательскимъ поведеніемъ облагодѣтельствованной нами Австріи. Вотъ почему на смертномъ одрѣ своемъ, ничего не подозрѣвая о новой измѣнѣ Пруссіи, онъ

съ признательностью вспомнилъ о королѣ. За нѣсколько минутъ до кончины государь промолвилъ, обращаясь къ императрицѣ: «Скажи Фрицу, чтобы онъ всегда оставался прежнимъ по отношенію къ Россіи и не забывалъ послѣднихъ словъ папа!»

Болѣзненно долженъ былъ откликнуться этотъ замогильный привѣтъ въ душѣ Фридриха-Вильгельма. Король не могъ не сознавать себя кругомъ виноватымъ предъ почившимъ зятемъ и другомъ. Совѣсть свою онъ искалъ успокоить слѣдующимъ отзывомъ о немъ въ письмѣ къ бывшему своему совѣтнику и любимцу Бунзену:

«Вы не подозрѣвали, дорогой другъ, что, быть можетъ, въ ту самую минуту, когда вы мнѣ писали, одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, одно изъ прекраснѣйшихъ явленій въ исторіи, одно изъ вѣрнѣйшихъ сердецъ и, въ то же время, одинъ изъ *величественныхъ государей* этого убогаго міра былъ отозванъ отъ вѣры къ созерцанію. Я на колѣняхъ благодарю Бога, *что онъ сподобилъ меня* при извѣстіи о смерти императора Николая *испытать глубокое огорченіе*, что онъ меня сподобилъ быть его другомъ въ лучшемъ значеніи этого слова и таковымъ остаться въ вѣрности. Вы, любезный Бунзенъ, иначе помышляли о немъ и нынѣ съ трудомъ признаетесь въ томъ предъ собственною совѣстью. Всего же труднѣе будетъ вамъ признаться въ *истинѣ* (которую, къ сожалѣнію, всѣ ваши письма за послѣднее тяжелое время высказывали мнѣ слишкомъ рѣзко), *что вы его ненавидѣли!* Вы ненавидѣли его не какъ человѣка, ибо въ этомъ качествѣ онъ былъ вамъ совершенно безразличенъ, но какъ представителя принципа дѣянія силы. Когда вы однажды (подобно ему) будете спасены простою вѣрою въ кровь Христову и встрѣтите его въ жилищѣ вѣчнаго мира, то вспомните о томъ, что я вамъ пишу сегодня: *вы будете просить у него прощенія.* Пусть еще здѣсь на землѣ, любимый другъ, выпадетъ вамъ на долю блаженство раскаянія!» [1]).

Прочувствованныя эти строки могъ начертать только человѣкъ, самъ искавшій въ раскаяніи—утѣшенія!

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 20 февраля (4 марта) 1855.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ И ПРУССКАЯ АРМІЯ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ И ПРУССКАЯ АРМІЯ.

Въ одной изъ рѣчей, произнесенныхъ въ нѣмецкомъ имперскомъ сеймѣ, канцлеръ Германской имперіи высказалъ, между прочимъ, взглядъ свой на отношенія Пруссіи къ Россіи съ начала нынѣшняго вѣка. По мнѣнію его, основаніемъ сближенія обѣихъ странъ послужила политика императора Александра I, отъ котораго, въ 1813 году, вполнѣ де зависѣло не переступать границы и заключить миръ съ Наполеономъ. «Тогда», заявилъ князь Бисмаркъ, «мы, дѣйствительно, были обязаны возрожденіемъ нашимъ въ прежнемъ видѣ его благосклонности, или, если вы хотите быть скептиками, то—русской политикѣ. Благодарность эта царила надъ правительствомъ Фридриха-Вильгельма III. Но разность, причитавшаяся въ пользу Россіи по счетамъ ея съ Пруссіею, была усчитана прусскою дружбою во все время царствованія императора Николая и, могу сказать,—вполнѣ ликвидирована въ Ольмюцѣ» [1]).

Изложенный въ приведенныхъ нами строкахъ взглядъ на русско-прусскія отношенія давно уже распростаненъ въ современной Германіи и, конечно, распространился еще болѣе послѣ гласнаго усвоенія его руководителемъ нѣмецкой политики. Между тѣмъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, онъ не выдерживаетъ критики, такъ какъ прямо противорѣчитъ несомнѣннымъ историческимъ фактамъ. Въ дѣйствительности. императоръ Николай нисколько не менѣе и едва-ли не болѣе своего брата и предшественника благоволилъ къ Пруссіи и въ продолженіе тридцатилѣтняго царствованія великодушно и безко-

---

[1]) Рѣчь князя Бисмарка въ засѣданіи рейхстага, 25 января (6 февраля) 1888.

рыстно служилъ ей опорою въ затрудненіяхъ внутреннихъ и щитомъ отъ опасности внѣшней. Было время, когда неоспоримую эту истину признавалъ самъ князь Бисмаркъ, въ первыхъ парламентскихъ рѣчахъ своихъ восторженно отзывавшійся о царѣ-витязѣ, воплотившемъ, въ глазахъ его, всѣ доблести великаго христіанскаго государя. Что же касается до положенія, занятаго императоромъ Николаемъ между Австріею и Пруссіею въ 1850 году въ Ольмюцѣ, то тотъ же нѣмецкій канцлеръ выражалъ нѣкогда предъ тѣмъ же рейхстагомъ мнѣніе, прямо противоположное нынѣшнему. По свидѣтельству его, Россія посредничествомъ своимъ на ольмюцскихъ совѣщаніяхъ не только не нанесла Пруссіи ни малѣйшаго ущерба, но, предовративъ войну ея съ Австріею, спасла ее отъ неминуемаго разгрома. Въ доказательство князь Бисмаркъ сослался на слова, сказанныя ему наканунѣ Ольмюца тогдашнимъ военнымъ министромъ: «Намъ совсѣмъ нельзя драться, мы даже не можемъ помѣшать австрійцамъ занять Берлинъ» [1].

Съ точки зрѣнія политической условности, событія могутъ представляться сегодня въ одной окраскѣ, завтра въ другой. Лишь одна исторія устанавливаетъ ихъ на твердомъ научномъ основаніи. Изъ двухъ противоположныхъ мнѣній, высказанныхъ княземъ Бисмаркомъ, она подтверждаетъ первое и признаетъ въ императорѣ Николаѣ искренняго друга и доброжелателя династіи Гогенцоллерновъ, прусскаго государства и народа. Она же свидѣтельствуетъ, что въ Ольмюцѣ долгъ благодарности Пруссіи относительно Россіи не только не былъ погашенъ, но еще болѣе возросъ, а также, что поведеніемъ своимъ во время Восточной войны 1853—56 годовъ берлинскій кабинетъ нимало не выказалъ наклонности позаботиться объ его уплатѣ.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ разработкѣ нашей новѣйшей дипломатической исторіи, я не разъ имѣлъ случай излагать отношенія императора Николая къ родственному ему прусскому двору, вполнѣ подтверждающія приведенное выше заключеніе. Но наиболѣе нагляднымъ поясненіемъ послѣднему служитъ сорокалѣтняя связь этого государя съ прусскою арміей, которую онъ, въ заботливой своей попечительности, почти не отдѣлялъ отъ своихъ собственныхъ войскъ. Въ настоящую минуту, когда сосѣди наши обнаруживаютъ

[1]) Рѣчь князя Бисмарка въ засѣданіи рейхстага 12 (24) января 1882.

склонность къ извращенію историческаго смысла русско-прусскихъ отношеній, не безполезно напомнить имъ о милостяхъ, излитыхъ императоромъ Николаемъ на своихъ «прусскихъ товарищей», какъ любилъ онъ называть прусскихъ офицеровъ и солдатъ. Свѣдѣнія эти не лишены значенія и для личной характеристики государя, для опредѣленія его образа мыслей и дѣйствій по многимъ важнымъ вопросамъ, не только военнымъ, но и политическимъ.

Источниками и пособіями при составленіи настоящаго очерка служили мнѣ, независимо отъ рукописныхъ документовъ еще неизданныхъ (высочайшія письма, рескрипты и повелѣнія, диспозиціи и росписанія и т. п.), посвященныя занимающему меня предмету сочиненія военныхъ нѣмецкихъ писателей того времени [1]). Нѣсколько интересныхъ свѣдѣній заимствовано и изъ русскихъ историческихъ сочиненій, между прочимъ, изъ исторій полковъ русскихъ и прусскихъ, преимущественно тѣхъ, шефами коихъ были члены царственныхъ домовъ Романовыхъ или Гогенцоллерновъ.

Излагая отношенія императора Николая къ прусской арміи, нельзя было, конечно, оставить безъ вниманія и многочисленныя данныя, собранныя по этому вопросу человѣкомъ, поставившимъ цѣлію своей жизни посильное служеніе тѣсному сближенію Пруссіи съ Россіей и въ частности—прусской арміи съ русскою. Я разумѣю придворнаго совѣтника и чтеца королей Фридриха-Вильгельма IV и Вильгельма I—Луи Шнейдера. Преданный душою и тѣломъ императору Николаю, осыпанный щедротами его, Шнейдеръ въ рядѣ сочиненій сохранилъ намъ въ высшей степени любопытныя и вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, какъ относился этотъ государь къ прусскому войску [2]). Кромѣ того, въ качествѣ постояннаго довѣрительнаго корреспондента русскаго двора, съ 1848 года и до самой смерти, послѣдовавшей въ 1878 году, онъ самъ является

---

[1]) *Tagebuch eines preussischen Offiziers, während seiner Reise nach Petersburg und seines Aufenthaltes daselbst bei Einweihung der Alexander-Säule*, zum Druck befördert von D-r Streif, Berlin 1836. *Die Truppenversamnlung bei Kalisch im Sommer 1835*, von C. von Decker, Königsberg 1835. *Die Herbstubung bei Wosnessensk im Jahre 1837*, von. E. v. Olberg, Berlin 1839.

[2]) Историческія сочиненія Луи Шнейдера: *Kalisch im September des Jahres 1835*, Berlin 1835; *der Soldatenfreund, Zeitschrift für fasslige Belehrung und Unterhaltung des deutschen Soldaten*, 1835—1855; *Aus meinen Leben*, Berlin 1879, Drei Bände; *Aus den Lebem Kaiser Wilhelm's*, Berlin 1888. Drei Bände.

немаловажнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ упомянутую эпоху. Обстоятельство это побудило меня предпослать настоящему очерку краткое жизнеописаніе этой оригинальной личности, извѣстной въ свое время подъ именемъ «*Другъ солдата*».

I.

Другъ солдата.

Луи Шнейдеръ.—Его дѣтскія воспоминанія.—Поступленіе на сцену.—Литературная дѣятельность.—«Другъ солдата».—Расположеніе къ нему короля и принцевъ.—Императоръ Николай въ Шведтѣ.—Калишъ.—Смерть Фридриха-Вильгельма III.—Приглашеніе въ Петербургъ.—Представленіе государю и императрицѣ.—Спектакль въ Петергофѣ.—Событія 1848 года.—Обращеніе къ русскому императору.—Назначеніе королевскимъ чтецомъ.—Шнейдеръ—корреспондентъ русскаго двора.—Поѣздка въ Варшаву.—Разговоръ съ императоромъ Николаемъ.—Государь въ Потсдамѣ.—Послѣдняя встрѣча съ нимъ въ Ольмюцѣ.—«Европейскій Реннебоомъ.»—Награжденіе русскимъ орденомъ.—Кончина императора Николая I.—Воцареніе Вильгельма I.—Шнейдеръ продолжаетъ состоять при особѣ короля.—Несочувствіе къ единству Германіи.—Столкновеніе съ Бисмаркомъ.—Смерть Шнейдера.—Его завѣщаніе.

Луи Шнейдеръ родился въ Берлинѣ, 17 (29) апрѣля 1805 года. Отецъ его былъ бѣдный музыкантъ, мать—пѣвица. Дѣтство свое онъ провелъ въ артистическихъ странствованіяхъ съ родителями по разнымъ городамъ Германіи. Когда ему было восемь лѣтъ, отецъ получилъ, благодаря покровительству Августа Коцебу, мѣсто капельмейстера городскаго театра въ Ревелѣ, куда и переселился со всею семьею. Этому обстоятельству обязанъ былъ Шнейдеръ своимъ первоначальнымъ знакомствомъ съ русскимъ языкомъ, но съ русскими солдатами онъ познакомился гораздо раньше. То было въ 1813 году, при занятіи Берлина нашими войсками. Населеніе прусской столицы встрѣтило ихъ какъ освободителей. «На обширномъ дворѣ нашего дома,»—повѣтствуетъ Шнейдеръ въ своихъ Воспоминаніяхъ,—«двѣнадцать казаковъ расположили свой бивакъ, и эта лагерная сцена, вмѣстѣ съ контрабасомъ, составляетъ въ сущности единственную, вполнѣ ясную, неизгладимую картину изъ моего отрочества. Дворъ нашъ служилъ складомъ для бочекъ помѣщавшагося на противоположной сторонѣ улицы завода Буври для очистки деревяннаго масла, и содержимое этихъ бочекъ употреблялось нашими сѣверными гостями—хотя оно и не-

имѣло букета praвaнскаго масла—для приготовленія ихъ пищи. Забытъ былъ контрабасъ—сѣдло казацкой лошади заняло его мѣсто. Я жилъ и спалъ, по возможности, съ казаками и возлѣ нихъ».

По возвращеніи изъ Россіи въ 1816 году, положеніе семьи значительно улучшилось. Старикъ Шнейдеръ былъ принятъ солистомъ въ берлинскій придворный оркестръ и черезъ нѣсколько лѣтъ достигъ званія директора военныхъ хоровъ гвардейскаго корпуса, а потомъ и театральнаго капельмейстера. Молодой Луи съ дѣтства пристрастился къ театру и, обладая красивымъ альтомъ, перешедшимъ впослѣдствіи въ теноръ, уже пятнадцати лѣтъ былъ принятъ въ королевскую оперную труппу. Въ ней онъ оставался недолго и уже на восемнадцатомъ году поступилъ вольноопредѣляющимся для отбытія воинской повинности въ гвардейскій стрѣлковый батальонъ. По перечисленіи въ ландверъ, онъ возвратился на сцену, но уже въ качествѣ не пѣвца, а драматическаго актёра. Играя на различныхъ театрахъ Германіи, развивая свой талантъ изученіемъ теоріи драматическаго искусства и классическихъ писателей, а также частыми путешествіями въ чужія страны, Шнейдеръ вскорѣ пріобрѣлъ славу даровитаго актёра и въ началѣ тридцатыхъ годовъ былъ приглашенъ въ составъ труппы королевскаго нѣмецкаго театра въ Берлинѣ. Ставъ любимцемъ берлинской публики, преимущественно въ роляхъ комическихъ и характерныхъ, Шнейдеръ свободное время посвящалъ литературной дѣятельности, писалъ или переводилъ разсказы, повѣсти, сцены, комедіи, драмы, въ свое время пользовавшіяся большимъ успѣхомъ. Оставаясь актёромъ придворнаго драматическаго театра, онъ былъ назначенъ режиссеромъ королевской оперы и написалъ исторію этого учрежденія.

Успѣхи на театральномъ и литературномъ поприщѣ не удовлетворяли однако честолюбиваго юношу. Прилежно восполняя пробѣлы своего образованія, онъ принялся за тщательное изученіе иностранныхъ языковъ и вскорѣ выучился свободно говорить и даже писать не только по-французски, по-англійски и по-итальянски, но также и по-испански, по-португальски и по-русски. Но тогда, какъ и теперь, наибольшимъ значеніемъ и почетомъ пользовалась въ Пруссіи армія, и молодой Шнейдеръ понялъ, что только чрезъ нее онъ можетъ составить себѣ карьеру. Къ достиженію этой цѣли привела

его счастливая мысль, пришедшая ему въ 1830 году во время срочнаго ученья, въ коемъ онъ принималъ участіе въ качествѣ унтеръ-офицера 2-го берлинскаго батальона 20-го полка ландвера, а именно: составленіе и изданіе краткой инструкціи для нижнихъ чиновъ ландвера. Случилось, что тогдашній военный министръ, генералъ Вицлебенъ, былъ покровителемъ отца Шнейдера. Онъ представилъ его книжку королю, который приказалъ выразить составителю высочайшее благоволеніе и заказать ему 900 экземпляровъ для раздачи въ различныхъ армейскихъ корпусахъ отъ имени его величества. Въ нѣсколько недѣль книжка выдержала два изданія и разошлась въ числѣ 84,000 экземпляровъ. За нею послѣдовала другая, въ томъ же родѣ, озаглавленная «Другъ солдата, книга для чтенія нижнихъ чиновъ прусской пѣхоты». Брошюра эта имѣла нѣсколько изданій, совокупность которыхъ представляетъ 211,000 экземпляровъ. Она также удостоилась одобренія короля, пожаловавшаго автору золотую медаль «за искусство и науку».

Ободренный столь поразительнымъ успѣхомъ, превзошедшимъ всѣ его надежды, Шнейдеръ въ началѣ 1833 года задумалъ новое предпріятіе, еще болѣе на широкую ногу. По образцу французскаго «Journal de l'armée» и подъ названіемъ «Другъ солдата», онъ рѣшился издавать еженедѣльный журналъ для унтеръ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ прусской арміи. Пробный выпускъ этого журнала былъ представленъ генераломъ Вицлебеномъ на разсмотрѣніе королю, и Фридрихъ-Вильгельмъ III не только одобрилъ его и далъ требуемое разрѣшеніе на его изданіе, но еще удостоилъ собственноручно сдѣлать нѣкоторыя поправки и измѣненія на первоначальномъ оттискѣ. Съ легкой руки короля, «Другъ солдата» сразу пріобрѣлъ до 3,000 подписчиковъ во всѣхъ частяхъ войскъ, и Шнейдеръ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1878 году, продолжалъ его изданіе съ неослабѣвающимъ успѣхомъ.

Военно-литературное предпріятіе Шнейдера обратило на него вниманіе Фридриха-Вильгельма III и принцевъ королевскаго дома. Старый король былъ большой любитель театральныхъ представленій, постоянно посѣщалъ театръ оперный и въ особенности драматическій и нерѣдко любилъ устраивать спектакли во дворцѣ. Какъ онъ самъ, такъ и сыновья его, наслѣдный принцъ и принцы Вильгельмъ, Карлъ и Альбрехтъ, отличали притомъ непремѣннаго участника такихъ спектаклей,

Шнейдера, который, со своей стороны, не упускалъ ни единаго случая, чтобы остановить на себѣ взоры своихъ высокихъ покровителей. Такъ, однажды онъ отпечаталъ на свой счетъ, въ количествѣ 120,000 экземпляровъ, портретъ короля, а подъ нимъ прусскій національный гимнъ съ объясненіемъ, и разослалъ эти листы во всѣ полки прусской арміи, съ просьбою къ командирамъ, чтобы въ день рожденія короля, ровно въ полдень, листы были розданы солдатамъ, гимнъ спѣтъ и прочитаны объясненія. Королю очень понравилась оригинальная затѣя, и онъ лично благодарилъ Шнейдера за ея осуществленіе.

Если вспомнимъ, каково было въ то время обаяніе русскаго государя при берлинскомъ дворѣ, то понятно станетъ страстное желаніе Шнейдера быть отличеннымъ имъ, желаніе, зародившееся въ душѣ тщеславнаго актёра, успѣвшаго сочетать съ этимъ званіемъ репутацію популярнаго въ войскѣ писателя, «Друга солдата». О первой своей встрѣчѣ съ императоромъ Николаемъ Шнейдеръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ:

«Я увидѣлъ императора — было время въ Пруссіи, когда подъ словомъ *императоръ* разумѣлся никто иной, какъ императоръ всеросійскій — въ первый разъ, въ 1833 году, въ Шведтѣ, куда придворная берлинская сцена отправила контингентъ артистовъ, дабы давать представленія во время происходившаго тамъ свиданія короля Фридриха-Вильгельма III съ императоромъ... Я случайно находился предъ Шведтскимъ замкомъ, когда прибылъ императоръ, послѣ долгаго, томительнаго ожиданія, но увидалъ я только человѣка весьма высокаго роста, выскакивающаго изъ экипажа и съ такою поспѣшностью, что онъ даже не дождался, пока отворятъ дверцы, а просто перескочилъ черезъ нихъ. Два линейные казака, въ ихъ высшей степени живописномъ одѣяніи, представляли мнѣ почти болѣе интереса, чѣмъ императоръ, котораго я еще не зналъ. Лишь вечеромъ, во время спектакля, увидѣлъ я его, сквозь занавѣсь, при входѣ въ небольшую комнату, посреди которой возвышалась импровизованная сцена. Кто видѣлъ императора Николая, согласится со мною, когда я назову его красивѣйшимъ изъ мужчинъ, какого только можно себѣ представить. Его необычайный ростъ, пропорціональность его членовъ, благородная осанка, внушающій почтеніе взоръ, привычка повелѣвать, все это соединялось въ немъ въ одинъ образъ совер-

шеннѣйшей мужественной красоты. Я по крайней мѣрѣ никогда не видѣлъ болѣе прекраснаго мужчины. Его обхожденіе съ царственнымъ тестемъ отличалось такою вѣжливостью, даже сыновнимъ почтеніемъ, что нужно было видѣть это своими глазами, чтобы составить себѣ о томъ ясное понятіе. На немъ былъ мундиръ его прусскаго кирасирскаго полка, на королѣ же—мундиръ полка русскаго гренадерскаго, его имени. Въ качествѣ гостя короля, императоръ не обращалъ вниманія на актеровъ и не появлялся подобно королю на сценѣ, но во время антрактовъ бесѣдовалъ съ присутствовавшими придворными дамами. Ко мнѣ обратился онъ съ рѣчью самымъ куріознымъ образомъ и когда это случилось, или правильнѣе въ виду того, какъ это случилось, я въ самомъ дѣлѣ и не подозрѣвалъ, что современемъ буду ближе стоять къ императору. Подъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня его личностью, я старался воспользоваться каждымъ случаемъ, чтобы во время антрактовъ взглянуть сквозь занавѣсь на мѣсто, отведенное зрителямъ. Такъ какъ это дѣлали и другіе, то я выискалъ себѣ въ сторонѣ, позади такъ называемаго manteau d'arlequin [1]), мѣсто, откуда я легко могъ раздвинуть занавѣсь и смотрѣть чрезъ образованное такимъ образомъ отверстіе. При необыкновенной тѣснотѣ въ залѣ, императоръ стоялъ со стаканомъ мороженаго въ рукѣ, на разстояніи не болѣе двухъ футовъ отъ моей обсерваторіи, и я могъ его видѣть такъ близко, какъ только было возможно, или скорѣе, какъ въ моемъ тогдашнемъ званіи было это совершенно невозможно. Я въ точности вспоминаю о двойномъ рядѣ его зубовъ блестящей бѣлизны, когда онъ, разговаривая, смѣялся. Вдругъ онъ устремилъ свои проницательные глаза на мѣсто, откуда я смотрѣлъ, и сказалъ, подражая въ шутку берлинскому говору, который онъ только-что слышалъ въ совершенствѣ изъ устъ актёра Бекмана: «Отсюда выглядываетъ носъ!» Съ быстротою молніи откинулся я назадъ и, конечно, думалъ, что императоръ узналъ и собственника этого носа, того самаго человѣка, которому суждено было впослѣдствіи написать его военную біографію и быть почтену его довѣріемъ».

Въ Шведтѣ Шнейдеру однако не удалось представиться государю, зато, два года спустя, въ Калишѣ, куда также

[1]) Передняя кулиса, окаймляющая занавѣсь.

былъ выписанъ отрядъ артистовъ берлинскаго придворнаго театра для участія въ спектакляхъ во время совмѣстныхъ маневровъ русскихъ и прусскихъ войскъ въ присутствіи императора Николая и короля Фридриха-Вильгельма III, окруженныхъ блестящею свитою изъ многочисленныхъ принцевъ—представителей славнѣйшихъ царствующихъ домовъ въ Европѣ, честолюбивый актеръ успѣлъ достигнуть цѣли своихъ завѣтныхъ желаній. Государь посѣтилъ одну изъ репетицій въ калишскомъ театрѣ, и сопровождавшій его прусскій офицеръ, подполковникъ Тименъ, указалъ его величеству на Шнейдера, стоявшаго посреди прочихъ артистовъ. Подойдя къ нему, императоръ сказалъ: «Очень радъ съ вами познакомиться. Я много читалъ и слышалъ о васъ. Вы, кажется, наполовину солдатъ!»—«Извините меня, ваше величество»,—бойко отвѣчалъ Шнейдеръ,—«но каждый прусакъ—солдатъ вполнѣ».—«Вотъ какъ! Вы состоите при 20-мъ полку ландвера?»—«Такъ точно, ваше величество. Я имѣю честь служить съ вашимъ величествомъ въ одной дивизіи».—«Вѣрно! Значитъ, мы товарищи! Пошли ли бы вы въ походъ, если бы когда-нибудь пришлось идти противъ меня?»—«Пошелъ бы, ваше величество, коль скоро король, мой государь, такъ прикажетъ.»—«Разумный отвѣтъ! Вижу, что вы солдатъ не наполовину. Видѣли ли мы вчера мою кавалерію? Мнѣ кажется, что я замѣтилъ васъ, господа!»—«Мы всѣ были въ восхищеніи, потому что никогда еще не видѣли ничего подобнаго».—«Хорошо, хорошо! Вчера какъ-разъ дѣло шло не совсѣмъ ладно. Но когда пріѣдетъ король, тогда вы должны посмотрѣть на моихъ гвардейцевъ. Хорошо ли вы помѣщены, не терпите ли въ чемъ недостатка?»—«Нѣтъ ваше величество, намъ лучше, чѣмъ многимъ другимъ при такомъ чрезвычайномъ стеченіи народа»!—«Мнѣ не слѣдовало васъ и спрашивать. Какъ солдатъ, вы останетесь довольны и плохою квартирою. Быть можетъ, дамы скажутъ мнѣ правду. А вотъ и г-жа Гагнъ. До свиданія, г. Шнейдеръ!» Поговоривъ затѣмъ нѣсколько минутъ съ названною первою актрисою берлинскаго театра, а также съ знаменитою Тальони, государь удалился.

Въ тотъ же вечеръ Шнейдеръ обратился къ полковнику Рауху, исполнявшему обязанности прусскаго военнаго уполномоченнаго при русскомъ дворѣ, съ просьбою испросить у государя разрѣшеніе поднести ему экземпляръ «Друга солдата»

за первый годъ существованія. Раухъ повелъ Шнейдера къ главному подъѣзду зàмка въ ту самую минуту, когда императоръ садился въ экипажъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. Его величество тотчасъ же объявилъ издателю, что подписывается на его журналъ на слѣдующія 25 лѣтъ и прибавилъ, указывая на брата: «Вотъ тоже вашъ абонентъ и большой почитатель». Шнейдеръ тогда же получилъ открытый листъ слѣдующаго содержанія, за подписью командующаго императорскою главною квартирою:

«По высочайшему государя императора повелѣнію, предъявителю сего, королевско-прусскому унтеръ-офицеру 20-го егерскаго полка ландвера, Леонтію Авраамовичу Шнейдеру, всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры имѣютъ показывать и объяснять все, что относится до обмундированія, вооруженія, продовольствія и обученія унтеръ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, собранныхъ въ лагерѣ подъ Калишемъ императорскихъ войскъ».

«Подписалъ: *графъ Бенкендорфъ*».

«Калишъ, 11 сентября 1835 года.»

Съ этимъ passe-partout Шнейдеръ утро посвящалъ тщательному ознакомлѣнію со всѣми особенностями нашихъ военныхъ порядковъ, присутствовалъ при ученьяхъ, смотрахъ и другихъ воинскихъ торжествахъ, а вечеромъ на подмосткахъ калишскаго театра преображался изъ унтеръ-офицера ландвера и военнаго журналиста въ актëра, и талантливою игрою вызывалъ рукоплесканія царственныхъ зрителей. Императоръ Николай, встрѣчая его то на полѣ манёвровъ, то на улицахъ города, то за кулисами, не разъ удостоивалъ ласковаго привѣта и милостиваго разговора. Передъ отъѣздомъ изъ Калиша, онъ получилъ независимо отъ подарка, назначеннаго ему наравнѣ съ прочими товарищами-актëрами, драгоцѣнный перстень въ награду за поднесенный журналъ. Свои калишскія впечатлѣнія Шнейдеръ изложилъ въ рядѣ писемъ, появившихся въ «Другѣ солдата», и впослѣдствіи посвятилъ цѣлую книгу описанію величественнаго военнаго зрѣлища, коего довелось ему быть свидѣтелемъ [1]).

Послѣ Калиша, Шнейдеръ, не покидая сцены, сталъ еще болѣе разнообравить свою дѣятельность въ качествѣ публициста и писателя, все въ томъ же военно-патріотическомъ

[1]) *Kalisch im September des Jahres 1835,* von L. Schneider Berlin, 1835.

направленіи. Рядомъ съ этимъ онъ принималъ участіе въ различныхъ обществахъ, артистическихъ и военныхъ, писалъ стихотворенія на торжественные случаи, во славу короля и его дома и вообще всячески старался угодить Фридриху-Вильгельму III. Между прочимъ, онъ вызвался безмездно преподавать офицерамъ высшаго военнаго училища языки русскій и англійскій и въ продолженіе двухъ лѣтъ посвящалъ этому дѣлу по четыре часа въ недѣлю. Наградою ему было благодарственное письмо короля, но, не смотря на ходатайство военнаго министра, Фридрихъ-Вильгельмъ III не согласился пожаловать ему ордена, находя такое отличіе несовмѣстнымъ съ званіемъ актёра.

По смерти стараго короля, послѣдовавшей лѣтомъ 1840 года, на Шнейдера вовсе перестали обращать вниманіе при дворѣ. Зависѣло это отъ того, что Фридрихъ-Вильгельмъ IV менѣе отца интересовался военными дѣлами и не былъ подобно ему любителемъ и частымъ посѣтителемъ театра. Шнейдеръ, къ тому же, не сочувственно относился къ стремленію молодого государя измѣнить установленные предшественникомъ его порядки въ государствѣ. Но именно это обстоятельство обезпечило ему продленіе милостиваго расположенія братьевъ короля, довольно враждебно относившихся къ замышленнымъ преобразованіямъ.

Во время частыхъ посѣщеній Берлина императоръ Николай продолжалъ отличать Шнейдера своимъ вниманіемъ, встрѣчая его на манёврахъ и ученьяхъ, за которыми тотъ слѣдилъ, какъ издатель «Друга солдата», удостоивалъ его поклона и болѣе или менѣе продолжительнаго разговора, всегда одобрительно отзываясь объ его дѣятельности. При этомъ случаѣ государь не разъ выражалъ желаніе увидѣть Шнейдера въ Петербургѣ, съ цѣлью ознакомленія его съ русскою арміею. Онъ говорилъ ему, что цѣнитъ доброжелательность, съ которою «Другъ солдата» всегда отзывается о русскихъ войскахъ, стараніе вникнуть въ подробности, чего не дѣлаютъ другіе иностраннные писатели, да и не могутъ дѣлать, пріѣзжая въ Россію, не ознакомясь предварительно съ русскимъ языкомъ. Государь прибавлялъ, что ему хорошо извѣстно, что въ лагерѣ подъ Калишемъ Шнейдеръ все осмотрѣлъ и изслѣдовалъ, но что это можетъ только доставить ему удовольствіе, потому что всякому дозволяется видѣть то, что императоръ сдѣлалъ

и дѣлаетъ въ пользу своихъ солдатъ, и что ему нечего опасаться чьего бы то ни было осужденія. Конечно, замѣчалъ онъ, не слѣдуетъ на все взирать прусскими глазами, надо не только знать, но и принимать въ соображеніе русскіе нравы и обычаи. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи государь испыталъ большое разочарованіе съ пріѣзжавшими къ намъ чужеземными военными писателями. Что же касается Шнейдера, то онъ увѣренъ, что тотъ оправдаетъ его довѣріе и будетъ писать истину безъ всякаго предубѣжденія.

Заѣхавъ по пути въ Ригу на нѣсколько гастролей въ тамошнемъ театрѣ, Шнейдеръ 2 (14) іюня 1847 года, прибылъ въ Петербургъ. Первымъ долгомъ онъ счелъ посѣтить своего стараго калишскаго покровителя, прусскаго военнаго уполномоченнаго, произведеннаго между тѣмъ въ генералы, Рауха. Тотъ принялъ его радушно и предложилъ немедленно же облечься во франкъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать во дворецъ къ государю. Заимствуемъ изъ Воспоминаній Шнейдера разсказъ о пріемѣ его императоромъ Николаемъ.

«Въ императорскомъ экипажѣ отправился я съ генераломъ въ близлежащій Зимній дворецъ и остался ждать въ аванзалѣ, генералъ же вошелъ въ кабинетъ императора, — снова безъ доклада, что́ какъ и прежде, въ Калишѣ, указывало на необыкновенно довѣрительныя и привилегированныя отношенія; а что генералъ вошелъ безъ доклада именно въ царскій кабинетъ, убѣдился я, услыхавъ звучный голосъ императора, доходившій до меня изъ-за двери. Пока я ждалъ, замѣтилъ я, что второпяхъ я взошелъ наверхъ съ тростью въ рукѣ, на которую дежурный деньщикъ взиралъ съ удивленіемъ и повидимому, очень обрадовался, когда я спряталъ ее за колонну. Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась, и императоръ вошелъ въ аванзалу въ сюртукѣ, съ одною лишь лентою Св. Георгія въ петлицѣ и безъ эполетъ. Въ продолженіе этихъ минутъ, проведенныхъ въ императорской пріемной, воображенію моему живо представился упомянутый выше контрастъ съ покинутою не болѣе часа передъ тѣмъ почтовою каретою. Не считая деньщика и двухъ стоявшихъ на часахъ гренадеръ, я былъ одинъ въ аванзалѣ, когда императоръ подошелъ ко мнѣ.

— Добро пожаловать, любезный Шнейдеръ. Радуюсь, что вы наконецъ приняли мое приглашеніе.

— Еслибы я самъ распоряжался собою, ваше величество, то охотно пріѣхалъ бы ранѣе.

— А сколько времени можете вы у насъ остаться?

— Три недѣли, ваше величество.

— Прекрасно! Моя гвардія 15 (27) выступаетъ въ лагерь. Вы должны быть при этомъ, потому что вы знатокъ! Я всегда съ удовольствіемъ читаю вашъ «Другъ солдата». Нравится ли вамъ въ Петербургѣ?

— Очень нравится, на сколько я могъ его видѣть въ часъ времени. Особенно же радъ я тому, что ваше величество выглядите такимъ здоровымъ.

— Радуюсь, что вы это находите. Но я уже не тотъ, что былъ прежде, и начинаю становиться старымъ инвалидомъ. Грудь моя не въ порядкѣ. Я долженъ иногда черезъ силу держаться на ногахъ. Событія начинаютъ меня старить. Но въ одномъ я никогда не состарѣюсь, въ борьбѣ съ революціею, которая всѣмъ теперь залѣзла въ голову. Пока я живъ— она меня не одолѣетъ. Такъ вы, какъ мнѣ сказалъ Раухъ, ни за что не хотите здѣсь играть? Жаль, но я это понимаю. Мой нѣмецкій театръ не важенъ, хоть я и не жалѣю денегъ, чтобы сохранить императрицѣ это воспоминаніе объ ея родинѣ. Но говорятъ, теперь есть у насъ артистка изъ Берлина, которую публика находитъ очень красивой [1]). Но мнѣ и женѣ моей, намъ однимъ, вы все же сыграете что-нибудь?

— Я ни къ чему не подготовленъ, ваше величество, и думалъ прожить здѣсь исключительно въ качествѣ военнаго туриста и нѣсколько разсчитывая на сообщенія для «Друга солдата»...

— Но мнѣ очень бы хотѣлось снова посмѣяться, потому что это такъ рѣдко мнѣ приходится. Я знаю, что вы пріѣхали только для моихъ войскъ, но если вы даже не хотите сыграть для моего удовольствія, то женѣ моей вы отказать не можете.

Я молча поклонился и испросилъ разрѣшенія съ особаго высочайшаго соизволенія осмотрѣть всѣ военныя достопримѣчательности, что и было мнѣ обѣщано вполнѣ. Потомъ императоръ много еще говорилъ о Берлинѣ, спрашивалъ о военныхъ предметахъ, удивлялся моему основательному знакомству

---

[1]) Дѣвица Бауэргорстъ, впослѣдствіи г-жа фонъ Берендорфъ.
Прим. Шнейдера.

съ русскою военною литературою, въ особенности съ недавно вышедшимъ русскимъ росписаніемъ чиновъ и расквартированій, о которомъ онъ забылъ, и, отпуская меня, сказалъ: «Теперь у меня служба. Я долженъ выбрать 600 рекрутъ въ гвардію. Надѣюсь скоро увидѣть васъ снова. Позаботьтесь объ этомъ,Раухъ!»

Изъ Зимняго дворца генералъ Раухъ повезъ Шнейдера на Елагинъ для передачи Императрицѣ привезеннаго послѣднимъ письма отъ младшаго брата ея, принца Альбрехта. Государыня приняла его, стоя въ сѣняхъ дворца—она готовилась выѣхать и экипажъ ждалъ у подъѣзда—но крайне милостиво упрекнула за нежеланіе играть въ Петербургѣ, разспрашивала о Берлинѣ, о театрѣ о знакомыхъ лицахъ, замѣтивъ, что покойный король, отецъ ея, много разсказывалъ ей о Шнейдерѣ и что императоръ Николай самаго выгоднаго о немъ мнѣнія. Ея величество заключила обращенною къ Рауху просьбою привести Шнейдера въ Петергофъ, куда дворъ долженъ былъ переѣхать на слѣдующій день.

Въ Петергофѣ «Другъ солдата» присутствовалъ при ученьѣ, произведенномъ государемъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскому полку, и былъ допущенъ къ подробному осмотру казармъ какъ этого, такъ и другого, расположеннаго въ томъ же городѣ кавалерійскаго полка, лейбъ-уланскаго. Въ Петербургѣ ему показали арсеналъ и пригласили присутствовать при одномъ изъ экзаменовъ артиллерійскаго училища. Въ Царскомъ Селѣ онъ былъ свидѣтелемъ высочайшаго смотра четыремъ гренадерскимъ и двумъ коннымъ полкамъ, пришедшимъ изъ Новгородской губерніи для несенія караульной службы въ столицѣ, ни время пребыванія гвардейскаго корпуса въ красносельскомъ лагерѣ. На этомъ послѣднемъ смотру, императоръ Николай подъѣхалъ къ нему и пожурилъ за нѣсколько безтактное выраженіе, вырвавшееся у него при обозрѣніи обмундировки конно-гренадеръ. Шнейдеру показалось что, выхваляя предъ нимъ достоинство сѣрой шинели русскихъ нижнихъ чиновъ, наши офицеры слишкомъ настаивали на преимуществахъ ея предъ прусскою шинелью синяго цвѣта, и когда ему замѣтили, что одно изъ отличительныхъ свойствъ русской войлочной шинели — непромокаемость, такъ что нужно три недѣли, чтобы промочить ее насквозь, задѣтый за живое прусакъ быстро возразилъ: «а сколько мѣсяцевъ понадобится, чтобы ее снова

высушить?» Ласково, но не безъ ироніи, государь далъ понять Шнейдеру неумѣстность этой выходки, о которой тотчасъ же было доведено до свѣдѣнія его величества. «Къ счастью,» сказалъ онъ, «нѣтъ дождя, а то вы высказали слишкомъ рѣзкое сужденіе о шинели моихъ солдатъ. Но она вовсе не такъ плоха; взгляните на нее попристальнѣе: цвѣтъ свѣтло-сѣрый лучше для войны, нежели темный цвѣтъ вашей солдатской шинели. Послѣ трехдневнаго бивака среди вспаханнаго поля не останется никакихъ слѣдовъ на шинеляхъ моихъ солдатъ, прусскіе же солдаты не выносятъ грязнаго бивака. Любопытно, что-то вы напечатаете о моихъ гренадерскихъ полкахъ? У васъ такой строгій взглядъ, что, право, слѣдуетъ опасаться г. критика. Впрочемъ, въ воскресенье я тоже буду критиковать».

Послѣднія слова государя относились къ назначенному на слѣдующее воскресенье спектаклю въ придворномъ театрѣ въ Петергофѣ, спектаклю, въ которомъ долженъ былъ принять участіе и Шнейдеръ. Предположено было дать французскую комедію въ двухъ дѣйствіяхъ для дебюта только-что ангажированной на Михайловскую сцену г-жи Вольнисъ и двѣ одноактныя нѣмецкія пьесы самого Шнейдера: «Странствующій студентъ» и «Der Kurmärker und die Pikarde». Послѣдняя пьеса представляетъ эпизодъ изъ эпохи пребыванія прусскихъ войскъ во Франціи въ 1814 году, и въ ней всего два дѣйствующія лица: солдатъ прусскаго ландвера и французская крестьянка. Перваго исполнялъ Шнейдеръ, роль второй согласилась сыграть актриса нашей французской труппы г-жа Эстеръ, вслѣдствіе чего авторъ и главный исполнитель въ особенности разсчитывалъ на успѣхъ именно этой пьесы. Болѣзненное самолюбіе его было поэтому сильно задѣто, когда въ самый день спектакля онъ узналъ, что она дана не будетъ, такъ какъ императрица, будучи нездорова, не можетъ долго оставаться въ театрѣ. Шнейдеру почудилось, что распоряженіе это—результатъ интриги, направленной противъ него никѣмъ инымъ, какъ директоромъ императорскихъ театровъ Гедеоновымъ, будто бы заподозрившимъ его въ намѣреніи помимо дирекціи получить ангажементъ въ петербургскую нѣмецкую труппу. Чтобы пособить горю, онъ не задумался обратиться къ самому государю, съ которымъ случайно встрѣтился за нѣсколько часовъ до спектакля. Приводимъ простодушный, но любопытный разсказъ объ этомъ самого Шнейдера, какъ доказательство

утонченной деликатности Николая Павловича по отношенію къ человѣку, котораго онъ, не смотря на званіе актёра, все же считалъ своимъ гостемъ.

«Незадолго до начала представленія, я шелъ въ зданіе театра чрезъ паркъ,—нечего и описывать, въ какомъ настроеніи. Но помощь была недалека. Близъ самаго театра вдругъ я вижу сворачивающими изъ главной въ боковую аллею дрожки императора, стремящіяся съ быстротой молніи. Спереди кучеръ, правящій безподобнымъ орловскимъ рысакомъ, на сидѣньи позади его—императоръ, одинъ, не смотря на палящій зной, въ извѣстной своей сѣрой шинели. Почтительно становлюсь я у края дороги, снимаю шляпу и кланяюсь. Но когда императоръ, проѣзжая мимо, спросилъ: какъ живется, Шнейдеръ! я быстро отвѣчалъ, и теперь еще не знаю, какъ это мнѣ пришло въ голову: плохо, ваше величество!

Императоръ взглянулъ на меня съ удивленіемъ. Подобное быстрое увѣреніе въ томъ, что плохо приходится лицу, котораго онъ спрашиваетъ о здоровьѣ, повидимому, до того поразило его, что онъ велѣлъ остановиться и воскликнулъ: какъ такъ плохо?

— Конечно странно, что здѣсь въ Петергофѣ, гдѣ я до нѣкоторой степени являюсь гостемъ вашего величества, мнѣ можетъ приходиться плохо. Но это такъ въ дѣйствительности, и не отъ меня зависитъ измѣнить это. Я не буду имѣть счастія сегодня вечеромъ предстать предъ вашимъ величествомъ въ пьесѣ, которую выбрала ея величество императрица сама и которая навѣрное понравилась бы.

— Ахъ, такъ вотъ въ чемъ дѣло! Да, жена моя не можетъ слишкомъ долго оставаться въ театрѣ. Я слышалъ объ этомъ за обѣдомъ. Вы, надѣюсь, не вообразили, что тутъ какая-нибудь другая причина...

— Я, конечно, нѣтъ, ваше величество, но другіе. Могутъ ли не сказать, что я не понравился императорскому двору, если публично объявленная пьеса не будетъ дана, и ваше величество удалитесь изъ театра тотчасъ послѣ того, какъ я сыграю свою первую роль.

— Но пьеса вовсе и не была объявлена.

— Была, ваше величество, на всѣхъ публично выставленныхъ афишахъ, конечно, не на тѣхъ, которыя предназначены

для двора. Не угодно ли вашему величеству проѣхать мимо театра—тамъ прибита афиша.

— Такъ, такъ! Ну, это другое дѣло! Если мы уйдемъ,—это можетъ повредить вашей репутаціи. Гмъ! Нѣчего дѣлать, на этотъ разъ жена моя должна выдержать. Если бы я даже предложилъ вамъ играть пьесу послѣ ухода императрицы, то вамъ пришлось бы играть безъ публики, такъ-какъ мнѣ нужно провожать жену, а коль скоро мы выйдемъ, въ театрѣ не останется ни одной души.

— Въ томъ-то и дѣло, ваше величество. Оттого-то мнѣ и приходится плохо!

— Ну! какъ-нибудь мы ужь найдемъ средство, чтобы пособить горю. Не говорите никому ничего. Подъ этимъ, быть можетъ, скрывается что-либо иное. Но положитесь на меня: вы не уѣдете изъ Петергофа недовольнымъ!

— Теперь, конечно, нѣтъ! И когда сегодня вечеромъ ваше величество услышите мои куплеты, то и ваше величество узнаете, почему?

— Увидимъ! Прощайте!»

Разумѣется, пьеса: Der Kurmärker und die Picarde была дана, государь и императрица оставались до конца спектакля, окончившагося послѣ 11 часовъ, и во все продолженіе вечера его величество первый подавалъ сигналъ къ рукоплесканіямъ. Шнейдеру пожалованъ былъ великолѣпный царскій подарокъ—брилліантовый перстень, и онъ самодовольно торжествовалъ воображаемую побѣду надъ Гедеоновымъ. На другой же день гвардія выступила въ Красносельскій лагерь. Шнейдеръ былъ допущенъ въ качествѣ внимательнаго зрителя ко всѣмъ происходившимъ тамъ ученьямъ и маневрамъ. Не безъ удовольствія замѣчаетъ онъ въ своихъ Запискахъ, что, встрѣчаясь съ нимъ въ Красномъ, государь ни разу не заводилъ уже рѣчи о театрѣ, но выражалъ любопытство узнать, что сообщитъ «Другъ солдата» о нашемъ лагерномъ сборѣ. 21 іюня (3 іюля), обласканный и щедро одаренный ихъ величествами, Шнейдеръ оставилъ Петербургъ.

Революціонная оргія, разыгравшаяся на улицахъ Берлина весною и лѣтомъ 1848 года, самымъ неожиданнымъ образомъ отразилась на судьбѣ Шнейдера. На столбцахъ консервативныхъ газетъ и даже на общественныхъ сходкахъ онъ выступилъ горячимъ противникомъ разрушительныхъ ученій. По-

слѣдствіемъ было гоненіе, воздвигнутое на него демагогическими клубами, господствовавшими надъ берлинскою чернью и вліяніе свое простиравшими даже на народившееся изъ уличныхъ баррикадъ либеральное правительство. Шумныя демонстраціи за и противъ идей, отстаиваемыхъ Шнейдеромъ, происходили предъ его домомъ. При этихъ условіяхъ интендантъ королевскихъ театровъ нашелъ нужнымъ предложить ему удалиться на время изъ Берлина. Въ Гамбургѣ, куда отправился Шнейдеръ, онъ, при появленіи на сценѣ, былъ ошиканъ и освистанъ разъяренною враждебною толпою. Это побудило его окончательно оставить театръ и просить объ увольненіи какъ отъ должности режиссера оперы, такъ и вовсе изъ состава придворной драматической труппы.

Въ эту трудную для него минуту, лишенный всякихъ средствъ къ прокормленію себя и семьи своей, такъ-какъ посреди всеобщаго возбужденія одна литературная дѣятельность не могла служить ему достаточнымъ обезпеченіемъ, Шнейдеръ воззвалъ къ покровительству и помощи императора Николая. Онъ написалъ государю письмо, въ которомъ просилъ дать ему какое-либо назначеніе, и получилъ въ отвѣтъ приглашеніе прибыть въ Петербургъ. Но онъ не послѣдовалъ этому приглашенію, потому-что въ это самое время предъ нимъ, наконецъ, открылась та придворная карьера, къ которой онъ стремился, о которой постоянно мечталъ въ продолженіе всей своей жизни.

Усиліямъ въ его пользу генерала Рауха, недавно вызваннаго въ Берлинъ для замѣщенія вліятельной должности генералъ-адъютанта короля, удалось осенью 1848 года пристроить Шнейдера ко двору, въ качествѣ чтеца его величества. Обязанность его состояла въ томъ, чтобы являться во дворецъ каждую субботу и въ присутствіи короля, королевы и самаго близкаго къ нимъ кружка приглашенныхъ лицъ читать вслухъ, по заранѣе составленной программѣ, все, что могло представлять интересъ для Фридриха-Вильгельма IV, какъ извѣстно, большаго любителя и знатока литературы и искусствъ. Умѣлымъ выборомъ статей, предназначенныхъ для чтенія, Шнейдеръ успѣлъ заинтересовать короля до такой степени, что вскорѣ тотъ уже не могъ обходиться безъ своего чтеца, ставшаго его неразлучнымъ спутникомъ на охотѣ, манёврахъ, въ путешествіяхъ по внутреннимъ областямъ и даже при посѣщеніи иностранныхъ дворовъ. Нужно отдать справедливость Шнейдеру:

программы его чтеній были составлены всегда занимательно и отличались большимъ разнообразіемъ. Въ нихъ произведенія классическихъ писателей чередовались со статьями, посвященными преходящей злобѣ дни, повѣсти и разсказы—съ историческими изслѣдованіями, патріотическія стихотворенія —съ юмористическими сценами. Читалъ онъ мастерски и въ то же время держалъ себя безпритязательно и скромно, что несомнѣнно, содѣйствовало возрастанію расположенія къ нему короля, осыпавшаго милостями новаго своего любимца. Послѣ чтенія Шнейдера постоянно оставляли ужинать во дворцѣ, сначала за отдѣльнымъ столомъ вмѣстѣ съ дежурнымъ камергеромъ и адъютантомъ, а въ отсутствіе королевы—за столомъ его величества. Въ началѣ 1850 года ему былъ пожалованъ орденъ Краснаго Орла 4-й степени, а къ осени и чинъ придворнаго совѣтника (Hofrath). Съ 1851 года онъ былъ уже допущенъ къ ужину за высочайшимъ столомъ. даже въ присутствіи королевы,—почесть, дотолѣ еще никогда неоказанная при прусскомъ дворѣ лицу недворянскаго происхожденія. Въ томъ же году, осенью, онъ получилъ орденъ Гогенцоллернскаго дома. Въ одномъ только не везло Шнейдеру. Болѣе пяти лѣтъ онъ долженъ былъ отправлять свои обязанности безвозмездно. Король не назначалъ ему жалованья и лишь одинъ разъ подарилъ 60 фридрихсдоровъ на покрытіе издержекъ по какому-то совершенному съ нимъ путешествію. Наконецъ, въ 1854 году, Шнейдеру опредѣлено постоянное содержаніе въ размѣрѣ 500 талеровъ въ годъ, а за истекшія пять лѣтъ онъ получилъ 1,500 талеровъ въ единовременное вознагражденіе. Тогда же имя его было включено къ государственный календарь, вслѣдъ за именемъ тайнаго камеръ-фурьера и выше библіотекаря. Этимъ устранялись всѣ церемоніальныя затрудненія, истекавшія изъ вопросовъ этикета, и узаконялось положеніе при дворѣ королевскаго чтеца.

Шнейдеръ едва-ли имѣлъ бы возможность такъ долго и терпѣливо ждать назначенія жалованья, если бы у него не было иныхъ средствъ къ существованію, кромѣ пенсіи по званію бывшаго придворнаго актёра и довольно скуднаго литературнаго заработка. Къ счастью для него, еще въ 1848 году, онъ получилъ отъ одного изъ издателей «Сѣверной Пчелы», Н. И. Греча, предложеніе поставлять въ эту газету по корреспондеціи въ недѣлю о ходѣ политическихъ дѣлъ въ Прус-

сіи за ежегодное вознагражденіе въ 1,200 рублей. Впрочемъ, письма его далеко не всѣ печатались въ Пчелѣ, а представлялись Гречемъ императору Николаю, изъ собственныхъ суммъ котораго выплачивался и гонораръ автору, независимо отъ драгоцѣннаго перстня, посылаемаго ему каждый годъ въ видѣ уплаты за абонементъ государя на «Другъ солдата». Заключавшееся въ этихъ письмахъ описаніе берлинскихъ событій въ смутное время 1848—49 годовъ до того пришлось по душѣ Николаю Павловичу, что онъ въ дружескомъ письмѣ къ генералу Рауху выразилъ такое мнѣніе: «Нынѣ осталось всего только три добрыхъ пруссака: это—я, вы, любезный Раухъ, и Шнейдеръ». Шнейдеръ не переставалъ быть довѣрительнымъ корреспондентомъ нашей царской семьи до самаго конца своей жизни, и сообщаемыя имъ свѣдѣнія пріобрѣтали тѣмъ бо̀льшій интересъ и значеніе, чѣмъ прочнѣе и вліятельнѣе становилось личное положеніе его въ непосредственной близости Фридриха-Вильгельма IV.

Въ новомъ званіи придворнаго совѣтника и чтеца императоръ Николай впервые увидалъ своего восторженнаго и преданнаго почитателя въ Варшавѣ, куда весною 1851 года прибылъ прусскій король для примиренія послѣ трехлѣтней размолвки съ царственнымъ своимъ зятемъ. Однажды вечеромъ, въ Скѣрневицкомъ за̀мкѣ, Шнейдеръ ожидалъ въ одной изъ залъ приказанія начать обычное чтеніе, какъ вошелъ государь и послѣ нѣкоторыхъ общихъ замѣчаній вдругъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Скажите мнѣ, Шнейдеръ, какъ могъ король преодолѣть себя и снова возвратиться въ революціонный Берлинъ?» Слова эти относились къ принятому Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV рѣшенію зимою 1850—51 годовъ покинуть Потсдамъ, служившій ему постояннымъ мѣстопребываніемъ со времени революціонныхъ дней 1848 года и снова поселиться въ столицѣ.

«Я былъ въ большомъ затрудненіи», читаемъ въ Запискахъ Шнейдера, «что слѣдовало мнѣ отвѣчать на этотъ странный вопросъ, поставленный безъ всякой связи съ предшедшими, такъ-какъ въ немъ явно заключалось порицаніе моему августѣйшему государю, допустить которое я не могъ изъ устъ другого монарха. Чувство внушило мнѣ, я думаю, болѣе правильный отвѣтъ, чѣмъ тотъ, на который навело бы меня размышленіе.

— Не знаю, ваше императорское величество, потому-что у меня нѣтъ шестнадцати милліоновъ подданныхъ. Самъ я до сего времени не возвращался на жительство въ революціонный Берлинъ и не думаю туда возвратиться. Но монархъ обязанъ принимать въ соображеніе не одни свои желанія. Ваше императорское величество знаете это лучше меня, ибо ставите мнѣ этотъ вопросъ *въ Варшавѣ*...

До сихъ поръ взоръ императора всегда представлялся мнѣ ласковымъ и благосклоннымъ, порою серіознымъ и повелительнымъ передъ войсками; теперь же узналъ и я во истину страшное выраженіе этихъ обыкновенно прекрасныхъ большихъ очей. Императоръ бросилъ на меня взглядъ, который я никогда не забуду, измѣрилъ меня имъ съ головы до ногъ, какъ бы не постигая, какимъ образомъ нашелся человѣкъ, осмѣлившійся такъ отвѣтить ему, и затѣмъ отвѣчалъ не тотчасъ, но съ рѣшительнымъ движеніемъ руки: «Но я задавилъ революцію въ Варшавѣ!» (слова эти были сказаны по-русски).

— Конечно такъ, ваше императорское величество, но и у насъ, въ Пруссіи, мой всемилостивѣйшій государь справится съ нею. Только онъ прибѣгаетъ къ иному средству лѣченія: онъ возбуждаетъ къ ней отвращеніе.

— Это мы увидимъ!

Годъ спустя, императоръ Николай отдавалъ въ Потсдамѣ зятю своему прошлогоднее посѣщеніе. Увидавъ Шнейдера, онъ сказалъ ему, припомнивъ и происходившій въ Скѣрневицахъ разговоръ: «Вы были правы. Я сегодня долго оставался въ Берлинѣ и не видѣлъ и слѣда мятежа. Король побѣдилъ его. Но моя система все же лучше».

«При словахъ: вы были правы,»—повѣствуетъ Шнейдеръ,—«императоръ ласково протянулъ мнѣ руку, но вслѣдъ затѣмъ лицо его вновь приняло грозное, серіозное выраженіе, недопускавшее никакихъ возраженій».

Еще одинъ разъ, въ послѣдній, суждено было Шнейдеру увидать императора Николая, въ самую тяжкую эпоху его жизни. То было въ сентябрѣ 1853 года, въ Ольмюцѣ, гдѣ при свиданіи императоровъ русскаго и австрійскаго долженъ былъ присутствовать принцъ Прусскій Вильгельмъ, взявшій съ собою и Шнейдера. Выписываемъ у него дословно оживленное и характерное изложеніе этого эпизода.

«Такъ какъ въ этомъ присутствіи я былъ лишь въ свитѣ

принца, но ничего не представлялъ изъ себя оффиціально, то и не имѣлъ случая находиться вблизи императора. Война ввергла всю дипломатическую и военную свиту государей въ большое волненіе. Императоръ видѣлъ меня при многихъ случаяхъ, на манёврахъ, во время полевой обѣдни, при взрывѣ минъ посредствомъ гальванической проволоки, и каждый разъ ласково кивалъ мнѣ головою; но говорилъ со мною онъ всего одинъ разъ въ своей пріемной, до которой довелъ его императоръ австрійскій, по возвращеніи съ манёвровъ. Я былъ позванъ къ графу Грюнне [1]), который не возвращался съ манёвровъ, и въ ожиданіи его осматривалъ растворенныя залы, какъ вдругъ раздался кликъ: «Императоры идутъ!» Я не могъ уже спуститься по лѣстницѣ, ибо въ такомъ случаѣ я именно встрѣтился бы съ ними, а потому всталъ въ пріемной за дверью, чтобы не быть замѣченнымъ. Императоръ Францъ-Іосифъ вошелъ, раскланиваясь, въ пріемную и сопровождалъ императора Николая до противолежащей двери; затѣмъ пошелъ назадъ, снова сошелъ внизъ по лѣстницѣ, пока императоръ Николай оставался стоя на порогѣ своей двери и долженъ былъ меня замѣнить.

— Что вы тамъ дѣлаете за дверью, Шнейдеръ? Хотите вы говорить со мною?

— Мнѣ этого не разъ хотѣлось бы, ваше величество; но желанія мало, нужно еще имѣть и поводъ. Графъ Грюнне приказалъ мнѣ прійти сюда, а такъ какъ залы были пусты, то я и позволилъ себѣ взглянуть на картины.

— Вы также находите, что австрійская армія въ послѣдніе годы невѣроятно улучшилась? Я просто въ удивленіи. Никакого сравненія съ тѣмъ, что она была до 1848 года.

— Императорская армія находится нынѣ въ томъ же переходномъ состояніи, въ какомъ была армія прусская послѣ Наполеоновскихъ войнъ: уничтоженіе наказанія палками, воздѣйствіе на чувство чести, почетныя отличія для нижнихъ чиновъ, книги. Этимъ объясняются и одинаковыя послѣдствія.

— Всего этого еще нельзя примѣнить ко всѣмъ арміямъ. У каждой свои національныя особенности, и она должна сохранить ихъ, если нужно ей дѣйствовать. Отчего вы сопро-

---

[1]) Старшій генералъ-адъютантъ, завѣдывавшій военною канцеляріею императора австрійскаго.

вождаете принца? Такъ же ли онъ расположенъ къ вамъ, какъ и король? Это бы меня очень порадовало.

— Его королевское высочество пожелалъ видѣть въ газетахъ точные и прежде всего свѣдущіе военные отчеты о своей инспекторской поѣздкѣ, такъ какъ онъ не можетъ равнодушно относиться къ ложнымъ или даже злонамѣреннымъ отзывамъ объ осмотрѣ прусскимъ принцемъ австрійскихъ войскъ.

— Такъ! такъ! Добрый признакъ, что и король, и принцъ одновременно о васъ хорошаго мнѣнія. Это рѣдко случается. Впрочемъ я надѣюсь, что въ скоромъ времени и моя армія доставитъ вамъ случай къ отчетамъ съ поля сраженія. Дѣло выглядитъ такъ, какъ будто нѣкоторые господа снова желаютъ получить урокъ въ Россіи. Прочтите, что говоритъ Пушкинъ въ стихотвореніи своемъ: «*Клеветникамъ Россіи*». Вѣдь вы сами перевели его. Теперь прощайте. У меня служба!

Съ этими словами императоръ направился къ двери, но снова обернулся и, улыбаясь, сказалъ: «Спасибо вамъ за «европейскаго Реннебоома!»

То были послѣднія слова, слышанныя мною отъ императора Николая, и я остановился въ столбнякѣ, рѣшительно не постигая, что онъ этимъ хотѣлъ сказать. Наконецъ, припомнилъ я, что въ то время, когда Пруссія и Австрія противостояли другъ другу, раздраженныя и враждебныя до того, что близкая война между ними представлялась неизбѣжною, я выразилъ одному изъ моихъ петербургскихъ друзей сожалѣніе по поводу этихъ отношеній и порадовался словамъ императора: «На полѣ битвы, гдѣ Австрія и Пруссія противостанутъ другъ другу, явлюсь и я со своею арміею и стану между обѣихъ. Я посмотрю, какъ это не удастся мнѣ помѣшать этой настоящей querelle allemande». Какъ сказано выше, я выразилъ свою радость по поводу такого рѣшенія императора, ибо я былъ убѣжденъ, что онъ его приведетъ въ исполненіе, и въ дружески-шутливомъ тонѣ писалъ: «Весь споръ представляется мнѣ въ видѣ берлинскаго анекдота о Реннебоомѣ, о которомъ бродяга разсказываетъ: «Вчера, вечеромъ, мы были у Реннебоома. Приходитъ Леманъ и начинаетъ ругаться. Я ему въ рожу. Леманъ же не плошаетъ и хвать меня по рожѣ. Пока мы, какъ нельзя лучше, ударяемъ другъ друга, приходитъ Реннебоомъ, даетъ намъ каждому по затрещинѣ и выбрасываетъ вонъ!» Вы видите, любезный другъ, нашъ императоръ

на пути къ тому, чтобы стать европейскимъ Реннебоомомъ. Онъ каждому изъ насъ даетъ по затрещинѣ! Но мы не дадимъ ему выбросить себя за дверь!» Мнѣ и во снѣ не снилось, чтобы и это дружеское письмо и шутка могли дойти до свѣдѣнія императора. Когда же я написалъ нѣсколько нескромному другу и сообщилъ ему выраженіе императора, то узналъ, что оно взаправду относилось къ этимъ шуточнымъ словамъ. Всего страннѣе то, что императоръ сказалъ мнѣ это въ Ольмюцѣ, три года послѣ конференціи, положившей здѣсь конецъ означенной querelle allemande».

Когда началась Восточная война, Шнейдеръ, отправляя къ императору Николаю экземпляръ своего «Друга солдата» за 1853 годъ, писалъ государю: «Почтительнѣйше прошу ваше величество приказать не вручать мнѣ за это, какъ въ прежніе годы, драгоцѣннаго почетнаго подарка, ибо удручающее чувство вызвалъ бы во мнѣ подарокъ, полученный за литературную работу въ такое время, когда Россія несетъ столь тяжелыя жертвы. Если же это противорѣчитъ установленному по сему предмету вашимъ величествомъ правилу, то я всепокорнѣйше прошу опредѣленную на то сумму приказать доставить храбрымъ раненымъ подъ Ольтеницею, или не счесть за непочтительный и неблагодарный поступокъ, если самъ я это сдѣлаю». Вмѣсто обычнаго перстня, императоръ Николай пожаловалъ Шнейдеру орденъ Св. Станислава 3-й степени.

Шнейдеръ признается, что послѣдовавшая 18 февраля 1855 года кончина его благодѣтеля произвела на него впечатлѣніе, которое можетъ сравниться лишь съ чувствомъ печали, испытанной имъ въ день смерти отца его и короля Фридриха-Вильгельма III. Память императора Николая онъ почтилъ прочувствованною біографіею его, напечатанною въ мартовскомъ выпускѣ «Друга солдата» за 1855 годъ [1]).

По кончинѣ Фридриха-Вильгельма IV, братъ его сохранилъ вѣрному и преданному слугѣ прежнее положеніе при особѣ короля, и Шнейдеръ также точно пребывалъ неотлучно при новомъ королѣ, какъ и при его предшественникѣ. Онъ сопровождалъ его въ оба побѣдоносные похода, австрійскій и французскій, и былъ вблизи свидѣтелемъ великихъ міровыхъ событій, видоизмѣнившихъ политическую поверхность современной

---

[1]) Съ 1848 года «Другъ солдата» преобразованъ изъ еженедѣльнаго изданія въ ежемѣсячное.

Европы. Но сердце королевскаго чтеца не лежало къ перемѣнамъ, совершавшимся на глазахъ его, и онъ оставался до конца вѣренъ тѣмъ идеаламъ, служенію которымъ посвятилъ всю жизнь свою. Ему жаль было старой Пруссіи, не смотря на то, что исчезала она въ ослѣпительномъ сіяніи великой Германіи, объединенной подъ властью Гогенцоллернскаго дома. Не могъ онъ также сочувствовать и средствамъ, коими былъ достигнутъ этотъ колоссальный результатъ. Отсюда, быть можетъ, и нерасположеніе его къ главному виновнику нѣмецкаго единства, о которомъ онъ почти не упоминаетъ въ трехтомныхъ своихъ запискахъ. Отъ князя Бисмарка не укрылось враждебное къ нему отношеніе королевскаго чтеца, давно уже впрочемъ лишившагося всякаго вліянія на ходъ политическихъ дѣлъ. Въ 1871 году, въ Версалѣ, онъ рѣзко замѣтилъ ему, что въ качествѣ высшаго сановника въ государствѣ канцлеръ въ правѣ ожидать отъ него перваго поклона. Шнейдеръ отвѣчалъ съ твердостью, гордо поднявъ голову: «Мнѣ кажется, что изъ насъ обоихъ старшій—я».

Луи Шнейдеръ умеръ въ Берлинѣ, въ 1878 году, завѣщая женѣ своей и дѣтямъ свято хранить, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, полученное отъ императора Александра Николаевича на память о Незабвенномъ, принадлежавшій ему платокъ, гипсовую маску Николая Павловича, двѣ свѣчи, служившія при отпѣваніи императрицы Александры Ѳеодоровны, и адресъ, подписанный 31 членомъ свиты покойнаго государя, съ выраженіемъ благодарности за упомянутую выше, составленную Шнейдеромъ, его біографію.

II.

До Калиша.

Значеніе войнъ 1813—1815 годовъ.—Сближеніе союзныхъ армій.—Тѣсная связь нашихъ войскъ съ прусскими.—Вліяніе ея на великаго князя Николая Павловича.—Помолвка его.—Милостивое расположеніе его къ прусской арміи.—Назначеніе шефомъ 3-го (впослѣдствіи 6-го) кирасирскаго полка.—Манёвры и смотръ.—Посѣщеніе великимъ княземъ и великою княгинею берлинскаго двора въ 1820—21 годахъ.—Знакомство съ организаціею и служебными порядками прусской арміи.—Офицерскіе манёвры.—Подарокъ и рескриптъ великой княгини 6-му кирасирскому полку.—Кончина императора Александра I.—Прибытіе въ Берлинъ русской императорской четы лѣтомъ 1829 года.—Посѣщеніе 6-го кирасирскаго полка императрицею Александрою Θеодоровною въ Сибилленортѣ, въ Силезіи.—Пріѣздъ туда же императора Николая.—1830-й годъ.—Миссіи фельдмаршалаграфа Дибича и генерала Нейдгардта.—Прусская военная депутація при открытіи Александровской колонны въ Петербургѣ.—Рѣчь государя.—Торжество освященія.—Императоръ Николай въ Берлинѣ осенью 1834 года.—Вызовъ туда 6-го кирасирскаго полка.

Какъ ни страдаютъ обыкновенно отсутствіемъ искренности и взаимнаго доброжелательства побудительныя причины и тайные двигатели международныхъ союзовъ, не подлежитъ сомнѣнію, что связь, устанавливающаяся между союзными войсками на полѣ общаго сраженія, является связью дѣйствительною, скрѣпленною совмѣстно одержаннымъ успѣхомъ или общею неудачею, а потому и содѣйствующею сближенію государей, правительствъ и народовъ. Войны 1813—15 годовъ установили именно такую связь между арміями русскою, австрійскою и прусскою, и нагляднымъ выраженіемъ ея явился обмѣнъ полковъ между союзными монархами. Каждый изъ нихъ назначилъ обоихъ сподвижниковъ шефомъ одного изъ полковъ своей арміи, и съ этого времени существуетъ и донынѣ обычай, что при свиданіяхъ между собою, государи русскій, австрійскій и прусскій облекаются въ мундиры подлежащихъ полковъ, коихъ состоятъ шефами въ арміяхъ сосѣднихъ государствъ.

Отъ этого еще далеко до того порядка, о которомъ мечталъ императоръ Александръ I, высказывая мнѣніе, что арміи трехъ союзныхъ монархій должны въ сущности быть составными частями одной арміи «праваго дѣла», но при всей своей великодушной отвлеченности, мысль Благословеннаго ясно

выражаетъ настроеніе, господствовавшее при нашемъ дворѣ въ ту эпоху, когда великій князь Николай Павловичъ начиналъ свое военное поприще.

То было въ 1814 году, въ покоренномъ Парижѣ, среди котораго ему осязательно представлялись плоды общаго дѣйствія союзныхъ войскъ. Братство по оружію, связывавшее нашу армію съ прусскою, было еще ближе, тѣснѣе, чѣмъ связи, соединявшія ее съ австрійскою арміею. Союзъ нашъ съ Пруссіею задолго предшествовалъ заключенію тройственнаго союза; прусская территорія была освобождена нами отъ французскаго занятія; во все продолженіе войны наши полки сражались бокъ-о-бокъ съ прусаками, взаимно поддерживая и защищая другъ друга. Искреннѣе и задушевнѣе была дружба, соединявшая императора Александра съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, чѣмъ съ австрійскимъ императоромъ. Наконецъ, не могло изгладиться изъ памяти молодаго великаго князя, что на полѣ Лейпцигскаго боя зародилась впервые мысль о соединеніи брачными узами царственныхъ домовъ Романовыхъ и Гогенцоллерновъ—мысль, которой онъ былъ обязанъ семейнымъ своимъ счастіемъ, и что самая помолвка его произошла въ день празднованія въ Берлинѣ прохожденія чрезъ прусскую столицу русской гвардіи, возвращавшейся въ отечество послѣ побѣдоноснаго французскаго похода.

Все это достаточно объясняетъ причины, по которымъ во все продолженіе своей жизни, и до и послѣ вступленія на престолъ, Николай Павловичъ вносилъ въ отношенія свои къ прусской арміи теплое чувство участія и привязанности, истинно родственное чувство. Совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу его нѣмецкій біографъ, прусскій военный журналистъ Шнейдеръ: «*Императоръ*,—такъ въ продолженіе многихъ лѣтъ привыкли называть въ прусской арміи русскаго императора,—былъ дѣйствительно, въ долгій и благословенный періодъ своего царствованія, искреннимъ другомъ прусской арміи; онъ неоднократно не только высказывалъ, но и доказывалъ, что гордится принадлежностью къ ея составу, и нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы монархъ чужой и могущественной сосѣдней страны такъ постоянно—въ продолженіе 38 лѣтъ, съ 1817 по 1855 годъ—подобно ему, свидѣтельствовалъ о своей любви и привязанности къ нашей или вообще къ какой-либо другой арміи». Тотъ же писатель въ слѣдую-

щихъ словахъ характеризуетъ отношенія императора Николая къ прусскимъ войскамъ: «Если къ гордому сознанію приводитъ прусскую армію то обстоятельство, что владѣтельные князья небольшихъ государствъ вмѣняютъ себѣ въ честь служить въ ней генералами и водить ее къ побѣдамъ или дѣлить съ ней невзгоды, то конечно не менѣе радостно для нея, что обладатель 70 милліоновъ подданныхъ, въ теченіе столь долгаго ряда лѣтъ, никогда не измѣнилъ своего расположенія къ ней, пользовался каждымъ случаемъ, чтобы доказать передъ лицомъ всего міра, что онъ любитъ ее и почитаетъ и охотно пребываетъ въ ея средѣ; что онъ со вниманіемъ слѣдитъ за всѣми улучшеніями, вводимыми въ нее съ теченіемъ времени, и многія изъ нихъ вводитъ въ собственную армію; что онъ всегда и постоянно принимаетъ участіе въ ея радостяхъ и горѣ и что онъ сдѣлалъ все зависящее отъ него, дабы поддержать духъ добраго товарищества и взаимнаго уваженія, пріобрѣтенный прусскою и русскою арміями относительно другъ друга во время веденныхъ противъ Наполеона войнъ за освобожденіе. Не разъ заявлялъ императоръ, что онъ считаетъ русскую армію за сильный резервъ прусской, и всегда повторялъ, что радъ признать образцовое устройство прусскаго войска. Прусскіе офицеры во всякое время являлись въ Россіи желанными гостями, и разнообразны до крайности доказательства милости и благосклонности, которыя переживутъ въ прусской арміи *императора*».

Помолвка великаго князя Николая Павловича со старшею дочерью короля Фридриха-Вильгельма III, принцессою Фридерикою-Луизою-Шарлоттою-Вильгельминою была отпразднована въ Берлинѣ 23 октября (4 ноября) 1815 года. Весною 1817 года онъ снова прибылъ въ прусскую столицу для свиданія съ августѣйшею невѣстою. При этомъ случаѣ король назначилъ своего будущаго зятя шефомъ 3-го (впослѣдствіи 6-го) кирасирскаго полка.

1 (13) апрѣля 1817 года полкъ этотъ выступилъ изъ мѣста обычнаго своего расплооженія въ Шёнебекѣ, близъ Магдебурга, и направился въ Потсдамъ. 6 (18) онъ остановился неподалеку отъ этого города, въ мѣстечкѣ Борншединъ. Здѣсь полученъ имъ королевскій приказъ отъ 5 (17) о назначеніи шефомъ полка великаго князя Николая Россійскаго. Представленіе полка новому шефу состоялось въ Потсдамѣ, 8 (20) того

же мѣсяца. Полкъ былъ выстроенъ въ парадѣ, на площади Лустгартенъ, съ фронтомъ, обращеннымъ къ зданію королевскихъ покоевъ. Къ 11 часамъ утра на площадь прибылъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III верхомъ, а по лѣвую руку отъ него, на англійскомъ гнѣдомъ жеребцѣ, ѣхалъ великій князь Николай въ прусскомъ кирасирскомъ мундирѣ, имѣя вмѣсто лядунки оранжевую ленту ордена Чернаго Орла черезъ плечо. Король объяснилъ подскакавшему къ нему командиру полка, что передаетъ полкъ его императорскому высочеству. Тогда великій князь, съ палашомъ наголо, проѣхалъ вмѣстѣ съ королемъ вдоль фронта, причемъ полкъ отдавалъ честь; затѣмъ онъ скомандовалъ «строиться рядами» и провелъ полкъ церемоніальнымъ маршемъ мимо короля. По окончаніи парада, нижніе чины отправились въ казармы, офицеры же собрались вокругъ своего новаго шефа и были поименно представлены ему. Великій князь долго и милостиво разговаривалъ съ ними, выражая свое удовольствіе по поводу пожалованія ему столь отличнаго полка прусской арміи и, вообще, обращаясь съ ними какъ съ товарищами—обычай, отъ котораго онъ, въ отношеніи ихъ, никогда не отступалъ и впредь. Въ этотъ день всѣ офицеры полка были приглашены къ королевскому столу, въ продолженіе котораго игралъ хоръ полковыхъ трубачей. Въ ознаменованіе торжества и по просьбѣ великаго князя, король произвелъ старшаго ротмистра полка, Бюлова, въ сверхкомплектные маіоры, а его высочество самъ подарилъ ему штабсъ-офицерскіе эполеты. Тогда же великій князь пожертвовалъ въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ нижнихъ чиновъ своего полка 150 червонцевъ, которые и были употреблены согласно назначенію.

Полкъ принималъ участіе въ полевыхъ манёврахъ, произведенныхъ въ присутствіи Николая Павловича войсками берлинскаго гарнизона въ окрестностяхъ столицы. По возвращеніи на стоянку въ Гюрнштедтъ, близъ Потсдама, 15 (27) апрѣля, ровно въ часъ пополудни, великій князь нежданно прибылъ въ мѣсто расположенія полка и приказалъ трубить тревогу. Быстрота, съ которою полкъ собрался и выстроился, вызвала живѣйшую похвалу его высочества, высказавшаго особое одобреніе одному изъ эскадроновъ, который прибылъ на мѣсто тревоги въ 10 минутъ. Пропустивъ полкъ мимо себя карьеромъ, великій князь распростился съ нимъ и вскорѣ послѣ того оставилъ Берлинъ.

Три года спустя, а именно зимою 1820—21 годовъ, великій князь снова гостилъ при дворѣ своего тестя, на этотъ разъ уже съ молодою супругою, великою княгинею Александрою Ѳеодоровною. Между тѣмъ, кирасирскій полкъ его былъ переименованъ изъ 3-го въ 6-й и перемѣщенъ изъ Магдебурга въ Бранденбургъ. Оттуда былъ онъ вызванъ весною въ Берлинъ для представленія своему августѣйшему шефу. Его высочество выѣхалъ навстрѣчу полку въ Потсдамъ и во главѣ его вошелъ въ столицу. Штандарты и литавры были отнесены въ королевскій замокъ, въ которомъ жилъ великій князь. Онъ самъ командовалъ полкомъ на парадѣ, происходившемъ 18 (30) марта, въ годовщину взятія Парижа, по случаю открытія на Крестовой горѣ памятника въ честь воиновъ, павшихъ во время войны за освобожденіе.

Въ продолжительное пребываніе свое въ Берлинѣ и окрестностяхъ, съ октября 1820 по августъ 1821 года, Николай Павловичъ внимательно и прилежно изучалъ организацію прусской арміи и введенный въ ней порядокъ военной службы. Такъ, онъ съ интересомъ слѣдилъ за обученіемъ рекрутъ, опредѣленныхъ къ поступленію въ гвардію. Подъ руководствомъ командира лейбъ-роты 1-го гвардейскаго пѣхотнаго полка, капитана (впослѣдствіи генерала и командующаго гвардейскимъ корпусомъ) Мёллендорфа, онъ не только присутствовалъ при ротныхъ ученьяхъ, но вникалъ во всѣ подробности ротнаго хозяйства и службы, интересуясь въ особенности обращеніемъ офицеровъ съ нижними чинами, въ духѣ традиціонной прусской дисциплины. Случалось, что самъ онъ принимался трубить сигналы по командѣ капитана изъ окна потсдамскаго дворца, пока рота производила стрѣлковое ученье предъ дворцомъ, на площади.

По окончаніи весеннихъ манёвровъ, великому князю, близко сошедшемуся съ наслѣднымъ принцемъ и принцемъ Вильгельмомъ, пришло на мысль повторить манёвры съ одними офицерами, чтобы практически ознакомить ихъ со службою въ полѣ нижнихъ чиновъ. Король далъ охотно разрѣшеніе на такую военную забаву, и однажды, послѣ полудня, т. е. по окончаніи гарнизонныхъ ученій, всѣ свободные отъ службы офицеры берлинскаго гарнизона, пѣхотинцы, кавалеристы, артиллеристы, піонеры, въ числѣ около 200 человѣкъ, вызваны были въ Потсдамъ и въ 2 часа выстроились предъ новымъ дворцомъ

въ Сансуси. Они были въ фуражкахъ. Въ Потсдамѣ роздали имъ заимствованные изъ фузелернаго батальона 1-го гвардейскаго пѣхотнаго полка тесаки, сумки и ружья, и раздѣлили ихъ на двѣ партіи, изъ коихъ одна должна была маневрировать противъ другой, причемъ для отличія между собою одна партія сохранила фуражки, другая получила кивера. Къ офицерамъ присоединились всѣ наличные принцы прусскаго королевскаго дома, великій князь и принцъ Георгъ Гессенскій. Штабъ-офицеры должны были исполнять обязанности унтеръ-офицеровъ, а оберъ-офицеры—рядовыхъ, безъ различія родовъ оружія. Первою партіею *(фуражки)* командовалъ генералъ-адъютантъ короля, генералъ Вицлебенъ, а въ его отрядѣ были взводными унтеръ-офицерами наслѣдный принцъ и братъ его принцъ Вильгельмъ. Начальникомъ второй партіи *(кивера)* назначенъ былъ генералъ Блокъ, а у него фланговымъ рядовымъ—Николай Павловичъ. На великомъ князѣ былъ, кромѣ тесака и сумки, ранецъ со всѣми положенными предметами, въ который онъ уложилъ еще порцію риса, для приготовленія себѣ пищи. Въ рукахъ у него было ружье русскаго пѣхотнаго образца. Ранецъ, киверъ и весь кожаный приборъ, бывшіе въ этотъ день на его высочествѣ, донынѣ сохраняются въ складѣ аммуниціи фузелернаго батальона 1-го прусскаго гвардейскаго пѣхотнаго полка.

Продефилировавъ мимо короля, подъ звуки военнаго хора гвардейскаго егерскаго баталіона, оба отряда заняли назначенныя имъ позиціи. Первый отрядъ *(фуражки)* приблизился къ мосту на рѣкѣ, отдѣлявшему его отъ непріятеля, а второй *(кивера)* выставилъ на противоположной сторонѣ ручья сторожевой пикетъ, въ составѣ котораго находился и великій князь. Пока съ обѣихъ концовъ происходили рекогносцировки, великая княгиня и принцессы въ придворномъ экипажѣ, посѣтивъ первый отрядъ, направились ко второму. Стоявшій на часахъ у моста великій князь пропустилъ экипажъ съ ихъ высочествами, но остановилъ слѣдовавшій за нимъ фургонъ съ провизіею и велѣлъ ему ѣхать обратно. Тогда, вынувъ изъ ранца запасъ риса и говядины, онъ самъ приготовилъ его на разложенномъ кострѣ и предложилъ великой княгинѣ раздѣлить съ нимъ его скромный солдатскій ужинъ. Къ вечеру оба отряда сошлись, и между ними завязалась оживленная перестрѣлка. По окончаніи манёвра, они возвратились въ Потсдамъ къ 11 ча-

самъ, въ самомъ веселомъ настроенiи, распѣвая солдатскiя пѣсни.

Эта военная забава было повторена еще однажды до отъѣзда великаго князя. Во второй разъ кавалеристы были на коняхъ, артиллеристы имѣли съ собою небольшое орудiе и даже пѣхотинцы были распредѣлены по своимъ полкамъ. Однимъ отрядомъ командовалъ наслѣдный принцъ, другимъ—генералъ Альвенслебенъ. Николай Павловичъ въ полной походной аммуницiи исправлялъ должность унтеръ-офицера.

По возвращенiи въ Россiю, великая княгиня Александра Ѳеодоровна прислала въ подарокъ полку имени его высочества богато вышитую перевязь на штандартъ, при слѣдующемъ письмѣ на имя полковаго командира:

«Расположенiе государя, моего супруга, къ храброму полку извѣстно вамъ, господинъ полковникъ Цолликоферъ, а такъ какъ я знаю, какую цѣну вы сему придаете, то мнѣ весьма прiятно передать вамъ, вмѣстѣ съ его сердечнымъ поклономъ, увѣренiе, что его участiе и привязанность къ полку столь же искренни, сколько и постоянны. Также точно и я съ отличнымъ уваженiемъ пребываю къ вамъ навсегда благосклонною».

«*Александра*».

Когда пришла въ Берлинъ вѣсть о кончинѣ императора Александра I, король Фридрихъ-Вяльгельмъ III приказалъ наложить трехнедѣльный трауръ на всѣ полки прусской армiи; гренадерскому же полку имени императора предписано было прибыть изъ Берлина въ Потсдамъ для принятiя участiя въ торжественномъ богослуженiи объ упокоенiи души усопшаго шефа. Полкъ пришелъ въ Потсдамъ 10 (22) декабря 1825 года и на слѣдующiй же день продефилировалъ мимо короля, безъ музыки, съ покрытыми чернымъ флёромъ знаменами и барабанами. Дойдя до гарнизонной церкви, солдаты сложили ружья и вошли въ церковь, знаменные же унтеръ-офицеры расположились вокругъ алтаря, держа знамена къ рукахъ. Король присвоилъ полку на вѣчныя времена имя императора Александра I, а императоръ Николай пожаловалъ ему полковой мундиръ покойнаго государя, который и хранится съ тѣхъ поръ въ гарнизонной церкви, въ Потсдамѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ приказомъ отъ 6 (18) января 1826 года, король переименовалъ 6-й кирасирскiй полкъ великаго князя Николая въ полкъ императора всероссiйскаго и повелѣлъ на

офицерскихъ эполетахъ и на погонахъ унтеръ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ изобразить вензель его величества, русское «Н» и подъ нимъ цифру I. Пара эполетъ новаго образца была отправлена въ Петербургъ къ августѣйшему шефу. Императоръ Николай отвѣчалъ рескриптомъ на имя командира полка:

«Съ величайшемъ удовольствіемъ узналъ я, что всепресвѣтлѣйшій вашъ монархъ, мой возлюбленный тесть, пожаловалъ ввѣренному вамъ полку вензель моего имени. Усматривая въ семъ новое доказательство его нѣжной ко мнѣ привязанности, мнѣ пріятно выразить вамъ искреннюю мою благодарность за чувства преданности, которыя вы выказали мнѣ при этомъ случаѣ отъ себя и отъ своихъ сотоварищей по службѣ, а также за присланные мнѣ эполеты.

«*Николай*».

«С.-Петербургъ, 23 марта 1826 года.»

Государь по-царски отдарилъ свой полкъ, приславъ ему въ началѣ слѣдующаго года 40 превосходныхъ лошадей для ремонта.

Императоръ Николай Павловичъ въ первый разъ посѣтилъ берлинскій дворъ лѣтомъ 1829 года и вмѣстѣ съ императрицею и наслѣдникомъ присутствовалъ при бракосочетаніи любимаго своего зятя, принца Вильгельма, съ племянницею своею, принцессою Августою Саксенъ-Веймарскою. Предполагалось сперва, что первоначальное свиданіе государя съ королемъ произойдетъ въ принадлежавшемъ герцогу Брауншвейгскому замкѣ Сибилленортъ, въ Силезіи, а потому заблаговременно было приказано кирасирскому полку его величества выступить туда изъ Бранденбурга. На переходъ потребовался цѣлый мѣсяцъ. Полкъ, въ составѣ 516 строевыхъ лошадей, прибылъ въ Сибилленортъ 12 (24) мая и расположился на квартирахъ въ окрестностяхъ замка. Тамъ узналъ онъ, что вслѣдствіе болѣзни короля свиданіе его съ русскимъ императоромъ отложено. За то 23 мая (4 іюня) въ Сибилленортъ пріѣхала императрица Александра Өеодоровна, и полкъ имѣлъ честь продефилировать передъ нею. Государыня выразила командиру и офицерамъ сожалѣніе объ отсутствіи ихъ шефа, пригласила ихъ къ обѣду въ походной формѣ и обнадежила обѣщаніемъ, что государь во всякомъ случаѣ пріѣдетъ для свиданія

со своимъ полкомъ. За содержаніе кирасирами внутреннихъ карауловъ въ замкѣ, во время пребыванія тамъ императрицы, ея величество пожаловала имъ 500 талеровъ.

Императоръ Николай сдержалъ обѣщаніе, данное его супругою. 2 (14) іюня, на возвратномъ пути изъ Берлина, онъ прискакалъ въ Сибилленортъ, въ сопровожденіи одного генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа. Пріѣздъ его былъ совершенно неожиданъ. Онъ тотчасъ же произвелъ смотръ своему полку на полѣ подъ Дорбишау, въ присутствіи командира 6-го силезскаго корпуса, генерала графа Цитена, предъ которымъ самъ провелъ кирасиръ, салютуя старому и заслуженному генералу. Государь командовалъ ученьемъ и удивилъ всѣхъ точностью и ясностью, съ которыми произносилъ въ совершенствѣ усвоенныя имъ слова прусской команды. Онъ остался вполнѣ доволенъ блестящимъ состояніемъ полка и въ доказательство своего къ нему благоволенія роздалъ 7 орденовъ офицерамъ и 21 знакъ отличія св. Анны нижнимъ чинамъ. Сверхъ сего послѣдніе получили денежную награду въ размѣрѣ 3-хъ червонцевъ на каждаго вахмистра, 2-хъ—унтеръ-офицерамъ и 1-го червонца—нижнимъ чинамъ. Кирасиры, находившіеся въ полку со дня назначенія его величества шефомъ въ 1817 году, также получили по 2 червонца. Всего роздано было такимъ образомъ 684 червонца.

Послѣ ученья императоръ долго и милостиво разговаривалъ съ офицерами и, въѣхавъ въ ряды, расспрашивалъ и солдатъ. Онъ велѣлъ показать себѣ ремонтныхъ лошадей, подаренныхъ имъ за два года передъ тѣмъ, и обѣщалъ подарить полку еще 100 лошадей, что и было исполнено въ слѣдующемъ году. По окончаніи смотра, штандарты и литавры были отвезены въ замокъ. Государь самъ ѣхалъ впереди конвоировавшаго ихъ эскадрона. Въ замкѣ всѣ офицеры были приглашены къ высочайшему завтраку, вставъ изъ-за котораго его величество отправился прямо въ дальнѣйшій путь. Въ тотъ же день полкъ выступилъ обратно на свои постоянныя квартиры въ Бранденбургскомъ округѣ. При проходѣ чрезъ Потсдамъ ему былъ сдѣланъ королемъ смотръ, на которомъ присутствовала и русская императрица. Командиръ полка обѣдалъ во дворцѣ, и король замѣтилъ ему при этомъ случаѣ, что кисти на полковыхъ литаврахъ очень ветхи и что ему слѣдовало бы попросить супругу царственнаго шефа пожаловать полку новыя кисти къ

литаврамъ. Само собою разумѣется, что государыня охотно согласилась исполнить эту просьбу.

Такимъ образомъ съ первыхъ дней знакомства съ прусскою арміею и въ особенности со времени вступленія своего на престолъ, императоръ Николай не переставалъ выражать своего благоволенія къ ней при всякомъ случаѣ, въ твердомъ убѣжденіи, что какъ только наступитъ общая опасность, прусскія войска будутъ вмѣстѣ съ русскими сражаться за одно и то же дѣло. Такая минута, казалось, наступила въ 1830 году, когда вспыхнувшая во Франціи революція угрожала международному порядку, установленному въ Европѣ Вѣнскимъ конгрессомъ. Государь былъ увѣренъ въ неизбѣжности всеобщей войны и тотчасъ же послалъ съ тайнымъ порученіемъ въ Берлинъ лицо, пользовавшееся въ то время полнымъ его довѣріемъ, графа Дибича-Забалканскаго. Фельдмаршалу было предписано передать королю Фридриху-Вильгельму III взглядъ его величества на современныя обстоятельства и послѣдствія ихъ. «Государь императоръ,»—говорилось въ инструкціи Дибичу,—«желаетъ во всемъ съ полнымъ довѣріемъ соображаться съ совѣтами своего августѣйшаго тестя, вести свою политику путемъ, совершенно согласнымъ съ тѣмъ, который изберетъ Пруссія, и относительно направленія, котораго слѣдуетъ держаться, будетъ принимать мнѣнія его королевскаго величества такъ, какъ бы они исходили отъ блаженной памяти императора Александра. Поэтому онъ и со своей стороны считаетъ долгомъ выразить собственныя мнѣнія съ полною откровенностью».

Государь полагалъ, что не слѣдуетъ признавать Лудовика-Филиппа иначе, какъ намѣстникомъ королевства, на время малолѣтства законнаго наслѣдника престола, герцога Бордоскаго, и что въ заявленіяхъ своихъ союзные дворы русскій, австрійскій, прусскій и даже англійскій, должны держаться «твердыхъ выраженій чистой и ясной законности». Еслибы однако, по собственнымъ высшимъ соображеніямъ, дворы эти сочли нужнымъ признать новое французское правительство, то русскій императоръ не откажется послѣдовать ихъ примѣру, «жертвуя при этомъ своимъ задушевнымъ убѣжденіемъ ради спокойствія и счастія Европы», впрочемъ подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что Франція дастъ надежныя ручательства въ рѣшимости своей уважать существующіе договоры.

Не довѣряя однако прочности правительства, народивша-

гося изъ уличныхъ баррикадъ, императоръ Николай совѣтовалъ вооружиться на всякій случай. «Его величеству крайне желательно,»—читаемъ мы въ томъ же документѣ,—«чтобы въ случаѣ войны съ Франціею, войска прусскія и русскія дѣйствовали съ тѣмъ же единодушіемъ, которому они обязаны славными успѣхами 1813 и 1814 годовъ. Ему хотѣлось бы кромѣ того, чтобъ дѣйствія его войскъ (количество коихъ будетъ сообразно величію и важности цѣли) вполнѣ согласовались съ дѣйствіями прусскихъ армій, чтобы они, такъ сказать, были сплетены между собою на столько, на сколько это не можетъ вредить единству общей организаціи, и чтобы русская армія всѣми силами своими содѣйствовала выполненію общаго операціоннаго плана, который на случай войны одобренъ былъ бы его королевскимъ величествомъ» [1]).

Графъ Дибичъ прибылъ въ Берлинъ въ послѣднихъ числахъ августа (въ началѣ сентября по новому стилю). Уже на первомъ пріемѣ у короля онъ могъ убѣдиться въ нежеланіи Фридриха-Вильгельма III начать войну съ Франціею. Мало того: король, безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ нашимъ дворомъ, призналъ Лудовика-Филиппа королемъ французовъ. Вѣрительныя грамоты прусскому посланнику въ Парижѣ были отправлены на другой день по прибытіи русскаго фельдмаршала въ Берлинъ [2]).

Между тѣмъ, возстаніе вспыхнуло въ Бельгіи, провозгласившей свое отпаденіе отъ Голландіи, и въ разныхъ мѣстахъ Германіи. Получивъ о томъ извѣстіе, а также просьбу о помощи отъ короля Нидерландскаго, императоръ Николай тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе о приведеніи первой арміи на военное положеніе. Не сомнѣваясь, что и король прусскій приметъ такое же рѣшеніе, государь писалъ военному министру графу Чернышеву: «Сообщите прямо отъ себя Вицлебену [3]) о мѣрахъ, которыя приказано принять, написавъ ему для сообщенія королю, что отнынѣ я считаю наши арміи уже соединенными и желаю посему, чтобы во всѣхъ между ними сношеніяхъ, касающихся военнаго дѣла, всякая дипломатическая формальность была отложена; что вамъ приказано держать его въ постоянной извѣстности обо всемъ, что будетъ дѣлаться у насъ

---

[1]) Инструкція графу Дибичу, августъ 1830.

[2]) Графъ Дибичъ императору Николаю, 28 августа (9 сентября) 1830.

[3]) Прусскій военный министръ.

и что я буду весьма благодаренъ королю, если онъ дозволитъ отвѣчать тѣмъ же и мнѣ въ самыхъ простыхъ и ясныхъ формахъ» [1]).

Но Фридрихъ-Вильгельмъ III и не думалъ подражать примѣру своего царственнаго зятя. Государь начиналъ выходить изъ себя, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ Дибичу: «Любезный другъ, я рѣшительно теряю терпѣніе. Въ одномъ письмѣ за другимъ вы извѣщаете меня то объ отъѣздѣ курьера съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, то о близости собственнаго вашего отъѣзда, и вотъ скоро два мѣсяца, и ни тотъ, ни другой не прибываютъ. Вотъ вамъ разгадка, что я не отвѣчалъ на ваши письма. Я хотѣлъ отвѣчать на что-либо положительное, а это положительное не являлось». Сообщивъ фельдмаршалу о частяхъ, коимъ велѣно уже выступить въ походъ, государь продолжалъ: «Болѣе, чѣмъ когда-либо, я убѣжденъ, что если есть еще средство предупредить войну, то оно состоитъ въ томъ, чтобы доказать якобинцамъ, что ихъ не боятся, что вездѣ стоятъ подъ ружьемъ и что еслибы даже Провидѣніе, по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ, рѣшило намъ погибнуть, то мы погибнемъ съ честью и грудью защищая пробитую брешь. Таковыя чувства я уже питаю пять лѣтъ, и таковыми они останутся на всю мою жизнь. Желалъ бы сообщить такой взглядъ на вещи *повсюду и всѣмъ*, а пока будемъ исполнять *нашъ* долгъ» [2]).

Мятежъ, разразившійся въ Царствѣ Польскомъ, лишилъ императора Николая возможности настаивать на дружномъ дѣйствіи противъ Франціи державъ, входившихъ въ составъ Священнаго Союза. Усмиреніе возстанія потребовало значительныхъ силъ и завершилось взятіемъ Варшавы не ранѣе конца августа слѣдующаго 1831 года.

Шесть мѣсяцевъ спустя, между дворами вѣнскимъ и парижскимъ возникло несогласіе по поводу итальянскихъ дѣлъ, что побудило Меттерниха вступить въ соглашеніе съ Пруссіею относительно военныхъ мѣръ, имѣвшихъ быть принятыми по уговору съ нею и съ прочими членами Германскаго Союза. Узнавъ, что по сему предмету происходятъ въ Берлинѣ переговоры между генералами австрійскими и прусскими, императоръ Николай счелъ нужнымъ послать туда и своего военнаго

---

[1]) Императоръ Николай графу Чернышеву, 5 (17) октября 1830.
[2]) Императоръ Николай графу Дибичу, 1 (13) ноября 1830.

уполномоченнаго. Выборъ его палъ на генерала Нейдгардта. Государя снова преимущественно занимала мысль о совокупномъ дѣйствіи русскихъ и прусскихъ войскъ. Въ инструкціи Нейдгардту выражалось убѣжденіе его величества о неминуемости всеобщей войны и желаніе его принять въ ней участіе «не иначе, какъ съ двухсоттысячною арміею». «Его величество желаетъ»,—говорилось далѣе,—«чтобы его армія находилась въ центрѣ между арміями прусской и австрійской; русская армія не должна разъединяться, но его величество согласенъ на то, чтобы одинъ или даже два корпуса были отдѣлены отъ нея и присоединены къ прусской арміи и обратно, чтобы доказать этимъ тѣсную дружбу, связующую обоихъ монарховъ. Его величество согласенъ также соединить гвардейскіе корпуса русской и прусской арміи, если это будетъ найдено нужнымъ, чтобы образовать большой резервъ изъ отборныхъ частей обѣихъ армій» [1]). Государь выражалъ даже готовность, въ случаѣ разрыва съ Франціею, тотчасъ же послать дивизію русской гвардейской пѣхоты моремъ въ Штеттинъ, для соединенія съ прусскою арміею [2]).

Но и въ этотъ разъ въ Берлинѣ русскаго военнаго уполномоченнаго ожидалъ холодный, недовѣрчивый, подозрительный пріемъ. «Мое появленіе здѣсь,»—доносилъ генералъ Нейдгардтъ графу Чернышеву,—«возбудило страхъ... Не передавая вамъ въ подробности моихъ бесѣдъ съ генералами Вицлебеномъ, Кламомъ и Кнезебекомъ, я долженъ однако сообщить вашему сіятельству, что мнѣ не особенно легко было освоить ихъ со своею мыслью и убѣдить ихъ, что тремъ державамъ не только нужно, но даже необходимо условиться на счетъ тѣхъ мѣръ, какія слѣдуетъ принять на случай войны, и что конференція съ членами Германскаго Союза составляетъ предметъ второстепенный и поэтому не входитъ въ мое порученіе. Мнѣ кажется, что осторожность иныхъ вызвана опасеніемъ, что 200,000 русскаго войска будутъ слишкомъ большимъ противовѣсомъ въ этомъ случаѣ». Принимая русскаго посланца, король ограничился разспросами о его здоровьѣ и о томъ, какими водами онъ намѣренъ пользоваться. Приближенные короля прямо говорили, что продолжительное пребываніе его въ Берлинѣ мо-

[1]) Инструкція генералу Нейдгардту отъ 4 (16) апрѣля 1832.
[2]) Графъ Чернышевъ генералу Нейдгардту 6 (18) апрѣля 1832.

жетъ вызвать подозрѣніе и даже рѣшительныя дѣйствія со стороны французскаго правительства [1]).

Донесеніе генерала Нейдгардта произвело на императора Николая удручающее впечатлѣніе. Государь надписалъ на немъ: «Не имѣя отъ короля ни слова въ отвѣтъ на то, что я писалъ ему, я не могу ничего сказать. Пусть Нейдгардтъ остается въ Берлинѣ, *притворяясь больнымъ*. Все это въ высшей степени жалко» (C'est du dernier pitoyable).

Военный министръ представилъ на высочайшее воззрѣніе составленный имъ отвѣтъ Нейдгардту. Генералу предписывалось настаивать на переданныхъ чрезъ него предложеніяхъ [2]). Одобривъ отвѣтъ, Николай Павловичъ приказалъ дополнить его воспроизведеніемъ слѣдующей собственноручной замѣтки его величества: «Вы можете прибавить еще, что генералъ Нейдгардтъ можетъ высказать *конфиденціально*, что, зная мой характеръ, онъ считаетъ долгомъ предупредить, что если на мою готовность отзовутся недовѣрчиво и, въ особенности, если отнесутся съ недовѣріемъ къ искренности моихъ намѣреній, то онъ *увѣренъ*, что я не позволю ни *одному русскому* перейдти границу и предоставлю Европу жребію, который она сама себѣ готовитъ» [3]). Чернышевъ нѣсколько смягчилъ строгія выраженія государя и въ припискѣ къ письму своему послѣднія слова замѣнилъ выраженіемъ: «что бы ни случилось съ Европой» [4]).

Миссія Нейдгардта осталась безъ всякихъ результатовъ. Войны съ Франціей не послѣдовало. Ни Австрія, ни Пруссія никогда и не помышляли о ней серьезно, а хотѣли только военными приготовленіями запугать французское правительство. Хитрому и вкрадчивому Меттерниху удалось на съѣздѣ въ Мюнхенгрецѣ, происходившемъ осенью 1833 года, не только умилостивить императора Николая, но и расположить его въ пользу своей политики. Проѣздомъ чрезъ Пруссію, государь остановился въ Шведтѣ, гдѣ видѣлся со своимъ тестемъ. Въ этомъ городѣ занималъ гарнизонъ 2-й драгунскій полкъ, шефомъ коего состоялъ второй сынъ короля, принцъ Вильгельмъ. Го-

---

[1]) Генералъ Нейдгардтъ графу Чернышеву, 14 (26) мая 1832.

[2]) Графъ Чернышевъ генералу Нейдгардту, 14 (26) мая 1832.

[3]) Слова курсивомъ—подчеркнуты въ подлинникѣ. Слово «увѣренъ» подчеркнуто государемъ три раза.

[4]) Приписка къ тому же письму Чернышева къ Нейдгардту.

сударь очень интересовался пѣшимъ строемъ драгунъ и съ любопытствомъ слѣдилъ за ученьемъ, которое производилъ въ его присутствіи любимый зять его своему полку.

Въ 1834 году должно было происходить въ Петербургѣ открытіе памятника, воздвигнутаго императоромъ Николаемъ брату своему и предшественнику Александру Благословенному. Для участія въ этомъ торжествѣ король Фридрихъ-Вильгельмъ III назначилъ военную депутацію изъ офицеровъ и солдатъ отъ всѣхъ полковъ прусской гвардіи и отъ 6-го кирасирскаго полка, всего въ числѣ 18 офицеровъ и 38 нижнихъ чиновъ. Въ составъ депутаціи каждый пѣхотный полкъ отрядилъ по три человѣка, кавалерійскій полкъ по два, егерскіе и стрѣлковые батальоны по одному, гвардейская артиллерія три, гвардейская унтеръ-офицерская рота два, гвардейская резервная жандармерія одного, состоящіе при 1-мъ гвардейскомъ пѣхотномъ полку русскіе пѣсенники два и 6-й кирасирскій полкъ два человѣка. Во главѣ депутаціоннаго отряда стоялъ принцъ Вильгельмъ.

По представленіи королю въ Шарлоттенбургѣ, отрядъ 5 (17) августа выступилъ въ Любекъ и 14 (26) отплылъ оттуда на русскомъ военномъ пароходѣ «Александръ» въ Кронштадтъ. Тамъ высадился онъ 18 (30) августа и былъ встрѣченъ назначенными состоять при немъ генераломъ Гринфельдомъ, полковникомъ барономъ Ливеномъ и штабъ-ротмистромъ Жерве. Императоръ принялъ депутацію 21 августа (2 сентября) въ Красносельскомъ лагерѣ. Всѣ составлявшіе ее офицеры и солдаты были приведены къ царской палаткѣ, изъ которой вышелъ государь и обратился къ пруссакамъ со слѣдующими прочувствованными словами: «Добро пожаловать, господа товарищи; привѣтствую васъ отъ имени своего и всего русскаго народа, который принимаетъ васъ, какъ братьевъ и союзниковъ. Я такъ радъ видѣть васъ здѣсь, что не нахожу словъ для выраженія моей радости. Вашъ августѣйшій монархъ, мой возлюбленный тесть, не могъ доставить мнѣ бо́льшей радости, какъ прославъ васъ сюда. Вы будете приняты съ любовью и дружбою въ качествѣ представителей арміи, богатой славою и преисполненной отличій». Послѣ этого привѣтствія государь удостоилъ милостивымъ разговоромъ каждаго офицера и унтеръ-офицера отряда, а депутата своего кирасирскаго полка, маіора Болена обнялъ и поцѣловалъ.

На другой день депутація присутствовала при разводѣ

съ церемоніею, происходившемъ въ Царскомъ Селѣ. Объ этомъ зрѣлищѣ одинъ изъ членовъ депутаціи, оставившій намъ описаніе ея поѣздки въ Петербургъ, говоритъ: «На императорѣ былъ мундиръ стоявшаго въ караулѣ кирасирскаго полка, и онъ явился въ немъ предъ всѣми нами столь прекраснымъ, какъ самъ богъ войны. Онъ держалъ на рукахъ младшаго изъ великихъ князей [1]), поставилъ его передъ фронтомъ въ военной выправкѣ, причемъ малютка не смѣлъ показать ни малѣйшаго признака страха, чтобы не навлечь на себя выражающаго порицаніе взора своего отца. Во время прохожденія онъ поставленъ былъ въ ряды, въ качествѣ втораго дежурнаго адъютанта и долженъ былъ оставаться такъ до конца парада. Потомъ императоръ снова взялъ его на руки, подошелъ къ одному изъ конныхъ ординарцевъ, далъ ребенку погладить лошадь и съ нѣжностью старался разсѣять въ немъ всякій страхъ. Все это происшествіе представляло совершенную картину прекраснаго императора и любвеобильнаго отца. Пока кавалеристы совершали ученую ѣзду, императоръ продолжалъ держать принца на рукахъ. Императрица съ великою княжною стояла подъ колоннадою дворцоваго входа. По окончаніи развода, отрядъ былъ представленъ императрицѣ въ большой круглой залѣ, причемъ она обращалась съ милостивыми словами къ каждому въ отдѣльности, въ особенности же выказывала наибольшій повидимому интересъ унтеръ-офицерамъ 1-го гвардейскаго пѣхотнаго полка, среди коихъ встрѣтила старыхъ знакомыхъ».

При самомъ торжествѣ открытія Александровской колонны, прусскіе офицеры и солдаты были распредѣлены по соотвѣтствующимъ русскимъ полкамъ, сообразно ихъ старшинству и роду оружія, въ примѣненіи къ организаціи прусскаго гвардейскаго корпуса. Такъ представители 1-го гвардейскаго пѣхотнаго полка вошли въ ряды преображенцевъ, тѣлохранители— кавалергардовъ и т. д. Кавалеристамъ подарены были верховыя лошади, но прусскіе чепраки и сѣдла пришлось изготовить поспѣшно, а такъ какъ образцовъ не имѣлось, то нужно было строить ихъ по описанію. Не смотря на это, какъ чепраки, такъ и сѣдла удались превосходно.

30 августа (11 сентября), въ день тезоименитства Благословеннаго, состоялось открытіе величественнаго памятника, въ

[1]) Шестилѣтняго великаго князя Николая Николаевича.

присутствіи императора и императрицы, окруженныхъ прочими членами царской семьи, всей гвардіи и гренадеръ, прусскихъ гостей и безчисленной толпы народа. Завѣса спала съ колонны по знаку государя, при громѣ пушекъ и неумолкаемомъ «ура!» Войска прошли предъ монументомъ церемоніальнымъ маршемъ.

На другой день въ императорскомъ Лѣтнемъ саду происходило угощеніе членовъ прусской депутаціи товарищами ихъ изъ русскихъ гвардейскихъ полковъ. Столы были накрыты въ обширной палаткѣ, украшенной по-военному. За ними сидѣли пруссаки вперемежку съ русскими. Императрица сама разливала щи, а государь съ чаркою водки провозгласилъ здоровье дорогихъ гостей. Во время обѣда державные хозяева обходили столы, ласково разговаривая съ присутствующими и служа переводчиками между русскими и пруссаками. Незадолго до конца, государь, подойдя къ офицерскому столу, поднялъ бокалъ въ честь короля прусскаго.

4 (16) сентября депутація откланялась ихъ величествамъ, такъ какъ государь отправлялся въ путешествіе по Россіи, а императрица уѣзжала въ Берлинъ, но прусскіе гости оставались въ Петербургѣ до 15 (27) сентября, осматривая достопримѣчательности столицы и ея окрестностей. Офицеры были награждены орденами, нижніе чины—медалями. Представители кирасирскаго имени его величества полка получили: маіоръ Боленъ—крестъ св. Станислава 2 степени, вахмистръ Зандъ—золотые часы и воронаго верховаго жеребца, а унтеръ-офицеръ Леманъ—знакъ отличія св. Анны и караковаго жеребца. Послѣ бурнаго плаванія по Балтійскому морю, депутація воротилась въ Берлинъ 24 сентября (6 октября), а 2 (14) октября являлась въ Сансуси королю и прибывшей между тѣмъ къ отцу императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Къ осени пріѣхалъ въ Берлинъ на нѣсколько дней и императоръ Николай, чтобы отвезти государыню въ Россію. По этому случаю командиръ и многіе офицеры его кирасирскаго полка испросили дозволеніе явиться туда же изъ Бранденбурга, для привѣтствованія августѣйшаго шефа. Каждое утро государь присутствовалъ на ученьяхъ гренадерскаго императора Александра I полка и другихъ частей берлинскаго гарнизона. Однажды, а именно 5 (17) ноября, за обѣдомъ во дворцѣ, къ которому приглашены были и находившіеся въ Берлинѣ ко-

мандиръ и офицеры 6-го кирасирскаго полка, король выразилъ сожалѣніе, что императоръ Николай въ настоящій пріѣздъ не увидитъ своего полка. Командовавшій имъ полковникъ Бранденштейнъ тотчасъ же отвѣтилъ: «Если ваше величество прикажете, то полкъ можетъ быть здѣсь черезъ три дня». Король согласился и въ ту же ночь полковой и эскадронные командиры поспѣшили въ Бранденбургъ, чтобы приготовить полкъ къ походу. Не взирая на то, что по возвращеніи полка съ большихъ осеннихъ манёвровъ распущены были резервы, выведены изъ строя сверхкомплектныя лошади и остановленъ пріемъ въ рекруты, полкъ, хотя и въ уменьшенномъ составѣ, имѣя всего 10 рядовъ во взводѣ, 7 (19) прибылъ въ Берлинъ и принялъ участіе въ большомъ парадѣ въ честь русскаго императора.

Оба монарха, пѣшіе, смотрѣли на парадъ съ крыльца дворца принцессъ. Когда, по проходѣ, гвардейской кавалеріи появился передъ ними 6-й кирасирскій полкъ, то государь тотчасъ вскочилъ на приготовленную для него осѣдланную лошадь, сталъ во главѣ полка, и, громко крикнувъ «здорово товарищи!» провелъ его церемоніальнымъ маршемъ мимо короля. Снова штандарты и литавры полка были отнесены въ покои, занимаемые императоромъ Николаемъ въ королевскомъ замкѣ, а для содержанія въ немъ караула назначенъ 1-й эскадронъ. Государь наградилъ нижнихъ чиновъ выдачею имъ по одному червонцу на человѣка и роздалъ семь орденовъ офицерамъ. Въ ночь съ 12 (24) на 13 (25) ноября и онъ, и императрица оставили Берлинъ.

Мы дошли до событія, знаменующаго высшее проявленіе тѣсной и дружественной связи, установленной волею императора Николая между русскою и прусскою арміею. Событіе это—лагерный сборъ въ Калишѣ и совмѣстные манёвры русскихъ и прусскихъ войскъ, слитыхъ въ одни и тѣ же тактическія единицы, подъ командою общихъ начальниковъ. Это единственное въ военной исторіи явленіе, своимъ блескомъ и великолѣпіемъ затмившее даже знаменитый Парчевый лагерь королей, Франциска I французскаго и Генриха VIII англійскаго, требуетъ подробнаго и обстоятельнаго описанія, къ которому мы и перейдемъ въ слѣдующей главѣ.

III.

Калишъ.

Сборъ войскъ подъ Калишемъ.—Приказъ прусскаго короля.—Составъ калишскаго лагеря. — Сводный гвардейско-гренадерскій отрядъ.—Переѣздъ его моремъ изъ Кронштадта въ Данцигъ. — Отплытіе императора и императрицы изъ Кронштадта и пребываніе ихъ въ Силезіи.—Историческое прошлое Калиша.—Устройство лагерей.—Царственные гости: прусскіе, австрійскіе, прочихъ германскихъ государствъ, англійскіе, нидерландскіе и датскіе.—Пріѣздъ государя.—Раздѣленіе всѣхъ войскъ на корпуса.—Государь принимаетъ надъ ними главное начальство.—Штабъ его и фельдмаршала Паскевича.—Манёвры и празднества.—Отъѣздъ прусскаго короля. — Выступленіе изъ лагеря сводныхъ отрядовъ прусскаго и русскаго.—Назначеніе фельдмаршала Паскевича шефомъ егерскаго Орловскаго полка. — Рескриптъ ему короля прусскаго. — Отъѣздъ императора и императрицы. — Возвращеніе гвардіи въ Петербургъ.

«Сборъ войскъ подъ Калишемъ лѣтомъ 1835 года»,—пишетъ прусскій военный историкъ полковникъ Декеръ въ своемъ описаніи этого происшествія,—«сталъ всемірно-историческимъ событіемъ и уже по одной этой причинѣ вызываетъ къ себѣ интересъ каждаго образованнаго военнаго. Интересъ этотъ доходитъ, при ближайшей оцѣнкѣ отношеній, до высоты, возбуждающей удивленіе и восхищеніе. Двѣ великія націи, различныя по языку, нравамъ, обычаямъ и религіи, соединяютъ войска свои, посреди глубокаго мира, не въ отдѣльныхъ корпусахъ, не въ разъединенныхъ отрядахъ, о, нѣтъ! а въ тѣснѣйшей тактической связи, какъ одинаковые члены одного и того же тѣла. Эскадры обѣихъ націй братски строятся въ одну боевую линію, высшіе офицеры обоюдныхъ армій поперемѣнно предводительствуютъ союзными отрядами, принцы обѣихъ націй, какъ еслибы они происходили отъ одного рода, раздѣляютъ между собою командованіе и могущественный императоръ и самодержецъ, подъ нимъ возведенный въ достоинство князя побѣдитель Эривани и Варшавы, становятся во главѣ слитаго воедино войска, дабы провести его въ рыцарскомъ уборѣ и въ блескѣ оружія, мимо отечески-дружественнаго сосѣдняго монарха, который, въ свою очередь, обнажаетъ шпагу и въ качествѣ вождя полка, украшеннаго его именемъ, вступаетъ въ братскіе ряды, какъ вѣнценосный императорскій боевой полковникъ! Такое явленіе, такое событіе, едва-ли повторяются два раза въ жизни, а потому, именно, и представляютъ они

интересъ историческій и заслуживаютъ быть занесенными въ скрижали военной исторіи Европы, дабы происшествіе дошло до свѣдѣнія современниковъ и было передано потомству, какъ памятникъ для грядущихъ поколѣній».

Тотъ же писатель придаетъ калишскому сбору троякое значеніе. Онъ видитъ въ немъ, во-первыхъ, выраженіе взаимной любви двухъ родственныхъ и сосѣднихъ государей, распространяющейся отъ нихъ и на ихъ подданныхъ; во-вторыхъ,—выраженіе взаимнаго уваженія двухъ армій, побратавшихся на полѣ общихъ битвъ. Наконецъ, онъ обращаетъ особое вниманіе на проявленное въ Калишѣ обоюдное согласіе обѣихъ армій въ тактическихъ формахъ и въ тактическомъ обученіи, причемъ каждая оставалась въ границахъ своей индивидуальности.

Мысль собрать воедино для совмѣстнаго упражненія отряды русскихъ и прусскихъ войскъ зародилась въ умѣ императора Николая, по всей вѣроятности, по поводу прибытія въ Петербургъ прусской военной депутаціи на открытіе Александровской колонны. Уже раннею весною 1835 года король Фридрихъ-Вильгельмъ III отдалъ приказъ, въ коемъ было изображено: «Въ виду того, что его величество императоръ всероссійскій неоднократно выражалъ мнѣ желаніе отправить въ Калишъ прусскія войска, я рѣшился сдѣлать это нижеслѣдующимъ образомъ: 1) отрядъ, составленный изъ всѣхъ родовъ оружія, имѣетъ выступить къ Калишу къ сроку, который будетъ ближайше опредѣленъ впослѣдствіи, причемъ отрядъ будетъ образованъ согласно приложенію; 2) за двѣ недѣли до выступленія отрядъ соберется въ Потсдамѣ и будетъ упражняемъ во всѣхъ отношеніяхъ службы генералъ-маіоромъ Редеромъ; 3) отрядъ будетъ слѣдовать по утвержденному мною маршруту, опредѣленіе же подробностей предоставляю я генералъ-маіору Редеру; 4) каждому оберъ-офицеру для снаряженія назначаю я пособіе въ 50 талеровъ, сверхъ того офицеры получатъ добавочное жалованье по военному положенію, войска же полевое довольствіе, а кавалерія полевые раціоны; 5) долженъ ли отрядъ расположиться подъ Калишемъ лагеремъ или на квартирѣ — будетъ опредѣлено впослѣдствіи. Я ожидаю отъ войскъ, что во время похода они будутъ соблюдать строгую дисциплину и по прибытіи въ Калишъ покажутъ себя во всѣхъ отношеніяхъ достойными прусскаго имени» [1]).

[1]) Приказъ короля Фридриха-Вильгельма III на имя командира прусскаго

Калишъ избранъ былъ мѣстомъ лагернаго сбора по близости отъ прусской границы, отъ которой городъ этотъ находится всего на разстояніи пяти верстъ. Тамъ долженъ былъ расположиться лагеремъ имѣющій штабъ-квартиру въ Варшавѣ 3-й пѣхотный корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Ридигера, въ полномъ составѣ, съ придачею 3-й легкой кавалерійской дивизіи и 3-й дивизіи артиллерійской. Къ войскамъ этимъ присоединялся сводный отрядъ, составленный изъ частей гвардейскаго корпуса, а также гренадерскаго и 1-го армейскаго пѣхотнаго корпусовъ. Отрядъ этотъ былъ образованъ изъ сводныхъ батальоновъ, эскадроновъ и батарей отъ гвардейскихъ частей, а также армейскихъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ, шефами коихъ состояли принцы прусскаго королевскаго дома. Гвардейскій гренадерскій полкъ короля прусскаго Фридриха-Вильгельма III входилъ въ отрядъ въ полномъ составѣ. Сводный гвардейскій пѣхотный полкъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ: 1-й батальонъ заключалъ въ себѣ по одному взводу полковъ лейбъ-гвардіи: Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго, Московскаго, лейбъ-гренадерскаго, Павловскаго, Литовскаго и императора австрійскаго; 2-й батальонъ—три роты лейбъ-гвардіи егерскаго, Волынскаго и Финляндскаго полковъ, 1 взводъ гвардейскаго экипажа и 1 взводъ гвардейскаго Финскаго стрѣлковаго батальона. Къ полку былъ прикомандированъ взводъ гвардейскаго саперйаго батальона. Сводный армейскій пѣхотный полкъ былъ образованъ изъ трехъ сводныхъ батальоновъ гренадерскаго наслѣднаго принца прусскаго полка и пѣхотныхъ полковъ принцевъ Вильгельма и Карла прусскихъ. Сводный гвардейскій кавалерійскій полкъ сформированъ въ составѣ трехъ эскадроновъ: 1-й эскадронъ изъ частей гвардейской кирасирской дивизіи: по одному взводу отъ полковъ: лейбъ-гвардіи коннаго, кавалергардскаго и кирасирскихъ его величества и его высочества наслѣдника-цесаревича; 2-й эскадронъ изъ частей 1-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи: по одному взводу отъ полковъ конно-гренадерскаго, лейбъ-уланскаго, лейбъ-гусарскаго и лейбъ-казачьяго; 3-й эскадронъ изъ частей 2-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи: по одному взводу отъ полковъ: лейбъ-драгунскаго, уланскаго великаго князя Михаила Павловича,

гвардейскаго корпуса, герцога Карла Мекленбургскаго, отъ 17 (29) апрѣля 1835.

Гродненскаго гусарскаго и атаманскаго казачьяго. Сверхъ того, по одному отдѣленію гвардейскаго жандармскаго дивизіона и лейбъ-гвардіи конно-піонеровъ. Артиллерія была представлена двумя сводными гвардейскими полубатареями, конною и пѣшею. Всѣмъ гвардейскимъ отрядомъ командовалъ генералъ-адъютантъ Исленьевъ, а подъ нимъ: пѣхотою—генералъ-маіоръ Микулинъ и кавалеріею—полковникъ князь Багратіонъ-Имеретинскій.

Независимо отъ этого отряда, вызваны были въ Калишъ: кирасирскій полкъ принца Альберта прусскаго, одинъ дивизіонъ жандармовъ, расположенный въ Варшавѣ, по одному сводному казачьему полку, кавказско-линейному и донскому, и одинъ магометанскій полкъ.

Войска 3-го корпуса сосредоточились подъ Калишемъ уже въ концѣ іюня и заняли лагерь въ окрестностяхъ города по обѣимъ сторонамъ рѣки Просны. Мѣсяцъ спустя, прибыли туда части 1-го армейскаго пѣхотнаго корпуса, кирасиры принца Альберта, донцы, кавказскіе линейцы и магометане.

Сводный отрядъ изъ частей гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ направился въ Калишъ двумя различными путями. Кавалерія, конная артиллерія и упряжь артиллеріи пѣшей выступили изъ Петербурга сухимъ путемъ 30 апрѣля (12 мая), и на 110-й день выступленія, а именно 15 (27) іюля, прибыли въ Варшаву и послѣ трехдневнаго отдыха достигли Калиша 18 (30) августа. Всѣ же прочія части отряда 14 (26) іюля сѣли на суда въ Кронштадтѣ и послѣ восьмидневнаго плаванія 23 іюля (4 августа) высадились въ Данцигѣ. Перевозившая ихъ эскадра, подъ флагомъ вице-адмирала Рикорда, состояла изъ 10 линейныхъ кораблей, 4 фрегатовъ, 2 корветовъ и нѣсколькихъ транспортовъ. Высадка отряда въ составѣ около 6,000 человѣкъ, при 119 офицерахъ, продолжалась два дня. Первыми свезены были на берегъ знамена, при звукахъ полковыхъ хоровъ и салютѣ въ 101 выстрѣлъ съ русскаго адмиральскаго корабля «Петръ Великій». На берегу встрѣтилъ ихъ командиръ 1-го прусскаго армейскаго корпуса, генералъ Нацмеръ, окруженный своимъ штабомъ и всѣми офицерами данцигскаго гарнизона. Русскимъ нижнимъ чинамъ предложено было угощеніе въ зданіи арсенала, офицерамъ—въ манежѣ, а генераловъ и штабъ-офицеровъ пригласилъ на обѣдъ генералъ Нацмеръ. Вечеромъ въ честь русскихъ гостей данъ былъ рос-

кошный балъ въ театрѣ. На другой день происходилъ парадъ, на которомъ присутствовали прусскій командиръ корпуса, послѣ чего войска наши выступили въ походъ и чрезъ Диршау и Торнъ пришли къ Калишу одновременно съ отрядомъ, шедшимъ изъ Петербурга сухимъ путемъ. Въ Калишѣ уже находился главнокомандующій дѣйствующею арміею, генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ Эриванскій со всѣмъ своимъ штабомъ.

Сводный прусскій отрядъ, предназначенный принять участіе въ манёврахъ подъ Калишемъ, собранъ былъ въ Потсдамѣ въ половинѣ іюля (началѣ августа). Въ составъ его вошли: сводный пѣхотный полкъ изъ 3-хъ батальоновъ. 1-й батальонъ составляли четыре роты: 1-я отъ 1-го и 2-я отъ 2-го гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, 3-я же и 4-я отъ гренадерскихъ полковъ императора Александра I и императора австрійскаго Франца I; 2-й батальонъ — также четыре роты изъ восьми первыхъ взводовъ гвардейскаго резервнаго пѣхотнаго полка; 3-й баталіонъ—учебный пѣхотный. Сверхъ того три отдѣленія отъ батальона гвардейскихъ егерей, отъ батальона гвардейскихъ стрѣлковъ и отъ отдѣленія гвардейскихъ піонеровъ. Кавалерія состояла изъ: своднаго гвардейскаго кирасирскаго полка (по одному эскадрону отъ тѣлохранителей (gardes du corps), гвардейскихъ кирасиръ и два эскадрона 7-го кирасирскаго полка); своднаго легкаго кавалерійскаго полка (по одному эскадрону отъ гвардейскихъ полковъ: гусарскаго 1-го и 2-го уланскаго и драгунскаго); 6-го кирасирскаго императора всероссійскаго полка въ полномъ составѣ; взвода учебнаго эскадрона и 1-го эскадрона 3-го великаго князя Михаила Павловича полка. Артиллерію составляли одна конная и одна пѣшая полубатареи гвардейской артиллерійской бригады. Всѣмъ отрядомъ начальствовалъ генералъ-маіоръ Редеръ. Въ числѣ офицеровъ отряда находились имена многихъ лицъ, пріобрѣвшихъ впослѣдствіи громкую извѣстность, въ войнахъ 1864, 1866 и 1870 годовъ. Укажемъ на маіора Герварта-фонъ-Биттенфельда, командовавшаго 2-мъ баталіономъ своднаго пѣхотнаго полка; на подполковника Вердера, командира 3-го батальона того же полка; на подполковника графа Вальдерзее, командира своднаго кирасирскаго полка; на полковника Тюмплинка, командира своднаго легкаго коннаго полка, и т. д.

22 іюля (3 августа), въ день своего рожденія, король въ

приказѣ по отряду высказалъ, что отправленіе войскъ его въ Калишъ «должно служить воспоминаніемъ о великой эпохѣ въ 1813 и 1814 годахъ союзныхъ воинствъ, когда прусскія войска завоевали независимость отечества, когда прусскіе полководцы предводительствовали русскими, русскіе—прусскими войсками, что и было причиною славныхъ успѣховъ, коимъ Пруссія понынѣ обязана миромъ, и когда завязана была братская связь по оружію, основанная на взаимномъ уваженіи и долженствующая продлиться болѣе, чѣмъ обыкновенно». Вслѣдъ затѣмъ отрядъ выступилъ изъ Потсдама и въ половинѣ августа дошелъ до русской границы, вблизи отъ которой, въ виду Калиша, онъ и расположился лагеремъ.

1 (13) августа государь императоръ и государыня императрица, въ сопровожденіи ихъ высочествъ великой княжны Ольги Николаевны и великихъ князей Константина Николаевича и Михаила Павловича, отправились изъ Кронштадта на двухъ пароходахъ «Геркулесъ» и «Проворный» и 5 (17) августа прибыли въ Данцигъ. Тамъ встрѣтилъ ихъ наслѣдный принцъ прусскій и проводилъ ихъ величества до Фишбаха въ Силезіи, гдѣ находился тогда прусскій дворъ. Государь и государыня сопровождали короля въ Лигницъ и Бреславль, присутствовали тамъ на манёврахъ 5-го и 6-го прусскихъ корпусовъ и 28 августа (9 сентября) пріѣхали въ Калишъ, чтобы наблюсти за послѣдующими приготовленіями для пріема ожидаемыхъ дорогихъ гостей.

Не ради одной близости отъ прусской границы былъ Калишъ избранъ служить мѣстомъ предстоявшаго торжества. Съ именемъ его соединялись историческія воспоминанія, какъ нельзя болѣе приличествовавшія случаю. Подъ Калишемъ русскія войска, подъ начальствомъ Меншикова 10 (22) октября 1706 года, одержали, въ союзѣ съ саксонцами и поляками, одну изъ первыхъ и самыхъ блестящихъ побѣдъ своихъ надъ шведами, а 1 (13) февраля 1813 года, русскій отрядъ генерала Винценгероде на голову разбилъ отступавшій изъ Россіи 7-й корпусъ великой арміи Наполеона. Побѣда эта имѣла послѣдствіемъ подписаніе въ Калишѣ союзнаго договора между Россіею и Пруссіею,—договора, положившаго начало освобожденію Германіи и Европы. Къ тому же и окрестности Калиша представлялись удобными для расположенія многочисленныхъ войскъ, стянутыхъ къ этому городу. Выборъ мѣста и устройство ла-

терей для этихъ войскъ были возложены на генеральнаго штаба полковника Коцебу.

Пѣхотный лагерь былъ разбитъ къ Сѣверо-Западу отъ Калиша и состоялъ изъ двухъ частей: бо̀льшей, расположенной на лѣвомъ берегу Просны, и меньшей—на правомъ ея берегу. Главный лагерь обращенъ былъ фронтомъ къ прусской границѣ, тыломъ—къ рѣчкѣ; лѣвый флангъ его упирался въ одно изъ предмѣстій города; правый граничилъ съ деревнею Вѣшкоцціельно. Фронтовая линія имѣла протяженіе до шести верстъ. По самой серединѣ ея возвышался императорскій павильонъ или бельведеръ, по обѣ стороны котораго поставлены были палатки для сводныхъ отрядовъ русской и прусской пѣхоты, а также для двухъ дивизій 3-го пѣхотнаго корпуса, 7-й и 8-й.

Остальныя кавалерійскія части, русскія и прусскія, были размѣщены частію въ Калишѣ, частію въ окружающихъ его деревняхъ.

Мѣсто, занимаемое всѣми лагерями, было тщательно распланировано и утрамбовано, ряды палатокъ отличались прямолинейностью и чистотою. Широкія дороги были проложены вдоль фронта лагерей и соединяли ихъ съ одной стороны съ городомъ, съ другой, между собою, съ плацпарадомъ и съ окрестными деревнями. Черезъ Просну въ разныхъ мѣстахъ были перекинуты мосты.

«Видъ лагеря»,—свидѣтельствуетъ очевидецъ, уже упомянутый нами выше прусскій полковникъ Декеръ,—«представлялъ истинно воинскую и притомъ все же въ высшей степени пріятную картину. Всѣ русскія устройства отличаются тѣмъ, что они всегда столь же величественны, сколько и цѣлесообразны, столь же хорошо задуманы, сколько чисто и щеголевато исполнены. Въ нихъ нѣтъ ничего наполовину, ничто небѣдно, но все отличается округленностью, планомъ, гармоніею и весьма красивою внѣшностью. Уже ярко сверкающія пирамиды ружей съ ихъ свѣтлымъ мѣднымъ приборомъ, совершенно прямая линія выставленныхъ впереди лагеря многочисленныхъ орудій съ ихъ свѣтлозелеными лафетами и съ ихъ, какъ зеркало, гладкими металлическими стволами, являлась до извѣстной степени въ веселомъ и величественномъ видѣ. Тѣсный рядъ четырехугольныхъ палатокъ образовывалъ бѣлоснѣжную массу, изъ которой высоко выступали знамена, обозначая подраздѣле-

нія. Небольшая высота палатокъ производитъ весьма пріятное впечатлѣніе для взора, а зеленыя полосы, изображавшія какъ бы карнизъ маленькихъ плоскихъ крышъ, а равно и зеленые и красные коньки придаютъ цѣлому большое изящество; не менѣе того—окаймляющія ряды палатокъ полосы зеленѣющаго дерна». И далѣе: «Въ самомъ лагерѣ господствовала величайшая чистота. Площадь для склада оружія и батальонныя улицы выметались каждое утро, и то же повторялось, если вѣтеръ наносилъ когда-либо соръ, солому и проч. Благодаря частымъ ученьямъ, глиняная почва была утоптана какъ помостъ молотильнаго сарая и соперничала въ чистотѣ съ бѣлоснѣжными палатками. Чистка одежды и оружія не могла нарушить этой чистоты, такъ какъ въ тылу лагеря поставлены были особыя стропила для окраски кожанаго прибора. Однимъ словомъ, всюду былъ видѣнъ духъ порядка и опрятности, что пріятно ласкало взоръ».

Центромъ лагерной жизни былъ императорскій павильонъ, большое деревянное зданіе, въ одинъ этажъ, построенное въ видѣ кіоска и вмѣсто крыши увѣнчанное балконами, изъ которыхъ одинъ, средній, былъ покрытъ и предназначался для высочайшихъ особъ. Съ него открывался обширный видъ на всю долину Просны и совокупность лагеря. Главный корпусъ павильона занимала одна большая зала, украшенная воинскими трофеями, портретами членовъ русскаго и прусскаго царственныхъ домовъ и посерединѣ мраморнымъ бюстомъ короля Фридриха-Вильгельма III, на возвышеніи, подъ краснымъ бархатнымъ балдахиномъ, увѣнчаннымъ королевскою короною. Залу освѣщали пять огромныхъ люстръ. Она имѣла служить только для офицеровъ русской и прусской гвардіи. Въ двухъ боковыхъ флигеляхъ помѣщались придворная прислуга, кухни и погреба.

Общее число войскъ, имѣвшихъ размѣститься въ лагеряхъ, баракахъ и на квартирахъ въ Калишѣ и его окрестностяхъ, выражается въ слѣдующихъ цыфрахъ: русскія войска: пѣхоты 57½ батальоновъ, конницы 54 эскадрона, при 128 орудіяхъ; прусскія войска: пѣхоты 3½ батальона, конницы 13½ эскадроновъ, при 8 орудіяхъ; всего въ строю 58,347 человѣкъ.

Особенная заботливость государя была обращена на продовольствіе прусскихъ войскъ, какъ нижнихъ чиновъ, такъ и офицеровъ. Согласно высочайшему приказу, каждый нижній чинъ долженъ былъ получать ежедневно: 2 ф. хлѣба, испе-

ченнаго по прусскимъ образцамъ, 1 ф. мяса, $^2/_3$ мѣры картофеля, 8 лотовъ риса или $13^2/_3$ лота гречневой крупы или $21^2/_3$ лота гороху, $2^1/_4$ лота соли, $^1/_{16}$ кварты водки и двѣ бутылки пива. Сверхъ того, каждому было выдано на все время стоянки въ Калишѣ 2 фунта курительнаго табаку. На каждую лошадь, въ день—4 мѣры овса, 14 фунтовъ сѣна и 4 фунта соломы. Продовольствіе офицеровъ было въ высшей степени роскошно. Утромъ получали они кофе съ булками и печеньемъ. Въ 11 часовъ предлагался холодный завтракъ изъ хлѣба, сыра, ветчины, колбасы, съ водкою и виномъ. Обѣдъ состоялъ изъ пяти блюдъ, десерта, варенья, фруктовъ и кофе. За обѣдомъ подавались разнообразныя вина: бургундское, сотернъ, мадера, хересъ, рейнвейнъ и шампанское. Ужинъ составлялъ два блюда: одно холодное и одно горячее, а также вино, красное и бѣлое, и пуншъ. Офицеры прусскихъ кавалерійскихъ частей завтракали, обѣдали и ужинали въ особыхъ столовыхъ, выстроенныхъ въ мѣстахъ ихъ расположенія, причемъ прислуживали имъ придворные лакеи. Гвардейскимъ же офицерамъ какъ прусскимъ, такъ и русскимъ, служила столовою, какъ сказано выше, большая зала императорскаго павильона.

Но гостями русскаго императора были не одни прусскіе военные. Въ Калишѣ ожидалась цѣлая толпа высокихъ посѣтителей, принадлежавшихъ къ различнымъ царствующимъ домамъ Европы, съ многочисленною придворною свитою. Одно прусское королевское семейство состояло изъ 12 лицъ: король, морганатическая супруга его, княгиня Лигницъ, наслѣдный принцъ, сыновья короля: принцъ Вильгельмъ съ супругою, принцы Карлъ и Альбрехтъ, братъ короля, принцъ Вильгельмъ старшій, также съ супругою, двоюродный братъ принцъ Августъ и племянникъ принцъ Адальбертъ. Въ свитѣ короля находилось множество генераловъ и придворныхъ, въ числѣ ихъ: военный министръ генералъ Вицлебенъ, командиръ гвардейскаго корпуса герцогъ Карлъ Мекленбургскій, начальникъ главнаго штаба генералъ Краузенекъ, гофмаршалъ графъ Пюклеръ, генералы Борстель, графъ Цитенъ, Нацмеръ, Грольманъ, Раухъ, графъ Бранденбургъ, графъ Ностицъ, Блокъ, Каницъ, бо́льшая часть со своими адъютантами, оберъ-президентъ Силезіи Флотвелъ, прусскій военный уполномоченный въ Петербургѣ, полковникъ Раухъ и другіе.

Представителями Австріи на калишскомъ съѣздѣ были эрц-

герцоги, братъ императора Фердинанда, Францъ-Карлъ и дядя—Іоаннъ. Съ ними прибылъ австрійскій посолъ въ Петербургѣ генералъ графъ Фикельмонтъ и блестящая военная свита, состоявшая изъ генераловъ князя Лихтенштейна, графовъ Лаваль-Нугента, Ламберга, Куденговена, Фалькенхейна, Салиса и нѣсколькихъ молодыхъ офицеровъ. Изъ германскихъ государей и принцевъ явились наслѣдные великіе герцоги мекленбургъ-шверинскій и гессенъ-дармштадтскій, герцогъ нассаускій, принцъ Фридрихъ и герцогъ Евгеній виртембергскіе. Англію представлялъ братъ короля герцогъ кумберландскій (впослѣдствіи король ганноверскій Эрнстъ-Августъ) и съ нимъ маркизъ Дуэро, сынъ герцога Веллингтона; Нидерланды — принцъ Фридрихъ, женатый на родной сестрѣ императрицы Александры Өеодоровны; Данію—племянники короля, два принца шлезвигъ-гольштейнъ-зондербургъ-глюксбургскіе.

Нелегко было размѣстить всю эту царственную толпу, съ состоявшими при ней придворными кавалерами и адъютантами въ небольшомъ городѣ съ 10,000 жителей, однако удалось, благодаря цѣлесообразнымъ и заблаговременно принятымъ мѣрамъ. Самое обширное въ городѣ зданіе, старый зàмокъ служилъ жилищемъ русской императорской четѣ съ дѣтьми и великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, а также прусскимъ королю съ супругою и наслѣдному принцу. Прилежащее къ зàмку зданіе бывшей іезуитской коллегіи, впослѣдствіи упраздненнаго кадетскаго корпуса, было отведено подъ помѣщеніе главнѣйшихъ лицъ императорской свиты, министра двора князя Волконскаго и командующаго императорской главной квартирой графа Бенкендорфа, а также русскихъ придворныхъ и военныхъ управленій. Между зàмкомъ и корпусомъ, въ небольшомъ, но красивомъ домикѣ, утопающемъ въ зелени тѣнистаго сада, помѣстился намѣстникъ Царства Польскаго, князь Паскевичъ. Всѣ казенные и обывательскіе дома въ городѣ были взяты подъ постой царскихъ гостей, которые распредѣлены между ними согласно своему званію и положенію, болѣе или менѣе роскошно и удобно.

Къ обѣду и ужину собирались въ зàмкѣ царственныя особы и небольшой кругъ приглашенныхъ за столомъ ихъ величествъ Въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ были устроены два другіе стола: гофмаршальскій, въ нарочно выстроенномъ павильонѣ, для лицъ придворной и военной свиты, и другой, въ корпусномъ домѣ,

для офицеровъ частей, расположенныхъ въ городѣ, для ординарцевъ и офицеровъ караула. Оба эти стола накрывались на нѣсколько сотъ приборовъ.

Для гостей были заготовлены всевозможныя и, разумѣется, безмездныя удобства. Тѣ изъ нихъ, которые не имѣли съ собою верховыхъ лошадей, получали таковыхъ изъ императорскихъ конюшенъ или изъ кавалерійскихъ частей. Въ городѣ было сосредоточено большое число извощиковъ изъ Варшавы и другихъ сосѣднихъ мѣстъ, но имъ не дозволялось возить за плату, а экипажи ихъ предоставлялись въ пользованіе гостей по выдаваемымъ полиціймейстеромъ билетамъ. Наконецъ городской театръ былъ зáново отдѣланъ, и въ немъ каждый вечеръ давались спектакли, право на входъ въ которые имѣли приглашенные, до послѣдняго офицера. Для представленій выписана была изъ Берлина часть придворной драматической и балетной труппы, въ составѣ 11 актеровъ и 6 актрисъ. Въ числѣ послѣднихъ были первая драматическая любовница берлинской сцены Шарлотта Гагнъ и знаменитая балерина Марія Тальони. Сверхъ того, вызвано было и нѣсколько балетныхъ танцовщицъ изъ Варшавы и двѣ пары испанскихъ танцоровъ, которые впрочемъ не понравились императрицѣ и послѣ двухъ представленій высланы изъ Калиша. Репертуаръ составляли легкія комедіи и водевили, и обыкновенно спектакль заключался дивертиссементомъ. Въ угоду королю прусскому—какъ уже выше замѣчено, большому любителю театра—занавѣсь представляла видъ Павлинаго острова въ Потсдамѣ, любимаго лѣтняго мѣстопребыванія его величества. Всѣми театральными представленіями завѣдывалъ директоръ варшавскихъ театровъ, генералъ Раутенштраухъ.

28 августа (9 сентября), день пріѣзда своего въ Калишъ, государь провелъ въ лагерѣ, производя ученье пѣхотнымъ войскамъ и смотръ кавалеріи. На другой день его величество осмотрѣлъ лазареты, склады, не забылъ заѣхать и въ театръ, гдѣ происходила репетиція, чтобы убѣдиться, что вездѣ все готово и въ порядкѣ. Собственно празднества начались 30 августа (11 сентября) съ пріѣздомъ прусскаго короля и принцевъ. Они завершились ихъ отъѣздомъ 10 (22) сентября, слѣдовательно продолжались двѣнадцать дней. Прослѣдимъ же день за днемъ это великолѣпное и единственное въ военной исторіи зрѣлище.

1-й день: пятница, 30 августа (11 сентября).

Съ утра разставлены были у домовъ, отведенныхъ прусскимъ принцамъ, которые имѣли прибыть въ полдень, почетные караулы со знаменемъ отъ батальоновъ, полковъ коихъ они состояли шефами. Принцы пріѣхали въ назначенный часъ и, принявъ караулы, отпустили ихъ въ лагерь, а сами, одѣвшись въ русскіе мундиры, отправились въ за̀мокъ, чтобы представиться ихъ величествамъ. Государь и императрица пригласили ихъ осмотрѣть лагерь. Въ 3 часа былъ обѣдъ въ за̀мкѣ, тотчасъ по окончаніи котораго ихъ величества и ихъ высочества поѣхали всѣ навстрѣчу королю прусскому. Встрѣча состоялась на самой границѣ, въ 5 часовъ пополудни. Въ за̀мкѣ ожидалъ короля почетный караулъ со знаменемъ отъ гренадерскаго имени его полка, командиръ котораго представилъ его величеству рапортъ. Поздоровавшись съ людьми, король поднялся въ императорскіе покои, гдѣ собраны были всѣ иностранные гости и почетнѣйшіе изъ русскихъ. Въ 7 часовъ на площадь предъ за̀мкомъ пришли барабанщики, флейтщики и полковые музыканты всѣхъ частей расположенныхъ въ лагерѣ войскъ, въ числѣ болѣе 2,000 человѣкъ и впереди ихъ, привлекавшій всеобщее вниманіе своимъ исполинскимъ ростомъ, тамбуръ-мажоръ преображенскаго полка. На площадь высыпали всѣ находившіеся въ Калишѣ придворные и военные, а также мѣстные жители. Государь и императрица съ августѣйшими гостями вышли на балконъ за̀мка. Сначала соединенные полковые хоры, подъ управленіемъ дирижера хоровъ гвардейскаго корпуса, Ганзе, исполнили маршъ, сочиненный королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, когда тотъ еще былъ наслѣднымъ принцемъ. Увидѣвъ въ толпѣ на площади Марію Тальони, государь приказалъ сыграть маршъ изъ «Возстанія въ Сералѣ» — одного изъ любимыхъ балетовъ знаменитой танцовщицы. Затѣмъ слѣдовала заря, при участіи всѣхъ барабанщиковъ и флейтщиковъ, и молитва. По этому сигналу во всѣхъ домахъ города зажглись безчисленные огни. Иллюминація продолжалась всю ночь, и толпы народа, вперемежку съ солдатами, расхаживали по ярко освѣщеннымъ улицамъ, вплоть до самаго утра.

2-й день: суббота, 31 августа (12 сентября).

Утромъ, въ 8 часовъ, прусскій отрядъ, подъ предводительствомъ генералъ-маіоръ Рёдера, перешелъ черезъ границу и,

*

не доходя до Калиша, выстроился парадомъ по правую сторону шоссе, фронтомъ къ русскому лагерю. На правомъ флангѣ отряда заняли мѣста командиръ прусскаго гвардейскаго корпуса герцогъ Карлъ Мекленбургскій и всѣ прочіе прусскіе генералы и офицеры, не входившіе въ составъ отряда. Одновременно, русскія войска стали подъ ружье; пѣхота—въ батальонныхъ колоннахъ, впереди палатокъ главнаго лагеря; кавалерія—въ полковыхъ колоннахъ, поэскадронно, насупротивъ императорскаго павильона, фронтомъ къ нему; артиллерія образовала двѣ большія батареи между шоссе и главнымъ лагеремъ, на разстояніи шестидесяти шаговъ отъ пѣхоты и фронтомъ къ ней. Одна батарея была о 72, другая о 56 орудіяхъ, конная артиллерія—на правомъ флангѣ.

Ровно въ 11 часовъ императоръ и императрица, король и всѣ прусскіе принцы выѣхали изъ Калиша верхомъ и направились къ прусскому отряду. За ними слѣдовали дамы прусскаго двора въ экипажахъ. Государь былъ въ прусскомъ мундирѣ своего кирасирскаго полка, государыня въ темно-зеленой амазонкѣ и въ бѣлой съ краснымъ околышемъ фуражкѣ кавалергардскаго ея величества полка. Король, великій князь Михаилъ Павловичъ и принцы были также въ прусскихъ мундирахъ. Король первый подъѣхалъ къ отряду и, при приближеніи русской императорской четы, обнаживъ шпагу, поскакалъ ей навстрѣчу, сопровождаемый всѣми прусскими генералами и офицерами, небывшими въ строю. Отсалютовавъ государю, онъ представилъ ему свою свиту. Прусскія войска взяли на караулъ и огласили воздухъ криками: «ура!»

Ихъ величеcтва и ихъ высочества проѣхали вдоль фронта отряда, и затѣмъ императоръ и императрица отправились въ главный русскій лагерь и стали впереди павильона. Прусскія войска построились для прохожденія церемоніальнымъ маршемъ, ротнымъ и полуэскадроннымъ фронтомъ, артиллерія съ 4-мя орудіями въ рядъ, пѣхота впереди, за нею пѣшая артиллерія, и наконецъ кавалерія съ конною артиллеріею. Свернувъ съ шоссе налѣво, отрядъ пошелъ вдоль фронта главнаго русскаго лагеря мимо бельведера, гдѣ находился государь и государыня. Едва прусаки поровнялись съ лѣвымъ флангомъ русскаго лагернаго расположенія, какъ русскія войска взяли на караулъ и оставались такъ, пока окончился дефилей всего отряда. Съ русскихъ батарей раздались салютные выстрѣлы,

слившіеся со звуками музыки всѣхъ полковыхъ хоровъ и съ неумолкаемымъ крикомъ: «ура!» При прохожденіи мимо ихъ величествъ, во главѣ прусскаго отряда ѣхалъ начальникъ его, генералъ-маіоръ Рёдеръ, король же находился сбоку, на правомъ флангѣ, такъ же, какъ и великій князь Михаилъ Павловичъ—на правомъ флангѣ своего прусскаго 3-го уланскаго полка. Когда очередь дошла до 6-го кирасирскаго полка, то государь сталъ впереди его и провелъ мимо короля и императрицы.

По окончаніи дефилея прусскихъ войскъ, они остановились передъ приготовленнымъ для нихъ лагеремъ, пѣхота тыломъ къ нему, кавалерія насупротивъ отъ нея, и въ свою очередь взяли на караулъ. Между этими двумя рядами началось прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ русскаго гвардейскаго своднаго отряда и прикомандированныхъ къ нему частей. Императрица Александра Θеодоровна провела взводъ кавалергардовъ, прусскіе принцы—батальоны или полки, коихъ они были шефами, король — имени своего гренадерскій полкъ, всѣ въ мундирахъ этихъ частей. Затѣмъ прусская пѣхота и артиллерія вступила въ приготовленный для нея лагерь, кавалерія же направилась къ мѣстамъ своего расположенія въ сосѣднихъ деревняхъ.

Съ прибытіемъ прусскаго отряда, всѣ войска, собранныя въ Калишѣ, были раздѣлены на двѣ части: первую составлялъ 3-й пѣхотный корпусъ съ его кавалеріею и артиллеріею, за исключеніемъ позиціонной батареи 7-й и двухъ легкихъ батарей 8-й и 9-й артиллерійскихъ бригадъ и съ придачею донскаго казачьяго полка. Вторая часть состояла изъ всѣхъ прочихъ войскъ, русскихъ и прусскихъ, слитыхъ воедино подъ названіемъ резервнаго Калишскаго корпуса. Главное начальство надъ обѣими частями принялъ государь императоръ, а по немъ главнокомандующій русскою дѣйствующею арміею, генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій. Общій штабъ составлялъ штабъ дѣйствующей арміи, при начальникѣ штаба, генералъ-адъютантѣ князѣ Горчаковѣ 3-мъ, генералъ-квартирмейстерѣ, генералъ-адъютантѣ Бергѣ, начальникахъ: артиллеріи — генералъ-адъютантѣ Гилленшмидтѣ и инженеровъ — генералъ-лейтенантѣ Денѣ и при дежурномъ генералѣ, генералъ-маіорѣ Вkillкинскомъ. Назовемъ также интенданта Погодина, походнаго атамана казачьихъ пол-

ковъ генералъ лейтенанта Власова, генералъ-штабъ-доктора Ганова и военнаго генералъ-полицiймейстера, генералъ-лейтенанта Стороженко.

Третьимъ корпусомъ начальствовалъ командиръ его, генералъ-адъютантъ Ридигеръ. Въ резервномъ же корпусѣ командованiя были розданы прусскимъ генераламъ и штабъ-офицерамъ вперемежку съ русскими. Командующимъ корпусомъ назначенъ наслѣдный принцъ прусскiй, а штабъ его составляли двое русскихъ и двое пруссаковъ. Всею пѣхотою начальствовалъ великiй князь Михаилъ Павловичъ, всею кавалерiею— принцъ Вильгельмъ, сынъ короля. Бригадными командирами назначены: въ пѣхотѣ—принцъ Карлъ и генералъ-адъютантъ Исленьевъ, въ кавалерiи—принцъ Альбрехтъ, генералъ-маiоръ Геркуличъ и полковникъ Барнеръ.

Образованiе корпусовъ, дивизiй и бригадъ резервнаго корпуса, согласно ордръ-де-баталь, состоялось въ самый день вступленiя пруссаковъ въ лагерь. Начальники всѣхъ этихъ частей тотчасъ же представились обоимъ монархамъ и фельдмаршалу, а также временнымъ своимъ начальникамъ по ввѣреннымъ имъ на время манёвровъ командованiямъ.

Въ 2 часа въ большой залѣ императорскаго павильона, состоялся, въ присутствiи ихъ величествъ и всѣхъ царственныхъ гостей, торжественный обѣдъ, къ которому были приглашены всѣ начальствующiя лица и офицеры русской и прусской гвардiи. Вечеромъ въ театрѣ данъ былъ первый спектакль. Представленiя продолжались ежедневно до самаго конца калишскихъ празднествъ.

3-й день: воскресенье, 1 (13) сентября.

Къ 11 часамъ утра войска вышли изъ лагеря и окружили церковныя палатки, поставленныя передъ фронтомъ каждой дивизiи. Впереди прусскаго пѣхотнаго лагеря сооруженъ былъ алтарь подъ открытымъ небомъ и совершалъ богослуженiе главный пасторъ армiи, Dr. Боллертъ, при участiи полковаго оркестра 1-го гвардейскаго пѣхотнаго полка и хора церковныхъ пѣвцовъ. По прибытiи ихъ величествъ къ походной церкви русскаго гвардейскаго отряда, раздалась команда государя: на молитву! и литургiя началась одновременно во всѣхъ церквахъ. Въ гвардейской палаткѣ пѣли придворные пѣвчiе. По окончанiи православнаго богослуженiя, ихъ величества на-

правились къ протестанскому алтарю, окруженному прусскими войсками, среди коихъ находился и взводъ финскихъ стрѣлковъ. Пасторъ Боллертъ произнесъ приличное случаю слова. Вслѣдъ за тѣмъ во всемъ лагерѣ, въ каждомъ батальонѣ отдѣльно, происходилъ обычный разводъ. Императоръ, императрица, король, окруженные прочими царственными гостями, остановились у бельведера и смотрѣли сперва на ѣзду ординарцевъ, а потомъ на джигитовку кавказскихъ линейцевъ и магометанъ. Къ высочайшему столу, происходившему въ городѣ, въ прилежащемъ къ зàмку павильонѣ, были приглашены всѣ командиры расположенныхъ въ лагерѣ отдѣльныхъ частей. Вечеромъ, во время спектакля, полковая музыка играла въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ городѣ и въ лагерѣ,

4-й день: понедѣльникъ, 2 (14) сентября.

Въ этотъ день назначенъ былъ большой парадъ всѣмъ войскамъ, собраннымъ въ Калишѣ. Войска выстроились на пространной равнинѣ къ сѣверу отъ города, близъ деревни Коканинъ. Они стояли въ колоннахъ, пѣхота въ двѣ линіи, каждая пѣхотная бригада въ двѣ шеренги, съ промежуткомъ въ 150 шаговъ. Позади пѣхоты—кавалерія въ одну линію и наконецъ артиллерія. Общая длина всей линіи была 2,000 шаговъ. Впереди пѣхотнаго фронта расположились всѣ ненаходившіеся въ строю генералы и офицеры русскіе и иностранные. Высочайшія особы прибыли въ 10 часовъ утра, оба монарха и императрица верхомъ, равно какъ и всѣ принцы, принцессы же въ экипажахъ. Государь былъ въ русскомъ генеральскомъ мундирѣ, король—въ мундирѣ своего русскаго гренадерскаго полка. По объѣздѣ ими фронта всѣхъ четырехъ линій, что продолжалось часъ съ четвертью, началось прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Впереди ѣхали жандармы и собственный его величества конвой, за ними командующій императорскою главною квартирою генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій со своимъ штабомъ, наконецъ государь императоръ, съ многочисленною и блестящею свитою, во главѣ русскаго своднаго гвардейскаго полка. За его величествомъ слѣдовалъ командующій резервнымъ корпусомъ наслѣдный принцъ прусскій со своимъ штабомъ. Во главѣ пѣхоты резервнаго корпуса ѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Пѣхота шла въ

порядкѣ ордръ-де-баталь ротнымъ фронтомъ. Король ѣхалъ впереди своего гренадерскаго полка съ обнаженною шпагою, а на флангѣ того же полка шли тѣ изъ прусскихъ принцевъ, которые не имѣли особаго командованія, затѣмъ слѣдовала пѣхота 3-го корпуса. Прохожденіе пѣхоты продолжалось цѣлый часъ. Во главѣ кавалеріи резервнаго корпуса выступалъ принцъ Вильгельмъ. Впереди кавалергардовъ ѣхала императрица, а государь — впереди своего прусскаго кирасирскаго полка. Шествіе завершилось артиллеріей и продолжалось полчаса.

Второй разъ войска прошли, пѣхота и кавалерія, въ полковыхъ колоннахъ,—построеніе, невведенное въ прусской арміи;—артиллерія же батарейнымъ фронтомъ, на что потребовалось три четверти часа. Весь парадъ длился $3^1/_2$ часа.

Въ этотъ день ихъ величества и высочества обѣдали въ покояхъ короля прусскаго, а вечеръ провели въ театрѣ.

5-й день: вторникъ, 3 (15) сентября.

Войскамъ данъ былъ отдыхъ. Въ разныхъ концахъ лагеря происходили лишь частныя ученья и упражненія. При ученьи русской гвардейской артиллеріи присутствовалъ принцъ Августъ, генералъ-инспекторъ артиллеріи прусской и ветеранъ войнъ 1813—15 годовъ. И онъ, и прочіе прусскіе артиллеристы были поражены блестящимъ состояніемъ нашей артиллеріи, быстротою и точностью ея движеній, удалью и молодечествомъ артиллерійской прислуги. Вышеприведенный нами прусскій военный писатель, полковникъ Декеръ, приписываетъ отличныя боевыя качества русской артиллеріи особливому расположенію къ ней императора Николая и попечительной заботливости генералъ-фельдцейхмейстера, великаго князя Михаила Павловича. По этому поводу онъ приводитъ слѣдующія слова, сказанныя ему самимъ государемъ: «Артиллерія—тотъ родъ оружія, который ведетъ къ побѣдѣ. Еслибы мнѣ пришлось снова начать мою военную карьеру, то я началъ бы ее ни въ какой иной части, какъ въ конной артиллеріи».

Въ полдень императоръ показывалъ королю 100 ремонтныхъ верховыхъ лошадей, предназначенныхъ имъ въ подарокъ прусскимъ полкамъ: своему кирасирскому и 3-му уланскому—великаго князя Михаила Павловича. Послѣ обѣда онъ, въ сопровожденіи супруги принца Вильгельма, принцессы Августы,

и принцевъ Карла, Альбрехта и Адальберта, посѣтилъ расположеніе кавказскаго линейнаго и магометанскаго полковъ. Командовавшій послѣднимъ, маіоръ князь Бебутовъ, пригласилъ въ свой лагерь множество русскихъ и прусскихъ генераловъ и офицеровъ, чтобы отпраздновать назначеніе бригаднымъ своимъ командиромъ прусскаго полковника Барнера. Праздникъ этотъ отличался необыкновеннымъ радушіемъ хозяевъ, веселостью гостей, словомъ, чисто восточнымъ гостепріимствомъ въ соединеніи съ русскимъ хлѣбосольствомъ. Сначала, въ присутствіи государя и принцессы Августы, линейцы и магометане соперничали въ упражненіхх въ стрѣльбѣ и въ верховой ѣздѣ. Повторены были всѣ обычные молодецкіе пріемы джигитовки, къ немалому удивленію пруссаковъ, немогшихъ надивиться ловкости и удали полудикихъ наѣздниковъ. Затѣмъ, при звукахъ туземныхъ инструментовъ, началось пѣніе и пляска, въ обширномъ казачьемъ кругу. По отъѣздѣ его величества съ принцессою, князь Бебутовъ угощалъ почетныхъ гостей въ своемъ шатрѣ закускою, чернымъ хлѣбомъ съ солью и туго набитыми трубками въ длинныхъ кавказскихъ чубукахъ. На чистомъ воздухѣ жарили барановъ, приготовляли шашлыкъ и пилавъ, пришедшіеся нѣмецкимъ гостямъ по вкусу, не смотря на то, что ѣсть приходилось пальцами, безъ посредства вилокъ и ножей. Пѣнистое донское вино — пруссаки приняли его за шампанское—лилось рѣкою. Бебутовъ провозгласилъ здоровье короля, принцевъ и прусской арміи. Принцы Карлъ и Альбрехтъ отвѣчали тостомъ за государя, великаго князя Михаила Павловича, фельдмаршала Паскевича и русскія войска. Въ заключеніе, мусульмане и казаки принялись качать обоихъ принцевъ, своего бригаднаго командира, полковника Барнера, и другихъ прусскихъ гостей. Праздникъ продолжался далеко за полночь, и долго не смолкала на высотахъ Сулисловицы удалая пѣсня кавказцевъ, не прекращалась ихъ веселая пляска.

Ихъ величества и прочіе царственные гости и въ этотъ вечеръ присутствовали при представленіи въ театрѣ.

6-й день: среда, 4 (16) сентября.

О произведенныхъ въ окрестностяхъ Калиша манёврахъ полковникъ Декеръ, въ описаніи своемъ, говоритъ: «Ихъ нельзя назвать учебными манёврами, ибо принимались во вниманіе условія мѣстности; ни манёврами въ пространномъ значеніи

этого слова, ибо непріятель не былъ обозначенъ; то не были также манёвры въ полѣ, такъ какъ два корпуса не дѣйствовали одинъ противъ другаго. Все же они относились къ категоріи корпусныхъ и армейскихъ манёвровъ въ обширныхъ размѣрахъ, служа для поученія и упражненія высшихъ войсковыхъ начальниковъ въ быстромъ исполненіи движеній, съ извѣстною тактическою тенденціею».

Въ среду, 4 (16) сентября, назначенъ былъ первый манёвръ для одного резервнаго корпуса, подъ начальствомъ прусскаго наслѣднаго принца. Не было составлено письменной диспозиціи, а лишь велѣно войскамъ означеннаго корпуса къ 9 часамъ утра собраться близъ села Коканина, въ четырехъ верстахъ къ Сѣверу отъ Калиша. Всѣ дальнѣйшія приказанія отданы на мѣстѣ.

Отдавались они самимъ государемъ наслѣдному принцу, какъ командиру резервнаго корпуса, и этимъ послѣднимъ передавались частнымъ начальникамъ, чрезъ посредство адъютантовъ и ординарцевъ [1]).

Обѣдъ происходилъ въ за́мкѣ. Вечеромъ спектакль.

7-й день: четвергъ, 5 (17) сентября.

Общій манёвръ для всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ Калишѣ и его окрестностяхъ, подъ личнымъ начальствомъ государя. Въ основаніе его была положена слѣдующая главная мысль, изложенная въ диспозиціи на французскомъ языкѣ.

«Двѣ арміи оперируютъ на большой дорогѣ изъ Ставишина въ Калишъ».

«Наканунѣ наступающій (дружественный) отрядъ выдержалъ побѣдоносное сраженіе, чѣмъ принудилъ непріятеля отступить за Коканинъ, каковая деревня вечеромъ оставалась еще въ его власти».

«Въ продолженіе ночи авангардъ нашъ занялъ позицію въ сторону отъ Руссова и выставилъ свои пикеты впереди этой деревни».

«Съ разсвѣтомъ, главный и резервный корпуса сосредото-

---

[1]) Во время этого манёвра произошелъ несчастный случай, едва не имѣвшій самыхъ бѣдственныхъ послѣдствій. Въ близости отъ обоихъ государей взорвало одинъ изъ нашихъ зарядныхъ ящиковъ, причемъ убито два артиллериста.

чились позади авангарда и получили приказаніе атаковать Коканинъ».

«Цѣль манёвра—принудить непріятеля покинуть свои позиціи впереди Калиша и отбросить его въ улицы города».

Въ тотъ же день взводъ кавалергардовъ праздновалъ свой полковой праздникъ (св. Захарія и Елизаветы) въ саду, прилежащемъ къ дому, занимаемому фельдмаршаломъ. Принять участіе въ праздникѣ кавалергарды пригласили и представителей *родственнаго* прусскаго полка тѣлохранителей (gardes du corps). Въ 4 часа пополудни взводы обоихъ полковъ выстроились на лужайкѣ въ ожиданіи двора. По прибытіи ихъ величествъ и высочествъ и прочихъ почетныхъ гостей, начался молебенъ, отслуженный подъ открытымъ небомъ въ одной изъ аллей сада, окончившійся окропленіемъ солдатъ и знаменъ святою водою. Затѣмъ нижніе чины кавалергардовъ и тѣлохранителей усѣлись вперемежку за длинные столы; хозяйка праздника, шефъ кавалергардскаго полка, государыня императрица, обходила гостей своихъ, милостиво съ ними разговаривая. Въ одномъ изъ угловъ сада раскинутъ былъ для высочайшихъ особъ шатеръ, нѣкогда подаренный султаномъ императрицѣ Екатеринѣ II и тамъ была предложена царственнымъ посѣтителямъ закуска и провозглашены подобающіе тосты. Во время обѣда нижнихъ чиновъ, играло попеременно нѣсколько военныхъ оркестровъ, а по окончаніи его пѣлъ хоръ полковыхъ пѣсенниковъ.

Кавалергардскій праздникъ ознаменовался еще слѣдующимъ эпизодомъ. Во время переѣзда русскаго гвардейскаго отряда изъ Кронштадта въ Данцигъ, одинъ изъ трубачей лейбъгвардіи егерскаго полка, по имени Малышевъ, сочинилъ солдатскую пѣсню, въ которой воспѣвалось предстоящее соединеніе русскихъ войскъ съ прусскими. Неоднократно упомянутый актеръ-издатель, «Другъ солдата» Шнейдеръ, провѣдавъ объ этомъ еще въ Берлинѣ, перевелъ пѣсню Малышева по-нѣмецки и написалъ «Отвѣтный стихотворный привѣтъ пруссака», который и представилъ чрезъ военнаго министра королю. Все это стало извѣстно государю, который, узнавъ о присутствіи Шнейдера на кавалергардскомъ праздникѣ, пожелалъ познакомить его съ Малышевымъ. Подойдя къ Шнейдеру, его величество взялъ его за руку и повелъ къ тому полковому хору, въ которомъ находился Малышевъ. Вызвавъ послѣдняго, онъ

велѣлъ ему протянуть руку прусскому сотоварищу. При этомъ случаѣ государь спросилъ Шнейдера, гдѣ онъ научился по-русски? «По книгамъ, ваше величество», былъ отвѣтъ пруссака.

Пѣсня Малышева была тщательно переписана и на другой день вручена королю со слѣдующею надписью: «Его величества короля прусскаго Фридриха-Вильгельма III храброму воинству, почтительнѣйшее поднесеніе одного изъ участниковъ священной войны подъ начальствомъ князя Витгенштейна». На изящной обложкѣ красовались имена:

Лейпцигъ.

Гольцбахъ и Кульмъ. Баръ-сюръ-Объ.
Фэръ-Шампенуазъ. Бель-Альянсъ.

Парижъ.

ПѢСНЯ.

Русскій царь собралъ дружину
И велѣлъ своимъ орламъ
Плыть по морю на чужбину
Въ гости къ добрымъ пруссакамъ!

***

Кровь царей насъ породнила,
Славный бой насъ подружилъ;
Самъ Творецъ, во браняхъ сильный,
Нашъ союзъ благословилъ!

***

Пусть завистники возстанутъ
Разорвать союзъ друзей,—
Тамъ слѣда враговъ не станетъ,
Гдѣ пройдутъ полки царей!

***

Не на бой летимъ мы драться,
Не крамольныхъ усмирять,
Но съ друзьями повидаться,
Пруссаковъ спѣшимъ обнять!

***

Насъ лелѣетъ царь державный,
Слава Бѣлому царю!
Слава Руси православной
И родному королю!

Во время свиданія Шнейдера съ Малышевымъ на нихъ были устремлены взоры всѣхъ присутствующихъ. Государь ласково заговорилъ съ прусскимъ поэтомъ по-французски, герцогъ Кумберландскій обратился къ нему съ рѣчью на англійскомъ языкѣ, а князь Паскевичъ на русскомъ. Потомъ король сказалъ ему: «Очень радъ, что вы не остались предъ трубачемъ въ долгу. Но стиховъ не слѣдуетъ печатать въ «Другѣ солдата». Совершенно непонятно, почему Фридрихъ-Вильгельмъ III воспротивился обнародованію обоихъ стихотвореній. Ужъ не потому ли, что въ «отвѣтномъ привѣтѣ» Шнейдера, императору Александру I одному приписывалась слава героя, «смѣло положившаго конецъ рабству Европы и мощно сломившаго мечъ всемірнаго завоевателя».

Вечеромъ въ театрѣ давали «Capriccioза», одну изъ удачнѣйшихъ ролей Шарлотты Гагнъ, и небольшой балетъ.

8-й день: пятница, 6 (18) сентября.

Снова отдыхъ. Съ утра и до 5 часовъ пополудни караулы въ замкѣ занимала 1-я рота прусскаго 1-го гвардейскаго пѣхотнаго полка. Въ присутствіи австрійскихъ эрцгерцоговъ и нѣкоторыхъ прусскихъ принцевъ произведено ученье гусарскому принца Альбрехта полку и нѣсколькимъ артиллерійскимъ батареямъ. Остальную часть дня заняли приготовленія къ большому фейерверку.

Фейерверкъ раздѣлялся на два отдѣленія. Первое было изготовлено, подъ наблюденіемъ генерала Гилленшмидта, артиллеріи полковникомъ Никитинымъ; второе — по плану и рисункамъ генерала Сумарокова, королевско-саксонскимъ фейерверкмейстеромъ, Опицемъ, въ Дрезденѣ. Декораціи были расположены спереди и сзади императорскаго павильона, съ бельведера котораго должны были смотрѣть на фейерверкъ высочайшія особы.

Уже къ 4 часамъ пополудни стали собираться изъ всѣхъ концовъ лагеря полковые музыканты, барабанщики, пѣсенники, всего въ числѣ болѣе 2,000 человѣкъ. Они заняли площадь, расположенную между главнымъ корпусомъ павильона и его боковыми флигелями. Ровно въ 7 часовъ прибыли на мѣсто ихъ величества и ихъ высочества съ блестящею свитой. По знаку государя, соединенные полковые хоры снова сыграли маршъ сочиненія короля прусскаго. За нимъ исполнена была

пѣсенниками привѣтственная пѣсня трубача Малышева, каждая строфа которой пѣлась запѣвалой и повторялась хоромъ, съ акомпаниментомъ въ тактъ пушечныхъ выстрѣловъ изъ 16 расположенныхъ по близости орудій. Слѣдовала заря, исполненная всѣми хорами при участіи флейтъ и барабановъ. Она послужила сигналомъ къ начатію фейерверка, бывшаго по истинѣ чудомъ пиротехническаго искусства.

Первое отдѣленіе состояло изъ шести декорацій. Сначала передъ фронтомъ бельведера показалась колоссальная звѣзда Чернаго Орла, по срединѣ ея вензель короля Фридриха-Вильгельма. Звѣзда сіяла разноцвѣтными огнями, вензель былъ бриллiантовый, надъ нимъ королевская корона желто-красно-зеленая, а окружающій его лавровый вѣнокъ—золотой. По обѣимъ сторонамъ звѣзды возвышались два огромные разноцвѣтные обелиска и два трофея изъ знаменъ, оружія, мортиръ и другихъ воинскихъ атрибутовъ. Мортиры извергали огненныя звѣзды. Декорація имѣла въ длину отъ 50 до 60 футовъ. Одновременно множество бураковъ осыпало небо свѣтящимися шарами и искрами.

Вторую декорацію составляли огненные каскады вперемежку съ бриллiантовыми фонтанами. Третью—кружащіяся солнца, вокругъ большаго, также вертящагося, солнца; интервалы же между ними наполнялись безчисленными вращающимися колесами.

Четвертая декорація состояла изъ нѣсколькихъ колоннъ, на протяженіи отъ 30 до 40 шаговъ, извергающихъ огненные шары огромной величины, четырехъ цвѣтовъ: бѣлые, красные, голубые и зеленые. Шары эти быстро появлялись одинъ за другимъ, и медленно подымаясь и опускаясь, образовали какъ-бы усѣянную блестящими звѣздами завѣсу.

Послѣ пятой декораціи, состоявшей изъ нѣсколькихъ сотъ римскихъ свѣчей, взорамъ зрителей открылась шестая, завершившая первое отдѣленіе. Огромный транспарантъ изображалъ храмъ съ колоннадою въ перспективѣ и посреди его—вензель короля подъ короною, сіяющій бриллiантовымъ огнемъ. По обѣимъ сторонамъ горѣли огненные фонтаны и другіе потѣшные огни, а изъ семи жирандолей вылетали въ несмѣтномъ числѣ ракеты, изъ которыхъ однѣ поднимались вверхъ по прямой линіи, другія летѣли полукругомъ, образуя огненный сводъ надъ главною группою.

Въ антрактахъ между декораціями военные оркестры и хоры пѣсенниковъ исполняли различныя музыкальныя пьесы, хоровыя и инструментальныя, между прочимъ «отвѣтный привѣтъ» Шнейдера, пропѣтый прусскими гвардейскими пѣвчими. Когда же зажглась шестая декорація и показался лучезарный вензель короля, то всѣми музыкантами и пѣвцами исполненъ былъ русскій народный гимнъ. При звукахъ: Боже, царя храни! весь лагерь освѣтился потѣшными огнями и раздался салютъ изъ орудій и бѣглый ружейный огонь.

Этимъ завершилось первое отдѣленіе. Второе имѣло происходить на противоположной сторонѣ павильона. Оно изображало атаку и оборону крѣпости, возведенной изъ досокъ и прозванной строившими ее солдатами, въ шутку, Шумлой; крѣпость эта имѣла 350 шаговъ въ длину и 175 въ ширину. Декораціи изображали дома, церкви, башни, между которыми были насажены деревья. Досчатая стѣна высотою въ 10 футовъ окружала крѣпость, а съ передней и двухъ боковыхъ сторонъ она была сверхъ того обведена землянымъ валомъ.

Защиту крѣпости представляли пушечныя жерла, разставленныя по стѣнѣ и по валу, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, и извергавшія въ продолженіе получаса огненные шары въ видѣ ядеръ. Окна домовъ были заставлены транспарантами, въ промежуткахъ между ними горѣли швермеры и фонтаны разсыпались огненнымъ дождемъ. Сверхъ того, за крѣпостною стѣною были помѣщены 4 ряда жирандолей, по 80 штукъ въ ряду, а изъ каждой жирандоли вылетало по 100 ракетъ, число которыхъ доходило такимъ образомъ до 32,000. Жирандоли зажигались одна вслѣдъ за другою, и вылетавшія изъ нихъ ракеты образовали огненный снопъ въ 200 шаговъ ширины, при высотѣ втрое или даже вчетверо большей.

Еще затѣйливѣе были приспособленія, представлявшія атаку. На разстояніи около 800 шаговъ, справа и слѣва отъ крѣпости были поставлены въ рядъ по 50 пушекъ и единороговъ, стрѣлявшіе огненными ядрами, первыя на элеваціи 25, а вторые 10 градусовъ. Рядомъ съ этими двумя батареями было устроено еще по одной батареѣ, исключительно изъ ракетъ, въ 25 рядовъ, по 100 ракетъ въ каждомъ. Третья ракетная батарея поставлена была съ фронта и стрѣляла изъ 2-хъ и 3-хъ-фунтовыхъ орудій конгревовыми ракетами.

Общее число ракетъ, сожженыхъ въ продолженіе вечера,

доходило до 45,000, изъ нихъ 36,000 выпущены при оборонѣ, 7,000—при атакѣ и 2,000—въ прочихъ декораціяхъ. Для приготовленія фейерверка употреблено 300 пудовъ пороха, не считая пушечныхъ зарядовъ. Стоимость его оцѣнивается въ 100,000 руб. сер.

Фейерверкъ долженъ былъ заключаться большою аллегорическою картиною, изображавшею братское единеніе русскихъ и прусскихъ войскъ. Къ несчастію, во время установки этого колоссальнаго транспаранта, имѣвшаго форму тріумфальной арки и протяженіе 72 футовъ въ вышину и 100 футовъ въ длину, сильнымъ ударомъ вѣтра полотно разорвало на двѣ части, и пришлось отказаться отъ постановки заключительной картины [1]). Ограничились поневолѣ зажженіемъ двухъ боковыхъ столбовъ арки съ вензелевымъ изображеніемъ на нихъ именъ короля и императрицы. Въ это время русскіе пѣсенники запѣли при акомпаниментѣ оркестровъ хоръ на нѣмецкомъ языкѣ въ честь Фридриха-Вильгельма III. Слова этого хора были сочинены извѣстнымъ нѣмецкимъ поэтомъ Геллемъ, музыка—генераломъ Сумароковымъ.

Фейерверкъ кончился. Среди наступившей темноты раздался звучный голосъ государя: На молитву! Военные хоры заиграли гимнъ: Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ! затѣмъ войска разошлись по лагерю. Обратный путь ихъ величествъ и высочествъ въ городъ былъ освѣщенъ огнями.

9-й день: суббота, 7 (19) сентября.

Назначенные на этотъ день большіе манёвры всѣхъ войскъ калишскаго лагеря подъ главнымъ начальствомъ государя происходили въ мѣстныхъ расположеніяхъ, къ Юго-Востоку отъ города, и начались у мѣстечка Опатовекъ, отстоящаго отъ него на 9 верстъ.

Они кончились нападеніемъ на Калишъ. Русская и прусская гвардія съ крикомъ «ура!» ворвалась въ городъ и до-

[1]) «Едва развилась картина», разсказываетъ Шнейдеръ въ своихъ Запискахъ, «на столько, что возможно стало увидать аллегорическое изображеніе,» какъ вѣтеръ ударилъ въ холстъ, натянулъ его подобно парусу и по самой серединѣ вдругъ разорвалъ его, такъ-что русскіе справа, а пруссаки слѣва развѣвались на воздухѣ со всѣми своими эмблемами. При общемъ веселомъ настроеніи никому и въ голову не пришло усмотрѣть въ этомъ дурное предзнаменованіе.»

стигла до за́мка, на балконѣ котораго показалась императрица съ бѣлымъ платкомъ въ рукѣ. То былъ сигналъ къ отбою.

Обѣдъ происходилъ въ за́мкѣ. Вечеромъ, послѣ театра, высочайшія особы удостоили своимъ посѣщеніемъ thé dansant, въ домѣ, занимаемомъ фельдмаршаломъ Паскевичемъ.

10-й день: воскресенье, 8 (20) сентября.

Всеобщій отдыхъ. Ихъ величества слушали обѣдню въ городской православной церкви. Въ лагерѣ происходилъ обычный разводъ. Вечеромъ—спектакль.

11-й день: понедѣльникъ, 9 (21) сентября.

Поутру государь въ присутствіи короля производилъ ученье отдѣльнымъ частямъ русской гвардейской пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи и смотрѣлъ на упражненіе прусскаго учебнаго эскадрона. Послѣ обѣда, ученье произведено прусскому учебному батальону. Всѣ прочія войска смотрѣли на эти упражненія. Вечеромъ, послѣ общей зари, ихъ величества посѣтили театръ.

12-й день: вторникъ, 10 (22) сентября.

День отъѣзда прусскаго короля и принцевъ и обратнаго выступленія изъ Калиша русской и прусской гвардіи. Король уѣхалъ съ княгинею Лигницъ въ 8 часовъ утра, и русская императорская чета провожала его верхомъ, до самой границы.

Къ 10 часамъ русская и прусская гвардія выстроились на правомъ флангѣ главнаго лагеря. Пѣхота составила два большія карре, за которыми расположилась кавалерія и артиллерія. Въ срединѣ русскаго карре стояли знамена. По прибытіи императора и императрицы, а также прусскихъ принцевъ, имѣвшихъ выступить вмѣстѣ съ войсками, былъ отслуженъ православнымъ духовенствомъ напутственный молебенъ. Во время заключительной молитвы государь опустился на колѣна и его примѣру послѣдовали всѣ присутствовавшіе. Вслѣдъ затѣмъ началось богослуженіе по протестантскому обряду, совершенное пасторомъ Боллертомъ, произнесшимъ прощальное слово. Государь прощался отдѣльно съ каждымъ прусскимъ генераломъ, штабъ-офицеромъ, обнимая и цѣлуя ихъ, называя дорогими своими гостями и благодаря за понесенные труды. Въ послѣдній разъ прусская гвардія прошла мимо императора,

за нею послѣдовала русская. Оба отряда направились по шоссе къ прусской границѣ.

По возврашеніи въ городъ, государь около получаса оставался на конѣ, на дворѣ замка, окруженный своею свитою. Прискакавшій флигель-адъютантъ донесъ, что все готово. Тогда его величество, сойдя съ коня и обратясь къ князю Паскевичу, сказалъ: «пойдемте, Иванъ Θедоровичъ, я провожу васъ до дому.» Всѣ послѣдовали за императоромъ во дворъ занимаемаго фельдмаршаломъ помѣщенія. Тамъ расположилась рота егерскаго полка съ четырьмя полковыми знаменами. Подведя Паскевича къ фронту, государь обратился къ нему со слѣдующими словами: «Князь Иванъ Θедоровичъ! Не въ награду вамъ—это не въ моей власти,—а чтобы отличить полкъ, который вы сами сформировали и устроили въ 1810 году, пусть носитъ онъ отнынѣ ваше имя: егерскій полкъ генералъ-фельдмаршала, князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго!»

Его величество самъ скомандовалъ «на караулъ!» Рота отдала честь, а знамена склонились предъ фельдмаршаломъ. Государь вошелъ съ нимъ въ домъ, въ который внесены были и знамена. Тамъ полковникъ Раухъ вручилъ Паскевичу украшенную брилліантами шпагу, при слѣдующемъ рескриптѣ короля прусскаго.

«Господинъ фельдмаршалъ, князь Варшавскій!

«Манёвры, при коихъ я здѣсь нынѣ присутствовалъ, живо напомнили мнѣ всѣ великіе подвиги императорскихъ россійскихъ войскъ. Слава ихъ нераздѣльна съ вашею, а потому, желая выразить вамъ признаніе военныхъ талантовъ, которые вы проявляли столь часто и съ такимъ отличіемъ на службѣ вашего августѣйшаго государя и въ пользу благаго дѣла, я подношу вамъ прилагаемую при семъ украшенную алмазами шпагу. Если представится въ будущемъ случай употребить ее въ дѣло, то я желаю, чтобы вы избрали преимущественно эту именно шпагу для защиты вашего императора и отечества. Въ противномъ же случаѣ сохраните ее какъ залогъ высокаго почитанія и искренней доброжелательности,

«Господинъ фельдмаршалъ, отъ преданнаго вамъ

Фридриха-Вильгельма».

«Калишъ, 20 сентября 1835 г.»

Этимъ актомъ завершилось калишское торжество. Государь и императрица провели еще слѣдующій день въ Калишѣ,

а въ четвергъ, 12 (24) сентября, рано поутру, оставили этотъ городъ. Два дня спустя, а именно 14 (26), ихъ величества уже съѣхались въ Теплицѣ съ императоромъ австрійскимъ и прусскимъ королемъ, для присутствованія при освященіи памятника, воздвигнутаго въ честь русской гвардіи на полѣ Кульмскаго боя.

Отрядъ русской гвардейской пѣхоты и артиллеріи пришелъ, въ Данцигъ, гдѣ снова встрѣтили его блестящимъ празднествомъ. 27 сентября (9 октября) онъ сѣлъ на суда и на другой день отплылъ въ Кронштадтъ.

IV.

Послѣ Калиша.

Враждебное намъ настроеніе прусскихъ офицеровъ.—Стремленіе ихъ проникнуть наши военныя тайны.—Списокъ судовъ русскаго флота.—Дислокація дѣйствующей арміи. — Новыя щедроты императора Николая.—Кавалерійскіе манёвры въ Вознесенскѣ. — Поѣздка за границу государя и государыни лѣтомъ 1838 г.—Манёвры въ окрестностяхъ Берлина.—Разговоръ государя съ Шнейдеромъ. — Свиданіе осенью со своимъ полкомъ. — Присылка русской гвардейской батареи въ подарокъ королю.—Сцена въ театрѣ.—Импровизація Шнейдера.—Кончина короля Фридриха-Вильгельма III.—Рескриптъ государя съ выраженіемъ благодарности за поднесенную ему полкомъ его картину.—Столѣтній юбилей прусскихъ тѣлохранителей (gardes du corps).—Празднованіе 25-ти-лѣтняго юбилея императора Николая, какъ шефа прусскаго 6-го кирасирскаго полка. — Фридрихъ-Вильгельмъ IV въ Россіи.—Посѣщеніе императоромъ Берлина въ 1843 г. и двойной проѣздъ его чрезъ этотъ городъ въ 1844 г.—Охлажденіе отношеній между русскимъ и прусскимъ дворами.—Датская война.—Ольмюцъ.—Примиреніе.—Государь въ Берлинѣ въ 1852 г.—Послѣднее посѣщеніе прусскаго двора въ сентябрѣ 1853 г.—Гнѣвъ государя.—Кончина императора Николая.

Мы прослѣдили первые всходы сѣмянъ, брошенныхъ щедрою рукою императора Николая на почвѣ тѣснаго сближенія его арміи съ прусскою; мы видѣли ихъ блистательный разцвѣтъ, выразившійся въ общемъ лагерномъ сборѣ въ Калишѣ; намъ остается теперь изслѣдовать принесенные ими плоды, увы! далеко не отвѣтившіе великодушнымъ намѣреніямъ и ожиданіямъ русскаго государя.

«Полны энтузіазма и воодушевленія,»—такими словами заключаетъ свое описаніе калишскихъ манёвровъ полковникъ Декеръ,—«были прусскіе офицеры, которые всѣ безъ исклю-

ченія и до самыхъ младшихъ чиновъ, испытали счастіе, что столь же рыцарственный, сколько добрый императоръ и августѣйшая его супруга обращались къ нимъ съ благосклонностью и отличіемъ, вызывавшими искреннѣйшую благодарность. Никакое облако не омрачило веселаго, мужественно-прекраснаго лица могущественнаго самодержца, одна близость котораго покоряетъ сердца. Въ чертахъ его можно было прочесть одинъ вопросъ: не испытываютъ ли въ чемъ недостатка его дорогіе гости, и чѣмъ тѣ были веселѣе и радостнѣе, тѣмъ ярче сіяла радость и изъ очей царственнаго хозяина. Не блескъ пріема, не великолѣпныя и дорого стоящія приготовленія, но ихъ удавшаяся величественность и прежде всего неустанная, любвеобильная попечительность, сотни большихъ и малыхъ знаковъ вниманія, оказанныхъ съ неистощимо изобрѣтательною заботливостью нашему дорогому королю и его августѣйшему дому, возбуждали столько же восхищенія, сколько и задушевной признательности».

Такъ было на словахъ; на дѣлѣ было, къ сожалѣнію, нѣсколько иначе. Настроеніе прусскихъ офицеровъ вовсе не было такъ дружественно и сочувственно, какимъ изображаетъ его оффиціальный историкъ калишскихъ празднествъ. Мы сошлемся въ доказательство на свидѣтельство другого очевидца, Шнейдера, котораго никто, конечно, не заподозритъ въ злонамѣренности при изображеніи русско-прусскихъ отношеній. Въ Запискахъ своихъ онъ разсказываетъ, что во время одного изъ происходившихъ въ высочайшемъ присутствіи ученій русской пѣхоты, окружавшіе короля прусскіе офицеры едва не покатились со смѣху, при прохожденіи бѣглымъ маршемъ русскаго батальона, до того показалась имъ смѣшною «припрыжка» нашихъ солдатъ и офицеровъ и при этомъ болтанье эполетъ на плечахъ у послѣднихъ. «Вообще поразительно,» повѣствуетъ тотъ же свидѣтель, «что между прусскими офицерами, не взирая на истинно царское угощеніе и изысканную предупредительность, замѣтно было не особенно дружественное расположеніе къ русской арміи. Они много критиковали, какъ казалось мнѣ, часто изъ предубѣжденія и незнанія внутренняго состоянія и потребностей страны». Обычный пріемъ иностранцевъ при обсужденіи предметовъ, касающихся нашего отечества, къ которому въ данномъ случаѣ вѣроятно примѣшивалось и чувство зависти и досады,

по поводу проявленнаго надъ ними превосходства въ отношеніи силы, щедрости и великолѣпія.

Основываясь на словахъ того же Шнейдера, отмѣтимъ то въ высшей степени неблаговидное обстоятельство, что въ эту эпоху самаго полнаго наружнаго единенія прусскія военныя власти злоупотребляли оказываемымъ имъ нашими властями довѣріемъ, чтобы недозволеннымъ путемъ проникать въ наши военныя тайны. За годъ или два до Калиша, предмѣстникъ полковника Рауха, по званію прусскаго военнаго уполномоченнаго въ Петербургѣ, маіоръ Ивернуа, пріѣхавъ въ отпускъ въ Берлинъ, привезъ съ собою тайно добытый имъ, считавшійся весьма секретнымъ, списокъ судовъ нашего флота, съ перечисленіемъ ихъ названій, величины, числа орудій, экипажа, и т. д. до малѣйшихъ подробностей, и обратился къ Шнейдеру съ просьбою перевести этотъ документъ съ русскаго языка на нѣмецкій. Что произошло это съ вѣдома короля, доказывается тѣмъ, что при слѣдующей встрѣчѣ со Шнейдеромъ, его величество сказалъ ему: «Въ подобныхъ вещахъ нужно быть очень молчаливымъ!» Самъ Шнейдеръ не посовѣстился воспользоваться въ Калишѣ легкомысліемъ одного изъ адъютантовъ фельдмаршала Паскевича, ухаживавшаго за хорошенькой актрисой г-жею Эркъ, и конечно не подозрѣвавшаго военно-литературной дѣятельности товарища ея, берлинскаго придворнаго актера, чтобы выманить у него не менѣе, если не болѣе еще секретную дислокацію трехъ корпусовъ, составлявшихъ русскую дѣйствующую армію, съ показаніемъ численности и мѣстъ расположенія отдѣльныхъ батальоновъ, эскадроновъ и батарей. Шнейдеръ не только списалъ эту дислокацію, но и напечаталъ ее, сначала въ ближайшемъ выпускѣ своего «Друга солдата», а потомъ и въ отдѣльной книжкѣ, посвященной описанію калишскихъ манёвровъ, и тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе короля, ограничившагося впрочемъ лишь замѣчаніемъ ему: «Списки эти вы могли бы и пропустить! Императору будетъ непріятно, что подобная вещь напечатана. Свѣдѣнія вѣрны, но незачѣмъ оповѣщать ихъ всему міру. Въ другой разъ испросите заранѣе приказаній. Терпѣть не могу ничего подобнаго!»

Все это конечно оставалось неизвѣстнымъ императору Николаю, который по-прежнему продолжалъ оказывать прусской арміи и ея представителямъ не только предупредительное вни-

маніе, но и безграничное довѣріе. Тотчасъ послѣ Калиша онъ снова подарилъ по 50 верховыхъ лошадей для ремонта прусскихъ полковъ: своего кирасирскаго и 3-го уланскаго великаго князя Михаила Павловича, и кромѣ того пожаловалъ своему полку 613 касокъ и столько же чепраковъ, изготовленныхъ со всевозможною роскошью, по русскимъ гвардейскимъ образцамъ, а также 400 червонцевъ въ пользу нижнихъ чиновъ. На большіе кавалерійскіе манёвры, имѣвшіе происходить въ октябрѣ 1837 года въ Вознесенскѣ, Херсонской губерніи, его величество пригласилъ принцевъ Адальберта и Августа съ многочисленною военною свитою, состоявшею, кромѣ гофмаршала Вальденбурга, изъ генераловъ Нацмера и Барнера, двухъ маіоровъ, одного капитана, одного ротмистра, двухъ старшихъ и одного младшаго поручика, а всего изъ 10 человѣкъ [1]).

Лѣтомъ 1838 года императоръ Николай предпринялъ новую поѣздку за границу для сопровожденія больной императрицы. По обыкновенію своему, государь остановился на нѣсколько дней въ Берлинѣ, куда прибылъ 7 (19) мая. Кирасирскій полкъ находился въ лагерѣ въ Шарлотенбургѣ, готовясь принять участіе въ весеннихъ манёврахъ гвардейскаго корпуса. Тотчасъ по пріѣздѣ русскаго императора, 1-й эскадронъ полка со штандартомъ перенесся въ столицу и занялъ почетный караулъ въ зáмкѣ, гдѣ имѣлъ пребываніе государь. Осмотрѣвъ эскадронъ во дворѣ зáмка, его величество снова отпустилъ его въ лагерь. 12 (24) императоръ самъ посѣтилъ лагерное расположеніе своего полка.

Манёвры происходившіе въ окрестностяхъ Берлина въ половинѣ мая 1838 года, отличались особенною торжественностью и оживленіемъ. На нихъ присутствовали, кромѣ императора и императрицы всероссійскихъ съ двумя молодыми великими княжнами Ольгой и Александрой Николаевнами, короли ганноверскій и виртембергскій и множество нѣмецкихъ принцевъ, принадлежащихъ къ разнымъ владѣтельнымъ домамъ Германскаго Союза. Однажды король со своими гостями обѣдалъ въ охотничьемъ замкѣ Грюнельвальдѣ, вокругъ котораго расположился бивакомъ 1-й гвардейскій пѣхотный полкъ. Послѣ обѣда

---

[1]) Кавалерійскіе манёвры 1837 года описаны однимъ изъ очевидцевъ, прусскимъ капитаномъ Ольбергомъ въ книгѣ, озаглавленной: *Die Herbstübung bei Wosnessenks.* Berlin 1839. Ср. также Дневникъ и Воспоминанія генерала Нацмера.

ихъ величества и ихъ высочества посѣтили этотъ бивакъ, старый король сѣлъ на скамью подъ тѣнистымъ деревомъ и, окруженный своими дѣтьми и внуками, смотрѣлъ на хозяйственныя приготовленія солдатъ подъ открытымъ небомъ. Уже разложены были костры, и солдаты готовились варить себѣ пищу. Обѣ великія княжны, подойдя къ нимъ, усѣлись на травѣ и начали имъ помогать чистить картофель. Впослѣдствіи сцена эта была воспроизведена въ иллюстрированномъ военномъ изданіи [1]. Тѣмъ временемъ молодые принцы и принцессы весело шутили, бѣгали, рѣзвились и играли. Наслѣдный принцъ толкнулъ сестру свою, русскую императрицу, на копну соломы съ такою стремительностью, что вызвалъ строгое замѣчаніе короля. «Однако, Фрицъ!» вымолвилъ старый монархъ. Вообще всѣ члены царственныхъ домовъ русскаго и прусскаго были между собою на «ты» и называли другъ друга уменьшительными именами. Даже государь откликался, когда зятья звали его «Никсомъ.»

Пока принцы и принцессы забавлялись на зеленой травѣ, императоръ Николай обошелъ бивакъ, со вниманіемъ осмотрѣлъ сложенныя ружья, ранцы солдатъ, палатки офицеровъ. Встрѣтясь съ Шнейдеромъ, слѣдившимъ за манёврами въ качествѣ газетнаго корреспондента, онъ имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ. Воспроизводимъ здѣсь дословно заключительныя слова государя, какъ выраженіе его крайне замѣчательнаго и своеобразнаго взгляда, на службу вообще и на военную службу въ частности.

«Видите ли, Шнейдеръ,»—говорилъ императоръ, — «здѣсь между солдатами и посреди всей этой дѣятельности, я чувствую себя совершенно счастливымъ. Я также вполнѣ понимаю, почему вы, не будучи солдатомъ, питаете такую любовь ко всему военному. Здѣсь порядокъ, строгая, безусловная законность, нѣтъ умничанья и противорѣчія, здѣсь все согласуется и подчиняется одно другому. Здѣсь никто не повелѣваетъ прежде, чѣмъ самъ не научится послушанію; никто не возвышается надъ другими, не имѣя на то права; все подчиняется извѣстной опредѣленной цѣли; все имѣетъ свое значеніе, и тотъ же самый человѣкъ, который сегодня отдаетъ мнѣ честь съ ружьемъ

---

[1]) *Illustrites Stamm-Rang-und Quartierliste der preussisehen Armee.* Berlin, 1856.

въ рукахъ, завтра идетъ на смерть за меня! Только здѣсь нѣтъ фразъ, нѣтъ слѣдовательно и лжи, которая за этимъ исключеніемъ—повсюду. Здѣсь безсильны притворство и обманъ, ибо каждый долженъ въ концѣ концовъ показать себя въ виду опасности и смерти. Потому-то мнѣ такъ и хорошо посреди этихъ людей, потому-то я и буду всегда высоко чтить званіе солдата. Въ немъ все *служба* и даже высшій начальникъ *служитъ*. Я взираю на цѣлую жизнь человѣка, какъ на *службу*, ибо всякій изъ насъ *служитъ*, многіе конечно только страстямъ своимъ, а имъ-то и не долженъ служить солдатъ, даже своимъ наклонностямъ. Почему на всѣхъ языкахъ говорится: *богослуженіе?* (Слово «богослуженіе» было произнесено государемъ по-русски). Это не случайность, а вещь, имѣющая глубокое значеніе. Ибо человѣкъ обязанъ всецѣло, нелицемѣрно и безусловно *служить* своему Богу. Отправляетъ ли каждый одну только службу, выпадающую ему на долю, и вездѣ царствуютъ спокойствіе и порядокъ, и еслибы было по-моему, то воистину не должно было бы быть въ мірѣ ни безпорядка, ни нетерпѣнія, никакой притязательности. Взгляните, вотъ тамъ идетъ смѣна, передъ самымъ ужиномъ, еще неготовымъ, и солдаты прекрасно знаютъ, что не будутъ ѣсть, пока ихъ не смѣнятъ съ караула. И, не смотря на это, ни слова! Они отправляютъ *службу*. Вотъ почему и я буду отправлять свою *службу* до самой смерти и всегда заботиться о моихъ храбрыхъ воинахъ».

По обыкновенію, и въ этотъ пріѣздъ государь щедро наградилъ и одарилъ свой любимый кирасирскій полкъ. 11 офицеровъ получили ордена, 106 червонцевъ выдано почетному караулу, 571 червонецъ нижнимъ чинамъ полка, а унтеръ-офицеру Блоку, назначенному ординарцемъ къ его величеству и сломавшему себѣ ногу, пожаловано 100 червонцевъ.

Въ томъ же году, осенью, императоръ Николай на возвратномъ пути въ Россію снова встрѣтился со своимъ полкомъ на манёврахъ 4-го прусскаго корпуса, въ началѣ сентября, подъ Магдебургомъ. Полкъ получилъ приказаніе дожидаться прибытія своего шефа на учебномъ полѣ близъ Нейендорфа. Къ вечеру пріѣхалъ государь изъ Магдебурга, тотчасъ же облекся, въ приготовленной для него палаткѣ, въ кирасирскій мундиръ и въ сопровожденіи принца Вильгельма прусскаго, верхомъ, съ обнаженнымъ палашомъ явился предъ фрон-

томъ. Онъ самъ произвелъ ученье полку и осмотрѣлъ подаренные имъ музыкальные инструменты для полковаго оркестра. Кирасиры, стоявшіе на часахъ у царской палатки, получили 20 червонцевъ, а завѣдующій счетною частью полка чиновникъ, устроившій палатку — драгоцѣнный бриллiантовый перстень.

По возвращеніи въ Россію, императоръ прислалъ въ подарокъ королю полную русскую гвардейскую батарею, состоящую изъ 8 полупудовыхъ единороговъ. Ее сопровождало въ Берлинъ 44 человѣка артиллерійской прислуги подъ начальствомъ полковника Стааль-Гольштейна. Русскіе артиллеристы содержались и угощались на счетъ короля и въ воскресенье, 3 (15) ноября, были отведены въ Потсдамъ для присутствія при богослуженіи въ православной церкви колоніи Александровки. Вечеромъ имъ были розданы мѣста въ придворномъ драматическомъ театрѣ. Давали водевиль «*Fröhlich*», Луи Шнейдера, и самъ авторъ исполнялъ въ немъ роль стараго прусскаго маіора, ветерана войнъ за освобожденіе. «Я воспользовался одною сценою съ актеромъ Вацеромъ», сообщаетъ Шнейдеръ въ своихъ Воспоминаніяхъ, «представлявшею мнѣ удобный къ тому случай, дабы, посредствомъ импровизаціи, возбудить интересъ русскихъ артиллеристовъ, молча и въ строгой военной выправкѣ занимавшихъ ложи 2-го яруса и, разумѣется, непонимавшихъ ни единаго слова изъ нѣмецкаго водевиля.

— «Помнишь ли ты, Дегенъ, когда полку нашему пришлось плохо подъ Гросъ-Гёршеномъ (такъ пруссаки называютъ битву при Люценѣ) съ четырьмя французскими батальонами и какъ намъ вдругъ стало легче на сердцѣ, когда подскакала тяжелая русская батарея, снялась возлѣ насъ съ передковъ и отбила непріятеля. У меня и теперь звучитъ въ ушахъ раздавшаяся русская команда: Батарея маршъ! — Рыжія! — Галопомъ! — Стой! — Картечами! — Пали! — (Слова команды были произнесены Шнейдеромъ по-русски).

«По первому слову команды словно молнія сверкнула между сидѣвшими до того въ безучастіи русскими. Имъ непонятно было, что означало это, но когда всѣ взоры зрителей обратились на нихъ и даже король высунулся изъ своей ложи, чтобы увидать дѣйствіе этихъ неожиданныхъ словъ, то они встали, поправили свои портупеи, а когда я на сценѣ продолжалъ: — Какъ тебѣ кажется, Дегенъ, случись намъ увидать теперь снова

такую русскую батарею, развѣ мы не закричимъ, какъ тогда закричали: «ура!»—то это «ура!» подхватили не только русскіе, но и вся публика, такъ что театръ охватило всеобщее одушевленіе, и водевиль былъ доигранъ до конца въ радостнѣйшемъ настроеніи. Король приказалъ генералъ-интенданту придворныхъ театровъ графу Редерну передать мнѣ, что моя импровизація была очень удачна, и на слѣдующій день самъ повторилъ мнѣ въ Берлинѣ, на сценѣ, во время антракта, выраженіе столь лестной для меня благодарности, причемъ незабвенны мнѣ его слова: «Я ужъ замѣтилъ, что въ каждой вашей пьесѣ не обходится безъ того, чтобы вы не отдали справедливости арміи и вообще званію солдата! Продолжайте въ этомъ смыслѣ! Нынче слишкомъ скоро забываютъ, чѣмъ всѣ обязаны арміи. Радуюсь, что вы при каждомъ случаѣ намазываете ей масло на хлѣбъ».

Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ того, какъ старый король скончался. Императоръ Николай Павловичъ и императрица Александра Θеодоровна, пріѣхавъ въ Берлинъ, застали его еще въ живыхъ и успѣли съ нимъ проститься. Всеобщій трауръ исключалъ всякое военное торжество. Государь не видѣлся со своимъ полкомъ, но въ рескриптѣ отъ 30 мая (11 іюня) 1840 года поблагодарилъ его за поднесенную картину, написанную извѣстнымъ придворнымъ живописцемъ профессоромъ Крюгеромъ, изображавшую двѣ красивѣйшія лошади изъ подаренныхъ полку его шефомъ, съ ихъ сѣдоками, вахмистромъ Цикнеромъ и штандартовымъ унтеръ-офицеромъ Раномъ. «Въ Бозѣ почивающему королю,» говорилось въ императорскомъ рескриптѣ, «коего мы нынѣ всѣ оплакиваемъ въ глубокой печали, обязанъ я честью состоять шефомъ полка, и священное воспоминаніе о великихъ добродѣтеляхъ усопшаго служитъ мнѣ ручательствомъ за то, что гдѣ бы ни случилось русскимъ и прусскимъ войскамъ сойтись на полѣ сраженія, ихъ будутъ постоянно одушевлять одни и тѣ же чувства согласія и любви». Двѣ недѣли спустя, а именно 11 (23) іюля, прибыла въ Берлинъ для поздравленія со столѣтнимъ юбилеемъ существованія полка королевскихъ тѣлохранителей (gardes du corps) депутація отъ кавалергардскаго полка, состоявшая подъ начальствомъ генералъ-маіора Гринвальда изъ 1 ротмистра, 1 поручика, 1 вахмистра, 3 унтеръ-офицеровъ, 1 трубача и 14 нижнихъ чиновъ.

Въ другомъ мѣстѣ изложили мы охлажденіе, происшедшее въ отношеніяхъ между дворами петербургскимъ и берлинскимъ вскорѣ по воцареніи Фридриха-Вильгельма IV [1]). Но по крайней мѣрѣ въ первые годы царствованія охлажденіе это не отразилось на расположеніи государя къ прусской арміи и на выраженіяхъ ему уваженія и преданности со стороны послѣдней. Естественнымъ поводомъ для возобновленія ихъ послужило исполнившееся 5 (17) апрѣля 1842 года двадцатипятилѣтіе со времени назначенія Николая Павловича шефомъ прусскаго 6-го кирасирскаго полка. Къ этому дню отправлена была въ Петербургъ депутація изъ полковаго командира, четырехъ офицеровъ и лично извѣстнаго государю вахмистра Занда.

Въ тотъ же день король Фридрихъ-Вильгельмъ IV самъ прибылъ въ Бранденбургъ, мѣсто расположенія полка, и въ его присутствіи былъ прочитанъ предъ фронтомъ слѣдующій рескриптъ августѣйшаго шефа на имя полковаго командира:

«Господинъ полковникъ Ганнекенъ, нынѣ исполнилось 25 лѣтъ съ того времени, какъ я принадлежу къ составу 6-го кирасирскаго полка, и я дожидался дня, когда истекаетъ этотъ срокъ, дабы отвѣтить на письмо, съ коимъ вы, господинъ полковникъ, обратились ко мнѣ отъ имени полка.

«Постоянно считалъ я то мгновеніе, когда его величество, въ Бозѣ почивающій король, пожаловалъ мнѣ этотъ превосходный полкъ, въ числѣ прекраснѣйшихъ и памятнѣйшихъ дней моей жизни. Дѣйствительно, мнѣ было тогда едва 21 годъ, и я не имѣлъ никакихъ правъ на благосклонность покойнаго короля, кромѣ того, что я былъ русскій и братъ вѣрнаго его союзника, Благословленнаго императора Александра. Тогда же вручилъ мнѣ покойный король драгоцѣнное благо, составившее и упрочившее все счастіе моей жизни. Онъ удостоилъ меня руки своей возлюбленной дочери и, ставъ ему сыномъ, я въ то же время долженъ былъ пріобщиться и къ великой семьѣ его, арміи, которая столь же дорога была его сердцу, какъ и собственныя его дѣти. Я могу лишь повторить еще разъ, что событія этой эпохи составляютъ лучшія, прекраснѣйшія воспоминанія моей жизни.

«Съ тѣхъ поръ, каждый разъ, когда обстоятельства дозволяли мнѣ видѣться снова съ моимъ молодецкимъ полкомъ, я

---

[1]) См. выше очеркъ: *«Императоръ Николай и прусскій дворъ»*, стр. 265.

испытывалъ истинное удовольствіе, появляясь среди васъ какъ братъ, какъ товарищъ по оружію. Мои чувства относительно какъ полка, такъ и всего прусскаго, вамъ извѣстны. Они пребываютъ неизмѣнны и, приглашая васъ повторить всему полку выраженіе этихъ чувствъ, поручаю вамъ въ особенности засвидѣтельствовать предъ всѣми офицерами, что я высоко цѣню питаемыя ими ко мнѣ чувства. Дружба, связывающая меня съ вашимъ августѣйшимъ государемъ, зародилась въ тѣ же прекрасные годы и, надѣюсь, послужитъ мнѣ новымъ поводомъ для вашей привязанности.

«Искренно сожалѣю, что самъ не могу быть съ вами, и потому я поручилъ моему генералъ-адъютанту, генералъ-лейтенанту Мансурову вручить вамъ это письмо, а равно и возобновить вамъ выраженіе моей доброжелательности.

«*Николай*».

«С.-Петербургъ, 18 (30) марта 1842 года».

По прочтеніи императорскаго рескрипта, король обратился къ офицерамъ полка съ нижеслѣдующими словами: «Вы слышали, господа, съ какимъ сердечнымъ участіемъ относится къ своему полку его величество императоръ. Это не одни слова, къ вамъ обращенныя, а полное его убѣжденіе, выраженіе его задушевнѣйшихъ чувствъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ принялъ полкъ и одновременно былъ связанъ съ прусскимъ домомъ тѣснѣйшими семейными узами, онъ сталъ моему въ Бозѣ почивающему родителю возлюбленнымъ сыномъ, мнѣ—дорогимъ зятемъ. Онъ мой вѣрнѣйшій, ближайшій, кровный другъ и искреннѣйшій другъ всего прусскаго народа и страны, въ особенности войска. Если само по себѣ для каждаго полка составляетъ отличіе имѣть шефомъ царствующаго государя, то этотъ полкъ долженъ почитать за особенную честь, что шефъ его—такой монархъ, каковъ россійскій императоръ. Ибо онъ—государь необычайнаго величія, онъ—государь, который въ силу своего могущества имѣетъ значительное вліяніе на политическія дѣла всей Европы и совмѣщаетъ въ себѣ всѣ добродѣтели монарха. Государь, занимающій такое положеніе, въ правѣ ожидать многаго отъ полка, коему онъ оказываетъ милость быть его шефомъ, коему онъ далъ уже столько доказательствъ своей милости и коего даже неоднократно удостоилъ чести лично имъ предводительствовать».

Депутація прусскихъ кирасиръ прибыла въ Петербургъ

4 (16) апрѣля, наканунѣ юбилейнаго дня. При ней назначенъ былъ состоять командиръ кавалергардскаго полка, генералъ-маіоръ Гринвальдъ, и того же полка ротмистръ графъ Крейцъ. Всѣмъ членамъ депутаціи были пожалованы русскіе ордена, въ которыхъ они на другой день, 5 (17), и были представлены государю генераломъ Раухомъ. На его величествѣ былъ мундиръ прусскаго кирасирскаго его имени полка и лента Чернаго Орла. По произнесеніи Раухомъ привѣтственной рѣчи, государь обнялъ и поцѣловалъ генерала и затѣмъ сказалъ, обращаясь къ депутатамъ: «Я очень радъ, господа, видѣть васъ здѣсь и весьма благодаренъ его величеотву, вашему всемилостивѣйшему государю, за то, что онъ въ настоящій день доставилъ мнѣ такую радость».

Полковникъ Ганнекенъ вручилъ августѣйшему шефу почетный рапортъ о состояніи полка и принесъ поздравленіе отъ его имени. Государь пожалъ руку какъ ему, такъ и прочимъ офицерамъ депутаціи, вахмистра же Занда расцѣловалъ. «Мое расположеніе къ полку и ко всей прусской арміи,» продолжалъ императоръ, «осталось прежнее. Раухъ знаетъ это и сердце мое въ этомъ отношеніи никогда не измѣнится. Хотѣлъ бы я провести сегодняшній день въ средѣ моего полка, но самъ я подчиненъ строгой дисциплинѣ, недозволяющей мнѣ взять отпускъ, зато мысль моя съ вами и у васъ». Затѣмъ государь повелъ депутатовъ въ свой кабинетъ и показалъ имъ тамъ лежащія на каминѣ трость и шпагу покойнаго короля, бюстъ котораго, обыкновенно также украшавшій каминъ, былъ унесенъ для постановки на этотъ день въ столовой залѣ. Его величество обратилъ вниманіе офицеровъ на повѣшенную на стѣнѣ картину профессора Крюгера, на которой самъ онъ изображенъ на конѣ, проводящимъ своихъ кирасиръ церемоніальнымъ маршемъ предъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III. «Взгляните,» прибавилъ онъ, «здѣсь сижу я за работою и часто, въ минуты заботы, отдыхаю, останавливая взоръ на этой картинѣ».

Во время развода въ манежѣ, войска, по приказанію императора, трижды прокричали «ура!» въ честь прусскаго короля и его арміи, а за обѣдомъ его величество провозгласилъ здоровье своего царственнаго зятя, друга и союзника.

Въ 1843 году Фридрихъ-Вильгельмъ IV посѣтилъ русскихъ императора и императрицу въ 25-ю годовщину ихъ брака, а

государь отдалъ ему визитъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Въ слѣдующемъ году проѣздомъ въ Лондонъ онъ провелъ въ Берлинѣ всего одинъ день, а на возвратномъ пути лишь нѣсколько часовъ, такъ какъ спѣшилъ къ болѣзненному одру умирающей дочери, великой княгини Александры Николаевны. Между этимъ и ближайшимъ затѣмъ посѣщеніемъ берлинскаго двора его величествомъ прошелъ долгій промежутокъ, продолжавшійся не менѣе восьми лѣтъ.

Въ другомъ очеркѣ разсказали мы подробно причины личной размолвки между императоромъ Николаемъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, а также ихъ примиреніе [1]). Здѣсь необходимо упомянуть, что размолвка эта не осталась безъ послѣдствій на то обаяніе, которымъ безусловно пользовался до того времени русскій государь въ средѣ прусской арміи. Уже наше вмѣшательство въ распрю Германіи съ Даніею изъ-за приэльбскихъ герцогствъ и veto, положенное Николаемъ Павловичемъ наступательному движенію прусскихъ войскъ въ Ютландіи, поколебали сочувствіе послѣднихъ къ могучему сѣверному союзнику. Но окончательно вооружило ихъ противъ насъ положеніе, принятое нашимъ дворомъ въ столкновеніи Пруссіи съ Австріею изъ-за преобладанія въ Германскомъ Союзѣ, нравственная поддержка, оказанная вѣнскому двору, и доставленное ему торжество на извѣстномъ Ольмюцскомъ съѣздѣ, въ ноябрѣ 1850 года. Въ одномъ изъ нашихъ историческихъ изслѣдованій [2]) мы привели примѣры того раздраженія, которое проявилось по этому поводу противъ Россіи и ея государя въ прусскихъ политическихъ и военныхъ кругахъ. Ихъ осыпали упреками, укоряли въ предвзятой враждебности, вѣроломствѣ, едва-ли не въ предательствѣ. А въ сущности, независимо отъ вопроса о правѣ, которое въ данномъ случаѣ несомнѣнно было на сторонѣ Австріи, императоръ Николай оказалъ своимъ посредничествомъ Пруссіи великую услугу, избавивъ ее отъ неизбѣжнаго погрома, еслибы дѣло дошло до войны. Впрочемъ, на видъ, происшедшее въ началѣ 1851 года примиреніе между родственными монархами было полное. Когда императоръ Николай въ маѣ 1852 года прибылъ въ Берлинъ, чтобы заплатить за посѣщеніе, сдѣланное ему королемъ Фрид-

---

[1]) *См. тотъ же очеркъ «Императоръ Николай и прусскій дворъ»*, стр. 273—276.

[2]) *Внѣшняя политика императора Николая*, стр. 117 и слѣд.

рихомъ-Вильгельмомъ IV въ предшедшемъ году въ Варшавѣ, то повторились установленныя долголѣтнимъ обычаемъ придворныя и военныя торжества въ честь русскаго государя.

Въ Потсдамѣ ожидали его на площади передъ замкомъ всѣ офицеры мѣстнаго гарнизона и его кирасирскаго полка. Его величество вышелъ къ нимъ въ сопровожденіи короля и, пожавъ руку старшему изъ присутствовавшихъ офицеровъ, командиру 1-го гвардейскаго пѣхотнаго полка, графу Блументалю, привѣтствовалъ ихъ слѣдующею прочувствованною рѣчью:

«Какъ счастливъ я, что снова еще разъ нахожусь среди васъ. Вамъ извѣстны мои чувства, и вы знаете, что я всегда оставался вашимъ вѣрнымъ товарищемъ. Душа моя была съ вами въ трудное время испытаній. Вы показали себя какъ слѣдуетъ, остались тѣми же, какими всегда были. Я прихожу къ вамъ прежній къ прежнимъ. Мы всегда останемся добрыми друзьями и будемъ твердо стоять другъ за друга, какъ подобаетъ товарищамъ». Думалъ ли государь, произнося эти слова, что уже черезъ два года ничего не останется отъ выраженныхъ имъ надеждъ и ожиданій?

Въ томъ же году его величество еще разъ посѣтилъ Берлинъ въ концѣ іюня, вмѣстѣ съ младшими сыновьями своими, великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами. Въ послѣдній разъ пріѣхалъ онъ туда, провожая короля изъ Варшавы, 25 сентября (7 октября) 1853 года. Черныя тучи уже заволокли тогда политическій небосклонъ, и въ душѣ императора Николая зародились первыя сомнѣнія въ вѣрности двухъ главныхъ его союзниковъ, императора австрійскаго и короля прусскаго, столько разъ имъ облагодѣтельствованныхъ. Онъ остался въ прусской столицѣ не болѣе сутокъ и 26 (8), послѣ парада уѣхалъ обратно въ Россію.

Начало 1854 года ознаменовано было отказомъ дворовъ вѣнскаго и берлинскаго подписать съ нами договоръ о нейтралитетѣ въ виду предстоявшей войны между нами и Турціей въ союзѣ съ морскими державами. Одновременно оба эти двора вели дѣятельные переговоры съ нашими противниками о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза противъ насъ. Пруссія вооружалась. Потребованъ былъ у палатъ кредитъ въ 30 милліоновъ талеровъ. При обсужденіи этого вопроса въ палатѣ депутатовъ военный министръ генералъ Бонинъ, разсматривая три случайности военнаго вмѣша-

тельства Пруссіи, выразилъ мнѣніе, что можно тотчасъ же начать дѣйствовать противъ Россіи, можно и повременить, но что о третьей случайности, о союзѣ съ Россіей противъ западныхъ державъ, не стóитъ и говорить, ибо, пояснялъ онъ, «*Солонъ не находилъ нужнымъ опредѣлять наказанія за отцеубійство, не допуская даже возможности подобнаго преступленія*».

Понятно, какое впечатлѣніе должны были произвести всѣ эти извѣстія на императора Николая, въ особенности, когда онъ узналъ, что Пруссія готовится вмѣстѣ съ Австріею подписать союзную конвенцію съ Англіею и Франціею; что въ представленной королю запискѣ прусскій посланникъ въ Лондонѣ цѣлью войны ставилъ отторженіе отъ Россіи всѣхъ ея западныхъ окраинъ, отъ Финляндіи и прибалтійскихъ областей до Крыма, Новороссійскаго края и Кавказа включительно; что составленъ планъ мобилизаціи прусскихъ войскъ, и пограничныя съ нами крѣпости приведены въ оборонительное положеніе; что такую политику горячо отстаиваетъ предъ королемъ наслѣдникъ престола принцъ Прусскій. Негодованіе свое императоръ Николай громко и открыто высказалъ прусскому военному агенту въ Петербургѣ, пригрозивъ ему, что за такую измѣну перестанетъ носить и дозволять носить въ Россіи прусскіе ордена и исключитъ изъ состава русской арміи членовъ прусскаго королевскаго дома, числящихся шефами русскихъ полковъ.

Угроза подѣйствовала на болѣзненное воображеніе слабаго и нерѣшительнаго короля. Россіи дано было частное удовлетвореніе: Бунзенъ отозванъ изъ Лондона, и Бонинъ уволенъ отъ должности военнаго министра. Но прусская политика продолжала до самаго конца севастопольской войны враждебные намъ происки, только прикрывая ихъ лицемѣрною заботливостью о всеобщемъ умиротвореніи и льстивыми увѣреніями въ неизмѣнной преданности къ Россіи и ея государю.

Когда скончался императоръ Николай, нашлось въ Пруссіи только три человѣка, рѣшившіеся гласно и открыто помянуть его добромъ. То были: генералъ-суперъ-интендентъ Сарторіусъ, статья котораго, напечатанная въ «Крестовой газетѣ», начиналась словами: «*Человѣкъ скончался!*»; президентъ Герлахъ, заявившій въ палатѣ господъ, что Пруссія должна оплакивать усопшаго государя, какъ отца, и Луи Шнейдеръ, обнародовав-

щій въ своемъ «Другѣ солдата» военную біографію Николая Павловича. Оффиціальныя выраженія соболѣзнованія ограничились четырехнедѣльнымъ трауромъ по покойномъ во всѣхъ прусскихъ войскахъ и отправленіемъ въ Петербургъ, для присутствованія при его преданіи землѣ, депутаціи отъ 6-го кирасирскаго полка, съ принцемъ Карломъ, братомъ короля, во главѣ.

Біографія, написанная Шнейдеромъ, въ которой высказано восторженное сужденіе объ императорѣ Николаѣ, какъ о вѣрнѣйшемъ и искреннѣйшемъ другѣ прусскаго войска и народа,—сужденіе, которое давно уже не встрѣчалось въ берлинской печати,—произвела сильное впечатлѣніе въ нашихъ высшихъ военныхъ сферахъ и вызвала сочувственную отповѣдь, въ видѣ благодарственнаго письма автору отъ имени генераловъ и офицеровъ свиты усопшаго государя. Вотъ этотъ адресъ:

«Господинъ придворный совѣтникъ,

«Чрезъ благосклонное посредство его королевскаго высочества, принца Карла прусскаго, доставлены намъ, нижеподписавшимся, отъ вашего имени нѣсколько экземпляровъ 9-го выпуска вашего изданія «Другъ солдата». Съ живѣйшимъ удовольствіемъ нашли мы въ этихъ листахъ полное выраженіе бо̀льшей части нашихъ собственныхъ чувствъ, съ величайшимъ иинересомъ слѣдили мы за разсказомъ, въ коемъ вы изложили намъ столько новаго о пребываніи нашего покойнаго незабвеннаго императора посреди нашихъ прусскихъ товарищей. Въ столь тревожное время, каково переживаемое нами, радостно подѣйствовало на насъ, что чистое, простое и величественное изображеніе нашего въ Бозѣ почившаго императора, взирать на добродѣтели котораго и удивляться имъ было намъ дано въ непосредственной его близости, нашло себѣ выраженіе въ живыхъ и ясныхъ чертахъ, подъ перомъ безпристрастнаго писателя.

«Вы высказали истину, и только одну истину! Примите же за это нашу живѣйшую и искреннѣйшую благодарность».

«С.-Петербургъ.
«7 (19) апрѣля 1855 года.»

Подписали: генералъ-адъютанты: *Кноррингъ*, *баронъ Мейендорфъ*, *Катенинъ*, *Философовъ*, *Засъ*, *Безакъ*, *баронъ Будбергъ*, *Гринвальдъ*, *Ефимовичъ*, *Толстой*, *баронъ Притвицъ*, *графъ*

Ржевускій, князь Вл. Меншиковъ, баронъ Корфъ, Огаревъ, графъ Бенкендорфъ; генералъ-маіоры свиты е. и. в.: графъ Бетанкуръ, Демидовъ, графъ Барановъ; флигель-адъютанты: баронъ Теттенборнъ, Веймарнъ, Анненковъ, Слѣпцовъ, Воейковъ, графъ Крейцъ, князь Багратіонъ, Гербель, Волковъ, Скобелевъ, графъ Левашовъ, Стюрлеръ.

Одна только треть столѣтія отдѣляетъ насъ отъ времени, когда былъ написанъ приведенный выше документъ, а между тѣмъ, онъ звучитъ несравненно болѣе отдаленнымъ анахронизмомъ. Нѣтъ уже той Пруссіи, къ которой такъ благоволилъ императоръ Николай, и прусская армія, имъ столь любимая и отличаемая, преобразилась съ тѣхъ поръ въ армію нѣмецкую, считающую себя могущественнѣйшею въ мірѣ, едва ли не неодолимою. Будущее покажетъ, достаточно ли ея для охраны цѣлости и независимости германскаго отечества и не были ли судьбы Германіи болѣе обезпечены отъ всякаго рода опасностей внутреннихъ или внѣшнихъ, когда резервомъ сравнительно немногочисленнаго прусскаго войска служили вооруженныя силы великаго русскаго государства и народа.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ I О РОССІИ.

ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ I О РОССІИ.

I.

Достопамятности Вильгельма I.

Луи Шнейдеръ.—Принцъ прусскій приближаетъ его къ себѣ.—Военная біографія принца.—Обязанности Шнейдера по вступленіи Вильгельма I на престолъ.—Лѣтопись Достопамятностей.—Отзывъ о ней короля.—Отношенія Шнейдера къ Бисмарку.—Смерть Шнейдера.

Недалеко отъ насъ то время, когда между Россіею и Пруссіею, не вполнѣ еще преобразившеюся въ единую Германію, царило совершенное согласіе, нагляднымъ и умилительнымъ выраженіемъ котораго служили близкія, дружественныя, чисто родственныя отношенія другъ къ другу государей обѣихъ странъ и членовъ ихъ царственныхъ семей. Узы союза дружбы и родства, завязанныя императоромъ Александромъ I и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, продолжали соединять и ихъ преемниковъ, и связь эта никогда не являлась болѣе искреннею и задушевною, чѣмъ въ общеніи императора Александра II съ его маститымъ дядею и, какъ любилъ онъ выражаться, «лучшимъ другомъ» императоромъ-королемъ Вильгельмомъ I.

Многочисленныя тому доказательства находимъ мы въ книгѣ, озаглавленной: «*Изъ жизни императора Вильгельма*» и составляющей посмертное произведеніе извѣстнаго королевско-прусскаго чтеца Луи Шнейдера [1]. Вслѣдствіе особыхъ, совершенно необычайныхъ условій, при которыхъ писалась эта книга,

---

[1]) *Aus dem Leben Kaiser Wilhelms,* von L. Schneider. Berlin. 1888. Drei Bände.

она является историческимъ документомъ первостепенной важности, имѣющимъ полное право на вниманіе русскаго общества.

Изданный въ трехъ томахъ трудъ покойнаго Шнейдера,— къ слову сказать, горячаго и убѣжденнаго сторонника Россіи,— имѣетъ для исторіи перваго германскаго императора изъ дома Гогенцоллерновъ значеніе вполнѣ достовѣрнаго и единственнаго, по своей непосредственности, источника, всесторонне выясняющаго величавую личность Вильгельма I, какъ государя и человѣка. Онъ изобилуетъ доселѣ неизвѣстными данными объ образѣ мыслей и дѣйствій этого монарха, а также подробностями о его частной жизни, обстановкѣ, вкусахъ и привычкахъ, весьма важными для его характеристики. Въ этомъ отношеніи названная книга представляетъ большое сходство съ Записками и Воспоминаніями гг. Гезекиля и Буша, посвященными изображенію домашняго обихода «знаменоносца» нѣмецкаго единства, имперскаго канцлера князя Бисмарка.

Для насъ, русскихъ людей, наибольшій интересъ представляютъ тѣ страницы, въ которыхъ излагаются какъ отзывы Вильгельма I о нашемъ отечествѣ, такъ и личныя отношенія его къ нѣжно-любимому племяннику, императору Александру II. Съ этой частью книги я и намѣренъ ознакомить читателей, тѣмъ болѣе, что въ ней находится немалое число крайне любопытныхъ дипломатическихъ и придворныхъ документовъ, касающихся сношеній петербургскаго двора съ берлинскимъ,— документовъ несомнѣнной подлинности и донынѣ необнародованныхъ. Всѣ они,—но въ особенности собственноручныя письма и замѣтки императора Вильгельма,—проливаютъ новый и весьма яркій свѣтъ на исторію русско-прусскихъ отношеній въ первыя три четверти XIX вѣка.

Личность Шнейдера не безъизвѣстна моимъ читателямъ. Въ предшедшемъ очеркѣ, «*Императоръ Николай и прусская армія*» [1]), я посвятилъ цѣлую главу «*Другу солдата*», бывшему во всю жизнь свою вѣрнымъ и преданнымъ другомъ и нашего царствующаго дома и отечества. Напомню здѣсь, что изъ актеровъ берлинскаго театра Шнейдеръ преобразился въ любимаго чтеца короля Фридриха-Вильгельма IV и скоро сталъ однимъ изъ довѣреннѣйшихъ его приближенныхъ.

Изъ новой его книги мы узнаемъ, что бывшій въ то время

---

[1]) См. выше, стр. 304—326.

наслѣдникомъ престола и носившій титулъ принца прусскаго принцъ Вильгельмъ не очень жаловалъ сначала своего будущаго біографа, считая его честолюбивою выскочкою. Но мнѣніе свое о немъ принцъ измѣнилъ въ 1848 году, когда Шнейдеръ мужественнымъ противодѣйствіемъ демагогамъ и анархистамъ доказалъ на дѣлѣ свою преданность дѣлу престола и порядка. Взысканный милостями короля, онъ искалъ упрочить за собою и благоволеніе его вѣроятнаго преемника. Средствомъ къ тому послужило ему предпринятое имъ изданіе военной газеты, въ которой онъ, Шнейдеръ, началъ горячо и талантливо отстаивать идеи принца о преобразованіи прусской арміи. Скоро принцъ самъ сталъ сотрудникомъ этой газеты, будучи внесенъ въ списокъ за № 68, и помѣщалъ въ ней собственныя статьи, разумѣется безъ подписи. Между нимъ и издателемъ завязалась по этому поводу оживленная переписка. Впослѣдствіи Шнейдеръ служилъ принцу посредникомъ для помѣщенія статей его и въ другихъ органахъ печати, не по однимъ только военнымъ, но и по политическимъ вопросамъ.

Возложенное принцемъ на Шнейдера порученіе—привести въ порядокъ библіотеку въ дворцахъ его, столичномъ и загородномъ (зàмокъ Бабельсбергъ, близъ Потсдама), еще болѣе сблизило ихъ между собою. Каждую субботу, рано поутру, Шнейдеръ являлся во дворецъ его высочества и принимался за распредѣленіе книгъ по отдѣламъ. Въ берлинскомъ дворцѣ зала, занимаемая библіотекою, была смежна съ рабочимъ кабинетомъ принца, который обыкновенно выходилъ къ своему библіотекарю-добровольцу и вступалъ съ нимъ въ пространныя бесѣды по самымъ разнообразнымъ предметамъ.

При приближеніи пятидесятилѣтней годовщины зачисленія принца Вильгельма въ военную службу (юбилей этотъ праздновался въ 1857 году), Шнейдеръ приступилъ впервые къ составленію краткой біографіи его высочества. Матеріалы для своего труда онъ получилъ отъ самого принца. Тотъ доставилъ ему краткій перечень главнѣйшихъ событій, относящихся до прохожденія принцемъ военной службы, замѣтивъ шутя, что они пригодятся для составленія его некролога. Но этимъ не удовольствовался Шнейдеръ. Онъ самую рукопись біографіи представилъ на разсмотрѣніе принца и получилъ ее обратно съ пространными собственноручными поправками и дополненіями. Въ этомъ видѣ біографія была напечатана въ декабр-

ской книжкѣ издаваемаго Шнейдеромъ «Друга Солдата» за 1856 годъ.

При вступленіи принца Вильгельма въ управленіе государствомъ, въ званіи принца-регента, осенью 1858 года, въ личномъ составѣ какъ двора, такъ и правительства произошли крупныя перемѣны. Неизмѣннымъ осталось лишь положеніе королевскаго чтеца, продолжавшаго пользоваться милостивымъ расположеніемъ его высочества и по восшествіи принца на престолъ въ 1861 году, подъ именемъ короля Вильгельма I. Шнейдеръ сохранилъ и назначенное ему Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV ежегодное вознагражденіе въ 500 талеровъ, хотя при новомъ королѣ совершенно прекратились еженедѣльныя чтенія, столь любимыя его предшественникомъ. По-прежнему впрочемъ являлся онъ по субботамъ во дворецъ, по-прежнему удостоивался и свиданія, и бесѣдъ съ королемъ, безъ свидѣтелей.

Онъ сумѣлъ сдѣлаться совершенно необходимымъ лицомъ въ кругу наиболѣе близкихъ къ его величеству людей. Удивительное разнообразіе проявлялъ онъ въ своей дѣятельности, тѣмъ болѣе усердной, чѣмъ менѣе она являлась опредѣленною. Сотрудничая въ нѣсколькихъ крупныхъ политическихъ газетахъ прусскихъ и иностранныхъ, онъ въ статьяхъ своихъ проводилъ личныя воззрѣнія короля на политическіе и военные вопросы. Зная, какую важность придавалъ Вильгельмъ I внѣшнимъ атрибутамъ монархической власти, Шнейдеръ немало труда посвящалъ изученію геральдики и придворнаго церемоніала, писалъ цѣлыя обширныя изслѣдованія по исторіи прусскихъ знаменъ, орденовъ и другихъ знаковъ отличій. Наконецъ, онъ же доставлялъ королю всевозможныя интересовавшія его новости, не доходившія до него путемъ оффиціальныхъ министерскихъ докладовъ. Король сталъ брать его съ собою во всѣ свои путешествія, а когда наступилъ періодъ войнъ, то и въ походъ, уже въ качествѣ своего личнаго исторіографа.

При всѣхъ своихъ многосложныхъ занятіяхъ Шнейдеръ не покидалъ главнаго труда: веденія лѣтописи Достопамятностей своего государя. Пользуясь близостью къ нему, онъ усердно собиралъ все исходившее изъ-подъ его пера, тщательно записывалъ всѣ его рѣчи и высказываемыя имъ сужденія. Рукопись уже составляла 26 листовъ большого формата, какъ вдругъ Шнейдера взяло раздумье. «Въ сознаніи и при твердой волѣ,»—пишетъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ,»—«что даже дѣти мои

прочтутъ эти строки лишь по моей смерти, я позволилъ себѣ сужденія, которыя слугѣ неприлично произносить о своемъ господинѣ; я списалъ письма и сообщенія короля, пользоваться коими или распространять я не имѣлъ права; я разсказалъ вещи, оглашенія которыхъ король, быть можетъ, не желалъ. Я призадумался, и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль не имѣлъ силы писать далѣе. Ужъ не поступилъ ли я непристойно, не взялъ ли на себя произнести изъ моего подчиненнаго положенія сужденія при жизни его о монархѣ, правильно судить о которомъ во всемъ его значеніи можетъ только исторія? Не уподобился ли я Фарнгагену фонъ-Энзе, воспользовавшемуся своимъ случайнымъ положеніемъ и связями съ высокопоставленными лицами для того, чтобы проявить свое недовольство и оскорбленное тщеславіе послѣ смерти столь же ядовито, какъ и при жизни. Это было бы нечестно! Но что же мнѣ дѣлать, дабы по меньшей мѣрѣ засвидѣтельствовать, насколько это зависитъ отъ меня, объ истинно царственномъ государѣ, о которомъ я столько видѣлъ и испыталъ такого, что было неизвѣстно никому, и который не любилъ, чтобы много о немъ знали. Отъ меня можно будетъ, по справедливости, ожидать свѣдѣній о времени и лицахъ, съ коими меня привела въ соприкосновеніе моя необычайно бурная жизнь, о предметахъ, доступныхъ лишь моему исключительному положенію. То, что я сдѣлалъ и хотѣлъ еще сдѣлать въ будущемъ, представилось мнѣ долгомъ».

За разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній Шнейдеръ обратился къ королю. Осенью 1864 года онъ вручилъ ему 26 листовъ своей рукописи съ вопросомъ: можетъ ли онъ продолжать ее или долженъ уничтожить? «Ваше величество,»—сказалъ онъ при этомъ случаѣ,—«конечно вполнѣ увѣрены, что я не сохраню ни единой строки, ежели то, что написано мною, вамъ не угодно. Я согласенъ на уничтоженіе всей рукописи или на исключеніе тѣхъ изъ событій и документовъ, которые не подлежатъ обнаруженію. Но на измѣненіе моихъ сужденій или взглядовъ моихъ на предметы и лица — я не согласенъ. Соблаговолите, ваше величество, милостиво отнестись къ моему по истинѣ необычайному обращенію, къ тому, что слуга осмѣливается представить своему господину при жизни то, что прочтутъ или узнаютъ о немъ лишь по его смерти».

Король продержалъ у себя рукопись цѣлые пять мѣся-

цевъ. Онъ возвратилъ ее автору 12 (24) апрѣля 1865 года, при слѣдующемъ письмѣ:

«Берлинъ 24. 4. 65.

Au risque, что строки эти также будутъ нѣкогда парадировать въ приложеніи, посылаю вамъ оное присемъ обратно, съ замѣчаніемъ, что оно меня крайне (enorm) заинтересовало и развлекло, между прочимъ о буквѣ Л. [1]). Къ тому же все такъ правильно и истинно (за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ вы меня хвалите), что я несчетныя сцены живо видѣлъ передъ собою.

«*Continuez ainsi*. Я также примирился со вступленіемъ, хотя и не помню, чтобы вызвалъ его я именно такимъ образомъ.

В.

«Какое горе въ Ниццѣ! Трагична смерть наслѣдника престола въ такіе годы, женихомъ и на чужбинѣ, сына такихъ родителей!»

Послѣднія строки относятся къ кончинѣ цесаревича Николая Александровича, послѣдовавшей въ Ниццѣ въ самый день написанія письма.

Съ удвоеннымъ рвеніемъ сталъ Шнейдеръ продолжать задуманное дѣло и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ представилъ королю дальнѣйшіе 14 листовъ своей работы. Онъ получилъ ихъ обратно 6 (18) октября того же 1865 года со многими дополненіями и поправками, начертанными собственною рукою его величества, но безъ малѣйшихъ измѣненій его взглядовъ и сужденій. Съ этихъ поръ онъ принялъ за правило все, что писалъ о королѣ, представлять на его разсмотрѣніе и утвержденіе. Съ понятною и вполнѣ законною гордостью, замѣчаетъ онъ по этому поводу:

«Король не пропустилъ бы ничего ложнаго, ибо всякая неправда претила его внутренней природѣ. Такимъ образомъ я могъ продолжать увѣренно писать далѣе и искренно радуюсь тому, такъ какъ эти листы, которые прочтутъ только послѣ моей смерти, заключаютъ въ самихъ себѣ доказательство своей правдивости».

---

[1]) Въ первой части «*Воспоминаній*» Шнейдеръ упоминаетъ объ усвоенной королемъ привычкѣ на адресахъ своихъ къ нему писемъ обозначать его имя «Луи» буквою Л. необычайныхъ размѣровъ. Подчеркнутыя слова писаны по-французски въ нѣмецкомъ подлинникѣ.

Просмотръ и сотрудничество короля дѣйствительно придаютъ собраннымъ Шнейдеромъ *Достопамятностямъ* необычайную цѣну. Въ нихъ маститый монархъ выступаетъ главнымъ не только дѣйствующимъ, но и говорящимъ и мыслящимъ лицомъ. За такой богатый вкладъ въ исторію своей родины Шнейдеру можно простить проявляемую имъ слабость придавать себѣ большее значеніе, чѣмъ онъ имѣлъ на самомъ дѣлѣ, и заявлять притязаніе на долю участія въ политическихъ событіяхъ, несоразмѣрную со скромнымъ положеніемъ его при прусскомъ дворѣ. Если въ послѣдніе годы царствованія Фридриха-Вильгельма IV, любимецъ-чтецъ его и пользовался нѣкоторымъ вліяніемъ на больнаго и слабоумнаго короля, то о такомъ вліяніи, какъ видно изъ самой книги, не могло быть и рѣчи при твердомъ и вполнѣ самостоятельномъ его преемникѣ, всего менѣе со времени вступленія въ должность министра-президента Оттона фонъ Бисмарка-Шэнгаузена. Будущій имперскій канцлеръ не терпѣлъ чьего-либо вмѣшательства въ дѣла, за которыя онъ несъ оффиціальную отвѣтственность, и этимъ объясняется отчасти нерасположеніе его къ Шнейдеру, въ свою очередь относившемуся къ нему столь же недружелюбно. Настроеніе это довольно явственно проглядываетъ во всѣхъ его упоминаніяхъ о главномъ совѣтникѣ и сотрудникѣ короля, впослѣдствіи императора Вильгельма.

По мысли Шнейдера, дополненіемъ къ жизнеописанію долженъ былъ служить альбомъ акварелей, представляющихъ наиболѣе выдающіеся моменты изъ жизни Вильгельма I. Особенностью ихъ было тщательное соблюденіе всѣхъ подробностей мѣстности, костюмовъ, мундировъ, орденовъ и проч. Рисунки составлялись придворнымъ живописцемъ Фуксомъ по указаніямъ короля, который снабдилъ ихъ собственными примѣчаніями и поясненіями. Многіе изъ нихъ воспроизведены Шнейдеромъ въ его книгѣ.

Трудъ свой онъ довелъ до 1873 года и хотя прожилъ еще пять лѣтъ, но не продолжалъ далѣе. Согласно его завѣщанію, сочиненіе: «*Изъ жизни императора Вильгельма*» должно было появиться въ печати лишь послѣ смерти какъ самого монарха, такъ и составителя.

Луи Шнейдеръ умеръ 4 (16) декабря 1878 года. Послѣднею его работою были написанныя имъ подъ диктовку императора, всего за десять дней до смерти, рѣчи его величества,

обращенныя къ представителямъ города Берлина и къ прусскимъ министрамъ, въ отвѣтъ на поздравленія по случаю выздоровленія отъ ранъ, нанесенныхъ злодѣйскимъ выстрѣломъ Нобилинга.

II.

Воспоминанія объ императорѣ Александрѣ I.

Война за освобожденіе. — Походъ 1814 года. — Посѣщеніе Парижа королемъ Вильгельмомъ въ 1867 году. — Назначеніе великаго князя Николая Павловича наслѣдникомъ русскаго престола.

Принцу Вильгельму шелъ всего шестнадцатый годъ, когда отраженіе Россіею французскаго нашествія и переходъ русскихъ войскъ за Нѣманъ побудили короля Фридриха-Вильгельма III призвать свой народъ къ участію въ борьбѣ за освобожденіе Европы. Знаменательная эпоха эта запечатлѣлась въ памяти царственнаго юноши, по примѣру родителей своихъ питавшаго чувства глубочайшаго благоговѣнія къ великодушному вождю союзныхъ силъ, императору Александру I. Одна изъ первыхъ картинъ упомянутаго выше альбома изображаетъ представленіе Благословенному, въ мартѣ 1813 года, на балѣ въ Берлинѣ первыхъ двухъ прусскихъ добровольцевъ: то были наслѣдный принцъ, впослѣдствіи король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, и братъ его, принцъ Вильгельмъ.

Молодые принцы наряжены были въ мундиры, сходные по покрою съ русскими казацкими. Форма эта, установленная для прусскихъ добровольцевъ, доставила имъ въ народѣ прозвище «ручныхъ казаковъ» (zahme Kosacken). Художникъ представилъ на эскизѣ принца Вильгельма въ непосредственной близости короля, отца его. Король Вильгельмъ потребовалъ измѣненія рисунка. «Я не посмѣлъ бы», замѣтилъ онъ, «стоять такъ близко отъ моего покойнаго родителя. Мы, дѣти, питали къ нему столь глубокое уваженіе, что никто изъ насъ не рѣшился бы на это иначе, какъ по особому приказанію».

Подобное же замѣчаніе вызвала и картина, изображающая военный совѣтъ, происходившій въ Витри 12 (24) марта

1814 года, на которомъ рѣшено было двинуться прямо къ Парижу, оставивъ въ тылу Наполеона и его армію. И тутъ художникъ поставилъ принца невдалекѣ отъ группы совѣщавшихся монарховъ и полководцевъ, такъ что можно было подумать, что и онъ принималъ участіе въ совѣтѣ. Король нашелъ это неумѣстнымъ. «Никогда мы не посмѣли бы стоять такъ близко,»—сказалъ онъ.—«Когда, по окончаніи военнаго совѣта, мы, въ весьма простительномъ возбужденіи, спросили отца: *Идемъ на Парижъ?* то получили въ отвѣтъ: *Не ваше дѣло!* Лишь гораздо позже узнали мы, о чемъ происходило совѣщаніе».

Къ новому 1867 году Шнейдеръ поднесъ королю составленный имъ біографическій календарь, гдѣ подъ каждымъ днемъ приведены замѣчательныя событія изъ жизни его величества. Календарь этотъ былъ повѣшенъ въ рабочемъ кабинетѣ короля, который самъ дѣлалъ къ нему собственноручныя дополненія. Такъ подъ однимъ изъ январскихъ дней значилось: «Въ 1814 году, въ главной квартирѣ въ Лангрѣ, императоръ Александръ I представилъ королю и его сыновьямъ прибывшаго туда изъ Швейцаріи Лагарпа». Король Вильгельмъ приписалъ: «Онъ представилъ его намъ со словами: Tout ce que je sais et tout ce que — peut être — je vaux, c'est à m-r Laharpe que je le dois [1]). Впослѣдствіи мы видѣли Лагарпа въ Парижѣ украшеннымъ орденомъ св. Андрея, и простой ученый, носящій высшій русскій орденъ, былъ для насъ необычайнымъ явленіемъ. По наведенной нами справкѣ оказалось, что императоръ потому такъ его отличилъ, что именно онъ совѣтовалъ и настаивалъ на томъ, дабы во что бы ни стало овладѣть столицею Франціи. Не слѣдовало-де давать вводить себя въ обманъ прыжками Наполеона, а Францію возможно побѣдить только въ Парижѣ».

Такъ объяснялъ императоръ Вильгельмъ I пожалованіе Лагарпу Андреевской ленты. Со своей стороны замѣчу, что въ высочайшемъ рескриптѣ, которымъ сопровождалось это пожалованіе, не упомянуто объ участіи Лагарпа въ военныхъ совѣщаніяхъ, а мотивировано оно слѣдующими словами: «Желая воздать должную справедливость тѣмъ отличительнымъ попеченіямъ и трудамъ, кои оказываемы были вами съ самыхъ

---

[1]) «Всѣмъ, что я знаю, а быть можетъ и всѣмъ, что стою, обязанъ я г. Лагарпу».

молодыхъ лѣтъ моихъ при воспитаніи моемъ, и будучи движимъ должною къ вамъ благодарностью, препровождаю при семъ и т. д.» [1]).

Вообще императоръВильгельмъ любилъ въ своихъ разсказахъ возвращаться къ героическому періоду юности. При посѣщеніи имъ Парижа въ 1867 году онъ, по словамъ его, часто вспоминалъ о впечатлѣніяхъ вынесенныхъ имъ изъ пребыванія въ этомъ городѣ въ 1814 и 1815 годахъ. Ему приходилось оглядываться, нѣтъ ли по близости кого-либо изъ французскихъ военныхъ, каждый разъ, какъ онъ хотѣлъ заговорить объ этихъ воспоминаніяхъ. Такой случай произошелъ при обозрѣніи парка, разведеннаго Наполеономъ III на холмѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Buttes Chaumont, откуда открывается прелестный видъ на Парижъ. «Удивительное чувство,»—воскликнулъ король,—«испытываешь, видя у ногъ своихъ столицу побѣжденной страны!»

Послѣднее изъ приведенныхъ Шнейдеромъ свидѣтельствъ императора Вильгельма, относящихся къ царствованію Александра I, касается важнаго эпизода изъ новѣйшей нашей исторіи, а именно, назначенія наслѣдникомъ русскаго престола великаго князя Николая Павловича.

Въ числѣ замѣчательныхъ политическихъ брошуръ, представляемыхъ принцу-регенту, по мѣрѣ выхода ихъ, президентомъ берлинской полиціи, находилась появившаяся въ 1859 году въ Парижѣ книжка, озаглавленная: «Projet d'une charte constitionnelle d'Alexandre I, empereur de Russie, et les derniers jours de la vie de l'empereur Alexandre». Въ приложенномъ къ книжкѣ докладѣ выражалось, между прочимъ, мнѣніе, что король Фридрихъ-Вильгельмъ III и любимецъ его, князь Витгенштейнъ, знали о существованіи государственныхъ актовъ, передававшихъ право престолонаслѣдія великому князю Николаю, потому-де что о тайномъ рѣшеніи своемъ императоръ Александръ сообщилъ имъ незадолго до бракосочетанія втораго брата своего съ принцессою Шарлоттою, тогда какъ великій князь Николай и его супруга ничего не знали объ этихъ распоряженіяхъ впредь до самой кончины императора Александра. Принцъ Вильгельмъ написалъ на самомъ докладѣ слѣдующую въ высшей степени любопытную поправку:

---

[1]) Императоръ Александръ I Лагарпу 29 марта (11 апрѣля) 1814. («Сборникъ И. Р. И. О.», V, стр. 2.

«Все ложно! *Одинъ я*, по *особому* довѣрію ко мнѣ императора Александра, зналъ объ отреченіи великаго князя Константина въ пользу Николая. Сообщеніе это сдѣлано было мнѣ въ Гатчинѣ, въ половинѣ октября 1823 года. Актъ отреченія помѣченъ маемъ того же года, и переговоры по этому предмету относятся ко времени вступленія въ бракъ великаго князя Константина съ княгинею Ловичъ, въ 1822 году. Императоръ Николай и императрица Александра получили лишь поверхностное и отнюдь не оффиціальное извѣстіе объ актѣ, чѣмъ и объясняется образъ дѣйствій великаго князя Николая при полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра. Я самъ, по возвращеніи моемъ изъ Петербурга (для присутствованія при бракосочетаніи наслѣднаго принца), доложилъ королю о сообщеніи императора Александра, къ его, короля, величайшему изумленію. Кромѣ него, никто объ этомъ не слышалъ отъ меня ни единаго слова. Я не думаю также, чтобы король что-либо сказалъ о томъ князю Витгенштейну. Когда дошла до Берлина вѣсть о кончинѣ императора Александра, я поспѣшилъ къ королю. Онъ и я *одни* только и знали о томъ, что предстояло и что тотчасъ же и произошло, чрезъ различныя присяги въ Варшавѣ и Петербургѣ. Отъ императора Александра узналъ я также, что акты хранятся въ двухъ экземплярахъ въ архивѣ въ Петербургѣ и въ каѳедральномъ соборѣ въ Москвѣ. Все, что сказано на стр. 61 по 1-му вопросу, совершенно ложно, равно и по 2-му. Когда я, по смерти императора Александра, былъ посланъ чрезъ Варшаву въ Петербургъ, и передалъ великому князю Константину, что я и кромѣ меня только одинъ король знали объ его отреченіи, то онъ вовсе не хотѣлъ тому повѣрить, пока я не разсказалъ ему всѣхъ подробностей, которыя онъ тотчасъ же обстоятельно дополнилъ.»

«*Вильгельмъ.*»

Разсказъ принца-регента вполнѣ подтверждается документальнымъ изложеніемъ воцаренія Николая Павловича графомъ Корфомъ, въ извѣстномъ сочиненіи его: «*Восшествіе на престолъ императора Николая I*». Неточность встрѣчается лишь въ нѣкоторыхъ числахъ, а именно: бракъ цесаревича Константина Павловича съ графинею Іоанною Грудзинскою, возведенною въ санъ княгини Ловичской, состоялся не въ 1822 году, а 12 (24) мая 1820 года, высочайшій же манифестъ о назначеніи

наслѣдникомъ престола великаго князя Николая подписанъ не въ маѣ, а 16 (28) августа 1823 года. Совершенно неизвѣстно было доселѣ, что императоръ Александръ I избралъ повѣреннымъ важной государственной тайны юнаго принца и повѣдалъ ему то, что оставалось таковою даже для наиболѣе заинтересованной въ дѣлѣ великокняжеской четы. Обстоятельство это ярко отмѣчаетъ любовь и уваженіе, которыя принцъ Вильгельмъ успѣлъ въ короткое время пріобрѣсть въ русской царственной семьѣ, и высокое довѣріе, внушенное имъ Благословенному.

III.

Воспоминанія объ императорѣ Николаѣ I.

Кончина короля Фридриха-Вильгельма III.—Принцъ Вильгельмъ въ Ольмюцѣ въ 1853 году.—Гравюры сраженія при Ольтеницѣ.—Гипсовыя снимки съ лица и руки императора Николая.—Письмо принца Вильгельма къ герцогу Эрнсту Саксенъ-Кобургскому.

Не смотря на многолѣтнюю и тѣсную дружбу, связывавшую принца Вильгельма съ его царственнымъ зятемъ, мужемъ любимой сестры его, объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ встрѣчается сравнительно немного свѣдѣній въ собранныхъ Шнейдеромъ замѣткахъ и разсказахъ его государя.

Трогательную картину рисуетъ король Вильгельмъ, повѣствуя о послѣднихъ минутахъ отца своего, Фридриха-Вильгельма III, смертный одръ котораго окружила вся семья и въ рядахъ ея—императоръ и императрица всероссійскіе. «Слова, сказанныя королемъ императору,»—такъ гласитъ собственноручная его приписка къ одному изъ корректурныхъ листовъ составленной Шнейдеромъ военной біографіи его,—«были совершенно непонятны. Княгинѣ Лигницъ [1]) показалось, что онъ хотѣлъ сказать: ça va mal! Король вполнѣ узналъ императора, такъ какъ, при словахъ императрицы: «Никсъ [2]) тоже здѣсь!» онъ повернулся на постели, взглянулъ на императора, который

---

[1]) Морганатическая супруга короля Фридриха-Вильгельма III.

[2]) Такъ звали императора Николая прусскіе родственники.

поцѣловалъ его руку, и, узнавъ его, издалъ эти звуки и при этомъ поднялъ обѣ сложенныя руки на грудь, выражая какъ бы удивленіе и живѣйшую благодарность. Впрочемъ, онъ узналъ всѣхъ насъ при послѣднемъ разставаніи. Было около 12½ часовъ. На меня взглянулъ онъ пристально, произнесъ шесть или восемь словъ, которыя, впрочемъ, невозможно было разобрать, а мнѣ при этомъ пришло въ голову, что онъ прощается съ гвардіею. Мы, дѣти, императоръ и наслѣдникъ [1]), начиная съ часа, оставались въ сосѣдней комнатѣ, а зятья и невѣстки—въ слѣдующей, пока не кончилось».

Въ очеркѣ, посвященномъ изслѣдованію отношеній прусскаго двора съ нашимъ въ царствованіе императора Николая [2]), я имѣлъ случай упомянуть объ охлажденіи, происшедшемъ въ послѣдніе годы жизни этого государя между нимъ и принцемъ Вильгельмомъ, вслѣдствіе противодѣйствія, оказаннаго Россіей объединительнымъ замысламъ Пруссіи въ Германіи. Вскорѣ послѣ того произошла послѣдняя ихъ встрѣча въ Ольмюцѣ, въ сентябрѣ 1853 года. Русскій императоръ пріѣхалъ туда не столько для того, чтобы присутствовать при осеннихъ манёврахъ австрійской арміи, сколько съ цѣлью попытаться личнымъ своимъ вліяніемъ побудить императора Франца-Іосифа соблюдать строгій нейтралитетъ въ возгорѣвшейся войнѣ между Россіею съ одной стороны и Турціею, поддержанною Франціею и Англіею,—съ другой. Принцъ Вильгельмъ прибылъ въ Ольмюцъ въ качествѣ союзнаго инспектора австрійскаго контингента, входившаго въ составъ военныхъ силъ Германскаго Союза. Шнейдеръ сопровождалъ его въ этой поѣздкѣ и оставилъ намъ слѣдующее характерное описаніе перваго дня, проведеннаго принцемъ въ вышеназванномъ городѣ:

«Одна сцена въ Ольмюцѣ для меня незабвенна, какъ доказательство тѣхъ тягостей, которымъ государи подвержены болѣе всѣхъ прочихъ людей. Въ день пріѣзда въ Ольмюцъ, принцъ былъ одѣтъ въ дорогѣ въ прусскій мундиръ и за нѣсколько станцій до Ольмюца надѣлъ свой австрійскій мундиръ, потому что императоръ встрѣчалъ его на вокзалѣ желѣзной дороги. По прибытіи на отведенную ему квартиру, онъ нашелъ

---

[1]) Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

[2]) См. выше, «*Императоръ Николай и прусскій дворъ*», стр 275.

тамъ собравшимися значительное число офицеровъ VI прусскаго корпуса, прибывшихъ изъ Силезіи для присутствованія на манёврахъ императорскихъ войскъ. Они собрались передъ домомъ въ парадныхъ мундирахъ, дабы привѣтствовать принца, который, обрадовавшись столькимъ прусскимъ офицерамъ, принялъ ихъ въ большой залѣ перваго этажа. Для сего снятъ былъ австрійскій и надѣтъ прусскій мундиръ. Едва удалились офицеры, какъ раздалось: императоръ ѣдетъ съ визитомъ къ принцу. Тогда снятъ былъ мундиръ прусскій и надѣтъ австрійскій. Вскорѣ послѣ того нужно было отдать визитъ, и принцъ могъ остаться въ своемъ австрійскомъ мундирѣ. Я находился въ его комнатѣ, когда запыхавшійся посланный возвѣстилъ: русскій императоръ сейчасъ прибудетъ на вокзалъ. Пришлось снять австрійскій мундиръ и надѣть русскій, разумѣется, со всѣми орденскими знаками. По возвращеніи съ пріема императора Николая, нужно было отдать визитъ императору Францу-Іосифу въ австрійскомъ мундирѣ, а къ обѣду требовалась новая перемѣна, ибо до того у себя дома принцъ надѣлъ прусскій мундиръ. Все это произошло въ продолженіе какихъ-нибудь двухъ часовъ и было неизбѣжно. Наконецъ, принцъ самъ улыбнулся по поводу этихъ нескончаемыхъ метаморфозъ».

Далѣе Шнейдеръ разсказываетъ, что при парадномъ богослуженіи въ лагерѣ, подъ открытымъ небомъ, когда преклонили колѣна оба императора, окружающая ихъ свита и всѣ войска, одинъ только принцъ прусскій съ сопровождавшимъ его сыномъ, принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, продолжали стоять. «Въ такую торжественную минуту,»—поясняетъ Шнейдеръ,—«это не могло остаться незамѣченнымъ, такъ какъ случилось это въ средоточіи всего круга. Этимъ обозначалась полная самостоятельность Пруссіи даже при истинно величественномъ зрѣлищѣ сбора войскъ и свиданія двухъ императоровъ!»

О личныхъ отношеніяхъ принца къ императору при встрѣчѣ въ Ольмюцѣ Шнейдеръ совершенно умалчиваетъ. Политическія соображенія побуждали перваго держать сторону нашихъ противниковъ. Но это не измѣнило чувствъ его къ августѣйшему зятю, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго приводимаго Шнейдеромъ трогательнаго случая.

Въ началѣ 1855 года,—Восточная война была уже въ пол-

номъ разгарѣ,—Шнейдеръ получилъ отъ друзей своихъ изъ Россіи литографіи съ изображеніемъ боевыхъ сценъ изъ осенней кампаніи въ Княжествахъ. Онъ показалъ ихъ принцу, который выразилъ желаніе пріобрѣсти эти гравюры. Въ продажѣ ихъ не оказалось, такъ какъ изготовлены онѣ были по повелѣнію и на средства Николая Павловича; однако Шнейдеру удалось добыть для принца и второй экземпляръ, который онъ и препроводилъ его высочеству.

Принцъ пожелалъ узнать, кому обязанъ онъ любезнымъ подаркомъ. Съ этимъ запросомъ Шнейдеръ обратился въ Петербургъ на другой день по кончинѣ императора Николая и получилъ оттуда такой отвѣтъ: «Я очень радъ, узнавъ изъ вашего письма отъ 3 марта, что литографіи сраженія при Ольтеницѣ дошли по назначенію. Если августѣйшій принцъ, коему онѣ были предназначены, хочетъ знать, кто ихъ послалъ ему, то вы можете ему сказать, что въ Бозѣ почившій императоръ Николай, извѣстясь, что его королевское высочество желаетъ имѣть эти литографіи, повелѣлъ графу Орлову отправить ему оныя, вслѣдствіе чего мнѣ и было поручено доставить ихъ вамъ, съ тѣмъ, чтобы вы повергли ихъ къ стопамъ его королевскаго высочества».

Шнейдеръ самое письмо переслалъ въ Кобленцъ къ принцу, который тотчасъ же отвѣтилъ ему:

«Кобленцъ, 28, 3, 55.

«Съ унылою радостью узналъ я чрезъ васъ и возвращаемое приложеніе, что ольтеницскія картины — *послѣдній* даръ *Незабвеннаго!*

«Я былъ бы очень счастливъ, еслибы могъ получить его посмертную гипсовую маску, однако, подъ условіемъ, что это не причинитъ тѣмъ, кто мнѣ ее доставитъ, *непріятностей* или *убытковъ*».

Шнейдеръ имѣлъ уже гипсовые снимки съ лица и руки покойнаго государя, которые, кромѣ него, получилъ еще король Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Онъ снова прибѣгнулъ къ посредничеству графа Орлова и, благодаря ему, могъ удовлетворить желаніе принца. Посмертная гипсовая маска Николая Павловича нынѣ хранится, подъ бѣлымъ покрываломъ, на среднемъ столѣ библіотеки, въ собственномъ императора Вильгельма дворцѣ, въ Берлинѣ.

Не подлежатъ сомнѣнію глубина и искренность чувства

дружбы, которую питалъ принцъ Вильгельмъ къ императору Николаю, но столь же несомнѣнно и то, что политическія воззрѣнія наслѣдника прусскаго престола были вполнѣ независимы отъ его личныхъ привязанностей. Нагляднымъ тому доказательствомъ служитъ письмо его къ герцогу саксенъ-кобургскому, написанное всего двѣ недѣли по кончинѣ государя, котораго самъ принцъ Вильгельмъ почтилъ именемъ *Незабвеннаго.* Оно ярко характеризуетъ и взглядъ принца на основныя начала, коими, по мнѣнію его, Пруссіи необходимо руководствоваться въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи.

«Прими мою искреннюю благодарность за твое любвеобильное участіе по случаю утраты, понесенной Европою въ лицѣ великаго человѣка, царствовавшаго на дальнемъ Сѣверѣ, утраты, которая естественно была для меня вдвойнѣ тяжкою и даже незамѣнимою, такъ какъ я имѣю право называть покойнаго моимъ дорогимъ и преданнымъ другомъ! Всего за нѣсколько недѣль мы высказались другъ передъ другомъ письменно о нашей неизмѣнной личной дружбѣ при различіи взглядовъ на политическія отношенія. Въ этомъ заключается для меня несказанное успокоеніе.

«При пріѣздѣ С., я принялся было отвѣчать тебѣ, что, какъ я уже сказалъ тебѣ по телеграфу, было невозможно въ первые дни послѣ жестокаго удара, въ томъ видѣ, какъ ты этого желалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ тебѣ извѣстно, здѣсь побѣдила политика сочувствія, въ томъ смыслѣ, что переговоры о заключеніи трактата отложены, не предрѣшая вопроса объ ихъ возобновленіи и доведеніи до конца. За то приняли протоколъ отъ 28 декабря, въ надеждѣ вступить въ конференцію и безъ трактата. Согласятся ли западныя державы на такое вступленіе безъ трактата—вопросъ, имѣющій разрѣшиться на-дняхъ. Я въ этомъ сомнѣваюсь, ибо хотя онѣ и узрѣли бы въ насъ постояннаго ходатая въ Вѣнѣ за Россію, но такого, который, будучи связанъ договоромъ, все-же явился бы менѣе опаснымъ и колеблющимся. Il faut donc attendre [1]). Безъ наступленія великаго событія въ Петербургѣ, я думаю, что трактатъ между Пруссіею и Западными державами состоялся бы, не взирая на усилія Крестовой партіи.

«За послѣдніе два года направленіе молодаго императора,

---

[1]) Итакъ надо выжидать. Слова эти написаны по-французски въ нѣмецкомъ подлинникѣ.

какъ извѣстно, противоположно направленію его покойнаго отца, хотя онъ и подчинялся своему государю, какъ того требовалъ долгъ. Съ тѣхъ поръ восточная драма вступила въ фазисъ, недозволяющій Александру II тотчасъ же дать волю своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, хотя въ глубинѣ души онъ, быть можетъ, и не отрекся отъ нихъ.

«Императоръ Николай могъ быть на 90% уступчивѣе, чѣмъ его преемникъ въ настоящую минуту. При извѣстномъ направленіи послѣдняго, представлялось необходимостью—дабы заранѣе не возстановить противъ себя партіи политическаго и церковнаго православія, или только не возбудить подозрѣнія, что онъ не хочетъ сообразоваться съ народнымъ чувствомъ,—было необходимо, повторяю я, тотчасъ же овладѣть ея симпатіями и съ этой точки зрѣнія взираю я на воззваніе къ памяти Петра I, Екатерины, Николая, что впрочемъ не умно въ отношеніи къ остальной Европѣ.

«Между тѣмъ, по скольку я до сихъ поръ зналъ Александра II, онъ конечно не отрѣшится отъ этихъ преданій, но и не станетъ пытаться приводить ихъ въ исполненіе путемъ несвоевременныхъ мѣръ, хотя съ другой стороны и не пропуститъ удобнаго къ тому случая. Я питаю инстинктивную надежду, что ему будетъ возможно заключить миръ. Если только не предложатъ ему ничего унизительнаго, онъ непремѣнно это сдѣлаетъ, и Западныя державы стали также мягкими, вслѣдствіе своихъ усилій, равно какъ уже начинается охлажденіе военнаго пыла въ общественномъ мнѣніи Англіи.

«Если же эти надежды на миръ оправдаются, то рождается великій вопросъ: что тогда дѣлать? Для Австріи и Западныхъ державъ отвѣтъ простъ: война! Но каковъ будетъ онъ по отношенію къ Пруссіи и Германіи? Это недоступно исчисленію, въ виду личныхъ свойствъ извѣстной особы [1]). Здѣсь станутъ взвѣшивать на золотыхъ вѣсахъ, кто виноватъ въ неуспѣхѣ мирныхъ переговоровъ, и все сдѣлаютъ, чтобы при этомъ взвалить вину на Западъ и тогда по меньшей мѣрѣ остаться нейтральнымъ. Если же бы вина въ томъ яркимъ образомъ пала на Россію, то только въ этомъ случаѣ возможно, что Пруссія возобновила бы свои нынѣ пріостановленные переговоры. Какъ бы однако не пришлось сказать: поздно! къ тому

---

[1]) Короля Фридриха-Вильгельма IV.

же при условіяхъ, которыя никакъ не могутъ быть радостнаго свойства.

«Ты знаешь, что такой образъ дѣйствій—не мой, но вслѣдствіе политическаго положенія, котораго я придерживаюсь съ мая, я въ состояніи лишь крайне мимолетно воздѣйствовать на здѣшнія обстоятельства, какъ доказываетъ это послѣднее время. Если бы я не держалъ себя совершенно въ сторонѣ, пока меня не спросятъ, то я въ настоящую минуту очутился бы въ томъ же положеніи, какъ и въ маѣ минувшаго года, и снова былъ бы столь же скомпрометированъ, какъ и тогда.

«Худшая сторона дѣйствій Пруссіи заключается въ томъ, что совершенно упускается изъ виду въ міровомъ кризисѣ европейская точка зрѣнія. Вотъ почему она хочетъ быть то великою державою, то лишь германскою державою. Какъ великой державѣ, ей слѣдуетъ всегда имѣть передъ глазами конечную цѣль драмы, т. е. затѣянное Россіей въ 1853 году неправое дѣло не должно восторжествовать. Нашею нерѣшительностью, нашими колебаніями и, наконецъ, нашимъ non action мы доведемъ дѣло до того, что Россіи представится возможность выйти побѣдительницею изъ катастрофы, а тогда Россія будетъ всѣмъ намъ диктовать миръ, тогда Европѣ придется плясать лишь по ея дудкѣ и для этого ей вовсе не потребуется территоріальныхъ пріобрѣтеній, ей достаточно будетъ нравственнаго главенства, которое должно быть результатомъ такой побѣды съ милліономъ штыковъ за собою, которыхъ знаютъ съ 1848 года, въ качествѣ дядьки для тѣхъ, кто плясать не пожелаетъ.

«Устранить эту цѣль у Пруссіи не хватаетъ мужества, вотъ почему она и ищетъ оправдательныхъ причинъ своему отсутствію мужества и находитъ ихъ въ миролюбіи Германіи; вотъ почему она и изображаетъ изъ себя только германскую державу, изображаетъ изъ себя, такъ сказать, державу, вынужденную стремиться къ миру à tout prix, лишь бы только не поссориться съ Германіей.

«*Я понимаю задачу Пруссіи наоборотъ: чтобы не доставить Россіи побѣду, чтобы не помочь ей достигнуть упомянутаго выше главенства, Пруссія должна войти въ соглашеніе съ Западными державами и вмѣстѣ съ Австріей вести Германію по единственно вѣрному направленію.*

«Если только настанетъ минута, когда вѣнская конференція

распадется, и Австрія воззоветъ къ содѣйствію Германіи болѣе своевременно, чѣмъ въ январѣ — какъ и что отвѣтитъ Германія? Даже въ томъ случаѣ, если бы и тогда Пруссія все еще стала колебаться, я думаю, что Германія согласится на австрійское требованіе, что она принуждена будетъ согласиться на него, если только со своей стороны не захочетъ отречься отъ европейской точки зрѣнія и имѣть въ виду *одну* лишь нѣмецкую. Пойдетъ ли тогда наконецъ Пруссія на буксирѣ Германіи, или же займетъ вмѣстѣ съ Мекленбургомъ совершенно одинокое положеніе—этого я предугадать не берусь.

«Я раздѣляю твое убѣжденіе, что Франція не хочетъ съ нами ссоры, а потому и не поссорится преждевременно, но что она готовится—вполнѣ естественно. Быть можетъ, она уже теперь стягиваетъ войска въ Мецѣ и подъ Парижемъ. Намѣреніе императора отправиться въ Крымъ—вызовъ, брошенный его счастью. Дѣла идутъ тамъ такъ, что онъ легко можетъ сдѣлаться свидѣтелемъ пораженія и что тогда будетъ?

«Удовольствуйся сказаннымъ. Право нельзя ничего предсказать болѣе въ виду здѣшнихъ обстоятельствъ.

«Твой вѣрный другъ

«*Вильгельмъ*» [1]).

IV.

Первые годы царствованія императора Александра II.

Поѣздка государя въ Германію въ 1857 году. — Принцъ прусскій въ Варшавѣ.—Знаменитое изреченіе князя Горчакова.—Варшавскій съѣздъ 1860 года. — Австро-прусская война 1866 года. — Отзывъ князя Горчакова о Вильгельмѣ I.—Соглашеніе Россіи съ Пруссіею.

Три съ половиною года по воцареніи императора Александра II, принцъ Вильгельмъ былъ призванъ, вслѣдствіе тяжкой болѣзни брата-короля, вступить въ управленіе королевствомъ съ титуломъ принца-регента, а въ январѣ 1861 года самъ наслѣдовалъ прусскій престолъ.

[1]) Принцъ Вильгельмъ герцогу Эрнсту саксенъ-кобургскому, 4 (16) марта 1855.

Нѣсколько охладѣвшія во время крымской войны дружескія отношенія между дворами петербургскимъ и берлинскимъ возстановились вполнѣ послѣ парижскаго мира. Уже въ 1857 году императоръ Александръ Николаевичъ совершилъ поѣздку по Германіи, причемъ, конечно, навѣстилъ своихъ прусскихъ родственниковъ. Въ кругу нхъ, въ Потсдамѣ, искала утѣшенія и отдыха послѣ пережитыхъ тяжелыхъ испытаній вдовствующая императрица Александра Ѳеодоровна. Свиданіе съ любимою сестрою было большою радостью для принца Вильгельма. Онъ озаботился поднесеніемъ ея величеству только-что появившейся своей біографіи и писалъ составителю ея Шнейдеру: «Потрудитесь достать мнѣ экземпляръ моего некролога изъ «Друга солдата» (такъ называлъ принцъ въ шутку свое жизнеописаніе), переплетенный, какъ прилагаемая книга, для императрицы, которой извлеченіе ужасно (enorm) понравилось и въ то же время растрогало ее ради стольких воспоминаній изъ годовъ юности».

Лѣтомъ 1858 года принцъ впервые, послѣ долгаго промежутка, посѣтилъ нашъ дворъ въ Варшавѣ, гдѣ присутствовалъ на манёврахъ мѣстныхъ войскъ. Въ поѣздкѣ этой сопровождалъ его Шнейдеръ, мало, однако, распространившійся о ней въ своихъ Запискахъ. Зависѣло это вѣроятно отъ того, что онъ лично вынесъ изъ нея впечатлѣнія непріятныя для его щекотливаго самолюбія. По словамъ его, нашъ военный агентъ въ Берлинѣ, графъ Н. В. Адлербергъ, которому онъ неоднократно оказывалъ разныя услуги по собранію и обработкѣ нужныхъ свѣдѣній, хотя и озаботился, чтобы ему въ Варшавѣ отведена была квартира, но по прибытіи его туда, не зналъ, какъ съ нимъ быть, такъ какъ Шнейдеръ не принадлежалъ къ оффиціальной свитѣ принца. Шнейдеръ выражаетъ предположеніе, что именно лица этой свиты высказали графу свое неудовольствіе по поводу «необъяснимаго» положенія простаго публициста при особѣ принца прусскаго, а графъ «въ своей государственной мудрости» призналъ-де цѣлесообразнымъ не продолжать съ нимъ прежнихъ дружескихъ отношеній. «Это побудило меня,» замѣчаетъ Шнейдеръ не безъ досады, «по возвращеніи въ Берлинъ, пріостановить и мою готовность къ его услугамъ».

Невнимательность, выказанная Шнейдеру въ Варшавѣ, тѣмъ болѣе огорчила его, что незадолго предъ тѣмъ вновь на-

значенный русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ князь А. М. Горчаковъ удостоилъ его чести, въ одной изъ извѣстнѣйшихъ депешъ своихъ, прямо отвѣтить на замѣчаніе, сдѣланное имъ въ «Крестовой Газетѣ» по поводу равнодушія, обнаруженнаго Россіею въ стоявшемъ тогда на очеред инеаполитанскомъ вопросѣ. Въ статьѣ своей отъ 12 (24) августа 1856 года Шнейдеръ писалъ между прочимъ: «Исполняется то, что мы предсказывали о холодной сдержанности Россіи по отношенію къ Неаполю. Россія выдержала горькія испытанія за великодушно оказанную помощь. Что она *дуется* (dass es schmollt) это по-человѣчески естественно, но съ политической точки зрѣнія, чѣмъ дольше это продолжается, тѣмъ менѣе можетъ быть оправдано. Она позволяетъ совершиться тому, что угодно другимъ въ данную минуту. Дипломаты ея молчатъ, и рѣшеніе международныхъ вопросовъ, повидимому, находится въ рукахъ лишь однихъ декабрскихъ союзниковъ». Вслѣдъ за статьею Шнейдера была дѣйствительно обнародована депеша князя Горчакова по неаполитанскимъ дѣламъ, заключающая знаменитую, возбудившую въ свое время столько толковъ и разсужденій фразу: «Россія не дуется, а сосредоточивается» (La Russie ne boude pas, elle se recueille).

Происшедшее въ Варшавѣ въ 1860 году свиданіе принца-регента съ императоромъ Александромъ II, свиданіе, при которомъ присутствовалъ и австрійскій императоръ, окончательно сблизило оба родственные двора: русскій и прусскій. Годъ спустя, на состоявшейся въ Кенигсбергѣ коронаціи короля Вильгельма I, представитель русскаго государя, великій князь Николай Николаевичъ, былъ отличенъ предпочтительно предъ представителями всѣхъ прочихъ державъ. Изъ нихъ лишь онъ одинъ и лица его свиты получили установленную въ память коронаціи медаль, которая была предназначена для однихъ только прусскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ.

Дружественное намъ положеніе, принятое Пруссіею по отношенію къ польскому мятежу, еще болѣе укрѣпило эту связь. Но согласіе обоихъ дворовъ было до извѣстной степени поколеблено своекорыстною и вызывающею политикою Пруссіи въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ. С.-петербургскій кабинетъ не одобрялъ вполнѣ образа дѣйствій берлинскаго и въ несогласіяхъ, возникшихъ между Пруссіею и Австріею по нѣмецкимъ дѣламъ. Незадолго до открытія военныхъ дѣйствій

въ 1866 году, Шнейдеръ слышалъ отъ короля выраженіе сожалѣнія, «что въ Россіи не все идетъ такъ, какъ бы слѣдовало». Когда въ одинъ день подъ Кенигрецомъ была сломлена и уничтожена въ конецъ вся военная сила Австріи, то императоръ Александръ Николаевичъ хотя и поздравилъ тотчасъ же дядю своего по телеграфу съ одержанною блистательною побѣдою, но, какъ свидѣтельствуетъ Шнейдеръ, царская телеграмма заканчивалась словами: «Надѣюсь, что ваше величество будете милостивы къ побѣжденному» (J'espère que votre majesté sera gracieuse envers le vaincu). «Это предостереженіе,»— замѣчаетъ Шнейдеръ,—«поразило меня, потому что оно исходило отъ монарха, отецъ коего былъ награжденъ Австріею самою черною неблагодарностью; поразило оно меня тѣмъ болѣе, что я внезапно увидалъ поднимающіяся съ Запада и Востока моей родины (одновременно получена была въ прусской главной квартирѣ угрожающая телеграмма императора Наполеона III), мрачныя тучи, которыя могли воздвигнуться противъ славы, только-что пріобрѣтенной моимъ царственнымъ повелителемъ».

Я уже упоминалъ о положеніи Шнейдера въ свитѣ короля во время похода 1866 года. Поставляя оффиціальные отчеты о ходѣ военныхъ дѣйствій и въ частности о событіяхъ въ главной королевской квартирѣ въ «*Прусскій правительственный Указатель*», онъ независимо отъ сего писалъ корреспонденціи во многія другія газеты, нѣмецкія и иностранныя. Задачею его было служить въ печати выразителемъ личныхъ взглядовъ короля, которому онъ представлялъ на разсмотрѣніе и исправленіе каждую написанную имъ строку. Что Вильгельмъ I, командуя тремя арміями, находилъ въ походѣ время, дабы по нѣскольку разъ въ день принимать своего исторіографа, исправлять его писанія и даже диктовать ему нѣкоторыя сообщенія, доказываетъ, что государь этотъ не менѣе своего великаго министра постигалъ и цѣнилъ силу общественнаго мнѣнія и признавалъ необходимымъ заручиться его поддержкою въ своихъ политическихъ предпріятіяхъ, какъ необходимымъ залогомъ ихъ успѣха.

По окончаніи войны, Шнейдеръ изъ своихъ воспоминаній и корреспонденцій составилъ повѣствованіе о личномъ участіи короля въ походѣ и издалъ его подъ заглавіемъ «*Король Вельгельмъ въ 1866 г.*». Книжку эту онъ чрезъ друга своего, директора императорскаго Училища Правовѣдѣнія генерала Язы-

кова, поднесъ князю Горчакову. Русскій вице-канцлеръ отвѣчалъ на приношеніе запискою на имя Языкова, которую тотъ не преминулъ сообщить Шнейдеру. Она гласила: «Не взирая на болѣзнь, меня постигшую, и на многотрудныя занятія, лежащія на мнѣ, я прочелъ отъ начала до конца сочиненіе г. Шнейдера о королѣ Вильгельмѣ. Соблаговолите поблагодарить его за наслажденіе, доставленное мнѣ этимъ чтеніемъ. Издавна питалъ я искреннее удивленіе къ великому и благородному характеру короля и нынѣ вижу съ живѣйшимъ удовольствіемъ, что одна изъ страницъ этой благородной жизни будетъ предана исторіи перомъ, столь же вѣрнымъ, сколько и точнымъ, человѣка, который имѣлъ возможность такъ близко подойти къ его величеству».

Записку князя Горчакова Шнейдеръ счелъ заслуживающею вниманія короля и поспѣшилъ представить его величеству. На поляхъ ея король сдѣлалъ слѣдующую надпись: «Весьма благодаренъ за интересное сообщеніе, которое меня порадовало.

«21. 12. 66. В.».

Шнейдеръ, разумѣется, немедленно озаботился довести до свѣдѣнія нашего вице-канцлера о такомъ отзывѣ своего государя.

Книга королевскаго чтеца ничего не говоритъ о томъ, какъ состоялось новое и полное соглашеніе между Россіею и Пруссіею послѣ пражскаго мира, благодаря главнымъ образомъ извѣстной миссіи генерала барона Мантейфеля, отправленнаго въ Петербургъ въ вечеръ того самаго дня, когда французскій посолъ Бенедетти столь неосторожно оставилъ на столѣ графа Бисмарка написанный его рукою проектъ договора о земельномъ вознагражденіи Франціи за приращеніе Пруссіи и образованіе Сѣверо-Германскаго Союза.

За то мы находимъ въ ней обстоятельный и чрезвычайно интересный разсказъ очевидца о событіи, послужившемъ самымъ блистательнымъ выраженіемъ личной и политической дружбы, связывавшей Вильгельма I съ Александромъ II. Я разумѣю празднованіе въ С.-Петербургѣ столѣтняго юбилея военнаго ордена св. Георгія и пожалованіе по этому случаю короля прусскаго единственнымъ кавалеромъ 1-й степени означеннаго ордена.

V.

Столѣтній юбилей Военнаго ордена.

Шнейдеръ сопровождаетъ въ С.-Петербургъ принца Альбрехта Прусскаго.— Пріемъ его государемъ.—Описаніе парада.—Рѣчь государя къ георгіевскимъ кавалерамъ.—Телеграммы короля Вильгельма I и императора Александра II.— Обмѣнъ телеграммами съ австрійскимъ императоромъ.—Письмо короля къ принцу Альбрехту о пожалованіи его величеству ордена Св. Георгія 1-й степени.—Впечатлѣнія въ русскихъ придворныхъ и военныхъ кругахъ. —Императоръ Александръ II объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи.

Столѣтняя годовщина учрежденія нашего Военнаго ордена была торжественно отпразднована въ Петербургѣ 26 ноября (8 декабря) 1869 года. Въ качествѣ старѣйшаго кавалера, получившаго Георгіевскій крестъ 4-й степени за битву при Баръ-сюръ-Объ въ 1814 году, король Вильгельмъ принялъ участіе въ торжествѣ чрезъ особаго представителя, младшаго брата своего, принца Альбрехта прусскаго. Въ свитѣ послѣдняго прибылъ въ русскую столицу и Шнейдеръ.

Хотя и ему было отведено помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ, но онъ предпочелъ воспользоваться гостепріимствомъ, предложеннымъ ему въ зданіи Училища Правовѣдѣнія генераломъ Языковымъ, съ которымъ давно состоялъ въ близкихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ. Это не мѣшало ему ежедневно, къ 8 часовъ утра, являться къ принцу во дворецъ за полученіемъ приказаній и сообщать ему городскія новости. Чрезъ его руки должны были проходить всѣ телеграммы и письма, получаемыя изъ Берлина на имя принца, и его высочество разрѣшилъ ему списывать тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ историческій или политическій интересъ. Шнейдеръ обратилъ въ рабочій свой кабинетъ комнату, находившуюся между пріемною и спальнею принца, чрезъ которую проходилъ государь каждый разъ, когда навѣщалъ своего гостя.

Тотчасъ по пріѣздѣ, принцъ Альбрехтъ отправился на императорскую половину, а Шнейдеръ усѣлся за работу. Ему предстояло перевести на нѣмецкій языкъ и отправить въ Берлинъ оффиціальную программу готовившихся празднествъ, да кстати и строевой рапортъ георгіевскаго парада, а также рапортъ великаго князя, командовавшаго войсками петербургскаго воен-

наго округа, о численности расположенныхъ въ этомъ округѣ частей. Не прошло и десяти минутъ, какъ камердинеръ принца потребовалъ его къ государю.

Шнейдеръ былъ введенъ въ царскую пріемную въ ту минуту, когда принцъ Альбрехтъ откланивался его величеству. Императоръ Александръ Николаевичъ ласково протянулъ ему руку. «Я былъ очень радъ,» —сказалъ государь,—«когда узналъ отъ Альбрехта, что и вы вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали, и не забуду, что въ послѣдній разъ вы не побоялись предпринять дальнюю поѣздку сюда по столь печальному поводу [1]). То, что мнѣ часто говорилъ отецъ, подтверждается на мнѣ самомъ. Вы всегда были намъ вѣрнымъ другомъ и въ вашихъ писаніяхъ постоянно оставались доброжелательны въ отношеніи къ Россіи и къ моей арміи. Въ немъ,»—прибавилъ императоръ, обращаясь къ принцу,—«отецъ твой и оба брата имѣли вѣрнаго слугу».

«Я уже приказалъ,»—продолжалъ государь»—«отвести вамъ самое лучшее мѣсто, чтобы вы могли видѣть всѣ наши празднества. Намъ, конечно, придется опять кое-что прочитать о нихъ. Я радуюсь этому заранѣе. Альбрехтъ мнѣ сказалъ, что вы уже прилежно принялись за донесенія королю. Была бы только у насъ хорошая погода для парада. Въ сущности парадъ не долженъ бы происходить въ шинеляхъ. Пойдемте въ мой кабинетъ. Я только-что получилъ роскошное изданіе по исторіи георгіевскаго ордена. Это васъ заинтересуетъ, какъ «*Друга Солдата*».

Съ такими словами государь ввелъ принца и Шнейдера въ свой кабинетъ. Тамъ вниманіе послѣдняго было поглощено большимъ числомъ картинъ и другихъ воспоминаній о прусскомъ королевскомъ домѣ. Его величество самъ объяснялъ ему происхожденіе каждаго портрета. Немало было собрано и воспоминаній объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ, въ числѣ ихъ казачій киверъ покойнаго государя. Шнейдеръ нашелъ большое сходство между царскимъ кабинетомъ и рабочею комнатою короля въ берлинскомъ дворцѣ его: такое же расположеніе предметовъ, обиліе бумагъ, книгъ, плановъ, вещей всякаго рода. Въ пріемной, до которой государь проводилъ гостей, Шнейдера поразила

[1]) Въ 1860 году Шнейдеръ пріѣзжалъ въ Петербургъ для присутствованія на похоронахъ императрицы Александры Θеодоровны.

большая картина, писанная профессоромъ Крюгеромъ и изображающая большой парадъ въ Берлинѣ. На ней онъ узналъ себя въ группѣ, съ двумя другими актерами придворнаго театра, въ числѣ зрителей парада, что, повидимому, очень польстило его самолюбію. «Такимъ образомъ,»—восклицаетъ онъ,—«и я былъ не совсѣмъ чужимъ въ этихъ покояхъ, по крайней мѣрѣ in effigie!»

Въ день праздника Шнейдеру сначала отвели мѣсто въ Георгіевской залѣ, близъ самаго трона. Но скоро вошедшій церемоніймейстеръ, исполняя приказаніе государя, направилъ его въ Александровскую залу, дабы онъ могъ видѣть царскій выходъ къ войскамъ. Тамъ подошелъ къ нему командовавшій парадомъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій. Его высочество, знавшій его уже давно, обнялъ его и представилъ сопровождавшимъ офицерамъ съ слѣдующими словами: «Видите-ли, господа, вотъ одинъ изъ немногихъ, незабывшихъ еще стараго времени и оставшихся неизмѣнными, не взирая на перемѣну обстоятельствъ. А я и не зналъ вовсе, что вы здѣсь! Впрочемъ, само собою разумѣется, тамъ, гдѣ прусская или русская армія празднуютъ день славы—нельзя обойтись безъ васъ. Вѣдь вы еще были въ Калишѣ?». Великій князь поручилъ состоявшему при немъ полковнику Гершельману представить Шнейдера обоимъ сыновьямъ своимъ, находившимся уже во фронтѣ, и удаляясь сказалъ: «Прощайте! Надѣюсь скоро увидимся снова. Откушайте у меня. Если захотите что осмотрѣть по военной части, то Гершельманъ вамъ все покажетъ. Прекрасное вы себѣ выбрали здѣсь мѣсто, какъ разъ подъ картиной сраженія при Арсисъ-сюръ-Объ, на которой изображены вашъ покойный король съ императоромъ Александромъ, съ прежнимъ королемъ и съ королемъ Вильгельмомъ. Здѣсь вамъ и быть слѣдуетъ. Прощайте. Мнѣ пора къ войскамъ. Скоро выйдетъ императоръ».

По представленіи великимъ князьямъ Николаю Николаевичу Младшему и Петру Николаевичу, Шнейдеръ возвратился въ Александровскую залу. Послѣдовалъ выходъ государя, здоровавшагося съ георгіевскими кавалерами. Проходя мимо Шнейдера, его величество сказалъ ему: «А вотъ и вы на подобающемъ мѣстѣ! Идите за нами и тогда вы все хорошо увидите». Шнейдеръ не посмѣлъ присоединиться къ блестящей свитѣ государя; его смущалъ скромный фракъ, въ который

онъ былъ облеченъ и который чернымъ пятномъ выдѣлялся изъ массы мундировъ, сіяющихъ орденами, золотымъ и серебрянымъ шитьемъ. Но вдругъ раздался голосъ министра императорскаго двора, графа А. В. Адлерберга: «Ну что же, г. Шнейдеръ! Развѣ вы не слышали? Его величество сказалъ вамъ идти за нимъ! Идите же, идите»! Шнейдеръ послѣдовалъ за царскимъ шествіемъ до входа въ Гербовую залу, а затѣмъ пробрался въ Георгіевскую и сталъ на прежнее мѣсто. Оттуда онъ могъ прекрасно видѣть церемонію торжественнаго молебствія и окропленія знаменъ святою водою. Блескъ ея и несравненная величавость произвели на него сильное впечатлѣніе.

Странно однако, что Шнейдеръ, прекрасно понимавшій и даже говорившій по-русски, не упоминаетъ въ своихъ Запискахъ о привѣтственной рѣчи, съ которою императоръ Александръ II обратился въ тотъ день къ георгіевскимъ кавалерамъ. По задушевности, которою она проникнута, рѣчь эта заслуживаетъ быть сохраненною для исторіи.

Вотъ она:

«Поздравляю васъ, господа, со столѣтнею годовщиною учрежденія георгіевскаго ордена.

«При этомъ я увѣренъ, что каждый изъ насъ съ благодарностью вспомнитъ о великой Учредительницѣ нашего славнаго Военнаго ордена, умѣвшей цѣнить службу престолу и отечеству и достойныхъ достойно награждать.

«Не забудемъ также и прежнихъ георгіевскихъ кавалеровъ, которыхъ уже нѣтъ на этомъ свѣтѣ и изъ которыхъ многіе положили жизнь свою за дорогое намъ отечество и во славу нашего оружія.

«Доблести прежнихъ поколѣній, къ счастью, съ ними не исчезли, а передались вполнѣ и нынѣшнему поколѣнію, какъ то свидѣтельствуютъ военныя отличія, которыя васъ украшаютъ. Вся армія наша и флотъ нашъ вами гордятся вмѣстѣ со мною.

«Я радъ, что мнѣ суждено было праздновать эту знаменательную годовщину вмѣстѣ съ вами, и счастливъ, что могу лично благодарить васъ за вашу вѣрную, усердную и славную, боевую службу, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ.

«Тѣхъ, которые получили за ихъ заслуги георгіевскіе кресты при императорахъ Александрѣ Павловичѣ и при покойномъ родителѣ, благодарю ихъ именемъ и не забуду навсегда подвиги награжденныхъ этимъ орденомъ уже при мнѣ, какъ въ тяжкую

годину защиты Севастополя, такъ и за Кавказскую войну и въ послѣднее время въ Туркестанѣ.

«Сожалѣю, что не всѣ кавалеры могли явиться къ сегодняшнему нашему военному семейному празднику, начиная съ фельдмаршала князя Барятинскаго; но я не забываю, что ему я обязанъ покореніемъ Кавказа. Я радъ, что могу передъ вами всѣми благодарить брата моего великаго князя Михаила Николаевича за окончательное умиротвореніе всего кавказскаго края и главнаго помощника и того, и другаго—графа Евдокимова.

«Благодарю также брата моего великаго князя Константина Николаевича, при которомъ началось усмиреніе польскаго мятежа, и фельдмаршала графа Берга за окончательное его усмиреніе.

«Не могу также не обратиться съ особымъ спасибомъ къ нашимъ морякамъ, которые послѣ Синопа доказали подъ Севастополемъ, что они и на сушѣ такіе же молодцы, какъ и на морѣ.

«Повинуясь волѣ Учредительницы Военнаго нашего ордена положительно ею выраженной въ манифестѣ по случаю его основанія, я, какъ гросмейстеръ ордена, возложилъ на себя сегодня 1-ю степень сего ордена; но мнѣ въ особенности дорогъ крестъ 4-й степени, который я ношу, и день, въ который я удостоился его получить, принадлежитъ къ счастливѣйшимъ воспоминаніямъ моей жизни, и я увѣренъ, что каждый изъ васъ сохраняетъ въ памяти своей тоже чувство.

«Еще разъ благодарю отъ души васъ всѣхъ за молодецкую вашу службу. Да сохранитъ васъ Богъ! Дай Богъ, чтобы не нужно было намъ вновь вступать въ бой, но если то намъ суждено, то я увѣренъ, что армія и флотъ сумѣютъ по-прежнему поддержать славу нашего оружія и честь русскаго имени.»

Вслѣдъ за этою рѣчью, государь обратясь къ стоявшему возлѣ него принцу Альбрехту прусскому, сказалъ, что избралъ этотъ великій день для препровожденія знаковъ ордена Св. Георгія 1-й степени королю Вильгельму, съ которымъ его соединяютъ узы родства, личной дружбы и глубокаго уваженія, равно какъ и воспоминаніе, что король получилъ четвертую степень ордена въ 1814 году.

Во время парадпаго обѣда въ честь георгіевскихъ кавалеровъ, ежегодно приглашаемыхъ въ этотъ день къ Высочайшему столу, Шнейдеръ удалился въ свой импровизованный кабинетъ

и ознакомился съ телеграммами, которыми обмѣнивались Берлинъ и Петербургъ. Телеграммы эти имѣютъ важное историческое значеніе и заслуживаютъ быть воспроизведенными дословно.

Первая телеграмма была отъ короля Вильгельма:

«*Берлинъ, 8-го декабря (нов. ст.), 4 часа пополудни, его величеству императору всероссійскому.*

«Приношу вамъ мое поздравленіе съ сегодняшнимъ прекраснымъ праздникомъ, за которымъ я слѣжу мысленно съ часа на часъ. Полковникъ Вердеръ только что сообщилъ мнѣ о великой чести, коей вы его удостоили, и я благодарю васъ за это изъ глубины сердечной.

«*Вильгельмъ*».

Назначенный незадолго передъ тѣмъ военнымъ уполномоченнымъ въ Петербургѣ полковникъ Вердеръ получилъ въ утро праздника георгіевскій крестъ 4-й степени, о чемъ и донесъ немедленно королю по телеграфу. Одновременно съ полученіемъ въ Петербургѣ вышеприведенной депеши, королю въ Берлинѣ была доставлена телеграмма русскаго императора, отправленная еще до начала парада.

«*Петербургъ, королю прусскому въ Берлинъ.*

«Благодарю васъ отъ всего сердца за дружеское письмо ваше, присланное съ Альбрехтомъ, и въ минуту отправленія на военное торжество, позвольте предложить вамъ, отъ имени всѣхъ кавалеровъ св. Георгія, первую степень этого ордена, принадлежащую вамъ по праву. Мы всѣ будемъ гордиться, видя васъ украшеннымъ ею. Желаю, чтобы вы усмотрѣли въ ней новое доказательство соединяющей насъ дружбы, зиждущейся на воспоминаніяхъ вѣчно памятной эпохи, когда обѣ наши арміи сражались за одно святое дѣло. Я позволилъ себѣ дать крестъ четвертой степени вашему адъютанту Вердеру.

«*Александръ*».

Поздно вечеромъ полученъ былъ въ Петербургѣ телеграфическій отвѣтъ короля:

«*Берлинъ, 8 декабря (нов. ст.), 6½ часовъ вечера. Его величеству императору Александру въ С.-Петербургъ.*

«Глубоко тронутый, со слезами на глазахъ обнимаю васъ, благодаря за честь, на которую не смѣлъ разсчитывать. Но вдвойнѣ осчастливленъ я способомъ, коимъ вы мнѣ о ней сообщаете. Безъ сомнѣнія, я вижу въ ней новое доказательство

вашей дружбы и память о великой эпохѣ, когда наши обѣ арміи сражались за одно святое дѣло. Во имя этой самой дружбы и того же воспоминанія, осмѣливаюсь просить васъ принять мой орденъ «pour le mérite». Армія моя будетъ гордиться, видя васъ носящимъ этотъ орденъ. Да хранитъ васъ Богъ.

«Вильгельмъ».

Вмѣстѣ съ этою телеграммою получена была изъ Берлина и другая, на имя принца Альбрехта прусскаго:

«Нѣтъ, какова оказанная мнѣ честь! Я счастливъ въ высшей степени, но совершенно потрясенъ! Я уплачиваю долгъ, поднося императору «pour le mérite». Если у тебя съ собою два креста, то предложи ему одинъ изъ нихъ.

«Вильгельмъ».

Обѣ телеграммы были доставлены въ Зимній дворецъ въ то время, когда государь со своими августѣйшими гостями и членами императорской фамиліи находился на парадномъ спектаклѣ въ Большомъ театрѣ. По возвращеніи во дворецъ, принцъ Альбрехтъ зашелъ къ себѣ, чтобъ переодѣться, какъ вдругъ вбѣжалъ къ нему въ спальню императоръ и съ радостнымъ взоромъ сообщилъ отвѣтъ короля. Лишь по уходѣ его величества, принцъ ознакомился съ присланною ему депешею. Онъ тотчасъ же облекся въ полную парадную форму и, явясь къ государю, вручилъ ему собственный свой крестъ «pour le mérite».

Въ тотъ же день произошелъ обмѣнъ телеграммъ между государемъ Александромъ Николаевичемъ и императомъ Францемъ—Іосифомъ, получившимъ георгіевскій крестъ 4-й степени въ 1849 году за взятіе крѣпости Рааба, находившейся во власти венгерскихъ мятежниковъ. Императоръ австрійскій телеграфировалъ государю:

«Только по возвращеніи моемъ въ Вѣну, получилъ я извѣщеніе о предстоящемъ торжествѣ въ честь ордена Св. Георгія. А потому, не имѣя возможности участвовать въ немъ такъ, какъ желалъ бы, хочу по крайней мѣрѣ заявить по этому случаю мое живое сочувствіе и выразить, что я сердечно раздѣляю тѣ чувства, которыя день этотъ долженъ пробуждать въ средѣ доблестной русской арміи. Я мысленно буду находиться среди кавалеровъ, украшенныхъ этимъ орденомъ, который я

всегда считаю за честь носить и который служитъ мнѣ драгоцѣннымъ воспоминаніемъ дружбы.

«Францъ-Іосифъ».

Государь отвѣчалъ австрійскому монарху:

«Именемъ всѣхъ кавалеровъ ордена Св. Георгія приношу вамъ мое поздравленіе съ днемъ столѣтней годовщины учрежденія этого ордена. Выраженія вашей любезной телеграммы меня глубоко тронули, также какъ и воспоминанія о незабвенной эпохѣ, со времени которой нашъ Военный Орденъ имѣетъ честь считать васъ въ числѣ своихъ кавалеровъ.

«Александръ».

Какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное на короля Вильгельма пожалованнымъ ему русскимъ императоромъ высшимъ военнымъ отличіемъ, всего лучше видно изъ приводимаго Шнейдеромъ письма его къ принцу Альбрехту отъ 2 (14) декабря 1869 года, заставшаго еще принца въ Петербургѣ.

«Только-что полученное письмо твое отъ 12 (30), напоминаетъ мнѣ, что, несмотря на многочисленныя телеграммы, я еще вовсе не написалъ тебѣ, хотя послѣ всего прекраснаго, великаго и неожиданнаго, я чувствовалъ сильное побужденіе высказаться предъ тобою и описать тебѣ минуту, когда я читалъ телеграмму императора и дошелъ до словъ, возвѣщавшихъ о пожалованіи большаго креста георгіевскаго ордена. Отъ изумленія я едва не уронилъ листа и слезы воспоминанія о прошедшихъ чудныхъ дняхъ и благодарности за это нынѣшнее, въ высшей степени почетное, отличіе наполнили мнѣ очи, по мѣрѣ того какъ я могъ прочесть прекрасныя слова и чувства императора. То былъ полный откликъ преданій его дорогаго родителя, унаслѣдованныхъ послѣднимъ отъ императора Александра I. Лишь перечитавъ нѣсколько разъ эту чудную телеграмму, дабы все болѣе убѣдить себя въ истинѣ дарованнаго мнѣ отличія, я могъ приступить къ составленію отвѣтной телеграммы дорогому императору и тотчасъ же предложить ему орденъ «pour le mérite». Какъ я вновь усматриваю изъ твоего только-что полученнаго письма, дѣйствительно, радость и удовольствіе съ обѣихъ сторонъ такъ велики, что трудно различить, съ которой стороны они больше? Мнѣ кажется, однако, что впечатлѣніе, произведенное на меня такимъ отличіемъ, которое въ настоящую минуту есть *единственное*, представляется болѣе понятнымъ и глубокимъ. Къ этому присоеди-

няется и сознаніе отличія, доставшагося на долю моей несравненной арміи, ибо слова императора: «этотъ орденъ принадлежитъ вамъ по праву»—относятся къ большой побѣдѣ и къ побѣдоносной кампаніи, которыя армія моя отвоевала мнѣ своею жизнью и кровью! Все это живо представилось моимъ глазамъ въ ту минуту, когда я читалъ слова императора: «Позвольте предложить вамъ отъ имени всѣхъ кавалеровъ Св. Георгія первую степень этого ордена». Отсюда мое неописуемое умиленіе. Участіе ко мнѣ здѣсь всеобщее, и я радъ услышать отъ тебя, что и тамъ оно такое же, что въ сущности имѣетъ еще бо̀льшее значеніе, ибо это единственное отличіе досталось иноземцу, а на наши побѣды 1866 года не всѣ взирали тамъ съ удовольствіемъ, за исключеніемъ арміи. Я почти завидую тебѣ, что ты могъ видѣть великолѣпный парадъ. Весьма охотно предпринялъ бы я въ благопріятное время года эту поѣздку, въ особенности послѣ такого акта императорской милости, дабы помолиться на могилѣ Шарлотты и снова повидать всѣ дорогія мѣста и армію! Послѣ того, какъ мы въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль уже думали, что солнце упразднено, у насъ былъ чудный солнечный день, такъ что Тиргартенъ кишитъ народомъ. Засимъ прощай. Тысяча увѣреній въ любви императору и всей семьѣ, въ особенности великой княгинѣ Еленѣ. Твой вѣрный братъ

«*Вильгельмъ*».

На другой день послѣ праздника Шнейдеръ былъ у принца въ Зимнемъ дворцѣ, когда, около 9 часовъ утра, къ его высочеству зашелъ государь. Онъ показалъ на голубой прусскій крестъ, висѣвшій у него на шеѣ, и произнесъ: «Что скажете вы, Шнейдеръ, о пожалованіи мнѣ королемъ «pour le mérite?» Порадуйтесь со мною».

О впечатлѣніи, произведенномъ на придворное общество и русскихъ военныхъ обмѣномъ орденовъ между государями, Шнейдеръ сообщаетъ: «На большомъ парадѣ я часто имѣлъ случай въ разговорахъ съ офицерами и публикой вывѣдать впечатлѣніе отъ пожалованія ордена королю, за коимъ послѣдовало пожалованіе четвертой его степени наслѣдному принцу и принцу Карлу. При томъ необычайномъ уваженіи, которымъ георгіевскій орденъ пользовался въ русской арміи и при томъ обстоятельствѣ, что не было русскаго генерала, изъ находящихся въ живыхъ, который бы, въ силу строгихъ условій

статута, могъ предъявить притязаніе на первую степень (даже самъ императоръ заявилъ, что надѣваетъ ленту потому только, что унаслѣдовалъ званіе гросмейстера), замѣтно было въ самомъ дѣлѣ, что событіе произвело весьма разнообразное впечатлѣніе. Одни помышляли о вѣроятномъ раздраженіи въ Вѣнѣ, другіе опасались, какъ бы Наполеонъ и французская армія не истолковали въ дурномъ смыслѣ воспоминаніе о «святомъ дѣлѣ» походовъ 1812—1814 гг., единогласно упомянутомъ обоими монархами. Многіе не понимали, почему, посреди мира, прусскій полковникъ получилъ георгіевскій крестъ. Тѣмъ не менѣе всѣ были согласны относительно полной справедливости и основательности отличія, пожалованнаго королю Вильгельму, хотя русскимъ и не было особенно пріятно, что какъ разъ иностранецъ былъ единственнымъ лицомъ, за которымъ они должны были признать полное на то право. Многіе, при случаѣ, освѣдомлялись у меня, какое значеніе и сколько степеней имѣетъ орденъ «pour le mérite», и казались крайне удивленными тѣмъ, что младшій офицеръ получаетъ тотъ же знакъ, что и старшій генералъ. То, что самъ король тотчасъ же высказалъ въ своей отвѣтной телеграммѣ необычайность всего этого событія, служило темою, вокругъ которой вращались разговоры и всюду замѣтно было намѣреніе придать дѣлу широко простирающееся политическое значеніе».

Лица высшаго петербургскаго общества, наиболѣе расположенныя въ пользу Пруссіи, и даже чины прусскаго посольства высказывали Шнейдеру мнѣніе, что было бы полезно, еслибы въ Берлинѣ произошло что-либо такое, что послужило бы для русской арміи доказательствомъ того, что пожалованіе королю гергіевской ленты произвело и въ Пруссіи столь же глубокое впечатлѣніе, какъ и въ Россіи. Такой цѣли отвѣчали бы напримѣръ парады во всѣхъ гарнизонахъ или воззваніе короля къ арміи и т. п. Обо всемъ этомъ Шнейдеръ довелъ до свѣдѣвія принца Альбрехта, который самъ раздѣлялъ вышеозначенныя мнѣнія. По совѣщаніи съ прусскимъ посланникомъ, онъ, 28 ноября (10 декабря), отправилъ королю шифрованную телеграмму въ этомъ смыслѣ, на которую его величество отвѣчалъ черезъ два дни такою же телеграммою, съ сообщеніемъ тоста, произнесеннаго имъ на парадномъ обѣдѣ, данномъ по случаю пожалованія ему большого креста Св. Георгія. Королевская депеша заканчивалась словами: «Твоя телеграмма та-

кимъ образомъ исполнена». Копія съ нея была тотчасъ же сообщена принцемъ государю, но безъ заключенія.

Шнейдеру этого показалось мало. Ему захотѣлось обнародовать берлинскую телеграмму въ петербургскихъ газетахъ такъ, чтобы она появилась въ нихъ ранѣе полученія газетъ изъ Берлина. Принцъ не нашелъ возможнымъ разрѣшить ему это, не испросивъ предварительно соизволенія русскаго императора. Тогда Шнейдеръ, не задумавшись, самъ обратился со спискомъ телеграммы на собственную половину его величества и попросилъ царскаго камердинера впустить его въ комнату, промежуточную между кабинетомъ и библіотекою, въ которой государь обыкновенно завтракалъ съ царственной семьей. Скоро въ дверяхъ библіотеки показался императоръ и, увидавъ прусскаго гостя, сказалъ: «Вы желаете навѣстить меня, Шнейдеръ! Пойдемте!» Вслѣдъ за государемъ тотъ вошелъ въ кабинетъ его. Его величество выразилъ милостивое согласіе на его просьбу и сдѣлалъ соотвѣтствующую надпись на спискѣ съ телеграммы. «Подождите здѣсь немного,»—вымолвилъ государь,—«я хочу сперва показать телеграмму императрицѣ». Шнейдеръ остался нѣсколько минутъ одинъ въ императорскомъ кабинетѣ. Воротясь, государь продержалъ его у себя съ полчаса. Шнейдеръ занесъ въ свои Воспоминанія слѣдующія слова, сказанныя ему его величествомъ: «Съ самыхъ различныхъ сторонъ многіе напрягаютъ всѣ усилія, чтобы разрознить Россію и Пруссію и посѣять между ними недовѣріе, но пока я живъ, это имъ не удастся. Мои чувства не измѣнятся относительно какъ короля, такъ и Пруссіи».

Съ высочайше разрѣшенной къ обнародованію королевской телеграммой Шнейдеръ отправился въ редакцію «Русскаго Инвалида». Тогдашній редакторъ нашей военной газеты, генералъ Меньковъ, не только принялъ ее къ напечатанію, но и тутъ же изъявилъ согласіе на помѣщеніе въ «Русскомъ Инвалидѣ» написанной Шнейдеромъ статьи о сраженіи при Баръ-Сюръ-Объ, и о случаѣ послужившемъ поводомъ къ пожалованію молодому принцу Вильгельму прусскому георгіевскаго креста 4-й степени. Статья появилась въ «Инвалидѣ» за подписью Шнейдера.

VI.

Князь А. М. Горчаковъ.

Біографія князя Горчакова, написанная Шнейдеромъ.—Шнейдеръ посѣщаетъ вице-канцлера.—Статья Neue Freie Presse.—Сужденіе князя о прусской политикѣ.—Вторичное посѣщеніе Шнейдера. — Споръ Шнейдера съ вице-канцлеромъ о русско-прусскихъ отношеніяхъ.

Пребываніемъ своимъ въ Петербургѣ осенью 1869 года Шнейдеръ воспользовался для того, чтобы войти въ непосредственныя сношенія съ русскимъ вице-канцлеромъ, княземъ А. М. Горчаковымъ.

За два года передъ тѣмъ, когда исполнился пятидесятилѣтній юбилей служебной дѣятельности князя, Шнейдеръ написалъ его біографію и напечаталъ ее въ извѣстномъ нѣмецкомъ иллюстрированномъ изданіи «Ueber Land und Meer», съ портретомъ вице-канцлера и изображеніями главнѣйшихъ изъ полученныхъ имъ ко дню юбилея подарковъ. Толково и талантливо составленный біографическій очеркъ русскаго министра имѣлъ успѣхъ и былъ перепечатанъ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ газетъ. Проѣздомъ чрезъ Потсдамъ, въ томъ же 1867 году, князь Горчаковъ видѣлся съ авторомъ и выразилъ ему благодарность за доброжелательный трудъ его.

Встрѣтивъ его въ Зимнемъ дворцѣ въ день георгіевскаго праздника, вице-канцлеръ пригласилъ его къ себѣ. Шнейдеръ не заставилъ долго ждать себя.

Князь Александръ Михайловичъ любезно принялъ своего гостя, но послѣднему показалось, что подъ напускною веселостью князя скрывалось нѣкоторое раздраженіе. Шнейдеръ разгадалъ причину, когда князь спросилъ его, читалъ ли онъ статью, появившуюся надняхъ въ вѣнской «Neue Freie Presse», направленную противъ него, вице-канцлера, и тутъ же передалъ посѣтителю заключавшій ее нумеръ газеты. Статья оказалась не только оскорбительною, но и ложною отъ начала до конца. Услужливый Шнейдеръ тотчасъ выразилъ намѣреніе отвѣчать вѣнскому публицисту съ тѣмъ, чтобы попытаться «довести его до абсурда». Это очень понравилось князю Горчакову, который разсыпался въ любезностяхъ, увѣряя гостя, что читаетъ съ удовольствіемъ всѣ его статьи и книги, посвящен-

ныя королю Вильгельму, къ которому питаетъ глубокое уваженіе, и находитъ, что Шнейдеръ всегда вѣрно и правдиво характеризуетъ своего государя.

Мало-по-малу бесѣда начала принимать политическій оттѣнокъ. Вице-канцлеръ одобрялъ сужденія, высказываемыя Шнейдеромъ въ печати о единственно правильномъ отношеніи Пруссіи къ Россіи, находя, что событія вполнѣ оправдали его мнѣнія. Далѣе князь повѣдалъ, что со дня смерти императора Николая весьма многіе поставили себѣ у насъ задачею кокетничать съ Франціею черезъ голову Пруссіи. Незадолго до пріѣзда принца Альбрехта, противъ него, вице-канцлера, поднялась со всѣхъ сторонъ буря, по поводу вопроса о сѣверныхъ округахъ Шлезвига, а также непріятныхъ движеній въ русскихъ прибалтійскихъ областяхъ. Къ этому присоединялось опасеніе, какъ бы какое-либо непредвидѣнное событіе не вынудило Пруссію перейти за Майнъ, а это такой пунктъ, котораго Россія, при всей дружбѣ своей къ Пруссіи, никогда не допуститъ. Князь готовъ вѣрить, что подобный шагъ столь же мало входитъ въ намѣренія графа Бисмарка, сколько безосновательны ссылки остзейскихъ дворянъ на сочувствіе графа, но онъ долгомъ считаетъ заявить, что въ качествѣ вице-канцлера имперіи не можетъ равнодушно взирать на такія вещи.

Изліянія князя Александра Михайловича были прерваны докладомъ о пріѣздѣ къ нему намѣстника Царства Польскаго, фельдмаршала графа Берга. Князь всталъ ему навстрѣчу и, облокачиваясь на руку Шнейдера — онъ тогда уже страдалъ подагрою—сказалъ: «Простите, любезный фельдмаршалъ, но мнѣ нужно показать г. Шнейдеру портретъ его государя, прежде чѣмъ онъ меня покинетъ. Не правда ли, вы подождете меня здѣсь, въ кабинетѣ, всего одну минуту. Пойдемте, любезный совѣтникъ!» Чрезъ длинный рядъ залъ Шнейдеръ, подъ руку съ княземъ, дошелъ до большой гостиной, гдѣ посреди стѣны красовался портретъ во весь ростъ короля Вильгельма, передъ которымъ хозяинъ еще довольно долго продолжалъ бесѣду со своимъ гостемъ.

Не смотря на множество занятій, Шнейдеръ посвятилъ всю ночь на составленіе возраженія на переданную ему княземъ Горчаковымъ статью «Neue Freie Presse». На другой день утромъ онъ, съ произведеніемъ своимъ въ карманѣ, снова отправился къ вице-канцлеру. Ему сказали, что князь занятъ и слу-

шаетъ докладъ своихъ чиновниковъ, но Шнейдеръ настоялъ, чтобы его свѣтлости отнесли газету, полученную имъ отъ него наканунѣ. «Пожалуйте»—раздалось сверху. Войдя въ кабинетъ князя, Шнейдеръ засталъ его за письменнымъ столомъ, разговаривающимъ съ двумя чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ, оказавшимися товарищемъ министра Вестманомъ, и довѣреннымъ секретаремъ его свѣтлости, г. Гамбургеромъ. Послѣдній уступилъ гостю свое мѣсто у стола противъ кресла, на которомъ сидѣлъ князь Горчаковъ. Въ продолженіе длившейся цѣлый часъ бесѣды между хозяиномъ и посѣтителемъ, оба названные дипломата не вымолвили ни единаго слова.

Шнейдеръ доложилъ, что имъ уже составленъ отвѣтъ на бранную статью вѣнской газеты, и князь пожелалъ выслушать его. Возраженіе пришлось ему по вкусу. Онъ нѣсколько разъ прерывалъ чтеніе восклицаніемъ: браво! а по окончаніи спросилъ:

— Гдѣ же вы намѣрены напечатать вашу статью?

— Передовою статьею въ «Новой Прусской («Крестовой») Газетѣ».

— О, эта газета не помѣщаетъ ничего, что благопріятно мнѣ или Россіи. Я уже нѣсколько разъ приказывалъ просить ее принять оффиціальныя возраженія, когда на насъ несправедливо нападали. Она никогда этого не исполняла.

— Вѣрно оттого, что не сходилась во взглядахъ съ возраженіемъ. Эта же статья основана на полной истинѣ и безпристрастіи и я въ правѣ предположить, что она будетъ напечатана.

— Ну, мнѣ это будетъ любопытно! Во всякомъ случаѣ, статья ваша, при всей рѣзкости, очень безпристрастна и независима. Никто еще не говорилъ мнѣ въ моемъ кабинетѣ и въ присутствіи высшихъ моихъ чиновниковъ того, что вы написали тутъ о моемъ отношеніи къ Пруссіи. Вы говорите: «Мы, пруссаки, не имѣемъ особыхъ причинъ къ тому, чтобы слишкомъ горячиться изъ-за князя Горчакова. Къ счастью, онъ еще не имѣлъ повода выказать намъ что-либо въ родѣ пристрастія или споспѣшествовать нашимъ интересамъ въ случаяхъ, когда послѣдніе совпадаютъ съ интересами его родины». Что вы подъ этимъ разумѣете?

— Я никогда не пишу за плату или по заказу, ваша свѣтлость, но всегда такъ, какъ думаю. Если я прочелъ вамъ это

въ лицо, то потому, что вы сами того пожелали. Развѣ моя статья имѣла бы какую-нибудь цѣну, если бы она не была независима и я написалъ бы ее ради случайно благопріятныхъ обстоятельствъ, противъ моего убѣжденія?

— Но, вѣдь, я никогда не выказывалъ недружелюбнаго расположенія къ Пруссіи?

— Выказывали, ваша свѣтлость. Быть можетъ, это и не входило въ ваши намѣренія, но на меня произвело именно такое впечатлѣніе.

— Любопытно бы знать, когда и какъ?

— Къ счастью, Пруссія стала теперь такъ могуча и до того вполнѣ равною прочимъ великимъ державамъ, что о такихъ впечатлѣніяхъ можно говорить безъ застѣнчивости. Почетное довѣріе, оказанное мнѣ вчера вашею свѣтлостью, когда вы сообщили мнѣ объ усиліяхъ, направленныхъ къ раздвоенію Пруссіи съ Россіею, ободряетъ меня къ тому, чтобы высказать мое мнѣніе. Когда вспыхнуло послѣднее польское возстаніе, Пруссія тотчасъ же съ величайшею госовностью пришла на помощь своему сосѣду и союзнику, заняла границы, мобилизовала войска и все же должна была извѣдать, какъ холодно это было принято въ Петербургѣ, едва не отклонено, словно здѣсь удивлялись тому, что маленькая Пруссія хочетъ оказать помощь своему великому сосѣду.

— Вы ошибаетесь. Здѣсь, въ этой самой комнатѣ, на томъ столѣ, я подписалъ соглашеніе съ вашимъ генераломъ Альвенслебеномъ. Правда, что мы тогда не думали, что неурядица въ Варшавѣ будетъ продолжаться такъ долго.

— А все-таки она продолжалась дольше, чѣмъ нашъ походъ въ Австрію, отъ котораго здѣсь также ожидали пораженія Пруссіи. Я никогда не забуду чувства, испытаннаго мною въ Горицѣ, когда я прочиталъ телеграмму изъ Петербурга, имѣвшую цѣлью поздравить короля съ побѣдою подъ Кенигрецомъ и заканчивавшуюся словами: «Надѣюсь, что ваше величество будете милостивы къ побѣжденному». Этотъ «побѣжденный» былъ тотъ самый государь, неблагодарность коего убила императора Николая, и такой совѣтъ долженъ былъ получить король, на второй день послѣ побѣдоносной битвы!

— Не такъ! Не такъ! Я прекрасно помню. Говорилось во множественномъ числѣ: «къ побѣжденнымъ!» Ганноверу, Гессену и т. д.

— Извините: сказано было къ «побѣжденному». Я самъ прочелъ это, ибо его величество показалъ мнѣ телеграмму. Я не зналъ, что искусный дипломатъ умѣетъ извлечь выгоду даже изъ множественнаго числа.

Разговоръ продолжался долго, все въ томъ же тонѣ, и Шнейдеръ увѣряетъ, что далъ себѣ много труда, чтобы доказать географически, политически, исторически, а также по отношенію къ современнымъ революціоннымъ теченіямъ, что оба сосѣдніе народа ничего не могутъ сдѣлать лучшаго, какъ соблюдать между собою добрую дружбу, ибо Пруссія стала-денынѣ иною, сравнительно съ тѣмъ, за что ее до тѣхъ поръ принимали въ Россіи.

Діалогъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ оживленія, когда князь Горчаковъ замѣтилъ, что все это прекрасно и хорошо, но что Россія никогда не допуститъ, чтобы Пруссія распространила свое господство на всю Германію, и получилъ отъ Шнейдера въ отвѣтъ: «На сколько мнѣ извѣстно никто объ этомъ въ Пруссіи и не помышляетъ. Но если сорокъ милліоновъ нѣмцевъ возъимѣютъ мысль организоваться по своему желанію, то они конечно не станутъ испрашивать на это позволенія ни у Россіи, ни у какой-либо другой страны во всемъ мірѣ».

Я воспроизвелъ любопытный разговоръ Шнейдера съ княземъ Горчаковымъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ первый занесъ его въ свои Воспоминанія. Не скрою, что изложеніе это не внушаетъ мнѣ безусловнаго довѣрія; оно очевидно преувеличено въ смыслѣ патріотическаго увлеченія одного изъ собесѣдниковъ. Отсюда полная несостоятельность доводовъ Шнейдера для установленія того невыдерживающаго исторической критики факта, будто Россія въ долгу передъ Пруссіею, а не наоборотъ. Въ довершеніе всего, зная хорошо нравъ князя Горчакова, подъ начальствомъ котораго я прослужилъ тринадцать лѣтъ, я нимало не сомнѣваюсь, что покойный князь никогда не дозволилъ бы иностранцу, кто бы онъ ни былъ, забыться въ его присутствіи на столько, чтобы взводить столь же рѣзкія, сколько и несправедливыя обвиненія на политику русскаго двора. Тѣмъ не менѣе, разсказъ Шнейдера весьма характеренъ и въ общихъ своихъ чертахъ близокъ къ истинѣ. Онъ живо оттѣняетъ неускользнувшее отъ его вниманія различіе въ воззрѣніяхъ и вѣяніяхъ между нашими дипломатическими

и придворными сферами того времени. Такъ въ политикѣ даже самое искреннее чувство всегда сдерживается разсчетомъ, чѣмъ и объясняются вполнѣ разумныя оговорки вице-канцлера при обсужденіи взаимныхъ отношеній Россіи и Пруссіи.

Что въ возраженіяхъ своихъ князю Горчакову Шнейдеръ не вышелъ изъ границъ благопристойности, подтверждается тѣмъ, что князь подарилъ ему на прощанье свой портретъ съ собственноручною надписью. Статья его въ защиту русскаго вице-канцлера появилась въ № 301 «Крестовой Газеты» отъ 12 (24) декабря 1869 года.

VII.

Франко-прусская война.

Рѣчь короля Вильгельма на новый 1870-й годъ.—Начало войны.—Шнейдеръ сопровождаетъ короля во французскій походъ.—Вопросъ о возвращеніи Россіи ея державныхъ правъ на Черномъ морѣ.—Посредничество Бисмарка между Россіею и Англіею.—Лондонская конференція.—Версальскій миръ.

Какое важное политическое значеніе придавалъ король Вильгельмъ полученному имъ высшему русскому военному отличію, видно изъ рѣчи его, произнесенной въ отвѣтъ на поздравленія, которыя фельдмаршалъ графъ Врангель принесъ его величеству отъ имени прусской арміи въ первый день новаго года. Рѣчь свою, обращенную къ прусскимъ генераламъ, король посвятилъ исключительно поясненію того мѣста въ телеграммѣ императора Александра II, въ которомъ государь утверждалъ, что первая степень георгіевскаго ордена принадлежитъ королю «по праву». Король заявилъ, что слова эти относятся не къ нему лично, а ко всей прусской арміи, одержавшей въ 1866 году блестящія побѣды надъ врагомъ, и что, такимъ образомъ, онъ обязанъ почетнымъ отличіемъ своимъ генераламъ, не только тѣмъ, которые вели войска его къ побѣдамъ, но и тѣмъ что воспитали ихъ и достойно подготовили къ славнымъ подвигамъ.

Новый этотъ годъ былъ бурный и кровавый 1870-й годъ, столь знаменательный въ исторіи военнаго и государственнаго развитія Пруссіи и Германіи.

Отправляясь во французскій походъ, король Вильгельмъ уже не имѣлъ, какъ въ 1866 году, причины тревожиться, задаваясь вопросомъ о томъ, въ какое положеніе станетъ Россія къ обѣимъ воюющимъ державамъ. Онъ зналъ, что сочувствіе императора Александра II на его сторонѣ, и не только сочувствіе, но и дѣятельная помощь, въ томъ случаѣ, если бы Наполеонъ III нашелъ себѣ союзниковъ въ Европѣ. Обезпеченная съ тыла, Пруссія могла двинуть противъ Франціи совокупныя силы всей Германіи и раздавить противника. Грозное veto с.-петербургскаго двора удержало Австро-Венгрію отъ вмѣшательства во франко-нѣмецкую распрю, а косвеннымъ послѣдствіемъ имѣло отступленіе и Италіи отъ союзническихъ обязательствъ, принятыхъ ею предъ тюильрійскимъ кабинетомъ.

Во французскомъ походѣ, какъ за четыре года передъ тѣмъ въ австрійскомъ, Шнейдеръ былъ вѣрнымъ спутникомъ своего государя. Лежавшія на немъ обязанности въ главной королевской квартирѣ представляли большое сходство съ тѣми, которыя одновременно при графѣ Бисмаркѣ исполнялъ извѣстный публицистъ Морицъ Бушъ. Шнейдеръ докладывалъ королю о всемъ, что появлялось заслуживающаго вниманія его величества въ газетахъ, и сообщалъ въ газеты все, что относилось до личнаго участія короля въ направленіи дѣлъ, какъ военныхъ, такъ и политическихъ. Въ продолженіе кампаніи онъ рѣдко имѣлъ случай занести въ свои Записки что-либо касающееся Россіи, такъ какъ сношенія прусскаго двора съ нашимъ во время войны велись оффиціальнымъ дипломатическимъ путемъ. Исключеніе составляетъ вопросъ о возвращеніи Россіи ея державныхъ правъ на Черномъ морѣ, въ отмѣну нѣкоторыхъ изъ постановленій парижскаго трактата, вопросъ, возбужденный извѣстнымъ циркуляромъ князя Горчакова отъ 19 (31) октября 1870 года.

2 (14) ноября въ отсутствіе изъ Версаля короля, отправившагося на линію обложенія, Шнейдеръ получилъ отъ одного изъ своихъ петербургскихъ корреспондентовъ слѣдующую телеграмму: «Русское правительство объявило, что не считаетъ себя болѣе связаннымъ парижскимъ договоромъ 1856 года по отношенію къ Черному морю».

Извѣстіе это показалось ему настолько важнымъ, что онъ тотчасъ послѣ королевскаго обѣда пошелъ въ префектуру, гдѣ жилъ король, и сообщилъ телеграмму его величеству. Король

былъ видимо удивленъ и сказалъ: «Я хоть и зналъ, что нѣчто подобное готовится, но при настоящемъ положеніи дѣлъ, когда ничего еще не рѣшено, эта мѣра Россіи состоялась въ неудобную для насъ минуту. Сама по себѣ декларація совершенно правильна; спрашивается только, какъ примутъ ее Англія и Австрія? Дальнѣйшее Бисмаркъ конечно передастъ мнѣ завтра». Съ этими словами король отпустилъ Шнейдера. Послѣдній свидѣтельствуетъ, что находившійся въ главной квартирѣ прусскій военный агентъ въ С.-Петербургѣ, полковникъ Вердеръ, которому онъ на слѣдующее утро сообщилъ новость, выразилъ мнѣніе, что она можетъ имѣть важныя послѣдствія, если только Англія и Австрія приведутъ въ движеніе свои военныя силы.

6 (18) Шнейдеръ доложилъ королю, что телеграмма изъ Лондона возвѣщаетъ скорое прибытіе въ Версаль англійскаго дипломата Одо Росселя, съ цѣлью потребовать «категорическихъ объясненій» по поводу русской деклараціи. Тутъ же прочелъ онъ его величеству выдержки изъ нѣсколькихъ англійскихъ газетъ, обсуждавшихъ черноморскій вопросъ въ крайне возбужденномъ тонѣ. Все это произвело на короля довольно непріятное впечатлѣніе. «Категорическія?»—переспросилъ онъ;—«для насъ существуетъ только одно категорическое объясненіе—капитуляція Парижа, и Бисмаркъ конечно скажетъ ему это!».

Нѣсколько дней спустя британскій дипломатъ дѣйствительно прибылъ въ прусскую главную квартиру, Объясненія его съ графомъ Бисмаркомъ скоро выяснили нежеланіе сентъ-джемскаго двора доводить дѣло до разрыва съ Россіей. Канцлеръ Сѣверо-Германскаго Союза въ первый разъ разыгралъ роль «честнаго маклера». «Вчера пополудни,» читаемъ въ дневникѣ Шнейдера подъ 15 (27) ноября, «г. Одо Россель имѣлъ продолжительное и кажется рѣшительное совѣщаніе съ графомъ Бисмаркомъ, ибо по возвращеніи домой, онъ на вопросъ одного газетнаго корреспондента: «Въ какомъ положеніи находится дѣло?» отвѣчалъ: «Все хорошо! Драться не будемъ!» Графъ же Бисмаркъ, который тотчасъ по совѣщаніи пошелъ къ королю и затѣмъ отправилъ телеграмму въ Петербургъ, возвратился въ канцелярію къ своимъ чиновникамъ и замѣтилъ, самодовольно улыбаясь. «Все говорятъ, что я вызываю войну! Ну, въ этотъ разъ, надѣюсь, что я водворилъ миръ!»

Дѣйствительно, собравшаяся въ началѣ января 1871 года въ Лондонѣ обще-европейская конференція мирно разрѣшила спорный черноморскій вопросъ. Договоромъ, подписаннымъ въ Лондонѣ 1 (13) марта, Россіи были возвращены ея державныя права на Черномъ морѣ, но не безъ того, чтобы Англія добилась подтвержденія всѣхъ прочихъ постановленій трактата 1856 года, а Австро-Венгрія—новыхъ преимуществъ на Дунаѣ.

Подписанію лондонскаго договора на двѣ недѣли предшествовало заключеніе мира между Германіею и побѣжденною Франціею. Вотъ телеграмма, которою принявшій титулъ императора германскаго Вильгельмъ I извѣстилъ государя Александра Николаевича объ окончаніи войны:

«Съ неизрѣченными чувствами и благодарный за милость Божію, извѣщаю васъ, что предварительныя условія мира подписаны между Бисмаркомъ и Тьеромъ. Эльзасъ, но безъ Бельфора, нѣмецкая Лотарингія съ Мецомъ уступлены Германіи, Франція заплатитъ контрибуцію въ пять милліардовъ франковъ. По мѣрѣ уплаты этой суммы, страна будетъ очищена въ продолженіе трехъ лѣтъ. Парижъ будетъ отчасти занятъ впредь до ратификаціи народнаго собранія въ Бордо. Переговоры о подробностяхъ мира будутъ ведены въ Брюсселѣ тотчасъ по состоявшейся ратификаціи. Такимъ образомъ, мы дождались конца столь же славной, сколько и кровопролитной войны, которая была намъ навязана съ безпримѣрнымъ легкомысліемъ. *Пруссія никогда не забудетъ, что вамъ обязаны мы, если война не приняла крайнихъ размѣровъ. Да благословитъ васъ за это Богъ!*»

«Навѣки вашъ благодарный другъ»

«*Вильгельмъ*» [1]).

На разстояніи полустолѣтія, русскому государю приходилось во второй разъ принимать отъ короля Пруссіи, почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ, изъявленіе признательности за сочувствіе, оказанное Россіею торжеству прусскаго оружія, съ тою однако разницею, что въ 1815 году дѣло шло лишь объ освобожденіи Пруссіи и всей Германіи отъ французскаго господства, а въ 1870 году—объ обезпеченіи за Пруссіею верховенства въ объединенной Германіи. Сопоставимъ съ только-что приведенною телеграммой императора Вильгельма I тро-

[1]) Телеграмма императора Вильгельма I императору Александру II отъ 15 (27) февраля 1871.

гательное письмо отца его къ Александру Благословенному. «Никогда»—писалъ Фридрихъ-Вильгельмъ III,—«я не забуду, государь, ни оказанныхъ мнѣ вами услугъ, ни благородства чувствъ, коими вы ихъ сопровождали! Мои подданные будутъ помнить ихъ такъ же, какъ и я. Послѣ Бога, благословившаго мое оружіе и великодушные порывы, которые онъ внушилъ моему народу, вамъ, государь, геройству вашему и несравненныхъ вашихъ войскъ, обязанъ я навсегда наибольшею благодарностью [1]).

Знаменательное сопоставленіе! Оно лучше всякихъ разглагольствій опредѣляетъ характеръ отношеній Россіи къ Пруссіи въ продолженіе всего XIX вѣка.

VIII.

Союзъ трехъ императоровъ.

Императоръ Вильгельмъ о введеніи въ Россіи всеобщей воинской повинности.—Примиреніе Австріи съ Германіей.—Письмо Шнейдера къ императору Александру II.—Берлинскій съѣздъ трехъ императоровъ.—Разговоръ государя со Шнейдеромъ. — Пожалованіе Шнейдеру ордена св. Владиміра 3-й степени.

Война 1870—71 годовъ и побѣдоносный для Германіи исходъ ея отразились на нашихъ внутреннихъ дѣлахъ введеніемъ въ Россіи всеобщей воинской повинности по прусскому образцу.

Шнейдеръ первый довелъ объ этомъ преобразованіи до свѣдѣнія своего государя. Императоръ Вильгельмъ внимательно выслушалъ его сообщеніе и потомъ сказалъ: «Я почту за чудо, если и это также удастся императору, какъ удался ему трудный и опасный опытъ упраздненія крѣпостнаго права. Такія перемѣны въ основныхъ законахъ и обычаяхъ народа совершаются, обыкновенно, послѣ великихъ бѣдствій, и именно послѣ несчастныхъ войнъ, какъ было у насъ въ 1806 году. Австрія и Франція не додумались бы до подобной мѣры, если бы надъ ними не разразились катастрофы 1866 и 1870 годовъ. Россія же хочетъ ввести столь коренную перемѣну посреди

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ III императору Александру I, 25 декабря 1815 (6 января 1816).

мира, безъ всякаго къ тому повода. Это явленіе доныне безпримерное быть можетъ отвращающее отъ нея то самое бедствіе, которое ее къ нему бы вынудило. Я удивляюсь императору!»

Не менее важны были для Россіи последствія франко-немецкой войны въ области внешней политики. Торжествующая Германія первая протянула руку примиренія Австро-Венгріи, искала сближенія съ нею. Осуществлялся давній замыселъ князя Бисмарка, не терявшаго его изъ виду даже въ самый разгаръ борьбы 1866 года и при подписаніи предварительныхъ условій мира въ Никольсбурге. Примиреніе двухъ вековыхъ соперницъ, Австріи и Пруссіи, уже подчинившей себе всю Германію, имело быть запечатлено посещеніемъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ императора Вильгельма въ Берлине, осенью 1872 года.

Известно, что свиданіе государей Германіи и Австро-Венгріи состоялось въ присутствіи императора Александра Николаевича, что и послужило поводомъ къ возобновленію тройственнаго союза императорскихъ дворовъ. Если верить показанію Шнейдера, не кому иному, какъ ему, принадлежитъ первая мысль о такомъ политическомъ сочетаніи, столь сильно повліявшемъ на развитіе историческихъ судебъ современной Европы.

Въ Запискахъ своихъ онъ утверждаетъ, что какъ только стало известно въ Берлине о предстоящемъ прибытіи туда императора австрійскаго, онъ письмомъ отъ 18 (30 іюня) 1872 года сообщилъ о томъ русскому государю, дозволившему ему, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, обращаться непосредственно къ его величеству. Къ письму своему Шнейдеръ приложилъ копію съ политическаго завещанія короля Фридриха-Вильгельма III и заключилъ его выраженіемъ желанія, чтобы императоръ Александръ II самъ прибылъ въ Берлинъ ко времени, когда ожидался туда императоръ Францъ-Іосифъ.

Мысль свою Шнейдеръ развивалъ въ следующихъ доводахъ. Единенію монарховъ Россіи, Пруссіи и Австріи Европа, после продолжительныхъ и раззорительныхъ войнъ съ французскою революціею и преемникомъ ея, Наполеономъ I, обязана была пятидесятью годами глубокаго мира. Конечно, невозможно было бы, да и безцельно, воскресить ныне «*Священный Союзъ*», но съездъ въ Берлине трехъ императоровъ положилъ бы осно-

ваніе союзу «*полезному*» и даже «*весьма полезному*». Въ завѣщаніи своемъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III сказалъ: «Пусть прежде всего Пруссія, Россія и Австрія никогда не разъединяются, ибо ихъ согласіе составляетъ краеугольный камень великаго европейскаго союза», и слова эти могутъ оправдаться снова. Пруссія въ правѣ гордиться тѣмъ, что осталась неизмѣнною по отношенію къ Россіи и такимъ образомъ соблюла завѣтъ «справедливаго» короля. Напротивъ Австрія, виновная въ Шварценберговской неблагодарности, въ Ольмюцѣ и въ рѣшеніяхъ франкфуртскаго сейма 1866 года, не можетъ прямо смотрѣть въ лицо обѣимъ своимъ бывшимъ союзницамъ. Съ ея стороны свиданіе является чѣмъ-то въ родѣ обязательнаго завтрака (déjeuner de rigueur) послѣ дуэли. А каково будетъ спасительное впечатлѣніе, произведенное такимъ съѣздомъ трехъ императоровъ на враждебные элементы въ Европѣ—обнаружится скоро. Таковы были въ общихъ чертахъ соображенія, изложенныя Шнейдеромъ въ письмѣ его къ русскому императору.

Впослѣдствіи Шнейдеръ узналъ, что, тотчасъ по полученіи его письма, государь спросилъ германскаго посла при своемъ дворѣ, принца Рейсса: «Развѣ меня не хотятъ видѣть въ Берлинѣ?» Тотъ донесъ объ этомъ запросѣ императору Вильгельму, который не замедлилъ отправить въ Петербургъ желаемое приглашеніе.

Шнейдеръ, хотя и хранилъ въ глубокой тайнѣ свое вмѣшательство въ дѣло, не рѣшившись даже повѣдать его своему государю, но очень обрадовался, узнавъ, что въ началѣ сентября 1872 года состоится въ Берлинѣ съѣздъ не двухъ, а трехъ императоровъ. По прибытіи русскаго государя въ прусскую столицу, сопровождавшій его величество шефъ жандармовъ графъ П. А. Шуваловъ пригласилъ его къ себѣ, предупредивъ, что имѣетъ сдѣлать ему важное сообщеніе. Шнейдеръ узналъ отъ графа, что государь желаетъ его видѣть и лично поблагодарить за письмо. «Я былъ этимъ встревоженъ въ высшей степени,»—пишетъ Шнейдеръ въ своихъ Воспоминаніяхъ,—«такъ какъ вдругъ пришелъ къ сознанію, что совершилъ дѣло, налагающее на меня большую отвѣтственность. Вещи выглядываютъ въ дѣйствительности иначе, чѣмъ въ воображеніи, и столь поразительное осуществленіе моего желанія поставило меня почти въ затрудненіе. Графъ Шуваловъ сказалъ,

что императоръ присутствуетъ въ настоящую минуту на панихидѣ въ посольской церкви и что я долженъ ждать его у выхода».

Выходя изъ церкви, государь замѣтилъ Шнейдера, ласково протянулъ ему руку и молвилъ: «Пойдемте сюда!» Онъ отвелъ его въ сторону, на площадку задней лѣстницы, ведущей въ верхніе этажи посольскаго дома, которую мела старуха-служанка, ни мало не стѣсняясь высочайшимъ присутствіемъ.

«Знаете ли, любезный Шнейдеръ,»—продолжалъ его величество,—«что собственно вы—причина того, что мы видимся здѣсь съ вами сегодня. Все, что вы мнѣ написали, такъ истинно и истекаетъ изъ столь благихъ намѣреній относительно вашего превосходнаго государя и меня самого, что я тотчасъ же принялъ рѣшеніе—ѣхать въ Берлинъ. Я говорю вамъ это самъ потому, что знаю, что вы никогда не хотите, чтобъ о васъ упоминали гласно и довольствуетесь тѣмъ, что совершаете добро въ тишинѣ. Я не сомнѣваюсь, что надежды ваши на послѣдствія настоящаго свиданія для мира Европы—исполнятся. Вы снова показали себя вѣрнымъ другомъ моего дома». Вторично протянувъ руку Шнейдеру на прощанье, государь поднялся по лѣстницѣ. Шнейдеръ высказываетъ предположеніе, что разговоръ съ нимъ его величества, быть можетъ, продлился бы и долѣе, если бы вооруженная метлою старая служанка не приблизилась къ собесѣдникамъ, чтобы продолжать свою работу.

Въ тотъ же день графъ Шуваловъ представилъ Шнейдера ихъ высочествамъ наслѣднику цесаревичу и великому князю Владиміру Александровичу. Государь пожаловалъ Шнейдеру, уже носившему на шеѣ кресты станиславскій и анненскій, орденъ св. Владиміра 3-й степени, но тотъ не посмѣлъ испросить разрѣшенія своего монарха на принятіе и ношеніе вновь пожалованнаго отличія, опасаясь, какъ бы не пришлось ему признаться по этому случаю, «что вмѣшался онъ въ дѣла, лежащія далеко за предѣлами его горизонта».

Такая утайка едва не поставила Шнейдера въ затруднительное положеніе предъ императоромъ Вильгельмомъ. Вскорѣ по отъѣздѣ русскаго государя, въ Берлинъ прибыла изъ Казани депутація отъ 6-го Либавскаго пѣхотнаго полка для принесенія поздравленія принцу Карлу прусскому по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со дня назначенія его шефомъ озна-

ченнаго полка. Принцъ далъ въ честь депутаціи торжественный обѣдъ въ замкѣ своемъ Глинеке, на которомъ имѣлъ присутствовать самъ императоръ и къ которому приглашенъ былъ и Шнейдеръ. Послѣдній не могъ не надѣть по этому случаю владимірскаго креста. «Хотя я и спустилъ какъ можно ниже орденъ Короны, чтобы спрятать незаявленнаго, а слѣдовательно неразрѣшеннаго Владиміра,»—признается онъ въ своихъ Запискахъ,—«но крестъ этотъ не укрылся отъ проницательнаго взора императора, прямо противъ котораго я сидѣлъ за столомъ, и вдругъ, когда въ разговорѣ съ сосѣдомъ я почти уже забылъ о грозившей мнѣ опасности, раздался вопросъ: «Откуда взялся у васъ Владиміръ на шеѣ?»—«Я... я недавно получилъ его отъ его величества императора».—«Когда же? что значитъ: недавно?»—«Въ послѣдній пріѣздъ императора сюда».—«Вы ничего мнѣ объ этомъ не сказали и уже носите его?»—«Я позволилъ себѣ сегодня въ честь депутаціи усчитать впередъ дозволеніе».

Туча благополучно миновала. Императоръ Вильгельмъ не заводилъ болѣе разговора со Шнейдеромъ о его владимірскомъ крестѣ.

IX.

Георгіевскій праздникъ въ 1872 году.

Поѣздка въ Петербургъ принца Карла.—Шнейдеръ сопровождаетъ его.—Представленіе его государю.—Описаніе кабинета императора.—Телеграммы Александра II и Вильгельма I.—Шнейдеръ читаетъ государю *Достопамятности* Императора Вильгельма.—Разсказъ государя о переговорахъ съ Флёри въ 1870 году.

По случаю пятидесятилѣтняго юбилея своего въ русской военной службѣ, второй братъ императора Вильгельма принцъ Карлъ получилъ георгіевскій крестъ 3-й степени и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашеніе присутствовать лично на орденскомъ праздникѣ 26 ноября (8 декабря) 1872 года.

Принцъ предложилъ Шнейдеру ѣхать съ нимъ въ Петербургъ, и тотъ, заручившись согласіемъ императора Вильгельма, поспѣшилъ принять предложеніе. Отпуская его, его величество сказалъ: «Передайте императору, что я *насквозь несчастливъ*

(kreuz-unglücklich), что не могу въ этотъ разъ самъ совершить поѣздку, но мнѣ нужно еще беречь себя». Шнейдеръ справился, слѣдуетъ ли ему въ точности передать выраженіе, употребленное императоромъ, или придать ему иную риторическую форму? «О, нѣтъ,»—былъ отвѣтъ,—«это самое подходящее выраженіе, таково мое дѣйствительное чувство».

Въ Вержболовѣ ожидалъ путешественниковъ экстренный царскій поѣздъ и назначенные состоять при особѣ принца Карла: генералъ-адъютантъ графъ Перовскій и флигель-адъютантъ графъ Ламсдорфъ. Перваго изображаетъ Шнейдеръ совершеннымъ воплощеніемъ знатнаго барина и хвалитъ обширныя познанія и безупречныя манеры второго. Въ такъ называемомъ министерскомъ вагонѣ, Шнейдеру было отведено отдѣленіе между графомъ Перовскимъ и графомъ Ламсдорфомъ, раздѣлявшихъ свое помѣщеніе съ командиромъ 1-го прусскаго гвардейскаго пѣхотнаго полка, полковникомъ Беномъ. Въ дорогѣ онъ излагалъ офицерамъ прусской свиты организацію русской арміи, а также приготовилъ телеграммы и письма въ разныя газеты и первое донесеніе свое императору Вильгельму, съ тѣмъ, чтобы отправить ихъ тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ, какъ и въ 1869 году, Шнейдеръ предпочелъ остановиться не въ Зимнемъ дворцѣ, а у друга своего генерала Языкова. Но онъ уже не имѣлъ возможности завладѣть промежуточною комнатою между пріемною и спальною принца, чтобы обратить ее въ рабочій свой кабинетъ. Онъ получилъ на все время пребыванія въ нашей столицѣ приглашеніе къ гофмаршальскому столу и придворный экипажъ въ полное распоряженіе.

На другой день по пріѣздѣ, 25 ноября (7 декабря), Шнейдеръ направился въ корридоръ, ведущій къ собственнымъ покоямъ императора. Прислуга, знавшая его съ 1869 года, не остановила его, и онъ могъ дождаться выхода его величества въ дверяхъ его пріемной. «А вотъ и вы, Шнейдеръ»! ласково воскликнулъ государь, увидавъ его. Шнейдеръ поспѣшилъ доложить, что имѣетъ къ его величеству личное порученіе отъ императора Вильгельма, и, передавъ слова послѣдняго, замѣтилъ, что выраженіе «*насквозь несчастливъ*» было употреблено его государемъ.—«Ну, такъ я вамъ скажу, что я «*насквозь счастливъ*,»—отвѣчалъ императоръ Александръ Николаевичъ,—«потому, что дядя Карлъ привезъ мнѣ увѣреніе, что я увижу

здѣсь императора въ будущемъ маѣ. Онъ сообразитъ свою поѣздку съ посѣщеніемъ вѣнской всемірной выставки, и конечно будетъ чувствовать себя здѣсь какъ бы дома. Да, онъ дома здѣсь, въ этихъ покояхъ! У меня вездѣ по близости его портреты. Посмотрите тутъ, это еще принцъ Вильгельмъ въ мундирѣ гвардейской кавалеріи померанскаго ландвера, тамъ новѣйшій портретъ шефа моего Драгунскаго полка, а далѣе, въ Знаменной залѣ, онъ-же на большой картинѣ парада въ Потсдамѣ.»

Войдя вслѣдъ за государемъ въ его кабинетъ, Шнейдеръ имѣлъ возможность осмотрѣть его болѣе подробно, чѣмъ за три года до того. Тамъ находились все тѣ же воспоминанія о Пруссіи, прусскомъ дворѣ и арміи. Цѣлую стѣну занимали портреты лицъ, возведенныхъ императоромъ Александромъ II въ званіе фельдмаршаловъ: князя Воронцова, князя Барятинскаго, графа Берга. Къ немалому удивленію, подъ стекляннымъ колпакомъ и рядомъ съ казачьими киверами покойныхъ императора Николая Павловича и цесаревича Николая Александровича, Шнейдеръ увидалъ пистолетъ, оказавшійся тѣмъ самымъ, изъ котораго Каракозовъ выстрѣлилъ въ государя 4 апрѣля 1866 года. Пистолетъ былъ двухствольный, и одинъ изъ стволовъ оставался заряженнымъ. Въ глубинѣ комнаты, за колонною, помѣщался въ углу кіотъ съ иконами и передъ нимъ теплилась лампада.

Въ самый день праздника 26 ноября состоялось назначеніе принца Карла прусскаго шефомъ русской 1-й гренадерской артиллерійской бригады, что подало поводъ къ обмѣну телеграммъ между императорами. Желая ознакомиться съ ними и буде возможно получить съ нихъ копіи, Шнейдеръ на другой день снова отправился прямо къ государю на его половину. Его величеству угодно было дать ему обѣ телеграммы съ разрѣшеніемъ не только списать ихъ, но и воспользоваться ими, съ надлежащею скромностью. Телеграммы были слѣдующаго содержанія:

«Зимній дворецъ, 26 ноября, 10 час. 40 мин. утра.

«Благоволите принять поздравленія всѣхъ кавалеровъ св. Георгія съ орденскимъ праздникомъ, на которомъ мы были бы такъ счастливы видѣть васъ присутствующимъ. Присутствіе Карла большая радость для меня. Я позволилъ себѣ назначить его, какъ инспектора артиллеріи, шефомъ нашей 1-й артилле-

рійской бригады гренадерскаго корпуса. Съ гордостью ношу вотъ уже три года вашъ голубой крестъ, который врученъ былъ мнѣ отъ вашего имени несчастнымъ Альбрехтомъ [1]) въ нынѣшній день.

«*Александръ*».

«Берлинъ, 8 декабря (нов. ст.), 1 час. 38 мин. пополудни.

«Благодарю васъ отъ души за вашу дорогую телеграмму и за новую милость, которую вы соблаговолили оказать Карлу, столь же осчастливленному ею, сколько и признательному за нее. У меня тяжело на сердцѣ отъ того, что не могу быть въ Петербургѣ въ настоящій день. Я уже получилъ телеграмму отъ Орденскаго полка, на которую отвѣчалъ тотчасъ же. Спасибо за воспоминаніе объ Альбрехтѣ.

«*Вильгельмъ*».

Передавая Шнейдеру телеграммы, государь пожелалъ узнать, для чего онѣ ему понадобились? «Не для того, ваше величество», отвѣчалъ онъ, «чтобы немедленно ихъ обнародовать, такъ какъ онѣ не только носятъ личный и довѣрительный характеръ, но въ настоящую минуту могутъ получить даже политическое значеніе; я же держу себя вдали отъ всякаго вмѣшательства въ политическія дѣла. Зато современемъ, онѣ явятся драгоцѣннымъ документомъ для моихъ замѣтокъ о жизни императора Вильгельма».

— Стало быть, вы что-нибудь пишете о вашемъ императорѣ?—спросилъ государь.

— Да, ваше величество, съ его вѣдома, а также иногда и при его помощи, посредствомъ исправленій на рукописи, которую онъ прочиталъ всю, съ самаго начала. А такъ какъ я желалъ бы снабдить все, что пишу, сколь возможно бо́льшимъ числомъ оправдательныхъ документовъ, то мнѣ важно имѣть и эти телеграммы, которыя засвидѣтельствуютъ потомству о прекрасныхъ дружественныхъ отношеніяхъ вашего величества къ моему всемилостивѣйшему государю.

— Должно быть, очень замѣчательныя вещи имѣли вы случай наблюдать изблизи, въ главной квартирѣ, въ обѣ послѣднія войны!

— Безъ сомнѣнія. И о вашемъ величествѣ тамъ шла рѣчь неоднократцо. Впрочемъ, я привезъ сюда часть моей рукописи,

---

[1]) Принцъ Альбрехтъ прусскій, младшій братъ императора Вильгельма I, скончался лѣтомъ 1872 года.

чтобы показать ее моему другу Языкову, и если ваше величество прикажете, то могу вамъ прочитать ее.

— Это было бы превосходно! Но для этого нуженъ покой, и я долженъ сперва распредѣлить свое время. Мы еще поговоримъ объ этомъ.

Когда на другой день Шнейдеръ принесъ государю обратно полученныя отъ него телеграммы, то его величество первый заговорилъ о предположенномъ чтеніи жизнеописанія императора Вильгельма и позвалъ къ себѣ Шнейдера на послѣзавтрашній день, въ половинѣ десятаго утра, присовокупивъ, что тотчасъ послѣ завтрака онъ располагаетъ свободнымъ временемъ.

30 ноября (12 декабря), въ назначенный часъ, Шнейдеръ ждалъ уже въ царской пріемной съ рукописью подъ мышкой. Выйдя къ нему, государь подвелъ его къ столу, на которомъ лежалъ сшитый на дѣтскій ростъ мундиръ лейбъ-гвардіи гусарскаго его величества полка со всѣми принадлежностями. «Это подарокъ моему внуку»,—сказалъ императоръ;—«все по положенію». Государь перебралъ одну за другою всѣ части обмундировки, бѣлый ментикъ, синія рейтузы, щегольскіе ботики. маленькую саблю. Шнейдеръ размышляетъ по этому поводу:

«Невольно припомнилось мнѣ, что и императоръ Вильгельмъ въ дѣтствѣ получалъ отъ своихъ, тогда еще столь счастливыхъ родителей, такіе же подарки, а именно мундиры Товарцы и Рудорфскаго гусара. Случай этотъ разсказанъ мною въ біографіи короля Вильгельма. Нынѣ я видѣлъ нѣчто подобное, но при другомъ дворѣ, и будучи свидѣтелемъ радости императора, могъ самъ понять, что чувствовалъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III и королева Луиза, даря сыну первый мундиръ его. Еслибъ они могли предугадать, что выйдетъ изъ маленькаго Рудорфскаго гусара! И кто знаетъ, что выйдетъ современемъ изъ маленькаго лейбъ-гусара, которому назначенъ былъ этотъ мундиръ!»

Въ кабинетѣ государь усадилъ Шнейдера за небольшой столъ у окна, а самъ сѣлъ за свой письменный столъ и во все время чтенія подписывалъ бумаги. Шнейдеръ прочелъ ему нѣсколько наиболѣе интересныхъ эпизодовъ, объяснивъ предварительно степень участія императора Вильгельма въ трудѣ его. Прочтены были сцены изъ походовъ 1866 и 1870 годовъ, вплоть до битвы при Гравелоттѣ. Государь прерывалъ чтеніе

одобрительными замѣчаніями и по поводу Седанскаго разгрома самъ разсказалъ слѣдующее:

«По полученіи здѣсь извѣстій о Марсъ-ла-Туръ и Гравелоттѣ, Флёри [1]) выразилъ желаніе переговорить со мною. Онъ упомянулъ о «guignon», выпавшемъ до тѣхъ поръ на долю французской арміи, о шансахъ войны, которые скоро примутъ более благопріятный оборотъ, о негодованіи и энтузіазмѣ французскаго народа противъ Пруссіи и въ пользу императора Наполеона и, повидимому, весьма легкомысленно относился ко всему дѣлу, такъ что я сказалъ ему: «Мнѣ кажется, что императоръ Наполеонъ долженъ менѣе опасаться враговъ впереди, чѣмъ позади себя. Извѣстія изъ Парижа возбуждаютъ большое безпокойство». Флёри былъ противнаго мнѣнія. По словамъ его, армія слѣпо предана императору, императрица облечена всею правительственною властью и вполнѣ господствуетъ надъ положеніемъ. На это я вынужденъ былъ возразить ему: «То же самое слышали мы здѣсь въ 1848 году. Тогда намъ также говорили, что правительство короля Лудовика-Филиппа вполнѣ господствуетъ надъ положеніемъ, что нельзя сомнѣваться въ вѣрности и преданности арміи и что оппозиція очень скоро будетъ низвергнута, и вотъ спустя два дня, здѣсь было получено извѣстіе о провозглашеніи республики». Вслѣдъ за тѣмъ я уѣхалъ въ Москву и тамъ получилъ вѣсть о невѣроятной Седанской катастрофѣ. По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, снова явился ко мнѣ генералъ Флёри. Въ этотъ разъ онъ рѣчь свою началъ такъ: «О, государь! вы оказались пророкомъ!» Дѣйствительно все произошло совершенно также какъ въ 1830 и въ 1848 годахъ».

Въ заключеніе Шнейдеръ прочиталъ приведенное мною письмо императора Вильгельма къ принцу Альбрехту о впечатлѣніи, произведенномъ на него пожалованіемъ первой степени Георгія. Выслушавъ письмо, государь подозвалъ Шнейдера къ другому небольшому столу, стоявшему вдоль задней стѣны кабинета и на которомъ, подъ стеклляннымъ колпакомъ, лежало нѣсколько предметовъ, въ числѣ ихъ миніатюрный георгіевскій крестъ и прусскій крестъ ордена «pour le mérite». «Взгляните,»—сказалъ императоръ,—«это тотъ «pour le mérite», который тогда вечеромъ далъ мнѣ несчастный принцъ Альбрехтъ. Онъ снялъ

[1]) Французскій посолъ въ С.-Петербургѣ въ 1870 году.

съ себя собственный крестъ и принесъ его мнѣ поздно ночью, въ парадномъ генеральскомъ мундирѣ. Этотъ георгіевскій крестъ также имѣетъ для меня особое значеніе. Онъ—тотъ самый, что пожаловалъ мнѣ отецъ мой на Кавказѣ. Когда отецъ выразилъ свое намѣреніе, креста не оказалось подъ рукою, а потому князь Волконскій далъ свой, подаренный ему императоромъ Александромъ въ 1814 году, въ Парижѣ, той же величины, какъ и крестъ, носимый самимъ государемъ. Императоръ Николай запечаталъ и прислалъ его мнѣ. Вотъ эта усѣянная бриліантами табакерка принадлежала Фридриху Великому. Этотъ простой золотой крестъ носила бѣдная мать моя послѣ смерти отца, до самой кончины».

О чтеніи своемъ государю Шнейдеръ не преминулъ доложить принцу Карлу и послать подробное донесеніе императору Вильгельму въ Берлинъ.

X.

Альбомъ Достопамятностей.

Присылка въ Петербургъ альбома Достопамятностей.—Осмотръ его въ русской императорской семьѣ.—Замѣчанія императора и императрицы.

Читая императору Александру II «Достопамятности» своего государя, Шнейдеръ сообщилъ его величеству и о существованіи альбома, служащаго иллюстраціей къ нимъ. Государь выразилъ желаніе ознакомиться съ этимъ альбомомъ, и Шнейдеръ обѣщалъ похлопотать, чтобъ императоръ Вильгельмъ привезъ его съ собою въ Петербургъ слѣдующею весною. Но въ письмѣ къ послѣднему онъ предложилъ выслать альбомъ немедленно въ русскую столицу, дабы дать ему самому возможность представить надлежащія разъясненія, такъ какъ никто-де лучше его, Шнейдера, не знакомъ съ намѣреніями императора Вильгельма по отношенію къ воспроизведеннымъ въ альбомѣ выдающимся событіямъ его жизни и царствованія. Его величество отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

Б. 13. 12. 72.

«Вслѣдствіе вашего письма отъ 10-го, я тотчасъ же приказалъ упаковать мой иллюстрированный некрологъ, дабы *вы*

могли показать и объяснить его императору, потому-что мнѣ неловко сдѣлать это *самому* будущею весною, такъ какъ я всегда на первомъ планѣ и лично иллюстрированъ; къ тому-же это не шедёвры. Много благодаренъ за интересныя сообщенія, единственныя, какія мы здѣсь получаемъ. *В.*»

На конвертѣ красовался необычайно длинный Л., съ разными затѣйливыми арабесками и росчерками, что, по замѣчанію Шнейдера, свидѣтельствовало, что, отправляя письмо, императоръ былъ въ веселомъ расположеніи духа.

Вмѣстѣ съ письмомъ прибыли два огромные ящика, вмѣщавшіе каждый по папкѣ съ рисунками. Шнейдеръ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія государя, черезъ генерала Вердера, который въ тотъ же вечеръ далъ знать ему запискою, что императоръ Александръ Николаевичъ очень радъ прибытію «иллюстрированнаго некролога» и назначитъ время для ознакомленія съ нимъ, какъ только представится къ тому возможность.

Разсмотрѣніе альбома назначено было на 6 (18) декабря, въ три четверти десятаго, вечеромъ, въ золотой гостиной императрицы. Николинъ день покойный государь имѣлъ обыкновеніе проводить въ тихомъ семейномъ кругу, въ память въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича. Наканунѣ Шнейдеръ перенесъ альбомъ въ покои принца Карла и съ удивленіемъ узналъ, что принцъ никогда еще не видѣлъ всего альбома и былъ знакомъ лишь съ нѣкоторыми отдѣльными картинами изъ него.

Папки были такъ тяжелы, что каждую изъ нихъ несли по четыре придворне лакея. Вечеромъ, 6-го числа, ихъ расположили на столахъ въ золотой гостиной. Отъ царскаго камердинера Шнейдеръ узналъ, что осматривать альбомъ будутъ, кромѣ императора и императрицы, великаго князя Владиміра и великой княжны Маріи, лишь немногіе приглашенные, а именно: министръ императорскаго двора графъ Адлербергъ, генералъ Вердеръ, г-жа Мальцова съ дочерью и еще двѣ другія дамы.

Въ назначенный часъ государь вышелъ въ гостиную, и былъ удивленъ величиною альбома. Его величество выразилъ удовольствіе по поводу предстоявшаго осмотра и спросилъ Шнейдера, какъ думаетъ онъ расположить картины, чтобъ всѣмъ было хорошо видно, и не нужно ли ему какихъ-либо приспо-

собленій? Засимъ онъ ввелъ его въ комнату, гдѣ находилась императрица, окруженная вышепоименованными лицами. Шнейдеръ почтительно остановился у двери. Ея величество подошла къ нему и сказала нѣсколько привѣтливыхъ словъ по-нѣмецки.

«При обозрѣніи, которое началось тотчасъ же,»—разсказываетъ Шнейдеръ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—«сидѣла одна императрица; всѣ остальные зрители стояли, великій князь Владиміръ—возлѣ своего отца. Лишь графъ Адлербергъ, облокотясь на столъ съ противоположной стороны, разсматривалъ картины, прежде чѣмъ я ихъ показывалъ. Прежде всего, я далъ возможно краткое объясненіе о возникновеніи, цѣли и пріумноженія коллекціи и выставилъ на видъ, что, кромѣ императора Вильгельма, никто еще не видѣлъ ея вполнѣ; при этомъ я обратилъ вниманіе и на то, что императоръ самъ снабдилъ каждый отдѣльный листъ описаніемъ, что, повидимому, вызвало наибольшее удивленіе и было признано, какъ особенное достоинство этого альбома для будущаго. Интересны замѣчанія и вопросы императорской четы; въ высшей степени замѣчательны, даже изумительны, свѣдѣнія и знакомство съ дѣлами и лицами при прусскомъ дворѣ, обнаруженныя предо мною императоромъ Александромъ по этому случаю.

«По поводу картины, на которой крошечный принцъ Вильгельмъ былъ изображенъ съ напудренными волосами, императоръ сказалъ: «Мать моя часто разсказывала мнѣ, что она маленькою дѣвочкою думала, что пудра—это потъ у мужчинъ, потому что въ ея время, до 1812 года, офицеры являлись только на парадахъ напудренными и въ частности оба ея брата: Фрицъ и Вильгельмъ.»

«Увидавъ картину: «*Представленіе стрѣлковъ-добровольцевъ на балъ въ Бреславлѣ, въ 1813 году*», на которой одинъ изъ принцевъ изображенъ въ мундирѣ эскадрона казаковъ-добровольцевъ полка тѣлохранителей, императоръ замѣтилъ: «Это тѣ самые, что были прозваны *ручными казаками*», и я долженъ былъ объяснить различіе между гвардейскимъ эскадрономъ казаковъ-добровольцевъ и гвардейскимъ казачьимъ эскадрономъ.

«Объ акварели, на которой представлены оба юные принца подъ изображеніемъ рослаго потсдамскаго гренадера, императоръ вымолвилъ: «Такая же точно картина была у моей матери, въ ея комнатѣ, предъ выходящею на лѣстницу дверью,

которая вела къ батюшкѣ. Она и теперь находится на томъ же мѣстѣ».

«При картинѣ: «*Подъ Парижемъ въ 1814 г.*», онъ воскликнулъ удивленно: «Это прусская батарея! На сколько мнѣ извѣстно, послѣдній выстрѣлъ противъ Парижа сдѣланъ былъ батареею русскою! Во всякомъ случаѣ это такъ изображено на большой картинѣ въ Александровской залѣ!»

«Императрица, особенно долго и внимательно поглядѣвъ на картину: «*2-е сентября 1870 г.*», сказала: «Несчастный», а взглянувъ на изображеніе парада зуавовъ въ Компіенѣ, при видѣ императорскаго принца, воскликнула: «Бѣдное дитя!» Когда я показывалъ картину свиданія короля Вильгельма съ императоромъ Наполеономъ, то долженъ былъ подробно объяснить всѣ ближайшія обстоятельства».

Отпуская Шнейдера, государь милостиво поблагодарилъ его и сказалъ: «Кстати! Ваши замѣтки, которыя вы мнѣ читали надняхъ, составятъ весьма интересное сочиненіе. Скоро ли вы его напечатаете?»

«Не думаю, ваше величество,»—отвѣчалъ Шнейдеръ,—«потому что, согласно приказанію моего царственнаго повелителя, оно должно быть обнародовано лишь послѣ его кончины; я же при своей жизни конечно его не издамъ».

— Жаль! Тѣмъ болѣе, что самъ императоръ знаетъ о немъ и нашелъ его правильнымъ и согласнымъ съ истиной!

— Такъ точно, ваше величество! Но если бы я обнародовалъ свои замѣтки при его жизни, то могли бы подумать, что я добиваюсь чего-либо для себя отъ императора Вильгельма, а эта мысль для меня невыносима. Сверхъ того, могли бы возникнуть нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя я перенесъ бы хотя и съ чистою совѣстью, но все же тяжело. А потому пусть будетъ это лучше послѣ моей смерти!»

XI.

Вильгельмъ I въ Петербургѣ.

Посѣщеніе императоромъ Вильгельмомъ государя Александра Николаевича въ 1873 году.—Встрѣча на границѣ, въ Гатчинѣ и въ Петербургѣ.—Двѣнадцатидневное пребываніе въ русской столицѣ.—Отъѣздъ.—Князь Бисмаркъ въ Петербургѣ.—Политическое значеніе свиданія.

На изложеніи вечера въ Зимнемъ дворцѣ, проведеннаго въ разсмотрѣніи альбома императора Вильгельма, прерываются посвященныя жизнеописанію этого государя «Воспоминанія» Шнейдера. Въ слѣдующемъ 1873 году онъ снова посѣтилъ Петербургъ, одновременно со своимъ монархомъ, но не въ свитѣ его, а какъ частный путешественникъ и корреспондентъ берлинскихъ газетъ. Причиною тому было возраставшее къ нему нерасположеніе князя Бисмарка, недопускавшаго вмѣшательства въ политику постороннихъ, хотя бы и близко стоящихъ къ Вильгельму I лицъ. Вѣроятно по той же причинѣ онъ воздержался отъ занесенія въ Записки свѣдѣній о пребываніи германскаго императора въ русской столицѣ. Восполнимъ же этотъ пробѣлъ на основаніи другихъ современныхъ свидѣтельствъ и разсказовъ.

Предпринятая Вильгельмомъ I поѣздка въ Россію обставлена была большою торжественностью. Его сопровождали два знаменитые его сподвижника: Князь Бисмаркъ и графъ Мольтке, а также многочисленная и блестящая военная и придворная свита. На все время пребыванія въ Россіи назначены были состоять при его величествѣ: генералъ-адъютантъ князь Суворовъ, свиты генералъ-маіоръ князь Голицынъ и флигель-адъютантъ князь Мещерскій.

Лица эти встрѣтили императора германскаго на самой границѣ, въ Вержболовѣ, гдѣ привѣтствовалъ его также и намѣстникъ царства Польскаго, генералъ-фельдмаршалъ графъ Бергъ. Генералъ-губернаторъ сѣверо-западнаго края сопровождалъ его величество до Динабурга. Въ Лугу выѣхалъ навстрѣчу своему государю нѣмецкій посолъ при нашемъ дворѣ, принцъ Рейссъ.

14 (26) апрѣля государь императоръ, въ сопровожденіи наслѣдника цесаревича и великихъ князей Константина и Ми-

хаила Николаевичей съ вечернимъ поѣздомъ отправился въ Гатчину, гдѣ провелъ ночь. Встрѣча его съ дорогимъ и давно желаннымъ гостемъ произошла на Гатчинскомъ вокзалѣ на другой день, ровно въ полдень. Оба императора крѣпко обнялись. Лица ихъ сіяли радостью. Послѣ завтрака, сервизованнаго на вокзалѣ, они въ одномъ вагонѣ продолжали путь до Петербурга. Тамъ, на вокзалѣ Варшавской желѣзной дороги, ожидали ихъ прочіе великіе князья, а въ Зимнемъ дворцѣ—государыня цесаревна, великія княгини и княжны. Императрица Марія Александровна находилась въ отсутствіи.

Въ Вержболовѣ почетный караулъ со знаменемъ былъ отъ Кексгольмскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III прусскаго полка; въ Гатчинѣ — отъ драгунскаго полка Военнаго Ордена; на вокзалѣ въ Петербургѣ—отъ Калужскаго полка. Всѣ эти полки, коихъ августѣйшій гость состоялъ шефомъ, были къ его пріѣзду вызваны въ Петербургъ и вмѣстѣ съ гвардіею расположены шпалерами по пути, отъ вокзала до Зимняго дворца, подъ общимъ начальствомъ великаго князя Николая Николаевича. Via triumphalis пролегала по проспектамъ Измайловскому и Вознесенскому и по Большой Морской до Дворцовой площади. Всѣ дома были разукрашены русскими, нѣмецкими и прусскими флагами; въ окнахъ и на балконахъ, въ густой зелени тепличныхъ растеній, красовались увѣнчанные лаврами бюсты обоихъ монарховъ. Фасадъ Преображенскаго манежа украшалъ георгіевскій крестъ громадныхъ размѣровъ въ честь знатнѣйшаго и старѣйшаго кавалера Военнаго Ордена. Во дворцѣ почетный караулъ былъ отъ 1-й роты лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Несмѣтная толпа народа наполняла площадь предъ дворцомъ. Она оглашала воздухъ криками ура! при проѣздѣ ихъ величествъ, а также когда оба императора появились на дворцовомъ балконѣ. Семейный обѣдъ состоялся въ покояхъ, отведенныхъ императору германскому. Вечеръ ихъ величества провели въ Большомъ театрѣ, гдѣ давался балетъ «*Камарго*».

Первый выѣздъ императора Вильгельма на слѣдующій день, 16 (28) апрѣля, былъ въ Петропавловскій соборъ, гдѣ онъ поклонился гробницамъ Николая I и любимой сестры своей императрицы Александры Ѳеодоровны. Поутру онъ принималъ фельдмаршаловъ, князя Барятинскаго и графа Берга и ординарцевъ отъ шефскихъ полковъ, обѣдалъ въ Аничковомъ дворцѣ

у наслѣдника цесаревича и вечеромъ посѣтилъ Михайловскій театръ. Тамъ шелъ французскій спектакль: *Le Réveillon*, Мельяка и Галеви, и три небольшіе водевиля. Въ этотъ день государь посѣтилъ князя Бисмарка и графа Мольтке, а князь Горчаковъ возвратилъ нѣмецкому канцлеру визитъ, сдѣланный имъ наканунѣ. Бисмаркъ и Мольтке обѣдали у германскаго посла принца Рейсса.

17 (29) апрѣля было днемъ рожденія государя императора. Императоръ Вильгельмъ въ мундирѣ гренадерскаго Кексгольмскаго Прусскаго полка и съ георгіевскою лентою чрезъ плечо присутствовалъ при торжественномъ молебствіи въ большой церкви Зимняго дворца. Послѣ завтрака, на Дворцовой площадкѣ происходилъ разводъ съ церемоніей отъ Прусскаго полка, а вслѣдъ за тѣмъ императоръ германскій принималъ членовъ дипломатическаго корпуса. Обѣдъ происходилъ на половинѣ императора Вильгельма.

Послѣ обѣда на Дворцовой площадкѣ собрались соединенные оркестры всѣхъ гвардейскихъ полковъ въ числѣ 1,300 музыкантовъ и 480 барабанщиковъ, съ дирижеромъ Вурмомъ во главѣ. Они исполнили нѣсколько музыкальныхъ пьесъ, причемъ русскія военныя и народныя мелодіи смѣнялись прусскими. Пять электрическихъ солнцъ освѣщали исполнителей и наводнявшую площадь несмѣтную толпу. Начался концертъ прусскимъ національнымъ гимномъ; за тѣмъ слѣдовалъ маршъ сочиненія короля Фридриха-Вильгельма III, маршъ Штейнмеца, *die Wacht am Rhein*, русскій гвардейскій маршъ 1808 года и такъ называемый Парижскій маршъ, при звукахъ котораго русскіе и прусскіе полки вступали въ 1814 году въ столицу Франціи. Программа заключалась гимномъ: «*Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ!*» Оба монарха неоднократно показывались на балконѣ, привѣтствуемые громкими восторженными кликами. Тѣ же клики встрѣчали и сопровождали ихъ величества, когда они въ открытой коляскѣ проѣзжали по залитымъ свѣтомъ улицамъ въ Большой театръ, гдѣ они присутствовали при представленіи балета «*Донъ-Кихотъ*».

18 (30) апрѣля, принимая адресъ отъ депутаціи проживающихъ въ Петербургѣ германскихъ подданныхъ, императоръ Вильгельмъ произнесъ рѣчь, въ которой, выставивъ на видъ великое историческое значеніе совершившагося объединенія Германіи, ни единымъ словомъ не обмолвился, однако, объ

участіи Россіи и ея государя въ достиженіи этого результата. «Благодарю васъ, господа,»—сказалъ онъ,—«за патріотическія чувства, выраженныя здѣсь вами съ такою теплотою. Въ Германіи дѣйствительно совершились преобразованія, которыхъ, правда, давно желали, но осуществленія коихъ нельзя было ожидать такъ скоро. Преобразованія эти начались въ 1866 году и окончились въ 1870 и 1871 годахъ. Прежде всего этому содѣйствовала германская армія, которая, могу сказать, совершила подвиги, безпримѣрные доселѣ во всякой исторіи или по крайней мѣрѣ въ нѣмецкой. Но на ряду со славными подвигами арміи, великому дѣлу существенно способствовала единодушная, полная готовность къ жертвамъ, преданность всей націи на всемъ пространствѣ отечества и даже гораздо далѣе его предѣловъ. Вы всѣ слѣдили за событіями. Вамъ всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ воля Божія привела насъ къ побѣдѣ въ такой войнѣ, на которую насъ вызвало — не могу иначе выразиться—внезапное нападеніе, такъ какъ вы признаете за истину, что миръ казался обезпеченнымъ, когда послѣдовало объявленіе войны. Провидѣніе увѣнчало наше правое дѣло успѣхомъ и исполнитъ надежду нашу на то, что судьбы Германіи удержатся на нынѣшней высотѣ и благотворно будутъ развиваться подъ сѣнію мира. Объединеніе составляетъ фактъ, и оно изъ года въ годъ будетъ приносить все болѣе и болѣе прекрасные плоды. Такая имперія посреди Европы представляетъ ручательство для мира вообще. Всѣ мы нынѣ живущіе радостно сознаемъ, что Провидѣніе избрало насъ орудіями для достиженія этой цѣли и что такимъ образомъ осуществятся надежды наши, такъ прекрасно выраженныя вами».

Въ тотъ же день происходилъ смотръ императорскихъ конюшенъ и обѣдъ на собственной половинѣ его величества, къ коему приглашены были свита германскаго императора и члены нѣмецкаго посольства. День заключился баломъ въ Эрмитажѣ.

19 апрѣля (1 мая) императоръ Вильгельмъ посѣтилъ Инженерныя академію и училище и разсматривалъ въ музеѣ ихъ модели нашихъ крѣпостей. «Высокій гость русскаго государя»—повѣствуетъ біографъ графа Тотлебена,—«обратилъ особенное вниманіе на прекрасную модель Севастопольской осады. По желанію императора Александра, Тотлебенъ дѣлалъ необходимыя поясненія, которыя въ отношеніи къ Севастополю превратились въ лекцію, продолжавшуся полтора часа времени.

Императоръ Вильгельмъ съ величайшимъ вниманіемъ стоя выслушалъ импровизацію защитника Севастополя и разставаясь съ нимъ выразилъ Тотлебену полнѣйшее удовольствіе, пожаловавъ ему въ знакъ признательности орденъ Pour le mérite». Объ этомъ посѣщеніи писалъ петербургскій корреспондентъ Kölnische Zeitung: «Такимъ образомъ совершенно импровизованныя указанія превратились мало-по-малу въ болѣе широкія заключенія; отдѣльныя частности слились въ общую картину приковавшія вниманіе слушателей на полтора часа къ одному и тому же предмету; никто и не подумалъ о томъ, чтобы сѣсть, такъ велико было напряженіе, такъ нагляденъ и полонъ живого интереса предметъ бесѣды и его изложеніе человѣкомъ, больше всѣхъ поработавшимъ для обороны этого пункта» [1]).

Оба императора обѣдали у великаго князя Михаила Николаевича, а вечеръ провели на балѣ, данномъ с.-петербургскимъ дворянствомъ въ залѣ своего собранія въ честь августѣйшаго гостя.

20 апрѣля (2 мая) происходилъ большой парадъ на Царицыномъ лугу. Участвовали въ немъ $51^1/_3$ батальонъ и $38^1/_2$ эскадроновъ при 106 орудіяхъ. Войска были построены въ пять линій, фронтомъ къ Лѣтнему саду, но не могли всѣ умѣститься на обширной площади, а потому часть ихъ была разставлена по Дворцовой набережной. Послѣ парада императоры и всѣ члены царствующаго дома, а изъ нѣмецкихъ гостей Бисмаркъ, Мольтке и Рейссъ, завтракали у принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Одновременно предложенъ былъ завтракъ и 500 воспитанницамъ женскихъ институтовъ, смотрѣвшимъ на парадъ изъ дома его высочества. Императору Вильгельму доставилъ большое удовольствіе этотъ дополнительный смотръ цѣлаго батальона молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ. Вечеромъ въ Большомъ театрѣ состоялся парадный спектакль для приглашенныхъ. Давали балетъ: «*Дочь Фараона*». Ихъ величества смотрѣли на первое дѣйствіе изъ большой средней царской ложи, но затѣмъ перешли въ боковую. Балетъ завершился апоѳеозомъ.

21 апрѣля (3 мая)—день, посвященный воспоминанію о по-

---

[1]) Генералъ Шильдеръ: *Графъ Э. И. Тотлебенъ, его жизнь и дѣятельность*, II, стр. 106.

койной императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Утромъ была панихида въ Петропавловскомъ соборѣ при гробницѣ государыни, а въ четыре часа ихъ величества, въ сопровожденіи избранной свиты, отбыли въ Царское Село. Тамъ императоръ Вильгельмъ посѣтилъ прежде всего покои въ Александровскомъ дворцѣ, гдѣ провела послѣдніе годы жизни и скончалась любимая сестра его. По осмотрѣ арсенала, обѣдъ былъ поданъ въ Большомъ дворцѣ. Къ вечеру высочайшіе гости возвратились въ столицу.

Въ воскресенье, 22 апрѣля (4 мая), императоръ Вильгельмъ присутствовалъ при богослуженіи въ лютеранской церкви Св. Петра, затѣмъ при разводѣ отъ Калужскаго имени своего полка, наконецъ въ большомъ утреннемъ концертѣ въ Дворянскомъ Собраніи, данномъ въ пользу С.-Петербургскаго нѣмецкаго благотворительнаго общества. Въ 6 часовъ въ Николаевской залѣ Зимняго дворца состоялся парадный обѣдъ, на 636 приглашенныхъ. За этимъ обѣдомъ государь произнесъ слѣдующій тостъ на французскомъ языкѣ:

«Здоровье его величества императора и короля Вильгельма, моего лучшаго друга! Въ дружбѣ, насъ соединяющей, которую мы унаслѣдовали отъ нашихъ родителей и которую, надѣюсь, передадимъ нашимъ дѣтямъ, я усматриваю для Европы лучшій залогъ мира, въ коемъ всѣ нуждаются и котораго всѣ желаютъ. Да сохранитъ Господь его величество еще на многія лѣта и да дастъ ему наслаждаться въ мирѣ и спокойствіи его успѣхами и славой. Таковы искреннѣйшія желанія моего сердца!»

Императоръ Вильгельмъ отвѣчалъ также по-французски:

«Августѣйшія слова, которыя ваше величество изволили произнести, останутся навсегда запечатлѣнными въ моемъ глубоко-тронутомъ и признательномъ сердцѣ. Эта признательность относится равномѣрно къ дружественному пріему, сдѣланному мнѣ лично вами и встрѣченному мною въ вашемъ государствѣ. Чувства и желанія, вашимъ величествомъ выраженныя, суть также и мои. Да услышитъ ихъ Всевышній для благоденствія нашихъ народовъ и для упроченія европейскаго мира!»

Вечеръ ихъ величества провели въ Большомъ театрѣ, гдѣ шелъ балетъ *Трильби*.

23 апрѣля (4 мая), въ день тезоименитства великой княгини Александры Петровны, оба императора завтракали у великаго князя Николая Николаевича. Между обѣдомъ въ

*

Зимнемъ дворцѣ и баломъ въ Аничковомъ дворцѣ у цесаревича и цесаревны, императоръ Вильгельмъ посѣтилъ нѣмецкій театръ, гдѣ гастролировала граціозная ingénue берлинскаго королевскаго театра Іоанна Буска.

24 апрѣля (5 мая) августѣйшій гость осматривалъ Эрмитажъ, и особенное вниманіе обратилъ на музей керченскихъ древностей. Въ два часа на Царицыномъ лугу происходило въ его присутствіи ученье 1-го баталіона л.-гв. Семеновскаго полка и драгунъ Военнаго Ордена. Послѣ обѣда въ Михайловскомъ дворцѣ у великой княгини Екатерины Михайловны ихъ величества отправились въ балетъ: *Царь Кандавлъ.*

Въ этотъ день, по первоначальной программѣ, имѣлъ произойти отъѣздъ германскаго императора. Но, уступая настояніямъ своего державнаго племянника и друга, его величество отложилъ его еще на два дня.

25 апрѣля (6 мая) Вильгельмъ I воспользовался свободнымъ утромъ, чтобы, въ сопровожденіи посла своего при нашемъ дворѣ принца Рейсса, совершить прогулку по городу и сдѣлать нѣсколько закупокъ въ главныхъ магазинахъ. Онъ присутствовалъ на смотру столичной пожарной команды, произведенномъ на Дворцовой площади, и на ученьи сводной пѣхотной бригады изъ полковъ: Прусскаго и Калужскаго на Царицыномъ лугу, обѣдалъ въ Мраморномъ дворцѣ у великаго князя Константина Николаевича, наконецъ почтилъ своимъ присутствіемъ бенефисъ г-жи Буска въ Михайловскомъ театрѣ. Въ этотъ день былъ большой балъ въ нѣмецкомъ посольствѣ у князя Рейсса, гостями коего были оба императора и всѣ прочія высочайшія особы.

26 апрѣля (7 мая), послѣ двѣнадцатидневнаго пребыванія въ нашей столицѣ, императоръ Вильгельмъ выѣхалъ изъ Петербурга. Государь и всѣ великіе князья провожали его до Гатчины. Тамъ послѣ обѣда во дворцѣ, въ четыре часа пополудни, произошла на вокзалѣ желѣзной дороги трогательная сцена разставанія. Монархи нѣсколько разъ поцѣловались и обнялись, потомъ—какъ разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ—императоръ германскій, съ наклоненною головою, съ разстроеннымъ лицомъ, быстрыми шагами направился къ вагону, не оборачиваясь.

Согласно обычаю, на чиновъ обоихъ дворовъ пролился обильный дождь въ видѣ орденовъ и другихъ почетныхъ отличій.

Я уже упоминалъ о пожалованіи Тотлебену креста Pour le mérite. Князю Суворову была пожалована лента Чернаго Орла. Фельдмаршалъ князь Барятинскій назначенъ шефомъ одного изъ нѣмецкихъ полковъ, при слѣдующемъ рескриптѣ императора-короля:

«Многоуважаемый генералъ-фельдмаршалъ:

«Съ живѣйшимъ удовольствіемъ я, сегодня, съ соизволенія его величества императора всероссійскаго, исполняю давнее желаніе мое, назначая васъ шефомъ 2-го Гессенскаго гусарскаго подъ № 14 полка. Привѣтствую васъ съ сердечною радостью въ рядахъ моей арміи, которая съ полнѣйшимъ сочувствіемъ станетъ считать своимъ ваше имя, столь высоко цѣнимое во всемъ военномъ мірѣ. 2-му Гессенскому гусарскому № 14 полку я повелѣлъ вмѣстѣ съ симъ представить вамъ рапортъ о состояніе полка и списокъ офицеровъ.

«Остаюсь, съ особеннымъ уваженіемъ, благосклонный къ вамъ

«*Вильгельмъ*».

«С.-Петербургъ,
4 мая (23 апрѣля) 1873 года.»

Не одинъ старецъ-императоръ показывалъ себя глубоко тронутымъ торжественностью и задушевностью пріема. По общему свидѣтельству очевидцевъ, никогда князь Бисмаркъ не обнаруживалъ болѣе чарующей любезности, чѣмъ во дни, проведенные имъ въ Петербургѣ въ 1873 году. «Насколько извѣстно,»—пишетъ одинъ изъ панегиристовъ нѣмецкаго канцлера,—«во все время этого пребыванія вовсе не было рѣчи о политикѣ; даже въ обращеніи съ Горчаковымъ князь Бисмаркъ являлся болѣе старымъ и близкимъ знакомымъ петербургскаго общества, человѣкомъ, постоянно удостоеннымъ особой милости и благоволенія царя, чѣмъ чужестраннымъ министромъ. Благодаря памяти, приводившей всѣхъ въ изумленіе, бывшій прусскій посланникъ припоминалъ тысячу происшествій, большихъ и малыхъ, случившихся въ продолженіе годовъ, проведенныхъ вмѣстѣ; не только чиновники посольства, но всѣ лица, важныя и неважныя, съ коими онъ находился въ сношеніяхъ въ періодъ съ 1859 по 1862 годъ, были узнаны имъ, и онъ привѣтствовалъ ихъ и напоминалъ имъ о быломъ человѣкѣ, который съ тѣхъ поръ преобразилъ міръ. Особенно внимательно относились къ имперскому канцлеру тѣснившіяся къ нему со

всѣхъ сторонъ дамы, которыя не умолкали въ похвалахъ его любезностямъ и увѣряли, что если бы не посѣдѣвшая борода и волосы и не глубокія морщины на лицѣ его, то можно было бы признать его «вовсе неизмѣнившимся» и столь же «незлобивымъ и приглянымъ, какъ и двѣнадцать лѣтъ назадъ». Всюду, гдѣ только появлялась высокая фигура въ бѣломъ кирасирскомъ мундирѣ и голубой лентѣ, она могла съ увѣренностью разсчитывать на самый дружественный пріемъ»[1]).

Хотя посѣщеніе императоромъ Вильгельмомъ его царственнаго друга и племянника и носило преимущественно родственный и семейный отпечатокъ, но событію этому нельзя отказать и въ важномъ политическомъ значеніи, такъ какъ оно знаменовало высшую степень проявленія дружбы, около столѣтія связывавшей государей Россіи и Пруссіи. Такое именно значеніе придавали событію въ Европѣ. Такъ оцѣнивалъ его и полуоффиціальный органъ нѣмецкаго канцлера, берлинская «Provinzial-Correspondenz», писавшая отъ 19 апрѣля (1 мая): «Общность взглядовъ, создавшая союзъ Пруссіи и Россіи въ 1863 году, во время польскаго возстанія, была исходною точкой той нынѣшней политики обоихъ государствъ, которая, по поводу великихъ событій послѣднихъ лѣтъ, проявила свое могущество. Начиная отъ поведенія Россіи въ Шлезвигъ-Голштинскомъ вопросѣ и до важныхъ доказательствъ сочувствія, данныхъ императоромъ Александромъ Германіи въ продолженіе послѣдней войны, все содѣйствовало тому, что означенный союзъ сталъ крѣпче прежняго».

Еще опредѣленнѣе высказался въ томъ же смыслѣ самъ князь Бисмаркъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, повторившій многимъ изъ своихъ русскихъ друзей и знакомыхъ слѣдующія знаменательныя слова: *Если бы я могъ только допустить мысль, что стану когда-нибудь враждебно относиться къ императору и къ Россіи, то я почелъ бы себя измѣнникомъ.* (Si j'admettais seulement la pensée d'être jamais hostile à l'Empereur et à la Russie, je me considérerais comme un traître[2]).

---

[1]) *Neue Bilder aus der Petersburger Gesellschaft*: Fürst Bismarck in Petersburg, стр. 106.

[2]) Корреспонденція иногородняго обывателя изъ С.-Петербурга въ Московскія Вѣдомости, отъ 20 апрѣля (2 мая) 1873.

XII.

Австро-нѣмецкій союзъ.

Посредничество России между Германіею и Франціею въ 1875 году. — Политика Германіи въ восточномъ кризисѣ 1876—78 годовъ.—Свиданіе въ александровѣ.—Вѣнскій союзный договоръ.

Прошло два года со времени изложенныхъ въ предшедшей главѣ событій, и императоръ Александръ II могъ, въ проѣздъ свой чрезъ Берлинъ, убѣдиться, что слово его имѣетъ важное значеніе для императора Вильгельма. Благодаря вмѣшательству русскаго государя, Германія отказалась отъ намѣренія напасть на беззащитную Францію и разгромить ее въ конецъ. Но съ этого дня начинается постепенное ослабленіе тѣсныхъ узъ, такъ долго связывавшихъ кабинеты берлинскій и петербургскій. Отвѣтственный руководитель германской политики прямо заявилъ русскому канцлеру: «У васъ не будетъ повода поздравить себя съ тѣмъ, что вы сдѣлали, подвергнувъ опасности нашу дружбу изъ-за пустаго тщеславія. Говорю вамъ, впрочемъ, что я добрый другъ—съ друзьями и добрый врагъ—съ врагами». Князь Бисмаркъ смотрѣлъ на дѣло съ личной своей точки зрѣнія. Исторія же признаетъ, что, заступаясь за Францію, императоръ Александръ II былъ вѣренъ исконнымъ преданіямъ русской политики, всегда считавшей Францію необходимымъ противовѣсомъ средне-европейскимъ державамъ въ общей системѣ равновѣсія Европы.

Какъ бы то ни было, но съ 1875 года нѣмецкая дипломатія, направляемая канцлеромъ, стала ясно оказывать Австріи предпочтеніе предъ Россіею и, въ концѣ восточнаго кризиса 1876—78 годовъ, явно перешла на сторону первой. Припомнимъ, однако, что во время берлинскаго конгресса императоръ Вильгельмъ не могъ оказывать прямаго воздѣйствія на ходъ совѣщаній. Тяжелыя раны, нанесенныя ему выстрѣломъ Нобилинга, приковывали его къ одру болѣзни. Кто знаетъ, не былъ ли бы инымъ исходъ конгресса, если бы маститый императоръ оставался при отправленіи царственныхъ своихъ обязанностей?

На вѣроятность болѣе благопріятной для Россіи развязки указываетъ поведеніе его въ 1879 году, когда ясно стало, что

берлинскій кабинетъ поддерживаетъ на Востокѣ политику Австро-Венгріи въ ущербъ пользамъ и достоинству Россіи. Въ самомъ началѣ года русскій государственный канцлеръ объявилъ тройственный союзъ распавшимся и выразилъ мнѣніе, что Россіи остается надѣяться лишь на самое себя. Въ іюнѣ императоръ Александръ Николаевичъ отмѣнилъ возвѣщенную свою поѣздку въ Эмсъ, а въ августѣ писалъ императору Вильгельму: «Канцлеръ вашего величества забылъ обѣщанія 1870 года....».

Государь звалъ на свиданіе къ себѣ своего лучшаго друга. Императоръ Вильгельмъ не колеблясь послѣдовалъ этому зову. Монархи съѣхались въ Александровѣ, на русской территоріи, 22 августа (3 сентября).

Князь Бисмаркъ находился въ это время въ Гаштейнѣ, гдѣ всего за недѣлю до того, 14 (26) августа, посѣтилъ его австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Андраши. Раздраженіе его высказалось въ заявленіи «Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты», что фельдмаршалъ Мантейфель, посланный императоромъ въ Варшаву для привѣтствованія русскаго государя и тамъ условившійся о свиданіи монарховъ, ѣздилъ туда безъ предварительнаго уговора (Uebereinstimmung) съ имперскимъ канцлеромъ. Самъ Бисмаркъ 9 (21) сентября отправился въ Вѣну и тамъ договорился съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ о союзномъ австро-германскомъ трактатѣ, *прямо направленномъ противъ Россіи*. Важный этотъ актъ былъ заключенъ канцлеромъ на свой страхъ, не только безъ согласія, но и безъ вѣдома императора Вильгельма.

Договору предпослано вступленіе, въ которомъ договаривающіяся стороны изложили причины, побудившія ихъ связать себя взаимнымъ обязательствомъ. Такихъ причинъ приведено три. Во-первыхъ, императоры германскій и австрійскій провозглашаютъ своимъ непреложнымъ долгомъ заботиться постоянно о безопасности ихъ имперій и спокойствіи ихъ народовъ; во-вторыхъ, они находятъ, что цѣль эта будетъ легче и дѣйствительнѣе достигнута, если обѣ имперіи тѣсно сплотятся, подобно тому какъ онѣ были сплочены въ прежнемъ Германскомъ Союзѣ; наконецъ, въ-третьихъ, они выражаютъ мнѣніе, что тѣсное совокупное дѣйствіе Германіи и Австро-Венгріи не можетъ служить угрозой никому, а напротивъ послужитъ къ утвержденію мира Европы, созданнаго постановленіями Берлин-

скаго трактата. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній,—заключаетъ вступленіе,—императоры германскій и австрійскій, обѣщая торжественно другъ другу никогда и ни въ какомъ направленіи не придавать наступательнаго значенія ихъ чисто оборонительному договору, рѣшили заключить союзъ мира и взаимной защиты.

За вступленіемъ слѣдуютъ три статьи трактата, подписаннаго германскимъ посломъ въ Вѣнѣ княземъ Рейссомъ и австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Андраши. Приводимъ ихъ дословно:

«Ст. 1-я. Если бы, вопреки надеждѣ и искреннему желанію обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ, на одну изъ двухъ имперій совершено было *Россіею* нападеніе, то высокія договаривающіяся стороны обязаны оказывать другъ другу поддержку всѣми вооруженными силами своихъ имперій, и, слѣдовательно, не заключать мира иначе, какъ сообща и на одинаковыхъ условіяхъ.

«Ст. 2-я. Если бы на одну изъ высокихъ договаривающихся сторонъ совершила нападеніе какая-либо иная держава, то другая договаривающаяся сторона симъ обязуется не только не поддерживать державы, нападающей на ея высокаго союзника, но по меньшей мѣрѣ соблюдать нейтралитетъ дружественный по отношенію къ своему высокому союзнику. Если же, однако, въ семъ случаѣ, нападающая держава была бы поддержана *Россіею*, подъ видомъ либо дѣйствительнаго содѣйствія, либо военныхъ мѣръ, угрожающихъ державѣ, на которую совершено нападеніе, то обязательство взаимной помощи всѣми силами, установленное статьею 1-ою настоящаго договора, вступаетъ немедленно въ силу, и веденіе войны обѣими высокими договаривающимися сторонами остается общимъ до заключенія мира сообща.

«Ст. 3-я. Настоящій договоръ, въ виду его мирнаго значенія и дабы предотвратить всякое ложное толкованіе, будетъ сохраняться въ тайнѣ обѣими высокими договаривающимися сторонами и можетъ быть сообщенъ посторонней державѣ исключительно со взаимнаго согласія обѣихъ сторонъ и послѣ нарочитаго уговора по этому предмету. Во вниманіе къ чувствамъ, выраженнымъ *императоромъ Александромъ* при свиданіи въ Александровѣ, обѣ высокія договаривающіяся стороны питаютъ надежду, что вооруженія *Россіи* не окажутся въ дѣй-

ствительности угрожающими для нихъ и слѣдовательно у нихъ въ настоящую минуту нѣтъ никакой причины сдѣлать сообщеніе. Но въ случаѣ, если, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, надежда эта не оправдается, то обѣ договаривающіяся стороны почтутъ за долгъ чести по меньшей мѣрѣ предупредить довѣрительно *императора Александра*, что онѣ обязаны признать нападеніе на одну изъ нихъ за направленное противъ ихъ обѣихъ»[1]).

Текстъ австро-нѣмецкаго союзнаго договора не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, *что самъ онъ направленъ не противъ кого иного, какъ противъ Россіи и противъ ея одной.* О Франціи въ немъ даже и не упоминается. Любопытно освѣдомиться о тѣхъ симптомахъ, которые выдавались германскою дипломатіею за угрозы России, будто бы вызвавшія этотъ союзъ. Перечисляя ихъ, присяжный толкователь ученій имперскаго канцлера Морицъ Бушъ указываетъ на враждебныя Германіи статьи русскихъ газетъ и на передвиженіе русскихъ войскъ вдоль нашей западной границы, а также на выраженное русскимъ дворомъ неудовольствіе за явно пристрастный по отношенію къ Австро-Венгріи образъ дѣйствій Германіи въ восточныхъ дѣлахъ и за потворство берлинскаго двора притязаніямъ вѣнскаго при примѣненіи на мѣстѣ различныхъ постановленій берлинскаго трактата[2]). Онъ забываетъ при этомъ, что въ третьей статьѣ австро-нѣмецкаго договора признается, на основаніи заявленій самого русскаго императора, что такъ называемыя «вооруженія» Россіи не представляютъ опасности для союзниковъ, а мыслимо ли, чтобы столь важное рѣшеніе, какъ союзъ двухъ державъ противъ третьей, еще недавно состоявшей съ ними въ соглашеніи, могло быть вызвано нѣсколькими газетными статьями или даже упреками, выраженными къ тому же въ мягкой и осторожной до крайности дипломатической формѣ. *Въ сущности подписанный въ Вѣнѣ трактатъ запечатлѣлъ примиреніе двухъ вѣковыхъ соперницъ, Пруссіи и Австріи, и сплоченіе ихъ силъ противъ общаго сосѣда ихъ—Россіи.*

Въ этомъ смыслѣ договоръ находился въ прямомъ противорѣчіи съ увѣреніями въ неизмѣнной дружбѣ, коими оба императора только-что обмѣнялись въ Александровѣ. Императоръ

---

[1]) Австро-нѣмецкій союзный договоръ отъ 26 сентября (7 октября) 1879 года обнародованный въ Германскомъ Правительственномъ Указателѣ отъ 22 января (3 февраля) 1888 года.

[2]) Moritz Busch: *Unser Reichskanzler* II, стр. 195.

Вильгельмъ долго не рѣшался подписать его. Въ предвидѣніи этого князь Бисмаркъ изъ Вѣны поѣхалъ не въ Баденъ-Баденъ, гдѣ имѣлъ пребываніе императоръ, а прямо въ Берлинъ. Тамъ онъ предъявилъ трактатъ прусскому министерству и союзному совѣту, которые единогласно высказались за принятіе его. 27 сентября (9 октября) канцлеръ уѣхалъ изъ Берлина въ Варцинъ, пославъ въ Баденъ-Баденъ вице-канцлера графа Штольберга съ докладомъ къ императору и съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ отказа въ ратификаціи, канцлеръ рѣшился подать въ отставку. Въ свою очередь императоръ заявилъ намѣреніе скорѣе отречься отъ престола, чѣмъ подписать враждебный Россіи договоръ. Отступить отъ этого намѣренія заставили его лишь настоятельныя просьбы и убѣжденія королевскихъ принцевъ и ближайшихъ придворныхъ. 3 (15) октября императоръ Вильгельмъ послѣ долгихъ и мучительныхъ колебаній приложилъ свою подпись къ трактату.

Австро-нѣмецкій договоръ 1879 года опредѣлилъ безповоротно дальнѣйшее направленіе политики Германіи. Съ исторической точки зрѣнія онъ такимъ образомъ, является послѣднимъ словомъ того, что принято называть доселѣ *традиціонною и неразрывною дружбою*, которою въ продолженіе двухъ столѣтій не переставала яко-бы дарить Пруссія нашъ царственный домъ и Россію.

Цѣна 3 рубля.